U 400/155

АРХИВ
Верхние полки.
И 400/155
Г. 88

Николай Яковлевичъ

ГРОТЪ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ, ВОСПОМИНАНІЯХЪ И ПИСЬМАХЪ

ТОВАРИЩЕЙ И УЧЕНИКОВЪ, ДРУЗЕЙ И ПОЧИТАТЕЛЕЙ.

ОЧЕРКИ и ВОСПОМИНАНІЯ

гр. Л. Н. Толстого, Вл. С. Соловьева, О. А. Шебора, В. И. Шенрока, В. Н. Ивановскаго, Л. М. Лопатина, П. П. Соколова, Алексѣя И. Введенскаго, Ю. И. Айхенвальда, Э. Л. Радлова, Г. И. Челпанова, Д. В. Викторова, В. В. Розанова, Е. В. Спекторскаго.

ПИСЬМА

гр. Л. Н. Толстого, Н. Н. Страхова, А. Ѳ. Кони, Вл. С. Соловьева, кн. С. Н. Трубецкого, архіеп. Никанора и самого Н. Я. Грота.

33637

Съ приложеніемъ портретовъ и нѣсколькихъ біографическихъ и библіографическихъ матеріаловъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1911.

ЧИТАЛЬНЯ имени И. С. ТУРГЕНЕВА

Госуд[illegible]
орд[illegible]
ВИБ[illegible]
им. В. И. [illegible]
46929-46

2007097131

Въ прошломъ 1909 году (23 мая) исполнилось десятилѣтіе съ безвременной кончины русскаго философа, профессора Московскаго Университета, Николая Яковлевича Грота. Изданіе настоящаго сборника, посвященнаго статьямъ и воспоминаніямъ о немъ, задумано давно, но только нынѣ удалось его осуществить. Оно вызвано мыслью не только воздать должное дорогой памяти покойнаго, возстановивъ полнѣе и живѣе его нравственный образъ передъ русскимъ мыслящимъ обществомъ, духовнымъ интересамъ котораго онъ служилъ такъ страстно и самоотверженно, но и собрать воедино хоть нѣкоторый, до сихъ поръ разбросанный или еще неизданный матеріалъ для его цѣльной, болѣе подробной біографіи, столь имъ заслуженной.

Въ наше изданіе вошла бо́льшая часть того наиболѣе важнаго и существеннаго, что́ появилось въ печати о Н. Я. Гротѣ въ разное время [1]), а также нѣсколько только-что написанныхъ воспоминаній о немъ, между прочимъ близко знавшаго и любившаго его гр. Льва Николаевича Толстого. Затѣмъ, сюда присоединены небольшія собранія писемъ къ нему нѣсколькихъ крупныхъ русскихъ писателей и мыслителей (какъ живыхъ,

[1]) За исключеніемъ, однако, важныхъ, но слишкомъ обширныхъ статей о философіи Н. Я. Грота архіепископа Никанора, проф. П. П. Соколова („Философскій Скиталецъ“) и А. Никольскаго. Но этотъ пробѣлъ восполняется отчасти (для первыхъ двухъ) письмами покойнаго архипастыря къ Н. Я. и другой статьей П. П. Соколова, объединяющей все имъ ранѣе написанное о Н. Я.

такъ и покойныхъ) и нѣсколько собственныхъ его писемъ: всѣ они не менѣе живо обрисовываютъ образъ нашего философа, заключая вмѣстѣ съ тѣмъ не мало данныхъ къ его біографіи.

Наконецъ, рядомъ съ нѣсколькими, относящимися къ жизни и къ кончинѣ Николая Яковлевича, документами, здѣсь помѣщаются имѣющіеся въ моемъ распоряженіи библіографическіе матеріалы—какъ касающіеся его трудовъ, такъ и литературы о немъ и его дѣятельности, а также краткое извѣстіе объ оставшемся послѣ него рукописномъ наслѣдіи, чѣмъ я надѣюсь оказать нѣкоторую услугу спеціалистамъ-философамъ, а равно и будущему его біографу и редакторамъ уже начатаго изданія его сочиненій. Позволяю себѣ надѣяться, что настоящій сборникъ дастъ толчокъ продолженію этого, къ сожалѣнію, остановившагося на первомъ выпускѣ изданія.

Считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить здѣсь искреннюю благодарность всѣмъ друзьямъ и почитателямъ покойнаго, такъ или иначе содѣйствовавшимъ мнѣ въ осуществленіи мысли почтить его память этимъ способомъ.

К. Гротъ.

БІОГРАФІЯ.
ХАРАКТЕРИСТИКА И УЧЕНАЯ ОЦѢНКА.
ВОСПОМИНАНІЯ.

Николай Гротъ.

Изъ юношескихъ лѣтъ Н. Я. Грота.

Воспоминанія О. А. Шебора.

I.

Начало моего знакомства съ Н. Я. Гротомъ относится къ осени 1867 г. Въ концѣ августа этого года, на возвратномъ пути изъ Маріенбада въ Россію, родители Николая Яковлевича со всей семьей остановились на нѣсколько дней въ Прагѣ. Одною изъ причинъ остановки ихъ въ столицѣ Чехіи было пріисканіе здѣсь молодого, болѣе или менѣе знакомаго съ русскимъ языкомъ человѣка, который могъ бы, въ качествѣ домашняго учителя, проходить съ двумя ихъ сыновьями, бывшими до того въ частномъ училищѣ (д-ра Видемана), курсъ классической гимназіи и готовить ихъ по главнымъ предметамъ этого курса для поступленія въ старшіе классы казенной гимназіи. По рекомендаціи двухъ тогда молодыхъ еще ученыхъ-славистовъ, именно А. О. Патеры и О. И. Коларжа, изъ которыхъ послѣдній былъ раньше моимъ учителемъ въ гимназіи, выборъ палъ на меня, несмотря на то, что я лишенъ былъ возможности лично представиться тогда родителямъ моихъ будущихъ учениковъ. Недолго думая, я рѣшилъ воспользоваться лестнымъ для меня приглашеніемъ и представившейся мнѣ возможностью провести (какъ я полагалъ тогда) [1]) нѣкоторое время въ Россіи и,

[1]) О. А. Шеборъ, однакоже, остался совсѣмъ въ Россіи, которая стала его второй родиной. Въ 1868 г. онъ поступилъ въ С.-Петерб. университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1872 г. и посвятилъ себя учено-педагогическому поприщу. Онъ былъ много лѣтъ профессоромъ латинскаго языка и словесности въ Ист.-Филол. институтѣ и Спб-мъ университетѣ, пока по болѣзни не былъ вынужденъ выйти въ отставку. *Ред.*

посовѣтовавшись съ родителями, увѣдомилъ о своемъ рѣшеніи Якова Карловича Грота.

Среди приготовленій къ дальнему путешествію мною получено было отъ Якова Карловича длинное письмо, въ которомъ онъ весьма обстоятельно разъяснялъ мнѣ возлагавшіяся на меня обязанности и знакомилъ меня съ будущими моими учениками. Характеризуя своихъ сыновей, Я. К. писалъ между прочимъ: „Вы найдете въ нашихъ дѣтяхъ двухъ мальчиковъ, въ которыхъ еще очень много дѣтскаго, но которые за то и сохранили еще вполнѣ дѣтскую неиспорченность души... Что касается до познаній нашихъ мальчиковъ, то Вы, конечно, найдете ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ неудовлетворительными, если будете судить по западно-европейской мѣркѣ; зато въ другихъ частяхъ, можетъ быть, наши дѣти превзойдутъ Ваши ожиданія или по крайней мѣрѣ не покажутся Вамъ ниже уровня, соотвѣтствующаго обыкновеннымъ требованіямъ въ этомъ возрастѣ (15 и 14 лѣтъ). Заниматься они любятъ и, при хорошемъ руководствѣ, будутъ конечно заниматься хорошо“.

Вслѣдствіе случайной задержки моего заграничнаго паспорта въ русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, я могъ выѣхать изъ Праги лишь 11 (23)-го октября. По совѣту Якова Карловича я ѣхалъ на Берлинъ, гдѣ переночевалъ, а 14 (26)-го благополучно прибылъ въ Петербургъ. Нанятый мною извозчикъ скоро доставилъ меня вмѣстѣ съ моимъ небольшимъ багажомъ къ дому Сазонова по 1-й л. Васильевскаго острова [1]). Поднявшись во 2-й этажъ, я позвонилъ у двери съ надписью „Я. К. Гротъ“. Меня впустилъ лакей, и въ то время какъ я объяснялся съ нимъ и снималъ верхнее платье, одна изъ выходившихъ въ прихожую дверей пріотворилась: показалась курчавая головка, и два блестящихъ карихъ глаза съ любопытствомъ уставились на меня. Но дверь вдругъ распахнулась и ко мнѣ быстрой походкой подошелъ стройный, красивый лицомъ мальчикъ и, съ улыбкой протягивая мнѣ руку, скороговоркой и отрывисто произнесъ: „здравствуйте! вы, вѣрно, изъ Праги? нашъ будущій учитель? Мы давно васъ ждемъ. Папы нѣтъ еще, но онъ скоро долженъ быть. Мама и всѣ прочіе дома. Пойдемъ однако въ столовую! Я сейчасъ позову маму“. То былъ Николай Яковлевичъ, или „Коля“, какъ называли его въ семьѣ. Онъ произвелъ на меня сразу самое пріятное впечатлѣніе своимъ открытымъ и умнымъ выраже-

[1]) Въ этомъ домѣ, почти противъ церкви Св. Екатерины Великомученицы, нынѣ № 48, семья Гротовъ прожила 37 лѣтъ (1853—1890).

ніемъ лица, своей живостью и простотой обращенія. Въ столовой встрѣтила меня Наталья Петровна съ младшимъ сыномъ — Константиномъ Яковлевичемъ. Привѣтствовавъ меня самымъ радушнымъ и сердечнымъ образомъ и разспросивъ о совершенномъ мною длинномъ путешествіи, Н. П. познакомила меня съ младшимъ изъ моихъ будущихъ учениковъ и со своими тремя дочками.

Когда исчерпаны были обычныя при первыхъ встрѣчахъ темы разговора, Н. Я вызвался ознакомить меня съ расположеніемъ квартиры и водворить въ предназначенной для меня комнатѣ. Квартира Гротовъ расположена была въ двухъ этажахъ, соединенныхъ между собою двумя внутренними лѣстницами. Ознакомивъ меня съ нижней, бо́льшей половиной квартиры, Николай Яковлевичъ вмѣстѣ съ К. Я. повели меня „на верхъ“, гдѣ, кромѣ прихожей и уборной Якова Карловича, помѣщался его просторный, свѣтлый кабинетъ, весь уставленный книжными шкафами; далѣе большая, въ два окна, комната „мальчиковъ“, служившая намъ потомъ и классной, и смежная съ ней небольшихъ размѣровъ, но весьма уютная комната, предназначавшаяся для меня. Войдя со мной въ мою комнату, мои ученики вызвались помочь мнѣ разложиться и пристроить, гдѣ слѣдовало, мой скромный багажъ, состоявшій, кромѣ платья и бѣлья, изъ книгъ, главнымъ образомъ, изъ учебниковъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по тѣмъ предметамъ, которыми мнѣ предстояло заниматься съ моими учениками. Въ самый разгаръ этой работы, при которой Н. Я. оказался гораздо проворнѣе и практичнѣе меня, внизу раздался сильный, очевидно, знакомый моимъ помощникамъ звонокъ. Они бросились къ внутренней лѣстницѣ и затѣмъ вернулись въ мою комнату съ извѣстіемъ, что пришелъ Яковъ Карловичъ. Я немного смутился и оробѣлъ въ виду предстоявшей встрѣчи съ высокопоставленнымъ лицомъ, съ какими мнѣ до тѣхъ поръ не приходилось разговаривать. Но Яковъ Карловичъ обошелся со мною столь же просто и ласково, какъ и Наталья Петровна, и я пріободрился. За послѣдовавшимъ затѣмъ завтракомъ Я. К. весьма искусно и деликатно позондировалъ мои познанія, наводя разговоръ на древніе языки, на нѣмецкій языкъ и литературу, на исторію, наконецъ на чешскій языкъ, которымъ онъ занимался во время своего пребыванія въ Маріенбадѣ.

Въ этотъ день Гроты обѣдали не дома, и мнѣ было предоставлено—или итти обѣдать вмѣстѣ съ ними къ Над. Павл.

Семеновой (супругѣ брата Натальи Петровны—Николая Петровича Семенова, находившагося тогда за границей), или отобѣдать одному дома. Я предпочелъ послѣднее, такъ какъ чувствовалъ себя нѣсколько уставшимъ и, кромѣ того, желалъ скорѣе повидаться съ единственнымъ своимъ знакомымъ въ Петербургѣ, Миліемъ Алексѣевичемъ Балакиревымъ, съ которымъ я познакомился въ началѣ того же 1867 г. въ Прагѣ и съ тѣхъ поръ переписывался.

Балакиревъ жилъ тогда на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Бепардаки. На мой вопросъ, какъ пройти на Невскій проспектъ, Николай Яковлевичъ сейчасъ вызвался показать мнѣ дорогу туда. Онъ же оказалъ мнѣ въ этотъ день, по собственному почину, еще одну услугу. Въ виду начавшагося дождя онъ предложилъ зайти въ Андреевскій рынокъ за галошами для меня. Яковъ Карловичъ одобрилъ это предложеніе и похвалилъ Н. Я. за догадливость. Меня очень тронула такая заботливость обо мнѣ со стороны моего ученика, замѣтившаго, что я обутъ не по-петербургски и не по сезону.

Написавъ нѣсколько писемъ, я вошелъ въ классную съ цѣлью провести оставшееся до обѣда время съ моими учениками, потолковать съ ними о ихъ занятіяхъ и слегка провѣрить ихъ познанія. О послѣднихъ оба они отзывались съ большою скромностью, говоря, что много забыли за лѣто, жаловались на то, что по разнымъ причинамъ имъ приходилось часто пропускать уроки, и теперь—надо многое догонять, особенно по древнимъ языкамъ. Наша первая дѣловая бесѣда вскорѣ прервана была лакеемъ, звавшимъ меня обѣдать. Послѣ моего обѣда, при которомъ присутствовали Я. К. и оба мои ученика, мы вмѣстѣ вышли изъ дома: Гроты—къ Семеновымъ, я—къ Балакиреву.

Милія Алексѣевича я засталъ дома. Онъ былъ очень удивленъ моимъ внезапнымъ появленіемъ въ Петербургѣ, поздравилъ меня съ пріѣздомъ, угостилъ чаемъ и папиросами, много разспрашивалъ о Прагѣ, о тамошнихъ своихъ друзьяхъ, объ операхъ, продержалъ у себя до половины восьмого, просилъ навѣщать его почаще, а затѣмъ подвезъ на извозчикѣ до Адмиралтейской площади, откуда я пѣшкомъ направился домой.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія вернулись и Гроты. За чаемъ Я. К. и Н. П. разспрашивали меня о моемъ визитѣ у Балакирева, о пребываніи послѣдняго въ Прагѣ и о постановкѣ оперы Глинки на сценѣ Пражскаго, тогда еще очень скромнаго, чешскаго театра. Послѣ чая, отославъ дѣтей въ ихъ

комнаты, Я. К. и Н. П. пригласили меня поговорить о будущихъ моихъ занятіяхъ съ мальчиками. Яковъ Карловичъ, какъ опытный педагогъ, преподалъ мнѣ тогда рядъ наставленій, какъ обращаться съ моими учениками въ виду ихъ различныхъ темпераментовъ, способностей и наклонностей,—наставленій, которыя были для меня въ высшей степени полезны не только въ данномъ случаѣ, но и въ послѣдующей моей педагогической дѣятельности. Ученіе рѣшено было начать съ понедѣльника, 16-го октября. Поговоривъ объ общемъ ходѣ моихъ будущихъ занятій съ юношами, о числѣ уроковъ, необходимыхъ для отдѣльныхъ предметовъ, объ учебныхъ пособіяхъ, о заведенныхъ и строго соблюдаемыхъ въ домѣ порядкахъ, мы сообща составили расписаніе уроковъ на всю недѣлю и, пожелавъ другъ другу покойной ночи, разошлись. Попрощавшись затѣмъ съ милыми юношами, я удалился въ свою комнату, куда проводилъ меня П. Я., пожелавшій, какъ добрый и внимательный хозяинъ, убѣдиться, все ли у меня тамъ приготовлено и не нужно ли мнѣ еще чего-нибудь. Такъ прошелъ первый день, проведенный мною въ семьѣ Гротовъ.

II.

Спалъ я, помню, отлично, но проснулся рано, разбуженный раннимъ трезвономъ въ Екатерининской церкви. Не слыхавъ раньше трезвона, я даже нѣсколько переполошился и сталъ быстро одѣваться. Когда въ 7 ч. постучался ко мнѣ Я. К., будившій обыкновенно въ это время мальчиковъ, я давно былъ уже готовъ.

За завтракомъ Н. П. предложила моимъ ученикамъ воспользоваться свободнымъ временемъ и совершить до обѣда вмѣстѣ со мной большую прогулку съ цѣлью ознакомить меня съ городомъ, при чемъ намѣтила планъ этой прогулки и роль „cicerone“ возложила на Николая Яковлевича. Рѣшено было, однако, ограничиться Васильевскимъ островомъ. Н. Я. исполнилъ возложенную на него задачу отлично, показалъ мнѣ зданіе Академіи художествъ, Николаевскій мостъ, большіе мореходные корабли, какихъ я до тѣхъ поръ не видалъ, Морской корпусъ и др. По одной изъ дальнихъ линій мы затѣмъ вышли на Большой проспектъ и двинулись впередъ по направленію къ Гавани. Тутъ я отъ своихъ учениковъ узналъ много интересныхъ подробностей о повторяющихся въ Петербургѣ почти ежегодно осенью наводненіяхъ, ихъ причинахъ и пе-

чальныхъ послѣдствіяхъ. Начинало уже смеркаться, когда мы повернули домой.

Изъ этой прогулки, кромѣ желательнаго болѣе близкаго знакомства съ моими учениками и топографіей Вас. о-ва, я вынесъ также большую пользу по части русскаго языка. На мою просьбу во время нашихъ прогулокъ безпощадно поправлять меня въ русскомъ языкѣ откликнулись охотно оба мои ученика и поправляли меня усердно, а Н. Я. далъ мнѣ вдобавокъ на примѣрахъ нѣсколько указаній относительно произношенія *ы, лъ, ль, ръ* и *я, ю, ь* (послѣ согласныхъ), настолько удобопонятныхъ и фактически вѣрныхъ (въ этомъ я далъ себѣ отчетъ лишь впослѣдствіи), что я, слѣдя за собою и прилежно упражняясь, мало-по-малу сталъ произносить эти звуки сносно.

Вернулись мы домой къ самому обѣду. Послѣдній прошелъ весьма оживленно, какъ проходили у насъ и впослѣдствіи почти всѣ завтраки, обѣды и вечерніе чаи. Я. К. и Н. П. отличались умѣніемъ заводить за столомъ съ дѣтьми и поддерживать занимательныя бесѣды, часто поучительнаго характера, облекая ихъ нерѣдко въ шутливую форму. Послѣ обѣда около получаса отводилось обыкновенно играмъ, требовавшимъ движенія (quatre coins, кошки и мышки, прятки и т. п.), въ которыхъ принимала участіе вся семья, не исключая Я. К. и Н. П. Это доставляло всѣмъ полезный для здоровья и ободряющій моціонъ, а молодежи, кромѣ того, и большое удовольствіе. Затѣмъ, нѣкоторое время проводилось обыкновенно въ чтеніи вслухъ, большею частью, стиховъ (Державина, Жуковскаго, Пушкина, кн. Вяземскаго, Лермонтова, Тютчева, басенъ Крылова и др.). Я охотно принялъ тогда и принималъ послѣ участье какъ въ играхъ, такъ и въ чтеніи. Читали мы обыкновенно всѣ по очереди, за исключеніемъ младшихъ членовъ семьи. Я. К. и Н. П. давали намъ при этомъ нужныя объясненія. Для молодежи, въ томъ числѣ и для меня, эти чтенія были лучшей школой русскаго языка и литературы, и я до сихъ поръ съ удовольствіемъ и съ благодарностью вспоминаю о нихъ.

Послѣ игръ и чтенія всѣ въ бодромъ настроеніи расходились по своимъ комнатамъ и принимались за свои занятія, прерывавшіяся на непродолжительное время вечернимъ чаемъ. Ложиться спать полагалось вообще не позже 11 ч., и Я. К. строго слѣдилъ за соблюденіемъ этого правила. Передъ сномъ Я. К. имѣлъ обыкновеніе совершать небольшую прогулку по

1-й линіи и часто приглашалъ и меня съ мальчиками присоединиться. Мы дѣлали это охотно, когда уроки къ слѣдующему дню у насъ были приготовлены, а равно и въ предпраздничные дни. Вставать полагалось моимъ ученикамъ въ 7 ч. Будилъ ихъ обыкновенно Я. К., вставшій правильно въ 7-мъ часу и одѣвшійся наверху. Н. Я. подымался на первый же зовъ, сразу принимался за свой туалетъ, одѣвался быстро и, покончивъ съ одѣваніемъ, немедленно бралея за какое-нибудь дѣло. Замѣчу, что сонъ Н. Я. часто бывалъ неспокойный, и онъ много говорилъ во снѣ, притомъ связно и внятно, цѣлыми фразами, какъ на яву. Мнѣ нерѣдко приходилось вставать, будить его и успокаивать.

III.

Перехожу къ воспоминаніямъ о моихъ занятіяхъ съ обоими братьями вплоть до поступленія ихъ въ Ларинскую гимназію, т. е. до осени 1868 г. На меня возложена была обязанность готовить Н. Я—ча къ поступленію въ 5-й, а К. Я—ча въ 4-й классъ классической гимназіи, а именно, по обоимъ древнимъ языкамъ, по математикѣ, исторіи и географіи. Въ общемъ у насъ выходило отъ 5 до 6 уроковъ ежедневно; занимались мы по утрамъ отъ 8 до 11 ч., а затѣмъ отъ 2 до 4 (иногда до 5) час. пополудни, съ промежутками въ 15 мин. между отдѣльными уроками. Послѣдніе шли у насъ поочередно, такъ что во время урока одного изъ братьевъ другой исполнялъ какую-нибудь задачу или уходилъ на урокъ по тѣмъ предметамъ, которые не входили въ кругъ моихъ обязанностей, т. е. по Закону Божію, по русскому и французскому языкамъ и по музыкѣ, которою, впрочемъ, занимался правильно лишь Н. Я. (игра на скрипкѣ).

Ученики мои оказались весьма развитыми для своего возраста: Н. Я. даже, можно сказать, не по возрасту развитымъ,— весьма способными, любознательными и прилежными, такъ что заниматься съ ними было не трудно и пріятно. Темпераменты, однако, у нихъ были совершенно различные: К. Я. отличался нѣкоторою флегматичностью, Н. Я—ча, напротивъ, надо было скорѣе нѣсколько пріостанавливать въ его порывахъ впередъ и заставлять сосредоточиваться и углубляться. На урокахъ Н. Я. неудержимо стремился впередъ, любилъ самъ задавать вопросы, предвосхищая ихъ у преподавателя, часто прерывалъ объясненія на половинѣ—словами

„понимаю, понимаю“ и большею частью дѣйствительно понималъ съ полуслова. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, онъ какъ-бы на лету и безъ всякихъ видимыхъ усилій расширялъ кругъ своихъ познаній. Древними языками оба занимались охотно, какъ и другими предметами. Съ древнихъ языковъ на русскій Н. Я. переводилъ всегда очень бойко и гладко, схватывая нерѣдко смыслъ читаемаго текста болѣе по общему ходу мыслей, чѣмъ на основаніи детальнаго разбора словъ автора. Необходимыхъ въ такихъ случаяхъ остановокъ и разборовъ онъ не долюбливалъ, но въ концѣ концовъ убѣждался въ ихъ необходимости и пользѣ. Изъ прочихъ предметовъ Н. Я. склонялся болѣе къ математикѣ и трудныя задачи любилъ рѣшать самостоятельно безъ посторонней помощи, не унывая, когда рѣшеніе давалось нескоро.

Къ литературнымъ опытамъ на русскомъ языкѣ въ прозѣ и стихахъ оба рано обнаруживали большую склонность. Большія способности и охота у обоихъ была къ рисованію. Н. Я—чу, кромѣ пейзажей, особенно удавались жанровые наброски изъ русской жизни. Путешествуя впослѣдствіи (1875 г.) по стопамъ Гротовъ (1873 г.) въ Швеціи и Норвегіи, я почти на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ, пароходныхъ пристаняхъ и въ гостинницахъ находилъ знакомые мнѣ наброски русскихъ троекъ, крестьянъ, деревенскихъ дѣвушекъ и т. д. съ соотвѣтственными пояснительными надписями на англійскомъ языкѣ и за подписью N. G. Это дарованіе, унаслѣдованное ими отъ матери, раздѣляла съ ними одна изъ сестеръ — Наталья Яковлевна. Н. Я. обнаруживалъ большія способности и весьма успѣшно занимался игрою на скрипкѣ у артиста оркестра Маріинскаго театра—Вейкмана, который съ большою похвалой отзывался объ его дарованіи. Вообще въ его натурѣ, какъ и въ наружности, было много артистическаго: недаромъ онъ впослѣдствіи одно время философію сближалъ съ искусствомъ.

Кромѣ умственнаго развитія, Я. К. и Н. П. много заботились и о физическомъ развитіи своихъ сыновей и дѣтей своихъ вообще. У нихъ были уроки гимнастики, танцевъ, наконецъ мальчики разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ) занимались то переплетнымъ, то столярнымъ мастерствомъ подъ руководствомъ переплетчика и столяра.

Такъ протекала наша жизнь при строгомъ, но не угнетающемъ режимѣ, царившемъ въ семьѣ Гротовъ. Предоставленнымъ намъ для отдыха временемъ (отъ 11 ч. утра до часа

пополудни) мы пользовались для длинныхъ прогулокъ во всякую погоду; зимою для катанья на конькахъ. По воскресеньямъ послѣ обѣдни мы обыкновенно отправлялись къ М. А. Балакиреву, который очень полюбилъ моихъ учениковъ и усердно угощалъ насъ чаемъ, московскими калачами и сайками. Я. К. и Н. П. не отказывали намъ обыкновенно и въ другихъ развлеченіяхъ, водя насъ время отъ времени въ театръ и устраивая у себя танцовальные вечера или позволяя намъ бывать на таковыхъ въ другихъ родственныхъ и знакомыхъ домахъ. Н. Я. очень любилъ танцы и танцовалъ отлично и съ увлеченіемъ.

Весьма благотворно вліяли на умственное развитіе моихъ учениковъ (особенно впослѣдствіи, когда они были въ гимназіи и въ университетѣ) еженедѣльные „журфиксы“ у Гротовъ, на которые собирались сливки тогдашняго петербургскаго ученаго и литературнаго общества (Срезневскій, Пекарскій, Устряловъ, В. В. Григорьевъ, К. А. Коссовичъ, Чебышевъ, Савичъ, Сухомлиновъ, Бычковъ, Вельяминовъ-Зерновъ, П. П. и П. П. Семеновы (братья Натальи Петровны), К. К. Гротъ, В. П. Ламанскій, Бестужевъ-Рюминъ, Н. Я. Данилевскій, Т. П. Филипповъ, Кавелинъ, Заблоцкій-Десятовскій, А. Н. Майковъ, Полонскій, М. П. Лонгиновъ, Шейнъ, Кепевичъ и мн. др.). Мы благоговѣйно прислушивались къ бесѣдамъ этихъ почтенныхъ лицъ и не одно доброе сѣмечко, безъ сомнѣнія, западало тогда въ воспріимчивыя души моихъ учениковъ и впослѣдствіи дало плоды.

Близко мы сошлись тогда съ добрѣйшимъ К. А. Коссовичемъ, страстнымъ любителемъ птицъ, которыхъ онъ держалъ въ большомъ количествѣ на волѣ въ особой комнатѣ, а представителей нѣкоторыхъ болѣе рѣдкихъ видовъ (экзотическихъ) въ просторныхъ клѣткахъ въ своемъ кабинетѣ. Для меня, тоже большого любителя птицъ, знакомство съ К. А. было настоящей находкой: отъ него я постепенно узналъ русскую номенклатуру птицъ, которая мнѣ тогда была большею частью незнакома; между тѣмъ я въ ней очень нуждался, такъ какъ мнѣ предстояло лѣтомъ пройти по желанію Я. К. и Н. П., съ моими учениками курсъ естественной исторіи (ботаники и зоологіи). Мы часто навѣщали Каетана Андреевича и въ продѣланное въ двери птичьей комнаты окошечко подолгу наблюдали жизнь его любимцевъ.

Въ концѣ декабря наступилъ болѣе продолжительный перерывъ въ нашихъ занятіяхъ, и мы занялись устройствомъ и

убранствомъ огромной ёлки. Первую роль при этомъ игралъ находчивый, расторопный и проворный Н. Я. Елка вышла у насъ на славу и доставила большое удовольствіе не только сестрицамъ моихъ учениковъ [1]) и ихъ подругамъ, но и взрослымъ. Елка простояла у насъ до Новаго года и зажигалась нѣсколько разъ; затѣмъ, предварительно очистивъ ее тщательно отъ воска, мы собственноручно отнесли ее къ К. А. Коссовичу въ подарокъ его пернатымъ любимцамъ, чѣмъ доставили ему и имъ огромное удовольствіе.

Тѣмъ закончились для насъ веселые рождественскіе праздники и мы снова бодро принялись за свои обычныя занятія, прерванныя затѣмъ дня на три масляницей, о которой и о связанныхъ съ ней удовольствіяхъ, въ родѣ блиновъ, балагановъ и катанья на „чухонцахъ“, задолго до ея появленія много разсказывали мнѣ во время нашихъ прогулокъ мои ученики. Пришла, наконецъ, и миновала масляница, насталъ великій постъ, пришелъ мартъ мѣсяцъ, дни замѣтно удлинялись и въ воздухѣ повѣяло весною. Сталъ спѣгъ, вскрылась Нева, прошелъ ледъ; насъ начало тянуть въ природу, и мы въ хорошую погоду все чаще и чаще устремлялись на Петровскій, а мало-по-малу и на другіе острова, гдѣ наблюдали постепенное пробужденіе природы, слѣдя за прилетомъ и пролетомъ птицъ, появленіемъ разныхъ насѣкомыхъ и начинавшимся оживленіемъ въ царствѣ растеній. Къ Пасхѣ на улицахъ появились разносчики, звонко выкрикивавшіе „птички пѣвчія“, и мы немедленно обзавелись нѣсколькими изъ первыхъ пернатыхъ предвѣстниковъ новой жизни въ природѣ. Вскорѣ моя комната съ ранняго утра до вечера оглашалась ихъ веселымъ пѣніемъ.

Тогда К. А. Коссовичъ обратилъ наше вниманіе на „Щукинъ дворъ“, ставшій съ тѣхъ поръ почти неизмѣнной цѣлью нашихъ воскресныхъ прогулокъ и источникомъ обогащенія нашихъ орнитологическихъ познаній. Въ маѣ постепенно сталъ заполняться тогдашній Биржевой скверъ пріѣзжими торговцами-нѣмцами, привозившими, кромѣ массъ „гарцскихъ“ канареекъ и „датскихъ“ (по остроумному объясненію Л. К., собственно „данцскихъ“, т. е. данцигскихъ) жаворонковъ, множество разнообразнѣйшихъ экзотическихъ птицъ... Сюда мы теперь устремлялись почти ежедневно послѣ нашихъ утреннихъ занятій. Добродушные нѣмцы охотно давали намъ

[1]) Старшей, Маріи († 1872), было 9 лѣтъ; самая младшая была еще у няни.

объясненія относительно родины и названій отдѣльныхъ видовъ этихъ птицъ, а также ухода за ними. несмотря на то, что мы, въ виду высокихъ цѣнъ на ихъ товаръ, ничего не покупали.

IV.

Приближалось время экзаменовъ. Въ половинѣ мая Я. К., побывавъ въ Ларинской гимназіи и переговоривъ съ тогдашнимъ ея директоромъ П. О. Кнорринговъ, сообщилъ намъ расписаніе и сроки предстоявшихъ моимъ ученикамъ испытаній. Пришлось измѣнить обычный ходъ нашихъ занятій и приступить къ спеціальной подготовкѣ къ экзаменамъ по отдѣльнымъ предметамъ, сообразно съ назначенными для нихъ сроками. Прежняя спокойная работа смѣнилась болѣе спѣшной и тревожной. По древнимъ языкамъ нужно было заняться повтореніемъ грамматики и частыми письменными упражненіями въ переводахъ на эти языки, по математикѣ—рѣшеніемъ возможно бо́льшаго числа задачъ, по исторіи—повтореніемъ прежде пройденнаго и составленіемъ конспектовъ. Н. Я. сталъ очень серьёзнымъ и озабоченнымъ: самъ предлагалъ повторить то или другое, переводить ex abrupto съ латинскаго и греческаго, въ свободное время рѣшалъ задачи и не давалъ себѣ покоя даже во время прогулокъ, постоянно возвращался къ провѣркѣ своихъ познаній по тому или другому предмету.

Подошли, наконецъ, и экзамены и сходили гладко, по нѣкоторымъ предметамъ, напр., по исторіи даже настолько хорошо, что экзаменовавшій Гротовъ преподаватель поинтересовался узнать, по какому учебнику они проходили этотъ предметъ. Не вполнѣ гладко сошелъ для Н. Я., вопреки ожиданію, устный экзаменъ по греческому языку у П. А. Коссовича. Впослѣдствіи это объяснилось какимъ-то недоразумѣніемъ (такъ говорилъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, К. А. Коссовичъ); по моему же мнѣнію, настоящая причина заключалась въ томъ, что мои ученики проходили со мной грамматику греческаго языка по Курціусу, бывшему тогда не въ фаворѣ у нѣкоторыхъ филологовъ, особенно болѣе старой школы. Какъ бы тамъ ни было, Н. Я. былъ сильно огорченъ этой маленькой неудачей, но, по своему обыкновенію, вины ни на кого не сваливалъ. Ему, впрочемъ, вскорѣ досталось полное удовлетвореніе: на первомъ же урокѣ послѣ каникулъ у П. А. Коссовича за письменный переводъ на греческій языкъ онъ одинъ изъ всѣхъ учениковъ получилъ высшій балъ, такъ какъ перевелъ чуть-ли

не безъ ошибки, несмотря на то, что въ каникулярное время мы древними языками занимались сравнительно немного. Затѣмъ, въ бытность свою ученикомъ гимназіи, онъ по обоимъ древнимъ языкамъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ учениковъ и принадлежалъ къ числу любимцевъ И. А. Косовича, котораго онъ въ свою очередь очень любилъ и уважалъ.

Наталья Петровна, не дождавшись окончанія затянувшихся до конца учебнаго года нашихъ экзаменовъ, уѣхала съ дочками, двумя недѣлями раньше Якова Карловича и насъ, въ деревню (Красную Слободку, Рязанской губ., Дапк. у.), желая дать имъ возможность дольше пробыть на волѣ въ деревнѣ и, кромѣ того, приготовить тамъ все къ нашему пріѣзду. Несмотря на страдную пору, мы по воскресеньямъ и въ болѣе свободные дни выѣзжали съ Я. К. въ окрестности Петербурга и побывали, такимъ образомъ, въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Петергофѣ и Стрѣльнѣ, навѣщая жившихъ тамъ на дачахъ родственниковъ и знакомыхъ семьи Гротовъ. Всѣ эти мѣста были хорошо знакомы моимъ ученикамъ, и они показывали мнѣ ихъ достопримѣчательности, давая нужныя объясненія. Но вотъ экзамены благополучно кончились и наступила и для насъ, наконецъ, пора отъѣзда въ деревню.

V.

Мои ученики въ столь привлекательныхъ краскахъ описывали мнѣ „Красную Слободку“ и привольную жизнь въ ней, что я съ не меньшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ они, стремился въ путь, тѣмъ болѣе, что намъ предстояла четырехдневная остановка въ Москвѣ и возможность обозрѣть ея достопримѣчательности. До сихъ поръ живо помню и представляю себѣ чудную картину, которая съ площадки вагона открылась нашимъ взорамъ, когда мы подъѣзжали къ Бѣлокаменной. Всѣ достопримѣчательности Москвы, а также Троице-Сергіевскую Лавру мы осмотрѣли вмѣстѣ съ Я. К., дававшимъ намъ самыя подробныя объясненія. Побывали мы также у нѣкоторыхъ знаменитостей Москвы, а именно у В. И. Даля, М. П. Погодина, П. И. Бартенева (на дачѣ) и М. Н. Каткова, при чемъ Я. К. предварительно ознакомлялъ насъ съ дѣятельностью и значеніемъ этихъ лицъ. Все видѣнное въ Москвѣ и ея окрестностяхъ произвело на моихъ учениковъ, да и на меня сильное впечатлѣніе, и мы всю дорогу отъ Москвы до Ряжска только объ этомъ и говорили.

Вотъ мы наконецъ и въ Ряжскѣ. И дожидавшаяся насъ на станціи тройка съ улыбающимся во весь ротъ кучеромъ Степаномъ на козлахъ сразу привлекли все вниманіе юношей къ Красной Слободкѣ. „Здорова ли мама?“ — „Здоровы ли сестры?“—и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, обращенныхъ къ Степану, показывали, чѣмъ въ настоящую минуту заняты были ихъ умы и мысли. Провозившись немного около лошадей и подводы съ нашими вещами, мы наконецъ усѣлись, коляска тронулась съ мѣста, колокольчикъ зазвенѣлъ и мы покатили по гладкой дорогѣ къ конечной цѣли нашего путешествія.

Былъ чудный, солнечный лѣтній день, въ воздухѣ стояло благоуханіе полей и жаворонки такъ и заливались, унося все выше да выше въ прозрачную лазурь небосвода. Сначала мы всѣ молчали, погруженные въ созерцаніе окружавшей насъ благодати. Но мало-по-малу языки развязались и почти четырехчасовой переѣздъ съ непродолжительной остановкой у водопоя въ Малиновой Рощѣ совершенъ былъ нами безъ скуки и безъ утомленія. При проѣздѣ черезъ деревни всегда веселый, несмотря на свою серьёзность, Я. К. смѣшилъ насъ, обращая въ безумное бѣгство набрасывавшихся на насъ съ громкимъ лаемъ собакъ сниманіемъ передъ ними шляпы и отвѣшиваніемъ имъ глубокихъ поклоновъ. Но вотъ и Красная Слободка! Степанъ ухарски въѣзжаетъ въ открытыя настежь ворота и, торжественно проѣхавъ по кругу, ловко останавливаетъ вспотѣвшую тройку у крыльца, на которомъ ждала насъ уже Н. П. съ дочками и всѣми домочадцами.

O qui complexus et gaudia quanta fuerunt!

Послѣ первыхъ привѣтствій и разспросовъ мы, новоприбывшіе, разошлись по приготовленнымъ для насъ комнатамъ. Я занялъ большую горницу во флигелѣ, съ окнами vis à vis окнамъ моихъ учениковъ, помѣстившихся въ „домѣ“. Изъ моихъ окошекъ открывался чудный видъ на протекавшую подъ горою рѣчку Ранову и на живописныя окрестности Красной Слободки. Не успѣлъ я переодѣться и пристроить привезенныхъ изъ Петербурга и Москвы птичекъ, какъ явились ко мнѣ мои милые ученики звать меня къ раннему обѣду. Послѣ обѣда они повели меня осматривать усадьбу. Осмотрѣвъ послѣднюю, мы отправились въ ближайшую рощу отыскивать муравейники. Наши поиски вскорѣ увѣнчались успѣхомъ: мы нашли большой муравейникъ и на слѣдующій же день, пользуясь солнечной погодой, приступили къ добыванію изъ него

муравьиныхъ личинокъ для корма нашимъ птицамъ. Эта интересная работа, къ которой приходилось возвращаться часто, а равно и мои объясненія устройства муравейника и жизни въ немъ муравьевъ, очень занимали моихъ учениковъ, въ особенности старшаго, Н. Я., отличавшагося большою наблюдательностью и способностью производить наблюденія и опыты. Это былъ нашъ первый формальный урокъ по естествознанію. Затѣмъ, мы все лѣто, большею частью, на вольномъ воздухѣ, систематически занимались ботаникой, зоологіей (гл. обр., орнитологіей), а немного и энтомологіей. Біологическіе вопросы очень заинтересовали Н. Я—ча и продолжали интересовать его и впослѣдствіи.

Принудительныхъ занятій у насъ лѣтомъ почти не было: по утрамъ мы немного занимались древними языками и математикой, болѣе съ цѣлью упроченія уже пріобрѣтенныхъ, чѣмъ пріобрѣтенія новыхъ знаній. Заботы Я. К—ча и Н. П—ны направлены были въ деревнѣ, главнымъ образомъ, къ физическому развитію и укрѣпленію здоровья дѣтей. Съ этою цѣлью мы предпринимали дальнія прогулки пѣшкомъ, купались и плавали въ рѣкѣ, помогали прокладывать дорожки въ саду, во время уборки хлѣбовъ помогали въ полѣ, а главное—много катались верхомъ, нерѣдко въ обществѣ старшихъ. Н. Я. очень любилъ верховую ѣзду, крѣпко сидѣлъ въ сѣдлѣ и на своей ретивой казацкой лошадкѣ „Ласточкѣ“ гарцовалъ настоящимъ казакомъ. Въ свободное время и въ дурную погоду юноши предавались чтенію и рисованію; Н. Я., кромѣ того, и игрѣ на скрипкѣ.

Привольная жизнь, деревенскій воздухъ и здоровый климатъ Красной Слободки благотворно дѣйствовали на всѣхъ насъ, и мы замѣтно поправились. Но лѣто быстро пролетѣло и наши каникулы пришли къ концу. Въ первой половинѣ августа намъ, т. е. Я. К—чу, обоимъ гимназистамъ и мнѣ надо было разстаться съ Красной Слободкой и спѣшить въ Петербургъ, куда мы и прибыли къ началу учебнаго года.

VI.

Мои ученики начали ходить въ Ларинскую гимназію, а я поступилъ въ Университетъ на историко-филологическій факультетъ. Я. К. и Н. П. любезно предложили мнѣ оставаться у нихъ въ качествѣ репетитора при моихъ милыхъ гимназистахъ и учителя двухъ старшихъ дочекъ, на что я охотно

согласился. Репетиторство при Николаѣ и Константинѣ Яковлевичахъ было для меня настоящей синекурой, такъ какъ они рѣдко обращались къ моей помощи, любя и будучи въ состояніи работать самостоятельно. Иногда приходилось тому или другому помочь разобрать какое-нибудь трудное мѣсто въ греческомъ или латинскомъ авторѣ, помочь въ переводѣ на латинскій или греческій языкъ, или разъяснить какую-нибудь трудную задачу по математикѣ. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ и правильному образу жизни, они проходили весьма нелегкій тогда гимназическій курсъ безъ всякихъ затрудненій и безъ малѣйшаго слѣда переутомленія, и оба окончили его, идя все время въ числѣ первыхъ учениковъ, съ золотою медалью.

Отличаясь весьма общительнымъ характеромъ, Н. Я. въ гимназіи скоро близко сошелся съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей. Говоря объ нихъ дома, онъ всегда выставлялъ на видъ ихъ способности и успѣхи безъ малѣйшей тѣни зависти, несмотря на сильно развитое въ немъ самолюбіе и стремленіе не только не отставать отъ другихъ, но даже опережать ихъ. Этимъ качествомъ (альтруизмомъ) онъ отличался и впослѣдствіи, будучи студентомъ, чѣмъ и снискивалъ себѣ искреннее расположеніе своихъ товарищей. Это была одна изъ самыхъ симпатичныхъ чертъ его характера, равно какъ и его всегдашняя готовность, вѣрнѣе—стремленіе помочь нуждавшемуся въ помощи.

Я оставался въ семьѣ Гротовъ до начала 1870 г. и лѣто 1869 г. проводилъ съ ними опять въ Красной Слободкѣ. Въ это лѣто мы, по желанію Якова Карловича и Натальи Петровны, усиленно занимались нѣмецкой литературой и, между прочимъ, прочитали всѣ драматическія произведенія Шиллера. Въ этихъ чтеніяхъ (вслухъ) принимали дѣятельное участіе Я. К. и Н. П. Почитывали мы, по желанію и при участіи Якова Карловича, тоже кое-что изъ чешской литературы, но къ изученію славянскихъ нарѣчій Н. Я. не обнаруживалъ особенной охоты. Тогда завелась у насъ и воскресная школа для деревенскихъ мальчиковъ и обученіе ихъ ариѳметикѣ поручено было Николаю Яковлевичу.

Въ Петербургъ мы въ половинѣ августа вернулись вмѣстѣ съ Я. К., но въ началѣ сентября онъ снова уѣхалъ въ Красную Слободку, а мы съ юношами оставались въ городѣ одни. Н. П. очень безпокоилась и нѣсколько разъ обращалась ко мнѣ съ письмами, прося беречь юношей. „Я не сомнѣваюсь“, пишетъ Н. П. въ одномъ изъ этихъ писемъ,

„что Вы изъ привязанности къ намъ будете беречь и окружать Вашей заботливостью нашихъ мальчиковъ въ разлукѣ съ нами. Но все-таки хочу хоть нѣсколькими словами поручить ихъ Вашему добрѣйшему сердцу и напомнить Вамъ, что Ваши попеченія о нихъ будутъ доказательствомъ, что Вы, несмотря на свою молодость, умѣете входить въ положеніе другихъ. Этимъ Вы очень успокоите меня и Якова Карловича, которые все это время будутъ думать о Васъ всѣхъ".

Разстался я съ домомъ Гротовъ въ началѣ 1870 г., поселившись въ меблированной комнатѣ въ 1-й же линіи, по близости отъ Гротовъ. Бывалъ же я у нихъ ежедневно, давая уроки барышнямъ и оставаясь обѣдать, а нерѣдко и къ вечернему чаю. Лѣто 1870-го и 71-го гг. я проводилъ въ Тульской губерніи, въ имѣніи К. Д. Кавелина — Ивановѣ, занимаясь древними языками и славянскими нарѣчіями (гл. обр., чешскимъ и польскимъ) съ дочерью К. Д—ча, Софьей Константиновной. Тогда же началась моя переписка съ моими бывшими ученицами и ученицами, продолжающаяся съ тѣми изъ нихъ, кто остались въ живыхъ, до сихъ поръ. Наши отношенія съ Н. Я. и К. Я. къ этому времени сдѣлались чисто товарищескими и дружескими, что́ было не особенно трудно, такъ какъ я былъ всего на четыре года старше Николая Яковлевича и по образованію опередилъ его лишь на три года. Въ университетѣ мы были одинъ годъ формальными товарищами.

VII.

Студенческіе годы и вся послѣдующая жизнь и дѣятельность Николая Яковлевича изображены въ этомъ сборникѣ столь полно, вѣрно, сердечно и талантливо его товарищами, друзьями, слушателями и почитателями, что я въ своихъ воспоминаніяхъ о моемъ дорогомъ и незабвенномъ ученикѣ и другѣ остановлюсь на 1871 году, когда онъ поступилъ въ университетъ, и закончу ихъ нѣсколькими характерными выдержками изъ относящихся къ этому времени его писемъ ко мнѣ.

Красная Слободка, 21-го іюня 1871 г.

Надежды мои, дорогой О. А., осуществились: экзамены [1]) кончились отлично. Менѣе пяти я не получилъ и за это полу-

[1]) Т. е. экзамены зрѣлости.

чилъ золотую медаль и очень пріятный для глазъ аттестатъ. Но зато я и поработалъ, и послѣ послѣдняго экзамена ощущалъ это; теперь въ деревнѣ я, однако, отдохнулъ въ два дня, такъ что ужъ почти не помню своихъ прежнихъ тревогъ. На экзаменахъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нѣкоторыми изъ Вашихъ профессоровъ и съ нѣкоторыми даже поговорить: на греч. экз. присутствовалъ Деступисъ, съ которымъ я бесѣдовалъ при переводѣ Оукидида; на русск. экз. присутствовалъ Ламанскій, которому я излагалъ разборъ „Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ“; на латинскій пріѣзжалъ Коссовичъ и Благовѣщенскій. Послѣдній заставилъ меня переводить новую для меня эпистолу Горація и остался, какъ кажется, доволенъ: по крайней мѣрѣ поставилъ 5...

Скоро намѣрены мы начать длинныя прогулки съ сосѣдями. Надѣюсь, что въ концѣ лѣта, согласно обѣщанію, и Вы примете въ нихъ участье, такъ какъ всѣ мы ждемъ Васъ къ 1-му августа: теперь пристроена новая большая комната, и потому мѣста много, и церемониться Вамъ не слѣдуетъ. Однако Степанъ уже подалъ лошадей, и всѣ садятся. До свиданія, пишите и не забывайте своихъ старыхъ друзей. Сколько у насъ птицъ это лѣто: и онѣ вѣдь Ваши друзья!

Будьте здоровы и увѣрены въ искренности бывшаго ученика и, благодаря Вамъ, будущаго товарища, преданнаго Вамъ друга . . . . . .

Н. Грота.

Красная Слободка, 12-го іюля, 9½ ч. утра.

Уже болѣе недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ письмо Ваше, дорогой О. А., но отвѣчать не могъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, между прочимъ, я нѣсколько дней лежалъ въ постели и не могъ писать, потому что сильно обрѣзалъ въ рѣкѣ пятку лѣвой ноги; къ тому же сельскія удовольствія тоже отнимаютъ много времени... Въ субботу цѣлый день обклеивали обоями переднюю, изъ которой дверь во вновь построенную комнату. Перемѣнъ у насъ вообще этотъ годъ очень много, и я очень былъ бы радъ, если бы Вы пріѣхали къ намъ возобновить старыя воспоминанія. Всѣ мы твердо надѣемся увидѣть Васъ около 1-го августа у себя и

какую мы зададимъ кавалькаду: Вы, Митя [1]). Родольфъ [2]), Костя и я! Отлично бы такимъ образомъ куда-нибудь съѣздить. ... 12-го авг. мы ѣдемъ въ Петербургъ: папа остается до 1-го сент. и если Вы не пріѣдете, то намъ придется ѣхать вдвоемъ съ Костей... Въ Петербургѣ мнѣ предстоятъ повѣрочные экзамены. Мнѣ бы очень хотѣлось поговорить о нихъ съ Вами, а если, чего впрочемъ я не предполагаю, Вы не пріѣдете къ намъ, то прошу Васъ, напишите мнѣ о нихъ слѣдующее: 1) когда они начнутся, 2) изъ какихъ предметовъ будутъ, 3) какіе будутъ экзаменаторы, 4) сколь строги эти экзамены, 5) на что напирать преимущественно каждый изъ профессоровъ въ своемъ предметѣ.

Однако пора отвѣтить на Ваши вопросы: сестры ничего почти не дѣлаютъ, какъ по причинѣ жаровъ, такъ и потому, что некому ихъ учить: я учу теперь усердно ариѳметикѣ одного мальчика—сына столяра, котораго надо приготовить къ 1-му авг. въ Самарскую учительскую школу и который еще очень слабъ въ этомъ предметѣ...

До свиданія, л. О. А., надѣюсь, что надежды увидѣть Васъ здѣсь скоро осуществятся. Прощайте, жду отвѣта. Костя. Ваши ученицы, мама, папа и краснослободскія птицы кланяются Вамъ и первые скоро сами напишутъ Вамъ.

Искренно преданный Вамъ

Н. Гротъ.

Красная Слободка, 6-го августа (того-же года.)

Письмо Ваше, дорогой О. А.. получилъ я только 4 августа и спѣшу на него отвѣтить, хотя не думаю, чтобъ письмо мое застало Васъ въ Ивановѣ. Я забылъ сказать Вамъ, что это лѣто и письма и газеты мы получаемъ и отправляемъ черезъ Рязекъ, и только Ваши письма получаемъ изъ Раненбурга. ...Благодарю Васъ за свѣдѣнія объ экзаменахъ; только не опоздаю ли я съ прошеніемъ: оно принимается до 15 авг., а я буду еще только 15-го въ Петербургѣ. Ѣдемъ мы съ Костей

[1]) Дмитрій Петровичъ Семеновъ, сынъ П. П. Семенова Тянъ-Шанскаго.
[2]) Ивано́вичъ, Р. Х., сербъ изъ Далмаціи, принятый какъ родной въ домѣ Семеновыхъ, нынѣ ген-м., ком. артил. бригады.

одни—вдвоемъ. Мама же, папа и остальная компанія—къ 1-му сентября...

Веселились мы порядочно: 25-го была большая иллюминація съ фейерверкомъ, который мы сами устроили. Часто всѣ у насъ сходятся, чтобы играть въ кегли въ пользу Урусовской школы. Школа все увеличивается, и теперь уже нанятъ для нея настоящій учитель... Недавно всѣ мы были на пикникѣ въ Зеркалахъ, и очень всѣ веселились.

Занимаюсь я мало: только немного читаю, рисую, да пишу письма (я отправилъ ужъ ихъ 12). Дмитрія Степановича всѣ очень жалѣли. Какъ странно: отъ 15 до 25 іюля умерло 3 Протопоповыхъ! Въ Петербургѣ очень будемъ скучать: никого тамъ нѣтъ, ни даже Плетневыхъ. Вся надежда на Васъ!

....Въ субботу мы ѣздили за 30 верстъ на Донъ: экспедиція была очень удачна, кромѣ одного, но это Вы узнаете послѣ.—До свиданія!

Искренно преданный Вамъ

Н. Гротъ.

О. Шеборъ.

Прага Чешская, октябрь 1910 г.

I.

Къ біографіи Н. Я. Грота.

(1852—1899).

Очеркъ В. И. Шенрока[1]).

Въ ряду замѣчательныхъ дѣятелей послѣднихъ десятилѣтій будущій историкъ просвѣщенія, безъ сомнѣнія, отведетъ почетное мѣсто Н. Я. Гроту. Не только его учено-литературныя заслуги, но также основанный по его иниціативѣ философскій журналъ и организованное имъ Московское Психологическое Общество [2]), котораго онъ съ 1888 г. былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ, даютъ ему безспорное право на вниманіе и требуютъ справедливой оцѣнки. Много было дано ему отъ природы, и онъ широко воспользовался ея щедрыми дарами, хотя нельзя съ другой стороны не пожалѣть, что онъ слишкомъ неумѣренно расходовалъ свою кипучую энергію и что безпощадная смерть застигла его въ самую пору расцвѣта духовныхъ силъ, въ то время, когда пріобрѣтенная имъ въ ученомъ мірѣ почетная репутація и обширныя сношенія съ представителями философской науки въ Европѣ и Америкѣ, казалось, должны были открыть передъ нимъ новую блестящую будущность.

Живую и добрую память оставилъ по себѣ Гротъ также и какъ общественный дѣятель и какъ человѣкъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ исключительныхъ натуръ, на которыя суровая

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка авторъ пользовался письмами покойнаго Н. Я. Грота къ роднымъ, особенно къ брату Константину Яковлевичу, также письмами лично къ нему, автору, статьями (гг. Ивановскаго, Викторова, Айхенвальда, П. Соколова) о Н. Я. Гротѣ въ посвященной его памяти книжкѣ (51-ой, 1900 г.) журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“, наконецъ, собственными воспоминаніями и особенно сообщеніями К. Я. Грота.—Напеч. въ кн. „Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи“, Спб. 1904 г.

[2]) Оно было основано проф. М. М. Троицкимъ въ 1885 г.

проза жизни не въ силахъ наложить свою угрюмую печать. Онъ какъ будто родился подъ счастливой звѣздой. Проходя блестящее жизненное поприще, онъ не уставалъ до самаго конца создавать обширныя планы и рисовать роскошныя перспективы. На его душевномъ горизонтѣ всегда ясно и привѣтливо сіяло ласковое солнышко ранней весны, и весь онъ былъ полонъ поэзіи увлеченія. Въ обществѣ такихъ людей сѣрыя краски жизни превращаются въ яркія и розовыя и получается какой-то волшебный оптическій обманъ. Воодушевленный свѣтлыми надеждами, онъ бодро смотрѣлъ въ даль будущаго и въ другихъ поднималъ энергію и давалъ имъ крылья. Онъ имѣлъ завидный даръ невольно повышать во всѣхъ душевный діапазонъ, заражая своей жизнерадостностью, въ чемъ, вмѣстѣ съ беззавѣтной преданностью идеѣ, и крылась собственно тайна производимаго имъ обаянія и его общепризнаннаго организаторскаго таланта. Въ то же время онъ былъ въ высокой степени доступенъ чувству задушевной общительности и теплаго, сердечнаго участія. Въ некрологѣ его, напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Европы“, покойный Вл. С. Соловьевъ называетъ его добрымъ, дорогимъ товарищемъ и въ концѣ своей замѣтки обращаетъ къ своему умершему другу нѣсколько трогательныхъ, глубоко прочувствованныхъ строкъ, а графъ Л. Н. Толстой по смерти Грота однажды выразился, что ему „не достаетъ“ этого даровитаго и высоко-симпатичнаго „молодого человѣка“. Хотя Гротъ далеко уже не былъ молодымъ человѣкомъ (онъ умеръ 47 лѣтъ), но обмолвка эта знаменательна и характерна: дѣйствительно до послѣднихъ минутъ онъ былъ весь — жизнь и молодость.

I.

По отцу Николай Яковлевичъ происходилъ отъ голштинскаго выходца 2-ой полов. XVIII в., Іоакима Христіана Грота, человѣка высокой преданности долгу и живой общественной иниціативы. Богословъ по призванію, онъ скромное званіе пастора предпочелъ каѳедрѣ въ родномъ университетскомъ городѣ въ Германіи и, переселившись потомъ въ Россію, въ томъ же званіи продолжалъ всю жизнь работать надъ самоусовершенствованіемъ. Своей всегдашней готовностью приносить пользу ближнимъ, онъ скоро пріобрѣлъ всеобщее ува-

женіе. Знаменитый Шлецеръ печатно называлъ его своимъ другомъ, а императрица Екатерина пожаловала ему большую золотую медаль. Его сынъ, Карлъ Ефимовичъ (такъ передѣлали его отчество въ Россіи) 14 лѣтъ былъ приглашенъ ко двору для упражненія великихъ князей (старшихъ сыновей Павла Петровича) въ иностранныхъ языкахъ, а по окончаніи курса въ Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ, публично произнесъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, заслужившую упоминанія въ извѣстномъ трудѣ Бакмейстера „Russiche Bibliothek“. Обоимъ сыновьямъ его уже было суждено значительно выдвинуться и пріобрѣсти большую извѣстность. Мы не станемъ здѣсь говорить о всѣмъ памятной дѣятельности академика Я. К. Грота, а также и брата его, Константина Карловича [1]); замѣтимъ только, что особенное достоинство Якова Карловича заключалось въ томъ, чего болѣе или менѣе недоставало всему современному русскому обществу, — въ высокой программѣ жизни, въ строжайшемъ отношеніи къ себѣ и къ своему долгу и въ глубокомъ пониманіи евангельскаго завѣта о достойномъ примѣненіи данныхъ человѣку талантовъ. Это была личность скромная и симпатичная. Говорятъ, что императоръ Александръ III въ спорѣ по одному литературному вопросу, на возраженіе противника, который ссылался на Якова Карловича, однажды сказалъ: „Ну въ такомъ случаѣ это также вѣрно, какъ Евангеліе“. Въ извѣстной перепискѣ съ Плетневымъ, особенно ярко рисуется личность покойнаго академика и глубокая, разумная преданность двухъ душевно уважавшихъ другъ друга людей, связанныхъ умственными и эстетическими интересами.

Другого истиннаго друга, въ лучшую пору жизни Я. К. Гротъ нашелъ въ своей женѣ, Натальѣ Петровнѣ. Она была дочь капитана П. Н. Семенова, автора нѣсколькихъ остроумныхъ пародій, свидѣтельствующихъ объ его недюжинномъ умѣ, талантѣ и бойкомъ, веселомъ юморѣ. Его пародію на оду „Богъ“ всѣ знали наизусть въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ, и даже самъ шефъ полка, императоръ Николай. Въ домашнемъ кругу онъ отличался такой живостью и веселостью, что уже въ пожилыхъ годахъ охотно игралъ съ дѣтьми и забавлялъ ихъ. Такой же живостью и добродушной привѣтливостью обладали

[1]) Статсъ-Секретаря, члена Государственнаго совѣта, основателя Попечительства и многихъ учрежденій для слѣпыхъ († 1897).

и другіе члены даровитой семеновской семьи; это была ихъ родовая черта.

Такимъ образомъ въ стихію образцоваго гротовскаго трудолюбія и неуклоннаго служенія долгу, свѣтлой струей влилась семеновская живость и жизнерадостность, и оба эти элемента гармонически соединились въ лицѣ Николая Яковлевича.

II.

Николай Яковлевичъ родился 18 апрѣля 1852 г. въ Гельсингфорсѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ русской литературы и исторіи. Уже въ первые мѣсяцы ребенокъ поражалъ необыкновенной живостью и, какъ всѣ впечатлительныя дѣти, требовалъ усиленныхъ попеченій. Онъ скоро сдѣлался любимцемъ всей семьи и былъ окруженъ общими заботами. Но на первомъ году ему уже пришлось вынести трудное для его возраста путешествіе во время переѣзда его родителей изъ Финляндіи въ Петербургъ, гдѣ Яковъ Карловичъ, при содѣйствіи Плетнева, получилъ каѳедру въ Александровскомъ Лицеѣ и вскорѣ началъ также занятія съ Августѣйшими дѣтьми В. К. Александра Николаевича. Это было въ началѣ 1853 года. Въ концѣ того же года Гроты поселились въ домѣ Сазонова въ Первой линіи Васильевскаго Острова, гдѣ протекло все дѣтство и юность Николая Яковлевича въ самой благопріятной семейной обстановкѣ. Родители его сразу сумѣли найти то прочное счастье, о которомъ люди такъ много мечтаютъ и которое такъ рѣдко дается; но оно не было случайнымъ лотерейнымъ выигрышемъ, а создавалось и поддерживалось неослабными заботами и напряженнымъ трудомъ. Общее довольство и спокойствіе обусловливались единодушіемъ главныхъ членовъ семьи, гдѣ жена была истинной помощницей и вѣрнымъ товарищемъ мужа. Въ воспитаніи дѣтей они держались строгой системы: здѣсь не было и тѣни безпечной распущенности, предоставляющей выработку характера на волю случая. Во многомъ воспитаніе носило даже почти спартанскій характеръ; дѣтямъ не давали долго спать и никакая изнѣженность не допускалась. Во всемъ они встрѣчали неуклонныя требованія и поблажекъ не дѣлалось, но въ усвоеніи требуемой выдержки много помогала строгая послѣдовательность режима и постоянный примѣръ старшихъ, относившихся

къ нимъ, при всей настойчивости, съ любовью и лаской. Но не слѣдуетъ думать, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ дѣло шло совершенно плавно и гладко.

Напротивъ, воспитаніе Николая Яковлевича представляло значительныя трудности. Это была какъ разъ натура всего менѣе способная подчиняться режиму, вѣчно куда-то рвущаяся, никогда не успокаивающаяся, неугомонная и неукротимая. Необыкновенная живость ребенка, требовавшая неослабнаго и напряженнаго наблюденія, сама по себѣ причиняла много хлопотъ; но кромѣ того страстность пылкаго темперамента и инстинктивное, но чрезвычайно сильное и раннее стремленіе къ самостоятельности, сильно затрудняли послѣдовательное проведеніе педагогическихъ началъ, — особенно въ виду того, что это былъ первенецъ, на которомъ родителямъ впервые приходилось примѣнять свои педагогическіе пріемы. Съ другой стороны нравственная отвѣтственность сильно осложнялась выдающейся даровитостью ребенка. Но Гроты были люди съ большой выдержкой и самообладаніемъ. Имѣя передъ глазами ясно поставленную цѣль и всей трудовой жизнью приготовленные къ своей высокой задачѣ, они не терялись при встрѣчѣ съ трудностями и продолжали послѣдовательно и бодро проводить строго обдуманную систему. Въ этомъ имъ помогала склонность къ семейной жизни и равнодушіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Большую помощь находили они также и въ добрыхъ наклонностяхъ ребенка, обладавшаго натурой привязчивой и доброй. Увѣщанія и ласки родителей легко получали доступъ къ его сердцу и смягчали вспышки гнѣва и упорства. Николай Яковлевичъ обладалъ горячимъ, любящимъ, привязчивымъ сердцемъ и душой, расположенной къ самымъ высокимъ, чистымъ и благороднымъ порывамъ и стремленіямъ и отличался высшей степенью прямоты, откровенности и правдивости въ словахъ и дѣйствіяхъ. Все это значительно облегчало задачи обузданія его страстности и стремительности; приходилось сдерживать его порывы, но не было основанія бояться какого-нибудь неожиданнаго и вреднаго вліянія со стороны. „Добрые и свѣтлые порывы всегда быстро и рѣшительно торжествовали надъ дурными и низменными, и это относится какъ къ самому первому, нѣжному дѣтству, такъ и къ юности и къ молодости“, свидѣтельствуетъ его братъ Константинъ Яковлевичъ, бывшій его товарищемъ и другомъ дѣтства и до конца связанный съ нимъ тѣсной дружбой.

III.

Въ раннемъ дѣтствѣ самое рѣшительное вліяніе въ воспитаніи, какъ извѣстно, принадлежитъ матери, а Наталья Петровна Гротъ всегда признавала великое значеніе роли женщины въ семьѣ, и особенно какъ воспитательницы, и проводила это убѣжденіе въ жизни. Она высоко ставила материнскую сердечность и ласку, а въ скромной долѣ и самоотверженности видѣла особенную высоту женскаго призванія. Она обладала душой, беззавѣтно преданной всему, что было связано не только съ ея личной судьбой, но и съ прошлымъ близкихъ людей и отечества. Въ натурѣ ея особенно поражало умѣнье быть благодарной, а къ холодному скептицизму она питала органическое отвращеніе. „Простота и правда“, говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, „были завѣтными идеалами моей души, а безыскусственная патріархальность русской жизни въ моемъ дѣтствѣ навсегда осталась живою въ моихъ воспоминаніяхъ“. Всѣми указанными сторонами своей личности она имѣла благотворное вліяніе на дѣтей, и хотя Николай Яковлевичъ по натурѣ своей былъ созданъ піонеромъ будущаго и всегда неудержимо и страстно рвался впередъ, но и ему также былъ несимпатиченъ равнодушный и холодный скептицизмъ, и онъ живо сознавалъ кровную связь съ родными людьми и мѣстами, скрѣпленную свѣтлой памятью счастливаго дѣтства.

Такимъ образомъ, хотя и многихъ заботъ требовало моральное воспитаніе Николая Яковлевича, но добрыя сѣмена падали на хорошую почву, а въ отношеніи развитія и обученія ребенокъ шелъ самъ на встрѣчу заботамъ старшихъ, и ученіе давалось ему такъ легко, онъ такъ охотно за все принимался, что не нужно было мучиться заботами о пробужденіи въ немъ любви къ занятіямъ и труду. Однако родители не полагались на эти счастливые задатки и всѣми силами старались входить во всѣ подробности обученія, ведя его по возможности лично, а постороннему попеченію предоставляя лишь практику въ иностранныхъ языкахъ и преподаваніе такихъ предметовъ, какъ чистописаніе. Когда время позволяло Якову Карловичу, онъ самъ занимался съ дѣтьми и много читалъ имъ; Наталья Петровна съ своей стороны учила ихъ французскому языку и русскимъ предметамъ, а ариѳметикѣ и нѣмецкому языку — учила любящая, но строгая и требова-

тельная сестра Якова Карловича, Роза Карловна. Рядомъ съ ученьемъ, важное значеніе придавалось и физическому воспитанію, развитію и укрѣпленію въ дѣтяхъ всякой практической сноровки и умѣнья ко всему приложить руки. И результатъ получился цѣнный: Николай Яковлевичъ умѣлъ превосходно выполнить всякую практическую задачу и всегда практически устраивался въ домашнемъ быту, со вкусомъ и недорого; онъ всякія хлопоты бралъ на себя безъ малѣйшаго неудовольствія, и дѣло такъ и кипѣло въ его рукахъ. Хотя упражненія во всякихъ практическихъ умѣньяхъ, ремеслахъ и искусствахъ относятся, главнымъ образомъ къ годамъ позднѣйшаго школьнаго ученія, но основа этой практической приспособленности заложена была еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Тогда же стали находить себѣ поощреніе дѣтскіе вкусы и способности въ искусствахъ—рисованіи и музыкѣ.

IV.

Въ лѣтніе мѣсяцы ослаблялись, но не забрасывались учебныя занятія, а уступали главнымъ образомъ мѣсто физическимъ упражненіямъ, чему способствовало раннее знакомство съ деревенской жизнью; эта жизнь была полезна и для развитія и укрѣпленія національнаго чувства и любви къ родинѣ. Въ этомъ отношеніи на нихъ оказывали благотворное вліяніе какъ заботы Якова Карловича, въ которомъ любовь къ Россіи воспитала глубокопреданная своему отечеству мать его, такъ и Наталья Петровна, коренная русская женщина, горячая и убѣжденная патріотка. Несмотря на лютеранское исповѣданіе, будучи вполнѣ русскимъ человѣкомъ, Яковъ Карловичъ все же до самой женитьбы мало еще зналъ внутреннюю Россію, но позже онъ былъ окончательно захваченъ и увлеченъ русской стихіей. Братья Натальи Петровны, Николай и Петръ Петровичи Семеновы [1]) дружески сошлись съ ея мужемъ, котораго привлекало къ нимъ, кромѣ личныхъ нравственныхъ достоинствъ, также то обстоятельство, что они были просвѣщенными представителями своего круга, съ ко-

[1]) Впослѣдствіи сенаторы: П. П. (Семеновъ-Тянъ-Шанскій)—и членъ Государственнаго совѣта.

торыми онъ могъ дѣлиться своими литературными и научными интересами.

Лѣтнія поѣздки въ деревню участились съ 1860 года, когда Яковъ Карловичъ, по окончаніи занятій въ царской семьѣ, поѣхалъ лѣтомъ одинъ за границу, а семья его проводила лѣто въ имѣніи Н. П. Семенова въ Рязанской губерніи (прежде въ выборѣ дачныхъ мѣстъ Гроты должны были сообразоваться съ лѣтними царскими резиденціями). То же повторилось и въ 1862 г., когда онъ одинъ предпринялъ путешествіе съ ученой цѣлью по разнымъ городамъ Россіи для собиранія матеріаловъ по изданію сочиненій Державина. Тогда дѣти были еще очень малы и рано было думать о серьёзномъ образовательномъ значеніи поѣздокъ. Напротивъ позднѣе, когда сыновья его подросли, онъ охотно бралъ ихъ съ собой (въ 1863 г. въ Новгородъ и Олонецкую губ., въ Петрозаводскъ и на Кивачъ). Когда лѣтомъ 1861 г. Я. К. предпринялъ новое заграничное путешествіе, то, въ виду удобныхъ условій заграничныхъ поѣздокъ, нашелъ возможнымъ взять съ собой всю семью, и это былъ первый опытъ такого сложнаго передвиженья, вполнѣ оправдавшій своими результатами и педагогическія соображенія Я. К. Гроты ѣздили тогда на воды въ Чехію и на морскія купанья въ Сѣверномъ Нѣмецкомъ морѣ. Это интересное путешествіе и пребываніе въ Теплицѣ (въ Чехіи), а потомъ у Сѣвернаго моря въ Нордернеѣ не могло не оказать сильнаго, развивающаго дѣйствія на девятилѣтняго мальчика и не оставитъ въ немъ глубокихъ, незгладимыхъ впечатлѣній. Передъ нимъ открылся новый міръ, интересный и высоко поучительный. Впечатлѣнія заграничной жизни и быта поглощались имъ съ жадностью и глубоко западали въ воспріимчивую дѣтскую душу. Впечатлительнаго ребенка очаровала новая природа съ невиданными еще красотами: его заинтересовали новые люди съ ихъ языкомъ, правами и обычаями. Съ этой ранней поры онъ сильно полюбилъ путешествія, которыя до конца жизни доставляли ему глубокія и долго не забываемыя наслажденія; въ путешествіяхъ онъ какъ-бы почерпалъ новую жизнь и всегда вспоминалъ о нихъ съ увлеченіемъ; въ чертахъ лица его играла тогда жизнь и глаза свѣтились радостнымъ блескомъ. Но особенно нравились ему путешествія цѣлой семьей, и тутъ, въ этомъ отношеніи, нельзя также не видѣть слѣдствія впечатлѣній его раннихъ поѣздокъ.

V.

По возвращеніи изъ этой поѣздки занятія и ученье дѣтей были организованы серьезнѣе и систематичнѣе, чѣмъ прежде. Съ осени рѣшено было посылать ихъ въ училище и надо было ихъ подготовить. Самъ Яковъ Карловичъ принималъ участіе въ этихъ занятіяхъ: онъ проходилъ съ ними исторію, читалъ разсказы изъ русской исторіи по Нестору и русскій пересказъ „Иліады“. Въ Петербургѣ въ это время славилось полунѣмецкое училища доктора Видемана, отличнаго педагога и прекрасно образованнаго человѣка. Яковъ Карловичъ познакомившійся съ педагогической опытностью Видемана и заведенными имъ порядками, вполнѣ оцѣнилъ это училище и рѣшилъ отдать туда приходящими своихъ двухъ сыновей. Видеманъ, исходившій изъ принципа, что съ ученіемъ и сообщеніемъ знаній должно быть тѣсно соединено воспитаніе дѣтей, нравственная и умственная подготовка ихъ къ труду и образованіе ихъ характера, умѣлъ согласовать съ этой цѣлью весь строй школы и вдохнуть въ нее духъ долга, трудолюбія и энергіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его гимназіи господствовало начало семейственности, взаимнаго довѣрія, единодушія, сердечности, простоты отношеній. Училище было прекрасно обставлено и съ внѣшней, матеріальной стороны. Особенно важно было въ немъ отношеніе къ родителямъ, съ которыми Видеманъ старался поддерживать близкія связи и много бесѣдовалъ, а также заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, чего тогда не было и въ поминѣ въ казенныхъ гимназіяхъ. Въ этомъ заведеніи царилъ духъ товарищества, а также отношенія педагоговъ къ воспитанникамъ были патріархально-дружескія и отеческія.

Въ этой школѣ духовное развитіе Николая Яковлевича быстро двинулось впередъ. Духъ заведенія какъ нельзя больше гармонировалъ съ его прирожденной дружелюбной общительностью; любимецъ семьи и родныхъ, онъ скоро сдѣлался также любимцемъ школьныхъ товарищей. Наставники, въ свою очередь, полюбили привѣтливаго, веселаго и способнаго мальчика, хвалили и ласкали его, такъ что и онъ могъ чувствовать себя привольно и имъ были довольны. Быстро освоившись въ новой средѣ, Николай Яковлевичъ незамѣтно получилъ извѣстный авторитетъ и голосъ среди товарищей, который, по внушенію своей доброй натуры, онъ употреблялъ на бла-

городное заступничество за слабыхъ и обижаемыхъ. Воспитанный въ хорошей семьѣ и ея попеченіями спасенный отъ знакомства съ грустными, ожесточающими сторонами жизни, онъ былъ полонъ доброжелательства и чуждъ тѣхъ инстинктовъ, которые отталкиваютъ и поселяютъ вражду. Съ другой стороны спокойная увѣренность въ себѣ и легко достававшееся первенство избавило его отъ зависти и соревнованія. Но въ задорной дѣтской средѣ не обходилось безъ ссоръ и притѣсненій. Вотъ здѣсь и нашли примѣненіе рыцарскія чувства маленькаго Грота: онъ вступался за слабенькихъ, за что многіе товарищи были ему благодарны. Между прочимъ былъ порученъ его защитѣ слабый здоровьемъ и робкій мальчикъ В. К. Ернштедтъ, впослѣдствіи профессоръ Петербургскаго университета и академикъ.

VI.

Въ 1863 году Яковъ Карловичъ, взявъ съ собой сыновей, предпринялъ для работъ по своему капитальному изданію сочиненій Державина путешествіе въ сѣверный край Россіи, въ тѣ мѣстности, которыя прославлены жизнью и твореніями этого поэта: онъ посѣтилъ Новгородъ, Званку, знаменитое имѣніе Державина на Волховѣ, Петрозаводскъ и поэтическій Кивачъ. Такое путешествіе подъ руководствомъ высоко образованнаго и нѣжно-заботливаго отца во многихъ отношеніяхъ было для дѣтей превосходной школой, начиная съ могучаго дѣйствія на душу величавыхъ картинъ дикаго сѣвера и кончая практической пользой въ томъ, что они впервые пріучались обходиться безъ женскаго ухода и приспособляться къ дорожнымъ неудобствамъ и лишеніямъ.

Обычно же семья ѣздила на лѣтній отдыхъ въ Рязанскую губернію, сперва въ имѣніе сенатора Н. П. Семенова, брата Натальи Петровны, а съ 1864 г. въ пріобрѣтенное Я. К. Гротомъ по сосѣдству небольшое, живописно расположенное имѣніе Красную Слободку. Здѣсь, на лонѣ природы, среди сельскихъ занятій и развлеченій, среди коренного русскаго люда и при простой деревенской обстановкѣ дѣти пользовались здоровымъ отдыхомъ. Впрочемъ, при живой и дѣятельной натурѣ, Николай Яковлевичъ всегда находилъ надъ чѣмъ поработать и позаняться и непремѣнно чѣмъ-нибудь увлекался, напр., рисованіемъ, къ которому имѣлъ большія способности. Его природное

влеченіе и вкусъ ко всякимъ механическимъ и техническимъ работамъ, архитектурѣ, строительству и проч. нерѣдко находили себѣ приложеніе въ деревенской обстановкѣ, подобно тому, какъ зимой, въ городѣ, родители давали возможность сыновьямъ развивать сноровку и ловкость рукъ и примѣнять ее къ разнымъ полезнымъ занятіямъ, напр. столярному, переплетному, картонажному и проч., для чего пріобрѣтались приборы и для обученія приглашались мастера.

Въ гимназіи Видемана дѣти оставались до весны 1867 г.; но такъ какъ она не имѣла еще правъ казенныхъ гимназій и при томъ въ ней не достаточно широко преподавались древніе языки (греческій даже вовсе не преподавался), а также такъ называемые „русскіе предметы“, то родители рѣшили перевести сыновей въ казенную Ларинскую гимназію, съ которою Яковъ Карловичъ былъ знакомъ по ревизіи преподаванія русскаго языка въ 1865 г. Однако, разница въ программахъ оказалась настолько значительной, что пришлось серьёзно подумать о подготовкѣ къ экзамену.

VII.

Лѣто 1867 г. было снова посвящено путешествіямъ, но на этотъ разъ оно далеко не было увеселительной прогулкой: предпринятое для поправленія пошатнувшагося здоровья Натальи Петровны, оно было омрачено нездоровьемъ какъ Якова Карловича, такъ и Николая Яковлевича. Наши путешественники направились черезъ Варшаву въ Вѣну, гдѣ пробыли нѣкоторое время, въ теченіе котораго успѣли ознакомиться съ ея достопримѣчательностями, посѣтили Зальцбургъ съ его окрестностями, Ишль, Траунское озеро и другіе живописные уголки этого края. Отсюда отправились въ Чехію, сперва во Франценсбадъ (гдѣ Я. К. схватилъ перемежающуюся лихорадку), потомъ въ Маріенбадъ. Въ первомъ изъ этихъ курортовъ Николай Яковлевичъ сильно помучился лихорадкой, первые приступы которой онъ выдержалъ еще въ Вѣнѣ. Къ счастью, горная мѣстность Маріенбада, этого живописнаго уголка, значительно помогла его скорому выздоровленію, послѣ чего семья снова продолжала прерванное путешествіе; но эта болѣзнь все таки была, вѣроятно, началомъ и причиной его послѣдующихъ страданій маляріями. Черезъ Пльзно (Пильзенъ) Гроты проѣхали въ Прагу, зна-

комство съ которой произвело на молодежь глубокое и отрадное впечатлѣніе, особенно же радушный и сердечный, почти родственный пріемъ, сдѣланный чехами семьѣ русскаго академика.

Это былъ годъ сильнѣйшаго патріотическаго возбужденія, годъ знаменитаго общеславянскаго съѣзда и этнографической выставки въ Москвѣ. Русско-славянское національное чувство и одушевленіе не могли не отозваться въ воспріимчивой душѣ Николая Яковлевича. Несомнѣнно, въ смыслѣ развитія національнаго самосознанія и патріотическихъ чувствъ, это пребываніе въ Чехіи и Прагѣ не могло не оставить слѣдовъ въ его душѣ. Оно имѣло и практическій результатъ: здѣсь для подготовки мальчиковъ въ Ларинскую гимназію былъ приглашенъ въ домъ молодой человѣкъ, чехъ, О. А. Шеборъ. Человѣкъ недюжинныхъ способностей, умный и тактичный, педагогъ по призванію, онъ скоро сдѣлался другомъ семьи и любимцемъ своихъ питомцевъ, на которыхъ имѣлъ прекрасное воспитательное вліяніе. Но при всей успѣшности его занятій, ему удалось подготовить Николая Яковлевича изъ Tertia Видеманской гимназіи только въ соотвѣтственный, третій сверху, т. е. въ пятый классъ Ларинской гимназіи: до того расходились программы казенныхъ гимназій съ курсомъ училища Видемана. Въ Ларинской гимназіи въ концѣ 60-хъ годовъ дѣйствовали выдающіеся педагоги и дѣятели литературы и науки: В. Д. Спиовскій, Г. С. Лыткинъ, В. С. Парамоновъ, А. А. Адамовъ, А. П. Рудаковъ, П. Ѳ. Рашевскій, П. А. Кюссовичъ, и другіе.

Во главѣ заведенія стоялъ опытный и авторитетный педагогъ, И. О. Кнорринтъ. И директоръ, и лучшія педагогическія силы были на высотѣ призванія и воспитательныхъ задачъ. Даже въ сравненіи съ гимназіей Видемана здѣсь было больше образцовыхъ дѣятелей школы, но зато здѣсь не было уже той патріархальной сердечности обращенія и безусловнаго отсутствія формализма, которымъ была вправѣ гордиться гимназія Видемана. Во время ученія въ Ларинской гимназіи Николай Яковлевичъ, благодаря блестящимъ способностямъ, непзмѣнно шелъ первымъ ученикомъ и кончилъ курсъ съ золотой медалью. Въ эту пору онъ съ особеннымъ увлеченьемъ предавался чтенію, поглощая книгу за книгой въ такомъ неумѣренномъ количествѣ, что это обстоятельство вызвало пререканія съ родителями, которые не ожидали добра отъ такого чтенія безъ разбора. Но удержать Николая Яков-

левича въ границахъ благоразумія въ данномъ отношеніи было очень трудно; онъ любилъ чередовать чтеніе серьёзныхъ сочиненій (особенно по общественнымъ наукамъ) съ беллетристикой и отчасти увлекался современнымъ тогда матеріалистическимъ направленіемъ, которое оставило замѣтный слѣдъ въ его увлекающемся и впечатлительномъ умѣ и опредѣлило до нѣкоторой степени направленіе его интересовъ и изученій въ университетѣ. Въ послѣднее время ученія въ гимназіи Николай Яковлевичъ сталъ горяго мечтать объ университетѣ, составляя обширные планы своихъ будущихъ занятій. Не безъ вліянія окружавшей его съ дѣтства ученой атмосферы и преобладающихъ историко-литературныхъ интересовъ отца, онъ выбралъ историко-филологическій факультетъ.

VIII.

Теперь намъ пора сказать нѣсколько словъ о вліяніи на Николая Яковлевича семьи въ самый важный періодъ развитія личности. Вся семья производила отрадное впечатлѣніе своими привлекательными нравственными качествами. Здѣсь было царство честнаго труда и строгаго порядка во всемъ. Всѣ члены семьи относились другъ къ другу съ любовью и сердечнымъ уваженіемъ. Самъ Я. К. Гротъ, бодрый и дѣятельный, былъ образцомъ трудовой жизни и разумнаго употребленія времени: у него были строго опредѣленные часы для занятій и отдыха и для прогулокъ, и ни одна минута не пропадала даромъ; онъ держался во всемъ методическаго режима, основаннаго на здраво обдуманныхъ гигіеническихъ и иныхъ соображеніяхъ, такъ что оставалось только удивляться строго проводимой имъ послѣдовательности и системѣ въ его планѣ жизни.

Много помогала въ этомъ раціональномъ устройствѣ жизни Якова Карловича его супруга Наталья Петровна, заботливо и искусно отстранявшая отъ него непроизводительную трату времени, неизбѣжную при обширныхъ знакомствахъ. Всевластная рука времени, незамѣтно и плавно подвигая колеса фортуны, постепенно вносила перемѣны и въ этотъ счастливый уголокъ, но общій режимъ оставался тотъ же: съ одной стороны пріемы, оживленіе, множество гостей, съ другой — тихая, трудовая, кабинетная атмосфера. Для молодого поколѣнія было, конечно, полезно и полирующее вліяніе свѣтскихъ

отношеній и живой примѣръ неустаннаго добросовѣстнаго труда. Поэтому къ университетской порѣ Гротъ былъ дѣльнымъ и развитымъ и вмѣстѣ изящнымъ молодымъ человѣкомъ.

IX.

Сдѣлавшись студентомъ, Гротъ необыкновенно скоро, можно сказать тотчасъ же обратилъ на себя общее вниманіе своего курса замѣчательной жизнерадостностью, соединенной съ чрезвычайной общительностью и привѣтливостью ко всѣмъ товарищамъ; онъ скорѣе другихъ знакомился съ однокурсниками и, неотразимо привлекая къ себѣ всѣхъ своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, значительно способствовалъ на первыхъ порахъ общему взаимному ознакомленію. На первыхъ же порахъ обнаружилъ онъ и весьма замѣтную любовь къ наукѣ, проявившуюся и въ слушаніи необязательныхъ курсовъ, напримѣръ санскритскаго языка (между прочимъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ профессоромъ Московскаго университета Р. Ѳ. Брандтомъ и другими) и даже самыхъ разнообразныхъ лекцій, случайно имъ посѣщаемыхъ въ свободные часы на своемъ и другихъ факультетахъ, но особенно въ какомъ-то чувствѣ счастья быть студентомъ, которымъ онъ былъ тогда весь преисполненъ. Оживленной, быстрой походкой, съ постояннo ликующимъ видомъ, не столько озабоченный своими постоянными хлопотами, сколько счастливо настроенный и полный бодраго возбужденія, онъ вихремъ носился въ промежутки между лекціями по длинному университетскому коридору, вѣчно въ суетѣ и движеніи. Въ массѣ товарищей, большей частью съѣхавшихся изъ дальнихъ городовъ, удрученныхъ нуждой и насущными житейскими заботами, группировавшихся въ небольшіе и тѣсные кружки, какъ-то ярко выдѣлялся этотъ привѣтливый юноша, съ виду совсѣмъ почти мальчикъ, отъ души наслаждавшійся и новой для него университетской обстановкой, и профессорскими лекціями, и общеніемъ съ товарищами, и, наконецъ, всѣми впечатлѣніями жизни, радостно имъ воспринимаемыми. Онъ одинъ чувствовалъ себя вполнѣ привольно, какъ рыба въ водѣ, никого не сторонился и не хотѣлъ замкнуться ни въ какомъ уединенномъ кружкѣ, но совершенно просто и естественно сближался со всѣми. Благодаря этому, незамѣтно вокругъ Грота создавалась атмосфера тѣснаго товарищескаго общенія. Съ самаго начала Гротъ по-

любилъ перипатетическія бесѣды съ болѣе близкими товарищами гдѣ-нибудь по Кадетской линіи или по Среднему проспекту Васильевскаго острова, когда, по нѣсколько разъ провожая другъ друга, молодые люди, увлеченные разговоромъ, никакъ не хотѣли разойтись и все чувствовали потребность подѣлиться другъ съ другомъ мыслями и впечатлѣніями. Вскорѣ нѣсколько товарищей стали собираться у Грота для совмѣстнаго чтенія Тита Ливія, которымъ рѣшили заняться— Гротъ ради изученія древней исторіи, которую онъ хотѣлъ избрать своей спеціальностью, а другіе два его товарища (въ томъ числѣ П. О. Морозовъ, извѣстный впослѣдствіи издатель сочиненій Пушкина) -для лучшаго ознакомленія съ самимъ римскимъ писателемъ. Изъ всѣхъ университетскихъ предметовъ, Гротъ особенно увлекался сначала исторіей, которую полюбилъ еще воспитанникомъ Ларинской гимназіи. Вскорѣ замѣтивъ затрудненія большинства товарищей, чувствовавшихъ нужду въ картѣ древней Италіи при слушаніи лекцій по древней исторіи, онъ весь предался со свойственнымъ ему рвеніемъ дѣлу изданія ея, примѣнительно къ лекціямъ профессора, цѣлыя недѣли проводя за черченіемъ, всевозможными справками и хлопотами по литографированію и, конечно, безъ всякихъ матеріальныхъ расчетовъ, единственно по побужденіямъ товарищескаго чувства. Въ слѣдующемъ году онъ составилъ такую же карту Древней Греціи.

X.

Упомянутымъ совмѣстнымъ товарищескимъ изученіемъ Тита Ливія, начатымъ съ великимъ увлеченіемъ, не суждено было долго продолжаться: виновникомъ нарушенія составившагося тріо оказался П. О. Морозовъ, быстро и рѣзко перешедшій отъ восторженнаго преклоненія передъ классической древностью къ полнѣйшему къ ней охлажденію и всецѣло посвятившій себя изученію русской и новыхъ иностранныхъ литературъ. Онъ же сталъ энергично агитировать между товарищами въ пользу болѣе живыхъ и увлекательныхъ предметовъ университетскаго преподаванія, показывая соблазнительный примѣръ посѣщенія, вмѣсто нѣкоторыхъ обязательныхъ, но менѣе привлекательныхъ лекцій, аудиторій профессоровъ Сухомлинова, Миллера и Весловскаго. Имѣвшія тогда огромный успѣхъ лекціи О. О. Миллера по литературѣ XIX вѣка, вскорѣ

устремили многихъ юношей, занимавшихся классической древностью, на путь изученія словесности, исторіи и философіи. Гротъ же въ годы студенчества, не увлекаясь древними языками, не былъ и ихъ противникомъ. Къ концу перваго года Гротъ сталъ уже, кромѣ исторіи, интересоваться и философіей. Онъ занимался въ университетѣ порывами и съ большимъ увлеченіемъ, но отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ студентовъ, которые благоразумно и равномѣрно изучаютъ всѣ предметы ради экзамена и диплома. Послѣдняго побужденія у Грота не было вовсе, потому что онъ имѣлъ способность передъ экзаменомъ, такъ сказать, брать приступомъ тѣ курсы, въ знаніи которыхъ долженъ былъ отдавать отчетъ, съ живымъ интересомъ слушая, впрочемъ, вообще всѣ предметы университетскаго преподаванія, кромѣ спеціально филологическихъ, напримѣръ, славянскихъ нарѣчій; но и въ этихъ предметахъ онъ успѣвалъ въ короткіе передэкзаменные сроки стать наравнѣ съ лучшими знатоками курса. Такъ, передъ экзаменомъ со второго курса на третій по древней исторіи Гротъ съ непостижимой быстротой впитывалъ въ себя имена, факты и генеалогическія таблицы. Напряженіе памяти доходило до виртуозности. Еще поразительнѣе было, когда Гротъ, отчаянно запустившій занятія по славянскимъ нарѣчіямъ, послѣ непродолжительной подготовки далъ на экзаменѣ (при переходѣ на четвертый курсъ) одинъ изъ самыхъ удачныхъ и блестящихъ отвѣтовъ у профессоровъ Срезневскаго и Ламанскаго.

Приготовленія къ экзаменамъ у Грота никогда не сопровождались тѣмъ тревожнымъ и озабоченнымъ настроеніемъ, какъ у многихъ другихъ студентовъ; за освобожденіе отъ платы или за стипендію ему бояться были нечего, а заботиться объ отличіи передъ товарищами было не въ его характерѣ: объ этомъ онъ и не думалъ, но это давалось ему само собой, какъ что-то неизмѣнно и законно ему принадлежавшее. Но все же усиленныя занятія во время экзаменовъ требовали отдыха и освѣженія, и вотъ здѣсь снова къ услугамъ его являлись лѣтнія путешествія.

XI.

Въ 1873 г. послѣ перехода на третій курсъ, Гротъ ѣздилъ съ остальной семьей въ Швецію на морскія купанья

въ Марстрандъ (островъ близъ Гётеборга). Опять ему представилась возможность наслаждаться новыми впечатлѣніями при осмотрѣ такихъ городовъ, какъ Стокгольмъ, Упсала, Христіанія съ ихъ достопримѣчательностями; его сильно заинтересовали шведская природа и населеніе, новые нравы и обычаи, ознакомленіе съ шведскимъ языкомъ и особенностями шведской жизни. Высокая культурность шведской націи очаровала его. Особенно же пріятна и поучительна была поѣздка въ Христіанію и сосѣдніе съ нею края Норвегіи. Не мало прелести представляли также случайныя путевыя встрѣчи и знакомства, которыя Николай Яковлевичъ умѣлъ легко завязывать. Въ это время, постоянно пользуясь обществомъ своего отца, не отвлекаемаго теперь въ путешествіи научными занятіями, онъ практиковался подъ его руководствомъ въ англійскомъ языкѣ, которымъ отецъ его владѣлъ вполнѣ. Въ пути Николай Яковлевичъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать для памяти наброски карандашомъ и акварелью въ своемъ дорожномъ альбомѣ и такимъ образомъ иллюстрировалъ все путешествіе. Какъ мы говорили, у него былъ большой природный талантъ къ живописи.

Въ слѣдующемъ, 1874 г., Гроту представился случай во время каникулъ совершить съ братомъ путешествіе по Волгѣ. Это путешествіе устроилъ имъ дядя К. К. Гротъ на свои средства; онъ же снабдилъ ихъ рекомендательными письмами въ приволжскіе города, гдѣ у него были большія связи и знакомства. Юные путешественники отправились изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ до Рыбинска, а оттуда ѣхали по Волгѣ до Астрахани и обратно до Царицына, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ вернулись въ свою Рязанскую деревню. Памятникомъ этого путешествія остался, кромѣ множества нарисованныхъ видовъ, любопытный дорожный альбомъ Николая Яковлевича, гдѣ онъ съ свойственной ему живостью воспроизводилъ свои встрѣчи, впечатлѣнія и маленькія приключенія. Въ каждомъ городѣ они находили знакомыхъ, пріятно проводили время и продолжали путь въ счастливомъ настроеніи безпечной и не испытавшей жизненныхъ невзгодъ юности. Николай Яковлевичъ наслаждался патріархальностью и простотой отношеній провинціальной жизни, не забывая естественныхъ чистыхъ наслажденій возраста — увлеченій обаятельной прелестью веселой, плѣнительной бесѣды съ молодыми представительницами прекраснаго пола.

XII.

Въ послѣдніе два года своего студенчества нашъ молодой философъ былъ уже вѣрнымъ и исключительнымъ рыцаремъ избранной спеціальности. Читалъ Гротъ, будучи студентомъ, очень много, особенно по двумъ наиболѣе любимымъ своимъ предметамъ—философіи и исторіи. Увлеченію его философіей способствовалъ занимавшій въ свое время многихъ и, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересный ученый турниръ между двумя свѣтилами первой величины — Сѣченовымъ и Кавелинымъ. Съ пользой слушая систематично составленныя и обработанныя лекціи профессора Владиславлева, Гротъ былъ, однако, больше всего захваченъ и увлеченъ названной полемикой, ареной которой былъ „Вѣстникъ Европы". Съ малыхъ лѣтъ хорошо зная Кавелина, какъ близкаго друга своего дяди, Константина Карловича, Гротъ юношей-студентомъ обратилъ на себя сочувственное вниманіе Кавелина, предоставившаго въ его распоряженіе свою библіотеку и, несмотря на разницу возрастовъ, а особенно на цѣлую пропасть въ отношеніи научныхъ познаній, отдѣлявшую одного изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ своего времени отъ юноши-новобранца науки, Кавелинъ находилъ замѣтное удовольствіе въ бесѣдѣ съ молоденькимъ студентомъ, нерѣдко принимавшимъ сторону его противника—Сѣченова. Обычнымъ мѣстомъ ихъ перипатетическихъ бесѣдъ былъ Румянцевскій скверъ близъ Академіи Художествъ, гдѣ любилъ прогуливаться Кавелинъ. Онъ обыкновенно съ любовью и оживленно слушалъ своего собесѣдника, часто воодушевленно съ нимъ говорившаго или даже споривша́го. Несомнѣнно, что живой интересъ, возбужденный въРотѣ споромъ Кавелина и Сѣченова, не только имѣлъ рѣшительное вліяніе на развитіе въ немъ вкуса къ философіи, но и привелъ къ мысли заняться для изученія психологіи естественными науками, которыя онъ принялся усердно штудировать по курсамъ и книгамъ своихъ знакомыхъ студентовъ-естественниковъ. Этимъ занятіямъ Гротъ отдавался съ тѣмъ большей горячностью, что считалъ, вмѣстѣ со многими, существеннымъ недочетомъ въ занятіяхъ тогдашнихъ спеціалистовъ-психологовъ ихъ недостаточную освѣдомленность въ области естествознанія. Грота особенно воодушевляла мысль, что онъ пойдетъ по болѣе широкому и болѣе соотвѣтствующему требованіямъ времени пути. Кстати здѣсь напомнить, что то была

пора сильнаго и весьма распространеннаго, по истинѣ трогательнаго увлеченія естественными науками. Имена Менделѣева, Сѣченова и другихъ свѣтилъ естествознанія внушали молодежи какой-то священный трепетъ. На университетскомъ актѣ, 8 февраля, провозглашеніе именъ студентовъ, получившихъ не только медали, но даже похвальные отзывы за сочиненія по естественнымъ наукамъ, сопровождались такими шумными и демонстративно-восторженными оваціями, что, казалось, стѣны тряслись. Воодушевленіе молодежи имѣло въ себѣ какую-то волшебную, околдовывающую силу, и едва ли кто изъ старыхъ студентовъ не помнитъ этого. Если бы Гроту кто-нибудь сказалъ тогда, что онъ не останется всегда позитивистомъ, онъ просто не могъ бы даже представить себѣ этого.

XIII.

Мы, молодежь, переживали тогда чудные годы, когда юность бываетъ озарена блестящимъ сіяніемъ солнечнаго свѣта, когда вся предстоящая жизнь представляется сплошнымъ счастьемъ, когда ярче свѣтитъ солнце, нѣжнѣе благоухаютъ цвѣты и птицы поютъ волшебныя пѣсни, — когда еще не извѣдана проза незамѣнимыхъ утратъ и горькихъ разочарованій. Самое общественное настроеніе было тогда какое-то свѣтлое и жизнерадостное... Въ средѣ студенчества преобладало сильное демократическое направленіе: молодежь была проникнута необыкновеннымъ энтузіазмомъ; горячія головы мечтали о жертвахъ, о посвященіи всей жизни благу „меньшей братіи“, скорбѣли о неоплатномъ долгѣ передъ нею и рисовали въ своемъ воображеніи картину радикальнаго переустройства всей личной и общественной жизни на началахъ альтруизма и разумнаго, безкорыстнаго труда, опирающагося на изученіе реальныхъ наукъ. Студенты одѣвались плохо и носили длинныя волосы, но горѣли желаніемъ отдать свои силы и молодость любимой идеѣ служенія народу. Бывали примѣры, что блистательно окончившіе курсъ кандидаты бросали все и шли въ учителя въ народную школу: нѣкоторые же бредили гражданской свободой, и были даже случаи, ради осуществленія этой мечты, бѣгства въ Америку, въ Соединенные Штаты; воодушевленіе было такъ велико, что, казалось, тогдашнему поколѣнію свѣтила заря еще небывалой, разумной и честной, прекрасной будущности. Прошли десятки лѣтъ, и мечты не

оправдались... „И нынѣ все пусто и дико кругомъ!“... Теперь даже крайности того далекаго времени имѣютъ въ воспоминаніи какую-то особую прелесть, какой-то трогательный отпечатокъ.

XIV.

Общій духъ тогдашняго студенчества отразился въ Гротѣ рѣшеніемъ посвятить свою жизнь правильной постановкѣ философскихъ знаній въ Россіи на плодотворной и разумной почвѣ опытнаго изслѣдованія, опирающагося на результаты, добытые естествознаніемъ. Намъ кажется совершенно необходимымъ отмѣтить связь между этими юношескими планами и позднѣйшими реформаторскими стремленіями Грота по отношенію къ логикѣ и психологіи. Въ Московскомъ профессорѣ Троицкомъ онъ отчасти находилъ отголосокъ своему направленію. Съ другой стороны извѣстная диссертація Вл. С. Соловьева (впослѣдствіи друга Грота), озаглавленная: „Кризисъ западной философіи“, съ полемическимъ подзаголовкомъ: „Противъ позитивистовъ“, сильно волновала Грота, но оппонировать на диспутѣ онъ не рѣшился или не приготовился. Относительно ясно обозначившихся уже въ студенческіе годы свойствъ личнаго характера Грота, необходимо отмѣтить необыкновенную ясность и бодрость духа. Все, что приходилось ему переносить горькаго или тяжелаго, онъ всегда умѣлъ какъ-то незамѣтно для другихъ перерабатывать въ себѣ. Одно обстоятельство тяготило его: многочисленныя родственныя и свѣтскія отношенія его семьи, неотразимо требовали отъ него затраты массы времени и налагали обязательства; невниманіе же къ установившимся требованіямъ было не всегда удобно, потому что могло быть перетолковано какъ невѣжливость и пренебреженіе. Поэтому Гротъ говаривалъ иногда, что лучше было бы, если бы университеты и другія высшія учебныя заведенія находились не въ центрахъ, а по близости отъ нихъ. Но всѣ эти неудобства легко забывались, да и кому не приходилось терпѣть отъ стѣсненій того или другого рода! Студентомъ Гротъ, бывало, ободрялъ другихъ, если кто-нибудь изъ его товарищей наканунѣ какого-нибудь экзамена смущался духомъ, устрашаясь кары за пробѣлы въ знаніяхъ. Случалось, что Гротъ также, подобно другимъ, сознавалъ за собой кое-какіе недочеты въ передэкзаменаціонный день, но онъ все таки охотно отдавалъ крохи оставшагося свободнаго времени на ободреніе товарищей. Во время прогулокъ по окрестностямъ

Петербурга (въ Царское Село, Павловскъ, Ораніенбаумъ), весной, въ пору экзаменовъ, иногда даже наканунѣ или за день, Николай Яковлевичъ весь отдавался столь свойственной ему, особенно въ первой молодости, живости и веселью и воодушевлялъ все общество товарищей-спутниковъ. Грота отъ души любили товарищи, за исключеніемъ очень немногихъ, не имѣвшихъ къ нему близкихъ отношеній, изъ другихъ факультетовъ, фанатически радикальнаго образа мыслей, избѣгавшихъ сближенія съ нимъ, особенно потому, что, какъ сынъ академика, слѣдовательно, лица, занимавшаго высокое общественное положеніе, онъ являлся въ ихъ глазахъ какимъ-то аристократомъ, хотя симпатіи его были скорѣе демократическія. Во всякомъ случаѣ здѣсь уже дѣйствовало явное предубѣжденіе, о которомъ, въ виду его слишкомъ очевидной несправедливости и неустранимости, Гротъ не особенно заботился. Въ семьѣ же своей ему приходилось, наоборотъ, иногда выступать защитникомъ взглядовъ, казавшихся тогда слишкомъ смѣлыми, и защищать новыя теченія, а также болѣе позднихъ представителей русской литературы, Писемскаго, Достоевскаго, Щедрина.

Необходимо еще, въ заключеніе рѣчи о студенчествѣ Грота, указать одинъ примѣръ, въ которомъ особенно выразилась теплая отзывчивость его къ нуждамъ и интересамъ товарищей. Онъ сумѣлъ сильно заинтересовать свою семью, а затѣмъ и профессоровъ, судьбой одного бѣднаго и одинокаго студента-пермяка, который, какъ говорили, послѣ смерти жены и дѣтей, уже послѣ того, какъ онъ служилъ гдѣ-то на родинѣ, пришелъ пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ. Это былъ уже человѣкъ лѣтъ двадцати семи. Благодаря участію Грота быстро распространилось въ сущности даже преувеличенное представленіе объ этомъ „второмъ Ломоносовѣ“, тогда какъ студентъ этотъ отличался преимущественно добросовѣстностью и трудолюбіемъ, но и только [1]). Во всякомъ случаѣ и здѣсь Гротъ является человѣкомъ рѣдкой доброты и рѣдкаго въ такой мѣрѣ стремленія быть полезнымъ ближнему.

XV.

Въ маѣ 1875 года Гротъ готовился къ выпускнымъ экзаменамъ. Теперь наступила пора разлуки съ родной семьей.

[1]) Это былъ П. В. Ястребовъ, впослѣдствіи лекторъ латинскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ.—*Ред.*

Однажды сидя съ однимъ изъ товарищей [1]), съ которымъ онъ обыкновенно вмѣстѣ готовился къ экзаменамъ, Николай Яковлевичъ, несмотря на явный недостатокъ времени, видимо отдалялъ время возобновленія занятій послѣ объѣденнаго перерыва. Вдругъ послѣ нѣкотораго размышленія онъ предложилъ своему коллегѣ хлопотать о совмѣстномъ занятіи каоедры русскаго языка въ русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, основанной для приготовленія учителей древнихъ языковъ. Онъ такъ увлекательно сталъ рисовать картину предстоящей совмѣстной жизни и путешествій по Германіи, что планъ его совершенно очаровалъ слушателя. Оказалось, что планъ этотъ былъ уже извѣстенъ Якову Карловичу и имъ одобренъ. Надо было приводить его въ исполненіе. Сначала дѣло уладилось, но потомъ Николай Яковлевичъ получилъ предложеніе и изъявилъ согласіе занять каоедру во вновь открывавшемся тогда и организуемомъ Н. А. Лавровскимъ Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородка въ Нѣжинѣ.

Мысль о Лейпцигѣ не была, однако, оставлена Гротомъ, и онъ собирался туда теперь уже въ качествѣ слушателя университетскихъ лекцій для подготовки къ ожидавшей его каоедрѣ, а свой лѣтній досугъ по окончаніи курса посвятилъ усовершенствованію въ англійскомъ языкѣ и съ этой цѣлью читалъ даже какой-то англійскій переводъ „Дворянскаго Гнѣзда“ и перечитывалъ любимыхъ своихъ романистовъ, Диккенса и Уильки Коллинза, поджидая между тѣмъ болѣе опредѣленныхъ извѣстій отъ директора Нѣжинскаго института. „Сегодня утромъ я наконецъ получилъ давно желанное письмо отъ Лавровскаго“—писалъ онъ въ половинѣ іюня 1875 г.,— „въ которомъ онъ подтверждаетъ всѣ свои прежнія условія, но въ добавокъ еще старается склонить меня сейчасъ же, т. е. въ августѣ, ѣхать въ Нѣжинъ, а не ждать года за-границей. Я, однако же, отказался: надо приготовиться“. Между тѣмъ Гротъ занимался штудированіемъ „Логики“ Владиславлева, „Психологіи“ Чистовича и набрасывалъ собственныя замѣтки „по вопросамъ философскаго круга“, а также читалъ разныя вновь выходившія книги, не пренебрегая и такими, какъ многихъ интересовавшая тогда новая книга Погодина „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“ и проч.

Въ эту счастливую пору планы и предположенія роились одни за другими въ воображеніи нашего молодого ученаго:

---

[1]) Съ авторомъ этой статьи, В. И. Шенрокомъ.—*Ред.*

онъ мечталъ о германской наукѣ, о путешествіяхъ, о будущемъ своемъ устройствѣ въ Нѣжинѣ и объ ожидавшей его дѣятельности. Онъ блисталъ лучезарнымъ настроеніемъ и горѣлъ нетерпѣніемъ оправдать то довѣріе и тѣ надежды, которыя на него возлагали. Передъ самымъ отъѣздомъ заграницу до него дошелъ и очень его утѣшилъ лестный для него отзывъ о немъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ имъ бывшихъ профессоровъ. К. Я. Люгебиля, который при одномъ его товарищѣ и нѣсколькихъ молодыхъ профессорахъ отозвался о немъ, какъ объ „очень, очень" даровитомъ и дѣльномъ чѣловѣкѣ". При своемъ живомъ характерѣ Гротъ не могъ, однако, совершенно потонуть въ книгахъ и, живя въ деревнѣ, чередовалъ напряженную умственную работу съ практическими дѣлами, съ посѣщеніями родственниковъ и разными развлеченіями, даже охотой. Наконецъ пришла пора отъѣзда заграницу, но первоначальный планъ Грота нѣсколько измѣнился, и Лейпцигъ былъ замѣненъ Берлиномъ.

XVI.

Въ сохранившейся перепискѣ Грота того времени живой вереницей проходятъ разнообразныя пережитыя впечатлѣнія отъ описанія грусти, охватившей его при проѣздѣ черезъ Петербургъ во время отсутствія остальной семьи, до широкихъ плановъ и надеждъ. Этимъ письмамъ онъ придавалъ даже значеніе путевого дневника. При всей глубокой любви ко всему родному, онъ съ юношеской жаждой впечатлѣній неудержимо стремится вдаль. Въ письмахъ его этой поры бушуетъ вихрь разнородныхъ чувствъ молодой души, рвущейся навстрѣчу заманчивому житейскому водовороту и съ наслажденіемъ упивающейся калейдоскопомъ впечатлѣній; такъ и чувствуется, какъ юнота, съ безграничнымъ довѣріемъ смотрящій въ будущность, съ захватывающимъ интересомъ развертываетъ первыя страницы той книги, которая называется жизнью. „Ты спрашиваешь"—пишетъ онъ брату,—„здоровъ ли я и доволенъ ли я. На то и другое отвѣчаю „да", но не могу умолчать, что и на свѣтломъ небѣ теперешней беззаботной жизни есть тоже облачко—совсѣмъ безоблачнаго неба не бываетъ—это облачко есть разлука съ вами". Но и эти маленькія облачка не сгущались въ тучу, а скоро уносились, когда въ своихъ заграничныхъ скитаніяхъ Гротъ получалъ случайно возможность встрѣтиться съ родными. Вообще это

была самая завидная пора его жизни, когда его все радовало и увлекало и счастье привѣтствовало его доброй улыбкой; понятно, что и настроеніе его было свѣтлое и оптимистическое. Со свѣжей, неистощимой энергіей пустился онъ заграницу и съ самаго начала странствованій все хотѣлъ видѣть и всюду поспѣть. „Изъ Нѣжина“—пишетъ онъ брату—„не успѣлъ написать тебѣ, да и въ Кіевѣ насилу урвалъ минутку—такъ много осмотровъ и хожденій, что не успѣваешь опомниться“. Благодаря обширнымъ связямъ родителей, онъ всюду по пути въ Россіи находитъ самый радушный пріемъ и пользуется обществомъ высоко образованныхъ и полезныхъ людей. Въ Москвѣ онъ останавливается у П. И. Бартенева, въ Конотопѣ у извѣстнаго библіографа С. И. Понамарева, съ которымъ потомъ осматриваетъ въ Кіевѣ городъ и пещеры; въ Нѣжинѣ его ласково принимаетъ его будущій начальникъ, а потомъ и тесть, Н. А. Лавровскій.

Въ самомъ свѣтломъ настроеніи пролетѣлъ Гротъ всю дорогу, набираясь впечатлѣній въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Львовѣ, Краковѣ, при чемъ осмотрѣлъ соляныя копи Велички (чрезвычайно интересно описанныя имъ въ письмѣ къ брату), въ Бреславлѣ, и даже смотрѣлъ маневры въ Лигницѣ.

XVII.

Отъ сентября до половины апрѣля продолжалась жизнь Грота въ Берлинѣ, откуда весной онъ перебрался въ Страсбургъ. Первыя берлинскія впечатлѣнія были самыя пріятныя. Счастливая звѣзда, казалось, не хотѣла покидать своего любимца: кромѣ впѣшнихъ удобствъ берлинской жизни ему на первыхъ же порахъ посчастливилось встрѣтить цѣлый рядъ лицъ, появленіе которыхъ на его горизонтѣ было большой удачей. Сперва онъ встрѣтилъ своего будущаго коллегу по нѣжинской каѳедрѣ П. И. Люперсольскаго, потомъ знакомится и сближается съ однимъ московскимъ магистрантомъ [1]), уже успѣвшимъ освоиться съ условіями берлинской городской и университетской жизни, а также съ работавшимъ тогда въ Берлинѣ Х. С. Головинымъ [2]), и наконецъ, недѣли двѣ послѣ пріѣзда, случайно, къ величайшей радости, на зна-

[1]) П. А. Зиловъ, позже профессоръ Н. Варшавскаго университета, а нынѣ попечитель Кіевскаго Учебнаго округа.

[2]) Впослѣдствіи профессоръ, директоръ Технологическаго Института и попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго округа.

нитой Unter den Linden встрѣчаетъ одного изъ своихъ бывшихъ университетскихъ товарищей, Г. Э. Зенгера, съ которымъ его впослѣдствіи связывала тѣсная дружба [1]). Объ этомъ лицѣ, имѣвшемъ несомнѣнно въ ту пору вліяніе на умственную жизнь Грота, онъ писалъ брату: „Онъ въ высшей степени умный, образованный и дѣльный молодой человѣкъ. Когда съ нимъ побесѣдуешь часа два, то стыдишься своего невѣжества въ иностранныхъ литературахъ, въ исторіи, даже... въ философіи—чего онъ только не читалъ, чего только не знаетъ! И кромѣ того онъ легитимистъ по убѣжденію, человѣкъ воззрѣній весьма умѣренныхъ и здравыхъ“. Съ своими новыми друзьями Гротъ прошелъ формальности матрикуляцій и вступилъ въ трудовую университетскую жизнь. Вначалѣ восторженное благоговѣніе передъ свѣтилами германской науки внушало новичку-студенту нѣкоторый страхъ. Но это неизбѣжное смущеніе скоро уступило мѣсто сознанію собственныхъ силъ и не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, мы видимъ Грота центромъ общаго вниманія на разныхъ философскихъ собраніяхъ, гдѣ его уже успѣли замѣтить и оцѣнить, какъ молодую, много обѣщающую силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему уже начинаютъ относиться съ симпатіей, какъ къ человѣку. Его разспрашиваютъ о состояніи философской науки въ Россіи, произносятъ въ честь его привѣтственные тосты въ застольныхъ бесѣдахъ и вообще относятся къ нему сердечно и дружески; нѣкоторые берлинскіе ученые приглашаютъ его къ себѣ и завязываютъ съ нимъ частное знакомство. Въ одномъ письмѣ къ брату онъ очень интересно описываетъ вступленіе свое, какъ гостя въ берлинское Философское общество, на засѣданіе котораго, соединенное съ обѣдомъ (28-го октября), онъ былъ введенъ однимъ своимъ знакомымъ. Здѣсь въ числѣ 15 человѣкъ присутствовали выдающіеся философы, напр. Мишеле, Меркеръ, Кирхманъ, Шасслеръ, Фредериксъ и др., отнесшіеся къ молодому русскому ученому съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Предсѣдательствующій профессоръ Меркеръ, представивъ обществу Н. Я., предложилъ за него (единственно въ этотъ разъ) тостъ, какъ за представителя русской философской науки въ берлинскомъ Философскомъ обществѣ. „Чокнувшись со всѣми“, разсказываетъ Н. Я., „я обратился къ собранію съ выраженіемъ благодарности и сказалъ небольшую рѣчь о состояніи философской науки въ Россіи,—

[1]) Онъ былъ впослѣдствіи его коллегой въ Нѣжинѣ.

рѣчь, которая имъ очень понравилась, такъ что они выразили надежду, что я когда-нибуть буду держать болѣе подробный Vortrag по этому предмету"... Вскорѣ Гротъ завоевалъ въ философскомъ кругу Берлина такое сочувсвіе и возбудилъ такія надежды, которыя обязывали оправдать составившееся о немъ лестное мнѣніе и заставляли его усилено работать. Особенно тепло отнесся къ нему извѣстный Лацарусъ, выразившій желаніе, чтобы Гротъ сдѣлался сотрудникомъ по русскому отдѣлу издаваемаго имъ „Zeitschrift für Völkerpsychologie".

Къ берлинскому періоду относится также не оставшееся для него безслѣднымъ сближеніе съ Ю. О. Самаринымъ, который провелъ въ Берлинѣ нѣсколько времени незадолго до своей кончины (1876), и о которомъ Н. Я. набросалъ тогда же свои воспоминанія. Не будемъ останавливаться на пересказѣ сообщеній Грота объ его участіи въ философскихъ собраніяхъ, о произносимыхъ имъ рѣчахъ и получаемыхъ привѣтствіяхъ; замѣтимъ только, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, стосковавшись по родинѣ, онъ пріѣхалъ къ пасхѣ въ Петербургъ повидаться съ родными, а затѣмъ уже рѣшилъ перебраться въ Страсбургъ.

XVIII.

Отдохнувъ въ семейной оостановкѣ, обновившись душой, онъ снова волнуется надеждами и предвкушеніемъ новыхъ научныхъ наслажденій. Здѣсь снова былъ моментъ колебанія въ выборѣ университета. Какъ прежде онъ колебался между Берлиномъ и Лейпцигомъ, такъ и теперь его тянуть къ себѣ Гейдельбергъ и Страсбургъ. Въ Гейдельбергъ его манили лекціи знаменитаго Куно Фишера; въ Страсбургъ его привлекали Либманъ, Лаасъ и Веберъ и прекрасно поставленныя психологическія семинаріи.

Впечатлѣнія отъ берлинскаго и страсбургскаго университетскаго преподаванія были у Грота далеко неодинаковыя: въ нѣкоторыхъ берлинскихъ профессорахъ-философахъ онъ отчасти разочаровался, тогда какъ страсбургская академическая жизнь имѣла на него самое отрадное и возбуждающее вліяніе. Единственно одно грустное письмо было получено отъ него изъ Берлина, откуда онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей: „Вы, вѣрно, вдали представляете мою жизнь въ розовыхъ краскахъ. Но я принужденъ васъ разочаровать". Затѣмъ

слѣдуютъ не совсѣмъ лестные отзывы о профессорахъ, изъ которыхъ одинъ отличается односторонностью направленія и эклектизмомъ, другой — краснорѣчивымъ многословіемъ, а большинство—переставшіе работать старики. „Но свѣтила въ Берлинѣ“—оговаривается Гротъ—„историки и физики“. Совсѣмъ не то было въ Страсбургѣ, гдѣ къ Гроту тотчасъ же снова вернулось его обычное, свѣтлое и жизнерадостное настроеніе. „Занятія мои“—писалъ онъ—„идутъ успѣшно, въ десять разъ успѣшнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Дѣло въ томъ, что тутъ отличные, молодые профессора, даже выше берлинскихъ, ибо въ Берлинѣ читаютъ все старики, тайные совѣтники, которымъ бы пора на покой... Недаромъ Страсбургъ славится теперь, какъ лучшій германскій университетъ: тутъ всѣ учатся, интересуются живыми вопросами науки. По субботамъ, утромъ, въ философскомъ семинаріи (7—9 ч. утра) мы ведемъ подъ руководствомъ Либмана оживленныя преніе о философскихъ вопросахъ; одинъ готовитъ рефератъ о какой-нибудь психологической проблемѣ, остальные критикуютъ и спорятъ.

„Въ одну изъ первыхъ субботъ и я держалъ такой рефератъ о метафизическихъ направленіяхъ въ наукѣ о душѣ, и очень удачно; съ этого дня Либманъ все ко мнѣ обращается съ вопросами во время лекціи. Живо и весело идетъ дѣло“.

По письмамъ Грота видно, что онъ прилагалъ немало труда на обработку своего Vortrag'a, съ одной стороны потому, что общее научное воодушевленіе его товарищей по психологическимъ семинаріямъ захватывало его и возбуждало въ немъ усиленную энергію и желаніе съ своей стороны принять дѣятельное участіе въ дружной работѣ, а съ другой, ему—хотя и съ дѣтства хорошо знавшему нѣмецкій языкъ, но все же не имѣвшему привычки вести на немъ серьезные диспуты и излагать сложныя и отвлеченныя разсужденія,—приходилось усиленно работать надъ нѣмецкой литературной рѣчью. „Въ Страсбургѣ“ — говоритъ онъ — „я со страстью принялся за дѣло, чему способствуютъ и добрыя вѣсти о состоявшемся моемъ назначеніи. Постоянно участвую въ философскомъ семинаріи и принимаю живое участіе въ дебатахъ. Либману я уже вручилъ часть моего сочиненія, переработаннаго и отдѣланнаго“. Кромѣ спеціальныхъ философскихъ занятій, онъ работалъ надъ рисунками микроскопическихъ размѣровъ малаго мозга, подъ руководствомъ доктора Денисенки въ лабораторіи въ Faculté de Médecine для журнала, издаваемаго проф. Вальдэйеромъ. Онъ уже чувствуетъ себя подготовленнымъ къ каѳедрѣ и жа-

лѣетъ, что Лавровскій извѣстилъ его объ отсрочкѣ начала лекцій по случаю перестроекъ въ Нѣжинскомъ Институтѣ.

XIX.

Съ начала сентября 1876 г. Николай Яковлевичъ становится экстраординарнымъ профессоромъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института.

Въ бытность свою за границей, какъ мы говорили, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ начать свою профессорскую дѣятельность, по минутамъ на него нападало безпокойство за свою юность и недостаточность подготовки, чувство совершенно понятное при отвѣтственной перспективѣ въ столь ранніе годы. И вдругъ въ дѣйствительности все оказалось несравненно легче и благополучнѣе, нежели онъ себѣ представлялъ. Онъ сразу встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны директора и товарищей, которые почтили его полнымъ довѣріемъ и, оцѣнивъ его, отвели ему не только видное, но и почетное мѣсто въ своей корпораціи. Вообще трудно представить себѣ болѣе радостное и счастливое начало общественной дѣятельности. Причиной такого успѣха былъ необычайный энтузіазмъ и пламенное, неудержимое стремленіе къ дѣятельности и даръ иниціативы. Благодаря этимъ качествамъ онъ невольно внесъ свѣжую струю въ жизнь провинціальной профессорской корпораціи, удрученной мертвымъ застоемъ уѣзднаго существованія. Еще раньше, чѣмъ успѣли оцѣнить въ Гротѣ созрѣвавшую крупную научную силу, онъ уже всѣмъ полюбился, какъ человѣкъ, и вселилъ во всѣхъ довѣріе къ своей разносторонней даровитости. Въ это солнечное утро своей жизни онъ испытывалъ хроническое упоеніе успѣхами своей дѣятельности.

Въ первомъ письмѣ изъ Нѣжина къ одному пріятелю Гротъ сообщаетъ: „Начну съ того, что я вполнѣ счастливъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Судьба меня балуетъ незаслуженно. Я только два мѣсяца въ Нѣжинѣ, а между тѣмъ по тому положенію, которое я занимаю въ здѣшнемъ кружкѣ, можно подумать, что я жилъ здѣсь годы. Лекціи мои съ самой первой пошли удачно, — удачнѣе, чѣмъ я желалъ и надѣялся“. Вскорѣ онъ писалъ еще: „Только-что прочиталъ лекцію и нахожусь подъ обаяніемъ этого чарующаго занятія,

лучше котораго я себѣ ничего вообразить не могу, причемъ трудно рѣшить, что лучше—читать или готовить лекцію: и то и другое чудесно". О своей будущей работѣ надъ диссертаціей онъ мечтаетъ какъ о какомъ-то невыразимомъ счастьѣ. Спѣша подѣлиться своими тріумфами съ родными, Николай Яковлевичъ писалъ: „Хоть мнѣ, по правиламъ закрытаго заведенія, и не аплодировали, но по отзывамъ моихъ сослуживцевъ, изъ которыхъ одинъ хвалилъ голосъ, другой—слогъ, третій — систему, четвертый — богатство содержанія, я могу заключить объ успѣхѣ". Далѣе слѣдуетъ сообщеніе: „Вчера меня выбрали членомъ трехчленной комиссіи, долженствующей выработать положеніе объ общихъ артельныхъ вечерахъ по субботамъ. Такія практическія дѣла придаютъ разнообразіе жизни, и я чувствую, что безъ нихъ Нѣжинъ могъ бы скорѣе надоѣсть". Затѣмъ Гротъ тотчасъ же былъ избранъ ревизоромъ институтской библіотеки, редакторомъ „Извѣстій Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института", старостой хозяйственныхъ профессорскихъ артелей и на него же было возложено произнесеніе академической рѣчи на торжественномъ актѣ слѣдующаго года: „Я счастливъ" — скромно говорилъ онъ — „общей любовью и выказываемымъ мнѣ уваженіемъ, которое трудно носить на плечахъ, зная, что ничѣмъ его не заслужилъ". За это довѣріе и неожиданный почетъ, самолюбивый молодой человѣкъ считалъ себя обязаннымъ отблагодарить блестящимъ выполненіемъ всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей. „Не могу не считать счастьемъ то обстоятельство" — писалъ онъ,—„что я началъ свое профессорское поприще въ такомъ скромномъ мѣстечкѣ, какъ Нѣжинъ; все въ немъ благопріятствуетъ самовоспитанію профессора. Остальные профессора и лица, съ которыми вхожу въ соприкосновеніе, тоже полюбили меня и особенно уважаютъ во мнѣ энергію, что по-русски означаетъ расторопность". Это счастливое сознаніе блестящаго успѣха внушаетъ Гроту горячую благодарность родителямъ за заботливое воспитаніе и за все, чѣмъ они помогли ему въ жизни. Описывая устройство своей чистенькой и уютной холостой квартирки, онъ пишетъ: „Я устроилъ у себя самый уютный уголокъ: около двери шумитъ вентиляторъ; дверь закрыта красивой портьерой; подъ ногами вездѣ коврики; на стѣнахъ портреты и картинки; въ углу желѣзный шестъ для гимнастики; окна вечеромъ сплошь закрыты шторами—уютно, тепло, мило — всѣ любуются порядкомъ, а секретъ въ томъ, что я сынъ Якова Карловича и Натальи Петровны".

XX.

Неугомонная жажда труда молодой, неуходившейся натуры и задушевное отношеніе къ товарищамъ не могли не возбуждать сочувствія; Гротъ рьяно, не щадя силъ, выполнялъ всѣ возлагаемыя на него дѣла и порученія, и весело было смотрѣть на эту неугомонную готовность служить общимъ интересамъ. Даже въ чисто практической сферѣ, напр. въ организаціи общаго артельнаго хозяйства холостыхъ профессоровъ онъ былъ находкой: замѣтивъ неумѣлость и безконтрольность въ веденіи этого дѣла, благодаря общей безпечности, онъ, самый младшій по годамъ и по службѣ, вскорѣ успѣлъ многое поправить и привести въ порядокъ. Понятно, что и въ практическихъ дѣлахъ онъ немедленно пріобрѣлъ прочную репутацію и что во всѣхъ отношеніяхъ на него стали возлагать обширныя надежды, а онъ съ ущербомъ для здоровья напрягалъ всѣ силы, чтобы оправдать ихъ.

Методическому и уравновѣшенному Якову Карловичу не по душѣ было такое неблагоразумное расходованіе силъ его сыномъ. Первые успѣхи сына были имъ приняты, конечно, съ сердечной радостью, но онъ не мирился съ тѣмъ, что сынъ его живетъ на всѣхъ парахъ,—понимая, что жизнь не можетъ быть фантастической феріей и что вѣчное лихорадочное возбужденіе и расточительная трата энергіи опасны и вредны. Вѣчно побѣдный, ликующій тонъ писемъ, волшебное обаяніе какого-то азартнаго энтузіазма, дававшаго яркую окраску всему существованію молодого ученаго,—все это наводило на грустную мысль о возможности ранняго надрыва и истощенія. Въ цѣломъ рядѣ писемъ Грота къ родителямъ неизмѣнно слышится упоеніе успѣхомъ: то онъ сообщаетъ, какъ студенты послѣ одной изъ первыхъ лекцій во множествѣ бросились въ библіотеку, уже заинтересованные философіей, то мы читаемъ такія строки: „Занятія мои идутъ очень хорошо. Студенты, судя по ихъ привѣтливымъ поклонамъ, по усердному записыванію и внимательному слушанію, любятъ мои лекціи и меня, своего юнаго профессора“. Предостереженія отца Николай Яковлевичъ выслушивалъ съ любовью и желаніемъ слѣдовать имъ, но не могъ сдержать свою неугомонную натуру и продолжалъ кипѣть и волноваться.

Въ своей частной жизни Николай Яковлевичъ испытывалъ одинъ недочетъ: его тяготило чувство одиночества послѣ

долговременной привычки къ семьѣ и отчасти начинала давать себя знать томительная прозаическая сторона уѣзднаго прозябанія. Прежде всего возникъ вопросъ, какъ держать себя въ отношеніи провинціальныхъ обычаевъ. Слѣдуя примѣру отца, Николай Яковлевичъ сразу и категорически объявилъ, что въ карты играть не станетъ, и только изрѣдка соглашался играть въ шахматы. „Всего печальнѣе“—писалъ онъ отцу,—„что я очень люблю общество и вслѣдствіе этого долженъ приносить ему въ жертву массу своихъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій. Россійскій обычай ложиться поздно производитъ на меня давленіе. Теперь я по будиямъ живу правильно, но по субботамъ и средамъ, когда бываютъ вечера или собранія у одного изъ товарищей, ложишься всегда позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Все это меня огорчаетъ, а между тѣмъ слѣдовать извѣстнымъ принципамъ трудно, когда всѣхъ моложе и рискуешь заслужить упреки въ педантичности, желаніи рисоваться и проч.“.

Но вскорѣ установившійся строй жизни радикально измѣняется благодаря его женитьбѣ. Необходимо однако, прежде чѣмъ перейти къ этому періоду жизни Грота, прослѣдить дальнѣйшіе успѣхи его профессорской и ученой карьеры.

XXI.

Гротъ очень скоро освоился съ каѳедрой и, по его выраженію, чувствовалъ себя на ней такъ свободно, какъ за обѣденнымъ столомъ среди друзей и родныхъ, и удивлялся, что еще недавно могъ бояться аудиторіи. Такой же успѣхъ онъ имѣлъ въ профессорской конференціи и тотчасъ же получилъ особую благодарность за разработку, по просьбѣ педагогическаго совѣта институтской гимназіи, вопроса о преподаваніи логики и психологіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Темой для магистерской диссертаціи онъ выбралъ вопросъ „Объ отношеніяхъ силлогизма къ индукціи и дедукціи“ и началъ уже заготовлять матеріалы, которые послѣ были употреблены имъ въ дѣло не въ магистерской, а въ докторской диссертаціи. Вскорѣ ему было суждено дебютировать и въ качествѣ оппонента въ Кіевскомъ университетѣ на диспутѣ Козлова, гдѣ онъ возражалъ очень удачно, но нѣсколько рѣзко и горячо, о чемъ послѣ жалѣлъ. Поѣздка въ Кіевъ на диспутъ Козлова подала поводъ къ знакомству Грота съ кіевскимъ профессо-

ромъ Гогоцкимъ, а сдѣланныя на диспутѣ возраженія были сгруппированы и обработаны въ особой брошюрѣ.

Посвящая все время упорной работѣ, Николай Яковлевичъ, однако, не могъ сразу остановить выборъ на опредѣленной темѣ для диссертаціи: послѣ изданія отдѣльной брошюрой своего возраженія Козлову, онъ напечаталъ актовую рѣчь „О сновидѣніяхъ, какъ предметѣ научнаго анализа“ и приготовилъ къ печати статью „О классификаціи чувствованій“, вскорѣ напечатанную во французскомъ журналѣ „Revue philosophique“. Отъ послѣдней статьи былъ уже естественный переходъ къ его магистерской диссертаціи „Психологія чувствованій“. Несмотря на быстрые успѣхи научной дѣятельности, скоро обратившей на себя вниманіе ученаго міра, Гротъ говорилъ однако: „всего этого мало; хочется больше, мечтаешь о томахъ, а пишешь страницы“.

Вскорѣ разносторонніе занятія Грота осложнились вслѣдствіе избранія его ученымъ секретаремъ и секретаремъ комиссіи по разработкѣ печатнаго каталога библіотеки. Тутъ уже онъ работалъ, не зная праздниковъ и засиживаясь часовъ до трехъ ночи, но постоянный успѣхъ поддерживалъ его энергію. „И все болѣе и болѣе“ — говорилъ онъ — „укрѣпляюсь въ надеждѣ кое-что сдѣлать по своему предмету: силы не ослабѣваютъ и энергія воли тоже. Только бѣситъ медленность всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Какъ я ни скоро работаю, а вотъ уже болѣе года сижу надъ диссертаціей! Сколько труда, времени и терпѣнія потрачено, а все недоволенъ! Моя работа будетъ имѣть историко-психологическій характеръ, и тутъ я долженъ былъ изучить бездну премудрости древней, средневѣковой и новой“.

XXII.

Между тѣмъ слухи объ успѣшной дѣятельности Грота достигли Москвы, гдѣ уже тогда возникло предположеніе пригласить его на каѳедру, осуществившееся лишь семь лѣтъ спустя. Не теряя времени, онъ сиѣшилъ, кромѣ спеціальныхъ занятій философіей, запастись цѣлымъ рядомъ элементарныхъ руководствъ по главнымъ отдѣламъ высшей математики для самообразованія. Такими широкими планами нашъ молодой философъ могъ задаваться, благодаря тому, что уединенная нѣмецкая жизнь давала широкій просторъ для научныхъ занятій: обстановка, въ которой онъ находился, была очень бла-

гопріятна для начала учено-литературной дѣятельности. Къ услугамъ юнаго профессора, безъ всякой конкурренціи, былъ весь обширный отдѣлъ фундаментальной библіотеки по части философіи и другихъ наукъ, пополнявшійся по его указаніямъ. Единственная помѣха со стороны мелочныхъ требованій провинціальнаго общества, была скоро устранена нашимъ молодымъ ученымъ, рѣшившимъ во что бы то ни стало отстоять свою самостоятельность въ этомъ отношеніи, руководясь при этомъ примѣромъ отца, умѣвшаго не дѣлать уступокъ толчеѣ праздной жизни. Н. Я. вращался, главнымъ образомъ, въ кругу своихъ коллегъ, изъ которыхъ особенно полюбилъ преподавателя исторіи П. И. Люперсольскаго и почтеннаго директора института, Н. А. Лавровскаго, на дочери котораго, Натальѣ Николаевнѣ, онъ [illegible] женился.

Увлеченіе избранницей сердца скоро заставило Николая Яковлевича дать себѣ отчетъ во всемъ строѣ своей личной жизни. Онъ писалъ родителямъ: „Прошла пора, когда я смотрѣлъ на жизнь, какъ на чашу славы и богатства. Самая лучшая цѣль жизни—уравновѣсить умственные, теоретическіе моменты съ моментами спокойнаго семейнаго счастья. Нѣмцы давно это поняли, и они на женитьбу смотрятъ какъ на долгъ, въ тотъ моментъ, когда они пріобрѣтутъ первую трудовую копѣйку. Это стимулъ къ новой работѣ. Вотъ и теперь у меня серьёзная цѣль въ жизни — сдѣлаться достойнымъ милой, идеальной дѣвушки. Я знаю, что меня ждетъ награда въ будущемъ и это удесетеритъ энергію моихъ добрыхъ намѣреній“. Онъ чувствуетъ, что любовь оказываетъ вліяніе и на его даръ краснорѣчія: „Сегодня читалъ лекціи съ особеннымъ воодушевленіемъ. Законы Вебера, Фехнера, Вундта излагались мною самымъ краснорѣчивымъ образомъ“.

XXIII.

Наконецъ, диссертація была окончена и напечатана, и оставался магистерскій экзаменъ, по поводу котораго Гротъ обратился съ запросами въ Москву и Кіевъ. „Изъ обоихъ мѣстъ пришли отвѣты благопріятные. Троицкій написалъ, что онъ находитъ диссертацію достойной и другой степени (докторской). Изъ Кіева тоже пишутъ, что достоинство диссертаціи всѣми безъ спору признано, что Козловъ считаетъ ее единственнымъ полнымъ историческимъ изложеніемъ вопроса.

какое только существуетъ, что экзаменъ будетъ только формальностью, etc". Гротъ защищалъ диссертацію, однако, не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, потому что, благодаря близости разстоянія, ему удобнѣе было пріѣзжать туда на каждый экзаменъ и тотчасъ же снова возвращаться къ семьѣ. Въ это время онъ былъ единогласно избранъ въ конференціи института ординарнымъ профессоромъ, но его уже манила мечта о профессурѣ въ одной изъ столицъ.

Сдѣлавшись магистромъ послѣ блистательнаго успѣха диссертаціи, Гротъ, повидимому, имѣлъ больше основаній разсчитывать на приглашенія со стороны столичныхъ университетовъ, но вышло иначе. „Съ Троицкимъ мы уговорились" — сообщалъ онъ — „отложить мой переходъ лишь на время, но я, признаться, плохо вѣрю въ возможность улаженія дѣла черезъ годъ. Теперь я уже доцентомъ не пойду, а профессорскихъ вакацій у нихъ нѣтъ". При такихъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать инымъ путемъ: испросивъ заграничную командировку, онъ почти безъ отдыха послѣ усиленнаго напряженія многихъ лѣтъ снова погружается съ головой въ работу надъ докторской диссертаціей, темой для которой послужили вопросы, занимавшіе его въ началѣ профессорства, когда онъ ставилъ ихъ на очередь для своей магистерской диссертаціи. Теперь онъ снова памѣтилъ мѣстомъ своего ученаго подвижничества Лейпцигъ, куда его особенно привлекала перспектива занятій подъ руководствомъ знаменитаго Вундта, но потомъ выборъ его остановился на Тюбингенѣ.

XXIV.

Выѣхавъ за границу, Гротъ, какъ всегда, не вытерпѣлъ, чтобы не совершить небольшого путешествія со всей семьей по слѣдующему маршруту: Вѣна, Тріестъ, Венеція, Флоренція, Генуя, Миланъ, Мюнхенъ, Штутгардтъ.

Тюбингеномъ Гротъ остался въ высшей степени доволенъ, даже еще больше, нежели когда-то Страсбургомъ: „Вы не можете себѣ представить" — писалъ онъ, — „какъ здѣсь легко и удобно живется. Вездѣ честность, аккуратность, взаимное довѣріе, на все таксы и правила и, благодаря такой строгой регламентаціи, остается только выговорить слово — и все, какъ изъ земли, растетъ и готовое лѣзетъ въ ротъ. Уже черезъ десять дней по пріѣздѣ въ этотъ незнакомый городъ и край,

вся жизнь потекла такимъ ровнымъ, правильнымъ и пріятнымъ теченіемъ, точно нѣсколько лѣтъ прошло, какъ мы здѣсь поселились. Но вы спросите, почему я выбралъ Тюбингенъ. Во-первыхъ, это одинъ изъ лучшихъ университетскихъ городовъ по климату, воздуху и живописному положенію. Во-вторыхъ, тутъ богатѣйшая философская библіотека. Въ третьихъ, тутъ извѣстный своими сочиненіями по логикѣ профессоръ Зигвартъ, наконецъ, отсюда рукой подать во всѣ лучшія мѣста Германіи и вообще средней Европы, въ Шварцвальдъ, на Рейнъ и въ Швейцарію, куда я надѣюсь пробраться лѣтомъ. Я вполнѣ доволенъ своимъ выборомъ: городокъ тихій и скромный, но жизнь удобна и дешева. Климатъ прекрасный, мѣстность поэтическая,—мы окружены горами, съ вершины которыхъ восхитительные виды на долину Неккара. Люди все хорошіе и очень любезные. Я познакомился съ нѣсколькими профессорами, и связи быстро расширяются. Вообще вся обстановка благопріятствуетъ успѣшному труду". Всѣ эти первыя впечатлѣнія потомъ все болѣе оправдывались, и Тюбингенъ оставилъ навсегда въ душѣ Николая Яковлевича пріятныя воспоминанія. „Тюбингенъ" — не устаетъ повторять онъ въ своихъ письмахъ — „все болѣе насъ очаровываетъ: мы устроились и живемъ гораздо удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ Нѣжинѣ. И что за чудное время: въ концѣ октября 15° въ тѣни, солнце, свѣтъ, очарованіе! Что за чудныя мѣста въ окрестностяхъ: вездѣ горы и лѣса, Неккаръ вьется въ живописной долинѣ! Много деревьевъ и вся трава имѣютъ еще свѣжій зеленый цвѣтъ, картина чудная! Народъ все прелюбезный и милый!" Въ довершеніе всего поразительными оказались дешевизна квартиръ и припасовъ. Но особенно Николай Яковлевичъ былъ въ восторгѣ отъ профессорской корпораціи. „У меня здѣсь знакомствъ, какъ всегда, уже множество", писалъ онъ. „Всѣхъ профессоровъ знаю лично и со многими очень сошелся. Всѣ они любезны ко мнѣ и ввели меня въ свой кругъ, какъ своего, роднаго. Я бываю по вторникамъ на ихъ собраніяхъ, гдѣ читаются по очереди рефераты ученые по всѣмъ наукамъ... Прекрасный обычай! Онъ поддерживаетъ энергію въ работѣ, и самолюбіе заставляетъ каждаго слѣдить за своей наукой... Нравы профессоровъ очень просты: они и танцуютъ, и на конькахъ катаются, и дѣлаютъ большія прогулки, вообще ведутъ себя, какъ всѣ смертные, хотя составляютъ здѣсь аристократію и богаче и лучше всѣхъ живутъ. Недавно былъ маскарадъ въ клубѣ, устроенный профессорскимъ обществомъ, и на немъ самые почтенные ученые,

европейскія знаменитости, были въ костюмахъ и дурацкихъ колпакахъ заодно со своими студентами и слушателями. Вообще я убѣждаюсь, что истинная наука не драпируется въ тогу ученой серьёзности и глубокомыслія. Эта драпировка нужна только пустоголовымъ, которые боятся, чтобы ихъ не смѣшали съ толпой. Здѣсь, несмотря на отсутствіе всякой внѣшней выставки, студенты глубоко уважаютъ своихъ профессоровъ, и никакіе скандалы немыслимы, ибо внутреннее содержаніе не подлежитъ сомнѣнію и внушаетъ къ себѣ почтеніе".

XXV.

Въ Тюбингенѣ Николай Яковлевичъ приступилъ къ работѣ надъ докторской диссертаціей „Къ реформѣ логики", которую онъ рѣшилъ напечатать въ одной изъ лейпцигскихъ типографій, гдѣ всегда много русскаго шрифта. Онъ слушалъ по четыре лекціи въ недѣлю проф. Зигварта, съ которымъ близко сошелся и у котораго часто бывалъ въ свободное время, дѣлясь съ нимъ сообщеніями о ходѣ своей работы. Этимъ профессоромъ онъ былъ особенно доволенъ, и послѣдній, въ свою очередь, съ большимъ сочувствіемъ относился къ нему. Между прочимъ Зигварту понадобились для изданія сочиненій Джіордано Бруно два списка сочиненій итальянскаго философа, пожертвованные Московскому Румянцевскому музею бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Норовымъ. Положивъ въ основу своего изданія подлинныя рукописи Бруно, хранящіяся въ Штутгардтской королевской библіотекѣ, профессоръ Зигвартъ желалъ выписать на время и списки Румянцовскаго музея. По просьбѣ Грота, удалось, благодаря содѣйствію покойнаго хранителя рукописей, А. Е. Викторова, выслать каталогъ Норовской библіотеки и фотографическій снимокъ съ одной страницы подлинной рукописи Бруно, но выслать самый оригиналъ было невозможно по уставу музея. Зигвартъ остался весьма благодаренъ музею и съ своей стороны далъ слово прислать въ подарокъ экземпляръ будущаго своего изданія.

При самой благопріятной обстановкѣ, диссертація, разумѣется, успѣшно подвигалась впередъ. Вскорѣ Гротъ писалъ родителямъ: „Хожу на лекціи проф. Зигварта и много работаю дома. Все тутъ поощряетъ къ работѣ: квартира веселая, погода чудная, виды восхитительные, люди милые и любезные,

много спеціалистовъ по моей наукѣ, съ которыми завожу интереснѣйшія знакомства и веду продолжительные разговоры“... Онъ горячо убѣждаетъ мать, чтобы она пріѣхала насладиться тюбингенскимъ климатомъ и тишиной.

Работа надъ диссертаціей продолжала подвигаться съ большимъ успѣхомъ и поразительной быстротой. Онъ пишетъ по этому поводу одному пріятелю: „Много оригинальнаго и новаго найдете въ моей теперешней работѣ. Теорія сужденій и выводовъ поставлена въ зависимость отъ теоріи ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи, о которой я говорю въ „Психологіи чувствованій“.

Быстро пролетѣла зима въ Тюбингенѣ, и приходилось подумать о лѣтней резиденціи и о возвратѣ на родину. Весну и начало 1882 г. Николай Яковлевичъ провелъ въ своемъ любимомъ Баденъ-Баденѣ, который онъ называлъ „божественнымъ“, а вторую половину лѣта — въ Чехіи (Теплицѣ) и въ августѣ возвратился въ Нѣжинъ съ оконченной и напечатанной въ Лейпцигѣ диссертаціей.

XXVI.

Вскорѣ для нетерпѣливаго и вѣчно рвущагося впередъ Николая Яковлевича, избалованнаго постояннымъ успѣхомъ, наступила година тоскливаго ожиданія диспута. Дѣло въ томъ, что у него все было готово и желательно было поскорѣе пройти черезъ этотъ искусъ, но явилась досадная задержка вслѣдствіе опасенія непріязненной студенческой манифестаціи противъ университетскаго начальства. Въ это время его усиленно приглашали въ Новороссійскій университетъ и самъ онъ рвался изъ Нѣжина, тѣмъ болѣе, что его другъ и тесть, Н. А. Лавровскій, уже покинулъ тогда институтъ и что жизнь въ Нѣжинѣ, особенно въ виду измѣнившихся условій, становилась для него все тяжелѣе. Нѣжинъ былъ для Грота мѣстомъ временнаго заточенія, съ которымъ можно было мириться на первыхъ порахъ, но засидѣться тамъ было не въ его интересахъ и не по его натурѣ. Въ ноябрѣ 1882 г. Николай Яковлевичъ писалъ родителямъ: „Я получилъ письмо изъ Кіева отъ декана Историко-Филологическаго факультета Антоновича съ извѣщеніемъ, что диспутъ мой еще болѣе откладывается по случаю опасенія безпорядковъ. Поэтому попечитель округа и ректоръ сами потребовали отъ факультета отсрочки диспута до окончанія лек-

ціи, т. е. до второй половины декабря. Это очень досадно, ибо выборы мои въ Одесскомъ университетѣ до Рождества уже не могутъ состояться". Но тутъ же онъ прибавляетъ о Нѣжинѣ: „Охъ, ужъ нужно терпѣніе право, чтобы на всю эту мерзость смотрѣть и съ нею мириться!" Притомъ замѣститель Н. А. Лавровскаго [1]), всѣми искренно любимаго и уважаемаго, безъ церемоніи заявилъ, что „поставилъ себѣ задачею ломать все, что было создано его предшественникомъ".

Наконецъ, 2 февраля 1883 г. состоялся давно ожидаемый диспутъ. По окончаніи диссертаціи, снова съ большимъ успѣхомъ защищенной въ Кіевѣ, послѣ чего, въ знакъ почета, студенты вынесли Грота изъ зала на рукахъ, послѣдній еще сильнѣе сталъ стремиться изъ Нѣжина. Дѣло о переходѣ въ Москву почему-то затянулось, и это особенно жаль потому, что въ злосчастномъ 1883 г. Николай Яковлевичъ схватилъ въ Нѣжинѣ жесточайшій ревматизмъ, послужившій началомъ недуговъ, расшатавшихъ его прежде крѣпкій организмъ. Между тѣмъ, имѣя приглашеніе и отъ Новороссійскаго университета, Гротъ рѣшилъ принять его, какъ единственный выходъ изъ Нѣжинскаго заточенія, тѣмъ болѣе тяжелаго, что недостатокъ людей въ уѣздной глуши какъ-бы обязывалъ его принимать на себя исполненіе разныхъ мелкихъ общественныхъ обязанностей, какъ по институту, такъ и въ городѣ: такъ, въ клубѣ его избрали однимъ изъ старшинъ, а, какъ членъ правленія института, онъ долженъ былъ взять на себя ревизію казеннаго имущества и проч.

XXVII.

Весной 1883 г., Николай Яковлевичъ былъ единогласно выбранъ въ Одессѣ ординарнымъ профессоромъ, но долженъ былъ отложить переѣздъ туда до осени. Вообще это былъ для него годъ томительныхъ ожиданій. „Мы весь годъ" — жаловался онъ — „все чего-нибудь ждемъ и нетерпѣливо жаждемъ. Сначала ждали рѣшенія вопроса о принятіи моей диссертаціи и о допущеніи ея къ защитѣ, потомъ ждали диспута, потомъ я заболѣлъ, и мы ждали долго моего выздоровленія, потомъ опять ждали назначенія диспута, потомъ выборовъ въ Одессѣ, тоже затянувшихся: наконецъ, будемъ ждать еще моего утвер-

[1]) Проф. И. Е. Скворцовъ.

жденія. Страшный годъ! весь какой-то неопредѣленный и выжидательный"! „Да и въ Одессу Гротъ ѣхалъ за перемѣщеніемъ лучшаго и, по его признанію, „былъ бы готовъ промѣнять одесскую ординатуру не только на экстраординатуру въ Москвѣ, но даже, пожалуй, и на доцентуру".

Осенью 1883 г. Гротъ уже переселился въ Одессу, куда поспѣшилъ переѣхать, — еще до полученія офиціальнаго утвержденія, и хотя въ послѣднемъ трудно было сомнѣваться, но его сильно разстраивала канцелярская проволочка, погрузившая его на время въ столь несвойственную ему апатію. Наконецъ, утвержденіе пришло, а съ нимъ вернулась и энергія Грота. Съ первой же лекціи онъ сдѣлался, какъ прежде на диспутѣ въ Кіевѣ, предметомъ самыхъ горячихъ и восторженныхъ овацій. Однако вмѣстѣ съ розами вскорѣ обозначились и шипы: популярность, особенно возросшая послѣ ряда публичныхъ чтеній, дорого обошлась Гроту, втянувъ его во множество знакомствъ, отвлекавшихъ его отъ работы и скоро ему наскучившихъ. Одесское общество своей меркантильностью произвело на него удручающее впечатлѣніе, и онъ скоро понялъ, что здѣсь самый громкій успѣхъ и самыя горячія похвалы большой цѣны не имѣютъ и щедро расточаемыя оваціи носятъ совершенно внѣшній характеръ.

Достаточно было замѣтить это и понять, что несмотря на всѣ привѣтствія, ему не найти въ своей аудиторіи задушевнаго отклика его идеямъ и стремленіямъ, какъ впечатлительнаго Грота охватилъ душевный холодъ и гнетущая тоска. Мишурная слава стала ему претить. Въ интимномъ письмѣ къ родителямъ у него вырвались однажды такія строки: „Положимъ, я здѣсь гремлю, но что́ толку! Вы часто меня предостерегаете противъ увлеченія оваціями, а если бы вы знали, какъ я въ душѣ къ нимъ равнодушенъ и какъ онѣ мнѣ даже противны. Если я иногда радуюсь увеличенію своего авторитета, то только ради идей, которыя я защищаю и которыя мнѣ святы".

Къ этому присоединилась тоска по роднымъ: „вотъ, увы, уже девять лѣтъ я въ изгнаніи; время идетъ, родители старѣютъ, а я все дальше и дальше отъ роднаго крова".

Вскорѣ своими публичными и университетскими лекціями Гротъ вызвалъ два противоположныхъ теченія, изъ которыхъ одно было за Грота, а другое — противъ него.

У Грота оказались ярые поклонники и враги. Даже студенты стали выступать въ мѣстныхъ газетахъ противъ него и

въ его защиту: стали издаваться направленныя противъ него полемическія брошюры, появленіе которыхъ почти совпало съ враждебной Гроту статьей въ „Дѣлѣ“ „Обыкновеннаго читателя“ (В. В. Лесевича), на которую Гротъ отвѣчалъ въ слѣдующемъ же № журнала, полемикой съ Н. И. Карѣевымъ и проф. Козловымъ, выступившимъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ (редакціи г. Оболенскаго) съ рѣзкой критикой докторской диссертаціи Грота „Къ реформѣ логики“. Все это показываетъ, до какой степени Гроту удалось заинтересовать своими трудами людей, занимающихся философскими вопросами. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ своего рода искусъ, быть можетъ, полезный для подготовки къ предстоящей ему вскорѣ широкой дѣятельности въ Москвѣ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ явился уже во всеоружіи зрѣлаго философскаго развитія. Между тѣмъ, горячо принимая къ сердцу всѣ выходки противъ него и сильно тяготясь одесской жизнью, Николай Яковлевичъ въ петербургѣ составлялъ довольно рискованные, впрочемъ мимолетные, планы перехода въ одну изъ столицъ хотя бы подъ условіемъ временной перемѣны карьеры. Кромѣ того, открывъ широкій доступъ въ свой домъ студентамъ и посвящая бесѣдамъ и спорамъ съ ними массу времени, онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что установившійся строй жизни сильно вредитъ его научнымъ работамъ; отъ замкнутой, отшельнической жизни въ Нѣжинѣ онъ, по общительности своей натуры, слишкомъ поспѣшилъ окунуться въ омутъ одесскаго круговорота. Студенты охотно посѣщали любимаго профессора, и имъ полюбилась простота и свобода отношеній и возможность вести споры и поучаться; но черезчуръ напряженная нервная жизнь и трудность сосредоточенія на любимыхъ занятіяхъ требовали перемѣны внѣшнихъ условій. Притомъ самолюбіе Грота жестоко страдало отъ равнодушія къ нему петербургскаго университета, гдѣ онъ первый былъ оставленъ по каѳедрѣ философіи и всегда считался блестящимъ и выдающимся студентомъ, подававшимъ большія надежды. Между тѣмъ, когда надежды эти какъ нельзя лучше оправдались, когда его имя упоминалось въ литературѣ наряду съ общепризнанными авторитетами науки, факультетъ забылъ о немъ и былъ глухъ къ его громкимъ успѣхамъ. Это было тѣмъ болѣе обидно, что одна изъ философскихъ каѳедръ давно пустовала послѣ смерти проф. Сидонскаго. Причиной такого неблаговоленія было несочувствіе его бывшаго учителя, проф. Владиславлева, къ научному направленію Грота.

XXVIII.

Постоянное стремленіе Грота на сѣверъ вскорѣ получило болѣе опредѣленный характеръ: его стало тянуть въ Москву, гдѣ ему было удобнѣе устроиться по сравнительной близости къ деревнѣ родителей (въ Рязанской губерніи) и собственной (въ Харьковской) и куда его привлекали болѣе благопріятныя условія климата, нежели въ Петербургѣ. Поэтому Гротъ очень желалъ и хлопоталъ, чтобы министерство, не навязывая его профессорской коллегіи въ Москвѣ и не называя его кандидатуры, только предложило выбрать второго профессора по философіи, потому что одна каѳедра въ Москвѣ была свободна. Въ промежуткахъ этихъ волненій Николай Яковлевичъ съ увлеченіемъ продолжалъ философскія работы, плодомъ которыхъ были статьи, появлявшіяся въ періодическихъ изданіяхъ или выходившія отдѣльными брошюрами. Въ числѣ этихъ работъ онъ особенное значеніе придавалъ статьѣ „Эгоизмъ и альтруизмъ передъ судомъ здраваго смысла и науки“, о которой писалъ, что „главная ея идея та, что наука, въ вопросахъ морали, только и можетъ оправдать и методически обосновать принципы морали здраваго смысла, христіанской религіи и разумной философіи“. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала статья „О классификаціи наукъ“ и статья о Джордано Бруно, прочитанная въ видѣ публичной лекціи. Хотя на эту лекцію, по причинѣ наступленія лѣтняго времени, собралось немного слушателей, но она произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и газеты дали о ней восторженные отзывы.

Пришлось, однако, пробыть еще годъ въ Одессѣ. Это былъ годъ введенія новаго университетскаго устава, согласно которому Николай Яковлевичъ обязанъ былъ обратить особенное вниманіе на изученіе Платона и одинъ изъ своихъ курсовъ цѣликомъ посвятить великому философу древности. Большой для него неожиданностью было послѣ этого полученіе офиціальной благодарности министерства ему *одному* изъ всей профессорской корпораціи. Хотя такое офиціальное поощреніе усугубляло надежды на переходъ въ Москву, но вмѣстѣ съ тѣмъ навлекало непріятности. „Многіе“ — писалъ онъ родителямъ, — „кажется, завидуютъ, другіе подтрунивають: я же размышляю о странности всего происходящаго на свѣтѣ: я получилъ похвалу за то, что исполнилъ уставъ и подчинился закону. Видно, плохо исполняются законы, если исполненіе

Госуд рственная
ордена Ло ка
[illegible]

ихъ рѣдкій случай и особо отмѣчается". Задѣтый за живое, Гротъ просилъ отца при свиданіи заявить министру, что онъ благодаритъ за поощреніе, но назначилъ чтеніе Платона *по собственному убѣжденію*, признавая для студентовъ желательнымъ близкое знакомство съ этимъ великимъ мыслителемъ, но что въ то же время онъ читаетъ съ ними Канта и другихъ великановъ философской мысли: Николаю Яковлевичу было обидно, что новый уставъ унизилъ преподаваніе философіи и ея исторіи, исключивъ этотъ предметъ изъ программы испытанія на государственномъ экзаменѣ.

Вскорѣ Николай Яковлевичъ съ большимъ успѣхомъ прочелъ публичную лекцію „О душѣ, въ связи съ современными ученіями о силѣ". Лекція привлекла такую массу слушателей, что университетскій залъ и хоры были буквально переполнены, и на ней присутствовали всѣ высокопоставленныя лица города. По окончаніи много аплодировали, а присутствовавшій архіепископъ Никаноръ, при выходѣ изъ зала, привѣтствовалъ Грота словами: „Ну, слава Богу, душа опять народилась на свѣтъ! Спасибо, Николай Яковлевичъ!".

Чрезвычайно интересовали Грота новѣйшія религіозно-философскія статьи гр. Л. Н. Толстого. Позволимъ себѣ привести нѣкоторыя любопытныя замѣчанія его на книгу Толстого „Ma religion". Сильно сочувствуя Толстому, онъ сначала указываетъ, однако, слабыя стороны его труда, именно: „1) чрезвычайный *радикализмъ*, т. е. непризнаніе никакихъ компромиссовъ и сдѣлокъ, неизбѣжныхъ для человѣческаго общества при несовершенномъ нравственномъ его развитіи, 2) отсутствіе *объективности*, а именно то, что онъ дѣлаетъ подборъ фактовъ, который ему нуженъ, игнорируя тѣ, которые противорѣчатъ его выводамъ, 3) отсутствіе *историческаго критерія*, заставляющаго его прилагать слишкомъ абсолютную мѣрку при оцѣнкѣ внѣшней формы и устройства жизни христіанскаго общества, выражающихся въ организаціи церкви".

„Толстой" — продолжаетъ Гротъ — „вообще смѣшиваетъ идеалъ съ его выполненіемъ и степенью возможнаго практически приближенія къ нему, и отсюда всѣ натяжки и несообразности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ высшей степени высоко и ясно истолковалъ искаженный и утраченный современнымъ обществомъ христіанскій идеалъ и сумѣлъ указать правильно на способъ примиренія христіанскаго ученія съ научно развитымъ современнымъ разумомъ. Въ этомъ и состоитъ его заслуга. Масса, слѣпо вѣрующая и стоящая на точкѣ зрѣнія

непосредственнаго религіознаго сознанія, не поймет его конечно; для нея и для церкви Толстой останется еретикомъ; но для философствующаго ума ереси вѣдь вовсе и не существуетъ, а существуютъ только истина и заблужденіе или, еще лучше, только различныя ступени приближенія къ истинѣ. Для него названіе Толстого еретикомъ не имѣетъ никакого значенія, ибо понятіе ереси соотносительно понятію догмата: одно безъ другого невозможно, а догмата для философа не существуетъ. Для философа Толстой — мыслитель, достигшій высокой степени приближенія къ истинѣ и подорвавшій въ корнѣ философскую аргументацію атеистовъ и узкихъ матеріалистовъ.[1]) Въ этомъ именно смыслѣ и слѣдуетъ понимать его значеніе: онъ писалъ для мыслителей, а не для массы, не для людей чувства. Онъ мыслитель-аристократъ: его ученіе надо демократизировать, чтобы оно сдѣлалось достояніемъ народа“...

XXIX.

Въ началѣ 1886 года стали доходить до Грота сначала смутныя, а потомъ все болѣе опредѣленныя извѣстія о предстоявшемъ назначеніи его въ Москву ординарнымъ профессоромъ. „Тихоправовъ“ — сообщаетъ онъ родителямъ — „говорилъ, что ординатура есть и ждетъ меня. Еще кто-то говорилъ Кочубинскому [1]) о достовѣрности моего назначенія осенью. Смирновъ, профессоръ философіи въ Казани, стремится въ Одессу перейти изъ-за болѣзни дочери“.

Наконецъ онъ получилъ каѳедру въ Москвѣ осенью 1886 г., и съ этихъ поръ началась лучшая пора его жизни и ученой дѣятельности. Теперь онъ могъ себя чувствовать твердо ставшимъ на ноги ученымъ и руководить другими, тогда какъ прежде его отвлекали то полемика, то разные обязательные пекусы, черезъ которые слѣдовало пройти по установленнымъ правиламъ. Теперь онъ могъ дѣйствовать безъ всякой сковывающей по рукамъ и ногамъ внѣшней регламентаціи. Еще недавно онъ мечталъ: „О, если бы я въ Москву попалъ! Какъ бы я расширилъ свою дѣятельность и сколько новыхъ

[1]) Профессоръ Новороссійскаго Университета, товарищъ Н. Я., которому принадлежитъ починъ въ привлеченіи его въ Одессу и записка о немъ: „Очеркъ ученo-литературной дѣятельности профессора Н. Я. Грота“ Одесса, 1883.

силъ привлекъ бы изъ молодежи къ занятіямъ философіей!" Невольно вспоминается, какъ блестяще оправдались эти надежды.

Вступительная лекція опять прошла блистательно, хотя и не было здѣсь такихъ необычайныхъ овацій, какими сопровождались диспуты въ Кіевѣ и вступительная лекція въ Одессѣ. Во всякомъ случаѣ его привѣтствовали громкими, долго не смолкавшими рукоплесканіями; новые коллеги наперерывъ поздравляли его съ успѣхомъ; редакторъ „Русской Мысли" [1]) тутъ же пригласилъ помѣстить его лекцію въ своемъ журналѣ, а Н. С. Тихоправовъ, бывшій тогда предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности, предложилъ баллотировать его въ это общество, дѣйствительнымъ членомъ котораго Гротъ съ тѣхъ поръ и сдѣлался. Въ скоромъ времени онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Психологическаго Общества, которое до тѣхъ поръ существовало лишь номинально, но съ избраніемъ Грота, какъ извѣстно, необычайно оживилось и быстро пріобрѣло довѣріе и симпатіи публики. Все это, конечно, требовало напряженной энергіи. Вскорѣ послѣ вступительной лекціи онъ писалъ: „Это время для меня самое критическое, рѣшающее мою судьбу въ Москвѣ на нѣсколько лѣтъ. Мало блеснуть вступительной лекціей, чтобы завоевать прочныя симпатіи студентовъ и всѣхъ окружающихъ. Надо поддержать репутацію, а для этого много тратится силъ. До сихъ поръ все идетъ хорошо". Въ то же время Гротъ почувствовалъ себя въ водоворотѣ большого города: быстро составился у него обширный кругъ знакомства и завязались самыя разнообразныя отношенія, начиная съ генералъ-губернатора—изъ представителей официальнаго міра, и гр. Л. Н. Толстого—изъ тузовъ міра мысли и идеаловъ. Гротъ постоянно получалъ множество приглашеній, отъ которыхъ не могъ и не хотѣлъ отказываться, а между тѣмъ все это поглощало массу времени, а на первыхъ порахъ онъ даже едва поспѣвалъ сдѣлать то, что считалъ безусловно необходимымъ. Особенно было для него пріятно и имѣло важное значеніе, послѣ сближенія съ гр. Толстымъ, близкое знакомство съ Вл. С. Соловьевымъ, который, въ свою очередь, поспѣшилъ познакомить его съ Фетомъ, какъ переводчикомъ Шопенгауера. „Мы, кажется, очень сойдемся съ Соловьевымъ", — писалъ Гротъ, — „и затѣваемъ съ нимъ издавать философскій журналъ: онъ берется достать денегъ, а я буду редакторомъ и организаторомъ".

[1]) В. А. Гольцевъ.

Теперь, когда мысль Грота получила удачное осуществленіе, трудно представить себѣ, какъ въ свое время она показалась рискованной и безумно смѣлой. До тѣхъ поръ было нѣсколько робкихъ и неудачныхъ попытокъ создать что-либо вродѣ философскаго журнала, напр. „Философскій трехмѣсячникъ“ Козлова, но всѣ онѣ оканчивались полнѣйшимъ фіаско. Родители опасались за Грота, какъ въ отношеніи успѣха его предпріятій, такъ и боясь за его здоровье, но онъ утверждалъ противное. „Болѣе года я страдалъ отъ апатіи, вытекавшей изъ безнадежнаго моего положенія по отношенію къ Москвѣ. Я былъ нравственно боленъ, ослабѣлъ и утратилъ бодрость духа, вслѣдствіе боязни, что моя ученая карьера (въ лучшемъ смыслѣ) будетъ разбита необходимостью бросить профессуру и всѣ любимыя занятія. Я страдалъ и болѣлъ отъ униженій и отъ уязвленнаго чувства собственнаго достоинства, страдавшаго отъ мысли, что я, имѣющій право на мѣсто въ Москвѣ, долженъ клапяться и просить. Я уже начиналъ терять вѣру въ себя и думать, что я не нуженъ Москвѣ. Но я собралъ силы — и побѣдилъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе вижу величину побѣды. Я вижу, что инстинктъ меня не обманулъ, что я былъ нуженъ Москвѣ, какъ и она мнѣ, что я могу быть полезенъ и необходимъ. Я доказалъ, что имѣю право стремиться въ Москву и что я достоинъ каѳедры въ здѣшнемъ университетѣ. Я ожилъ, недуги слетѣли съ плечъ, силы удесятерились, здоровье и молодость обновились — я сталъ другимъ человѣкомъ. Мнѣ нужно дѣйствовать. Я чувствую, что отъ меня ждутъ „дѣйствія“, что слабое дѣйствіе несоразмѣрно положенію; хочу упрочить свое положеніе и не дать остыть симпатіямъ“.

XXX.

Послѣдствія показали, что непоколебимая вѣра Грота въ свои силы и въ свою „счастливую звѣзду“, какъ онъ любилъ выражаться, были чрезвычайно благотворны. Въ приведенныхъ выше строкахъ могло бы показаться преувеличеннымъ одно выраженіе: „я могу быть Москвѣ полезенъ и *необходимъ*“. Безъ сомнѣнія, Гротъ имѣлъ право сказать первое; но какъ утверждать заранѣе, что онъ будетъ Москвѣ *необходимъ*? Но на дѣлѣ вышло именно такъ, потому что его бодрой иниціативѣ чрезвычайно было обязано Московское Исп-

хологическое Общество и русская философская наука. Если часто дѣлу вредитъ неосмотрительность и необдуманный рискъ, то съ другой стороны, когда оно назрѣло, смѣлая, самоувѣренная инициатива составляетъ огромную заслугу.

Со времени предсѣдательства Грота (съ 1888 г.) Психологическое Общество, благодаря энергіи своего главы и соединенію въ Москвѣ многихъ молодыхъ, но уже весьма почтенныхъ и много обѣщавшихъ силъ, начало функціонировать съ неслыханнымъ у насъ оживленіемъ; закипѣла работа дружная и бодрая. Разумѣется, если бы Гротъ не могъ опираться на такія солидныя силы, на такое множество надежныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ, то его планы остались бы на степени самонадѣянной затѣи; въ свою очередь, нелегко было сплотить разрозненныхъ дѣятелей и дружно двинуть хорошо организованное дѣло, но не случайно то, что именно Гротъ рѣшился взять на свои плечи инициативу и своей вѣрой въ успѣхъ и даромъ организаціи вложить душу въ задуманное предпріятіе. Новость дѣла была очень серьёзной помѣхой. Но вотъ Общество стало часто собираться, и засѣданія его настолько заинтересовали московскую интеллигенцію, что актовый залъ университета въ годичныя торжественныя засѣданія (24 января) и юбилейныя, напримѣръ, посвященное памяти Шопенгауера, бывалъ переполненъ публикой, и на нѣкоторыя было весьма трудно достать билеты. Рефераты печатались большей частью въ „Трудахъ Психологическаго Общества“, но скоро обиліе ихъ стало уже наводить на мысль о созданіи философскаго журнала (мысль о которомъ, какъ мы видѣли, уже мелькала раньше у Грота), и вотъ являются въ 1889 г. „Вопросы философіи и психологіи“. Предпріимчивый и бодрый, свѣтлый взглядъ Грота на будущее и здѣсь оказалъ большую пользу. Силъ философскихъ было достаточно, но важно было дать имъ рѣшимость бороться съ равнодушіемъ и недовѣріемъ къ новому дѣлу. Особенно страшила предпринимателей непривычка нашего общества къ философскому чтенію. Даже въ печати мысль о философскомъ журналѣ встрѣтила далеко не единодушное сочувствіе, а нѣкоторые органы прямо предсказывали неуспѣхъ и насмѣшливо качали головой. Особенно „Сѣверный Вѣстникъ“ (редакція г-жи Евреиновой) прямо говорилъ, что интересно молъ будетъ посмотрѣть, что-то изъ этой затѣи выйдетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ заявленія редакціи вновь возникающаго философскаго журнала о томъ, что въ немъ будутъ помѣщаться статьи одинаково всѣхъ

философскихъ направленій. Казалось, что философскій журналъ, не преслѣдующій никакихъ публицистическихъ цѣлей и ставящій единственной своей задачей познаніе отвлеченныхъ философскихъ истинъ, и долженъ отличаться отъ политическихъ и литературныхъ журналовъ, но новость дѣла мѣшала въ то время многимъ отрѣшиться отъ привычной точки зрѣнія.

Вскорѣ однако дѣятельность Психологическаго Общества и изданіе философскихъ сборниковъ, а затѣмъ и журнала увѣнчались полнымъ успѣхомъ, который превысилъ ожиданія самого Грота. Зато его безпощадно терзали другія заботы и волненія. Уже въ концѣ 1886 г., когда Гротъ только началъ свои завоеванія въ сферѣ литературно-философской дѣятельности въ Москвѣ, ему пришлось волноваться по поводу статьи Одесскаго преосвященнаго Никанора, представлявшей собой съ одной стороны, какъ бы своего рода „доносъ“ на Грота предержащимъ властямъ и обвиненіе въ неблагонадежности, а съ другой—упрекъ въ измѣнѣ прежнему направленію яко-бы ради карьеры и успѣха въ официальныхъ сферахъ. И то и другое было одинаково несправедливо и обидно. „Ничего такого, что онъ мнѣ приписываетъ“—говорилъ Гротъ—„я никогда и не думалъ, а въ концѣ на счетъ поворота онъ уже совсѣмъ зарапортовался. Никогда я никуда не поворачивалъ, а шелъ все прямо и неуклонно впередъ, но такъ какъ сфера мысли похожа на сферу земли, то неудивительно, что я, какъ путешественникъ вокругъ свѣта, сталъ нынѣ въ отношеніи къ исходной точкѣ „антиподомъ“ своимъ. Большинство критиковъ моихъ никакъ не хочетъ понять этого, и вѣроятно, изумилось бы, если бы я сказалъ, что ни отъ одного изъ своихъ утвержденій въ прежнихъ сочиненіяхъ я не отказываюсь и не имѣю нужды отказываться. Ограничены мною только нѣкоторыя отрицанія, но это уже неизбѣжный процессъ развитія, и переходъ отъ односторонности къ разносторонности не есть, конечно, „поворотъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Никанорова статья тѣмъ скверна, что даетъ религіозно-политическое истолкованіе тѣмъ мыслямъ, которыя у меня не имѣли никакого отношенія къ религіи и политикѣ“... Гротъ написалъ своему противнику возраженіе, которое помѣстилъ въ „Православномъ Обозрѣніи“. Выходка Никанора тѣмъ больше раздражала его, что Никаноръ считалъ и называлъ его своимъ „другомъ“. „Это ужъ не дружба и расположеніе, въ которомъ Никаноръ меня увѣряетъ“—говорилъ Гротъ—„если онъ полицейскій рапортъ начальству превращаетъ въ статью“...

Постоянная напряженная дѣятельность, множество связей и свѣтскихъ отношеній и полемика мѣшали Гроту отдаваться вполнѣ впечатлѣніямъ жизни, но сознаніе достигнутаго успѣха и осуществленіе давней мечты о Москвѣ наполняло его душу отрадой. „Съ какимъ удовольствіемъ“—говоритъ онъ—„я иногда проѣзжаю черезъ Кремль и размышляю, что нахожусь въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, составляя одинъ изъ кусочковъ ткани этого сердца. Но я еще не наслаждаюсь Москвой вполнѣ. Сначала надо потрудиться хорошенько, чтобы пріобрѣсти досугъ и возможность жить посвободнѣе. Я еще ни разу не имѣлъ времени пойти погулять безъ цѣли въ Кремль и насладиться спокойно видомъ Москвы,—ни разу еще мы не были ни въ музеяхъ, ни на выставкахъ и въ галлереяхъ“.

XXXI.

Чтобы понять и оцѣнить значеніе научной и профессорской дѣятельности Грота во всемъ ея объемѣ, необходимо, кромѣ изученія его печатныхъ трудовъ, принять во вниманіе его горячее, задушевное отношеніе къ взятымъ на себя обязанностямъ и особенно живое вліяніе на сотрудниковъ и учениковъ; надо почувствовать то обаяніе его личности, о которомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя воспоминанія; надо знать, что онъ безъ расчета жертвовалъ своими силами и успѣшно справлялся одновременно со многими задачами и во всякое дѣло влагалъ душу. По словамъ г. Викторова, „его чтеніе одушевлялось обыкновенно животрепещущей и увлекательной непосредственностью. Онъ ни разу не читалъ стараго курса. Онъ самъ неоднократно указывалъ на то, что считаетъ для себя совершенно невозможнымъ предлагать слушателямъ уже разъ прочитанныя записки и что ему всегда трудно готовиться къ курсамъ, такъ какъ онъ составляетъ ихъ заново изъ года въ годъ“. „Мы присутствовали“ — продолжаетъ тотъ же авторъ — „всегда при живомъ ростѣ философской мысли, видѣли, что самъ профессоръ живо заинтересованъ тѣмъ, какъ складываются его воззрѣнія, къ какимъ возможнымъ выводамъ они приведутъ“. Особенно полезны были для студентовъ практическія занятія, такъ называемыя „семинаріи“. По свидѣтельству того же лица, „Николай Яковлевичъ снабжалъ студента литературными указаніями, давалъ свои книги, бралъ книги изъ университетской библіотеки, недоступной для сту-

дента, совѣтовался о деталяхъ сочиненія. Онъ неотступно слѣдилъ за работой студента и постоянно поднималъ его энергію. При этомъ онъ обладалъ удивительной способностью внушать студенту довѣріе къ собственнымъ силамъ. Онъ послѣдовательно проводилъ въ своей педагогической дѣятельности то правило, что слишкомъ трудныхъ темъ для студентовъ не существуетъ". Несмотря на испытанное въ Одессѣ неудобство отъ чрезмѣрной доступности для студентовъ, невыгодной съ точки зрѣнія экономіи силъ и времени, по добротѣ и живости своего характера Гротъ и въ Москвѣ широко раскрылъ для своихъ слушателей двери квартиры. Какъ въ аудиторіи онъ предлагалъ студентамъ свободно критиковать каждую прочитанную имъ лекцію (на практическихъ занятіяхъ), при чемъ „обаятельныя черты его личности создавали такую атмосферу, благодаря которой эти практическія занятія привлекали къ себѣ много охотниковъ", такъ даже на улицѣ, по дорогѣ домой, онъ охотно велъ оживленныя бесѣды со студентами и иногда горячо съ ними спорилъ. Словомъ, его отношенія къ студентамъ носили совершенно свободный, товарищескій характеръ; онъ „охотно выслушивалъ всякія замѣчанія, вступалъ въ споръ съ аудиторіей". Добрымъ хозяиномъ и наставникомъ-товарищемъ онъ былъ также для своихъ гостей-студентовъ во время лѣтняго отдыха на своей дачѣ въ с. Кочеткѣ (Харьковской губ.). „Онъ свободно вводилъ насъ въ семью" — говоритъ г. Викторовъ — „охотно дѣлился съ нами неистощимымъ запасомъ заразительной веселости. Николай Яковлевичъ былъ мастеръ устраивать разнаго рода пикники, поѣздки верхомъ, катанья на лодкѣ, уженье рыбы, охоту". Однимъ словомъ, „онъ былъ близокъ къ осуществленію идеала всесторонняго, искренняго, тѣснаго общенія и взаимодѣйствія профессоровъ и студентовъ. Онъ былъ профессоръ-товарищъ".

XXXII.

Философію Гротъ любилъ, по выраженію одного изъ его слушателей, какъ живое существо, и особенно живо интересовался вопросами этики и психологіи. По словамъ г. Айхенвальда, „для двойной бухгалтеріи души онъ былъ слишкомъ искренній, прямой и чувствующій мыслитель, и при всемъ динамизмѣ его философіи, при всѣхъ колебаніяхъ его отвле-

ченной мысли, всегда оставался неизмѣннымъ и внятнымъ одинъ основной тонъ, одинъ пребывающій и жгучій мотивъ; это рѣшеніе нравственной проблемы. Всего дороже было то, что Гротъ всегда оставался искреннимъ искателемъ добра и истины и невольно импонировалъ этими качествами молодежи, всегда чуткой ко всему правдивому какъ въ сферѣ практической, такъ и въ научной. Поэтому профессорскій авторитетъ его нисколько не умалялся даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это случалось сплошь и рядомъ, участники спора стояли не на сторонѣ профессора". При своей обширной эрудиціи и искренней любви къ философіи и къ студентамъ, Гроту пріятно было держать себя въ сношеніяхъ съ аудиторіей просто и свободно, и онъ всегда могъ считать себя застрахованнымъ отъ неподобающихъ казусовъ или необдуманныхъ выходокъ. Въ послѣдніе годы ему случалось, не безъ серьёзнаго личнаго риска, съ свойственной ему горячностью вступаться за интересы университетской молодежи, а съ другой стороны, когда нужно, онъ не стѣснялся откровенно высказывать ей непріятныя вещи, какъ это бывало впрочемъ еще въ Новороссійскомъ университетѣ. Иногда въ надеждѣ на его поддержку, по юношеской неопытности, студенты заявляли ему такія вожделѣнія во время такъ называемыхъ „студенческихъ исторій", что ему приходилось съ улыбкой отвѣчать: „господа, какъ вы хотите отъ насъ, профессоровъ, *требовать* того, о чемъ мы можемъ только *просить* у высшаго начальства". Въ торжественные дни университетской годовщины, какъ бывало и прежде въ Одессѣ, Гротъ нерѣдко былъ предметомъ овацій въ видѣ привѣтственныхъ кликовъ и традиціоннаго качанія.

XXXIII.

Въ качествѣ редактора журнала Николай Яковлевичъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, работалъ горячо и съ беззавѣтной энергіей, ему вообще всегда былъ по душѣ организаторскій и творческій трудъ. Успѣхъ журнала радовалъ его, какъ заслуженная награда и какъ источникъ нравственнаго самоудовлетворенія; онъ чрезвычайно любилъ также роль двигателя и воодушевителя полезнаго предпріятія; наконецъ, въ его натурѣ было кипѣть и волноваться и жертвовать всѣмъ для идеи. Поэтому читатель заранѣе могъ бы предуга-

дать слѣдующую характеристику его какъ редактора, сдѣланную г. Иваповскимъ. „Здѣсь“ — говоритъ онъ — „какъ и во всей его дѣятельности въ Психологическомъ Обществѣ, проявились тѣ черты его характера, которыми онъ отличался всю свою жизнь: его энергія и предпріимчивость, его живой характеръ, способный всякаго увлечь и заставить работать, наконецъ, его выдающійся организаторскій талантъ и большіе литературные и издательскіе навыки. Николай Яковлевичъ во все входилъ самъ; онъ вникалъ во всѣ мелочи — иногда до такой степени, что забота его объ этихъ деталяхъ начинала со стороны казаться просто утомительной. Но зато надо отдать ему справедливость: никто, вѣроятно, не могъ бы, когда было нужно, проявлять такую дѣятельность, объѣзжать массу лицъ, упрашивая ихъ, настаивая на томъ, чтобы они сдѣлали все, что могутъ, сноситься съ такой массой оффиціальныхъ учрежденій, съ цензурой, типографіями и т. д. и т. д. Николай Яковлевичъ все заранѣе предвидѣлъ; онъ предусматривалъ всякую мелочь практической постановки вопроса, доходя до ничтожной опечатки въ выходившихъ подъ его редакціей изданіяхъ, — опечатки, заставлявшей его по истинѣ страдать, огорчавшей его до глубины души. Это-то *живое* отношеніе къ дѣлу и дѣйствовало такъ обаятельно на всѣхъ, кому приходилось имѣть съ Николаемъ Яковлевичемъ дѣло“.

XXXIV.

Послѣ сказаннаго нѣтъ нужды долго останавливаться на характеристикѣ задушевныхъ отношеній Грота къ товарищамъ и сотрудникамъ по журналу и Психологическому Обществу. Довольно сказать, что со всѣми ними онъ былъ въ истинно дружескихъ отношеніяхъ. Въ числѣ его ближайшихъ друзей нельзя не назвать Вл. Соловьева, Лопатина, Преображенскаго, братьевъ Трубецкихъ, Астафьева, Звѣрева и проч. Вообще, къ чести Московскаго Психологическаго Общества, надо сказать, что главные его двигатели и представители были всегда не только связаны живыми научными интересами, но самой задушевной и благородной дружбой. На семейныхъ праздникахъ Николая Яковлевича всегда можно было встрѣтить этихъ искреннихъ его друзей, какъ самыхъ дорогихъ и почетныхъ гостей, такъ же задушевно относившихся другъ къ другу,

какъ и къ самому хозяину. Здѣсь царствовала простота и искренность отношеній, среди которой пріятно было отдыхать душой. И нельзя вспомнить безъ грусти, какъ эта дружная и прекрасная семья идеалистовъ, по волѣ неумолимаго рока, распалась, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда большинство лучшихъ ея членовъ, одинъ за другимъ, по товарищески, словно сдѣлавшись жертвой какой-то эпидеміи, или какъ будто не вынося разлуки, дружной вереницей преждевременно сошли въ могилу. И все люди молодые, полные энергіи и высокихъ, благородныхъ стремленій! Гротъ, сплотившій и организовавшій эту дружную философскую семью, проникнутую однимъ духомъ и одними идеалами, какъ будто увлекъ ее за собой въ другой, лучшій міръ. Еще недавно всѣ они цвѣли надеждами и бодро работали вмѣстѣ, а теперь отъ этой кипучей жизни остались однѣ могилы, да память свѣтлая и назидательная для оставшихся и для будущихъ тружениковъ на томъ же полѣ.

Кромѣ связи съ сверстниками, Гротъ также былъ связанъ дружескими отношеніями и съ нѣсколькими замѣчательными людьми другихъ поколѣній, какъ гр. Л. Н. Толстой и Фетъ-Шеншинъ. Глубокое нравственное сближеніе его съ Толстымъ было уже давно подготовлено той высокой, но не лишенной критики и чуждой фанатизма, глубоко осмысленной оцѣнкой ученія, проповѣдуемаго Толстымъ. Для Грота, какъ и для Толстого, выше всего имѣли значеніе вопросы этики и на этомъ они сошлись. Любимымъ предметомъ размышленій Грота одно время было сопоставленіе Толстого и Ницше. „Когда ему надо было высказаться о духовномъ богатырѣ Толстомъ и о потухшей мысли Фридриха Ницше“ — говоритъ г. Айхенвальдъ — „онъ не могъ долго колебаться въ своемъ выборѣ и оцѣнкѣ“. Толстой, въ свою очередь, цѣнилъ въРотѣ живого, увлекательнаго собесѣдника, въ бесѣдѣ съ которымъ, какъ съ спеціалистомъ, онъ могъ провѣрять нѣкоторые философскіе факты и положенія и въ которомъ онъ видѣлъ ученаго, горячо интересовавшагося тѣми же вопросами, которые его самого совершенно захватывали и волновали. Объ этихъ-то вопросахъ у Грота обычно шла оживленная бесѣда съ величайшимъ современнымъ русскимъ художникомъ и мыслителемъ, а съ Фетомъ они имѣли соединительное звено въ общемъ любимцѣ — философѣ Шопенгауерѣ.

Такимъ образомъ въ Москвѣ Гротъ нашелъ живой отголосокъ завѣтнымъ запросамъ своей души, начиная съ такого

колосса мысли и слова, какъ Л. Н. Толстой, и кончая цѣлой философской колоніей, пріютившейся въ самомъ сердцѣ Россіи, откуда и подобало блеснуть спону первыхъ философскихъ лучей въ нашемъ отечествѣ.

XXXV.

Борьба съ препятствіями и всякія волненія попрежнему давали пищу дѣятельному темпераменту Грота, но, конечно, не могло не быть вредно для него сплошное, чрезмѣрное напряженіе; какъ мы видѣли, до сихъ поръ у него еще не было полосы спокойной и нормальной дѣятельности, а это должно было рано или поздно отозваться на его организмѣ. Если съ одной стороны на Грота имѣло отрадное и воодушевляющее дѣйствіе сближеніе его съ графомъ Л. Н. Толстымъ, а также большое сочувствіе его дѣятельности со стороны университетской корпораціи и лучшей части московской интеллигенціи, то съ другой ни Гроту, ни вообще Психологическому Обществу нельзя было избѣжать яростнаго ожесточенія одного органа печати, не поскупившагося на грубыя оскорбленія предсѣдателя Общества и его членовъ. Николай Яковлевичъ, получавшій даромъ „университетскую“ и часто враждебную университету газету, относился къ ея недостойнымъ выходкамъ весьма благодушно, но скоро пересталъ въ нее заглядывать. Тѣмъ не менѣе онъ волновался за любимое имъ Психологическое Общество, подвергшееся настоящей травлѣ. Поводомъ къ походу на этотъ разъ послужилъ рефератъ Вл. С. Соловьева. „Искренно васъ благодарю“ — писалъ Гротъ одному пріятелю — „за сочувствіе по поводу травли „Московскихъ Вѣдомостей“. Потому ли, что я обтерпѣлся ужъ очень, или потому, что по темпераменту оптимистъ, но я отъ этой травли предвижу только хорошіе результаты и для Общества, и для журнала, и для себя лично“. Слова эти вскорѣ вполнѣ подтвердились: значительное большинство публики и вся высшая интеллигенція были безусловно на сторонѣ Психологическаго Общества. Но судьбѣ неугодно было оставлять Николая Яковлевича безъ испытаній, и сравнительно ничтожныя волненія должны были уступить мѣсто очень тяжкимъ ударамъ и серьезному разстройству здоровья. Когда-то Гротъ въ письмѣ въ редакцію „Вѣстника Европы“ (1880, XII) проводилъ теорію объ ошибочности

распространеннаго взгляда на неравномѣрное распредѣленіе счастья между людьми. По теоріи Грота, самое устройство организма человѣка, самая его природа, неизбѣжно обусловливаетъ уравновѣшеніе наслажденій и страданій, и въ концѣ концовъ сумма всѣхъ наслажденій и страданій у всѣхъ людей одинакова, такъ какъ, напр., страданія отъ голода и холода,—по терминологіи Грота „положительныя“ — уравновѣшиваются „отрицательнымъ“ удовольствіемъ при насыщеніи и согрѣваніи, а „отрицательными“ страданіями отъ пресыщенія уравновѣшиваются предшествующія „положительныя“ наслажденія. Притомъ, по тогдашней теоріи Грота, люди, *раньше* счастливые, *послѣ* должны будутъ испытать много горя и проч. Теорія эта, по поводу которой можно было бы возразить, что трудно признать равноцѣннымъ уравновѣшеніе „положительныхъ“ страданій „отрицательными“ наслажденіями и съ другой стороны „отрицательныхъ“ страданій „положительными“ наслажденіями, полагая, что при свободномъ выборѣ едва-ли кто предпочелъ бы первую комбинацію второй, — теорія слишкомъ жестоко сбылась надъ самимъ ея авторомъ: его постоянные успѣхи, бодрое, какъ-бы побѣдное прохожденіе имъ жизненнаго поприща, постоянныя овація и общая любовь какъ-будто должны были искупиться рядомъ тяжелыхъ ударовъ, болѣзнями и смертью многихъ близкихъ людей. Въ маѣ 1893 года послѣ непродолжительной болѣзни умеръ его всѣми уважаемый отецъ Яковъ Карловичъ, о похоронахъ котораго Николай Яковлевичъ писалъ: „все было торжественно и хорошо, но какъ грустно было провожать въ могилу такого хорошаго и всѣми любимаго отца“. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ этого Николаю Яковлевичу пришлось похоронить также другихъ близкихъ родныхъ и пережить много тяжелыхъ испытаній; здоровье его неудержимо слабѣло, но запасъ неистощимой внутренней душевной энергіи мѣшалъ ему самому, а также окружающимъ и близкимъ людямъ понять настоящее положеніе дѣла. Онъ таялъ, какъ свѣча, но свѣча эта горѣла ярко и горячо, и постоянная взвинченность, искусственный подъемъ энергіи Грота уже на счетъ запасныхъ, а не основныхъ силъ организма вводили всѣхъ въ заблужденіе. Какъ всю жизнь онъ привыкъ брать приступомъ всѣ препятствія, такъ продолжалъ поступать и тогда, когда организмъ его былъ уже сильно надломленъ и нуждался въ бережномъ обращеніи. Уже съ 1891 г. онъ почти каждую зиму подвергался первымъ припадкамъ удушья,

сопровождавшимся упадкомъ силъ, но не придавалъ этому серьёзнаго значенія. Онъ уже не всегда былъ въ послѣдніе годы бодрымъ и жизнерадостнымъ, но духовный складъ его въ общемъ оставался тотъ же, и признакъ этотъ оказался обманчивымъ; вѣдь и послѣ кончины его случалось слышать, что смерть его особенно поразительна тѣмъ, что и представить себѣ трудно, что нѣтъ больше этого полнаго жизни человѣка [1]).

Въ послѣднія двѣ зимы здоровье Николая Яковлевича сильно пошатнулось, и дошло до того, что доктора запрещали ему серьёзное умственное напряженіе, вслѣдствіе чего ему приходилось, особенно благодаря сильно мучившимъ его лихорадкамъ, ревматизму и ларингиту, часто пропускать лекціи. Но усиленная переписка съ заграничными учеными и необходимость работать, кромѣ исполненія профессорскихъ обязанностей, въ архивѣ московскаго дворянства—для нуждъ своей большой семьи, неумолимо подтачивали его силы. Предстоявшая ему въ 1900 году новая годичная командировка, открывавшая возможность работать безъ обремененія и на привольѣ, необычайно подняла въ немъ энергію: въ послѣдніе мѣсяцы въ Гротѣ воскресло жизнерадостное настроеніе его юности и жажда возрожденія къ новой жизни и новой дѣятельности и планы, множество плановъ... Лѣто, однако, онъ рѣшилъ посвятить безусловному отдыху, отчасти подъ вліяніемъ требованій докторовъ, отчасти подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ трагическаго конца его товарища, профессора Корелина, сдѣлавшагося жертвой переутомленія. „Вы не смотрите“ — говорилъ Гротъ, — „что я бодръ и веселъ; у меня всѣ органы поражены, и я нуждаюсь въ основательномъ отдыхѣ, чтобы меня не постигла участь Корелина. Все лѣто буду лежать на травѣ, подъ деревомъ и только отдыхать, отдыхать“... Видно было, однако, что онъ считалъ опасность благополучно

[1]) Проф. Айхенвальдъ прекрасно выразилъ, съ своей стороны, это общее впечатлѣніе въ слѣдующихъ строкахъ: „Онъ былъ воплощенной жизнью и добротой, весь—порывъ, энергія и бодрость. Есть люди, къ которымъ смерть приходитъ тогда, когда они уже и безъ того мертвы,—Николай Яковлевичъ умеръ живымъ“. „Поэтому“—продолжаетъ онъ—„мы всѣ и испытываемъ такую горькую и жгучую обиду этой безвременной кончины мыслителя, который не досказалъ своихъ мыслей, прервалъ свой горячо любимый трудъ и въ раннюю могилу унесъ неосуществленныя возможности и обманувшія надежды, поэтому мы и не можемъ привыкнуть къ его отсутствію и какъ-то странно намъ и больно безъ него“...

миновавшей. Другую тяжкую для него уступку Гротъ рѣшилъ сдѣлать своему утомленію. Онъ покидалъ Москву и хотѣлъ устроиться въ Харьковѣ, гдѣ ему удобнѣе было бы беречь свои силы, которымъ въ Москвѣ, благодаря условіямъ его жизни, хлопотамъ по журналу и Обществу, во всякомъ случаѣ многое угрожало. Къ этому присоединялись и практическія соображенія: близость Харькова къ его лѣтнему убѣжищу, возможность болѣе дешеваго устройства и проч. Носились слухи, что къ пріѣзду Грота осенью въ Москву рѣшено было почтить его прощальнымъ обѣдомъ... Многіе были поражены невѣроятной новостью: „Гротъ оставляетъ Москву!“ — „Какъ же это“, спрашивали многіе: „создалъ Психологическое Общество, создалъ журналъ, заслужилъ огромную популярность и уваженіе—и все бросаетъ!“ Когда эти слова были переданы Гроту, онъ, уже чувствуя себя серьёзно больнымъ, нетерпѣливо возразилъ: „Ну да, ну да! создалъ и Общество и журналъ, а теперь усталъ; что же тутъ непонятнаго?!“... Послѣднія недѣли Гроту пришлось много хлопотать съ переѣздомъ, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности выѣхать изъ Москвы къ раньше его переселившейся въ деревню семьѣ. Лѣчившій его докторъ пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что, несмотря на строжайшія предостереженія, Николай Яковлевичъ по привычкѣ, собираясь въ отъѣздъ, хлопоталъ обо всемъ самъ, поднялъ весь домъ и гордился тѣмъ, что скоро и хорошо все устроилъ. Но по пріѣздѣ въ деревню онъ вдругъ почувствовалъ себя нехорошо—и дней черезъ десять его не стало (23 мая 1899 г.). „Какъ громомъ поразило всѣхъ это грустное извѣстіе!“ сказалъ о смерти Грота на похоронахъ [1]) депутатъ отъ Психологическаго Общества, и едва-ли мы ошибемся, если прибавимъ къ этимъ словамъ, что исчезновеніе съ жизненной сцены такой свѣтлой личности, такого хорошаго человѣка, внушавшаго всѣмъ, встрѣчавшимся съ нимъ на жизненной дорогѣ, бодрость духа и любовь къ честному труду, оставитъ надолго въ сердцѣ людей, его знавшихъ, глубокій слѣдъ, а исторія нашего просвѣщенія, конечно, также его не забудетъ.

---

[1]) Н. Я. похороненъ въ церковной оградѣ въ с. Кочеткѣ на крутомъ лѣсистомъ берегу живописнаго Донца, гдѣ ему было всегда такъ по душѣ, на своей скромной дачѣ, окруженному многочисленной дружной семьей.

Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота [1]).

В. Н. Ивановскаго.

Когда умираетъ общественный дѣятель, мы испытываемъ не одно горе, не одну скорбь; мы переживаемъ и нѣкоторое чувство благодарности къ памяти этого человѣка за все, что онъ сдѣлалъ для насъ и для всего общества, и нѣсколько горделивое сознаніе проявившейся въ немъ силы человѣческаго ума, таланта или энергіи. Измѣнивъ нѣсколько выраженіе поэта, мы одновременно и „говоримъ съ тоской: его нѣтъ, и съ благодарностью: онъ былъ“, онъ жилъ, онъ работалъ — съ пользой и успѣхомъ.

Такое же двойственное чувство испытываемъ и мы сегодня, собравшись на наше печальное торжество [2]): съ торжественной печалью смерти въ нашей душѣ, сливаясь, переплетается бодрящее вѣяніе жизни, еще такъ недавно отъ насъ ушедшей, еще столь живой въ нашей памяти.

Другія имѣющія быть сегодня произнесенными рѣчи будутъ характеризовать Н. Я. Грота, какъ ученаго и мыслителя; онѣ покажутъ намъ и ту внутреннюю связь, какая существовала между его личностью и общимъ строемъ его воззрѣній. Я же укажу тѣ внѣшнія рамки, въ которыхъ протекла жизнь покойнаго, и въ связи съ этимъ памѣчу самыя общія свойства его личности, его темперамента.

Легко понять, что я отнюдь не берусь излагать здѣсь сколько-нибудь полной біографіи Николая Яковлевича: время для этого далеко еще не наступило. Сейчасъ не приведены еще въ

---

[1]) Былъ напечатанъ въ журн. „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 51. М. 1900. Хотя эта статья В. Н. Ивановскаго заключаетъ въ себѣ рядъ данныхъ и біографическихъ указаній, заимствованныхъ изъ воспоминаній В. И. Шенрока („Историч. Вѣстн.“ 1899 г. кн. 9), вошедшихъ потомъ въ помѣщенный выше „очеркъ“ этого автора, но она все же помѣщается нами здѣсь почти цѣликомъ, ибо, будучи основана не только на личномъ знакомствѣ, но и на матеріалѣ, почерпнутомъ изъ многихъ и разнообразныхъ источниковъ, значительно дополняетъ статью В. И. Шенрока. Нами опущены лишь болѣе значительныя выдержки, взятыя изъ воспоминаній Шенрока. *Ред.*

[2]) Эта статья возникла изъ рѣчи, сказанной на посвященномъ памяти Н. Я. Грота собраніи Московскаго Психологическаго Общества.

извѣстность и оставшіяся послѣ него рукописи, среди которыхъ, на ряду съ собраніями матеріаловъ, случайными, летучими замѣтками и черновыми набросками, несомнѣнно, должны быть и вполнѣ обработанныя вещи [1]). Мало того, нѣтъ даже просто вполнѣ исчерпывающаго перечня напечатанныхъ статей, замѣтокъ, рецензій Н. Я. Наконецъ, несомнѣнно, много матеріаловъ могутъ дать впослѣдствіи личныя воспоминанія о покойномъ, которыхъ пока опубликовано еще очень немного; ихъ должно быть съ теченіемъ времени гораздо больше, если судить по тому количеству лицъ, съ какимъ пришлось Николаю Яковлевичу вступать въ тѣ или другія отношенія въ теченіе его недолгой, но кипуче дѣятельной жизни. Поэтому я дамъ лишь необходимое введеніе къ тому изложенію его научныхъ трудовъ, его вѣрованій и убѣжденій, которому, будутъ посвящены остальныя рѣчи.

I.

Н. Я. Гротъ былъ старшимъ сыномъ нашего извѣстнаго ученаго и литератора, академика Якова Карловича Грота [2]).

---

[1]) Такъ, еще въ предисловіи къ своей докторской диссертаціи („Къ вопросу о реформѣ логики". Лейпцигъ, 1882, стр. XII) Н. Я. писалъ слѣдующее: „Въ процессѣ изложенія авторъ оставилъ безъ употребленія нѣсколько, совершенно готовыхъ къ печати, главъ, принужденъ былъ отложить до другого времени рядъ вопросовъ, уже значительно обработанныхъ и по которымъ у него былъ собранъ довольно обширный матеріалъ". Вѣроятно, объ этихъ именно частяхъ своей работы замѣчаетъ Н. Я. въ составленномъ имъ спискѣ своихъ сочиненій по логикѣ: „есть рукописи еще на 100 стр." Затѣмъ, мнѣ лично приходилось слышать отъ Н. Я., что у него собрано много матеріала по вопросу объ инстинктахъ и что кое-что онъ даже началъ уже обрабатывать.

[2]) Родоначальникомъ семьи Гротовъ въ Россіи былъ голштинецъ Іоакимъ Гротъ (1733—1799 или 1800), переселившійся при императорѣ Петрѣ III въ Петербургъ; онъ былъ довольно виднымъ общественнымъ дѣятелемъ въ эпоху Екатерины II, занимая (съ 1764 г. до смерти своей) мѣсто пастора при лютеранской Екатерининской церкви въ Петербургѣ (на Васильевскомъ островѣ). Его сынъ Карлъ Іоакимовичъ (или Ефимовичъ, какъ его обычно звали по-русски, скончался 1816 г.) дослужился до начальника отдѣленія въ департаментѣ Государственныхъ Имуществъ.

У Карла Ефимовича было двое дѣтей; Яковъ Карловичъ былъ старшимъ сыномъ. Второй его сынъ—Константинъ Карловичъ—умеръ осенью 1897 г., будучи членомъ Государственнаго Совѣта (и Андреевскимъ Кавалеромъ).

Въ 1850 г. Я. К. женился на Натальѣ Петровнѣ Семеновой [1]), а 18 апрѣля 1852 г. у нихъ родился первенецъ-сынъ, названный Николаемъ въ честь старшаго брата Натальи Петровны.

Въ 1861 г. девятилѣтній, бойкій и живой мальчикъ поступилъ въ училище д-ра Видемана (на Васильевскомъ Островѣ); гимназическій курсъ онъ окончилъ съ золотой медалью въ 1871 г. въ Ларинской гимназіи въ С.-Петербургѣ и осенью того же года поступилъ на первый курсъ историко-филологическаго факультета въ Петербургскій университетъ.

Этотъ періодъ жизни Н. Я. чрезвычайно живо описанъ въ „Воспоминаніяхъ о Н. Я. Гротѣ“ его университетскаго товарища и друга всей его жизни В. И. Шенрока (помѣщенныхъ въ сентябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ). Быть можетъ, эти воспоминанія уже извѣстны части нашихъ читателей; но мы не можемъ пройти мимо нихъ, потому что въ нихъ въ симпатичномъ свѣтѣ обрисовывается основное свойство личности Николая Яковлевича—общій ея, такъ сказать, динамическій характеръ, его постоянно подвижной и энергичный темпераментъ, всегдашняя способность и готовность увлекаться: мало того, неспособность его не увлекаться всѣмъ, что ему приходилось дѣлать,—неспособность, доходившая до того, что его дѣятельность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производила впечатлѣніе разбрасыванія, неумѣнья

Родился Яковъ Карловичъ 15 декабря 1812 г.; по окончаніи (въ 1832 г.) курса въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, онъ сначала служилъ въ канцеляріяхъ (Комитета министровъ, Государственной и финляндскаго статсъ-секретаріата). Но всегда сильные въ немъ литературные вкусы и ученыя склонности въ концѣ концовъ взяли верхъ: онъ разсталъ съ чисто чиновнической службой и въ 1841 г. поступилъ профессоромъ русскаго языка, словесности и исторіи въ Гельсингфорскій университетъ. Въ 1853 г. онъ перешелъ въ Петербургъ профессоромъ русской литературы въ Александровскій (бывшій Царскосельскій) лицей, въ которомъ онъ самъ получилъ образованіе, и въ то же время былъ приглашенъ преподавателемъ нѣсколькихъ предметовъ къ Великимъ князьямъ: Николаю, Александру и Владиміру, дѣтямъ тогдашняго Наслѣдника, а потомъ Императора Александра II. Въ 1855 г. Я. К. былъ избранъ въ члены Академіи Наукъ по II отдѣленію (русскаго языка и словесности); съ 1865 г. онъ сталъ предсѣдателемъ этого отдѣленія, а умеръ вице-президентомъ Академіи.

[1]) Сестрѣ сенатора и автора обширныхъ мемуаровъ по исторіи крестьянскаго вопроса при Александрѣ II Николая Петровича Семенова; другой ея братъ, Петръ Петровичъ, состоитъ въ настоящее время и членомъ Государственнаго Совѣта, и вице-предсѣдателемъ Императорскаго Географическаго Общества; въ то же время П. П.—естествоиспытатель (энтомологъ) и одинъ изъ самыхъ выдающихся и заслуженныхъ русскихъ статистиковъ.

экономить свои силы и сосредоточивать ихъ на чемъ-либо одномъ. Но съ другой стороны, эта же самая черта темперамента, отличавшая Н. Я. въ теченіе всей его жизни, дѣлала изъ него довольно рѣдкій у насъ въ Россіи типъ человѣка, какъ пельзя болѣе далекаго отъ того квіэтизма, отъ той умственной косности и душевнаго безразличія, которыя составляютъ болѣзнь многихъ русскихъ людей [1]).

Несомнѣнно, что на счастливомъ „тонѣ" всей молодости Н. Я. отразилась, помимо его темперамента, еще и обстановка его молодости — домъ его родителей.

Трудолюбіе Я. К. было поразительно; правильно будетъ сказать, что вся его жизнь была посвящена работѣ: не даромъ полный списокъ его трудовъ (правда, съ повторительными изданіями и мелкими вещами: напр., стихотвореніями) состоитъ не болѣе и не менѣе, какъ изъ 428 №№ [2]), среди которыхъ стоятъ такіе вещи, какъ академическое изданіе сочиненій Державина, „Филологическія разысканія" (во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ составившія цѣлыхъ 2 тома), книга „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", 1-й вып. академическаго „Словаря русскаго языка", руководство къ русскому правописанію и множество статей по другимъ вопросамъ русской филологіи и исторіи литературы. Погруженный всю жизнь въ литературныя и ученыя занятія, въ отправленіе своихъ нелегкихъ служебныхъ обязанностей, вращаясь сначала въ чисто чиновническихъ, потомъ въ учено-чиновническихъ кругахъ, будучи близокъ (по своей должности учителя Великихъ Князей) ко Двору, Я. К. вездѣ умѣлъ остаться самимъ собою, не жертвовать своею личностью нивеллирующему вліянію „службы". Свои задушевныя нравственныя воззрѣнія, свои лучшія надежды онъ высказалъ въ небольшой тетрадкѣ, которую вручилъ Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія (8-го сентября 1859 г.). Въ первой главѣ этого документа [3]), озаглавленной „Молитва Цесаревича", Я. К. излагаетъ отъ лица своего Высокаго

---

[1]) Приводимыя здѣсь и въ другихъ мѣстахъ выдержки изъ статьи В. И. Шенрока выпускаются нами, такъ какъ содержаніе ихъ повторено В. И. Шенрокомъ въ выше напечатанномъ біографическомъ очеркѣ. *Ред.*

[2]) Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб., 1895, стр. 199—235.

[3]) Онъ изданъ въ указанной выше книгѣ: Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ и т. д. (стр. 143—164).

воспитанника слѣдующія размышленія: „Я вступаю въ совершеннолѣтіе въ такомъ возрастѣ, когда другіе считаются еще незрѣлыми юношами. Поставленный Провидѣніемъ и законами государства въ такое необычайное положеніе, я долженъ понять и великость сопряженныхъ съ нимъ требованій... Господи! Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣніе отличать людей преданныхъ ей отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человѣчеству. Даруй мнѣ сердце любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить, что Ты поставилъ меня такъ высоко не для моего собственнаго счастія, но для того, чтобы я способствовалъ къ распространенію счастія между другими, чтобы я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины“...

Въ другомъ мѣстѣ Н. К., по праву учителя и воспитателя, даетъ своему Царственному ученику слѣдующія наставленія:

„Ваше Императорское Высочество, говоритъ онъ во второй главѣ („Особенность Вашего положенія“), сравните Свое положеніе съ положеніемъ обыкновеннаго юноши: онъ долженъ создавать себѣ поприще, Ваше поприще уже готово въ будущемъ; онъ долженъ трудами и борьбою съ препятствіями проложить себѣ путь, Вашъ путь уже проложенъ; онъ долженъ для стяжанія успѣха привлечь на себя вниманіе общества, на Васъ уже обращены взоры цѣлаго народа... Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица... Ваше имя уже заранѣе занесено на страницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; тутъ нѣтъ середины... для Васъ будетъ позоромъ не одни темныя дѣла и ошибки; для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ... Мы живемъ въ такое время, когда Россіи предстоитъ рѣшеніе великихъ задачъ, борьба съ вѣковыми заблужденіями и трудностями. Сѣмена этой жатвы должны зрѣть въ цѣломъ настоящемъ молодомъ поколѣніи; но особенно важны тѣ изъ нихъ, которыя положены въ Вашу душу. Будьте же Сами заботливымъ ихъ хранителемъ, бодрствуйте и трудитесь, и помните, какая великая отвѣтственность возложена на Васъ Провидѣніемъ“...

Я позволилъ себѣ привести дословно эти выписки изъ тетради Я. К. потому, что они ясно рисуютъ передъ нами нравственный обликъ Я. К. Грота. Въ знаменательный для него моментъ совершеннолѣтія его Царственнаго ученика онъ высказываетъ ему свои задушевныя идеалы, надежды, мечты, старается внушить ему, по праву воспитателя и учителя, возвышенныя нравственныя настроенія и стремленія! И какихъ бы кто общественныхъ взглядовъ ни держался, всякій долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что человѣкъ, выставлявшій такія общія цѣли и желанія, не могъ быть равнодушнымъ къ морально-общественнымъ вопросамъ.

II.

При такихъ домашнихъ условіяхъ, подъ руководствомъ такого отца складывался и развивался характеръ Н. Я. Съ другой стороны, на него вліяли, конечно, и условія тогдашней общественной жизни. Для „интеллегенціи" это время (начало 70-хъ годовъ) было временемъ необыкновеннаго подъема самосознанія и пылкихъ надеждъ. Но пусть намъ охарактеризуетъ эту эпоху ея очевидецъ и другъ Н. Я.[1]), на котораго мы уже ссылались: „Въ средѣ студенчества преобладало сильное демократическое направленіе; молодежь была пропикнута необыкновеннымъ энтузіазмомъ; горячія головы мечтали о жертвахъ, о посвященіи всей жизни благу „меньшей братіи", скорбѣли о неоплатномъ долгѣ передъ нею и рисовали въ своемъ воображеніи картину переустройства всей личной и общественной жизни на началахъ альтруизма и разумнаго, безкорыстнаго труда, опирающагося на изученіи реальныхъ наукъ. Студенты горѣли желаніемъ отдать свои силы и молодость любимой идеѣ служенія народу... Воодушевленіе было такъ велико, что казалось, нашему поколѣнію свѣтила заря еще небывалой, разумной и честной, прекрасной будущности... Теперь даже крайности того далекаго времени имѣютъ въ воспоминаніи какую-то особую прелесть, какой-то трогательный отпечатокъ". „Въ ту пору, продолжаетъ г. Шенрокъ, мы переживали чудные годы молодости, когда, по выраженію Шпильгагена, жизнь бываетъ озарена блестящимъ отблескомъ солнечнаго свѣта, когда вся предстоящая жизнь

[1]) В. И. Шенрокъ.

представляется сплошнымъ счастіемъ, когда намъ ярче свѣтитъ солнце, для насъ нѣжнѣе благоухаютъ цвѣты и птицы поютъ намъ свои волшебныя пѣсни, когда мы еще не испытали незамѣнимыхъ утратъ и горькихъ разочарованій"...

Если такъ чувствовали всѣ, то можно себѣ представить, съ какими радужными надеждами вступалъ въ жизнь особенно отзывчивый и впечатлительный Н. Я. Правда, онъ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ политическихъ и соціальныхъ стремленій своихъ сверстниковъ, за что его и не долюбливали наиболѣе радикально настроенные изъ его товарищей, видѣвшіе въ немъ, какъ въ сынѣ академика, т.-е. лица, занимавшаго высокое общественное положеніе, „какого-то „аристократа", по выраженію г. Шерпока. Поэтому для своихъ реформаторскихъ плановъ и стремленій Н. Я. выбралъ другую сферу—область отвлеченной мысли. „Общій духъ тогдашняго студенчества отразился въ Гротѣ, пишетъ г. Шепрокъ, рѣшеніемъ посвятить свою жизнь правильной постановкѣ философскихъ знаній въ Россіи на плодотворной и разумной почвѣ опытнаго изслѣдованія, опирающагося на результаты, добытые естествознаніемъ... То была пора сильнаго и весьма распространеннаго, по истинѣ трогательнаго увлеченія естественными науками. Имена Менделѣева, Сѣченова и другихъ свѣтилъ естествознанія внушали молодежи какой-то священный трепетъ", и Н. Я. отдалъ дань этому увлеченію.

III.

По философіи Н. Я. въ университетѣ слушалъ рядъ курсовъ проф. Владиславлева; но его самостоятельные и живые интересы въ области философскихъ наукъ сосредоточились на одной изъ нихъ—на психологіи. „Увлеченію Н. Я. послѣднею особенно способствовалъ занимавшій многихъ въ свое время и, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересный ученый турниръ между двумя свѣтилами первой величины: Сѣченовымъ и Кавелинымъ". Остановимся нѣсколько на этомъ спорѣ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, сильно повліялъ на складъ мышленія Н. Я.

Кавелинъ не былъ собственно спеціалистомъ въ области философскихъ наукъ, и тѣмъ не менѣе онъ много сдѣлалъ для развитія ихъ въ Россіи. Въ началѣ 70-хъ годовъ русская философская мысль едва только начинала выходить изъ той

летаргіи, въ которой она находилась всѣ 50-ые и большую часть 60-хъ годовъ. Прекращеніе преподаванія философіи въ университетахъ въ 1850 г. „въ виду предосудительнаго развитія этой науки современными германскими учеными“ (т.-е. лѣвыми гегеліанцами) и передача чтенія логики и опытной психологіи профессорамъ богословія и церковной исторіи (они же и священники университетскихъ церквей)—съ одной стороны, ослабили философскіе интересы въ русскомъ обществѣ, съ другой—уничтожили философскія науки, какъ область профессіональной преподавательской дѣятельности. Поэтому, когда уставъ 1863 г. возстановилъ въ университетахъ каѳедру философіи, лицъ для ея замѣщенія пришлось искать среди баккалавровъ духовныхъ академій... Это гоненіе не вытравило, конечно, совсѣмъ философскихъ интересовъ въ русской публикѣ; въ замкнутыхъ кружкахъ держался попрежнему объективный идеализмъ Гегеля, въ молодежи все больше и больше распространялся матеріализмъ школы Фейербаха. Но все это были обособленныя и скрытыя теченія; они не выходили на широкую арену, не подвергались взаимной критикѣ и провѣркѣ.

Однимъ изъ первыхъ признаковъ возрожденія интересовъ къ этой области знанія въ широкой публикѣ явилось то движеніе, какое возбудила диссертація М. М. Троицкаго „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“. Въ это время выступилъ впервые, въ качествѣ психолога, и К. Д. Кавелинъ. Гегеліанецъ въ первую пору своей учено-литературной дѣятельности, воспринявшій затѣмъ много элементовъ изъ психологіи Бенеке, игравшей видную роль въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ пятидесятыхъ годахъ, а въ 60-хъ годахъ заинтересовавшійся эмпирической психологіей и вообще опытной философіей, К. Д. въ 1872 году издалъ свои *Задачи психологіи*, гдѣ, съ одной стороны, „старался примирить нѣмецкій идеализмъ съ матеріализмомъ при помощи психологіи Бенеке“, а съ другой—пропагандировалъ примѣненіе къ психологіи эмпирическаго изученія сознанія. Признавая, что „все психическое обусловлено въ концѣ концовъ матеріальнымъ“, Кавелинъ доказывалъ, что тѣмъ не менѣе «оно не есть модификація матеріи, а обнаруженіе новыхъ свойствъ того же начала, откуда беретъ свое существованіе и матерія» [1]). Эти свойства, эти психи-

[1]) *М. М. Троицкій.* К. Д. Кавелинъ. („Русская Мысль“, 1885 г., № 11).

ческія начала—не матеріальны; ихъ три: идеальность, сознательность и произвольность. Душа есть нѣчто не простое, а въ высшей степени сложное, образующееся изъ многочисленныхъ элементовъ; это—особый *организмъ*, стоящій въ связи съ организмомъ тѣлеснымъ и вырастающій изъ *единаго* корня, *единой* основы человѣческой природы. *Монизмъ* есть основная метафизическая идея Кавелина; по монизму у него подчинепъ дуализмъ духа и тѣла, какъ двухъ субстанцій, организмовъ.

Можно находить неудовлетворительными отвѣты Кавелина, но нельзя не признать за его трудомъ очень серьёзнаго значенія. „Съ метафизической точки зрѣнія (говоритъ проф. Троицкій въ своей статьѣ о Кавелинѣ), психологическія комбинаціи К. Д. Кавелина обличаютъ въ немъ сильнаго и глубокаго мыслителя, и его *Задачи психологіи*, по ихъ метафизическому содержанію, останутся навсегда однимъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашей философской литературы *пятидесятыхъ годовъ*“, къ которымъ относится, по мнѣнію проф. Троицкаго, составленіе собственно метафизическихъ частей этого сочиненія.

Но время, протекшее отъ составленія этой первой редакціи до выхода книги въ свѣтъ, наложило на нее свою печать: за это время Кавелинъ постепенно приближался къ позитивизму въ его англійской формѣ, и это отразилось на его сочиненіи въ видѣ утвержденій о непознаваемости сущностей и вытекающаго отсюда основного постулата о необходимости освободить психологію отъ метафизическихъ теорій. Надо замѣтить, однако, что оба эти теченія—метафизическое и позитивное—стоятъ въ книгѣ рядомъ другъ съ другомъ, остаются несогласованными.

Противъ Кавелина съ его „Задачами психологіи“ выступилъ И. М. Сѣченовъ [1]). Завязалась полемика, тянувшаяся два года на страницахъ „Вѣстника Европы“ [2]). Главные пункты возраженій, какія Сѣченовъ дѣлалъ Кавелину, сводятся къ слѣдующему: для естествоиспытателей „матерія представляетъ

---

[1]) „Замѣчанія на книгу г. Кавелина: Задачи психологіи“ (В. Е., 1872 г., № 11) и „Кому и какъ разрабатывать психологію?“ (тамъ же, 1873 г., № 4).

[2]) Кавелинъ отвѣчалъ Сѣченову „Письмами въ редакцію В. Е. по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ проф. Сѣченова“ (В. Е., 1874 г., №№ 3, 4, 5 и 6). Въ № 7 того же года Сѣченовъ помѣстилъ „Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „Письма“ г. Кавелина“, на которыя Кавелинъ отвѣтилъ „Нѣсколькими словами въ отвѣтъ на „Нѣсколько словъ“ проф. Сѣченова“.

идеальную точку, въ сторону которой направлены ихъ усилія; но точка эта для нихъ еще въ густомъ туманѣ, и они идутъ къ ней, руководясь не ею, а тѣми ближайшими точками новыхъ горизонтовъ, которыя раскрываются передъ наукой при ея медленномъ, послѣдовательномъ движеніи впередъ". Также должны были бы дѣлать и психологи: „душа" должна быть не исходной точкой, а путеводной звѣздой ихъ изслѣдованій, не началомъ, а концомъ, конечнымъ синтезомъ ихъ. Вмѣсто этого, „философы древняго закона, а вслѣдъ за ними и г. Кавелинъ, сразу махаютъ въ своей области съ почвы конкретныхъ фактовъ въ густѣйшій туманъ общаго начала... Оставьте душу въ практической жизни, какъ благороднѣйшую часть человѣка, писалъ Сѣченовъ, принимайте ее и въ наукѣ за общее начало, подобно тому, какъ натуралисты смотрятъ на матерію; пусть она даже будетъ путеводной звѣздой въ психологическихъ изысканіяхъ; но какъ же возможно объяснять что бы то ни было необъяснимымъ! вѣдь это значитъ принимать за вещь не съ начала, а съ конца"... [1]). Отвергнувъ, такимъ образомъ, возможность строить въ данный моментъ какую бы то ни было метафизику души, Сѣченовъ доказываетъ дальше, что „субъективный анализъ духа не можетъ быть положительною наукой; что изученіе духа историческое, при помощи сравнительнаго метода, можетъ быть только вспомогательнымъ, а отнюдь не главнымъ орудіемъ анализа психическихъ фактовъ; а такъ какъ затѣмъ не остается никакого другого объективнаго анализа психическихъ явленій, кромѣ физіологическаго, то физіологическій анализъ и долженъ быть признанъ основаніемъ всей науки о духѣ" [2]).

Въ отвѣтъ на это Кавелинъ блестяще защищалъ изученіе сознанія. Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ деталяхъ этой полемики; споръ шелъ о самыхъ важныхъ психологическихъ вопросахъ: объ отношеніи тѣлеснаго и психическаго, физіологіи и психологіи, о сознаніи, произвольности, о положительномъ научномъ методѣ, о томъ, что такое „наука", что значитъ „объяснить" явленіе, и т. д.

Этотъ то споръ и захватилъ Н. Я. Грота въ его бытность на послѣднихъ курсахъ университета. „Съ малыхъ лѣтъ хорошо зная Кавелина, какъ близкаго друга своего дяди, покойнаго статсъ-секретаря Константина Карловича, Н. Я. еще

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1872, № 11, стр. 394.

[2]) *М. М. Троицкій.* К. Д. Кавелинъ. (Рус. М., 1885 г., № 11, стр. 182).

юношею-студентомъ обратилъ на себя сочувственное вниманіе Кавелина, предоставившаго въ его распоряженіе свою библіотеку. Несмотря на разницу возрастовъ, а особенно на цѣлую пропасть въ отношеніи ихъ научныхъ познаній, Кавелинъ находилъ явное удовольствіе въ бесѣдахъ съ молоденькимъ студентомъ, нерѣдко принимавшимъ сторону его противника, Сѣченова... Обычнымъ мѣстомъ ихъ перипатетическихъ бесѣдъ былъ Румянцевскій скверъ близъ академіи художествъ, гдѣ любилъ прогуливаться Кавелинъ... Очень симпатичнымъ (говоритъ г. Шепрокъ) припоминается мнѣ лицо Кавелина, съ любовью и оживленіемъ слушавшаго своего собесѣдника, а часто также воодушевленно что-то ему говорившаго". Къ сожалѣнію, г. Шепроку никогда не приходилось впослѣдствіи напоминать объ этомъ Н. Я., и ему осталось неизвѣстнымъ, какое значеніе Н. Я., сдѣлавшись самъ виднымъ ученымъ, придавалъ толчку, данному его научному развитію Кавелинымъ. Не можемъ, вмѣстѣ съ г. Шепрокомъ, не пожалѣть объ этомъ и мы, такъ какъ иначе мы имѣли бы еще одну интересную страницу въ исторіи умственной жизни Н. Я. Грота.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что живой интересъ, возбужденный въ Н. Я. полемикой Кавелина съ Сѣченовымъ и его личными спорами на тѣ же темы съ Кавелинымъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на развитіе въ немъ вкуса къ философіи [1]).

Насколько мы можемъ судить, въ то время Н. Я. держался воззрѣній, приближавшихся одними своими частями къ научному матеріализму (а также Спенсерову реализму), а другими—къ англійскому субъективному идеализму. Впрочемъ, вопросы теоріи познанія мало тогда его интересовали, и врядъ ли онъ замѣчалъ всѣ трудности, лежавшія въ нихъ; его взгляды просто были еще не вполнѣ ясны, не вполнѣ закончены.

Психологическіе споры того времени „привели его къ мысли заняться для изученія психологіи *естественными науками*, которыя онъ и принялся усердно штудировать по курсамъ и книгамъ своихъ знакомыхъ студентовъ-естественниковъ. И этимъ занятіямъ онъ отдавался съ тѣмъ большею горячностью, что считалъ, наряду со многимъ другимъ, существеннымъ не-

[1]) Его философскія занятія въ университетѣ выразились, между прочимъ, въ написаніи сочиненія на медаль на тему: „Опроверженіе Платона и пиѳагорейцевъ по метафизикѣ Аристотеля".

дочетомъ въ знаніяхъ тогдашнихъ спеціалистовъ-психологовъ ихъ недостаточную освѣдомленность въ области естествознанія; и его особенно воодушевляла мысль, что онъ пойдетъ по болѣе широкому, болѣе соотвѣтствующему требованіямъ времени пути".

Какъ свидѣтельствуетъ г. Шепрокъ, Н. Я. „находилъ отчасти отголосокъ своему направленію въ московскомъ профессорѣ Троицкомъ. Напротивъ, извѣстная диссертація Вл. С. Соловьева „Кризисъ западной философіи" (съ полемическимъ подзаглавіемъ: „противъ позитивистовъ") сильно волновала Н. Я., совершенно не сочувствовавшаго В. С. Соловьеву; онъ хотѣлъ даже оппонировать на диспутѣ, но „не рѣшился или не приготовился". Наконецъ, свидѣтельствами направленія интересовъ и воззрѣній Н. Я. въ ту эпоху являются обѣ его диссертаціи, въ которыхъ господствуетъ духъ спенсеріанства и эмпирической психологіи".

IV.

Пришелъ и конецъ университетскаго курса,—надо было подумать о томъ, что дѣлать послѣ выхода изъ университета. И тутъ Н. Я. остался вѣренъ своему темпераменту: у него сразу оказалось нѣсколько плановъ дальнѣйшей дѣятельности; его живое воображеніе рисовало ему вездѣ заманчивыя картины. „Однажды, говоритъ г. Шепрокъ (онъ вмѣстѣ съ Н. Я. готовился къ окончательнымъ экзаменамъ), я былъ удивленъ тѣмъ, что, несмотря на явный недостатокъ времени, Н. Я., противъ обыкновенія, видимо отдаллъ время возобновленія занятій. Вдругъ, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ предложилъ мнѣ начать хлопотать о совмѣстномъ занятіи открывающейся кафедры русскаго языка въ русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, основанной для приготовленія учителей древнихъ языковъ. При этомъ онъ такъ увлекательно сталъ рисовать мнѣ (продолжаетъ г. Шепрокъ) картину предстоящей намъ совмѣстной жизни въ Лейпцигѣ и перспективу путешествій по Германіи, что планъ его совершенно очаровалъ меня. Оказалось, что планъ этотъ былъ уже извѣстенъ Якову Карловичу и имъ одобренъ. Сначала дѣло почти уладилось: но потомъ Н. Я. получилъ предложеніе занять каѳедру философіи во вновь открывавшемся тогда Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ" и далъ свое согласіе.

„Въ эту пору, пишетъ Шепрокъ, счастливые планы и предположенія роились одни за другими въ воображеніи Грота; онъ мечталъ о германской наукѣ, о путешествіяхъ, о будущемъ своемъ устройствѣ и объ ожидавшей его дѣятельности въ Нѣжинѣ... Наконецъ пришла пора отъѣзда за границу; но первоначальный планъ нѣсколько измѣнился, и Лейпцигъ былъ замѣненъ Берлиномъ... Въ самомъ ликующемъ настроеніи пролетѣлъ Н. Я. всю дорогу, набираясь новыхъ впечатлѣній въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Львовѣ, Краковѣ, причемъ онъ осмотрѣлъ знаменитыя соляныя копи въ Величкѣ, въ Бреславлѣ, и даже смотрѣлъ маневры въ Лигницѣ“.

Въ Берлинѣ Н. Я. прожилъ съ сентября 1875 г. до половины апрѣля 1876 г. (зимній семестръ). „Однако, въ берлинскихъ профессорахъ-философахъ онъ скоро разочаровался: одинъ изъ нихъ, жаловался онъ, отличается односторонностью направленія и эклектизмомъ, другой—краснорѣчивымъ многословіемъ, и большинство—переставшіе работать старики... Совсѣмъ не то было въ Страсбургѣ, гдѣ Н. Я. провелъ лѣтній семестръ 1876 г.; тамъ къ нему тотчасъ же вернулось снова его обычное, свѣтлое и жизнерадостное настроеніе... Страсбургская академическая жизнь имѣла на него самое отрадное и возбуждающее вліяніе... „Занятія мои,—писалъ Н. Я. оттуда,—идутъ успѣшно, въ десять разъ успѣшнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Дѣло въ томъ, что тутъ отличные, молодые профессора... Недаромъ Страсбургъ славится теперь лучшимъ германскимъ университетомъ: тутъ всѣ учатся, занимаются, интересуются живыми вопросами науки. По субботамъ утромъ, въ философской семинаріи (отъ 7 до 9 утра), мы ведемъ, подъ руководствомъ Либмана, оживленныя преніи о философскихъ вопросахъ; одинъ готовитъ рефератъ о какой-нибудь психологической проблемѣ, остальные критикуютъ и спорятъ. Въ одну изъ первыхъ субботъ и я держалъ такой рефератъ о метафизическихъ направленіяхъ въ наукѣ о душѣ, и очень удачно; съ этого дня Либманъ все ко мнѣ обращается съ вопросами во время лекціи. Живо и весело идетъ дѣло“.

V.

Въ началѣ сентября 1876 г. Н. Я. возвращается изъ-за границы въ Нѣжинъ и становится экстраординарнымъ профессоромъ тамошняго Историко-Филологическаго института.

Здѣсь онъ встрѣчаетъ самый радушный пріемъ со стороны директора и товарищей. „Они не только тотчасъ же удостоили его полнаго довѣрія, но и отвели ему видное, и даже почетное мѣсто въ своей корпораціи“. Лекціи его съ самой первой пошли удачно („удачнѣе, чѣмъ я желалъ и надѣялся“, какъ Н. Я. самъ писалъ г. Шепроку). Тотчасъ же по пріѣздѣ Н. Я. былъ избранъ ревизоромъ институтской библіотеки, редакторомъ „Извѣстій Нѣжинскаго института“, старостой хозяйственныхъ профессорскихъ артелей; ему же, наконецъ, было поручено произнесеніе академической рѣчи на торжественномъ актѣ слѣдующаго года [1]). Я счастливъ общею любовью и выказываемымъ мнѣ уваженіемъ (пишетъ Н. Я.), которое трудно носить на плечахъ, зная, что ничѣмъ его не заслужилъ“.

„Нѣжинская жизнь дала Николаю Яковлевичу большой просторъ для научныхъ занятій... Къ услугамъ юнаго профессора (ему было въ это время 24 года) былъ весь отдѣлъ фундаментальной библіотеки по части философіи, пополнявшійся по его указаніямъ“. Не мѣшали Н. Я. и мелочныя требованія учено-чиновничьскаго провинціальнаго общества: онъ „рѣшился во что бы то ни стало отстоять свою самостоятельность въ этомъ отношеніи, руководясь при этомъ примѣромъ своего отца, умѣвшаго не дѣлать уступокъ толчеѣ праздной жизни“. Вскорѣ Н. Я. женился на дочери директора института Натальѣ Николаевнѣ Лавровской.

Обрабатывая и читая свои курсы въ институтѣ [2]), Н. Я. успѣвалъ писать и печатать и другія вещи. Такъ, въ первое

---

[1]) Подробности служебной дѣятельности Н. Я. въ Нѣжинѣ см. въ „Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г. (стр. 84, 87, 97), за 1878 г. (стр. 9, 25, 29, 33, 49—51, 62), за 1880 г. (стр. 7—21, 24—26), за 1881 г. (стр. 3—21, 26, 35, 37, 39—40), за 1882 г. (стр. 1—25, 36—37, 39—41, 57), за 1883 г. (стр. 1, 3, 14—15, 35, 41), за 1884 г. (стр. 4, 6, 12—13, 18—19, 41, 45, 54). 14 мая 1880 г. (28 лѣтъ отъ роду) Н. Я. былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора.

[2]) Въ 1876—7 учебномъ году Н. Я. читалъ „студентамъ 1-го и 2-го курсовъ (при 2 недѣльныхъ лекціяхъ въ каждомъ курсѣ) слѣдующіе отдѣлы психологіи: 1) задачи психологіи, методы психологическаго изслѣдованія; пріемы изложенія; пособія по психологіи; 2) общій очеркъ психическихъ отправленій въ связи съ нервными процессами; описаніе строенія и дѣятельности нервныхъ тканей; 3) историческое развитіе вопроса о сущности души; 4) анализъ психической воспріимчивости; исторія вопроса объ ощущеніяхъ; статическій и динамическій анализъ ощущеній; исторія вопроса о чувствованіяхъ; анализъ чувствованій и ихъ законовъ; 5) анализъ психической дѣятельности; теорія стремленій и выраженій; 6) основы психическаго развитія;

же время своей жизни въ Нѣжинѣ онъ напечаталъ свои возраженія на диссертацію А. А. Козлова („Философскіе этюды", часть I), которому онъ оппонировалъ на его диспутѣ [1]), затѣмъ актовую рѣчь „О сновидѣніяхъ, какъ предметъ научнаго анализа" и статью о „Классификаціи чувствованій", помѣщенную имъ (на французскомъ языкѣ) въ Revue Philosophique.

Вскорѣ Н. И. избрали еще въ ученые секретари конференціи института и въ секретари комиссіи по разработкѣ каталога библіотеки института. „Въ это время онъ работалъ усиленно и безпрерывно, не зная праздниковъ и часто засиживаясь часовъ до 3 ночи; но широкія надежды и постоянный успѣхъ поддерживали его энергію и одушевленіе... Я все болѣе и болѣе укрѣпляюсь (писалъ онъ г. Шепроку) въ надеждѣ кое-что сдѣлать по своему предмету: силы не ослабѣваютъ и энергія воли тоже. Только бѣситъ медленность всѣхъ дѣлъ

анализъ законовъ осложненія психическихъ феноменовъ; анализъ основныхъ моментовъ развитія наслѣдственности и индивидуальной жизни; 7) анализъ сна и психическихъ отклоненій въ ихъ значеніи для развитія". Въ 1878—9 г. Н. И. читалъ цѣлыхъ 4 курса: 1) психологію (2 лекціи первому курсу); 2) логику (первому и второму курсамъ—1 лекція), по слѣдующей программѣ: „Введеніе. Различные взгляды на предметъ логики. Краткій историческій очеркъ ея судьбы. Критическая оцѣнка ея задачъ и общее распредѣленіе ея матеріала. Общій анализъ познавательной дѣятельности: 1) матеріалъ, изъ котораго слагается познаніе; 2) объ ошибкахъ въ познавательной дѣятельности и о законахъ мышленія; 3) логическіе пріемы мышленія: процессы образованія сужденій, теорія умозаключеній; разборъ 4 фигуръ силлогизма; 4) пріемы наблюденія и опыта; анализъ индуктивныхъ методовъ"); 3) исторію древней философіи (второму курсу, 1 часъ въ недѣлю)—включительно до Аристотеля; 4) исторію послѣднихъ періодовъ древней философіи, средневѣковую и новую до Канта включительно (III и IV курсамъ вмѣстѣ, 2 часа въ недѣлю). Всего, такимъ образомъ, 6 недѣльныхъ часовъ.

Приведемъ, наконецъ, еще выдержку изъ отчета института за 1880—81 гг.: „По философіи ординарнымъ проф. Гротомъ пройдены: съ I курсомъ психологія, со II логика, съ III исторія философіи до XIX вѣка, причемъ съ особенною подробностью разсмотрѣна англійская философія XVIII в. послѣ Локка. Чтеніе логики происходило по значительно измѣненной программѣ, а именно: 1) о предметѣ логики, ея задачахъ, средствахъ и цѣляхъ; 2) разборъ понятія истиннаго знанія; критерій истины, изслѣдованіе источниковъ знаній ошибочныхъ; вопросъ о способахъ уменьшенія заблужденій; 3) критика ученій о законахъ мышленія; различные способы пониманія этихъ законовъ и ихъ анализъ; 4) ступени познавательной дѣятельности и ихъ отличительные признаки; 5) механическіе познавательные процессы и ихъ результаты; 6) разборъ органическихъ процессовъ познанія, анализъ сужденій и умозаключеній".

[1]) Н. И. „возражалъ очень удачно, но волновался и потомъ жалѣлъ, что говорилъ болѣе рѣзко, чѣмъ хотѣлъ".

человѣческихъ. Какъ я ни скоро работаю, а вотъ уже болѣе года сижу надъ диссертаціей. Сколько труда, времени и терпѣнія потрачено, а все недоволенъ! Моя работа, главнымъ образомъ, будетъ имѣть историко-психологическій характеръ, и тутъ я долженъ изучить бездну премудрости древней, средневѣковой и новой".

„Наконецъ, диссертація была окончена и напечатана, и оставался магистерскій экзаменъ" [1]). По поводу экзамена Н. Я. обратился съ запросами въ Москву и Кіевъ. „Изъ обоихъ мѣстъ пришли отвѣты благопріятные, писалъ Н. Я. г. Шепроку. Троицкій написалъ, что онъ находитъ диссертацію достойной и другой степени (докторской) [2]). Изъ Кіева тоже пишутъ, что достоинство диссертаціи всѣми безъ спору признано, что Козловъ считаетъ ее единственнымъ полнымъ историческимъ изложеніемъ вопроса, какое только существуетъ, что экзаменъ будетъ только формальностью, и т. д." [3]). За-

[1]) Въ большинствѣ русскихъ университетовъ магистерскій экзаменъ и диссертація не представляютъ собою, какъ въ московскомъ университетѣ, двухъ отдѣльныхъ стадій ученой карьеры, имѣющихъ каждая одинаково важное значеніе; обычно главную суть испытанія составляетъ диссертація, экзаменъ же имѣетъ значеніе только общаго ознакомленія съ знаніями ищущаго степени и держится, когда диссертація уже совершенно готова, непосредственно передъ ея защитой.

[2]) Отмѣтимъ, кстати, что проф. Троицкій далъ впослѣдствіи очень хорошій отзывъ и о второй диссертаціи Н. Я. „Къ вопросу о реформѣ логики" (Учебникъ логики, кн. I, стр. 112).

[3]) Вотъ часть подлиннаго отзыва проф. Козлова объ этой диссертаціи Н. Я. (приведенъ проф. Кочубинскимъ въ „предложеніи" Н. Я. на каѳедру философіи въ Новороссійскій университетъ въ „Запискахъ Имп. Новоросс. университета", т. 37, стр. 65 и сл.); „Оба историческіе отдѣла [первая часть диссертаціи состоитъ изъ 2 историческихъ очерковъ: а) исторіи классификаціи психическихъ феноменовъ и взглядовъ на отношеніе чувствованій (и аффектовъ) къ прочимъ явленіямъ психической жизни и б) исторіи ученій объ удовольствіи и страданіи и различныхъ способовъ классификаціи чувствованій (и аффектовъ)] составлены авторомъ весьма полно, такъ что, если что можно поставить въ упрекъ, то развѣ только нѣкоторый педантизмъ въ полнотѣ его историческаго очерка, ибо безъ всякаго ущерба ей могли бы быть опущены указанія на микроскопическія различія въ психологическихъ воззрѣніяхъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ писателей. Но достоинство историческаго обзора состоитъ не только въ полнотѣ указаній, но и въ ихъ вѣрности. Въ большинствѣ случаевъ авторъ пользовался первыми источниками, и гдѣ таковыхъ у него не было подъ рукой, то руководился сочиненіями извѣстныхъ писателей по исторіи философіи и психологіи вообще и по исторіи ученій о чувствованіяхъ въ частности...

„Теоретическая часть сочиненія г. Грота также отличается признаками добросовѣстнаго изученія нѣкоторыхъ лучшихъ представителей современ-

щищалъ диссертацію и держалъ экзаменъ II. Я., однако, не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, потому что, благодаря близости разстоянія, ему удобнѣе было пріѣзжать туда отдѣльно на каждый экзаменъ и тотчасъ же возвращаться къ семьѣ".

Блестяще защитивъ 8 мая 1880 года въ Кіевѣ свою магистерскую диссертацію („Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ"), Н. Я. испросилъ себѣ заграничную командировку [1]) и снова погрузился въ работу надъ доктор-

ной психологіи, самостоятельною переработкой ихъ теорій и нѣкоторой оригинальностью въ постановкѣ и проведеніи собственной теоріи". Заключаетъ свой отзывъ проф. Козловъ слѣдующими словами: Не только у насъ но и въ европейской литературѣ сравнительно рѣдко ученые начинаютъ свое поприще такими почтенными трудами, какъ „Психологія чувствованій".

Тамъ же проф. Кочубинскій даетъ и свою собственную оцѣнку предлагаемаго имъ кандидата на каѳедру. „Съ возникновеніемъ, одной за другою, частныхъ наукъ,—говоритъ онъ,—область философіи болѣе и болѣе сужывалась, и въ ближайшее къ намъ время изъ нея выдѣляется новый разрядъ спеціальныхъ наукъ, относящихся къ душевной жизни и дѣятельности человѣка. Это—психологическія науки... спеціальность II. Я. Грота. Эти науки г. Гротъ, не соглашаясь съ позитивистами и нѣкоторыми физіологами, признаетъ самостоятельными отъ другихъ наукъ объ организмѣ, ибо явленія природы, ими изучаемыя, осложнены особымъ факторомъ—сознаніемъ, которое изученію обыкновенной физіологіи не подвергается. II. Я. Гротъ по преимуществу психологъ и старается поставить рѣшеніе всѣхъ философскихъ вопросовъ, которыми онъ занимался, на почву психологическую. Его нельзя считать прямымъ послѣдователемъ той или другой школы; онъ стремится, на основаніи научныхъ результатовъ, добытыхъ различными психологическими школами, дать самостоятельную постановку каждому вопросу, съ которымъ онъ встрѣчается въ своихъ работахъ. Критики—русская и иностранная—до сихъ поръ встрѣчали эти попытки самостоятельнаго анализа сочувственно и тѣмъ поощряли автора къ дальнѣйшимъ работамъ въ томъ же направленіи".

[1]) Привожу здѣсь ту часть прошенія, поданнаго II. Я—чемъ въ конференцію Института, которая касается его плановъ занятій („Извѣстія Института", томъ VII, стр. 39): „Приступивъ съ начала настоящаго (1880—1) учебнаго года къ собиранію матеріаловъ для написанія докторской диссертаціи, я постепенно приведенъ былъ къ убѣжденію, что для успѣшнаго выполненія моей задачи мнѣ необходимо было бы заняться въ библіотекахъ заграничныхъ (а именно германскихъ) университетовъ и войти въ личныя сношенія съ нѣкоторыми новѣйшими представителями той науки, къ которой относится моя тема. При сложности и запутанности логическихъ вопросовъ, особенно полезно было бы для меня слушаніе курсовъ логики, читаемыхъ проф. Вундтомъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и проф. Зигвартомъ въ Тюбингенскомъ. Личный обмѣнъ мыслей съ этими учеными значительно облегчилъ бы мнѣ усвоеніе духа современныхъ системъ логики, господствующихъ въ Германіи. Кромѣ того, близкая связь изучае-

ской диссертаціей. Онъ намѣтилъ было мѣстомъ своихъ ученыхъ занятій Лейпцигъ, куда его особенно привлекала перспектива работы подъ руководствомъ Вундта, но потомъ выборъ его остановился на Тюбингенѣ [1]).

Диссертація Н. Я. (докторская) въ теченіе 5-мѣсячнаго пребыванія въ Тюбингенѣ быстро подвинулась впередъ и была защищена имъ въ Кіевѣ 11 февраля 1883 г. [2]).

Вотъ какъ описываетъ этотъ диспутъ его очевидецъ, Г. С. Кулябка въ своей замѣткѣ „Памяти Николая Яковлевича Грота“ („Научное Обозрѣніе“, 1899 г., № 9, стр. 1746—50): „Я слушалъ, пишетъ онъ, блестящую вступительную рѣчь Н. Я., возраженія оппонентовъ и защиту диссертанта и былъ свидѣтелемъ восторженной оваціи, импровизированной кіевской студенческой молодежью Н. Я. послѣ объявленія деканомъ факультета о признаніи молодого пѣжинскаго профессора докторомъ философіи. Послѣ шумныхъ и продолжительныхъ аплодисментовъ, студенты подхватили Н. Я. на руки и обнесли вокругъ большой залы торжественныхъ собраній кіевскаго университета при крикахъ: vivat! vivat! Несомнѣнно, такую симпатію молодежи къ Н. Я. вызвала его блестящая, почти художественная по конструкціи рѣчь о томъ, что такое философія, и объ ея отношеніяхъ къ наукѣ и искусству. Вызвала симпатіи и сама личность молодого ученаго, выступившаго въ

мыхъ мною логическихъ вопросовъ съ теоріей развитія языка породила во мнѣ желаніе освѣжить и пополнить свои свѣдѣнія по наукѣ сравнительнаго языкознанія, что возможно тоже лишь при содѣйствіи ученыхъ спеціалистовъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я рѣшился прибѣгнуть къ конференціи съ покорнѣйшею просьбой ходатайствовать передъ министерствомъ о командированіи меня на годъ съ ученою цѣлью за границу... На ходатайство конференціи я тѣмъ болѣе разсчитываю, что пять лѣтъ тому назадъ приглашеніе меня на каѳедру философіи въ Институтѣ кн. Безбородко неожиданно сократило срокъ моихъ занятій съ 2 лѣтъ, на которые я былъ первоначально командированъ с.-петербургскимъ университетомъ, на 1 годъ. О возмѣщеніи мнѣ этого потеряннаго для свободныхъ ученыхъ занятій за границею года я и прошу ходатайства конференціи“. Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 23 іюля 1881 г. Н. Я. командированъ съ ученою цѣлью за границу на годъ съ 1 сентября 1881 г. по 1 сент. 1882 г.

[1]) См. о Тюбингенѣ выше въ очеркѣ В. И. Шенрока.

[2]) Часть отзыва Кіевскаго Историко-Филологическаго факультета о докторской диссертаціи Н. Я. приводится въ „представленіи“ проф. Кочубинскаго („Записки Имп. Новоросс. унив.“, т. 37, протоколы Совѣта, стр. 72—79).

своей рѣчи со своимъ, *новымъ* словомъ о философіи: философію въ этой рѣчи Н. Я. признавалъ особымъ видомъ искусства, а не наукой"[1]).

VI.

Въ томъ же 1882—3 учебномъ году, въ которомъ Н. Я. защитилъ свою докторскую диссертацію, произошелъ рядъ очень важныхъ перемѣнъ въ жизни Нѣжинскаго Института. Высочайшимъ приказомъ 20 сентября 1882 г. былъ уволенъ отъ службы, согласно прошенію, директоръ института Н. А. Лавровскій (тесть Н. Я.) и на его мѣсто назначенъ директоръ Харьковской 2-й гимназіи Н. Е. Скворцовъ, который 3 января 1883 года и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей... Въ Институтѣ начались новыя вѣянія".

При Н. А. Лавровскомъ Институтъ представлялъ собою, mutatis mutandis, историко-филологическій факультетъ русскаго университета по уставу 1863 года; имѣя своею спеціальной задачей подготовку учителей, преимущественно по древнимъ языкамъ, для гимназій и прогимназій, онъ, несмотря на это, не чуждался и общеобразовательныхъ задачъ; онъ по мѣрѣ силъ, давалъ учащимся свѣдѣнія въ области гуманныхъ наукъ: философіи съ логикой и психологіей, всеобщей и русской исторіи и исторіи литературы. Всѣ эти предметы были равноправными членами въ общей системѣ образованія. Передъ ухо-

---

[1]) Тамъ же приведены и слѣдующія подробности диспута: „Изъ официальныхъ оппонентовъ долго говорилъ профессоръ Гогоцкій, но говорилъ такъ тихо, что только по отвѣтамъ и улыбкѣ диссертанта можно было судить о характерѣ оппозиціи стараго философа"... Вторымъ долженъ былъ возражать А. А. Козловъ... „Стоя, маститый профессоръ громко сказалъ Н. Я—чу: „Вы съ вашей реформой логики прошли мимо логики, а потому у васъ въ результатѣ получилось все, что угодно, только не логика; а старая логика, какъ была логикой до вашей реформы, такъ и остается логикой, несмотря на вашу реформу. Я здѣсь спорить съ вами не буду и не буду препятствовать вамъ получить докторскій дипломъ: вы имѣете на него право, доказавъ свою эрудицію. Въ печати же я докажу вамъ, что въ вашей „Реформѣ логики" совсѣмъ нѣтъ логики и что вы, быть можетъ, прекрасный психологъ или какой тамъ другой спеціалистъ, но что философъ вы никакой. Такъ и знайте, а дипломъ получайте; я не помѣшаю"... Первый изъ неофиціальныхъ оппонентовъ, г. Козловскій, велъ продолжительный споръ съ Н. Я—чемъ... Впослѣдствіи Н. Я. передавалъ, что эти возраженія онъ считаетъ самыми серьёзными и самыми существенными изъ всѣхъ сдѣланныхъ ему во время ученаго спора.

домъ Н. А. Лавровскаго конференція Института провела даже учрежденіе въ немъ историческаго отдѣленія.

Институтъ вначалѣ состоялъ изъ 2 отдѣленій: классическаго и словеснаго. Какъ и всегда, классическое было гораздо бѣднѣе студентами и, напр., въ 1881—2 учебномъ году на III курсѣ вовсе не было студентовъ-классиковъ. И вотъ, заботясь о болѣе полномъ удовлетвореніи запросовъ учащихся и о болѣе широкой постановкѣ преподаванія въ Институтѣ, конференція его въ засѣданіи 7-го марта 1881 г. рѣшила учредить на III и IV курсахъ института и третье — Историческое—отдѣленіе... Начинается борьба большинства конференціи съ профессорами древнихъ языковъ [1]). Въ концѣ-концовъ проектъ учрежденія историческаго отдѣленія былъ принятъ 7-го марта 1882 г., и 6-го августа того же года это отдѣленіе было разрѣшено къ открытію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Но уже немедленно послѣ ухода Н. А. Лавровскаго равноправность образовательныхъ предметовъ начинаетъ оспариваться; нѣкоторые предметы начинаютъ читаться на латинскомъ языкѣ, а 24-го февраля 1883 года новый директоръ вноситъ въ конференцію и затѣмъ проводитъ уничтоженіе въ институтѣ отдѣленій и „концентрацію“ всего преподаванія на древнихъ языкахъ [2]). Мѣняется и отношеніе къ учащимся;

[1]) Смотри „Извѣстія Ист.-Фил. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ томъ VIII, стр. 24—40, томъ IX, стр. 22, 31 и слѣд.

[2]) Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ „мнѣнія“, новаго директора о спеціальныхъ отдѣленіяхъ въ Институтѣ. „Дѣленіе учебнаго курса на отдѣленія—въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у насъ,—неблагопріятно отражается на всемъ ученіи студентовъ. Въ немъ нѣтъ потребной концентраціи, въ силу которой умъ студента могъ бы расти и крѣпнуть на занятіяхъ науками и пріобрѣтаемыя имъ научныя познанія твердѣли бы въ немъ все болѣе и болѣе, становясь глубокими и основательными... Это происходитъ, повидимому, отъ того, что ученіе наше, по цѣли заведенія всецѣло основанное на классической филологіи, дѣлится на нее, какъ на одну изъ частей себя самого... Въ нашемъ учебномъ курсѣ не должно быть никакихъ отдѣленій, въ смыслѣ перегородокъ въ тѣхъ же предѣлахъ учебнаго курса, отдѣляющихъ и потому отстраняющихъ классическую филологію, чтобы дать въ нихъ просторъ другимъ наукамъ. Классическая филологія должна быть въ нашемъ курсѣ не общею основою, по существеннымъ содержаніемъ всего курса, его истинною спеціальностью... Напротивъ, другія науки должны быть только дополненіемъ къ классической филологіи, притомъ или обязательнымъ для каждаго нашего студента (какова, напр., философія, богословіе), или необязательнымъ... Всякая спеціальность въ наукѣ возможна только какъ результатъ продол-

это новое отношеніе необыкновенно отчетливо выступаетъ, напр., въ слѣдующемъ „заявленіи“ новаго директора (на конференціи 20-го октября 1883 года): „у студентовъ, какъ онъ замѣчаетъ, есть, между прочимъ, неправильное мнѣніе, будто бы они еще въ Институтѣ могутъ быть какими-то спеціалистами. Поэтому онъ покорнѣйше проситъ членовъ конференціи содѣйствовать развитію между студентами правильнаго мнѣнія о томъ, что спеціальныя занятія ихъ впереди, а что въ Институтѣ они единственно должны сосредоточивать свои занятія на изученіи древнихъ языковъ“. Конференція опредѣлила „занести въ протоколъ“...

Это была та же волна, которая 2 года спустя обрушилась и на филологическіе факультеты нашихъ университетовъ; только въ Нѣжинѣ она ударила нѣсколько раньше.

Н. Я. все время былъ, конечно, противъ „реформы“; но борьба тяготила и утомляла его, и онъ сталъ стремиться занять каѳедру въ какомъ-нибудь университетѣ.

Предположеніе пригласить Н. Я. Грота на каѳедру въ Москву возникло у занимавшаго московскую каѳедру философіи проф. М. М. Троицкаго еще ранѣе защиты Н. Я. магистерской диссертаціи. Проф. Троицкій всегда видѣлъ въ Н. Я. наиболѣе желательнаго для себя преемника по каѳедрѣ философіи въ Московскомъ университетѣ. Сношенія, сначала только письменныя, между Н. Я. и проф. Троицкимъ начались еще въ 1879 году, и сразу стали очень дружественными. Посылая Матвѣю Михайловичу первую часть своей магистер-

---

жительнаго, самостоятельнаго и личнаго труда въ извѣстной области вѣдѣнія, и я рѣшительно отказываюсь понимать, какъ можетъ быть испеченъ въ спеціалисты, напр., славянской филологіи или исторіи нашъ студентъ, не достигшій хорошихъ успѣховъ въ области классической филологіи и прослушавшій въ теченіе двухъ лѣтъ нѣсколько разнообразныхъ лекцій по разнымъ исторіямъ или по славянскимъ нарѣчіямъ съ нѣкоторыми другими придатками. Комическая сторона въ этомъ случаѣ можетъ состоять въ томъ, что иной студентъ, чуть не съ первыхъ дней пребыванія своего въ Институтѣ, пожалуй, мнитъ себя спеціалистомъ по исторіи или славянской филологіи. Это сторона комическая; но серьёзная, даже опасная сторона дѣла та, что такіе спеціалисты, дѣйствуя потомъ въ гимназіяхъ, склонны бываютъ иногда предосудительно смотрѣть на классическую систему гимназическаго образованія и, сами безъ основательнаго филологическаго ученія, готовы, пожалуй, колебать его и въ своей гимназической средѣ“... Соотвѣтственно тону и содержанію этой бумаги, г. директоръ составилъ и схему преподаванія, и правила объ экзаменахъ.

Совершенно понятно, что всѣ профессора не-классики стали въ эту эпоху стремиться вонъ изъ Нѣжина.

ской диссертаціи, Н. Я. писалъ (7 ноября 1879 года), что для него „сужденіе М. М. было бы въ высшей степени интересно по различнымъ причинамъ. Во-первыхъ, я считаю васъ, писалъ Н. Я., наиболѣе компетентнымъ во всей Россіи судьею моего направленія и моихъ работъ, такъ какъ на мое направленіе значительно повліялъ и Вашъ извѣстный трудъ о нѣмецкой психологіи, бывшій постоянно, со времени студенчества, настольною книгою при моихъ занятіяхъ. Во-вторыхъ, по моимъ симпатіямъ къ Вамъ лично, къ Московскому университету и къ Москвѣ вообще, я считаю очень вѣроятнымъ, что выберу Москву мѣстомъ защиты диссертаціи и держанія магистерскаго экзамена, если только моя работа встрѣтитъ сочувствіе съ Вашей стороны ..“ Въ отвѣтъ на это-то письмо М. М. поздравлялъ Н. Я. съ „въ высшей степени полезнымъ трудомъ“ и заявлялъ, что „всѣ ученыя работы Н. Я. всегда казались ему наиболѣе соотвѣтствующими современнымъ потребностямъ философскаго изслѣдованія“ и что въ частности такой трудъ, какъ психологія чувствованій „годился бы и для другой степени“, на которую Н. Я. пока не претендуетъ... „Вашъ трудъ,—писалъ М. М. въ слѣдующемъ письмѣ,—увеличилъ мое желаніе видѣть Васъ, какъ можно скорѣе, въ Московскомъ университетѣ. Мнѣ кажется, что я достаточно подготовилъ радушный Вамъ пріемъ со стороны факультета и совѣта...“ Въ такомъ же тонѣ шла и дальше эта переписка [1]). Такъ, когда у Н. Я. встрѣтились (потомъ улаженныя) затрудненія относительно принятія Кіевскимъ факультетомъ его книги „Къ вопросу о реформѣ логики“, въ качествѣ докторской диссертаціи, М. М. пишетъ: „Послѣ всего, что я узналъ изъ Вашего письма, могу вамъ предложить одинъ совѣтъ: оставьте Кіевъ и пріѣзжайте къ намъ въ Москву. Въ моемъ мнѣніи о Вашемъ трудѣ и отношеніи къ нему нашего факультета не сомнѣвайтесь ни на одну минуту: мы Вамъ дадимъ степень доктора, и дадимъ съ почетомъ“... Первые переговоры съ проф. Троицкимъ насчетъ перехода въ Москву не привели къ этой цѣли: помѣшали разныя обстоятельства. „Съ Троицкимъ мы уговорились, писалъ Н. Я. г. Шепроку (повидимому въ 1880 г.), отложить мой переходъ (въ Москву) лишь на время;

[1]) Я имѣлъ въ рукахъ (повидимому, почти всѣ) письма Н. Я. къ М. М. и отвѣты послѣдняго за время съ 1879 по 1886 г., т.-е до перехода Н. Я. на каѳедру въ Москву, чѣмъ я обязанъ любезности С. М. Троицкой и П. П. Гротъ.

но я, признаться, плохо вѣрю (прибавлялъ онъ) въ возможность улаженія дѣла черезъ годъ. Теперь я уже доцентомъ не пойду, а профессорскихъ вакапцій у нихъ нѣтъ".

Такимъ образомъ, дѣло о переходѣ въ Москву затянулось, и П. Я. принялъ сдѣланное ему въ это время предложеніе занять каѳедру въ Новороссійскомъ (Одесскомъ) университетѣ [1]). Университетъ этотъ былъ преобразованъ въ 1865 г. изъ прежняго Ришельевскаго Лицея; до 1876 г. каѳедру философіи занималъ въ немъ Р. В. Орбинскій, а послѣ Орбинскаго до осени 1883 г. читалась только исторія древней философіи профессорами по каѳедрѣ греческой литературы.

„Осенью 1883 г. Н. Я. уже переселился въ Одессу куда, по своему обычаю, слишкомъ поспѣшилъ переѣхать"—еще до полученія офиціальнаго утвержденія, какъ сообщаетъ г. Шепрокъ; утвержденъ былъ Н. Я. профессоромъ Одесскаго университета 1 ноября 1883 г.

VII.

Въ теченіе времени между окончаніемъ докторской диссертаціи и переѣздомъ въ Одессу въ строѣ воззрѣній Н. Я. начинаетъ совершаться переворотъ, отразившійся на всей его дальнѣйшей учено-литературной дѣятельности: изъ позитивиста онъ превращается мало-по-малу въ метафизика-спиритуалиста. Надо замѣтить, однако, что Н. Я. никогда не былъ совершенно послѣдовательнымъ спиритуалистомъ: въ его воззрѣніяхъ до конца оставалась, несмотря на всѣ его колебанія, значительная примѣсь его прежняго спенсеріанства и тѣхъ чисто психологическихъ интересовъ, съ которыхъ онъ началъ свою умственную жизнь. Поэтому, разорвавъ съ позитивистами, онъ далеко не вполнѣ присталъ и къ спиритуалистамъ. И все остальное время, вплоть да самой смерти своей, Н. Я. колебался между

[1]) Подробности о приглашеніи П. Я. въ Одессу—въ „Запискахъ Новороссійскаго университета", томы 37 и 38 („Протоколы засѣданій совѣта" за 1883 г., стр. 55—81, 117—118 и 183—4). Здѣсь (стр. 59—81) помѣщено и мотивированное предложеніе П. Я. къ избранію профессора Новороссійскаго университета, внесенное въ Историко-филологическій факультетъ проф. Кочубинскимъ и содержащее въ себѣ общій обзоръ и характеристику литературной дѣятельности П. Я. (кончая его докторской диссертаціей).

этими ученіями, приближаясь болѣе то къ одному изъ нихъ, то къ другому.

Чѣмъ же объясняется этотъ умственный кризисъ? Мы не можемъ сейчасъ съ увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ; для этого нужно было бы изучить переписку Н. Я. за начало 80-хъ годовъ, собрать свѣдѣнія отъ лицъ, которыя съ нимъ въ это время встрѣчались. Мы позволимъ себѣ сдѣлать только нѣсколько сопоставленій.

Припомнимъ, какіе мотивы, какія цѣли одушевляли Н. Я., когда онъ выступалъ на поприще самостоятельной дѣятельности: онъ весь горѣлъ тогда желаніемъ реформировать основныя начала умственной жизни своихъ современниковъ. Мы уже приводили слова г. Шенрока, что, когда Н. Я. кончилъ курсъ въ университетѣ, его „особенно воодушевляла мысль, что онъ пойдетъ по болѣе широкому и болѣе соотвѣтствующему требованіямъ времени пути"; въ то же время онъ, несомнѣнно, рисовалъ въ своемъ пылкомъ воображеніи и ту „картину переустройства всей личной и общественной жизни на началахъ альтруизма и разумнаго безкорыстнаго труда, опирающагося на изученіе реальныхъ наукъ", о которой упоминаетъ тотъ же авторъ, какъ о всеобщей мечтѣ своего поколѣнія. И Н. Я., выбравъ своею спеціальностью разработку философскихъ наукъ на „реальныхъ" основаніяхъ и успѣшно работая въ этомъ направленіи, несомнѣнно, надѣялся на то, что и въ другихъ сферахъ общественной жизни дѣло пойдетъ такъ же хорошо, какъ у него шло въ области логики и психологіи...

Но дѣйствительность, какъ извѣстно, самымъ жестокимъ образомъ попрала всѣ надежды того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Н. Я., т.-е. молодого поколѣнія 70-хъ годовъ. Оказалось, что всѣ геройскія усилія отдѣльныхъ личностей, весь безкорыстный энтузіазмъ, самое усердное изученіе образованными людями „реальныхъ наукъ" ничего не могутъ подѣлать съ Левіафаномъ русской общественной жизни. И мы знаемъ, каковы были послѣдствія этого разочарованія для людей того времени: лишь сравнительно немногіе остались при прежней вѣрѣ; изъ остальныхъ одни отреклись отъ своихъ прежнихъ чаяній и перешли въ лагерь своихъ недавнихъ враговъ; другіе извѣрились во всемъ, перестали быть людьми, какъ говорится, „идейными"; третьи, наконецъ, стали искать новыхъ путей выхода изъ состоянія разочарованія. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые откликнулись на проповѣдь гр. Толстого, стали на его особенную моралистическую точку зрѣнія и

пробовали „опрощаться"; другіе, въ отпоръ прежнему культу разума, превозносили „красоту" и строили цѣлыя міровоззрѣнія „эстетическія", и т. д., и т. д.

Однимъ изъ такого рода искателей является, несомнѣнно, и Н. Я. Гротъ. Онъ отдалъ значительную дань тому мистическому анархизму, къ которому пришелъ гр. Толстой; и это было ему тѣмъ легче, что онъ, всею душою сочувствуя всему хорошему, что появлялось въ нашей общественной жизни, тѣмъ не менѣе сравнительно мало обращалъ вниманія на тѣ *реальныя*, органическія узы, которыя связываютъ распыленныхъ индивидуумовъ въ цѣлое: общество, государство.

Поэтому, Н. Я. сравнительно очень легко далось то моралзированіе „въ пустомъ пространствѣ", которое составляетъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ „толстовства".

Параллельно этому, у Н. Я. все болѣе и болѣе развивалась и склонность къ спиритуалистической и идеалистической метафизикѣ. Я отдѣляю эти два понятія потому, что по существу они совершенно не тожественны: можно быть спиритуалистомъ, т.-е. вѣровать въ существованіе души, какъ особой субстанціи, и тѣмъ не менѣе не считать міра строящимся по идеямъ, цѣлямъ. Конечно, обычно эти два умственныя теченія ставятъ другъ отъ друга въ зависимость, сцѣпляя ихъ рядами силлогизмовъ; но по существу и въ идеѣ они раздѣльны; и напр., трудно сказать, является ли спиритуалистъ В. Джемсъ (американскій психологъ) въ то же время и идеалистомъ.

Н. Я., повторяю, одно время очень увлекался спиритуалистически-идеалистической метафизикой. Тяжелыя общественныя потрясенія, полное разочарованіе въ силѣ „критически мыслящей личности", сознаніе необходимости перестать выдѣлять себя подъ этой маркой изъ всего остального народа и человѣчества, найти какой-нибудь универсальный, охватывающій всѣхъ людей и даже всѣ живые существа морально-общественный принципъ, заставили Н. Я. обратить свои взоры въ ту область, которая никогда не отказывалась давать людямъ поддержку въ критическіе моменты ихъ личной и общественной жизни. Онъ ухватился за идеи нравственнаго міропорядка, возвышеннаго назначенія человѣческой души, за идею обязательности закона нравственнаго долга и любви... Могутъ сказать, что вѣрованіе въ эти идеи, какъ въ уже существующія субстанціи, является только временной передышкой; что эти идеи — для того, чтобъ онѣ стали истинно плодотвор-

ными,—надо понять какъ долженствующія имѣть въ дѣйствительности мѣсто отношенія между реальными факторами и элементами жизни... Пусть такъ; пусть Н. Я. попалъ въ своихъ исканіяхъ на слишкомъ уже старый и заѣзженный путь; пусть онъ колебался, испытывалъ недоумѣнія; пусть до конца жизни онъ не нашелъ вполнѣ твердаго и опредѣленнаго міровоззрѣнія, которымъ можно было бы замѣнить credo 70-ыхъ годовъ, — за нимъ остается заслуга этого вполнѣ искренняго исканія! Да и развѣ такъ легко было найти новое міровоззрѣніе, которое смѣнило бы старую вѣру?... Во всякомъ случаѣ, утверждая существованіе нравственнаго міропорядка, Н. Я. надѣялся этимъ путемъ провести его до извѣстной степени въ жизнь, заставить людей считаться съ нимъ, подчинять ему свой эгоизмъ, свои низшіе инстинкты, свою животную сторону...

Н. Я. вообще жилъ необычайно быстро: 24 лѣтъ онъ былъ профессоромъ, въ 30 лѣтъ—докторомъ философіи, авторомъ двухъ выдающихся диссертацій и цѣлаго ряда статей; все ему давалось необыкновенно легко и просто: все было къ его услугамъ. Онъ слишкомъ рано началъ жить и, быть можетъ, отчасти и поэтому рано же разочаровался въ вѣрованіяхъ своей юности.

Въ Одессѣ лекціи Н. Я. были хорошо приняты студентами; въ въ то же время онъ быстро сталъ и популярнымъ чтецомъ публичныхъ лекцій. Такъ, въ 1884 г. онъ прочелъ въ видѣ публичныхъ лекцій свои статьи: „О свободѣ воли“ и „О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній“; въ 1885 г.—„Джордано Бруно и пантеизмъ“ и „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джордано Бруно“; въ 1886 г.—„О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ“ и „Предѣлы знанія и антропоморфизмъ“. Въ этомъ то рядѣ лекцій и выразилось прежде всего то измѣненіе въ воззрѣніяхъ Н. Я. Грота, о которомъ мы только что говорили.

Но литературная дѣятельность Н. Я. за это время не ограничивается, однако, чтеніемъ курсовъ въ университетѣ и публичными лекціями; она проявляется еще въ цѣломъ рядѣ статей. Вообще въ это время Н. Я. очень много, можно сказать, слишкомъ много печатаетъ; такъ, въ спискѣ его печатныхъ трудовъ за 1884 годъ приходится цѣлыхъ 13 нумеровъ.

Вотъ какъ передастъ общее впечатлѣніе объ одесскомъ періодѣ жизни Н. Я Грота проф. Маркевичъ, авторъ „Двадцатипятилѣтія Новороссійскаго университета“ (стр. 312—13): „Въ

бытность въ нашемъ университетѣ проф. Гротъ, согласно правиламъ 23 августа 1884 г., преимущественно знакомилъ своихъ слушателей съ философіей Платона и Аристотеля, затѣмъ читалъ исторію греческой философіи, еще нѣкоторые спеціальные курсы и психологію и велъ со студентами очень оживленныя практическія занятія. Вообще очень живой преподаватель, съ оригинальными, хотя и нѣсколько неустановившимися взглядами, до фанатизма вѣрующій въ значеніе философіи и страстно пропагандировавшій свои взгляды, Н. Я. Гротъ, „волнуясь и спѣша" проведшій время пребыванія своего въ Одессѣ, оживилъ изученіе философіи въ Новороссійскомъ университетѣ; слушателей у него, и изъ студентовъ иныхъ факультетовъ, было всегда масса; изъ учениковъ его вышли и такіе, которые серьёзно занимаются философіей. Не довольствуясь университетской каѳедрой, проф. Гротъ составлялъ кружки для занятія философіей, постоянно читалъ публичныя лекціи и проч., причемъ онъ всегда и вездѣ готовъ былъ преломить копье за свое философское ученіе. И дѣйствительно, противники у него были самые разнообразные: и высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій [1]), и извѣстный проф. философіи въ Кіевскомъ университетѣ А. А. Козловъ [2]), и студенты, его собственные слушатели, печатавшіе критическія статьи о его сочиненіяхъ или лекціяхъ" [3]).

Къ этой же эпохѣ относится и полемика Н. Я. съ „Обыкновеннымъ читателемъ" (въ „Дѣлѣ" 1883—4 годовъ). Мы не будемъ на ней останавливаться.

VIII.

Наконецъ, весною 1886 года старая мечта Н. Я. и М. М. Троицкаго осуществилась: истекъ срокъ службы М. М., и его каѳедра освободилась. Различныя затрудненія были, въ концѣ-концовъ, улажены стараніями М. М. и хлопотами Н. Я., и

[1]) Статьи архіепископа Никанора въ „Православномъ Обозрѣніи" 1886 г., № 10.

[2]) Въ „Русскомъ Богатствѣ", статья по поводу докторской диссертаціи Н. Я,

[3]) Такъ, студентъ Холмскій (какъ сообщаетъ г. Маркевичъ) напечаталъ особою брошюрой болѣе чѣмъ рѣзкую критику взглядовъ Н. Я. на философію Шопенгауэра.

1 іюня 1886 года на московскую каѳедру философіи былъ назначенъ Н. Я.

Этотъ послѣдній московскій періодъ жизни и дѣятельности Н. Я. прошелъ въ большей или меньшей степени на глазахъ у многихъ изъ нашихъ сочленовъ по Психологическому Обществу и, конечно, живъ въ ихъ памяти. И если бы я захотѣлъ сколько-нибудь подробно излагать дѣятельность Н. Я. за этотъ періодъ, то въ мою статью должна была бы войти составною частью исторія Московскаго Психологическаго Общества и журнала „Вопросы философіи и психологіи“, и я далеко зашелъ бы за предѣлы журнальной статьи. Поэтому я лишь укажу главныя области дѣятельности Н. Я. въ московскій періодъ его жизни и дамъ общую ихъ характеристику.

Въ Московскомъ университетѣ Н. Я. первое полугодіе послѣ своего пріѣзда читалъ курсъ, посвященный разбору нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ психологіи (преимущественно методологическихъ); вступительную же лекцію онъ прочелъ „Объ истинныхъ задачахъ философіи“. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Н. Я. читалъ, согласно требованіямъ правилъ 1884 г., діалоги Платона и исторію греческой философіи. Наконецъ, когда эти требованія были отмѣнены и было возстановлено преподаваніе философіи въ его прежнихъ размѣрахъ (т.-е. и логики, и психологіи, и *всей* исторіи философіи, а не однихъ только Платона и Аристотеля), онъ до самой своей смерти читалъ обычно свою любимую науку— психологію, присоединяя иногда 1 часъ по этикѣ или семинарій по этикѣ, либо по психологіи. Мы еще узнаемъ объ этой сторонѣ дѣятельности Н. Я. изъ воспоминаній одного изъ его учениковъ.

Перехожу къ дѣятельности Н. Я. въ Психологическомъ Обществѣ.

Психологическое Общество при Московскомъ университетѣ было открыто въ 1885 году, по иниціативѣ проф. М. М. Троицкаго, который былъ и первымъ его предсѣдателемъ. Осенью 1887 г. проф. Троицкій уѣхалъ за границу, и 6-го октября 1887 года Н. Я. первый разъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіи Общества; съ этихъ поръ въ теченіе 10 слишкомъ лѣтъ онъ руководилъ работой Психологическаго Общества [1]), такъ какъ

[1]) Членомъ Психологическаго Общества Н. Я. былъ избранъ (вмѣстѣ съ другими 52 лицами) въ первомъ же засѣданіи (24 янв. 1885 г.), а временнымъ товарищемъ предсѣдателя—въ засѣданіи 24 янв. 1887 г. (пер-

на ближайшемъ годичномъ собраніи (24 янв. 1888 г.) онъ былъ избранъ его предсѣдателемъ.

Н. Я. сталъ тратить на дѣла Общества массу силъ и энергіи, и результаты этого сразу обнаружились. 14 февраля 1888 г. состоялось публичное засѣданіе Общества, посвященное памяти Шопенгауэра; а уже 10-го марта рѣшено было напечатать отдѣльной книгой произнесенныя въ этомъ засѣданіи рѣчи, и тѣмъ было положено начало издательской дѣятельности Общества. 3-го декабря того же года были доложены письма гг. Д. А. Столыпина и А. А. Абрикосова, изъ которыхъ первый предложилъ Обществу 2.000 рублей на учрежденіе преміи за лучшее сочиненіе на тему: „Критическое разсмотрѣніе ученія О. Конта о естественномъ совпаденіи первообразныхъ законовъ неорганической природы и основныхъ законовъ органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству“ и 1.000 рублей на расширеніе издательской дѣятельности Общества. А. А. Абрикосовъ, съ своей стороны, заявилъ о своемъ желаніи „взять на себя изданіе задуманнаго Н. Я. философскаго журнала“.

Премія, какъ извѣстно, была учреждена [1]), а съ конца 1889 г. началъ издаваться и журналъ „Вопросы философіи и психологіи“.

Все это показываетъ, какое оживленіе наступило въ это время въ дѣятельности Психологическаго Общества, какой интересъ начала проявлять къ нему публика. И это оживленіе, и этотъ интересъ обязаны своимъ возникновеніемъ преимущественно Н. Я. Онъ работалъ въ Обществѣ и въ качествѣ члена: читалъ рефераты, участвовалъ въ преніяхъ, и какъ его предсѣдатель: онъ подготовлялъ и организовалъ засѣданія, предсѣдательствовалъ на нихъ, руководилъ преніями, завѣдывалъ изданіями Общества, привлекалъ въ Общество новыхъ членовъ. Стоило ему замѣтить въ университетѣ среди студентовъ, или среди посѣщавшей засѣданія Общества публики, или среди лицъ, обращавшихся къ нему по всякаго рода дѣламъ,

вомъ, на которомъ Н. Я. присутствовалъ). Уже 25-го февраля того же года Н. Я. прочелъ въ Обществѣ свой первый рефератъ—„О свободѣ воли“, сразу возбудившій въ членахъ Общества такой интересъ, что пренія по нему не могли быть закончены въ томъ же засѣданіи и заняли все засѣданіе 5 марта и часть засѣданія 14 марта.

[1]) Въ 1891 г. она присуждена въ половинномъ размѣрѣ В. Н. Чичерину за сочиненіе „О. Контъ и позитивная философія“; вторая же ея половина не присуждена до сихъ поръ.

человѣка, способнаго быть полезнымъ Обществу, и онъ сейчасъ же старался привлечь къ Обществу его симпатіи и дать ему извѣстный просторъ для дѣятельности тамъ.

Для журнала Н. Я. былъ не только его иниціаторомъ и (вмѣстѣ съ А. А. Абрикосовымъ) основателемъ, но и редакторомъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ его существованія. Кто знакомъ съ положеніемъ редактора русскаго журнала, тотъ знаетъ и всѣ трудности этого дѣла. И надо отдать справедливость Н. Я.: онъ въ общемъ мастерски справлялся съ этой работой. Здѣсь, какъ и во всей его дѣятельности въ Психологическомъ Обществѣ, проявились тѣ черты его характера, которыми онъ отличался всю свою жизнь: его энергія и предпріимчивость, его живой характеръ, способный всякаго увлечь и заставить работать, наконецъ, его выдающійся организаторскій талантъ и большіе литературные и издательскіе навыки. Н. Я. во все входилъ самъ; онъ вникалъ во всѣ мелочи— иногда до такой степени, что забота его объ этихъ деталяхъ начинала, со стороны, казаться просто утомительной.

Но зато надо отдать ему полную справедливость: никто, вѣроятно, не могъ бы, когда было нужно, проявлять такую дѣятельность, объѣзжать массу лицъ, упрашивая ихъ, настаивая на томъ, чтобъ они сдѣлали все, что могутъ, сноситься съ такой массой официальныхъ учрежденій, съ цензурой, типографіями, и т. д., и т. д. Н. Я. всегда все заранѣе предвидѣлъ; онъ предусматривалъ всякую мелочь практической постановки всякаго дѣла, доходя до ничтожной опечатки въ выходившихъ подъ его редакціей изданіяхъ—опечатки, заставлявшей его поистинѣ страдать, огорчавшей его до глубины души. Это-то *живое* отношеніе къ дѣлу и дѣйствовало такъ обаятельно на всѣхъ, кому приходилось имѣть съ Н. Я. дѣло.

Изъ-за работы въ Психологическомъ Обществѣ и журналѣ Н. Я. не забывалъ, однако, и другихъ общественныхъ начинаній: и имъ онъ удѣлялъ часть своего досуга и силъ. Такъ, онъ принималъ участіе въ работахъ московской Комиссіи для организаціи домашняго чтенія, состоящей при Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, для которой составилъ программу занятій по философіи; работалъ онъ также въ комиссіи, избранной московскимъ дворянствомъ для разработки вопроса о желательной реформѣ средняго образованія въ Россіи, и т. д.

Наконецъ, параллельно всей этой работѣ продолжалась и его литературная дѣятельность. Только теперь онъ не давалъ

уже болѣе такихъ крупныхъ трудовъ, какими были обѣ его диссертаціи; онъ писалъ рядъ отдѣльныхъ статей и очерковъ по разнымъ вопросамъ. Надо замѣтить вообще, что Н. Я. и по всему складу своей натуры, своего темперамента, и по особенностямъ той эпохи, въ которую онъ началъ свою ученую работу и которая наложила печать на всю его дальнѣйшую дѣятельность, всего менѣе былъ изслѣдователемъ детальныхъ вопросовъ. Онъ любилъ и могъ ставить вопросы только широкіе, основные. Это замѣтно даже въ его диссертаціяхъ: историческій отдѣлъ „Психологіи чувствованій“ имѣетъ (несмотря на свой большой объемъ) значеніе лишь введенія къ основной, теоретической части работы; а эта послѣдняя представляетъ собою новую *общую* теорію происхожденія и развитія чувствованій. Это—только общій очеркъ, проектъ науки. Она такъ и озаглавлена: „Основы анализа и синтеза чувствованій для *будущей* психологіи“. То же можно сказать и о второй диссертаціи, ставящей цѣлью опять установленіе общихъ основъ для *реформы* логики, для созданія новой науки. Такимъ образомъ, обѣ диссертаціи имѣютъ, такъ сказать, „динамическій“ характеръ: онѣ столько же подводятъ итоги предыдущей работѣ автора, сколько приглашаютъ всѣхъ и каждаго итти впередъ: онѣ много *даютъ*, но еще больше *обѣщаютъ*.

Въ московскій періодъ дѣятельности Н. Я. эта черта его умственныхъ интересовъ становится особенно рѣзкой: онъ вращается почти исключительно въ сферѣ самыхъ общихъ и основныхъ вопросовъ философіи. Наше поколѣніе, передъ которымъ отнюдь не открывается такихъ всеобъемлющихъ горизонтовъ, какими грезило поколѣніе Н. Я., съ гораздо большею любовью занимается детальной работой и уже мало понимаетъ такую широкую (иногда слишкомъ широкую) постановку вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, эта черта характеризуетъ цѣлую эпоху; къ тому же она сослужила большую службу русскому просвѣщенію: именно, она привлекла къ философіи интересы общества, на которое были бы безсильны повліять болѣе детальныя, болѣе спеціальныя работы.

Съ другой стороны, въ послѣдніе годы жизни Н. Я. у него все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ звучать моральная рефлексія, и цѣлый рядъ своихъ статей онъ посвящаетъ проблемамъ этики.

Лично мнѣ пришлось познакомиться съ Н. Я. осенью 1892 года; въ это время онъ далеко уже не былъ тѣмъ всегда бодрымъ и жизнерадостнымъ человѣкомъ, какимъ его рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Шенрокъ: онъ производилъ впе-

чатлѣніе человѣка переутомленнаго, надорвавшагося, и то и дѣло хворалъ. Первымъ ударомъ, положившимъ начало разрушенію его организма, былъ жестокій ревматизмъ, перенесенный имъ въ Нѣжинѣ въ 1882 году. Затѣмъ, въ Москвѣ Н. Я. съ 1891 г. почти каждую зиму испытывалъ какіе-то припадки, выражавшіеся упадкомъ силъ, подавленнымъ самочувствіемъ и всевозможными нервными болями. Въ общемъ онъ чувствовалъ себя послѣднее время настолько плохо, что на текущій учебный годъ взялъ отъ Московскаго университета заграничную командировку; часть этого года (послѣдняго въ 25-лѣтіи его службы) онъ хотѣлъ провести за границей, а часть въ Харьковѣ. Въ Харьковъ онъ перевезъ и свою семью, надѣясь выйти черезъ годъ въ отставку и поселиться тамъ окончательно. Онъ уѣхалъ изъ Москвы 13-го мая совсѣмъ больной, съ отеками на ногахъ. Въ ночь на 23-е мая его не стало!...

Погребенъ Н. Я., согласно выраженному имъ при жизни желанію, въ селѣ Кочеткѣ (въ 50 верстахъ отъ Харькова), гдѣ онъ обычно проводилъ лѣто. Погребеніе пришлось какъ разъ на 26 мая—день празднованія столѣтія рожденія Пушкина. Это обстоятельство помѣшало многимъ изъ харьковскихъ почитателей Н. Я. пріѣхать на похороны, имѣвшія самый скромный характеръ.

Мы увѣрены въ томъ, что не одно Психологическое Общество, но и гораздо болѣе широкіе круги русской публики скорбятъ объ этой безвременной утратѣ!

Н. Я. Гротъ.

Статья Л. М. Лопатина [1]).

Въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ [2]), авторъ нижеслѣдующей статьи, Л. М. Лопатинъ, статьямъ о Н. Я. Гротѣ предпослалъ слѣдующія строки:

„Печальный годъ переживаетъ Москва. Не слышно о какихъ-нибудь опасныхъ эпидеміяхъ, а сколько безвременныхъ,

[1]) Изъ этого біографическаго очерка (взятаго изъ изд. „Рѣчь и отчетъ Императорскаго Московскаго Университета за 1899 г.) приходится опустить значительную часть – во избѣжаніе повторенія уже вошедшаго въ предыдущія статьи матеріала, но здѣсь печатается все что сказано авторомъ для характеристики Н. Я. Грота и его дѣятельности.

[2]) Книга 48, май—іюнь 1899 г.

неожиданныхъ смертей!. Сколько сошло въ могилу весьма замѣтныхъ лицъ изъ нашей интеллигенціи, и безъ того небогатой силами! Особенно пострадало наше Психологическое Общество. Въ самое короткое время изъ его рядовъ выбыли такіе люди, какъ М. С. Корелинъ, Л. П. Поливановъ, М. М. Троицкій. Не успѣло нѣсколько стихнуть острое чувство отъ этихъ потерь, какъ пришла потрясающая вѣсть о внезапной кончинѣ Николая Яковлевича Грота. Трудно прійти въ себя отъ этого новаго удара, одуматься и оцѣнить всю важность этого новаго несчастія. Но и теперь слишкомъ ясно видно, какой роковой моментъ переживаетъ Общество: покойный Н. Я. Гротъ сдѣлалъ для него такъ много, какъ никто.

Когда онъ впервые появился среди насъ, Московское Психологическое Общество уже пользовалось общимъ уваженіемъ, но для большинства образованной публики оно все-же оставалось далекимъ и чуждымъ, какъ одно изъ спеціальныхъ научныхъ учрежденій, которыхъ такъ много въ Москвѣ. Едва сталъ въ его главѣ Н. Я. Гротъ, какъ все перемѣнилось: оно превратилось въ одинъ изъ популярнѣйшихъ центровъ не только московскаго, но и русскаго просвѣщенія вообще. Прошло немного времени, и Общество выпустило въ свѣтъ цѣлый рядъ томовъ своихъ трудовъ и изданій, — оно имѣло собственный философскій журналъ съ неожиданно большимъ для Россіи кругомъ читателей, — его засѣданія, когда оно ихъ дѣлало открытыми для всѣхъ, привлекали толпы усердныхъ посѣтителей. Н. Я. Гротъ обладалъ рѣдкимъ, удивительнымъ даромъ: онъ умѣлъ заражать своимъ интересомъ къ самымъ отвлеченнымъ проблемамъ знанія всѣхъ, съ кѣмъ онъ сталкивался. И мы присутствовали при поучительномъ зрѣлищѣ: вопросы о свободѣ воли, о духѣ и матеріи, о времени, о сохраненіи энергіи и т. д. приковывали общественное вниманіе, становились предметомъ живого обсужденія среди студентовъ, дамъ, военныхъ, сельскихъ учителей и священниковъ. Нѣкоторые рефераты, читанные на нашихъ засѣданіяхъ, пріобрѣтали прямо характеръ общественныхъ событій. Иниціаторомъ,— скажу больше, — творцомъ всего этого подъема силъ былъ Н. Я. Гротъ. И вотъ его нѣтъ больше. Я глубоко увѣренъ: нашему Обществу всегда будетъ принадлежать большое и почетное мѣсто въ судьбахъ русскаго просвѣщенія. Но мужественно взглянемъ въ глаза истинѣ: вмѣстѣ съ кончиной Н. Я. Грота завершился, такъ

сказать, героическій періодъ существованія нашего Общества,— періодъ бурныхъ стремленій, свѣтлыхъ мечтаній и надеждъ, молодыхъ разочарованій, которые не обезкураживаютъ, а только сильнѣе заставляютъ бороться. *Это* кончено, — молодость не повторяется"!

Между многочисленными тяжкими утратами, постигшими нашъ Университетъ въ истекшемъ году, безвременная смерть Николая Яковлевича безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ людей не только въ Москвѣ, но и во всей образованной Россіи. Его дѣятельность протекла въ стѣнахъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеній и вездѣ онъ оставилъ по себѣ самую свѣтлую и добрую память. Чрезвычайно своеобразный мыслитель, талантливый и плодовитый писатель, энергичный и неутомимый общественный дѣятель, при этомъ въ высшій степени симпатичный, добрый и отзывчивый человѣкъ, онъ поражалъ богатствомъ своей натуры и неотразимо привлекалъ къ себѣ. Въ Москвѣ его всѣ знали не только какъ блестящаго профессора, имя котораго пользовалось среди студентовъ огромною популярностью, онъ не менѣе былъ извѣстенъ, какъ замѣчательно искусный организаторъ ряда предпріятій общественнаго характера. Скоро по переѣздѣ въ Москву, ставъ во главѣ Московскаго Психологическаго Общества, онъ превратилъ его въ одинъ изъ видныхъ центровъ русскаго просвѣщенія. По иниціативѣ Николая Яковлевича, Общество напечатало цѣлый рядъ томовъ своихъ трудовъ и изданій, въ которыхъ русская публика знакомилась съ ученіями знаменитыхъ философовъ прошлаго, съ произведеніями современной философской литературы и съ современнымъ положеніемъ отдѣльныхъ философскихъ проблемъ. Не ограничиваясь этимъ, Николай Яковлевичъ основалъ первый въ Россіи большой философскій журналъ, сразу пріобрѣтшій неожиданно широкій кругъ читателей. До самыхъ послѣднихъ дней въ покойномъ было столько жизни и энергіи, умъ его кипѣлъ такими разнообразными планами о будущемъ, что, казалось, ему предстоятъ еще долгіе годы неутомимой, плодотворной дѣятельности. Судьба рѣшила иначе.

Въ Московскомъ университетѣ Н. Я. первое полугодіе послѣ своего пріѣзда читалъ курсъ, посвященный разбору нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ психологіи (преимуще-

ственно методологическихъ); вступительную свою лекцію онъ прочелъ „Объ истинныхъ задачахъ философіи". Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Н. Я. читалъ, согласно требованіямъ правилъ 1884 г., философію Платона и Аристотеля. Когда эти требованія были расширены и было возстановлено преподаваніе философіи въ его прежнихъ размѣрахъ, онъ до самой своей смерти читалъ психологію, при чемъ обыкновенно велъ семинарій или по психологіи или по этикѣ. 24 января 1888 г. на годичномъ собраніи Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ былъ избранъ его предсѣдателемъ. Въ 1889 году онъ вмѣстѣ съ А. Л. Лбрикосовымъ основалъ журналъ „Вопросы философіи и психологіи".

Этотъ періодъ жизни Н. Я. Грота прошелъ предъ нашими глазами. Его дѣятельность за эту эпоху была такъ богата и разнообразна, что ея нѣтъ возможности пересказать въ краткихъ чертахъ. Н. Я. Гротъ читалъ лекціи въ Университетѣ, руководилъ журналомъ, предсѣдательствовалъ въ Психологическомъ Обществѣ, читалъ рефераты въ его засѣданіяхъ, всегда вызывавшіе живой интересъ въ членахъ Общества и привлекавшіе массу посторонней публики, и чрезвычайно много писалъ. Но въ это же время въ немъ уже началъ сказываться неумолимый недугъ, постепенно подточившій его крѣпкій организмъ и сведшій его въ могилу. Еще въ Нѣжинѣ онъ получилъ злой ревматизмъ, потомъ перешедшій въ сердечныя страданія. Послѣдніе годы онъ подолгу болѣлъ и, наконецъ, рѣшился взять заграничную командировку на годъ, главнымъ образомъ, въ видахъ поправленія своего надорваннаго здоровья. Въ началѣ мая истекшаго года онъ чувствовалъ себя дурно, страдалъ одышкою и съ трудомъ всходилъ на лѣстницу, но духомъ былъ бодръ попрежнему, и никто не думалъ, что его конецъ такъ близокъ. По дорогѣ въ Харьковскую губернію, гдѣ жила его семья, онъ простудился и болѣзнь приняла острую форму. 23 мая рано утромъ его не стало. Хоронили его 26 мая,—въ тотъ самый день, когда вся Россія праздновала столѣтіе со дня рожденія Пушкина.

В. И. Шенрокъ такъ характеризуетъ Н. Я. Грота въ годы студенчества [1]): „Относительно уже въ студенческіе годы обнаружившихся свойствъ личнаго характера Грота,

[1]) „Истор. Вѣст.", сентябрь, стр. 859.

укажу необыкновенную ясность и бодрость духа. Все, что ему приходилось переносить горькаго и тяжелаго, онъ всегда умѣлъ какъ-то незамѣтно для другихъ перерабатывать въ себѣ: по крайней мѣрѣ, насколько помню, мнѣ не приходилось видѣть, чтобы онъ падалъ духомъ или впадалъ въ минорныя ноты, или же это было мимолетно"... И какимъ Н. Я. Гротъ былъ смолоду, такимъ онъ остался на всю жизнь: жизнерадостность, сообщительность, безкорыстная, сердечная участливость ко всѣмъ, съ кѣмъ его сводила судьба, и въ то же время огромныя предпріимчивость и энергія,—вотъ тѣ качества, которыя въ немъ бросались въ глаза прежде всего. Это былъ человѣкъ страшно впечатлительный и порывистый; казалось бы, при такой натурѣ, въ немъ должна была развиться неустойчивость и измѣнчивость въ увлеченіяхъ. Но его впечатлительность уравновѣшивалась въ немъ своеобразной выдержкой: однажды взявшись за какое-нибудь дѣло, онъ всегда доводилъ его до конца. Изъ воспоминаній г. Шенрока извѣстенъ чрезвычайно живой разсказъ о томъ, съ какой энергіей Николай Яковлевичъ отдавался изданію карты древняго Рима, чтобы помочь товарищамъ-студентамъ. Такимъ онъ былъ во всемъ: арена его дѣятельности постепенно расширялась, но его характеръ оставался прежнимъ. Твердость въ преслѣдованіи цѣлей соединялась въ Н. Я. Гротѣ съ замѣчательнымъ талантомъ организатора. Оттого, куда бы онъ ни появлялся, всюду онъ вносилъ чрезвычайное оживленіе—и не мимолетное и случайное, а сопровождавшееся самыми плодотворными послѣдствіями. Пріѣзжаетъ онъ въ Нѣжинъ, и онъ приводитъ въ образцовый порядокъ библіотеку тамошняго института. Появляется онъ въ Одессѣ, и немедленно тамъ устраивается курсъ публичныхъ лекцій, съ участіемъ лучшихъ силъ университета, имѣвшій шумный успѣхъ. Переводятъ Н. Я. Грота въ Москву, и онъ сразу становится во главѣ Психологическаго Общества и дѣлаетъ изъ него то, что оно есть теперь,—заводитъ философскій журналъ и принимаетъ на себя всю тягость его веденія, предпринимаетъ отъ Общества цѣлый рядъ научно-философскихъ изданій. При этомъ онъ читаетъ публичныя лекціи, со свойственнымъ ему увлеченіемъ участвуетъ въ различныхъ ученыхъ и педагогическихъ собраніяхъ, пишетъ публицистическія статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ въ газетахъ и общихъ журналахъ. Наконецъ, онъ беретъ на себя иногда службу, постороннюю для университета. Трудно во-

образить себѣ дѣятельность болѣе кипучую,— ея смѣло могло бы хватить на нѣсколько человѣкъ!

Очень энергичные люди часто бываютъ суровы, нетерпимы, требовательны къ окружающимъ. П. Я. Гротъ въ этомъ отношеніи представлялъ рѣзкое исключеніе: наиболѣе дорогими чертами его личности были поразительная доброта и женственная мягкость его сердца. Онъ не только самъ дружился скоро и прочно съ какою-то дѣтскою, неудержимою искренностью,—онъ обладалъ загадочнымъ искусствомъ заставить тѣхъ, съ кѣмъ сошелся онъ, подружиться между собою. Московское Психологическое Общество до пріѣзда П. Я. Грота состояло изъ лицъ мало знакомыхъ другъ другу; послѣ его появленія, огромное большинство постоянныхъ посѣтителей засѣданій общества — люди самыхъ разнообразныхъ профессій — слились въ одинъ тѣсный дружескій кружокъ, связанный крѣпкими узами взаимнаго сочувствія. Но отзывчивость, откровенность и благожелательность Н. Я. Грота не распространялись только на тѣхъ, кого онъ хорошо зналъ и часто видѣлъ. Онъ ни отъ кого не скрывался, интересовался всякимъ мнѣніемъ и каждому готовъ былъ высказать, что онъ думаетъ. Этимъ объясняется его колоссальная корреспонденція, отнимавшая у него очень много времени. Ему писали со всѣхъ концовъ Россіи, обращаясь иногда съ очень трудными и тонкими вопросами; и онъ всѣмъ отвѣчалъ и считалъ это своей нравственной обязанностью. Оттого онъ былъ такъ популяренъ: къ нему всегда можно было притти, разсказать все, что есть на душѣ, и никто не слыхалъ отъ него сухого и гордаго отвѣта. Смѣло можно было итти къ нему и со всякою практическою нуждою. Въ такихъ случаяхъ онъ готовъ былъ сдѣлать все и хлопоталъ безъ конца. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который былъ бы такъ скоръ на помощь. Понятно, что при такихъ качествахъ характера Н. Я. Гротъ умѣлъ быть настоящимъ, преданнымъ другомъ. Для лицъ, къ нему близкихъ, въ немъ теряется несказанно много. Раны, наносимыя такими потерями, долго даютъ себя чувствовать.

Изъ этихъ свойствъ Н. Я. Грота, какъ человѣка, и изъ всего склада его ума вытекаютъ его особенности, какъ мыслителя. Его философская мысль отличается чрезвычайной воспріимчивостью и широкимъ примирительнымъ направленіемъ. Какъ въ каждомъ встрѣчномъ человѣческомъ мнѣніи онъ старался отыскать скрывающуюся въ немъ крупицу правды,

такъ и въ каждомъ философскомъ ученіи онъ стремился выдѣлить содержащееся въ немъ зерно истины. Во всѣхъ своихъ философскихъ построеніяхъ онъ постоянно пытался найти средину между крайностями и гармонически примирить противоположныя тенденціи различныхъ философскихъ школъ. При этомъ онъ не былъ мыслителемъ замкнутымъ, который пробивалъ бы свою особую дорогу, отвлекшись отъ всего, что думаютъ другіе. Для этого онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ, слишкомъ захваченъ той умственной атмосферой, въ которой живутъ всѣ. Поэтому онъ не столько творецъ совсѣмъ новыхъ взглядовъ, сколько искусный систематизаторъ, одушевленный толкователь и талантливый популяризаторъ тѣхъ идей, которыя носятся въ воздухѣ, составляютъ общую духовную пищу и являются интимною подкладкой общественныхъ настроеній. Это не мѣшало Н. Я. Гроту быть философомъ самостоятельнымъ: наоборотъ, можно было бы отмѣтить очень многіе пункты, въ которыхъ Н. Я. Гротъ высказывалъ вполнѣ самобытныя, замѣчательно своеобразныя воззрѣнія. Здѣсь я говорю только о томъ, что выдвигалось на первый планъ въ его умственномъ обликѣ.

Воззрѣнія Н. Я. Грота не составляли разъ навсегда сложившейся, законченной и неподвижной системы. Напротивъ, они у него неоднократно мѣнялись и въ частностяхъ, и даже въ самомъ существѣ. Покойный совсѣмъ не признавалъ возможности разъ навсегда разрѣшить всѣ вопросы и въ полной неподвижности міросозерцанія видѣлъ лучшее доказательство его мертвенности и односторонности. Въ общемъ можно указать двѣ рѣзко разграниченныя эпохи его философскаго роста. Онъ началъ свою философскую дѣятельность, когда въ Россіи—и въ университетахъ, и въ литературѣ, и въ кружкахъ молодежи—почти безраздѣльно господствовало позитивное направленіе; Н. Я. Гротъ также примкнулъ къ нему: онъ вырабатываетъ широкую философскую теорію, въ которой стремится примирить феноменистическій эмпиризмъ англичанъ со строго реалистическимъ пониманіемъ дѣйствительности. Въ это время на его взглядахъ рѣшительно сказывается вліяніе Герберта Спенсера. Свои изслѣдованія онъ сосредоточиваетъ на психологіи и издаетъ связанную съ его именемъ теорію *психическаго оборота*. Рядомъ съ этимъ, на почвѣ полученныхъ имъ психологическихъ выводовъ онъ пытается реформировать логику. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ еще не признаетъ философіи за самостоя-

тельную науку. Онъ держится мнѣнія, что объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ не можетъ быть двухъ наукъ; общіе выводы о дѣйствительно существующемъ даются спеціальными науками, а что идетъ дальше этихъ выводовъ, то лежитъ уже внѣ науки и опирается на чувство; поэтому нѣтъ и не можетъ быть общей философіи міра, обязательной для всѣхъ. Въ области этики онъ проводитъ, въ весьма умѣренной формѣ, утилитарный взглядъ на нравственные вопросы и защищаетъ детерминизмъ въ объясненіи фактовъ человѣческой воли, съ замѣчательною ясностью и полнотою аргументаціи. Нужно отдать справедливость: воззрѣнія именно этого, перваго періода въ философскомъ творчествѣ покойнаго нашли себѣ въ его сочиненіяхъ наиболѣе законченное и систематическое выраженіе.

Вторая эпоха развитія взглядовъ Н. Я. Грота совпадаетъ съ распространеніемъ въ русской философской литературѣ идеалистическаго движенія, направленнаго противъ крайностей позитивизма и реализма[1]). Н. Я. Гротъ приходитъ къ убѣжденію, что философія должна занимать особое, ей только принадлежащее мѣсто среди другихъ проявленій духовнаго творчества и что она имѣетъ свои самостоятельныя задачи. Въ объясненіе самобытной роли философіи въ умственной области онъ выдвигаетъ ученіе о чувствѣ, какъ о способности непосредственнаго проникновенія во внутреннее существо вещей. Философія не искусство, но и не наука,—она должна представлять всеобъемлющій синтезъ всѣхъ данныхъ сознанія: она есть чувство всемірной жизни, переведенное въ отчетливыя понятія объ истинно-существующемъ и его идеальныхъ нормахъ. Основа философіи есть метафизика: она представляетъ науку, которая стремится умозрительно опредѣлить абсолютно-достовѣрныя качественныя отношенія явленій какъ внутренняго, такъ и внѣшняго опыта.

Міросозерцаніе Н. Я. Грота въ это время мѣняется и по своему содержанію. Отъ предположеній реалистическаго монизма онъ переходитъ къ дуалистическому взгляду на существующее. Свое новое воззрѣніе онъ называетъ *монодуализмомъ*. Въ основѣ всѣхъ явленій онъ признаетъ единую душу

---

[1]) Ея начало относится ко времени пребыванія Н. Я. Грота въ Одессѣ. Перемѣна въ его воззрѣніяхъ впервые выразилась въ его статьяхъ: „Джордано Бруно и пантеизмъ“ (1884 г.) и „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“ (1886 г.).

міра: но въ природѣ, какъ она дана нашему наблюденію, онъ предполагаетъ двойственность началъ; на всѣхъ стадіяхъ мірового процесса встрѣчаются два принципа, находящіеся въ постоянной борьбѣ между собою: *сила-духъ* и *матерія-сила*. Первое представляетъ активное начало дѣйствительности,—оттого всякая активная сила въ мірѣ внутри себя есть нѣчто духовное. Ей противостоитъ сила пассивная, сила сопротивленія,—то, что мы называемъ матеріей. Развитіе міра заключается въ непрерывномъ осуществленіи побѣды духовной силы надъ матеріальной: *прогрессъ* не есть только фактъ исторіи,—прежде всего это законъ космическій. Высшимъ продуктомъ мірового процесса, къ которому онъ весь направленъ, является духовное самосознаніе. Въ своихъ послѣднихъ статьяхъ Н. Я. Гротъ старался связать эти свои взгляды съ ученіемъ о сохраненіи энергіи и съ собственной гипотезой о неизбѣжномъ превращеніи низшихъ формъ энергіи въ высшія.

Соотвѣтственно перемѣнамъ въ руководящихъ идеяхъ міросозерцанія измѣняется взглядъ Н. Я. Грота и на человѣческую природу. Онъ также пріобрѣтаетъ дуалистическую окраску. Н. Я. Гротъ полагаетъ, что въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта, котораго можно назвать его животною личностью, присутствуетъ субъектъ общій, міровой, подчиненный объективнымъ законамъ истины и добра, въ которомъ непосредственно реализуется Божественность всемірнаго духа. Свобода воли состоитъ въ открытой всегда для нашего внутренняго *я* возможности или отдаться побужденіямъ нашей животной, эгоистической личности, или покориться внушеніямъ высшей силы въ насъ. Поэтому Н. Я. Гротъ становится убѣжденнымъ защитникомъ свободы человѣческой воли. Въ своихъ этическихъ теоріяхъ этого періода онъ испыталъ замѣтное вліяніе идей гр. Л. Н. Толстого.

Таковы—правда, въ очень сухомъ и схематическомъ очеркѣ,—философскія воззрѣнія Н. Я. Грота [1]). Въ виду краткости моего изложенія, я не могъ передать тѣхъ діалектическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ онъ развивалъ ихъ, не могъ указать всѣхъ оттѣнковъ и примѣненій, которые

[1]) Превосходное изложеніе развитія философскихъ взглядовъ Н. Я. Грота можно найти въ статьѣ П. Соколова: „Философскій скиталецъ. Памяти Н. Я. Грота“, помѣщенной въ послѣднихъ номерахъ „Богословскаго Вѣстника“ за 1899 годъ (она переработана въ помѣщаемой ниже статьѣ того же автора).

онъ имъ давалъ въ своихъ многочисленныхъ и содержательныхъ статьяхъ. Не могъ я передать и той теплоты внутренняго убѣжденія, которою всегда согрѣвалось его блестящее, талантливое изложеніе. Но если бы я даже гораздо болѣе подробно остановился на его отдѣльныхъ теоріяхъ, я не передалъ бы самаго главнаго: сила покойнаго была не въ его отдѣльныхъ взглядахъ, которые нерѣдко мѣнялись, а въ его цѣлостной личности, въ его всегда ясномъ и бодромъ настроеніи, въ неудержимой смѣлости его стремленій къ однажды намѣченной задачѣ, въ нелицемѣрномъ сочувствіи всему хорошему, наконецъ—въ его горячемъ, искреннемъ словѣ.

При той натурѣ, которая была у покойнаго, онъ какъ-бы родился быть профессоромъ. Несомнѣнно, онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ лекторовъ въ нашемъ университетѣ. Его лекціи привлекали толпу студентовъ со всѣхъ факультетовъ. Своими блестящими импровизаціями нерѣдко онъ впервые зажигалъ интересъ къ философскимъ вопросамъ въ томъ или другомъ слушателѣ, который потомъ уже не оставлялъ ихъ никогда. Когда, по болѣзни, онъ не могъ являться на лекцію, для многихъ его учениковъ это было настоящимъ огорченіемъ. Не меньшею популярностью пользовались его семинаріи по философіи, которые онъ велъ чрезвычайно оригинально. Онъ предоставлялъ полную свободу въ выборѣ темъ для рефератовъ: студентъ могъ прійти къ нему съ сочиненіемъ, посвященнымъ какому-нибудь вопросу по всеобщей исторіи или по литературѣ, или съ психологическимъ изслѣдованіемъ, или, наконецъ, просто съ критическою статьей о какомъ-нибудь вновь-вышедшемъ беллетристическомъ произведеніи,—онъ ко всѣмъ относился одинаково внимательно, стараясь извлечь въ предлагаемомъ матеріалѣ то, что можетъ имѣть интересъ для психолога или философа. Иногда онъ самъ предлагалъ на обсужденіе слушателей разные вопросы, занимавшіе его въ данную минуту, и, какъ равный съ равными, вступалъ съ ними въ оживленные споры. И какимъ онъ былъ со студентами въ стѣнахъ университета, такимъ онъ былъ съ ними и у себя дома. Они часто посѣщали его, подолгу съ нимъ бесѣдовали, и онъ горячо принималъ къ сердцу ихъ нужды, никогда не отказывая въ добромъ совѣтѣ. Зато съ какимъ недоумѣвающимъ, горькимъ чувствомъ узнали очень многіе изъ нихъ объ его кончинѣ!

Вообще, замѣчательно то единодушное горе, съ которымъ встрѣтили смерть Николая Яковлевича Грота всѣ его знавшіе.

Умеръ не только ученый, не только талантливый писатель,— умеръ хорошій человѣкъ съ отзывчивымъ, мягкимъ сердцемъ и незамѣнимый общественный дѣятель на скудной нивѣ русскаго просвѣщенія!

Вл. С. Соловьевъ Кн. С. Н. Трубецкой. Н. Я. Гротъ. Л. М. Лопатинъ

Н. Я. Гротъ за работой (кв. на Новинскомъ бульв., д. Котлярева).

II.

Философскіе взгляды и научная дѣятельность Н. Я. Грота [1]).

Очеркъ П. П. Соколова.

Существуетъ два типа мыслящихъ людей. Одни скоро находятъ свою истину и, счастливые этою находкой, всю жизнь развиваютъ одну и ту же систему идей, или перепѣваютъ одну и ту же старую пѣсню, не зная внутреннихъ противорѣчій и вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣдая сомнѣній и душевныхъ терзаній. Другіе только ищутъ истины, но не находятъ ея: колеблясь и сомнѣваясь, измѣняя свои взгляды и часто противорѣча себѣ, они тревожно стремятся къ идеальной цѣли познанія, а эта цѣль ускользаетъ отъ нихъ какъ мечта. Николай Яковлевичъ Гротъ принадлежалъ къ послѣднему типу. Впечатлительный и увлекающійся, онъ никогда не могъ вполнѣ остановиться на какой-нибудь одной точкѣ зрѣнія, и его короткая жизнь была длинною исторіей философскихъ исканій. Его живой и дѣятельный умъ постоянно выдвигалъ предъ нимъ новыя проблемы; постороннія вліянія и его собственныя внутреннія потребности неудержимо влекли его въ міръ новыхъ замысловъ. Это былъ многодумъ, какъ назвалъ его покойный Вл. С. Соловьевъ, въ противоположность его старшему коллегѣ по Московскому университету, одподуму Троицкому [2]). Какія же проблемы занимали Грота

[1]) Въ основѣ настоящаго очерка, напечатаннаго въ первый разъ кн. „Н. Я. Гротъ. Общія задачи Философіи", Спб. 1904., лежитъ рѣчь „Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель", произнесенная авторомъ въ публичномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 6 ноября 1899 года и напечатанная въ 51 кн. Вопросовъ Философіи и психологіи. Болѣе подробный критическій обзоръ трудовъ Грота читатель можетъ найти въ статьѣ автора „Философскій скиталецъ. Памяти Н. Я. Грота", Богословскій Вѣстникъ, 1899 г., іюнь—іюль, ноябрь-декабрь.

[2]) Вл. Соловьевъ, Три характеристики, Вѣстникъ Европы, 1900, январь.

и какъ рѣшала ихъ его тревожная мысль? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно прослѣдить постепенный ходъ его философскаго развитія въ связи съ тѣми сложными логическими и психологическими мотивами, которыми опредѣлялась смѣна его взглядовъ.

I.

Въ философскомъ развитіи Н. Я. Грота, можно различить три главныхъ періода, которые гегельянецъ могъ бы подвести подъ извѣстную схему тезиса, антитезиса и синтезиса: періодъ позитивизма, періодъ метафизическаго идеализма и періодъ примиренія позитивизма и идеализма въ духѣ современной научной философіи. Первый изъ этихъ періодовъ онъ пережилъ сполна, второй онъ оборвалъ самъ, третій прервала въ самомъ началѣ его преждевременная смерть. Эти три эпохи его философской жизни существенно различаются по своимъ основнымъ принципамъ и имѣютъ опредѣленныя хронологическія границы; но въ предѣлахъ каждой изъ нихъ можно въ свою очередь наблюдать смѣну различныхъ идей и построеній. Онѣ представляютъ собой только общую канву, на которой мы могли бы разсмотрѣть узоры довольно различныхъ рисунковъ и стилей.

Первоначальное философское міросозерцаніе Н. Я. Грота сложилось подъ вліяніемъ четырехъ умственныхъ теченій: позитивизма Конта, натуралистической философіи Спенсера, „философіи дѣйствительности“ Дюринга и отчасти критическаго идеализма Альберта Ланге. Онъ вступилъ на свою профессорскую каѳедру съ страстной вѣрой въ положительную науку и съ такою же страстной враждой къ метафизикѣ. Все существующее раздѣлилось для него на два міра: міръ дѣйствительности, непосредственно очевидной и понятной, и міръ мечты, прекрасной, но неуловимой и непостижимой. Дѣйствительность—это природа и наше сознаніе, внѣшній и внутренній опытъ; мечта—это тѣ понятія и идеалы, при помощи которыхъ человѣчество вѣчно пытается разрѣшить проблемы, лежащія за предѣлами опыта, уяснить сущность сознанія и природы. Если дѣйствительность принадлежитъ наукѣ и познается разумомъ на основаніи объективныхъ воспріятій, то метафизикѣ остается только мечта, опирающаяся на наше субъективное чувство и понятная лишь для этого чувства. Конечно, каждый вправѣ грезить о сверхчув-

ственныхъ и сверхъопытныхъ идеалахъ, если онъ не можетъ обойтись безъ нихъ: но для мыслящаго наблюдателя такія грезы могутъ имѣть значеніе только болѣе или менѣе интереснаго психологическаго явленія. Всѣ философскія проблемы въ основѣ суть психологическія проблемы. Ихъ ставитъ наше неугомонное сердце, вѣчно недовольное дѣйствительностью и вѣчно увлекающее насъ въ заоблачную даль; ихъ рѣшаютъ наши склонности и чувства, невольно подчиняющія себѣ умъ и заставляющія насъ вѣрить въ то, чего мы желаемъ. Чувство, это— источникъ нашего счастія и нашихъ страданій, нашихъ запросовъ и нашихъ убѣжденій. Но что же такое оно, это чувство? Научное изслѣдованіе показываетъ, что чувство есть только субъективное выраженіе физіологическихъ измѣненій въ нашемъ тѣлѣ,—родъ внутренняго рефлекса, въ которомъ роковымъ образомъ отражается всякое столкновеніе организма съ окружающею средой. Оно возникаетъ и исчезаетъ, какъ волна, среди круговорота остальныхъ психическихъ и физическихъ явленій и ничего не говоритъ намъ о существѣ вещей. Если философія возможна, то она не можетъ быть ни наукой, ни метафизикой, ни познаніемъ опытной дѣйствительности, ни познаніемъ сверхъопытныхъ сущностей. Научная дѣйствительность не имѣетъ ничего общаго съ интуиціями личнаго чувства, а метафизическія сущности суть лишь продукты досужей фантазіи самихъ метафизиковъ. Философія есть такой же результатъ субъективнаго творчества, какъ искусство; она имѣетъ общій съ нимъ психологическій корень въ эмоціональной природѣ человѣка, и потому по справедливости должна быть названа вѣтвью искусства. Философія—это своеобразная поэзія, Ideendichtung, какъ говорятъ нѣмцы. Подобно поэзіи, она лишена объективной или реальной цѣны и имѣетъ лишь идеальную цѣнность. Она не есть познаніе міра и путь къ достиженію истины; она есть только субъективная оцѣнка міровыхъ явленій и средство для удовлетворенія субъективныхъ запросовъ сердца и ума. А такъ какъ субъективное есть то же, что личное, то философская оцѣнка дѣйствительности имѣетъ значеніе, строго говоря, только для той личности, которая создаетъ ее себѣ и которой она служитъ принципомъ міропониманія и жизнедѣятельности. Если философіи можно приписывать общее или общественное значеніе, то лишь настолько, насколько его можно усвоять и искусству [1]).

[1]) Сравн. Критическій очеркъ о философскихъ этюдахъ А. А. Козлова, 1877. Философія какъ вѣтвь искусства, 1880. Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству, 1883.

Вотъ міросозерцаніе, къ которому пришелъ Гротъ въ первомъ періодѣ своего философскаго развитія. Въ духѣ этого позитивнаго міросозерцанія написана его магистерская диссертація — Психологія чувствованій, — одна изъ наиболѣе цѣнныхъ его работъ, до сихъ поръ изумляющая читателя богатствомъ знаній, стройностью изложенія, остроуміемъ и блескомъ идейныхъ комбинацій. Тѣми же взглядами проникнутъ другой выдающійся его трудъ — его докторская диссертація — Къ вопросу о реформѣ логики. Наконецъ, тѣ же идеи лежатъ въ основѣ всѣхъ его статей и лекцій по теоріи познанія, этикѣ, соціологіи и исторіи философіи до 1885 г. Въ психологіи Н. Я. Гротъ стоитъ преимущественно на точкѣ зрѣнія Спенсера, разсматривая душевную жизнь, какъ „одинъ изъ видовъ взаимодѣйствія организма съ окружающею средою съ цѣлью приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ“. Подъ вліяніемъ біологическихъ идей Спенсера и психологическихъ концепцій Горвича онъ создаетъ свою теорію „психическаго оборота“, по которой душевные процессы представляются такимъ же цикломъ автоматическихъ реакцій, какъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ: начинаясь внѣшними впечатлѣніями и „ихъ осложненіями въ сферѣ ума“, они превращаются во внутреннія впечатлѣнія или чувства и, пройдя чрезъ стадію вызванныхъ чувствами внутреннихъ же волевыхъ стремленій, вновь разрѣшаются во внѣшнихъ движеніяхъ или дѣйствіяхъ. Наконецъ, въ связи съ этими схемами, онъ вырабатываетъ, подъ сильнымъ вліяніемъ Дюмона, свое физіологическое ученіе о чувствованіяхъ, какъ „субъективной оцѣнкѣ внутренней гармоніи или дисгармоніи между тратой веществъ въ нашемъ организмѣ и ихъ накопленіемъ“, опредѣляетъ отсюда законы ихъ генезиса и осложненій и устанавливаетъ принципы ихъ классификаціи. Наблюдая, какъ измѣняются эмоціи при переходѣ отъ потребностей къ ихъ удовлетворенію и отъ удовлетворенія къ истощенію и отдыху, онъ находитъ, что въ ихъ ритмической смѣнѣ повторяется съ извѣстными особенностями общій типъ „психическаго оборота“: каждое чувствованіе начинается отрицательнымъ страданіемъ, переходитъ въ положительное удовольствіе, затѣмъ превращается въ положительное страданіе и заканчивается отрицательнымъ удовольствіемъ, получая ту или иную спеціальную форму въ зависимости отъ различныхъ органическихъ и психическихъ состояній, которыми

оно обусловливается [1]). Въ логикѣ Гротъ примѣняетъ тѣ же біологическіе принципы Спенсера и ту же теорію „психическихъ оборотовъ“ къ явленіямъ умственной жизни. Разсматривая логическіе процессы какъ способъ превращенія внѣшнихъ „впечатлѣній“ во внутреннія „движенія“ мысли, онъ старается доказать, что въ своемъ развитіи они проходятъ четыре главныхъ стадіи: изъ безсознательно-непроизвольныхъ они становятся сначала сознательно-непроизвольными, потомъ сознательно-произвольными и, наконецъ, произвольно-методическими. Это та умственная эволюція, путемъ которой наши ощущенія преобразуются въ представленія, представленія въ конкретныя и абстрактныя понятія, а понятія въ научныя идеи. По своей природѣ всѣ умственные процессы суть не что иное, какъ рядъ болѣе или менѣе сложныхъ ассоціацій. Одни изъ этихъ ассоціацій имѣютъ механическій характеръ и состоятъ въ простомъ соединеніи, раздѣленіи или разъединеніи психическихъ элементовъ, въ „ассоціаціи“, „диссоціаціи“ и „дизассоціаціи“ ихъ; другія имѣютъ характеръ органическій и выражаются въ образованіи, разложеніи и расчлененіи болѣе сложныхъ умственныхъ продуктовъ, т. е. совпадаютъ съ явленіями „интеграціи“, „дезинтеграціи“ и „дифференціаціи“. Къ этимъ шести видамъ ассоціацій сводятся, по мнѣнію Грота, не только всѣ формы сужденій и умозаключеній, но и самые законы мышленія [2]). Въ теоріи познанія Гротъ защищаетъ „наивный реализмъ“, ищетъ объективнаго критерія истины и находитъ этотъ критерій въ законѣ однообразія природы [3]). Въ этикѣ онъ отвергаетъ идею свободы воли, для доказательства которой ему пришлось впослѣдствіи потратить такъ много усилій, и понимаетъ подъ свободою личности лишь освобожденіе ея отъ власти среды и организма для новаго подчиненія власти идей; отрицаетъ оптимизмъ и пессимизмъ, какъ метафизическія про-

---

[1]) Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ, 1880. Essai sur les principes d' une nouvelle classification des sentiments, 1878.—Въ числѣ условій, опредѣляющихъ возникновеніе чувствованій, Н. Я. Гротъ между прочимъ выдвигаетъ на первый планъ процессы кровообращенія, дыханія, пищеваренія и выдѣленія. Съ этой стороны его теорія имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ модною въ настоящее время физіологическою теоріей эмоцій Ланге-Джемса.

[2]) Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ, 1882.

[3]) Къ вопросу о критеріяхъ истины, 1883.

блемы, и признаетъ за ними только значеніе одинаково необходимыхъ и законныхъ практическихъ міросозерцаній, отдавая въ жизни преимущество пессимизму; разсматриваетъ въ теоріи эгоизмъ и альтруизмъ, какъ два полюса нравственныхъ отношеній, не допускающіе одинаковой этической оцѣнки, но считаетъ ихъ на практикѣ одинаково законными и необходимыми факторами общественнаго развитія [1]). Въ соціологіи онъ слѣдуетъ формуламъ Спенсера и отвергаетъ субъективный методъ въ построеніи теоріи прогресса, но ставитъ для прогресса субъективную цѣль,— счастіе человѣчества и всего живого міра [2]). Наконецъ, въ исторіи философіи онъ держится взгляда, что различныя философскія системы суть лишь удовлетворенія субъективныхъ потребностей ума отдѣльныхъ личностей, имѣющія одинаковую психологическую цѣнность и смѣняющія другъ друга по законамъ психологическаго развитія [3]). Къ метафизикѣ онъ относится безусловно отрицательно, считаетъ ее источникомъ всѣхъ пагубныхъ заблужденій человѣческаго ума, объясняетъ ея господство въ прошломъ только инерціей человѣческой мысли и видитъ задачу мыслителя въ томъ, чтобы очистить знаніе отъ метафизическаго сора. И въ стремленіи къ этому „очищенію“ онъ доходитъ до такой наивной крайности, что въ своихъ психологическихъ и логическихъ изслѣдованіяхъ избѣгаетъ даже употреблять слова: „душа“ и „сознаніе“, замѣняя ихъ болѣе „научнымъ“ терминомъ: „сензоріумъ“. Единственный путь къ правильному рѣшенію высшихъ проблемъ мысли и жизни онъ видитъ въ натуралистической психологіи, основанной на біологіи и физіологіи и освобожденной отъ всякихъ метафизическихъ элементовъ. Его увлекаетъ идея психической эволюціи, и онъ примѣняетъ эволюціонныя схемы ко всѣмъ явленіямъ человѣческаго духа. Въ этихъ схемахъ нѣтъ мѣста для творческой свободы и самостоятельной дѣятельности моральныхъ факторовъ: въ нихъ все сведено къ механизму и, въ концѣ

---

[1]) Къ вопросу о свободѣ воли, 1884. О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міросозерцаній, 1884. Эгоизмъ и альтруизмъ предъ судомъ здраваго смысла, 1884. О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости, 1885.

[2]) Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса, 1883. Прогрессъ и наука, 1883. О субъективизмѣ въ соціологіи, 1884 г.

[3]) Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи, 1884.

концовъ, къ простой игрѣ біологическихъ силъ. Механически создаются этими силами тѣ „психическіе обороты“, изъ которыхъ слагается наша душевная жизнь и возникаютъ формы нашей мысли; механически идетъ развитіе человѣческой жизни и смѣна человѣческихъ идеаловъ. Въ подробностяхъ теоретическихъ операцій Н. Я. Грота немало недочетовъ и противорѣчій. Выясняя генезисъ душевныхъ явленій, онъ не всегда дастъ намъ возможность прослѣдить ихъ истинную связь и часто замѣняетъ психологическія наблюденія и анализъ фактовъ искусственною діалектикой и отвлеченными построеніями. Сближая въ своихъ схемахъ акты воли и мысли съ матеріальными движеніями, онъ доводитъ эту аналогію почти до отождествленія и впадаетъ въ невольные софизмы. Пытаясь свести логическія формы и отношенія къ простымъ ассоціативнымъ процессамъ, онъ не замѣчаетъ, что идеей „органическихъ“ ассоціацій онъ вводитъ въ свою теорію новый принципъ, не совпадающій съ ея исходною точкой. Отстаивая объективные методы въ теоріи познанія и въ соціологіи, онъ незамѣтно для себя самого прибѣгаетъ здѣсь къ субъективнымъ критеріямъ и цѣлямъ. Но каковы бы ни были колебанія его мысли, они не касаются его основной точки зрѣнія на дѣйствительность. При всѣхъ частныхъ противорѣчіяхъ, его міровоззрѣніе пропикнуто одною общею мыслью, однимъ убѣжденіемъ, что познаніе существа вещей невозможно, что сверхчувственные идеалы только мечты, что философія, за предѣлами психологіи и связанныхъ съ нею проблемъ, есть только идейное творчество, не лишенное поэтической прелести, но не приближающее насъ ни на шагъ къ недоступному царству истины. Въ этотъ періодъ умственнаго броженія и позитивныхъ увлеченій Гротъ, подобно Ренану, считалъ философію только приправой, безъ которой, быть можетъ, всѣ блюда безвкусны, но которая сама по себѣ не составляетъ пищи. Это былъ философъ, отрицавшій философію.

II.

Рѣшительный поворотъ въ міросозерцаніи Н. Я. Грота совершается въ 1885 и 1886 годахъ, которые служатъ хронологическимъ рубежомъ второго періода его философскаго развитія, м е т а ф и з и ч е с к а г о періода. Былъ ли этотъ поворотъ

неожиданнымъ? Логически—да, но психологически—нѣтъ. Онъ былъ подготовленъ смѣною настроеній и чувствъ, сначала неясныхъ, но очень глубокихъ; онъ возникъ изъ этическихъ потребностей и мотивовъ, которые всегда оказываютъ вліяніе на человѣческую мысль и съ особенною силой пробиваются наружу въ моменты умственныхъ кризисовъ. Придя къ убѣжденію, что сверхчувственные идеалы только иллюзія, Гротъ почувствовалъ себя на краю нравственной пропасти. Вѣдь эти идеалы не пустые капризы нашего недовольнаго сердца и безпокойнаго ума. Съ ними связаны самые важные моральные интересы нашего существованія, наши представленія о смыслѣ жизни человѣка и вселенной, наши понятія о добрѣ и злѣ, о нравственномъ и безнравственномъ, наша вѣра въ святость долга, въ возможность счастія и въ торжество справедливости. Что же станется съ этими лучшими убѣжденіями человѣчества, если они лишены реальной основы, если идеалы истины, добра и красоты, о которыхъ всегда мечтали люди, только субъективные призраки, если идеи Бога, души, свободы воли, безсмертія суть пустыя суевѣрныя слова? Не превратится ли тогда наша жизнь въ нелѣпый хаосъ, въ безумную и жалкую комедію, въ шумную суету безъ смысла, безъ цѣли и безъ надежды? Сверхчувственные идеалы рождаются изъ нѣдръ нашего субъективнаго чувства,—это, безъ сомнѣнія, правда; но слѣдуетъ ли отсюда, что они лишены объективнаго значенія и имѣютъ только личную цѣнность? Неужели природа дала намъ идеальныя стремленія лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать насъ жертвами вѣчнаго самообмана и иллюзій? Вѣдь чувство, это—наше самосознаніе, нашъ внутренній опытъ. Почему же мы не вправѣ вѣрить его голосу точно такъ же, какъ мы вѣримъ внѣшнему опыту, нашимъ глазамъ и ушамъ? Не служитъ ли чувство, какъ и вся наша личность, обнаруженіемъ всеобщихъ и вѣчныхъ законовъ природы и не говоритъ ли въ немъ та же дѣйствительность, которая открываетъ часть своихъ тайнъ нашему уму? Насъ смущаетъ субъективный характеръ сужденій чувства; но что значитъ этотъ субъективный характеръ? Субъективное не то же, что личное, субъективное есть внутреннее — въ насъ самихъ и въ вещахъ. И если чувство показываетъ намъ идеальныя основы нашей субъективной жизни, то не обнаруживаетъ ли оно этимъ самымъ реальныя основы внутренней жизни цѣлой вселенной? Философія есть видъ искусства, идейное творчество, — это также правда; но можно ли заключать отсюда, что она не имѣетъ реальной цѣны

и ничего не дастъ для познанія міра? Не воплощается ли въ ея творческихъ построеніяхъ то, что вѣчно творитъ сама природа? Не отражается ли въ ея мечтахъ объ истинѣ, добрѣ и красотѣ дѣйствительная сущность и цѣль міровой жизни? Вѣдь, искусство даетъ намъ не только произведенія, имѣющія относительную цѣнность, но и такія созданія, красота которыхъ никѣмъ не оспаривается и никогда не исчезаетъ. Значитъ, при всей субъективности художественнаго творчества и при всей условности эстетической оцѣнки, въ этихъ созданіяхъ есть какой-то объективный, безусловный и вѣчный элементъ; значитъ, есть красота и впѣ чувства красоты. Не слѣдуетъ ли отсюда, что и въ произведеніяхъ философскаго творчества можетъ заключаться такой же объективный и вѣчный элементъ, что существуютъ объективное добро и объективная истина за предѣлами нашихъ личныхъ чувствъ и представленій? Не въ правѣ ли мы думать, что философія, творчески воссоздающая эти идеалы, угадываетъ въ нихъ дѣйствительность, что она есть не только субъективная оцѣнка вещей, но и познаніе ихъ дѣйствительной природы? Мы привыкли считать дѣйствительностью только то, что мы видимъ и осязаемъ, и все, недоступное внѣшнему воспріятію, кажется намъ призрачнымъ явленіемъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Не есть ли этотъ видимый и осязаемый нами міръ только сумма нашихъ собственныхъ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній? Не есть ли онъ, именно онъ, призрачное явленіе, субъективная греза, красивый, но обманчивый миражъ? Не лежитъ ли дѣйствительность скорѣе тамъ, за предѣлами этого миража, тамъ, гдѣ заложены вѣчные устои мірозданія, гдѣ сіяетъ вѣчный свѣтъ истины, добра и красоты? Философія, какъ познаніе сверхчувственной дѣйствительности, называется презрительнымъ именемъ метафизики и противополагается наукѣ, какъ опытному познанію чувственныхъ явленій. Но заслуживаетъ ли метафизика того пренебреженія, какимъ она пользуется въ нашъ позитивный вѣкъ? Развѣ она не основывается также на опытѣ, на внутреннемъ опытѣ нашего чувства? Развѣ науки внѣшняго опыта представляютъ единственный типъ научнаго знанія? Возьмите математику: она не основывается на внѣшнемъ опытѣ, и ни одна ея аксіома не выводима изъ природы чувственныхъ явленій. Подобно метафизикѣ, она построяется нашимъ мышленіемъ и коренится въ его внутреннихъ апріорныхъ закопахъ. Между тѣмъ, это самая точная изъ наукъ, и ея апріорныя формулы количественныхъ отношеній обязательны для всякаго опыта, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, какъ настоящаго, такъ и будущаго. Почему же не

должна быть наукой и метафизика, эта теорія качественныхъ отношеній дѣйствительности? Почему ея апріорныя категоріи не должны имѣть такой же очевидности и такой же обязательности для всякаго опыта? Развѣ метафизическое положеніе: „нѣтъ объекта безъ субъекта“, менѣе очевидно, чѣмъ математическая истина, что „дважды-два — четыре“? Развѣ метафизическій законъ: „нѣтъ явленія безъ причины“, менѣе обязателенъ для внѣшняго опыта, чѣмъ математическая аксіома, что „прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками?“ Да, философія, какъ познаніе сверхчувственной дѣйствительности, есть метафизика, и, какъ метафизика, она есть наука. Это „наука о качественныхъ отношеніяхъ явленій внутренняго и внѣшняго опыта, абсолютно достовѣрныхъ и обязательныхъ не только для нашего ума, но и для объективной дѣйствительности, не только идеальныхъ, но и реальныхъ,— наука о формахъ и нормахъ мышленія, дѣйствованія и самаго бытія всего, что существуетъ“.

Вотъ длинная цѣпь тѣхъ „психологическихъ размышленій“ и логическихъ доводовъ, которые привели Грота къ новому міросозерцанію и которые онъ съ полною ясностью формулировалъ лишь позднѣе, послѣ многихъ сомнѣній и колебаній [1]). Мы видимъ, какой радикальный переворотъ произошелъ теперь въ его идеяхъ. То, что прежде было для него только мечтою, онъ признаетъ теперь высшею дѣйствительностью, а то, что онъ считалъ дѣйствительностью, онъ готовъ назвать простою мечтой. Если ранѣе онъ видѣлъ въ чувствѣ только источникъ субъективныхъ иллюзій, то теперь онъ видитъ въ немъ средство къ постиженію объективной истины. Если ранѣе онъ считалъ философію только идейнымъ творчествомъ, аналогичнымъ искусству, то теперь онъ признаетъ ее познаніемъ существа вещей. Если ранѣе онъ утверждалъ, что философія не есть ни метафизика, ни наука, то теперь онъ объявляетъ, что она есть и метафизика и наука. И еще прежде, чѣмъ эти идеи вполнѣ скристаллизовались въ его умѣ, онъ смѣло пускается въ тотъ волшебный міръ „метафизическихъ грезъ“, который раньше казался ему такимъ гибельнымъ обманомъ, а теперь представляется истинною дѣйствительностью.

[1]) О направленіи и задачахъ моей философіи (Отвѣтъ архіепископу Никанору), 1886. Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка, 1889. Что такое метафизика? 1890.

Изъ всѣхъ метафизическихъ идей, которыя когда-либо привлекали къ себѣ человѣческій умъ и волновали человѣческое сердце, самыми важными являются идеи Бога, души, свободы, долга и безсмертія. Убѣдиться въ реальности этихъ идей значитъ создать незыблемыя основы для мысли и жизни, и Гротъ ставитъ философское оправданіе ихъ своею задачей. Философскій опытъ тысячелѣтій приходитъ къ нему на помощь: идеалистическія системы Платона, Джордано Бруно, Канта, Шопенгауэра освѣщаютъ ему путь и даютъ элементы для его философскихъ построеній.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество стало сознательно мыслить, предъ его взоромъ раскрылись два міра, вѣчно различныхъ и вѣчно враждебныхъ,—міръ духа и міръ матеріи. Какъ понять эти противорѣчія дѣйствительности? Какъ примирить ихъ? Вотъ метафизическая проблема, съ которою связаны всѣ другія, и которая прежде всего привлекла къ себѣ вниманіе Грота. Существуютъ двѣ философскихъ доктрины, пытающіяся разрѣшить эту вѣчную проблему,– доктрины монизма и дуализма. Первая сливаетъ міръ духа и міръ матеріи въ одномъ всеобъемлющемъ началѣ, въ которомъ оба они исчезаютъ безслѣдно; вторая раздѣляетъ ихъ, какъ два субстанціально различныхъ принципа, совершенно несоединимыхъ и непримиримыхъ другъ съ другомъ. Не есть ли это призрачныя и ложныя рѣшенія? Нашу мысль можетъ удовлетворить только такая философская теорія, которая примиряетъ противоположности бытія, не уничтожая ихъ; наши сомнѣнія можетъ разрѣшить только синтезъ монизма и дуализма,—„монодуализмъ“. Чтобы понять вселенную, мы должны допустить въ ней единое, вѣчное и личное начало; которое объединяетъ двѣ стороны существующаго своею безконечною мыслью и волей, которое объемлетъ все бытіе и управляетъ имъ, не отожествляясь съ его явленіями. Это-то вѣчное начало, о которомъ училъ Платонъ, какъ о высшемъ благѣ, идеѣ идей и міровой душѣ, о которомъ мечталъ восторженный пантеистъ-мученикъ XVI вѣка, Джордано Бруно, какъ о безконечномъ сознаніи вселенной, и которое исповѣдуется всѣмъ человѣчествомъ, какъ Божество. Объ этомъ безконечномъ Божественномъ началѣ говоритъ наше внутреннее чувство и весь строй мірозданія; оно проповѣдуется религіями и предполагается наукой, которая за міромъ извѣстныхъ явленій оставляетъ высшій міръ неизвѣстнаго. Это вѣчное начало проникаетъ весь организмъ природы, подобно тому, какъ наша душа проникаетъ нашъ тѣлесный организмъ. Оно есть сознаніе вселенной, обна-

руживающееся въ разумности ея законовъ и въ гармоніи ея явленій такъ же ясно, какъ наше собственное сознаніе обнаруживается въ нашихъ разумныхъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Это личное сознаніе вселенной обладаетъ безконечною мыслью, чувствомъ и волей, которыя живутъ въ нашей конечной мысли, волѣ и чувствѣ; оно является безконечною силой, которая отражается въ конечныхъ силахъ природы [1]).

Вопросъ о существованіи Божественнаго Духа во вселенной стоитъ въ тѣсной логической связи съ вопросомъ о существованіи духовнаго начала въ человѣкѣ. Но существуетъ ли человѣческая душа? Вотъ вторая метафизическая проблема, надъ которой задумался Гротъ. Современный матеріализмъ сводитъ понятіе души къ понятію силы, которую онъ разсматриваетъ, какъ продуктъ матеріи. Но знаемъ ли мы, что такое сила по своей природѣ? Внѣшній опытъ не даетъ намъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Изъ внѣшняго опыта мы знаемъ не сущность силы, а только ея энергію, ея работу, ея физическія дѣйствія или проявленія. Единственнымъ средствомъ для выясненія этой идеи служитъ наше самосознаніе, нашъ внутренній опытъ. Все, что намъ извѣстно о свойствахъ активной силы, заимствовано изъ этого именно источника. Мы сами—активная сила, причина движеній, и чрезъ самосознаніе мы узнаемъ сущность этой активной силы, какъ причины движеній, жизни и сознанія. Но если такъ, то не природа силы должна объяснить намъ природу души, а наоборотъ, природа души природу силы. Душа, это—самое извѣстное намъ, самое очевидное и самое реальное бытіе во вселенной, и если правиломъ научнаго объясненія должно быть выведеніе неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, то всѣ физическія силы, насколько онѣ сходны съ нашею душой, должны быть также духовны. Основной законъ современнаго естествознанія, законъ „сохраненія энергіи“ гласитъ, что всѣ модификаціи естественныхъ силъ состоятъ лишь въ переходѣ ихъ изъ скрытаго состоянія въ дѣятельное. Не видимъ ли мы тѣхъ же превращеній и въ душевномъ мірѣ человѣка? Не являются ли всѣ эти трансформаціи силъ только освобожденіемъ духовныхъ энергій въ природѣ и постепеннымъ преобразованіемъ ихъ въ высшія формы психической активности? Даже самая матерія, при всей ея эмпирической противоположности духу, можетъ быть, имѣетъ въ основѣ ту же духовную природу. Она откры

[1]) Дж. Бруно и пантеизмъ, 1885. Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно, 1885.

вастся намъ въ опытѣ лишь какъ сила сопротивленія и инерціи; поэтому она отличается отъ активной силы духа только какъ пассивная сила. Такимъ образомъ, если идея Бога является монодуалистическимъ принципомъ примиренія духа и матеріи, то идея человѣческой души служитъ такимъ же монодуалистическимъ принципомъ примиренія матеріи и силы [1]).

Одно изъ основныхъ убѣжденій человѣчества состоитъ въ томъ, что наша душа обладаетъ свободною волей. Но эта свободная воля, не есть ли она только иллюзія? Таковъ былъ третій метафизическій вопросъ, стоявшій въ философской программѣ Грота. Противники ученія о свободѣ воли убѣждены въ томъ, что наши волевыя дѣйствія опредѣляются тѣмъ же неумолимымъ закономъ причинности, которому подчинены всѣ явленія міра. Но откуда возникъ самый этотъ законъ? Вотъ вопросъ, который они должны разрѣшить прежде всего. Законъ причинности, подобно закону достаточнаго основанія, есть законъ нашего мышленія, т.-е. субъективный законъ, и если мы попытаемся изслѣдовать его субъективное происхожденіе, то мы найдемъ, что его источникомъ служитъ не что иное, какъ воля. Понятіе необходимой причины есть лишь попятіе о волѣ, необходимо „причиняющей“ или производящей изъ себя дѣйствіе актомъ хотѣнія. Если же воля сама является основой закона причинности, то можетъ ли она подчиняться ему? Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы служить причиной волевыхъ дѣйствій, кромѣ самой воли? Окружающій насъ внѣшній міръ? Но онъ есть для насъ лишь совокупность нашихъ воспріятій. Наши воспріятія? Но они лишь состоянія нашей психической энергіи, т.-е. продукты воли, обусловленные особенностями нашей физической организаціи. Наша физическая организація? Но она создана наслѣдственностью, въ которой консолидировались результаты волевыхъ привычекъ и волевыхъ усилій нашихъ предковъ, т.-е. въ концѣ концовъ является также продуктомъ воли. Эмпирическій дуализмъ необходимости и свободы состоитъ въ томъ, что въ нашей душѣ борются два враждебныхъ стремленія: индивидуальное стремленіе къ самосохраненію и универсальное стремленіе къ идеалу, къ вѣчности, къ внѣиндивидуальному бытію. Первое стремленіе служитъ условіемъ нашей личной жизни въ предѣлахъ пространства и

[1]) О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ, 1886.

времени, и потому представляется необходимымъ; второе — противорѣчитъ интересамъ личнаго эгоистическаго существованія и потому является свободнымъ. Но въ основѣ этихъ двухъ противоположныхъ волевыхъ стремленій лежитъ одно свободное міровое начало, избравшее нашу личность сосудомъ своей жизни и средствомъ для достиженія своихъ вѣчныхъ цѣлей. Это начало—міровая воля къ жизни,—не слѣпая, злая и роковая воля Шопенгауэра, а разумная, добрая и свободная воля. Эта міровая воля вложила въ насъ свою свободу, какъ высшій даръ, который долженъ вести насъ путемъ длиннаго процесса духовнаго развитія къ побѣдѣ надъ ограничивающими ее силами природы. Она сама свободнымъ актомъ вдвинула себя въ индивидуальныя рамки нашего физическаго существованія, для того, чтобы новымъ свободнымъ актомъ сбросить съ себя это добровольное ярмо и возвратиться къ своему безконечному бытію въ идеальныхъ стремленіяхъ человѣчества [1]).

Идея міровой воли, вскрывающая передъ нами глубочайшіе корни человѣческой свободы, даетъ Гроту рѣшеніе и четвертой поставленной имъ метафизической проблемы,—проблемы нравственнаго долга. Всѣ попытки обосновать идею долга на почвѣ эмпирическихъ началъ удовольствія и пользы неудачны и полны недоразумѣній. Между тѣмъ, эта идея становится совершенно понятной съ точки зрѣнія метафизической теоріи міровой воли. Вѣдь, если міровая воля къ жизни сдѣлала человѣческую личность орудіемъ своего освобожденія отъ индивидуальныхъ ограниченій и возвращенія въ царство вѣчности, то величайшая нравственная задача человѣка въ томъ именно и состоитъ, чтобы всѣми силами трудиться для достиженія этой цѣли. Бороться съ своею эгоистическою индивидуальностью и жить для вѣчнаго идеала добра, погасить въ своей душѣ пламень корыстныхъ страстей и зажечь въ ней яркій свѣточъ добра и безкорыстной любви къ людямъ, отречься отъ всѣхъ интересовъ личнаго существованія и всецѣло посвятить себя созиданію и развитію высшей, духовной жизни въ себѣ самомъ и во вселенной,—вотъ нравственный долгъ человѣка, свободный и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательный долгъ. Этотъ долгъ ставитъ намъ міровая воля къ жизни, и она же неудержимо влечетъ насъ къ его

---

[1]) Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности, 1889.

исполненію. Среди всѣхъ превратностей нашего существованія, среди всѣхъ моральныхъ коллизій, ошибокъ и паденій она указываетъ намъ нравственный идеалъ и приковываетъ къ нему нашу мысль и сердце. Она говоритъ въ нашемъ чувствѣ, какъ міровая любовь, и открывается въ нашемъ сознаніи, какъ міровая идея обязанности [1]).

Человѣчество вѣритъ, что душа не только свободна и призвана къ нравственному долгу, но и безсмертна. Эта вѣра въ безсмертіе живетъ въ томъ или иномъ видѣ почти въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ; она утѣшаетъ людей среди страданій жизни и окрыляетъ мечты мыслителей и поэтовъ; но можетъ ли она найти себѣ философское оправданіе? Приступая къ рѣшенію этой пятой метафизической проблемы, Гротъ встрѣтилъ на первыхъ же шагахъ почти непреодолимое затрудненіе. Идея безсмертія есть идея вѣчнаго или, по его мнѣнію, внѣвременнаго существованія нашего духа; между тѣмъ, мысль о возможности душевной жизни внѣ времени противорѣчитъ самымъ основнымъ принципамъ современной психологіи и теоріи познанія. Современная психологія признаетъ душевныя состоянія явленіями во времени и на этой аксіомѣ основываются всѣ ея методы и всѣ ея результаты; теорія познанія еще устами Канта провозгласила, что время есть форма внутренняго опыта, т.-е. неизбѣжное условіе нашей психической жизни, и этотъ взглядъ сталъ съ тѣхъ поръ непоколебимымъ догматомъ. Такимъ образомъ, чтобы прійти къ философскому убѣжденію въ безсмертіи души, нужно расчистить почти непроходимый путь: нужно, съ одной стороны, въ корнѣ реформировать всю современную психологію, съ другой—опровергнуть Кантовское ученіе о времени, господствующее въ современной теоріи познанія. И Гротъ рѣшается на это смѣлое и трудное предпріятіе. Онъ обрушивается на современную психологію съ безпощадною и страстною критикой. Если когда-то, въ началѣ своей философской карьеры, онъ считалъ эту науку единственнымъ ключемъ ко всѣмъ проблемамъ знанія и жизни, то теперь онъ отрицаетъ за нею почти всякое значеніе. Ни эмпирическая, ни физіологическая, ни экспериментальная психологія нашего времени не проливаютъ, по его мнѣнію, ни малѣйшаго свѣта на сущность душевной жизни и ея истинные законы; ни

[1]) Основаніе нравственнаго долга, 1892. Устои нравственной жизни и дѣятельности, 1895.

одно изъ этихъ направленій не даетъ намъ ничего для разрѣшенія нашихъ важнѣйшихъ жизненныхъ задачъ. Пріемы и методы современныхъ психологическихъ изслѣдованій такъ же химеричны и безплодны, какъ и ихъ результаты. Любое великое произведеніе художественной литературы можетъ дать намъ больше знаній о человѣческой душѣ, чѣмъ всѣ схоластическія формулы и схемы, съ которыми оперируетъ психологія. И причиной такого печальнаго состоянія этой науки служитъ тотъ самый теоретическій предразсудокъ, который заставляетъ современныхъ психологовъ считать душевныя состоянія „явленіями“ во времени. Только этотъ близорукій психологическій феноменизмъ мѣшаетъ имъ разглядѣть за психическими явленіями психическую сущность и понять законы душевной жизни такъ же ясно и просто, какъ ихъ понимали всѣ великіе практическіе сердцевѣды и знатоки человѣческой души [1]).

Современная идея явленія и современный взглядъ на природу времени составляютъ философское наслѣдіе Канта, и Гротъ обращаетъ свое критическое оружіе противъ этого великаго мыслителя. Изслѣдуя его ученіе о времени и пространствѣ, онъ находитъ въ немъ цѣлый рядъ вопіющихъ логическихъ противорѣчій и недоразумѣній. Кантъ называетъ пространство и время „воззрѣніями“ и формами нашего опыта, но онъ опредѣляетъ ихъ какъ „понятія“, какъ простые логическіе элементы нашей мысли. Онъ считаетъ эти интуиціи только субъективными представленіями нашего разума, и въ то же время объективируетъ ихъ въ области внѣшняго и внутренняго міра. Онъ признаетъ время формою внутреннихъ, душевныхъ процессовъ, пространство формою внѣшнихъ, матеріальныхъ явленій; но онъ забываетъ, что все, существующее во времени, существуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пространствѣ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, Кантъ невольно ставитъ себя въ тиски такой неразрѣшимой для него дилеммы: если психическія явленія совершаются во времени, то они пространственны; если же они непространственны, то они не могутъ совершаться во времени. Между тѣмъ, выходъ изъ этой роковой дилеммы можетъ быть только одинъ. Непро-

[1]) Жизненныя задачи психологіи, 1890. La causalité et la conservation de l'énergie dans le domaine de l'activité psychique, 1890. Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи, 1894.

странственность душевныхъ процессовъ есть очевиднѣйшій фактъ нашего опыта, и нѣтъ такихъ аргументовъ, которые могли бы опровергнуть этотъ несомнѣнный фактъ; отсюда становится такимъ же очевиднымъ фактомъ и ихъ безвременность. Идея времени, какъ и идея пространства, есть наше субъективное представленіе, и если для нея существуетъ извѣстный объективный коррелятъ, то не въ области внутренняго опыта, а во внѣшнемъ, пространственномъ мірѣ: мы представляемъ въ формѣ времени только послѣдовательную смѣну физическихъ движеній и физіологическихъ процессовъ, связанныхъ съ нашими душевными состояніями. Что же касается нашей внутренней, психической жизни, то она протекаетъ безусловно за предѣлами времени, и, различая въ ней временные моменты, мы только искусственно переносимъ сюда эту форму внѣшняго опыта по тому же психологическому закону, по которому мы переносимъ во внѣшній міръ наши собственныя душевныя состоянія и свойства. Время и пространство психическихъ процессовъ не дѣйствительныя, а только кажущіяся: это — „псевдо-время“ и „псевдо-пространство“ [1]).

Таковы были выводы Н. Я. Грота, и можно было ожидать, что, опираясь на нихъ, онъ создастъ теорію безсмертія въ духѣ тѣхъ метафизическихъ идей, которыя положены имъ въ основу его изслѣдованій о душѣ и свободѣ воли. Можно было даже думать, что онъ объединитъ интересовавшія его проблемы метафизики и переработаетъ свои построенія въ цѣльную идеалистическую систему. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться. Въ ту минуту, когда Гроту оставалось сдѣлать послѣдніе, рѣшительные и, можетъ быть, самые трудные шаги за предѣлами опыта, его отвлекли другія идеи и интересы, давшіе совсѣмъ иное направленіе его мысли. Несмотря на то, что проблема безсмертія не переставала занимать его до конца жизни, онъ пережилъ эпоху своихъ метафизическихъ увлеченій, и его метафизика осталась недопѣтою пѣснью. Вмѣсто цѣльной метафизической доктрины получился лишь рядъ философскихъ эскизовъ, очень интересныхъ, часто глубокихъ и въ основѣ не лишенныхъ принципіальнаго единства, но не законченныхъ и не приведенныхъ въ систему.

---

[1]) О времени, 1894.

II.

Два факта останавливаютъ на себѣ наше невольное вниманіе въ философскихъ произведеніяхъ второго періода дѣятельности Грота: настойчивая тенденція къ примиренію самыхъ различныхъ метафизическихъ гипотезъ и почти непримиримая враждебность къ тѣмъ позитивнымъ кумирамъ, которымъ онъ самъ когда-то приносилъ свои жертвы. Желая создать возможно болѣе широкій метафизическій синтезъ дѣйствительности, Гротъ включаетъ въ него такія точки зрѣнія, которыя иногда кажутся несовмѣстимыми. Въ каждомъ рѣшеніи метафизическихъ проблемъ онъ стремится найти долю истины и пытается согласить ихъ даже въ томъ случаѣ, когда эта цѣль можетъ быть достижима только при помощи чисто вербальныхъ формулъ. Чтобы разрѣшить коренное противорѣчіе природы и духа, онъ хочетъ быть одновременно и монистомъ, и дуалистомъ, связывая эти два противоположныхъ міровоззрѣнія однимъ магическимъ словомъ: „монодуализмъ“. Чтобы уяснить себѣ идею Божества, онъ старается соединить пантеизмъ Джордано Бруно съ представленіемъ личнаго Бога и называетъ Божество „личнымъ сознаніемъ вселенной“. Онъ идетъ по прямому пути къ абсолютному идеализму, пытаясь превратить всѣ силы матеріальной природы въ духовныя энергіи; но въ то же время онъ не считаетъ возможнымъ пожертвовать реальностью матеріи и примиряетъ ее съ идеей души посредствомъ теоріи „активныхъ“ и „пассивныхъ“ силъ. Онъ полагаетъ въ основу мірового процесса „міровую волю къ жизни“ и видитъ въ ней источникъ всякаго бытія и развитія; но она, по его представленіямъ, не безконечный принципъ, а скорѣе конечная сила, созданная Божественною волей и вложенная ею въ нѣдра природы. Онъ называетъ міровую волю единой и, въ противоположность Шопенгауэру, надѣляетъ ее свойствами разумности и добра; но въ предѣлахъ этой единой, разумной и доброй міровой стихіи у него царитъ вѣчный раздоръ двухъ противоположныхъ стремленій: ирраціональнаго стремленія къ личному эгоистическому существованію и разумнаго тяготѣнія къ идеалу вѣчнаго универсальнаго бытія. Онъ усволяетъ міровой волѣ всю полноту свободы и жизни, оставляя на долю человѣка скромную роль быть фатальнымъ исполнителемъ ея велѣній; человѣческая личность съ его

точки зрѣнія есть только временная оболочка или временный этапъ этой вѣчной силы, и весь смыслъ ея существованія можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы въ концѣ концовъ исчезнуть, растворившись въ океанѣ безконечности. Но для него слишкомъ дороги идеалы личной свободы и личнаго безсмертія и, чтобы спасти ихъ, онъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ компромиссамъ: міровая воля не поглощаетъ собою нашей личной жизни, а напротивъ сама становится въ насъ личною волей; она не отнимаетъ у насъ нашей свободы, а наоборотъ уступаетъ намъ свою, какъ высшій „даръ", который мы должны развить и осуществить путемъ нашихъ личныхъ усилій; она не обрекаетъ нашу личность на временное существованіе, а открываетъ ей путь къ вѣчности, вложивъ въ нее часть своей безвременной природы. Всѣ метафизическія построенія Н. Я. Грота пропитаны динамическимъ воззрѣніемъ на вселенную: сила, какъ основа міровой жизни,—вотъ та центральная идея, вокругъ которой вращаются его интересы и которая служитъ объединяющимъ принципомъ всѣхъ его философскихъ этюдовъ. Безконечное „сознаніе вселенной", съ которымъ онъ отожествляетъ понятіе Божества, есть безконечная сила, управляющая движеніями природы и соединяющая ея элементы въ цѣльный живой организмъ; „міровая воля" есть міровая сила, изъ которой, какъ изъ общаго резервуара, вытекаютъ всѣ потоки жизни; человѣческая душа есть также сила, по образцу которой мы должны объяснить себѣ всю систему физическихъ силъ. Прежній біологическій и психологическій эволюціонизмъ съ его принципомъ механическаго взаимодѣйствія явленій замѣняется у него философскою идеей развитія, съ точки зрѣнія которой жизнь вселенной представляется ему постепеннымъ освобожденіемъ активнаго начала вещей отъ узъ пассивной матеріи и непрерывнымъ процессомъ реализаціи духа и свободы. Но съ этимъ динамическимъ міровоззрѣніемъ онъ стремится примирить также идеи онтологической метафизики. На ряду съ понятіемъ измѣнчивой и непрестанно развивающейся „силы" въ его теоріяхъ играетъ почти такую же роль понятіе неизмѣнно и вѣчно пребывающей „сущности". На ряду съ Аристотелевской идеей „развитія" его увлекаетъ идеалъ Платоновскаго „бытія", въ которомъ уже отъ вѣчности осуществлены всѣ цѣли вселенной, и бываютъ минуты, когда сложныя движенія міровой эволюціи кажутся ему лишь какой-то призрачной игрой на фонѣ вѣчнаго покоя.

И вотъ, въ то время, какъ Н. Я. Гротъ принимаетъ съ распростертыми объятіями почти всѣ направленія метафизической мысли, онъ относится съ нескрываемою враждебностью не только къ своему прежнему позитивизму, но и вообще къ научной философіи. Тѣ три основныхъ принципа, на которыхъ покоится современное позитивно-научное міросозерцаніе,—феноменизмъ, эмпиризмъ и механизмъ,—представляются ему теоретическими суевѣріями, столько же ложными, какъ и вредными. Ограничивать область изслѣдованій міромъ явленій и признать напередъ невозможною всякую попытку проникнуть въ сущность вещей, значитъ, по его мнѣнію, намѣренно отказаться отъ истинныхъ задачъ познанія и составить себѣ совершенно фантастическое представленіе о дѣйствительности. Сосредоточить вниманіе исключительно на фактахъ опыта, предавъ забвенію вѣчные вопросы о нашей свободѣ, о нашемъ происхожденіи и нашей будущей судьбѣ, значитъ пожертвовать ради незначительной и въ сущности недостижимой цѣли тѣмъ, что для насъ единственно цѣнно и дорого,—высшими нравственными интересами человѣческой жизни. Превратить живой духъ и живую природу въ механическое сцѣпленіе роковыхъ причинъ, значитъ не понимать ни духа, ни природы. Мы видѣли, какимъ ожесточеннымъ нападкамъ подвергалъ Гротъ современную психологію, усвоившую себѣ эти принципы. Онъ находитъ въ ней почти одни только „схоластическія и поверхностныя умствованія“, „наносный схоластическій хламъ“, „искусственныя хитросплетенія тенденціозныхъ и произвольныхъ теорій“, систему словъ, замысловатыхъ терминовъ и безсодержательныхъ схемъ. Онъ убѣжденъ, что Платонъ и Аристотель сдѣлали гораздо больше для познанія нашего духа, чѣмъ всѣ новѣйшіе психологи-эмпирики; онъ готовъ предпочесть любой романъ Достоевскаго всѣмъ психологическимъ теоріямъ Спенсера,—того самаго Спенсера, который былъ властителемъ его думъ въ молодые годы.

Нѣтъ надобности говорить, какъ много справедливаго и законнаго было въ этомъ страстномъ протестѣ Н. Я. Грота противъ крайностей современнаго научно-позитивнаго міровоззрѣнія. Этотъ протестъ вытекалъ не изъ случайныхъ настроеній увлекавшагося писателя: онъ основывался на глубокихъ запросахъ мысли и нравственнаго чувства. Но вооружаясь противъ крайностей своихъ противниковъ, не впадалъ ли самъ Гротъ въ противоположную крайность?

Отвергая ложь позитивизма, не забылъ ли онъ его правды? Пусть область познанія не ограничивается міромъ явленій или эмпирическихъ фактовъ; но отдѣленіе эмпирическихъ фактовъ отъ метафизическихъ сущностей не есть ли необходимое условіе всякаго плодотворнаго научнаго метода? Пусть за предѣлами опыта лежитъ царство сверхъ-опытныхъ идеаловъ и цѣлей; но какъ мы найдемъ дорогу въ это царство, если намъ не укажетъ ее опытъ? Пусть ошибочны и безплодны усилія позитивистовъ изгнать изъ вселенной скрытую въ ней свободу и внутренній ея разумъ; но развѣ открытая нашему наблюденію поверхность природы и духа не подвластна господству механизма и не закована въ рабскія цѣпи причинности? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ вопросами о нашей свободѣ, о нашемъ происхожденіи и о нашей будущей судьбѣ связаны самые важные моральные интересы нашего существованія; но значитъ ли это, что проблемы эмпирической дѣйствительности такъ безконечно ничтожны въ сравненіи съ ними и такъ безразличны для нашихъ нравственныхъ задачъ? Если эмпирическое изслѣдованіе не дастъ намъ средствъ проникнуть въ таинственную сущность вещей, то оно открываетъ намъ ихъ законы,—вѣчные законы природы, духа и безконечно развивающейся человеческой жизни,—а знаніе этихъ законовъ не поможетъ ли намъ въ концѣ концовъ уяснить смыслъ нашего бытія и понять наше высшее назначеніе? Въ настоящее время мы, конечно, очень далеки отъ полнаго знанія законовъ дѣйствительности; не только наука о духѣ, но даже науки о природѣ достигли весьма неполныхъ результатовъ и располагаютъ весьма несовершенными средствами; современныя естественно-научныя и психологическія теоріи дѣйствительно заключаютъ въ себѣ немало ошибокъ, немало недоразумѣній и,—зачѣмъ скрывать правду?—немало „поверхностныхъ умствованій", „схоластическаго хлама", „тенденціозныхъ хитросплетеній", безсодержательныхъ словъ и формулъ, которыя часто лишь усыпляютъ мысль и заставляютъ ее, по выраженію Лейбница, „prendre la paille des termes pour le grain des choses". Но, при всемъ томъ, можно ли все таки серьёзно утверждать, что эмпирическое изслѣдованіе и основанныя на немъ теоріи нисколько не приближаютъ насъ къ идеальной цѣли познанія? Развѣ недостатки современной психологіи даютъ намъ право отвергать ея заслуги? Развѣ они позволяютъ забыть о тѣхъ превосходныхъ наблюденіяхъ, глубокихъ анализахъ и плодо-

творныхъ идеяхъ, какими обогатило насъ въ новѣйшее время опытное изученіе душевной жизни? Эмпирическіе факты и метафизическія гипотезы, опытное изслѣдованіе и философское умозрѣніе имѣютъ одинаково законныя права, и мыслитель долженъ стремиться только къ тому, чтобы устранить ихъ противорѣчія и понять ихъ истинное взаимное отношеніе. Если возможенъ высшій философскій синтезъ дѣйствительности, то развѣ ограничиваются его задачи однимъ примиреніемъ различныхъ метафизическихъ идей? Не ставитъ ли онъ намъ еще болѣе широкую цѣль,—примирить область опыта съ областью умозрѣнія? Не обязываетъ ли онъ насъ выработать такое философское міросозерцаніе, въ которомъ эмпирическое изслѣдованіе служило бы опорой для метафизическихъ обобщеній, а метафизическіе выводы покоились бы на широкомъ эмпирическомъ фундаментѣ? Вотъ вопросы, надъ которыми рано или поздно не могъ не задуматься Гротъ; а задумавшись надъ ними, онъ не могъ не почувствовать односторонности своихъ взглядовъ. Тѣ крайности и преувеличенія, къ какимъ привела его критика позитивно-научныхъ теорій и эмпирическихъ методовъ познанія, уже заключали въ себѣ зародышъ реакціи и подготовляли будущій поворотъ въ сторону этихъ самыхъ теорій и методовъ. Понявъ ошибочность позитивныхъ увлеченій своей молодости, онъ пришелъ когда-то къ метафизическому идеализму; понявъ одностороннее направленіе своей метафизики, онъ долженъ былъ прійти теперь къ сближенію съ позитивными теченіями мысли.

Этотъ новый поворотъ въ настроеніи и міросозерцаніи Н. Я. Грота произошелъ въ 1895 году. Послѣ десятилѣтняго странствованія по волшебной странѣ метафизическихъ идеаловъ и грёзъ, Гротъ вновь возвращается въ міръ эмпирическихъ явленій и вновь находитъ въ немъ ту дѣйствительность, которая когда-то такъ глубоко разочаровала его умъ и сердце. Въ этой эмпирической дѣйствительности онъ не видитъ теперь обманчивыхъ миражей и неразрѣшимыхъ загадокъ; но она не кажется ему и такимъ очевиднымъ фактомъ, который былъ бы понятенъ самъ собою. Она озаряется для него свѣтомъ идей, которыя онъ такъ долго созерцалъ въ царствѣ сверхчувственныхъ сущностей; она сплетается у него съ идеалистическою мечтой, въ которую онъ хотѣлъ бы вѣрить, какъ во вторую дѣйствительность. У него еще нѣтъ опредѣленной теоріи, которая могла бы согласить эти двѣ сферы бытія и познанія; но у него уже есть формула, способная выразить

ихъ взаимныя отношенія. Метафизическіе идеалы онъ называетъ оцѣнкой и познаніемъ дѣйствительности съ точки зрѣнія внутренняго опыта, а эмпирическое изслѣдованіе явленій признаетъ оцѣнкой и познаніемъ этой дѣйствительности съ точки зрѣнія внѣшнихъ воспріятій [1]). Въ этомъ синтетическомъ воззрѣніи выражается основная идея послѣдняго періода его философскаго развитія,—періода примиренія позитивизма и идеализма.

Толчокъ къ этому новому умственному кризису дала та самая наука, противъ которой Н. Я. Гротъ недавно велъ такую ожесточенную борьбу,—психологія. Изучая современную психологію въ критическихъ и метафизическихъ цѣляхъ, Гротъ невольно убѣдился, что ея пріемы и результаты далеко не такъ безплодны, какъ это показалось ему въ полемическую минуту Онъ увидѣлъ, что современная психологія, не ограничиваясь тѣми безполезными біологическими аксессуарами, въ которыхъ онъ когда-то искалъ гарантіи ея научности, стремится стать на почву дѣйствительно объективнаго изслѣдованія и усвоиваетъ новые методы, обѣщающіе ей, быть можетъ, блестящую будущность. Онъ нашелъ, что она уже теперь сдѣлала такія открытія, которыя способны измѣнить многія изъ нашихъ научныхъ представленій. Но что было для него всего важнѣе, онъ пришелъ къ выводу, что она нисколько не противорѣчитъ тѣмъ философскимъ задачамъ, которыя онъ себѣ ставилъ. Гротъ упрекалъ современныхъ психологовъ въ томъ, что они изучаютъ только душевныя явленія и не хотятъ разгадать намъ психическую сущность; но былъ ли справедливъ этотъ упрекъ? Въ душевномъ мірѣ нѣтъ границъ между сущностью и явленіемъ. То, что мы называемъ психическими „явленіями“ и психическою „сущностью“, суть лишь двѣ стороны одного и того же психическаго факта: это двѣ стороны нашего сознанія,—внѣшняя и внутренняя, эмпирическая и метафизическая. Изучите этотъ живой, конкретный психическій фактъ, и вамъ можетъ открыться широкій кругозоръ въ обѣ стороны: вамъ могутъ стать понятны и эмпирическія соотношенія въ мірѣ сознательныхъ явленій, и ихъ метафизическая природа. Такой именно взглядъ на задачи психологіи Гротъ нашелъ у представителей новѣйшаго,—экспериментальнаго направленія

---

[1]) Понятія души и психической энергіи въ психологіи. Сравн. Критика понятія прогресса.

этой науки. Экспериментальная психологія, по его мнѣнію, занимаетъ нейтральную зону между метафизикой и феноменизмомъ. Она имѣетъ дѣло не съ „субстанціями“ и не съ „явленіями“: она изслѣдуетъ реальныя событія душевной жизни, одинаково доступныя и эмпирическому наблюденію, и метафизической оцѣнкѣ [1]). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ выводовъ и соображеній Гротъ незамѣтно для себя самого очутился въ плѣну у того врага, котораго онъ считалъ побѣжденнымъ: изъ ожесточеннаго противника экспериментальной психологіи онъ превращается въ самаго горячаго ея сторонника. Вмѣсто того, чтобы продолжать разгромъ этой науки, онъ ставитъ теперь своею задачею уяснить ея методы и создать для нея новыя теоретическія основы. Вмѣсто того, чтобы строить на ея развалинахъ зданіе метафизическихъ идей, онъ хочетъ теперь примѣнить ея принципы къ рѣшенію соціологическихъ вопросовъ.

Экспериментальная психологія еще очень молодая наука. Она заимствовала свои методы у естествознанія, но она еще не успѣла дать имъ полной теоретической разработки. Что такое психологическій экспериментъ и съ какой мѣрѣ онъ возможенъ,—вотъ вопросъ, съ котораго принужденъ начинать современный психологъ. Въ настоящее время психологическій экспериментъ часто противополагается старому самонаблюденію и отожествляется съ методами психофизіологіи и и психофизики. Гротъ протестуетъ противъ этихъ недоразумѣній. Онъ соглашается съ тѣми психологами, по мнѣнію которыхъ психологическій экспериментъ есть форма самонаблюденія; только это самонаблюденіе не индивидуальное, а коллективное, не случайное, а методическое, не предвзятое и сомнительное, а обставленное всѣми научными гарантіями достовѣрности. Психофизику и психофизіологію онъ считаетъ необходимыми средствами научнаго изслѣдованія душевной жизни; но онъ не думаетъ, чтобы ими исчерпывалось понятіе экспериментальной психологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Можетъ существовать чисто психологическій экспериментъ, и его возможность уже доказана практикой жизни и наукой. Имъ пользуются педагоги, юристы и врачи для своихъ профессіональныхъ цѣлей; имъ пользуемся на каждомъ шагу

[1]) Не трудно догадаться, кѣмъ внушены были Н. Я. Гроту эти мысли: онъ, очевидно, почерпнулъ ихъ въ ученіи Вундта о единствѣ опыта и въ его теоріи „психической актуальности“.

всѣ мы, когда намъ приходится искусственно и намѣренно вызывать у себя или другихъ новыя душевныя состоянія; имъ начинаютъ, наконецъ, пользоваться въ послѣднее время и сами психологи. Задача науки состоитъ лишь въ томъ, чтобы дать этому могущественному орудію возможно болѣе точное и плодотворное примѣненіе, и въ этихъ видахъ Гротъ признаетъ настоятельно необходимымъ учрежденіе при русскихъ университетахъ психологическихъ лабораторій, существующихъ уже всюду, въ Европѣ и въ Америкѣ [1]).

Но достаточно ли для экспериментальной психологіи выработать точные методы изслѣдованія? Ей нужно еще имѣть общій теоретическій принципъ, который могъ бы связать ее съ остальными точными науками и далъ бы психологу путеводную нить въ лабиринтѣ измѣнчивыхъ психическихъ явленій. Такимъ принципомъ можетъ быть лишь тотъ великій законъ, на которомъ зиждется все современное естествознаніе,—законъ сохраненія энергіи. До сихъ поръ большинство психологовъ и натуралистовъ было убѣждено, что распространеніе этого закона на душевную жизнь невозможно. Природа душевныхъ явленій и ихъ взаимныя отношенія такъ своеобразны и такъ глубоко различны отъ процессовъ матеріальнаго міра, что ввести ихъ въ круговоротъ матеріальнаго движенія и подчинить механическимъ аксіомомъ естествознанія казалось напередъ неразрѣшимой задачей. Однако, какъ бы то ни было, съ этой задачей, повидимому, связана вся научная будущность психологіи, и Н. Я. Гротъ смѣло берется за ея разрѣшеніе. Его прежнія метафизическія гипотезы облегчаютъ ему это предпріятіе, а новѣйшія теченія научно-философской мысли идутъ навстрѣчу его замысламъ. Какъ мы видѣли, онъ уже ранѣе вводилъ законъ сохраненія энергіи въ сферу своихъ философскихъ умозрѣній; теперь онъ находитъ новую опору для своихъ взглядовъ въ энергетическихъ теоріяхъ Оствальда и Ласвица. Примыкая къ этимъ теоріямъ и отчасти исправляя ихъ, онъ доказываетъ, что понятіе психической энергіи такъ же законно и реально, какъ и понятіе физическихъ энергій. Онъ отстаиваетъ тезисъ, что психическія энергіи могутъ переходить въ физическіе процессы, а физическіе процессы могутъ превращаться въ психическую работу. Наконецъ, онъ старается обосновать гипотезу, что количество психической энергіи во всѣхъ этихъ превращеніяхъ остается такимъ же постояннымъ, какъ и количество фи-

[1]) Основанія экспериментальной психологіи, 1895.

зической энергіи въ ея метаморфозахъ. Въ каждомъ нормальномъ человѣкѣ существуетъ количественный балансъ психическихъ энергій. Эти энергіи могутъ существовать въ видѣ потенціальныхъ дарованій или въ видѣ актуальной творческой дѣятельности; онѣ могутъ колебаться между извѣстнымъ максимумомъ и минимумомъ, принимать различныя формы и развиваться одинъ въ ущербъ другимъ,—но въ цѣломъ онѣ представляютъ для даннаго индивидуума приблизительно одну и ту же постоянную величину. Такой же количественный балансъ долженъ существовать и при переходѣ психическихъ энергій въ физическія или обратно. Въ какихъ бы явленіяхъ ни выражалась работа извѣстнаго дѣятеля,—въ физическихъ или психическихъ,—она всегда остается равной себѣ, и всѣ ея формы эквивалентны другъ другу. Человѣкъ получаетъ отъ своего организма и среды столько же психической энергіи, сколько отдаетъ имъ, и отдаетъ столько же, сколько получаетъ. Вмѣстѣ съ организмомъ и окружающею средой онъ составляетъ психофизическую систему, въ которой общая сумма психическихъ и физическихъ энергій при всѣхъ возможныхъ превращеніяхъ ихъ другъ въ друга сохраняется неизмѣнной. Вотъ методологическая гипотеза, которая должна лечь въ основу экспериментальной психологіи. Правда, эта гипотеза пока еще не можетъ быть названа научнымъ закономъ. Мы слишкомъ мало знаемъ механическіе эквиваленты психической работы а совсѣмъ не можемъ выразить ихъ въ точныхъ математическихъ величинахъ. Но будущее разрѣшитъ и эту проблему [1]).

Н. Я. Грота упрекали въ томъ, что, допуская превращеніе физическихъ энергій въ психическія, онъ впадаетъ въ грубый матеріализмъ и ставитъ крестъ надъ тѣми идеями души и безсмертія, для доказательства которыхъ онъ потратилъ раньше такъ много труда. Но онъ отвергаетъ этотъ упрекъ, и, какъ мнѣ кажется, справедливо. Его можно было бы назвать матеріалистомъ, если бы онъ въ своей теоріи психической энергіи рѣшалъ метафизическій вопросъ объ отношеніи духа и матеріи. Но онъ не касается этой проблемы и хочетъ остаться въ предѣлахъ чисто эмпирическаго изслѣдованія. Подъ именемъ физическихъ и психическихъ энергій онъ разумѣетъ не сущности или силы, а только работу или дѣятельность этихъ предполагаемыхъ силъ. Поэтому, допуская возможность перехода физическихъ

---

[1]) Понятіе души и психической энергіи въ психологіи. 1897.

энергій въ психическія и обратно, онъ признаетъ возможными всѣ метафизическія гипотезы о природѣ дѣйствующихъ въ нихъ агентовъ. Могутъ, конечно, спросить, какова же должна быть его собственная гипотеза? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Гротъ ссылается на свои прежніе взгляды; и если мы попытаемся согласить эти взгляды съ его психологическою энергетикой, то мы найдемъ, что онъ, несмотря на всѣ свои противорѣчія, скорѣе абсолютный идеалистъ, чѣмъ матеріалистъ. Съ его точки зрѣнія будетъ логичнѣе приписать духовную природу физическимъ силамъ, чѣмъ усвоять психическимъ энергіямъ матеріальный характеръ. Гротъ находитъ возможнымъ оправдать на почвѣ своей энергетики даже идею безсмертія. По его мнѣнію, наша психическая энергія послѣ смерти тѣла можетъ быть цѣликомъ перепесена въ другую систему элементовъ, въ которой она можетъ вѣчно существовать. Такою системой онъ считаетъ эопирную среду, которая, можетъ быть, является носительницей этой энергіи и въ нашемъ организмѣ. Мы не обязаны, конечно придавать особенно серьёзное значеніе этой гипотезѣ „эопирнаго безсмертія“, напоминающей намъ фантастическіе романы Камилла Фламаріона; но не служитъ ли она блестящимъ доказательствомъ того, какъ гибкая человѣческая мысль можетъ связать всякую научную теорію съ тѣми идеалами, которыхъ жаждетъ человѣческое сердце?

Если общее количество физической и психической энергіи въ каждой системѣ элементовъ и, слѣдовательно, въ цѣлой вселенной сохраняется неизмѣннымъ, то значитъ ли это, что остается неизмѣннымъ и ея качество? Такой взглядъ противорѣчилъ бы фактамъ. Закономъ жизни человѣчества и вселенной является духовный прогрессъ, который есть не что иное, какъ непрерывное возрастаніе психической энергіи въ мірѣ. Чѣмъ далѣе идетъ исторія, тѣмъ сложнѣе и богаче развивается умственная и нравственная дѣятельность людей, тѣмъ яснѣе и глубже становится ихъ сознаніе и самосознаніе, тѣмъ высшую нравственную цѣнность получаетъ ихъ жизнь. Этотъ ростъ психической энергіи въ мірѣ возможенъ лишь на счетъ физическихъ энергій подъ условіемъ ихъ качественнаго измѣненія. Такимъ образомъ, при количественномъ постоянствѣ энергіи вообще, во вселенной происходитъ непрерывный процессъ качественнаго превращенія ея изъ низшихъ, физическихъ формъ въ высшія, психическія, и это-то превращеніе служитъ основой мірового прогресса. Вотъ идея, съ точки зрѣнія которой Н. Я. Гротъ хочетъ разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ философскихъ

и соціологическихъ проблемъ нашего времени,—послѣднюю проблему, какую ему удалось поставить.

Вопросъ о прогрессѣ занималъ его, какъ мы видѣли, еще въ 1883 г. Въ то время Гротъ отвергалъ субъективный методъ въ построеніи этого понятія и пытался создать для него чисто объективную формулу, опредѣливъ прогрессъ въ духѣ соціологіи Спенсера, какъ „экономизацію энергій природы". Но онъ незамѣтно для себя самого внесъ въ эту формулу субъективный элементъ, признавъ цѣлью прогресса увеличеніе удовольствія и счастія на землѣ. Теперь Гротъ измѣняетъ свой взглядъ. Онъ подчиняетъ жизнь вселенной высшимъ нравственнымъ цѣлямъ и, опираясь на свое ученіе о превращеніи энергій, хочетъ выработать такую формулу прогресса, которая объединяла бы всѣ опредѣленія этого понятія, какъ субъективныя, такъ и объективныя. По его мнѣнію, цѣлью прогресса является увеличеніе нравственной цѣнности жизни на землѣ, а ближайшимъ средствомъ для этой цѣли служитъ ростъ сознанія и самосознанія во вселенной, для которыхъ только и можетъ быть понятна эта цѣнность. Но въ свою очередь ростъ сознанія и самосознанія въ мірѣ всецѣло обусловливается превращеніемъ физическихъ формъ энергіи въ психическія путемъ ихъ экономизаціи въ природѣ и накопленія ихъ свободныхъ запасовъ въ организмѣ. Такимъ образомъ въ цѣломъ прогрессъ есть: „увеличеніе нравственной цѣнности жизни во вселенной, происходящее отъ роста въ ней сознанія и самосознанія, который зависитъ отъ превращенія міровыхъ энергій изъ низшихъ формъ въ высшія чрезъ ихъ экономизацію и накопленіе". Первая половина этой формулы субъективная, а вторая—объективная; въ первой выражается телеологическая сторона прогресса, а во второй — механическая [1]).

Н. Я. Гротъ считалъ вопросъ о прогрессѣ тѣмъ узломъ, въ которомъ сходятся всѣ нити философскаго міросозерцанія человѣка, такъ какъ, по его мнѣнію, это въ сущности вопросъ о нравственномъ назначеніи и смыслѣ всей нашей человѣческой и міровой жизни. Поэтому онъ намѣревался посвятить ему нѣсколько философскихъ статей. Онъ хотѣлъ всесторонне выяснить и обосновать свои взгляды; онъ хотѣлъ разработать ихъ психологическія, этическія и метафизическія предпосылки и показать ихъ философскія слѣдствія; онъ хотѣлъ защитить ихъ отъ

[1]) Критика понятія прогресса, 1898.

всѣхъ возраженій, какія онъ слышалъ или предполагалъ. Но въ минуту этихъ замысловъ безпощадная смерть погасила его неугомонную мысль, и вмѣсто новыхъ идей и остроумныхъ построеній намъ остались только глубокія сожалѣнія объ ихъ утратѣ...

Къ чему привелъ бы Н. Я. Грота дальнѣйшій ходъ его философскаго развитія, этотъ вопросъ долженъ остаться безъ отвѣта. Но его послѣднія произведенія показываютъ, какъ расширились его интересы и усложнились его задачи. Попытка объяснить всю душевную жизнь и все развитіе человѣчества на почвѣ научнаго принципа сохраненія и превращенія энергіи поражаетъ широтою и смѣлостью замысла. Если мы сравнимъ эту попытку съ его прежними философскими теоріями, то, безъ сомнѣнія, мы найдемъ между ними тѣсную идейную связь. Понятіе силы, ея развитія и ея метаморфозъ было, какъ намъ извѣстно, основною идеей его метафизическихъ концепцій: элементы для новой теоріи прогресса отчасти уже содержались въ работахъ его перваго, позитивнаго періода; проблема психической эволюціи не переставала такъ или иначе занимать его впродолженіе обѣихъ предшествовавшихъ эпохъ. И тѣмъ не менѣе предпринятая имъ задача не укладывается въ старыя рамки. Мы видимъ теперь у него иную постановку вопросовъ, иныя стремленія и иные взгляды. Его мысль пробиваетъ себѣ новое русло среди двухъ прежнихъ теченій, старалась захватить отчасти и то, и другое.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ Гротъ придавалъ идеѣ силы почти исключительно метафизическій смыслъ: онъ видѣлъ въ ней внутреннюю сущность вещей и облекалъ ее то въ форму „абсолютнаго сознанія вселенной", то въ форму „міровой воли къ жизни". Если естественно-научный законъ сохраненія энергіи и входилъ въ сферу его интересовъ, то лишь въ качествѣ подспорья для чисто метафизическихъ построеній. Теперь онъ стремится спустить эту идею изъ заоблачныхъ высей философскаго умозрѣнія на уровень эмпирической дѣйствительности. Несмотря на нѣкоторыя колебанія и противорѣчія, онъ хочетъ свести понятіе силы къ научной формулѣ „энергіи" и разумѣетъ подъ нею, какъ уже замѣчено выше, не сущность, а работу, не скрытаго агента, а простой актъ. Онъ хочетъ понять психическую жизнь и человѣческій прогрессъ какъ непрерывный процессъ качественнаго замѣщенія низшихъ, физическихъ формъ дѣятельности высшими, духовными формами, при неизмѣнномъ сохраненіи ихъ общаго количества. Принципъ с у б-

станціальности замѣняется у него принципомъ актуальности; метафизическій динамизмъ переходитъ въ научно-философскую энергетику. Включая въ свою новую теорію прогресса старыя эволюціонныя формулы, онъ сближается съ своимъ прежнимъ позитивизмомъ; но ему уже тѣсно въ этихъ формулахъ, и прежній механическій взглядъ на человѣческое развитіе не можетъ вполнѣ его удовлетворить. На ряду съ механическою стороной прогресса онъ признаетъ телеологическую; на ряду съ слѣпымъ взаимодѣйствіемъ физическихъ силъ онъ открываетъ широкій просторъ для самостоятельной дѣятельности нравственныхъ факторовъ. Въ природѣ онъ видитъ только пьедесталъ духа; біологическая эволюція представляется ему лишь необходимымъ средствомъ для той реализаціи разума и свободы, которая была предметомъ его метафизическихъ грезъ. Въ своихъ новыхъ концепціяхъ онъ не рѣшаетъ послѣднихъ вопросовъ; но онъ не только не отвергаетъ возможности ихъ рѣшенія, а прямо предполагаетъ его необходимость. Ему даже кажется, что эти вопросы вполнѣ исчерпаны въ его метафизическихъ трудахъ. Словомъ, онъ стремится къ возможно болѣе полному философскому синтезу, пытаясь объединить въ немъ элементы научнаго опыта съ результатами метафизическаго умозрѣнія.

Разумѣется, Гротъ намѣтилъ лишь путь къ разрѣшенію этой гигантской задачи. Его метафизика, какъ мы видѣли, не получила послѣдовательныхъ и законченныхъ формъ; его энергетика представляетъ не столько настоящую научную теорію мірового процесса, сколько простую мечту о ней. При дальнѣйшей разработкѣ этой теоріи онъ, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы массу философскихъ и научныхъ затрудненій. Въ области философскихъ проблемъ ему пришлось бы прежде всего поставить себя въ болѣе опредѣленное отношеніе къ идеѣ матеріи, которая во всѣхъ его работахъ играетъ очень двусмысленную роль. Въ области научныхъ вопросовъ ему пришлось бы столкнуться съ современнымъ пониманіемъ закона сохраненія энергіи, который находитъ свое научное оправданіе исключительно въ явленіяхъ физическаго міра и считается безусловно неприложимымъ къ процессамъ душевной жизни. Но можно ли признать непобѣдимыми всѣ эти трудности? Не есть ли понятіе матеріи ненужный балластъ философскихъ и научныхъ теорій? Не видимъ ли мы, какъ Оствальдъ пробиваетъ своими блестящими гипотезами брешь въ общепринятыхъ представленіяхъ о законѣ сохраненія энергіи? И не дастъ ли будущая наука

подтвержденій догадкамъ нѣмецкаго химика и мечтѣ русскаго философа?..

IV.

Вотъ краткая и, можетъ быть, немножко схематичная исторія этого богатаго и разнообразнаго ума. Мы видимъ, какую смѣну идей и настроеній онъ пережилъ, какіе логическіе и психологическіе мотивы имъ руководили. Онъ началъ позитивизмомъ, чтобы перейти къ идеалистической метафизикѣ, и покинулъ метафизику, чтобы отчасти снова возвратиться къ прежнему позитивизму. Онъ шелъ въ своемъ развитіи не по прямой линіи, а по окружности и, пройдя эту окружность, дважды сдѣлался своимъ собственнымъ антиподомъ. Эта своеобразная философская эволюція навлекла на Н. Я. Грота не мало упрековъ и обвиненій. Его упрекали въ томъ, что онъ мѣнялъ свои философскіе взгляды подъ вліяніемъ духа времени и смѣны общественныхъ настроеній; его обвиняли въ неустойчивости мысли и въ отсутствіи искреннихъ и твердыхъ убѣжденій; его считали даже философскимъ хамелеономъ, готовымъ приспособить свой символъ вѣры къ любому умственному теченію. Какъ много ложнаго и несправедливаго въ этихъ суровыхъ приговорахъ! Безъ сомнѣнія, всѣ мы находимся подъ вліяніемъ той умственной атмосферы, въ которой мы живемъ и которою мы дышемъ. Духъ времени налагаетъ неизгладимую печать на наше міросозерцаніе; господствующія умственныя теченія, борьба идей и смѣна впечатлѣній невольно отражаются на нашей мысли и незамѣтно увлекаютъ ее за собою. Но если мыслитель подчиняется этому роковому закону, то развѣ это значитъ, что у него нѣтъ искреннихъ убѣжденій и все его духовное развитіе есть только процессъ идейнаго приспособленія? Въ дѣйствительности трудно было бы найти человѣка болѣе искренняго и болѣе беззавѣтнаго въ своихъ философскихъ увлеченіяхъ, ошибкахъ и мечтахъ, чѣмъ Гротъ. Онъ былъ неподдѣльно убѣжденъ въ правильности всѣхъ своихъ идей и, измѣняя свои взгляды, упрямо думалъ, что онъ лишь точнѣе формулируетъ и дополняетъ ихъ. Онъ честно мыслилъ и среди всѣхъ своихъ философскихъ метаморфозъ сохранилъ эту честность мысли. Общественныя настроенія и новыя идеи глубоко вліяли на его впечатлительный и отзывчивый умъ; но они вліяли на него только потому, что проходили чрезъ его собственную душу

и претворялись въ его личные настроенія и запросы. Гротъ стремился къ познанію дѣйствительности; онъ хотѣлъ разгадать тѣ тайны бытія, которыя насъ окружаютъ; но онъ жилъ не только разсудкомъ, но и сердцемъ, и въ борьбѣ этихъ-то двухъ стихій нужно искать истинную причину его измѣнчивыхъ міросозерцаній. Смотря по тому, въ какую сторону склонялись его душевные вѣсы, онъ или выходилъ на позитивную дорогу опытнаго изслѣдованія, о которомъ говорилъ ему холодный разсудокъ, или рвался въ область метафизическихъ идеаловъ, которыхъ просило его сердце. Въ его философскомъ развитіи вполнѣ осуществился тотъ законъ, при помощи котораго онъ когда-то хотѣлъ понять исторію человѣческой мысли: философскія проблемы были для него психологическими проблемами. Его идеи были подсказаны не только научными стремленіями, но и сложными моральными запросами; его работы представляютъ не только логическія построенія, но и „психологическіе документы“. Нѣтъ, это не былъ философскій хамелеонъ: это былъ философскій скиталецъ, искавшій себѣ во вселенной уголка, гдѣ могли бы отдохнуть его мысль и чувство. Онъ шелъ, какъ странникъ, по пустынѣ міра навстрѣчу мерцавшему впереди свѣту истины: и когда, подходя, онъ убѣждался, что этотъ свѣтъ былъ только блуждающимъ огонькомъ его собственной мечты, онъ поворачивалъ въ другую сторону, чтобы снова стремиться и искать. Гротъ пережилъ много увлеченій и много разочарованій. Но эти разочарованія не ослабляли его энергіи и не умеьшали его увѣренности въ себѣ и въ своихъ цѣляхъ. Въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ онъ открывалъ долю истины, и минувшія неудачи были для него только ступенями на пути къ успѣху. Онъ горячо вѣрилъ въ достижимость идеала истиннаго знанія, и эта вѣра вселяла въ него бодрость, окрыляла его воображеніе и дѣлала его способнымъ къ неистощимой творческой работѣ.

Читатель спроситъ: по каковы же результаты этой работы? Быть можетъ, тѣ вопросы, которые рѣшалъ Гротъ, были неразрѣшимы: быть можетъ, тѣ отвѣты, которые онъ давалъ на нихъ, были ложны; быть можетъ, тѣ философскія видѣнія, которыя предъ нимъ пронеслись, были только миражи. Не потратилъ ли онъ свои богатыя духовныя силы только на погоню за призраками? Вопросы, которые рѣшалъ Гротъ, суть величайшія загадки дѣйствительности, и человѣчество не можетъ отказаться отъ нихъ, пока оно будетъ жить сознательною жизнью. Въ нихъ блаженство и мука, проклятіе и искупленіе человѣческой мысли. Въ тотъ мигъ, когда гордый человѣческій умъ поставилъ себѣ

эти вопросы, онъ,—пусть позволятъ мнѣ употребить прекрасную метафору Фихте,—лишилъ себя рая своей первобытной невинности: они раскрыли ему его наготу, и онъ понялъ, что только въ рѣшеніи ихъ заключается его спасеніе. Посвятить свою жизнь этимъ проблемамъ—благородная задача; сдѣлать что-нибудь для ихъ разрѣшенія—большая заслуга. Правда, большинство этихъ вопросовъ не можетъ быть рѣшено чисто научнымъ путемъ, но научный путь есть ли единственная дорога въ заколдованное царство истины? Тамъ, гдѣ факты не хотятъ объяснить самихъ себя, возможны гипотезы, которыя ихъ объясняютъ, и эти гипотезы могутъ быть вѣроятны для мысли и убѣдительны для сердца. Гротъ оставилъ намъ цѣлый рядъ такихъ философскихъ гипотезъ, разнообразныхъ, какъ его интересы, блестящихъ, какъ его собственная мысль. Одинъ изъ этихъ гипотезъ основываются на элементахъ опыта, другія выходятъ за его предѣлы; одинъ изъ нихъ стоятъ въ согласіи съ остальными, другія противорѣчатъ имъ; однѣ дополняютъ другъ друга, другія устраняютъ и замѣняютъ своихъ предшественницъ. Философскія идеи не находятъ себѣ всеобщаго признанія, и гипотезы Грота, безъ сомнѣнія, раздѣлятъ ту же участь; но, можетъ быть, найдется немало людей, которымъ онѣ прольютъ новый свѣтъ на міровыя тайны и будутъ служить источникомъ нравственнаго удовлетворенія. Такіе люди почерпнутъ въ нихъ живую силу пытливой мысли и благородныхъ настроеній; они будутъ такъ же вѣрить въ познаніе истины и дѣйствительности, какъ вѣрилъ самъ Гротъ, и кто могъ бы сказать, что они будутъ неправы? Благородныя вѣрованія не заключаютъ ли въ себѣ самихъ гарантіи своей истинности? Міръ вѣчныхъ идеаловъ, не есть ли онъ вѣчная дѣйствительность, живая, прекрасная, властно царствующая надъ окружающимъ насъ міромъ измѣнчивыхъ вещей и явленій?..

Впрочемъ, какъ бы мы ни относились къ философскимъ гипотезамъ Н. Я. Грота, мы не можемъ отказать имъ въ одномъ выдающемся качествѣ: онѣ были остроумны и оригинальны. Грота нельзя назвать простымъ популяризаторомъ чужихъ философскихъ доктринъ: онъ обладалъ творческимъ умомъ и былъ мыслителемъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Какихъ бы вопросовъ онъ ни касался въ своихъ работахъ, онъ почти всюду умѣлъ сказать новое слово или бросить плодотворную мысль. Ему принадлежалъ даръ ткать изъ себя тонкую паутину идей и создавать изъ нихъ теоритическія построенія, можетъ быть, не всегда прочныя по

своему выполненію, но всегда своеобразныя, смѣлыя и красивыя по своему замыслу. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ заимствовалъ чужія мысли, онъ налагалъ на нихъ печать своей индивидуальности и таланта; даже тамъ, гдѣ онъ повторялъ старыя пѣсни, онъ вносилъ въ нихъ новые мотивы, иногда совершенно измѣнявшіе ихъ характеръ. Чужіе идеи онъ умѣлъ поставить въ иную связь и приспособить къ своимъ собственнымъ схемамъ; старые вопросы онъ освѣщалъ съ новой точки зрѣнія. Его гибкій умъ былъ почти одинаково способенъ какъ къ аналитической, такъ и къ синтетической философской работѣ и находилъ выходъ изъ самыхъ рискованныхъ теоретическихъ положеній, а его талантливое перо могло облекать наиболѣе трудныя вещи въ простую, ясную и привлекательную форму. Если онъ чувствовалъ у себя подъ ногами твердую фактическую или идейную почву, онъ шелъ къ своей цѣли съ неуклонною логическою послѣдовательностью, и ему принадлежитъ очень милый афоризмъ: „бояться логики логически мыслящему существу по меньшей мѣрѣ не логично“ [1]). Если же логика и факты не могли оказать ему своихъ услугъ, онъ не боялся также парадоксовъ и—противорѣчій. Ему не всегда удавалось быть убѣдительнымъ, но онъ почти всегда умѣлъ быть интереснымъ. Вотъ почему его сочиненія возбуждали такъ много споровъ; и вотъ почему они привлекали къ себѣ вниманіе не только среди спеціалистовъ, но и въ болѣе широкомъ интеллигентномъ кругу.

Когда-то Н. Я. Гротъ мечталъ о возможности національной русской философіи. По его проекту, мы, русскіе, призваны выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни и дать новый синтезъ дѣйствительности подъ этическимъ угломъ зрѣнія: наша философія должна быть ни больше, ни меньше, какъ „философіей спасенія міра отъ зла“ [2]). Гротъ не создалъ этой „національной“ русской философіи, и самая мысль о ней была лишь кратковременнымъ эпизодомъ въ исторіи его философскихъ увлеченій. Но мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что никто не содѣйствовалъ въ такой мѣрѣ успѣхамъ философіи въ Россіи, какъ онъ. Его значеніе состоитъ не только въ томъ, что онъ былъ

[1]) Критика понятія прогресса.

[2]) Вступительная статья къ первой книжкѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“, О задачахъ журнала. Срави. Что такое метафизика?

талантливый и разнообразный философскій писатель, но и въ томъ, что онъ былъ энергичный и отзывчивый дѣятель. Чтобы понять его заслуги, достаточно вспомнить, что съ его именемъ тѣсно связана исторія перваго русскаго философскаго Общества и что ему же принадлежитъ честь основанія единственнаго русскаго философскаго журнала. Московское Психологическое Общество, возникшее въ 1885 году по иниціативѣ проф. М. М. Троицкаго, въ первые годы существовало такъ-же, какъ существуетъ большинство русскихъ университетскихъ Обществъ: его собранія были рѣдки, его дѣятельность не отличалась оживленіемъ и не привлекала къ себѣ особеннаго вниманія. Но оно совершенно преобразилось, когда три года спустя во главѣ его сталъ Гротъ. Изъ незамѣтнаго и малолюднаго кружка оно быстро превратилось въ одинъ изъ самыхъ живыхъ и интересныхъ умственныхъ центровъ Москвы. Въ немъ сходились люди самыхъ различныхъ убѣжденій и профессій,—метафизики и позитивисты, философы и врачи, психологи и математики, натуралисты и историки, юристы и педагоги, ученые и писатели. На его собраніяхъ обсуждались вопросы и спеціальнаго и общаго характера, сближались родственныя точки зрѣнія и примирялись враждебные взгляды, затрогивались живыя темы, о которыхъ иногда говорила потомъ вся интеллигентная Москва. Въ его изданіяхъ и журналѣ нашли себѣ мѣсто и превосходные переводы выдающихся произведеній европейской мысли, и самостоятельныя работы русскихъ авторовъ. Дѣятельность Московскаго Психологическаго Общества не пройдетъ безслѣдно для русской философской мысли, и будущій историкъ оцѣнитъ, въ какой степени оно обязано своимъ значеніемъ Гроту. Лишь такой энергичный, многосторонній и горячо преданный своей задачѣ человѣкъ, какъ онъ, могъ привлечь столько разнородныхъ силъ къ дружной и плодотворной совмѣстной работѣ; лишь такой прирожденный организаторъ могъ сгладить ихъ противорѣчія и связать въ живое цѣлое эти membra disjecta. Та „энергія“, въ которой онъ видѣлъ источникъ всѣхъ явленій и качествъ, была его собственнымъ качествомъ; то стремленіе къ синтезу, которое побуждало его искать примиренія враждебныхъ философскихъ идей, проявилось и въ его отношеніяхъ къ людямъ. Въ настоящее время, когда журналъ Вопросы философіи и психологіи существуетъ уже второй десятокъ лѣтъ, его основаніе можетъ показаться очень простымъ и естествен-

нымъ дѣломъ. Но не такимъ оно представлялось въ самомъ началѣ. Философскіе журналы нигдѣ не пользуются особеннымъ процвѣтаніемъ; даже заграницей они нерѣдко переживаютъ тяжелые кризисы и не всегда могутъ существовать безъ посторонней поддержки. Тѣмъ болѣе нужно было ожидать этого у насъ въ Россіи. Кругъ людей, занимающихся философіей или по крайней мѣрѣ серьёзно интересующихся ею, у насъ незначителенъ. Условія русской печати всего менѣе благопріятствуютъ свободному развитію философской мысли, а русское общество слишкомъ мало образовано или слишкомъ поглощено другими, практическими задачами, чтобы понимать смыслъ отвлеченныхъ проблемъ. Если философія у насъ и привлекаетъ къ себѣ общественное вниманіе, то въ большинствѣ случаевъ лишь тогда, когда она откликается на существенные запросы русской жизни или стоитъ въ какой-нибудь связи съ случайными злобами дня. Вотъ почему А. А. Козловъ, предпринявшій въ 1885 году изданіе своего Философскаго Трехмѣсячника, не нашелъ себѣ ни сотрудниковъ, ни читателей: его журналъ поневолѣ сдѣлался простымъ сборникомъ его собственныхъ статей и самъ собой прекратился послѣ четырехъ выпусковъ. Когда Н. Я. Гротъ задумалъ издавать Вопросы философіи и психологіи, нѣкоторыя газеты прямо называли его намѣреніе химерой и пророчили ему немпнуемую неудачу. Нуженъ былъ большой запасъ мужества и энергіи, чтобы рѣшиться при подобныхъ условіяхъ на такое трудное предпріятіе, и нужно было много умѣнья и любви къ дѣлу, чтобы благополучно осуществить его. И дѣйствительно, если Вопросы философіи и психологіи возникли, имѣли успѣхъ и достигли теперешняго сравнительно прочнаго положенія, то мы обязаны этимъ прежде всего личной энергіи Грота, его способности привлечь къ журналу въ первые трудные дни безкорыстнаго и просвѣщеннаго издателя, его усиліямъ объединить сотрудниковъ всѣхъ направленій и заинтересовать публику, его терпимости къ чужимъ взглядамъ и умѣнью ладить съ людьми, его готовности жертвовать для общаго дѣла своимъ временемъ, своимъ трудомъ, даже своимъ самолюбіемъ. Этихъ его заслугъ исторія русской философіи не забудетъ.

Н. Я. Гротъ оставилъ намъ цѣнное литературное наслѣдство, и можно надѣяться, что мысль издать настоящее собраніе его статей встрѣтитъ сочувствіе у всѣхъ, кому дороги интересы русской философіи. Его труды принадлежатъ

не только прошедшему, но и будущему. Прошлое оставило въ нихъ слѣды минувшей борьбы идей, былыхъ сомнѣній, увлеченій и разочарованій; будущее найдетъ въ нихъ поучительный опытъ идейныхъ исканій, критику отжившихъ точекъ зрѣнія и элементы для новыхъ философскихъ построеній.

Памяти Николая Яковлевича Грота.

Алексѣя Введенскаго [1]).

Новая неожиданная утрата! Въ ночь на 23 мая скончался въ своемъ имѣніи (селѣ Кочеткѣ, Чугуевскаго уѣзда, Харьковской губ.), предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества, профессоръ Н. Я. Гротъ.

Останавливаюсь надъ этою свѣжею могилой въ глубокомъ и тяжеломъ раздумьи.

Дѣятельность покойнаго профессора связана съ исторіей послѣдняго двадцатилѣтія многими и разнобразными нитями. Но двѣ черты налагали на нее особенную печать,—печать своеобразной и свѣтлой личности.

Первою отличительною чертой Николая Яковлевича былъ *духъ философскаго прозелитизма*, всегда и ярко горѣвшій въ немъ. Онъ былъ философъ въ буквальномъ и собственномъ смыслѣ слова, то-есть *горѣлъ истинною любовью къ мудрости*. Огонь этой любви живо и непосредственно чувствовался въ немъ всякимъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Именно этою стороной своей личности онъ влекъ къ себѣ своихъ многочисленныхъ учениковъ и именно благодаря этой своей особенности, онъ будилъ интересъ къ своей наукѣ во всѣхъ, предъ кѣмъ представалъ, какъ ея служитель.

Вторая черта, неотразимо привлекавшая къ Николаю Яковлевичу, это—*необычайная широта его взглядовъ и терпимость къ иномыслящимъ*. Благодаря этой чертѣ, онъ какъ, быть-можетъ, очень и очень немногіе, способенъ былъ группировать около своего завѣтнаго дѣла, дѣла служенія русскому обществу на поприщѣ философіи, людей самыхъ разнообразныхъ складовъ и направленій. Необычайно чуткій и

[1]) Московскія Вѣдомости 1899 г., №№ 141 и 162.

отзывчивый къ малѣйшимъ проблескамъ дѣйствительной мысли, онъ встрѣчалъ ихъ повсюду съ живѣйшею готовностью и участіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ поистинѣ незамѣнимымъ предсѣдателемъ Общества и редакторомъ основаннаго имъ Журнала. Онъ выступилъ на поприще этого широкаго и отвѣтственнаго служенія какъ разъ въ то время, когда ощущалась потребность именно въ такомъ человѣкѣ.

Миръ душѣ твоей, искренній другъ Истины! Вѣримъ, что на порогѣ вѣчности Истина встрѣтила тебя кротко, ибо ты горячо, до страстности любилъ ее и любя искалъ всѣ дни твоей жизни!...

P. S. Мы намѣрены посвятить покойному Николаю Яковлевичу, съ которымъ насъ связывала не только общность интересовъ, но и чувство пріязни, особую статью.

„Размышленія, какъ искры, зажигались и потухали въ сознаніи моемъ, пока не разгорѣлись въ яркое пламя".

Н. Я. Гротъ.

I.

Послѣдній разъ я видѣлъ Николая Яковлевича въ концѣ минувшаго года. Онъ читалъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ рефератъ *Критика понятія прогресса* и въ продолженіе долгаго времени стойко выдерживалъ оживленную оппозицію. Ничто не говорило въ немъ объ утомленіи или упадкѣ силъ. Онъ былъ, какъ всегда, подвиженъ, энергиченъ и бодръ. Еще лучшее впечатлѣніе производилъ Николай Яковлевичъ въ наше предпослѣднее свиданіе, когда, во время скромнаго философскаго симпосіона, онъ оживленно бесѣдовалъ въ тѣсномъ кружкѣ о вопросахъ философскихъ и нефилософскихъ: въ головѣ его роились замыслы новыхъ работъ, и надежды, какъ въ юности, манили его въ широкую даль.

Не таково было впечатлѣніе нашей первой встрѣчи. Это было, если не измѣняетъ память, ровно за десять лѣтъ до послѣдняго свиданія,—въ актовомъ залѣ Университета, послѣ диспута г. Гилярова. Диспутъ носилъ странный, чтобы не сказать больше, характеръ. Пренія были осложнены (по винѣ магистранта) личными подробностями и потому носили острый

характеръ, повидимому, поднявшій въ душѣ покойнаго Николая Яковлевича цѣлыя тучи горькихъ „эмоцій". Онъ былъ, что называется, выбитъ изъ колеи, огорченъ, взволнованъ и жаловался на страшный мигрень, который, начавшись еще до диспута, достигъ чрезвычайнаго напряженія по его окончаніи.

Припоминая впечатлѣнія другихъ встрѣчъ съ Николаемъ Яковлевичемъ и пересматривая переписку съ нимъ, нахожу, что, несмотря на внѣшнюю подвижность и живость его, онъ, повидимому, никакъ не могъ похвалиться ровнымъ и прочнымъ здоровьемъ. Почти каждое изъ его писемъ содержитъ либо отзвуки только-что перенесеннаго физическаго страданія, либо сообщеніе о дурныхъ предвѣстникахъ въ томъ же смыслѣ. Съ перваго взгляда онъ казался человѣкомъ несокрушимой энергіи и непочатыхъ силъ. Но тому, кто, чтя въ немъ полезную для роста нашего самосознанія силу, слѣдилъ за нимъ пристально и внимательно, видно было, что зловѣщіе симптомы тамъ и здѣсь уже сказываются.

Во всякомъ случаѣ, самъ Николай Яковлевичъ, повидимому, временами уже довольно ясно различалъ, хотя еще глухіе и отдаленные, но уже неизбѣжные и неотвратимые удары рокового молота. Въ одномъ изъ хранящихся у меня его писемъ (1894 года), послѣ дѣловыхъ вопросовъ и злобъ дня, онъ говоритъ, между прочимъ, о своемъ „завѣщаніи". Шутка, конечно! Но шутка, во всякомъ случаѣ, очень серьёзная и внушительная...

II.

У меня нѣтъ данныхъ для того, чтобы судить о причинахъ, подтачивавшихъ, повидимому, крѣпкій отъ природы организмъ покойнаго Николая Яковлевича. Но одну изъ этихъ причинъ я, кажется, все-же могу указать вѣрно. Она коренится, по моему мнѣнію, именно въ томъ, что̀ справедливо ставится покойному философу въ одну изъ главныхъ заслугъ его предъ русскимъ обществомъ. Я разумѣю организацію Психологическаго Общества и основаніе при немъ философскаго Журнала.

И организованное Николаемъ Яковлевичемъ Общество, и созданный имъ *Журналъ* отличаются однимъ общимъ характеромъ: это есть общество и журналъ людей не единомысля-

щихъ, а разномыслящихъ. Относительно общества такъ, конечно, и быть должно, — по крайней мѣрѣ по идеѣ: пока оно не утратило своей идеи и опредѣляемаго ею объективно-научнаго характера, оно не можетъ, конечно, превратиться въ дѣло партійное, въ какую-нибудь кружковщину, связанную съ наукой лишь случайными связями. Но журналъ съ сотрудниками *разныхъ* направленій, уже и при самомъ возникновеніи мысли о немъ, возбуждалъ скептическія недоумѣнія и опасенія. Сравнительно лишь очень немногіе понимали что, хотя и желательно чтобы, напримѣръ, финиковыя пальмы росли на берегахъ Бѣлаго моря, однако, такъ какъ это положительно невозможно, то волей-неволей приходится отказаться отъ утопичной мысли развести тамъ пальмовые сады...

Николай Яковлевичъ ясно понялъ, что даже журналъ безъ опредѣленнаго направленія все-же лучше совершеннаго отсутствія журнала. Больше того: онъ угадалъ, что *при данномъ состояніи нашего просвѣщенія и на современномъ уровнѣ нашей научно-общественной мысли, никакой другой журналъ не могъ бы имѣть ни вліянія, ни успѣха.* Духъ партійности у насъ все еще настолько силенъ, что журналъ съ опредѣленнымъ направленіемъ неизбѣжно принялъ бы такую крайнюю и односторонюю окраску, при которой онъ никакъ не могъ бы разсчитывать на достаточный для существованія кругъ читателей.

Николай Яковлевичъ не только понялъ это, но и дѣятельно принялся за осуществленіе своей мысли, которая отселѣ становится его главною заботой и едва-ли не главнымъ интересомъ его жизни.

При широтѣ основной точки зрѣнія и при чрезвычайной терпимости покойнаго профессора къ иномыслящимъ, сгруппировать сотрудниковъ было, конечно, не трудно. Но зато очень трудно было поддерживать въ нихъ надлежащее равновѣсіе настроеній. Всѣ нити сходились въ одномъ редакторѣ. Всѣ теченія русской философской мысли встрѣчались въ немъ. Ему приходилось нейтрализовать всѣ крайности. И, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, трудность положенія, иногда почти безвыходная, не замедлила сказаться. Одни находили, что редакторъ недостаточно прогрессивенъ, другіе — что онъ недостаточно консервативенъ. Одни жаловались, что онъ покидаетъ путь положительной философіи (позитивизма), къ которой склонялся спачала; другіе находили, напротивъ, что онъ недостаточно рѣшительно идетъ къ спиритуализму.

Тамъ и сямъ прорывалось недовольство, принимавшее иногда острую форму. „На меня здѣсь смотрятъ, — писалъ мнѣ однажды Николай Яковлевичъ,—какъ на пьянаго среди трезвыхъ“. И я понималъ его и сострадалъ ему...

Положеніе было несомнѣнно трудное. Я не говорю уже о громадной механической работѣ (исправленія рукописей, дѣловой перепискѣ и пр.). Однажды я выразилъ удивленіе, что одинъ философъ (теперь уже покойный) началъ писать въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* стилемъ, которымъ онъ не баловалъ своихъ читателей раньше. Николай Яковлевичъ молча вынулъ черновую рукопись этого философа и показалъ: она была до неузнаваемости передѣлана... На мой взглядъ легче было написать статью заново, чѣмъ сдѣлать такія колоссальныя поправки.

Николай Яковлевичъ, пока у него хватало силъ, улаживалъ всѣ инциденты и побѣждалъ всѣ трудности. Но силъ на такую работу могло хватить, конечно, лишь не надолго. А послѣдующая судьба журнала служитъ живымъ и осязательнымъ доказательствомъ того, что перваго редактора *Вопросовъ Философіи и Психологіи* легче было смѣнить, чѣмъ замѣнить.

III.

Организаціей Общества и основаніемъ журнала, однако, далеко не исчерпывалась многосторонняя дѣятельность Николая Яковлевича. Сверхъ этого, онъ былъ еще профессоръ философіи и обильный философскій писатель. Къ сожалѣнію, я не знакомъ, даже по слухамъ, съ его профессорскою дѣятельностью. Но о значеніи его—какъ философскаго писателя мнѣ уже приходилось и печатно говорить.

Нѣсколько времени тому назадъ, здѣсь же, на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей* (№ 346, 1897 года), въ одной своей критической замѣткѣ я слѣдующимъ образомъ характеризовалъ значеніе покойнаго философа, какъ писателя:

„Профессоръ Н. Я. Гротъ занимаетъ весьма почтенное и въ то же время весьма своеобразное положеніе въ ряду представителей нашей философіи. Необычайно воспріимчивый и отзывчивый, обладающій рѣдкимъ даромъ творческой концепціи, онъ легко и быстро подслушиваетъ каждый, вновь нарождающійся въ философіи, принципъ, каждую сколько-нибудь значительную и оригинальную мысль, развиваетъ и дополняетъ ее,

разрабатываетъ въ цѣлую теорію и въ такой формѣ передастъ на судъ своимъ читателямъ. Такимъ образомъ, въ теченіе своей двадцатилѣтней учено-литературной дѣятельности, онъ является у насъ однимъ изъ лучшихъ комментаторовъ движенія общеевропейской философской мысли.

„Есть въ этой своеобразно-комментаторской дѣятельности почтеннаго профессора одна чрезвычайно характерная подробность: читателю, внимательно слѣдящему за нею, иногда кажется, будто въ тотъ самый моментъ, когда авторъ ставитъ подъ своею работой послѣднюю точку, она является для него уже пережитымъ фазисомъ его философской эволюціи, — фазисомъ, отъ котораго онъ тотчасъ же переходитъ къ другому. Такимъ образомъ, философія профессора Н. Я. Грота еще не отлилась въ законченную форму съ догматическою исключительностью. Это не система, а скорѣе—*процессъ мысли*, непрерывно развивающійся и, повидимому, еще далеко не завершонный.

„Что такая эволюція естественна и плодотворна,—это не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Эта искренность настойчивоищущаго духа, этотъ ничѣмъ достигнутымъ не удовлетворяющійся скептицизмъ обладаетъ особенною, ему одному свойственною, тайною,—тайной *философскаго прозелитизма*. Онъ заражаетъ другихъ, пробуждаетъ въ нихъ любовь къ исканію истины, а въ этомъ вѣдь и состоитъ самая сущность философіи. Вотъ почему онъ является, такъ сказать, *динамическимъ началомъ въ процессѣ философскаго развитія человѣчества*, подобно тому, какъ философскій догматизмъ, въ его различныхъ оттѣнкахъ и формахъ, выражаетъ собою *статическій* моментъ процесса".

Къ этой моей прежней характеристикѣ теперь слѣдуетъ прибавить еще одну черту. Конечно, Николай Яковлевичъ пріобрѣлъ адептовъ философіи прежде всего помимо своего намѣренія самымъ духомъ своихъ сочиненій, ихъ отзывчивостію и живымъ интересомъ. Но иногда, въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, для людей, въ которыхъ онъ замѣчалъ стремленіе къ философіи, которые отдали себя на служеніе ей,— онъ, сверхъ того, являлся, и въ непосредственно-личномъ общеніи, неизсякаемымъ источникомъ многообразныхъ, живыхъ и плодотворныхъ, философскихъ импульсовъ.

Философскій споръ съ нимъ всегда былъ не только въ высокой степени интересенъ, но и поучителенъ: всегда наводилъ онъ на новые вопросы и въ старыхъ вопросахъ открывалъ

новыя перспективы. Особенно для молодыхъ и начинающихъ философовъ его вліяніе было незамѣнимо. Будучи самъ весь энергія и подвижность, онъ и другимъ не давалъ успокоиться на возглавіи догматизма, являясь, такимъ образомъ, и въ нихъ живымъ двигателемъ неустанно-прогрессирующей мысли.

О внѣшней поддержкѣ людей, работающихъ на поприщѣ философіи, и говорить нечего: его досугъ, книги, рекомендаціи были къ услугамъ всѣхъ, кого связывала съ нимъ общность любви къ любимой наукѣ.

Къ сожалѣнію, кажется, и эта сторона дѣятельности для Николая Яковлевича оставалась не безъ шиповъ. Философствующіе прозелиты, въ отличіе отъ религіозныхъ, какъ извѣстно, далеко не всегда служатъ *похвалою* своего учителя,—его славою и утѣшеніемъ. Извѣстная исторія отношеній Аристотеля къ Платону, къ сожалѣнію, повторяется здѣсь довольно часто и, такъ какъ Аристотелями и Платонами исторія не особенно богата, то тѣ отношенія, которыя тамъ умѣрялись силой таланта, въ наше прозаичное время посредственностей обыкновенно принимаютъ болѣе грубыя формы. Николай Яковлевичъ не составлялъ, кажется, исключенія. Въ чашу радостей, вызываемыхъ ростомъ у насъ философскаго сознанія, порою перепадали, повидимому, и капли ѣдкой горечи. Будущій его біографъ, безъ сомнѣнія, отмѣтитъ и эту подробность, какъ одинъ изъ „соопредѣляющихъ факторовъ“, ускорившихъ роковую развязку.

IV.

Николай Яковлевичъ былъ писателемъ весьма образованнымъ, необычайно обильнымъ и разностороннимъ. Еще въ 1886 году извѣстный Одесскій архипастырь, преосвященный Никаноръ,—близко принимавшій къ сердцу судьбу Николая Яковлевича и со вниманіемъ слѣдившій за его философскимъ развитіемъ,—отмѣтилъ въ немъ, какъ писателѣ, именно эти, только что указанныя, черты. Вотъ что онъ писалъ тогда:

„Онъ (профессоръ Гротъ) дѣйствительно философъ необычайно способный, необычайно разнообразный, отлично подготовленный, замѣчательно обильный, замѣчательно ясный въ изложеніи, даже строго логичный въ выводахъ изъ разъ положенныхъ началъ. Философская эрудиція его огромна. Онъ

знакомъ съ философами не только новѣйшихъ временъ, но и глубокой эллинской классической древности въ ихъ подлинныхъ твореніяхъ. Замѣчательно знакомство его и съ выводами современной естественной науки, безъ которой нынѣ нельзя строить философію".

Это, какъ я уже сказалъ, было писано еще въ 1886 г. Съ тѣхъ поръ дѣятельность покойнаго профессора сдѣлалась, если, быть можетъ, и не болѣе обильною, то во всякомъ случаѣ еще болѣе отзывчивою и разностороннею. Особенно со времени основанія журнала. Рѣдкая книжка его не приносила съ собою болѣе или менѣе обширной статьи неутомимаго труженика. Вопросы строго научные здѣсь чередовались у него съ отзывами на животрепещущія злобы дня. Простой перечень написанныхъ имъ книгъ, брошюръ и особенно журнальныхъ статей занялъ бы не одну страницу.

Къ сожалѣнію, не легко опредѣлить точку склоненія философіи покойнаго Николая Яковлевича. Дѣло въ томъ, что въ исторіи его развитія было нѣсколько періодовъ. Онъ началъ довольно рѣшительнымъ позитивизмомъ (въ смыслѣ метода); затѣмъ сдѣлалъ крутой, рѣшительный поворотъ къ спиритуализму и, наконецъ, въ послѣдніе годы, повидимому, былъ поглощенъ мыслью о *высшемъ синтезѣ* обоихъ, пережитыхъ имъ, направленій философской мысли (позитивизма и спиритуализма). Говорю: *повидимому*,—ибо тайну синтеза, искомаго и желаннаго, онъ все же унесъ съ собою.

Впрочемъ, покойный профессоръ принадлежалъ къ числу тѣхъ мыслителей, для которыхъ, какъ для Лессинга, важенъ не столько результатъ, сколько самый *процессъ* искапія истины. Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу въ своей отвѣтной брошюрѣ преосвященному Никанору (1886 году), имѣющей— къ слову сказать — важнѣйшее автобіографическое значеніе:

„Что мои первыя сочиненія имѣли по преимуществу *отрицательный* характеръ, а послѣднія являются главнымъ образомъ выраженіемъ *положительныхъ* взглядовъ—этого я не отвергаю. Всякое построеніе, вещественное и духовное, начинается съ расчистки почвы, на которой должно быть воздвигнуто новое зданіе, и если на этой почвѣ стояло зданіе старое, то даже и съ разрушенія этого стараго зданія, то-есть съ чисто-отрицательной работы.

„Стремясь примирить всѣ знанія и всѣ запросы человѣческой души, философъ поступитъ всего правильнѣе, если будетъ постоянно итти впередъ, сколько возможно мало огля-

дываясь назадъ, на свои прежніе выводы. Признаюсь, я имѣю привычку, приступая къ новому сочиненію, не перечитывать прежнихъ и при этомъ сознательно руководствуюсь тѣмъ убѣжденіемъ, что желаніе устранить противорѣчіе съ тѣмъ, что я говорилъ ранѣе, можетъ лишь повредить дѣлу истины. Если я вчера еще не зналъ какой-либо стороны истины, то сегодня могу найти ее, и что мнѣ за дѣло, если эта сторона истины ослабитъ смыслъ какого-либо моего прежняго отрицанія?

„Каждое новое утвержденіе, къ чемъ бы оно ни состояло, есть уже устраненіе какого-нибудь отрицанія, а посему и невозможно, увеличивая свои утвержденія и прибавляя къ старымъ новыя, не умепьшать тѣмъ самымъ количество своихъ отрицаній. Лейбницъ думалъ, что всѣ философы правы въ своихъ утвержденіяхъ и неправы въ своихъ отрицаніяхъ. Это—глубокая и вѣрная мысль. И вся философія въ цѣломъ, и процессъ ея развитія у каждаго философа въ частности, есть процессъ умноженія вѣрныхъ утвержденій и уменьшенія невѣрныхъ и односторонпихъ отрицаній, путемъ раскрытія новыхъ сторонъ истины. Посему оглядываются назадъ только самолюбцы, боящіеся упрека въ противорѣчіи и ставящіе литературное тщеславіе свое выше, нежели истину. Тотъ, кто искренно любитъ истину, идетъ, пока идется.

„Философъ, правильно идущій своимъ путемъ впередъ, подлежитъ общему закону движенія въ природѣ. Совершенное движеніе въ природѣ, какъ полагали еще Платонъ и Аристотель и какъ подтвердила отчасти наука, есть движеніе *круговращное*. Философъ, идущій прямо впередъ, похожъ на планету, вращающуся около солнца, ибо и истина есть своего рода солнце философской мысли. Онъ похожъ такъ-же на путника, рѣшившагося обойти землю. Сей послѣдній непремѣнно, рано или поздно, идучи неуклонно впередъ, окажется даже своимъ собственнымъ *антиподомъ*, перейдя отъ восточнаго полушарія въ западное или наоборотъ. Если же онъ никогда не окажется своимъ антиподомъ, то это именно будетъ значить, что онъ поворотилъ назадъ, или же остановился и топчется на одномъ мѣстѣ. Самый совершенный философъ будетъ тотъ, который въ теченіе жизни обойдетъ весь путь относительной человѣческой истины, обниметъ ее со всѣхъ сторонъ и благополучно воротится (съ другой стороны) къ исходной точкѣ своего мышленія. Такими именно идеями руководился и я въ своемъ философскомъ движеніи“.

V.

Да проститъ мнѣ почившій собратъ по наукѣ, но, въ интересахъ истины, я долженъ сказать, что всегда видѣлъ въ приведенной страницѣ скорѣе доказательство его замѣчательной діалектической способности, чѣмъ выраженіе истиннаго положенія дѣла.

Начнемъ съ того, что мнѣніе Лейбница, по которому будто бы всѣ философы правы въ своихъ утвержденіяхъ и неправы лишь въ своихъ отрицаніяхъ,—это мнѣніе, по меньшей мѣрѣ, не точно. Если я, напримѣръ, говорю что *психическая жизнь человѣка объясняется одними ассоціативными процессами*, то это утвержденіе будетъ содержать не истину, но ложь, ибо истиннымъ утвержденіемъ въ данномъ случаѣ было бы лишь такое: *психическая жизнь человѣка между прочимъ объясняется и ассоціативными процессами*.

Поэтому, далѣе, для философа *отнюдь не всегда* желателенъ возвратъ къ тому, что служило для него точкой отправленія. Этотъ возвратъ желателенъ *лишь въ такомъ случаѣ*, если точка отправленія была избрана вѣрно. Тогда истина непосредственная, при возвращеніи къ ней философа, умудреннаго опытами, знаніями и размышленіями, окажется тою же, но въ иной формѣ. Первоначальныя утвержденія философа и въ концѣ философскаго движенія останутся *тѣми же* и лишь явятся передъ нимъ *въ иной формѣ*. Такимъ образомъ, движеніе въ этомъ случаѣ, говоря строго, уже не будетъ круговымъ, но—если употреблять сравненіе—будетъ какъ-бы восхожденіемъ по ступенямъ винтообразной лѣстницы: съ верхней ступени видна будетъ, конечно, и низшая, лежащая подъ нею, но еще болѣе видно будетъ разстояніе, оказавшееся между ними, благодаря занятію философіей...

Говорю все это затѣмъ, чтобы показать, что, увлекшись задачей оправдать свой переходъ отъ *отрицательной* философіи къ *положительной*, покойный мыслитель оказался, до нѣкоторой степени, несправедливымъ къ самому себѣ,—не говоря уже о томъ, что его теоріей возводится въ принципъ и въ общее правило то, что во всякомъ случаѣ имѣетъ значеніе лишь относительное и условное, имѣющее мѣсто и оправдывающееся лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Мнѣ кажется, что „переходъ“, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ быть объясненъ гораздо естественнѣе, проще и сообразнѣе свѣтлому образу почившаго.

Какъ человѣкъ, увлекавшійся и въ своихъ увлеченіяхъ искренній, Николай Яковлевичъ сначала принялъ ту философію, которая была болѣе всего ему извѣстна, какъ наиболѣе въ то время популярная, и которую онъ болѣе понималъ,—философію, манившую его къ себѣ своею понятностію и положительностію (въ смыслѣ метода). Но, затѣмъ,—вслѣдствіе опять той же неподкупной искренности и недюжинности своего таланта, а равно и вслѣдствіе расширенія знаній и размышленій,—онъ сталъ мало-по-малу переходить къ противоположному полюсу мысли. Если первыя философскія работы Николая Яковлевича, касавшіяся психологіи и логики, стоятъ на почвѣ ассоціативно-позитивистической, то вѣдь нѣкоторыя изъ послѣднихъ (какова, напримѣръ, его монографія *О времени*, напечатанная въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи*) возводятъ читателя на такую высоту умозрѣнія, которая доступна весьма и весьма немногимъ.

Въ отвѣтной брошюрѣ преосвященному Никанору покойный профессоръ, со свойственною ему прямотой и искренностію, самъ указалъ, какъ онъ пришелъ къ тому, что, наконецъ, „отвергъ *законность позитивнаго террора*“, оказывавшаго на него сначала такое давленіе. И преосвященный Никаноръ, блестящій отзывъ котораго о талантѣ философа приведенъ мною выше, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно смотритъ на общій ходъ его развитія, когда говоритъ:

„Слабость его философіи заключается (*заключалась*) не только въ рабскомъ, но и въ страстномъ подчиненіи его, какъ неофита, господствующему духу современной позитивной науки. Нѣкоторые изъ выводовъ его философіи нельзя не признать неосновательными столько же, сколько и рѣзкими въ выраженіи и прямо вредными въ практическомъ приложеніи [1]). Смягчающія обстоятельства, нѣсколько ослабляющія вину его страстнаго увлеченія на сторону современно-научнаго отрицанія, можно находить въ томъ, что *между современными свѣтскими учеными, въ частности между университетскими двигателями науки, онъ одинъ, какъ всѣ, тогда какъ и всѣ у нихъ, какъ одинъ.* Въ недавне-прошедшее время онъ и не былъ бы возможенъ иначе, какъ въ такомъ характерѣ солидарности со своими сослуживцами и слушателями, на что и самъ онъ указываетъ, какъ въ частныхъ устныхъ бесѣдахъ, такъ и

[1]) Не слѣдуетъ терять изъ вида, что преосвященный авторъ говоритъ здѣсь лишь *о первомъ фазисѣ* философіи Николая Яковлевича.

на публичныхъ лекціяхъ, наконецъ, и въ печати. На цѣлую серію старѣйшихъ своихъ сочиненій онъ самъ махаетъ рукой: „отрицательнаго де направленія; тогда де былъ такой узкій духъ научной нетерпимости“. Теперь же, въ послѣдніе дни, онъ ясно поворотилъ на болѣе прямой путь философствованія, согласнаго сколько съ самоновѣйшими выводами науки, столько же и съ неподвижными старозаветическими завѣтами“.

Было бы благодарною и въ то же время весьма поучительною работой, если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ составить *параллельныя таблицы* прежнихъ и послѣдующихъ взглядовъ покойнаго философа на одни и тѣ же вопросы. Тогда оказалось бы, что, вопреки собственному оговору философомъ самого себя, онъ шелъ отнюдь не къ той точкѣ, изъ которой вышелъ. Совершенно напротивъ, въ позднѣйшіе годы онъ шелъ совсѣмъ въ другомъ направленіи и къ другой цѣли. Онъ далъ теперь просторъ всему тому, что прежде, подъ вліяніемъ „позитивнаго террора“, имъ если и не отрицалось, то во всякомъ случаѣ отодвигалось на самый отдаленный планъ. Безъ сомнѣнія, это сверженіе „позитивнаго террора“ было со стороны почившаго философа *подвигомъ*, и подвигомъ не легкимъ.

VI.

Закончу свою характеристику нѣсколькими общими замѣчаніями.

Николай Яковлевичъ былъ прежде всего благороднѣйшій человѣкъ. Онъ не только съ полною готовностью шелъ *навстрѣчу* всѣмъ имѣвшимъ до него потребность, особенно изъ среды людей, имѣвшихъ отношеніе къ философіи, но и *предупреждалъ* эти потребности. Его практическая доброта шла объ руку съ его идейно-теоретическою терпимостью къ иномыслящимъ, а самозамкнутый эгоизмъ былъ равно чуждъ ему и въ той, и въ другой сферѣ. Сильную, основательно и хорошо развитую, мысль онъ привѣтствовалъ точно такъ же, какъ всякое доброе стремленіе, и только къ неискренности и фальши, въ мысли и въ жизни, относился отрицательно.

Николай Яковлевичъ былъ собирателемъ русской философской мысли. До его журнала различныя теченія нашей зарождающейся мысли относились другъ къ другу, если и не всегда враждебно, то почти всегда какъ-то невнимательно, безучастно

и даже подозрительно. Только онъ далъ на страницахъ своего журнала возможность людямъ различныхъ складовъ и направленій встрѣчаться другъ съ другомъ лицомъ къ лицу, размѣниваться своими идеями и другъ у друга учиться. Одинъ только критерій и одинъ только судья оставался здѣсь—искренность и серьёзность мысли. Миролюбивая философская нота, написанная рукою Николая Яковлевича въ первой книжкѣ журнала, есть громадная его заслуга, цѣна которой несомнѣнно будетъ расти все выше и выше, по мѣрѣ того, какъ слова этой ноты будутъ забываться все больше и больше.

Николай Яковлевичъ былъ многосторонимъ мыслителемъ, который съ универсальною отзывчивостію соединялъ мужественное исканіе своей философіи. Съ увлеченіемъ неофита онъ посмѣнно переживалъ и „вынашивалъ“ всѣ важнѣйшія направленія западной философіи, начиная съ позитивизма, но ни на одномъ изъ нихъ не остановился. Западавшія въ него, подъ вліяніемъ изученія западныхъ мыслителей, искры мысли, по его собственнымъ словамъ, зажигались и потухали въ его сознаніи, пока, разгорѣвшись въ яркое пламя, не освѣтили ему тайниковъ *національно-русской* философіи, съ ея мистико-религіозною основой. Подробность знаменательная и мало оттѣненная! „Религію я всегда уважалъ,—пишетъ Николай Яковлевичъ въ той же отвѣтной брошюрѣ преосвященному Никанору, которую мы цитировали выше,—и носилъ въ душѣ своей“. А что онъ не только самъ стремился къ созданію русской философіи, но и другихъ возбуждалъ къ тому же,—объ этомъ свидѣтельствуютъ написанныя его рукой предисловія къ нѣкоторымъ книжкамъ журнала.

Къ искреннему горю всѣхъ истинныхъ друзей философіи, преждевременная смерть Николая Яковлевича пресѣкла осуществленіе его возвышенныхъ стремленій. Но если Богъ, по слову Златоуста, и *напряженіе лобзаетъ, и желаніе пріемлетъ*, то и исторія, въ ея высшемъ смыслѣ,—исторія, судящая по образу вѣчнаго Бога,—несомнѣнно признаетъ заслугу Николая Яковлевича и отведетъ на своихъ страницахъ для него почетное мѣсто: ибо *многое онъ сдѣлалъ, но еще большее носилъ въ своемъ напряженіи и стремленіи.*

Статьи В. С. Соловьева.

1 [1]).

При горькой вѣсти о неожиданно ранней кончинѣ Грота, всѣ его знавшіе, я увѣренъ, вспомнили прежде всего не о томъ заслуженномъ писателѣ и преподавателѣ, который несомнѣнно болѣе всѣхъ потрудился надъ дѣломъ распространенія философскаго образованія въ Россіи,— а вспомнили прежде о живомъ, сердечномъ человѣкѣ, всегда исполненномъ благоволенія и участія, всегда кипящемъ добрыми мыслями и начинаніями, всегда негодующемъ на разныя бѣды и обиды общественныя. Постоянно живя въ литературныхъ и ученыхъ кругахъ, Гротъ остался чуждъ ихъ главному пороку—враждебной завистливости; онъ былъ истинно добрый товарищъ. И если вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень самолюбивъ, или, точнѣе—онъ былъ большой любитель похвалъ, то это свойство не обращалось у него острымъ концомъ противъ ближняго, потому что онъ прежде всего былъ справедливъ и благожелателенъ; поэтому онъ искренно хотѣлъ, чтобы и всѣ другіе находили возможно полное удовлетвореніе своему самолюбію и всегда былъ склоненъ скорѣе преувеличивать, чѣмъ умалять чужія заслуги и достоинства. Главное въ человѣкѣ есть качество его сердца. Это главное было у него добрымъ. На второмъ мѣстѣ я ставлю заслуги передъ отечествомъ; онѣ были велики у Грота, какъ сказано, въ дѣлѣ распространенія философскаго образованія въ Россіи. Не только живымъ и талантливымъ изложеніемъ философскихъ предметовъ на лекціяхъ (въ Нѣжинѣ, Одессѣ и Москвѣ), университетскихъ и публичныхъ, онъ привлекалъ многочисленныхъ слушателей и приготовлялъ философскихъ читателей, но еще сверхъ того, благодаря своей общительности, симпатичности, неутомимой энергіи и несомнѣнному организаторскому дару, онъ успѣлъ образовать первое и до прошлаго года единственное философское общество въ Россіи [2]), а затѣмъ основалъ первый и доселѣ единственный въ Россіи философскій журналъ, имѣющій сравнительно большое распространеніе. Что касается до собственныхъ философскихъ трудовъ Грота, то и тутъ никакъ

[1]) Вѣстникъ Европы, 1899, іюль.

[2]) До него оно существовало нѣсколько лѣтъ лишь номинально. В. С.

ужъ нельзя сказать, чтобы онъ зарывалъ свои таланты въ землю. Все, что онъ мыслилъ, онъ говорилъ, и все, что онъ говорилъ, онъ писалъ и печаталъ. Онъ началъ съ двухъ большихъ оригинальныхъ диссертацій по психологіи чувствованій и по реформѣ логики. Я еще не былъ съ нимъ знакомъ, когда онъ былъ занятъ этими книгами. Въ послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ на моихъ глазахъ, кромѣ множества второстепенныхъ этюдовъ, онъ былъ занятъ тремя важнѣйшими вопросами: о свободѣ воли, о природѣ времени и о превращеніяхъ энергіи. Онъ не успѣлъ продумать эти вопросы до конца, но по каждому изъ нихъ онъ высказалъ много и вѣрнаго, и любопытнаго... Но страшно и горько мнѣ такимъ образомъ говорить о Гротѣ. разбирать его качества и заслуги, перечислять его произведенія,—говорить о немъ какъ о покойникѣ, который что-то сдѣлалъ и уже не дѣлаетъ.

И начатыя пѣсни Гаральдъ не скончалъ
И лежитъ подъ могильнымъ холмомъ...

До свиданья, добрый товарищъ!—не такъ ли?—До скораго свиданья!

2.

Изъ статьи «Три характеристики» [1]).

Чѣмъ рѣже между нами люди, которые отдаютъ свои силы важному, но не слишкомъ благодарному въ Россіи дѣлу философскаго образованія, тѣмъ болѣе, конечно, мы обязаны чтить ихъ память. Въ истекшемъ (1899) году мы лишились двухъ такихъ дѣятелей, и тогда же минуло четверть вѣка по смерти третьяго. Я зналъ всѣхъ троихъ лично: они для меня живые люди, и хотѣлось бы закрѣпить для другихъ оставшіеся во мнѣ умственные образы, до противоположности непохожіе между собою.

...Трудно представить болѣе полный контрастъ, какъ тотъ, который былъ между М. М. Троицкимъ и Н. Я. Гротомъ. Тамъ—неподвижность и замкнутость садоваго пруда или акваріума,

[1]) „М. М. Троицкій.—Н. Я. Гротъ.—П. Д. Юркевичъ", напеч. въ „Вѣстникѣ Европы", 1900, янв. Здѣсь печатается часть ея, посвященная Н. Я. Гроту.

тутъ—неустанное, кипучее движеніе горнаго потока—„и пѣна, и брызги кругомъ“. Я не отрицаю достоинства и пользы замкнутыхъ водохранилищъ, но безспорно, что живые потоки имѣютъ больше будущности—они могутъ становиться рѣчками и большими рѣками, текущими въ моря и океаны.

Безъ метафоръ, Троицкій былъ *однодумъ*, навсегда остановившійся на той *первой* дѣйствительно философской точкѣ зрѣнія, которую онъ въ молодости хорошо понялъ и усвоилъ себѣ. Гротъ былъ, напротивъ, *многодумъ*—и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ онъ съ большею широтою и многосторонностью развивалъ каждую точку зрѣнія, на которой останавливался, стараясь сблизить и по возможности примирить ее съ другими, а во-вторыхъ, онъ до конца не могъ остановиться на *одной* точкѣ зрѣнія, послѣдовательно переходя къ другимъ, болѣе глубокимъ и содержательнымъ.

Эта подвижность и многосторонность, которыми отличалась умственная дѣятельность Грота и его философскіе труды, естественно была связана съ общею характерною чертою его души—съ его чрезвычайною отзывчивостью на всякое новое духовное возбужденіе. Всякій новый умственный мотивъ или возникавшій жизненный интересъ всегда принимались имъ, такъ сказать, съ широко раскрытыми объятіями. По своей удивительной впечатлительности и мгновенной отзывчивости, Гротъ былъ похожъ на поэта, котораго Томасъ Муръ и Пушкинъ сравниваютъ съ эхо:

Ревetъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,—
Поетъ ли дѣва за холмомъ,—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Разумѣется, это сравненіе, какъ и всякое другое, хромаетъ и въ настоящемъ случаѣ требуетъ двухъ оговорокъ: во-первыхъ, откликъ Грота на ревъ звѣря въ глухомъ лѣсу нашей жизни выражался не повтореніемъ этихъ дикихъ звуковъ, а соотвѣтственнымъ словеснымъ противодѣйствіемъ звѣриному или звѣрскому настроенію, а во-вторыхъ, отзывчивость живой души Грота на всякій здравый общественный запросъ выразилась и въ такихъ отвѣтахъ, какъ, напримѣръ, призваніе къ жизни перваго философскаго общества въ Россіи и основаніе перваго и пока единственнаго у насъ фило-

софскаго журнала,—что, надо надѣяться, рождено не „въ воздухѣ пустомъ“.

Во всякомъ случаѣ, основною характерною чертою Грота должна быть признана его удивительная впечатлительность и отзывчивость, или—употребляя его собственный терминъ—чрезвычайная полнота и быстрота его психическаго оборота. Возбужденіе извнѣ сейчасъ же переходило у него въ мысль; мысль вызывала душевное волненіе, и это движеніе чувства неудержимо проявлялось въ словѣ и въ замыслѣ, а затѣмъ въ писаніи и общественномъ дѣйствіи. Я думаю, что безстрастныхъ и неподвижныхъ—холодныхъ—мыслей у него вовсе не бывало. Всякая мысль, возникавшая въ его подвижномъ умѣ, вслѣдствіе какого-нибудь жизненнаго или книжнаго впечатлѣнія, сейчасъ же становилась предметомъ сердечнаго чувства и мотивомъ дѣятельности. Все, что онъ думалъ—онъ говорилъ, и все, что говорилъ—писалъ и печаталъ; причемъ должно замѣтить, что все это, если и не всегда прямо относилось, то всегда было такъ или иначе привязываемо Гротомъ къ интересамъ философскимъ, такъ что во всемъ этомъ пестромъ обиліи словъ, идей, мотивовъ и дѣйствій сохранялась не только натуральная однородность личнаго характера, но и сознательная связь общаго замысла.

Самъ по себѣ тотъ отличительный характеръ, который проявлялся у Грота, есть дѣло натуры, и не заслуживаетъ ни похвалы, ни порицанія. Такой характеръ можетъ быть виною пагубныхъ ошибокъ, какъ и благотворныхъ дѣяній. Безъ сомнѣнія, Гротъ, при своей неустанной подвижности, долженъ былъ чаще впадать въ теоретическія и практическія ошибки, чѣмъ, напримѣръ, Троицкій при своемъ блаженномъ покоѣ. Кто не сходитъ съ мѣста, тотъ и не падаетъ. Но вотъ что я по совѣсти могу высказать, какъ свое окончательное впечатлѣніе отъ десятилѣтняго близкаго общенія съ Гротомъ: что сумма правыхъ и достойныхъ чувствъ, побужденій и поступковъ у этого человѣка рѣшительно перевѣшивала сумму неправыхъ, и что его жизненныя ошибки были частными слабостями, которыя могли иногда помрачать, но не могли надолго заслонить и еще менѣе—вытѣснить общій высоко-этическій строй его души. Послѣднее слово во всякомъ дѣлѣ всегда оставалось у него за добромъ. А отъ кого же можно требовать и о комъ можно сказать больше?

Грота нерѣдко и съ разныхъ сторонъ упрекали за перемѣнчивость его образа мыслей. Но если онъ, дѣйствительно,

по чисто внутреннимъ побужденіямъ, не разъ мѣнялъ свои мысли о томъ или другомъ философскомъ предметѣ, то, во-первыхъ, это свойственно всякому живому уму, а во-вторыхъ, всѣ такія перемѣны не касались у Грота ни формальнаго *средоточія*, ни общаго *направленія* его философствованія. Этого онъ *никогда* не мѣнялъ. Все разнообразіе его взглядовъ и построеній всегда вращалось около одной срединной идеи—эволюціоннаго процесса, т. е., поступательнаго развитія души и вселенной, а направленіе, въ какомъ измѣнялись его воззрѣнія на психическую и космическую эволюцію, всегда было *вглубь* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *вверхъ*.

Я не буду здѣсь перечислять и оцѣнивать всѣхъ философскихъ точекъ зрѣнія, бывшихъ для Грота этапами его умственнаго движенія; укажу только три главныя, обозначая ихъ именами тѣхъ мыслителей, которые въ данную эпоху оказывали на него преобладающее вліяніе.

Философское развитіе Грота шло отъ Герберта Спенсера къ Джіордано Бруно, и отъ Бруно—къ Платону и Аристотелю. Какъ же назвать такой ходъ развитія, какъ не прогрессомъ вглубь и вверхъ? Каковы бы ни были наши умственныя симпатіи, но, съ точки зрѣнія чисто-философскихъ задачъ и вопросовъ, мы должны согласиться, что Джіордано Бруно былъ болѣе значительный мыслитель, чѣмъ Гербертъ Спенсеръ, а Платонъ и Аристотель—болѣе значительные, чѣмъ Бруно, который ими же питался. Дѣло тутъ не въ томъ, кто изъ нихъ ближе къ интересамъ современной жизни и къ нынѣшнему состоянію положительныхъ наукъ, а въ томъ, кто лучше удовлетворяетъ собственно философскому, умозрительному интересу, и можетъ больше научить насъ самой философіи; въ этомъ отношеніи ходъ развитія Грота отъ современнаго полунаучнаго синтеза къ идеямъ и построеніямъ XVI-го вѣка, а оттуда къ философіи античной,—этотъ хронологическій регрессъ долженъ быть безспорно признанъ нормальнымъ умственнымъ прогрессомъ, то-есть, углубленіемъ и повышеніемъ философской мысли. Измѣняя свои взгляды и точки зрѣнія, Гротъ совершенствовалъ свое философствованіе, шелъ *впередъ*, и, слѣдовательно, эти измѣненія служатъ ему въ похвалу, а не въ порицаніе. Вѣдь если бы онъ навсегда остался при матеріальномъ, механическомъ эволюціонизмѣ, никакой компетентный судья не призналъ бы его настоящимъ философомъ,—такъ можно ли его упрекать за то, что онъ пошелъ дальше этого, въ философскомъ смыслѣ, элементарнаго воззрѣнія?

Въ защиту и похвалу Грота слѣдуетъ прибавить, что въ предметахъ своихъ умственныхъ увлеченій онъ никогда не видѣлъ непогрѣшимыхъ догматовъ, требующихъ только покорнаго принятія и передачи,—какъ относился, напримѣръ, Троицкій къ англійской психологической доктринѣ. Нельзя отрицать оригинальныхъ взглядовъ и своеобразныхъ умственныхъ построеній и въ раннихъ сочиненіяхъ Грота, написанныхъ подъ преобладающимъ вліяніемъ Герберта Спенсера, каковы: „Психологія чувствованія“ и „Реформа логики“.

Болѣе рѣшительно вступаетъ Гротъ на путь самостоятельнаго мышленія въ работахъ послѣдняго своего десятилѣтія, особенно въ трактатахъ *о свободѣ воли*, *о времени* и *о превращеніяхъ энергіи*,—гдѣ ученія античной философіи служатъ лишь путеводными звѣздами, а не буксиромъ для его философской ладьи.

Въ первомъ изъ этихъ сочиненій весь космосъ представляется какъ рядъ градацій отъ полной матеріальной пассивности и неволи къ совершенной духовной активности или свободѣ, которая понимается здѣсь окончательно какъ—actus purus. Въ статьяхъ „о времени“—самомъ глубокомъ изъ произведеній Грота—то же понятіе „actus purus“ служитъ для выраженія вѣчнаго существа души, какъ свободной отъ границъ времени, причемъ вся полнота душевныхъ *качествъ* и опредѣленій, все существенное и положительно цѣнное въ цѣлой жизни представляются какъ данное разъ навсегда, независимо отъ временнаго распаденія моментовъ, въ одномъ вѣчномъ и всеобъемлющемъ актѣ.

Для всегда подвижной мысли Грота, дотолѣ вращавшейся, главнымъ образомъ, въ области относительнаго текущаго бытія, того, что древній философъ обозначалъ какъ τὸ ἀεὶ γιγνόμενον τε καὶ ἀπολλύμενον ὄντως δε οὐδέποτε ὄν (всегда возникающее и погибающее, существенно же никогда не существующее),—подняться въ область вѣчно и неподвижно сущаго и понять всю пеструю и волнующуюся область душевныхъ явленій—sub specie aeternitatis — было настоящимъ умственнымъ подвигомъ, а твердая убѣжденность, съ которою Гротъ становится на эту первоначально для него непривычную точку зрѣнія, дѣлаетъ ему, конечно, болѣе чести, чѣмъ сдѣлала бы какому-нибудь другому, по природѣ болѣе созерцательному уму.

Впрочемъ и тутъ нашъ мыслитель не отказывается отъ своей всегдашней руководящей идеи—эволюціи. Какъ съ признаніемъ геліоцентрическаго взгляда постоянное отношеніе между соли-

цемъ и землею понимается иначе, но нисколько не отрицается, такъ и съ признаніемъ вѣчнаго существа души все временное, хотя получаетъ иной смыслъ, однако не превращается въ безсмыслицу, и понятія эволюціи не замѣняется представленіемъ безсвязной сутолоки случайныхъ явленій.

Правда, въ статьяхъ *о времени* эти двѣ стороны міра— временной матеріальный процессъ явленій и сверхвременное существо души, какъ полноправнаго члена умопостигаемой вѣчной полноты божественнаго бытія,— эти двѣ стороны берутся и выясняются болѣе въ своемъ противоположеніи, нежели въ своей связи. Но общая связь между ними была уже указана Гротомъ въ прежнемъ его трактатѣ *о свободѣ воли*, а затѣмъ сущность этихъ указаній опредѣленнѣе и подробнѣе развивается въ послѣднемъ его недокопченномъ философскомъ трудѣ— *о превращеніяхъ* энергіи.

Наука уже установила механическую эквиваленцію такъ называемыхъ физическихъ силъ —тепла, свѣта, электричества, какъ различныхъ формъ одной и той же энергіи, могущихъ переходить одна въ другую. Слѣдуетъ, идя дальше, признать, что чрезъ послѣдовательный переходъ низшихъ формъ въ высшія, или чрезъ постепенное одухотвореніе матеріальнаго бытія, оно можетъ, наконецъ, достигнуть своей противоположности, то-есть, устойчивой формы бытія духовнаго, не подлежащаго разрушенію во времени,—бытія безсмертнаго и нетлѣннаго.

Нѣкоторыя техническія неясности и недоразумѣнія, въ которыя впалъ Гротъ при разработкѣ своей послѣдней задачи, помѣшали ученымъ спеціалистамъ и публикѣ оцѣнить по справедливости этотъ важный философскій трудъ Грота, а оцѣнки несправедливыя, къ которымъ онъ—утомленный и больной—отнесся съ излишнею чувствительностью, не дали ему докончить этого дѣла. Въ то самое время, какъ усиліемъ теоретическаго мышленія онъ поднимался въ область безсмертной жизни, общее ослабленіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ до срока приводитъ его къ смертному концу. Но можетъ ли погибнуть какъ рабъ времени тотъ, кто хоть разъ яснымъ умомъ обнялъ божественную свободу и вѣчность? А если бы и такъ, то ужъ навѣрное живые порывы любящаго сердца приготовили ему достойный предѣлъ въ мірѣ иной, невозмутимой и торжествующей энергіи [1]).

[1]) Опускаемая нами здѣсь часть статьи, относящаяся къ Юркевичу, начинается такимъ опредѣленіемъ: „Тотъ взглядъ, къ которому подъ конецъ

...Въ очень краткихъ чертахъ представлены мною три различные образа людей, наиболѣе послужившихъ, за послѣднія сорокъ лѣтъ, философскому образованію въ Россіи. Я не ставлю вопросъ объ ихъ собственной внутренней цѣнности, относительныя же ихъ заслуги въ исторіи нашего умственнаго образованія, хотя не одинаковы, но должны быть въ равной мѣрѣ почтены. Вотъ Матвѣй Михайловичъ Троицкій плотно усѣлся на добытомъ изъ-за моря сокровищѣ и не сходитъ съ мѣста. Но вѣдь имъ въ самомъ дѣлѣ добыто сокровище—необходимое условіе серьёзнаго философскаго мышленія: свобода сознанія отъ безотчетной предвзятости, какъ матеріалистической, такъ равно и спиритуалистической,—отъ всякихъ вещественныхъ и душевныхъ субстанцій, отъ протяженныхъ и мыслящихъ вещей, отъ мнимо-реальныхъ единицъ матеріи такъ же, какъ и отъ мнимо-реальныхъ единицъ сознанія—и отъ всего прочаго догматическаго кошмара. Прогнать этотъ кошмаръ есть первое условіе настоящей философіи,—первое условіе для нея, но еще не сама философія. Она невозможна при умственной неподвижности, ее нельзя создать, сидя на одномъ мѣстѣ, подобно Лао-цзе или Троицкому. Для нея нужно еще другое условіе—благородная тревога и жажда души, неустанно ищущей истины, и это второе условіе ярко воплотилось въ образѣ нашего дорогого Грота съ его волнующимся и кипящимъ стремленіемъ впередъ, впередъ. А тамъ, въ отдаленіи, видится мнѣ задумчивый обликъ съ пальцемъ, поднятымъ кверху... За мыслителемъ—неподвижнымъ „стражемъ порога", за другимъ мыслителемъ—искателемъ и дѣятелемъ—выступаетъ воспоминаніе третьяго мыслителя—спокойнаго какъ первый, живого какъ второй,—успокоившагося, но не на предварительномъ, уже сдѣланномъ шагѣ, а на ясномъ сознаніи предстоящаго великаго пути; идущаго, но медленно, къ высшей цѣли и останавливающагося, чтобы полюбоваться красою Божьяго творенія.

Я хотѣлъ, отвлекаясь по возможности отъ личныхъ симпатій и антипатій, отдать каждому должное, и теперь мнѣ остается сказать въ заключеніе, что будущность философскаго образованія въ Россіи зависитъ, по моему убѣжденію, отъ того,

---

пришелъ Гротъ, когда понялъ, что міровое бытіе въ своей совокупной эволюціи тяготѣетъ къ надмірной области неизмѣнно и вѣчно сущаго, которымъ опредѣляется и отъ котораго зависитъ смыслъ всего дѣйствительно существующаго,—этотъ взглядъ всегда господствовалъ въ мысляхъ и трудахъ покойнаго Памфила Даниловича Юркевича".

насколько дѣятели этого образованія воспользуются тѣми положительными задатками здраваго философствованія, которые уже проявились у Троицкаго, Грота и Юркевича,—въ какой мѣрѣ преемникамъ ихъ философскаго служенія удастся сочетать въ своихъ трудахъ крѣпость основныхъ сомнѣній и отрицаній съ энергіей философскаго исканія истины и съ созерцательною высотою окончательныхъ задачъ и цѣлей.

Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота [1]).

Ю. Айхенвальда.

Духовныя поминки, съ глубокой грустью совершаемыя нынѣ Психологическимъ Обществомъ, посвящены человѣку, съ именемъ котораго не связана какая-нибудь одна вполнѣ законченная философская система, по мысль котораго, нервная и страстная, находилась въ постоянномъ движеніи и развитіи, въ упорномъ исканіи теоретической истины и нравственной правды. Для него философія была не только отвлеченнымъ построеніемъ обобщающаго ума,—онъ точно олицетворялъ ее и любилъ какъ живое существо, онъ чувствовалъ философію и всегда придавалъ ей яркую эмоціональную окраску. Оправдывая собою знаменитый афоризмъ Вовенарга, его идеи шли изъ сердца; съ увлеченіемъ и порывомъ создавалъ онъ свои теоріи и гипотезы, и на каждой изъ нихъ легко замѣтить привлекательный отпечатокъ еще неостывшаго настроенія, въ которомъ онѣ впервые возникали, легко замѣтить психологическій слѣдъ того момента душевной жизни, который сообщилъ имъ непосредственность и теплоту. Не многіе изъ философскихъ писателей такъ ясно воплотили въ своихъ произведеніяхъ свою живую личность, какъ Николай Яковлевичъ Гротъ; каждый изъ его научныхъ трудовъ въ высокой степени представляетъ собою краснорѣчивую и выразительную страницу его внутренней автобіографіи.

Конечно, такое впечатлительное и субъективное отношеніе къ задачамъ философіи иногда нарушало логическую цѣль-

[1]) Читанъ въ публичномъ засѣданіи Психологическаго Общества 6 ноября 1899 г. Напеч. въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, кн. 51, 1900 г.

ность работы, и автору нерѣдко приходилось отказываться отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, самому обнаруживать въ нихъ недостатки и неполноту и откровенно склоняться къ инымъ, подчасъ даже противоположнымъ взглядамъ. Но каждая стадія его философскаго міросозерцанія сама по себѣ имѣла выдающійся интересъ и невольно подкупала своею искренностью и жизненнымъ колоритомъ; въ ней отражался пытливый и вѣчно дѣятельный умъ, въ ней видна была чуткая и воспріимчивая душа.

И, кромѣ того, при всѣхъ колебаніяхъ его отвлеченной мысли, при всемъ динамизмѣ его философіи, всегда оставался неизмѣннымъ и внятнымъ одинъ основной тонъ, одинъ пребывающій и жгучій мотивъ: это—рѣшеніе нравственной проблемы. Умственной подпочвой всѣхъ теорій Грота было воззрѣніе на міръ, какъ на явленіе этическаго порядка. И чѣмъ глубже объяснялъ онъ себѣ и другимъ это явленіе, чѣмъ шире и свѣтлѣе становилось его моральное исповѣданіе, тѣмъ дальше подвигался онъ въ своемъ общемъ философскомъ развитіи, тѣмъ сложнѣе дѣлалось его міропониманіе. Коренной переломъ въ его интеллектуальной жизни, его разрывъ съ позитивизмомъ имѣлъ своей причиной не только соображенія чисто-логическаго характера, но и главнымъ образомъ требованія этики. Нельзя было оставаться вполнѣ послѣдовательнымъ сторонникомъ позитивной философіи и въ то же время заявлять, какъ это дѣлалъ Гротъ, что философія всецѣло отожествляется съ нравственнымъ ученіемъ о мірѣ [1]). Его отталкивала мысль, что „живучія понятія“ совѣсти и объективнаго добра, высокіе идеалы и самоотверженныя стремленія—одинъ только иллюзіи, красивыя и громкія слова. И онъ постепенно перешелъ къ той философіи, которая въ эти слова влагаетъ вѣчный и реальный смыслъ. Для него былъ, конечно, открытъ и другой выходъ, которымъ пользуются и на которомъ успокаиваются очень многіе: онъ могъ бы раздвоиться между двумя міровоззрѣніями, и одно изъ нихъ, научное и „показное“, освободить отъ всякихъ элементовъ идеализма, а другое, традиціонное и тайное, пропитанное врѣдой, исповѣдывать въ завѣтной глубинѣ своего духа, въ интимномъ уголкѣ своего внутренняго міра. Но для такого разлада, для этой, по извѣстному выраженію Фохта, двойной бухгалтеріи души, онъ былъ слишкомъ искренній, прямой и чувствующій

[1]) О направленіи и задачахъ моей философіи.

мыслитель, и слишкомъ близка, даже неразрывна была связь между его задушевными вѣрованіями и его теоретическимъ ученіемъ. Именно въ борьбѣ съ раздвоенностью духа видѣлъ онъ главную цѣль современной философіи: вернуть человѣчеству потерянную цѣльность и былое единство общаго міросозерцанія—таково было, въ его глазахъ, высшее назначеніе критики понятій, т. е. метафизики. Печальной ошибкой и тягостнымъ наслѣдіемъ Канта считалъ онъ произвольное раздѣленіе чистаго разума отъ практическаго, и онъ не признавалъ, что существуетъ рѣзкая пограничная черта между знаніемъ и вѣрой. И его собственная философская дѣятельность, одушевленная этическимъ интересомъ, всегда была направлена на то, чтобы разрушить искусственныя границы теоретической мысли и нравственнаго поведенія.

Однако этой цѣли онъ совершенно не могъ достигнуть въ тотъ ранній періодъ своего научнаго развитія, когда онъ впервые высказался о важномъ моментѣ своей философіи—именно, о роли чувства, какъ оцѣнки и критерія истины. Тогда онъ видѣлъ въ чувствѣ только относительное и шаткое начало, при свѣтѣ котораго вещи получаютъ для каждой личности субъективную окраску и узко-индивидуальное значеніе. И какъ разъ суду и выбору этого мѣняющагося и невѣрнаго мѣрила отдавалъ онъ въ то время философію, т. е., другими словами, онъ скептически обезцѣнивалъ ее, отнималъ у нея общій и для всѣхъ обязательный характеръ, и она превращалась въ раздробленное достояніе, изъ котораго всякій человѣкъ могъ брать то, что соотвѣтствовало его произволу и вкусу, то, что подсказывало ему капризное чувство, но могъ и совсѣмъ ничего не брать, такъ какъ, въ противоположность строгой и закономѣрной силѣ спеціальныхъ наукъ, общая картина міра, единая философія, не имѣетъ дѣйствительнаго существованія внѣ эмоціональной сферы отдѣльнаго лица. Естественно, что при такомъ взглядѣ, на этой зыбкой почвѣ субъективнаго чувства, нельзя было построить властной этики, которая возвышалась бы надъ разнообразіемъ человѣческихъ настроеній и подчиняла бы себѣ всѣхъ людей. Н. Я. Гротъ не могъ тогда отвѣтить на вопросъ, который онъ впослѣдствіи выразилъ въ яркой формѣ своего образнаго языка. „Одно и то же солнце—говорилъ онъ—оживотворяетъ растенія и сушитъ ихъ, одинъ и тотъ же дождь увеличиваетъ плодородіе земли и заливаетъ поля, унося съ нихъ зачатки жизни, одна и та же молнія освѣжаетъ душную атмосферу и разсѣкаетъ

на части вѣковой, полный красы дубъ. Во имя добра дѣлается много зла, а все-таки добро есть добро, а зло есть зло. Гдѣ же добро, гдѣ зло, откуда совѣсть, откуда въ насъ нравственное сознаніе [1])?

И Н. Я. Гротъ долженъ былъ отклониться отъ своего прежняго воззрѣнія. Но для него очень характерно, что для исправленія своей ошибки онъ не отказался совсѣмъ отъ роли чувства въ познаніи истины,—онъ только углубилъ его природу и взглянулъ на него гораздо шире. Чувство потеряло въ его глазахъ свою относительность и субъективность и поднялось на высокую ступень такого момента, который непосредственно ставитъ человѣка передъ сокровенной проблемой бытія и даетъ ему отвѣтъ на нее. Побудительная причина и рычагъ науки, интеллектуальной дѣятельности—это присущее намъ чувство истины, или умственной гармоніи. Пусть чувство является достояніемъ личности, но вѣдь личность —это отраженіе міра и его законовъ, это—микрокосмъ, и поэтому его субъективная оцѣнка вселенной можетъ и должна находиться въ близкомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ смысломъ и цѣнною мірозданія. Въ каждомъ изъ насъ, кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта, живетъ еще субъектъ общій, неизмѣнный, міровой, подчиненный объективнымъ законамъ, и поэтому мы познаемъ „себя въ мірѣ и міръ въ себѣ“. Чувство служитъ надежнымъ методомъ этого познанія и изъ субъективной области нашего индивидуальнаго духа переноситъ насъ къ объективнымъ и универсальнымъ началамъ жизни. Въ мірѣ разлита гармонія, и ея отблескомъ въ насъ является наше чувство—достовѣрный показатель и отраженіе всеобщихъ законовъ. Поэтому, чувству добра есть внѣ насъ реальное соотвѣтствіе; есть въ природѣ объективное добро, какъ ея законъ, какъ ея гармонія, которую мы постигаемъ тожественной съ ней гармоніей нашей личности. Наше эстетическое волненіе отвѣчаетъ дѣйствительной, независимо отъ насъ пребывающей красотѣ, наше этическое чувство—только отзвукъ объективной міровой нравственности, неоспоримый и отрадный признакъ гармоніи во внутреннемъ существѣ и носителѣ вещей, въ ихъ вселенскомъ субъектѣ или волѣ. Міръ прекраснъ и міръ добръ—объ этомъ говоритъ намъ чувство и тогда, когда оно непосредственно, и тогда, когда мы под-

[1]) О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости. Стр. 8.

вергаемъ его метафизической переработкѣ въ понятіяхъ и идеяхъ нашего разума.

Живущій во всѣхъ насъ единый міровой субъектъ, который придаетъ всеобщее и положительное значеніе нашимъ личнымъ эмоціямъ, находитъ себѣ самое полное и глубокое воплощеніе въ великомъ чувствѣ *любви*. Оно знаменуетъ собою универсальный союзъ всѣхъ живыхъ элементовъ міра и всѣхъ его вещей, оно въ торжествѣ всеобъемлющей гармоніи, въ паосѣ платоновскаго Эрота, уничтожаетъ различіе между субъектомъ и объектомъ и приближаетъ вселенную къ идеальному единству и ненарушимому согласію.

Такъ, въ новой стадіи философіи Грота чувство было освобождено изъ узкихъ рамокъ относительности и возведено на объективную высоту истины. Но еще не въ свѣтѣ этого углубленнаго воззрѣнія покойный мыслитель разсматривалъ раньше и осудилъ систему именно того геніальнаго философа, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго онъ создавалъ свою теорію мірового субъекта и чья художественная метафизика его плѣняла, хотя и не поработила его ума: я говорю о Шопенгауэрѣ и пессимизмѣ. Н. Я. Гротъ признавалъ пессимизмъ, а также и противоположный, оптимистическій взглядъ на міръ, только временнымъ настроеніемъ, которое выражаетъ собою оцѣнку „конкретно данной дѣйствительности“ [1]) въ ея отношеніяхъ къ спеціальнымъ запросамъ и требованіямъ отдѣльнаго лица, общественной группы людей, даже всего человѣчества; но пессимизмъ не можетъ быть научной доктриной. Въ его основѣ лежатъ чувства удовольствія и страданія, ощущенія счастія и несчастія, а отъ нихъ, относительныхъ и субъективныхъ, нельзя заключать къ дѣйствительной сущности и качеству мірового бытія, нельзя опредѣлять объективнаго и абсолютнаго достоинства вещей въ ихъ внутренней природѣ, чуждой и далекой отъ произвольной требовательности человѣка. Такого осужденія пессимизму Гротъ не могъ бы высказать впослѣдствіи, когда въ субъективномъ чувствѣ онъ усматривалъ поруку истины. Онъ и тогда, въ этотъ позднѣйшій періодъ своей научной работы, одушевленный, полный силъ и вѣры, энергично выступалъ противъ пессимистическаго міровоззрѣнія, но его аргументы измѣнились; и тогда, въ соотвѣтствіе со своимъ новымъ пониманіемъ чувства, онъ видѣлъ

---

[1]) О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній. Стр. 27.

задачу міросозерцанія и философскаго творчества не въ томъ, чтобы непремѣнно устранять изъ воспріятій все субъективное и заглушать всякую эмоцію, а въ томъ, чтобы и воспріятіе. и чувство освобождать только отъ случайной и мгновенной примѣси, отъ недолговѣчныхъ элементовъ и наслоеній: послѣ такого испытанія и въ идеѣ, и въ чувствѣ останется одно лишь цѣнное, непреходящее и обязательное для всѣхъ людей. Подобнаго искуса пессимизмъ не выдержитъ.

Вѣра въ силу и правду чувства, въ свободную волю, въ объективное добро побуждали Грота придавать ученію о нравственности возвышенный и плодотворный смыслъ. Въ своемъ увлеченіи, въ своемъ беззавѣтномъ довѣріи къ наукѣ, онъ приписывалъ этикѣ нормативный, законодательный характеръ: она для него не только объясняетъ нравственность, но и создаетъ ее. Смотря по тому, какая изъ этическихъ теорій въ концѣ концовъ будетъ признана справедливой, сообразно съ этимъ получитъ свой видъ и содержаніе, также и картина нравственной практики. Не безразлично для нашего поведенія то, какъ объяснитъ его природу и сущность философія; на дѣйствіи отразится его истолкованіе—таково было глубокое убѣжденіе покойнаго, и вотъ почему онъ съ такимъ огнемъ и чуткостью отзывался на этическіе вопросы и разрабатывалъ ихъ съ любовью и вниманіемъ въ спеціальныхъ этюдахъ, касался той или другой ихъ стороны почти во всѣхъ своихъ трудахъ. Нравственныя проблемы имѣли для него далеко не исключительный интеллектуальный интересъ.

Рѣшеніе этихъ проблемъ не сразу вылилось у него въ законченную форму. Сначала онъ полагалъ, что прирожденная организація человѣка, основанная на инстинктѣ самосохраненія всей природы, заставляетъ его общее благо, счастіе рода предпочитать личному удовлетворенію, благу отдѣльнаго существа. Онъ скоро разстался съ этой теоріей, но нѣкоторые слѣды ея сохранились и впослѣдствіи, именно тогда, когда онъ считалъ всѣ этическія ученія только различными видами эвдемонизма, т. е. думалъ, что въ основѣ нравственности лежитъ скрытое или явное стремленіе къ счастію. Ему казалось безнадежнымъ и безполезнымъ стараніе совершенно удалить изъ этики принципъ блаженства, потому что никакая дѣятельность человѣка, слѣдовательно и нравственная, не можетъ въ конечномъ счетѣ имѣть другого мотива, кромѣ тяготѣнія къ пріятному и страха передъ страданіемъ. Такъ какъ внутренней санкціей нашего поведенія служитъ чувство, то мы

невольно и повинуемся его голосу, а этотъ голосъ естественно побуждаетъ насъ избѣгать боли, печали, страданія и жаждать радости и наслажденія. Но въ такомъ наивномъ и непосредственномъ стремленіи къ удовольствію—гдѣ же зерно нравственности, и въ чемъ его различіе отъ откровеннаго эгоизма?

На это Н. Я. Гротъ отвѣчалъ своимъ ученіемъ о двойственности природы человѣка. Одна изъ ея граней—низшая, неразумная, узко-индивидуальная, другая—высшая, разумная, общая. То, что кажется счастіемъ для первой, отвергаетъ вторая, и между ними происходитъ постоянная борьба, которая проявляется и въ мысли, и въ волѣ, и въ чувствѣ. Въ области разума индивидуальныя, скованныя пространствомъ и временемъ воспріятія, представленія и понятія встрѣчаютъ противоположный потокъ общихъ, сводныхъ и вѣчныхъ идей и идеаловъ. Въ области воли личныя, временныя и скоропреходящія влеченія борются съ неизмѣнными и общечеловѣческими порывами къ истинѣ и красотѣ, къ добру и свободѣ. Въ области чувства мгновенныя наслажденія, связанныя съ матеріальнымъ существомъ человѣка, находятъ свою противоположность въ духовномъ восторгѣ умственной, эстетической и этической радости. Нравственное заключается въ торжествѣ высшей природы, въ обузданіи чувственныхъ инстинктовъ, въ безпрерывномъ усиленіи тѣхъ свѣтлыхъ эмоцій, которыя дѣлаютъ для насъ блаженнымъ „созерцаніе и воплощеніе въ жизни“ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началъ нашего собственнаго и общемірового бытія. Счастіе—цѣль и основа нравственной дѣятельности, но это счастіе идеальное, духовное; оно возвышаетъ насъ надъ интересами личной жизни и побѣждаетъ всѣ ограниченія пространства и времени. Такое воззрѣніе на нравственность—эвдемонизмъ, но эвдемонизмъ идеальный; онъ враждебно относится ко всякому преобладанію матеріи надъ духомъ, ко всякому избытку физическаго удовольствія, потому что оно подавляетъ и затемняетъ высшую отраду просвѣтленной мысли и одухотвореннаго чувства. Оригинальной и счастливой особенностью такого эвдемонизма, какой исповѣдовалъ Гротъ, является то, что, въ разрѣзъ и противорѣчіе другимъ теоріямъ чисто-утилитарнаго характера, онъ совмѣщался съ вѣрой въ субстанціальный духъ, въ самостоятельную личность. Гротъ былъ глубоко убѣжденъ, что наша индивидуальность—это только временная и случайная форма того всеобщаго начала, которое дѣлаетъ каждаго изъ насъ особою личностью. Два понятія—индивидуальность и

личность—не совпадали для него: какъ разъ въ томъ и заключается нравственный героизмъ, чтобы во имя духовной личности отрѣшаться отъ индивидуальныхъ условій животнаго или физическаго существованія и даже совсѣмъ жертвовать этой индивидуальной жизнью. Такимъ образомъ въ его эвдемонизмѣ счастіе ничѣмъ не отличается отъ мученичества. „Настоящее благо личности—говоритъ Н. Я. Гротъ—въ ея отреченіи отъ своей животной обособленности, въ сознаніи себя звеномъ и воплощеніемъ общаго, цѣлаго, вѣчнаго". Это самоотреченіе заставляетъ насъ въ духовной радости нашего подвига переживать вѣчность, и будущее, загробное блаженство уже не сулитъ намъ иной награды, иного счастія. Ожидаетъ насъ это загробное продолженіе или нѣтъ—это вопросъ вѣры, и какъ онъ будетъ рѣшенъ, для нравственнаго дѣятеля безразлично. Ибо „человѣкъ теперь умираетъ за добро и за братьевъ своихъ, переживаетъ то, выше чего уже ничего и не можетъ быть, переживаетъ вѣчную вѣчность, въ одномъ моментѣ своего бытія испытываетъ удовлетвореніе того абсолютнаго и всеобщаго самочувствія міра, которое въ немъ теперь *совершенно* воплотилось.... Вся награда для него—чувствовать въ себѣ теперь Бога, чувствовать себя внутреннимъ средоточіемъ всѣхъ вещей, сознавать ясно, что его внѣшняя животная природа—случайный придатокъ. Что будетъ за предѣлами временнаго, онъ не знаетъ. Но чѣмъ можно соблазнить и обольстить его, когда онъ чувствуетъ въ себѣ *все*,—то высшее, общее и вѣчное, что есть и въ насъ, и вездѣ, и во всемъ?"

На такихъ высотахъ эвдемонизмъ, конечно, теряетъ всякій оттѣнокъ себялюбія, и перейти отъ нихъ къ тому объясненію нравственности, которое выдвигаетъ моментъ полнаго безкорыстія и совершенно устраняетъ мотивъ даже духовнаго счастья, разумѣется, не трудно. И Николай Яковлевичъ сдѣлалъ этотъ переходъ, и послѣднимъ словомъ его этическаго ученія была теорія *міровой любви*. Онъ отказался отъ эвдемонизма: не только свое, но и чужое, но и общее счастіе онъ призналъ невѣрной основой и недостойной цѣлью нравственнаго поведенія. Нельзя уничтожить дилеммы долга и счастія, и между нравственнымъ и счастливымъ нѣтъ внутренней связи. Устои нравственной жизни находятся не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ, въ его свободной волѣ, которая именно потому и свободна отъ физическихъ условій нашей индивидуальной организаціи, что она—міровое и творческое начало. Это упи-

версальная воля дышитъ въ каждомъ изъ насъ, и каждаго изъ насъ влечетъ она къ бытію, къ созиданію и усовершенствованію жизни въ мірѣ. „Любить, жалѣть, холить, сохранять и спасать отъ смерти все живое“—вотъ ея общая заповѣдь. Но это живое должно подняться надъ чисто-біологической ступенью, должно быть идейнымъ и психическимъ расцвѣтомъ жизни, а не однимъ только проявленіемъ ея матеріальныхъ силъ. Одухотворять вселенную, усиливать пульсъ ея идеальной жизни, всѣмъ напряженіемъ мысли и чувства содѣйствовать торжеству разума—вотъ требованіе міровой воли, которая въ своемъ нравственномъ моментѣ есть и мировая любовь. Она выражается не только въ состраданіи и благоволеніи къ конкретнымъ существамъ, она проявляетъ себя въ самоотверженномъ служеніи идеямъ—наукѣ, искусству, философіи, религіи, она—въ каждой дѣятельности и въ каждомъ дѣятелѣ, которые имѣютъ своею сознательною цѣлью безконечное духовное совершенство міра, высокое развитіе психизма.

Такъ объяснялъ себѣ Н. Я. Гротъ сущность нравственнаго. И когда съ этимъ критеріемъ онъ подошелъ къ двумъ типичнымъ явленіямъ этической проповѣди XIX вѣка, когда ему надо было высказаться о духовномъ богатырѣ Толстомъ и о потухшей мысли Фридриха Ницше, онъ не могъ долго колебаться въ своемъ выборѣ и оцѣнки. Дѣйствительно, съ *этой* точки зрѣнія, что же онъ увидѣлъ предъ собой?

Толстой говоритъ о любви и неутомимо совершаетъ ея подвигъ, а Ницше устами Заратустры сознается, что онъ усталъ отъ жалости, что онъ не хочетъ больше сострадать. Для Толстого любовь это—„теплая заступница міра холоднаго“; Ницше учитъ, что она изнѣживаетъ сердце и лишаетъ мужества. Ницше мечталъ подняться надъ противоположностью добра и зла, Толстой исповѣдуетъ религію вѣчнаго добра. Увлеченный ненужной химерой сверхчеловѣка, Ницше отдался безполезной перечеканкѣ цѣнностей и, безсильный Самсонъ, хотѣлъ потрясти величавую твердыню старыхъ, но не старѣющихъ идеаловъ. Толстой вѣщаетъ намъ тѣ самыя рѣчи, которыя давно звучали міру, и его образъ можетъ быть перенесенъ въ любую историческую обстановку, и вездѣ онъ будетъ необходимъ, и дорогъ, и понятенъ, и вездѣ будутъ внимать его проникновенному слову. Ницше много смѣется и насмѣхается, разсыпаетъ блестящія изреченія, играетъ и сверкаетъ идеями, заботливо отдѣлываетъ свои литературныя

игрушки, любуется иногда экзотической тонкостью своихъ мыслей и ощущеній, и насъ опьяняетъ искрящаяся пѣна его ума; Толстой, суровый пророкъ, ищетъ одной только истины и говоритъ о ней безъ улыбки, серьёзно и просто, въ стихійной мощи своего драгоцѣнно-необработаннаго языка.

И Гротъ долженъ былъ вынести Ницше отрицательный приговоръ. Онъ цѣнилъ остроту его оригинальной мысли, его даровитую защиту личности, его справедливую критику разслабленнаго альтруизма нашихъ дней,—который, однако, совсѣмъ не похожъ на христіанскую дѣятельную любовь; онъ сочувствовалъ пережитой имъ „трагедіи невѣрія и отрицанія“. склонялся передъ мучительной искренностью его философской исповѣди. Но онъ отвергалъ его язычество и культъ самоудовлетворенной мощи, и если Ницше издѣвался надъ понятіемъ ближняго, то Н. Я. Гротъ считалъ любовь къ ближнему единственнымъ и вѣчнымъ началомъ нравственности и стремился расширить эту идею ближняго до идеи вселенной, Бога и бытія—предмета той „интеллектуальной любви“, которая своимъ живымъ дыханіемъ согрѣваетъ геометрическія построенія Спинозы. Николай Яковлевичъ зналъ, что послѣ пережитыхъ человѣчествомъ безчисленныхъ разочарованій въ мірѣ накопилось много иронін и недовѣрія, потускнѣли идеалы, и люди стали смѣяться надъ тѣмъ, передъ чѣмъ они раньше благоговѣли. Но онъ вѣрилъ, что этотъ скептицизмъ—только временное явленіе и что надъ сложнымъ, изломаннымъ и утонченнымъ міровоззрѣніемъ ницшеанства безконечно возвышается простая, ясная и первобытная мораль Толстого, и къ тихой и вѣрной пристани любви и состраданія вернутся всѣ искатели иныхъ догматовъ, иныхъ цѣнностей.

Николай Яковлевичъ не былъ, конечно, слѣпымъ прозелитомъ Толстого: онъ упрекалъ его въ рѣшительномъ пренебреженіи къ историческимъ формамъ жизни, онъ не раздѣлялъ его осужденія внѣшней культуры, не соглашался съ его обще-философскими взглядами на природу человѣка и съ его отношеніемъ къ метафизической сторонѣ христіанства. Для будущей нравственности міръ возьметъ у Толстого далеко не всѣ элементы его ученія, и въ грядущій синтезъ несходныхъ идеаловъ Толстой внесетъ только часть,—но эта часть будетъ велика и благотворна. У Толстого много противорѣчій и спорныхъ теорій; но выше этихъ противорѣчій, снимаетъ ихъ, выше частныхъ недостатковъ, тотъ общій духъ любви, тотъ глубокій смыслъ человѣческой правды, который зоветъ къ

нему, великому сердцевѣду, всѣ чуткія сердца. Почтённый личной дружбой съ Толстымъ, Николай Яковлевичъ воспринялъ его могучее вліяніе и высоко цѣнилъ въ немъ не только геніальную силу художественнаго творчества, но и своеобразную мысль, часто упрямую и рѣзкую, но всегда выстраданную и честную. Онъ *чувствовалъ* Толстого, любилъ его недостатки и недоумѣнія; онъ зналъ, что Толстого не трудно критиковать, но трудно не склоняться передъ этимъ самородкомъ благословеннаго таланта и благородныхъ помысловъ.

Такъ мыслилъ умомъ и сердцемъ—въ сферѣ этическихъ вопросовъ—Николай Яковлевичъ Гротъ. То, что я намѣтилъ въ слабыхъ очертаніяхъ, ярко и сильно изложено въ его книгахъ и статьяхъ, и общимъ достояніемъ служатъ его идеи, и между строкъ его трудовъ каждый увидитъ проникающее ихъ чувство и трепетъ молодого увлеченія. А тѣ, кто зналъ его близко и лично, знаютъ и то, что съ увлеченіемъ и чувствомъ относился онъ не только къ идеямъ, но и къ людямъ. Они знаютъ, какъ довѣрчивъ и свѣтелъ былъ его взглядъ на человѣка, какъ уважалъ онъ чужую личность, какъ своею мыслью зажигалъ онъ чужую мысль и своей душою шелъ на встрѣчу другой душѣ. Онъ былъ воплощенной жизнью и добротой, весь—порывъ, энергія и бодрость.

Есть люди, къ которымъ смерть приходитъ тогда, когда они и безъ того уже мертвы,—Николай Яковлевичъ умеръ живымъ. Поэтому мы всѣ и испытываемъ такую горькую и жгучую обиду этой безвременной кончины мыслителя, который не досказалъ своихъ мыслей, прервалъ свой горячо любимый трудъ и въ раннюю могилу унесъ неосуществленныя возможности и обманувшія надежды; поэтому мы и не можемъ привыкнуть къ его отсутствію, и какъ-то странно намъ и больно безъ него.

Н. Я. Гротъ.

Статья Э. Л. Радлова. [1]),

Въ ночь съ 22-го на 23-е мая нынѣшняго года скончался на своей дачѣ, въ селѣ Кочеткѣ (Харьковской губерніи) ординарный профессоръ Московскаго университета, предсѣдатель московскаго психологическаго общества, Николай Яковлевичъ Гротъ. Покойный профессоръ пользовался широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью; въ судьбѣ русской философіи онъ сыгралъ весьма замѣтную роль, и смерть его вызвала въ многочисленныхъ его ученикахъ, друзьяхъ и почитателяхъ самое искреннее сожалѣніе.

Николай Яковлевичъ, сынъ извѣстнаго академика Якова Карловича Грота, родился въ 1852 году и первоначальное образованіе получилъ въ гимназіи Видемана и въ Ларинской С.-Петербургской гимназіи; въ 1871 году Николай Яковлевичъ поступилъ въ С.-Петербургскій Императорскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, который въ то время былъ блестяще обставленъ въ научномъ отношеніи; въ немъ читали лекціи такіе выдающіеся профессора (нынѣ покойные), какъ: И. И. Срезневскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, И. П. Минаевъ, В. Г. Васильевскій, К. Е. Люгебиль, В. В. Бауеръ, О. О. Соколовъ, О. О. Миллеръ, М. И. Владиславлевъ. Въ университетѣ Н. Я. Гротъ сначала увлекся изученіемъ исторіи, а потомъ сосредоточился на философскихъ наукахъ. Профессоръ философіи, впослѣдствіи ректоръ С.-Петербургскаго университета М. И. Владиславлевъ обладалъ выдающимися качествами, къ числу коихъ слѣдуетъ отнести простоту и ясность рѣчи и большую добросовѣстность въ преподаваніи. М. И. Владиславлевъ говорилъ на своихъ лекціяхъ только о томъ, что зналъ по первоисточникамъ; такое отношеніе къ дѣлу М. И. Владиславлевъ старался внушить и своимъ ученикамъ, при чтеніи имъ общихъ и спеціальныхъ курсовъ. На спеціальныхъ занятіяхъ со студентами М. И. Владиславлевъ читалъ и комментировалъ „Метафизику“ Аристотеля, „Критику чистаго разума“ Канта и „Микрокосмъ“ Лотце. Онъ былъ довольно требователенъ по отношенію къ своимъ спеціалистамъ (Н. Я. Гротъ былъ первымъ по времени спеціалистомъ у Владиславлева), поэтому

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1893 г. № 11.

полученная Н. Я. Гротомъ золотая медаль за сочиненіе на заданную факультетомъ тему „Ученіе о числахъ по XII и XIII книгѣ Метафизики Аристотеля“, свидѣтельствуетъ о дарованіяхъ и склонности Николая Яковлевича къ философіи. Впрочемъ, нужно сказать, что М. И. Владиславлевъ не могъ имѣть на Н. Я. Грота большого вліянія, вслѣдствіе разности ихъ натуръ; М. И. Владиславлевъ обыкновенно настаивалъ на изученіи нѣмецкихъ классиковъ, а Н. Я. Гротъ, во время своего пребыванія въ университетѣ, увлекался модными тогда теоріями и направленіями, а именно: позитивизмомъ и ученіемъ Спенсера. Можетъ быть, бесѣды съ К. Д. Кавелинымъ, посѣщавшимъ домъ Якова Карловича, имѣли нѣкоторое формальное значеніе въ ходѣ развитія Н. Я. Грота; онѣ могли развить критическія способности юноши, хотя, повидимому, мало отразились на содержаніи его міросозерцанія, которое ко времени окончанія университета уже было вполнѣ сложившимся, какъ это видно изъ предисловія въ докторской диссертаціи. Пробѣлы университетскаго, въ спеціальности философскаго образованія ясно сознавались Н. Я. Гротомъ, и онъ рѣшилъ отправиться за границу для слушанія дополнительныхъ лекцій; дѣйствительно, въ петербургскомъ университетѣ того времени былъ лишь одинъ профессоръ философіи, и онъ по необходимости долженъ былъ обходить молчаніемъ многія философскія науки, какъ напримѣръ этику, гносеологію, эстетику. Однако, Н. Я. Гротъ пробылъ лишь недолгое время за границей, въ Берлинѣ и Страсбургѣ, ибо въ 1876 году мы видимъ его уже профессоромъ философіи въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ, куда онъ былъ приглашенъ Н. А. Лавровскимъ, директоромъ означеннаго института, на дочери котораго Н. Я. Гротъ вскорѣ женился. Съ этого времени и до самой смерти Н. Я. Гротъ не покидалъ университетскаго преподаванія, которое велъ съ большимъ блескомъ и успѣхомъ сначала въ Нѣжинѣ (до 1883 г.), потомъ въ Одессѣ (до 1886 года), наконецъ, въ Москвѣ; въ текущемъ году Н. Я. Гротъ взявъ годичную командировку, переѣхалъ въ Харьковъ и намѣревался перейти въ Харьковскій университетъ, служить которому, однако, ему уже не было суждено.

Дѣятельность Н. Я. Грота была весьма разносторонней: онъ читалъ постоянные университетскіе курсы, выступалъ передъ публикою въ качествѣ лектора, находилъ время для научныхъ и литературныхъ работъ, въ которыхъ иногда ка-

сался разныхъ вопросовъ дня.—по преимуществу впрочемъ такихъ, кои имѣли отношеніе къ школьной и университетской жизни.—наконецъ, онъ представлялъ собою и видпаго общественнаго дѣятеля. Основныя черты характера покойнаго, а именно живость, впечатлительность и экспансивность, способствовали такой разносторонней дѣятельности; благодаря имъ всѣ его научныя работы нечто иное, какъ постоянное искапіе истины: онъ не остановился на какойлибо одной точкѣ зрѣнія, на одной философской системѣ,—вся жизнь его есть постоянное стремленіе, постоянное раз- витіе, и въ этой чертѣ, безъ сомнѣнія, обнаруживается его дарованіе къ философіи. Покойному не было суждено создать прочную и цѣльную систему, по этому помѣшала преждевременная смерть, сразившая человѣка, твердо ставшаго на путь созидапія. Для характеристики Н. Я. Грота не лишнее привести здѣсь мысль, высказанную имъ въ брошюрѣ „О направленіи и задачахъ моей философіи“ (Москва 1886), написанной въ періодъ умственнаго кризиса, перехода отъ отрицапія къ построенію новаго міросозерцанія: „Философъ, идущій прямо впередъ, похожъ на планету, вращающуюся около солнца, ибо и истина есть своего рода солнце философской мысли. Онъ похожъ также на путника, рѣшившагося обойти землю. Сей послѣдній непремѣнно рано или поздно, идучи неуклонно впередъ, окажется даже своимъ собственнымъ антиподомъ... Самый совершенный философъ будетъ тотъ, который въ теченіе жизни обойдетъ весь путь относительной человѣческой истины, обниметъ ее со всѣхъ сторонъ и благополучно воротится съ другой стороны въ исходной точкѣ своего мышленія“.

Н. Я. Гротъ началъ съ отрицапія философіи, какъ самостоятельной сферы духовной жизни человѣка. На первомъ его большомъ трудѣ, „Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ“. С.-Петербургъ 1880 (магистерская диссертація), отразилось вліяніе Спенсера и позитивизма. Н. Я. Гротъ защищаетъ въ этомъ сочиненіи, въ которомъ историческая часть имѣетъ несомнѣнную цѣнность, теорію психическаго оборота, причемъ онъ на психическія явленія смотритъ, какъ на измѣненія въ организмѣ. „Психологія чувствованій“ вызвала оживленную полемику съ профессоромъ А. А. Козловымъ, въ которой Н. Я. Гротъ высказалъ и старался защитить свои общіе принципы (см. „Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. Отвѣтъ А. А. Козлову“, Кіевъ 1881). Въ докторской диссертаціи („Къ вопросу

о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ". 1882) Н. Я. Гротъ стоитъ на той же самой почвѣ, что и въ предшествовавшемъ своемъ трудѣ, причемъ главная задача книги состоитъ въ сведеніи логики къ психологіи. На логику авторъ смотритъ, какъ на чисто теоретическую науку о познаніи, а на познавательную дѣятельность, какъ на совокупность оборотовъ, направленныхъ къ явленію объективной воспріимчивости и имѣющихъ своимъ результатомъ приспособленіе явленій объективной воспріимчивости къ внутреннимъ отношеніямъ, лежащимъ въ основѣ оборота. Однако, вѣра въ позитивизмъ въ Николаѣ Яковлевичѣ вскорѣ пошатнулась, ибо уже въ 1883 году, въ рѣчи, произнесенной по поводу чествованія памяти Джордано Бруно (см. „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джордано Бруно", Одесса 1885), слышится совершенно иная нотка. „Были, правда", говоритъ авторъ, „тогда же попытки возродить Аристотеля на новыхъ основаніяхъ, какъ и теперь новокантіанцы стремятся возродить на новыхъ началахъ Канта, но какъ тогда противъ обновленнаго Аристотеля съ большимъ успѣхомъ былъ поставленъ подновленный Платонъ, такъ и теперь многими мыслителями выставляется Джордано Бруно". Поворотъ отъ позитивизма къ тому, что принято называть весьма неопредѣленнымъ терминомъ метафизика, обнаруживается въ Н. Я. Гротѣ съ полною очевидностью въ сочиненіи „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ", Одесса 1886. Въ предисловіи къ этой книгѣ мы читаемъ: „Еще недавно увлеченные успѣхами научнаго преподаванія и отрицательными результатами философіи нашего вѣка, представители интеллигенціи презирали во имя точнаго опытнаго знанія всякую философскую работу мысли" и далѣе: „не пора ли намъ наконецъ очнуться отъ позитивнаго террора, который овладѣлъ обществомъ въ послѣднія десятилѣтія?" Въ то время, когда Н. Я. Гротъ писалъ эти строки, въ настроеніи и міросозерцаніи общества произошла громадная перемѣна; въ политикѣ консервативное направленіе взяло верхъ надъ либеральнымъ, въ искусствѣ натурализмъ уступилъ мѣсто новому романтизму, а въ философіи матерьялизмъ потерялъ силу надъ умами, и выступили идеалистическія системы самыхъ различныхъ оттѣнковъ. Этотъ поворотъ въ общественномъ настроеніи не могъ не отразиться на впечатлительномъ Николаѣ Яковлевичѣ. Можетъ быть, что къ этимъ общимъ причинамъ присоединилось еще и вліяніе архіепископа Никанора, жившаго тогда въ Одессѣ и издавав-

шаго свой большой трудъ о позитивной философіи и сверхчувственномъ бытіи. Н. Я. Гроту, разочаровавшемуся въ позитивизмѣ, пришлось приниматься за построеніе новаго міросозерцанія, и хотя, какъ это было замѣчено весьма правильно въ одномъ некрологѣ [1]), только воззрѣнія перваго періода философскаго творчества покойнаго ученаго нашли себѣ законченное и систематическое выраженіе, все-жъ имъ сдѣлано достаточно для того, чтобъ опредѣлить дальнѣйшій путь его развитія. Первымъ шагомъ на пути отъ позитивизма къ положительному міровоззрѣнію по необходимости должно было быть признаніе самостоятельности духовнаго начала и, слѣдовательно, дуализмъ въ какой-либо окраскѣ. Дѣйствительно, положительное содержаніе работы „О душѣ“ заключается съ одной стороны въ защитѣ самонаблюденія, какъ метода, способнаго „открыть намъ основную сущность какъ нашего, такъ и всякаго иного бытія“ (стр. 16), съ другой въ обоснованіи двойственной основы вещей, состоящей изъ „силы-матеріи“ и „силы-духа“. Въ первомъ періодѣ развитія Н. Я. Гротъ былъ по преимуществу раціоналистомъ и смотрѣлъ отрицательно на философію; теперь, усумнясь въ возможности для разума рѣшить философскія проблемы, онъ сталъ искать иныхъ источниковъ познанія, помимо разума, и нашелъ ихъ въ чувствѣ („Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“, Москва 1889). „Послѣдніе критеріи истины и лжи“, пишетъ Н. Я. Гротъ, „лежатъ въ чувствѣ истины и лжи“. „Для людей возможны чувства общія, достовѣрныя, имѣющія такую же степень необходимости и обязательности, какими обладаютъ понятія нашего ума. Интуитивное или ирраціональное познаніе чувствомъ можно назвать постиженіемъ, въ противоположность раціональному познанію умомъ, которое выражается терминомъ пониманія“. Въ чувствѣ и воображеніи видитъ теперь Николай Яковлевичъ орудіе синтеза, творчества, въ мышленіи орудіе анализа. Отыскавъ этотъ источникъ познанія, Николай Яковлевичъ хочетъ твердо обосновать „абсолютный разумъ вселенной, то-есть Бога, абсолютную истину, благо и красоту, какъ принципы внутренняго строенія вселенной“, находя, что „настоящій философъ, конечно, не можетъ успокоиться, пока не оправдаетъ законности этихъ вѣчно живыхъ пружинъ человѣческой дѣятельности, безъ которыхъ она утратила бы всякое разумное значеніе“. Оправданію этихъ

[1]) См. *Лопатинъ*. Н. Я. Гротъ. *Вопр. Фил.* № 18. См. выше, стр. 95.

основъ и посвящена дальнѣйшая научная дѣятельность Н. Я. Грота, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ съ 1890 года. Сюда относятся слѣдующія работы: „Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности“, „Что такое метафизика“? „Основаніе нравственнаго долга“, „Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи“, „Основные моменты въ развитіи новой философіи“ и „О времени“. Послѣдней изъ перечисленныхъ работъ авторъ придавалъ особое значеніе, и это весьма понятно, ибо въ этой статьѣ мы находимъ дальнѣйшій шагъ Н. Я. Грота въ сторону идеализма, къ которому его привело признаніе самостоятельности душевнаго начала. Разсмотрѣвъ вопросъ о времени, Николай Яковлевичъ пришелъ къ заключенію, что „время, какъ субъективная форма воспріятія явленія опыта, также, какъ и пространство, не есть законъ самого духовнаго бытія и, какъ форма воспріятія явленій внѣшняго опыта, не приложимо къ изученію законовъ дѣятельности самой упорядочивающей все во времени мысли,— той твердой силы, которая сама создала время, какъ мѣру изученія явленій“. Если же это такъ, то „не будетъ ли истиннымъ Коперниканскимъ переворотомъ въ психологіи такое воззрѣніе на нашу душевную жизнь, которое признаетъ нашъ духъ со всѣми неизмѣнными формами и законами его бытія и отношеніями къ дѣйствительности матерьяльной тѣмъ неподвижнымъ солнцемъ, которое создаетъ и освѣщаетъ вращающуюся вокругъ него и являющуюся ему въ пространствѣ и во времени дѣйствительность?“

Мы перечислили главнѣйшіе моменты умственнаго развитія Николая Яковлевича Грота; однако, покойный не былъ исключительно кабинетнымъ ученымъ: онъ любилъ общественную дѣятельность и обладалъ рѣдкимъ талантомъ организатора. Въ Нѣжинѣ и Одессѣ, очевидно, не было почвы для широкой дѣятельности, но въ Москвѣ Николай Яковлевичъ попалъ въ ту общественную среду, въ которой могъ проявиться его талантъ организатора. Здѣсь онъ встрѣтился съ талантливыми профессорами-товарищами и знаменитыми писателями, какъ, напримѣръ, графомъ Л. Н. Толстымъ, Вл. С. Соловьевымъ и другими; здѣсь, наконецъ, онъ нашелъ воспріимчивыхъ учениковъ; всѣхъ ихъ онъ сумѣлъ объединить въ одной общей цѣли, и средствомъ для этого послужило ему Московское психологическое общество, предсѣдателемъ коего онъ сталъ, послѣ выбывшаго проф. М. М. Троицкаго; изъ

этого общества, дѣятельность котораго была сначала мало замѣтной, онъ сдѣлалъ одинъ изъ умственныхъ центровъ Москвы. Усиленію значенія этого общества способствовалъ и журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, задуманный и удачно призванный къ жизни неутомимымъ Николаемъ Яковлевичемъ. Сколько трудовъ и заботъ положилъ онъ на устройство этого дѣла, требующаго не малыхъ матеріальныхъ средствъ, но еще большаго такта и умѣнія соединять людей, побуждать ихъ къ служенію общему дѣлу! По свойствамъ ума и характера Н. Я. Гротъ былъ какъ нельзя болѣе способенъ къ этого рода дѣятельности; онъ умѣлъ вызывать молодыя и объединять уже созрѣвшія силы. Никто иной, кромѣ Н. Я. Грота, не могъ выполнить этой задачи по отношенію къ философіи въ Россіи, и вотъ почему его имя сохранитъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія.

III.

Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора.

Д. В. Викторова [1]).

Дѣятельность Николая Яковлевича, какъ преподавателя, руководителя и воспитателя университетской молодежи, охватываетъ съ незначительными промежутками цѣлую четверть вѣка. На нее онъ потратилъ въ своей скоро протекшей жизни немало силъ; она образуетъ тотъ центръ, около котораго сосредоточиваются наиболѣе цѣнные факты его біографіи, хотя не для всѣхъ и не всегда видимые. Но возстановить его дѣятельность на всемъ протяженіи мы лично не можемъ, потому что намъ пришлось пользоваться его незамѣнимымъ руководствомъ только въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ его профессуры. Чувствуя нравственную обязанность воспользоваться и тѣми данными, которыя относятся къ этому короткому сроку, мы надѣемся, что другіе ученики не откажутся подѣлиться своими воспоминаніями, чтобы воспроизвести съ возможно большей полнотой высоко назидательный, во многихъ отношеніяхъ, обликъ покойнаго учителя. Затрудненіемъ будетъ служить въ данномъ случаѣ скорѣе обиліе, чѣмъ недостатокъ матеріала, который давался тѣмъ легче, что отличительной чертой покойнаго была его поразительная и безграничная доступность для всякаго слушателя. Николай Яковлевичъ никогда не замыкался въ ученой неприступности, охотно посвящалъ своихъ учениковъ во всѣ детали своихъ философскихъ работъ, безпрепятственно вводилъ въ свои житейскіе и научные интересы. Онъ не таился отъ насъ, и мы хорошо знали его.

---

[1]) Читано въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 27-го ноября 1899 года. Напеч. въ журн. „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 51, М. 1900 г.

Лекціи съ каѳедры, практическія занятія, бесѣды на дому — вотъ тѣ средства, которыя были въ распоряженіи Николая Яковлевича, для того чтобы проводить свои взгляды въ среду учащейся молодежи и воздѣйствовать на нее. Свои лекціи онъ посвящалъ преимущественно психологіи и этикѣ. Его чтеніе одушевлялось обыкновенно животрепещущей и увлекательной непосредственностью. Происходило это вѣроятно потому, что предметомъ своихъ лекцій онъ выбиралъ предпочтительно вопросы, которыми самъ интересовался и разработкой которыхъ самъ занимался въ данное время. Перерабатывая, напримѣръ, свои этическія воззрѣнія, переходя отъ эвдемонистической этики удовольствія и страданія къ болѣе возвышеннымъ формамъ моральнаго ученія, онъ исправлялъ свои прежніе взгляды и развивалъ новые съ каѳедры. Критикуя принципъ параллелизма въ психологіи, утвердившись въ мысли, что душевная жизнь протекаетъ внѣ времени, задумавъ подчинить психическіе процессы закону сохраненія энергіи и обосновать на этой энергетической теоріи свое понятіе прогресса, онъ подробно говорилъ обо всемъ этомъ съ каѳедры. Поэтому, ему не нужно было повторять постоянно одного и того же курса. За тѣ годы, по крайней мѣрѣ, когда намъ пришлось его слушать, онъ ни разу не читалъ стараго курса. Помнится, онъ самъ неоднократно указывалъ на то, что считаетъ для себя совершенно невозможнымъ предлагать слушателямъ уже разъ прочитанныя записки и что ему всегда очень трудно готовиться къ курсамъ, такъ какъ онъ составляетъ ихъ заново изъ года въ годъ. При неудержимой текучести и чрезвычайной эластичности его философскихъ взглядовъ, имъ не доставало извѣстной дозы инертности, необходимой для того, чтобъ окончательно остановиться на опредѣленномъ курсѣ; но со временемъ ему удалось бы, вѣроятно, привести въ исполненіе свое постоянное желаніе издать курсъ психологіи. Если, благодаря этому, его лекціи теряли въ систематичности и полнотѣ, то, съ другой стороны, онѣ выигрывали въ своей непосредственности. Мы присутствовали всегда при живомъ ростѣ философской мысли, видѣли, что самъ профессоръ живо заинтересованъ въ томъ, какъ складываются его воззрѣнія, къ какимъ возможнымъ выводамъ они приведутъ. Онъ удѣлялъ сплошь и рядомъ немало мѣста въ своихъ курсахъ полемическому элементу, знакомя насъ съ тѣми возраженіями, которыя встрѣчали его новые взгляды. Случалось иногда такъ, что, прочитавъ какой-нибудь рефератъ

въ Психологическомъ Обществѣ, онъ повторялъ затѣмъ его съ каѳедры, причемъ комментировалъ его тѣми возраженіями, которыя вызывало его сообщеніе со стороны членовъ Общества. Строя такимъ образомъ свои лекціи на занимавшихъ въ данное время его самого вопросахъ, Николай Яковлевичъ не предлагалъ, правда, окончательныхъ рѣшеній, не давалъ намъ заранѣе отточенныхъ и готовыхъ выводовъ, но зато вносилъ въ свое чтеніе много жизненнаго возбужденія. Онъ дѣйствительно волновался на каѳедрѣ за свои теоріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Яковлевичъ не любилъ обременять свои курсы детальными и узко-фактическими изслѣдованіями. Его любимой средой, въ которой онъ двигался съ замѣчательной легкостью и неизмѣнной охотой, была сфера общихъ вопросовъ философіи духа и психологической методики. Въ этомъ сказывался эпикуреецъ мысли, котораго увлекалъ логическій процессъ мышленія самъ по себѣ, въ его наиболѣе отвлеченныхъ формахъ, независимо отъ его конкретнаго содержанія. Въ способности поставить новыя точки зрѣнія, изобрѣсти новое сочетаніе данныхъ, наличныхъ аргументовъ Николай Яковлевичъ усматривалъ главную особенность философскаго склада ума. Онъ предпочиталъ, чтобъ у его слушателей рождались новыя проблемы въ головѣ, а не глотались чужіе отвѣты. Онъ жаловался на то, что въ настоящее время вкусы мѣняются, что теперь интересы сосредоточиваются на собираніи и усвоеніи фактовъ, а теоріи забываются и забрасываются. Онъ энергично возставалъ противъ этой оргіи фактицизма, хотя, конечно, былъ далекъ отъ мысли, что опытныя работы не имѣютъ значенія въ психологіи. Напротивъ, онъ писалъ, что „психологія можетъ достигнуть идеала точности и строгой закономѣрности въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ только какъ наука экспериментальная“. И сознавая недостатокъ опытныхъ данныхъ въ своемъ курсѣ психологіи, онъ съ обычной терпимостью и широтой кругозора рекомендовалъ намъ восполнять его лекціи занятіями анатоміей, физіологіей, психіатріей, физіологической и экспериментальной психологіей.

Выдвигая въ своихъ лекціяхъ вопросы, подобные вышеуказаннымъ, Николай Яковлевичъ предполагалъ у слушателей нѣкоторую философскую зрѣлость. Въ систематическомъ курсѣ студентъ постепенно осваивается съ новымъ для него предметомъ, у него постепенно образуется навыкъ мыслить въ области извѣстной спеціальности. Но Николай Яковлевичъ

послѣ небольшого общедоступнаго введенія очень быстро переходилъ къ изложенію довольно тонкихъ философскихъ и психологическихъ проблемъ. Чтобы вполнѣ понять его, нужно было обладать иногда подготовительнымъ запасомъ философскихъ знаній, отъ аудиторіи требовалось иногда напряженное вниманіе. Живо припоминаю теперь, какъ долго бились мы, чтобы понять его теорію о внѣвременности психической жизни. Николай Яковлевичъ тщетно старался нѣсколько лекцій подъ рядъ объяснить намъ, что рѣчь идетъ о нефеноменальной сущности психическаго бытія; что психическіе факты, протекая видимо во времени, не задѣваются этимъ послѣднимъ въ своей сущности, такъ же какъ не задѣваются они и пространственными категоріями. Это тонкое различіе все ускользало отъ насъ, тѣмъ болѣе, что—по словамъ Николая Яковлевича—оно ускользало и отъ болѣе компетентныхъ критиковъ. Прибѣгая къ такому пріему чтенія лекцій, Николай Яковлевичъ надѣялся, вѣроятно, поднять аудиторію на степень болѣе высокаго философскаго уровня; ему хотѣлось свести къ минимуму число пассивныхъ слушателей. Онъ ждалъ отъ студентовъ совмѣстной работы, желалъ имѣть въ лицѣ ихъ сотрудниковъ, вмѣстѣ съ ними вырабатывать свои взгляды. Во многихъ статьяхъ покойнаго разсѣяны указанія на эту роль его учениковъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что въ этихъ чаяніяхъ, какъ они ни привлекательны сами по себѣ, было много преувеличеннаго и неисполнимаго. Не лишенъ справедливости упрекъ, который намъ доводилось слышать, что въ его лекціяхъ не все было достаточно ясно и доступно, отчасти вслѣдствіе нѣкоторой отрывочности, которой отличалось его чтеніе, отчасти благодаря малой философской подготовкѣ слушателей. Впрочемъ, что оставалось непонятнымъ на лекціи, несмотря на жаркія объясненія Николая Яковлевича, переходило на обсужденіе въ семинаріи и здѣсь разъяснялось.

Съ семинаріями Николая Яковлевича связываются невольно особенно теплыя воспоминанія. Здѣсь для него являлась возможность стать гораздо ближе къ студентамъ, чѣмъ на лекціяхъ; здѣсь нашли себѣ наиболѣе удачное примѣненіе его педагогическіе пріемы; здѣсь обаятельныя черты его личности создавали такую атмосферу, благодаря которой эти практическія занятія привлекали къ себѣ много охотниковъ. Многолюдствомъ могли соперничать съ ними только семинаріи по политической экономіи. Своеобразная постановка практи-

ческихъ занятій, принятая Николаемъ Яковлевичемъ, заслуживаетъ поэтому болѣе подробнаго изложенія.

При всемъ разнообразіи практическихъ занятій, которыми руководилъ Николай Яковлевичъ изъ года въ годъ, ихъ можно разбить на три категоріи. Во-первыхъ, онъ предлагалъ студентамъ на семинаріи критиковать прочитанную имъ съ каѳедры лекцію. Это была одна изъ наиболѣе излюбленныхъ формъ практическихъ занятій; она соотвѣтствовала потребности всякаго мало-мальски самостоятельнаго слушателя, такъ какъ въ связи съ курсомъ накопляется всегда рядъ недоумѣній и возраженій, быть можетъ неосновательныхъ. Читалъ, напримѣръ, Николай Яковлевичъ о положеніи психологіи среди другихъ наукъ и о различныхъ направленіяхъ въ современной психологіи. При этомъ, сообразно съ общимъ характеромъ своего мышленія, онъ старался обыкновенно примирить совершенно расходящіяся, повидимому, теченія. И вотъ на семинаріи кто-нибудь поднималъ вопросъ объ отношеніи метафизической и экспериментальной психологіи, настаивая на томъ, что онѣ въ корнѣ различны и несовмѣстимы. Это зависитъ, разумѣется, отъ того, что понимать подъ метафизической психологіей. Завязывалась оживленная бесѣда, въ которой выяснялась точка зрѣнія профессора. Онъ охотно выслушивалъ всякія замѣчанія, вступалъ въ споръ съ аудиторіей. Всѣ участники были видимо горячо заинтересованы въ исходѣ спора, причемъ сплошь да рядомъ стояли не на сторонѣ профессора. Отстаивая свои мнѣнія, Николай Яковлевичъ умѣлъ всегда сохранить товарищескій тонъ, умѣлъ искусно щадить молодое самолюбіе.

Семинаріи этого рода примыкали непосредственно къ курсу и дополняли его. Но, кромѣ того, Николай Яковлевичъ давалъ обыкновенно слушателямъ особыя темы для рефератовъ или же предоставлялъ имъ самимъ дѣлать выборъ. Когда тема окончательно опредѣлялась, Николай Яковлевичъ снабжалъ студента литературными указаніями, давалъ свои книги, бралъ книги изъ университетской библіотеки, недоступной для студента, совѣтовался о деталяхъ сочиненія. Онъ неотступно слѣдилъ за работой студента и постоянно поднималъ его энергію. При этомъ онъ обладалъ удивительной способностью внушать студенту полное довѣріе къ собственнымъ силамъ. Онъ послѣдовательно проводилъ въ своей педагогической дѣятельности то правило, что слишкомъ трудныхъ темъ для студентовъ не существуетъ. Всякая работа, будь она даже плохо

выполнена, не пропадала для студента даромъ, безплодно; она должна была приносить новыя знанія, давать извѣстный навыкъ. При такомъ взглядѣ на дѣло Николай Яковлевичъ не стѣснялся давать иногда очень трудныя работы. Онъ настойчиво предлагалъ, напримѣръ, на второмъ курсѣ, т.-е. въ первый годъ чтенія психологіи, написать исторію психологическихъ и философскихъ ученій о сознаніи. Сочиненіе не было, конечно, написано, не только благодаря трудности самой проблемы, но и благодаря обширности сюжета. Однако такимъ путемъ Николай Яковлевичъ наталкивалъ на самостоятельную работу.

Когда сочиненіе бывало готово, Николай Яковлевичъ просилъ референта составить предварительно для товарищей тезисы къ реферату. Референтъ садился на каѳедру, а Николай Яковлевичъ вмѣстѣ со студентами. Главнымъ оппонентомъ выступалъ онъ самъ, онъ тщательно записывалъ обыкновенно за референтомъ, но въ своемъ разборѣ касался только общихъ мыслей реферата, не входя въ разсмотрѣніе деталей, не „придираясь". Безпристрастность и ровность въ преніяхъ были вообще первымъ требованіемъ на семинаріяхъ Николая Яковлевича. Разъ только, помню я, самъ онъ сильно разсердился по слѣдующему поводу: одинъ студентъ менѣе чѣмъ въ полчаса разбилъ всю синтетическую философію Спенсера вообще и его этику въ частности. Хотя въ эту пору Николай Яковлевичъ давно уже пережилъ свой періодъ спенсеризма, но тѣмъ не менѣе пришелъ въ рѣшительное негодованіе, насколько это было возможно для его мягкой и деликатной натуры, прослушавъ чрезвычайно легкомысленное и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзкое обращеніе съ Grand Old Man'омъ философіи. Требуя прежде всего самостоятельной и критической мысли, Николай Яковлевичъ рекомендовалъ также не быть особенно скорымъ на критику. Но возраженія Николая Яковлевича рѣдко и даже никогда не оставались одинокими. Вмѣстѣ съ нимъ референту оппонировали и товарищи, вступали въ полемику съ самимъ Николаемъ Яковлевичемъ. Всегда завязывались горячіе споры; всегда жалѣли мы, что прошли уже тѣ два часа, которые назначались по расписанію для практическихъ занятій [1]). Изъ аудиторіи диспутъ переносился

[1]) Чтобы въ нашемъ распоряженіи было больше свободнаго времени для преній и чтобы больше народу могло принимать участіе въ семинаріяхъ, Николай Яковлевичъ устраивалъ ихъ обыкновенно по вечерамъ.

даже на улицу. Мы провожали Николая Яковлевича до дому и продолжали спорить дорогой.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о семинаріяхъ третьяго рода. Сплошь да рядомъ мы собирались безъ опредѣленнаго реферата на опредѣленную тему. Кто-нибудь приносилъ составленныя имъ тезисы. Тезисы прочитывались и предлагались на обсужденіе аудиторіи. Во время преній автору предоставлялось развивать и обосновывать свои положенія.

Темы, обсуждавшіяся на этихъ семинаріяхъ, были самыя разнообразныя. Преимущественно онѣ касались психологіи и этики, но не возбранялось также выбирать предметомъ сообщенія какіе-нибудь общефилософскіе или соціологическіе вопросы. О задачахъ психологіи, о ея положеніи среди другихъ научныхъ дисциплинъ, о достоинствахъ и недостаткахъ самонаблюденія, о роли эксперимента въ психологіи, о классификаціи психическихъ явленій, о сознаніи, о волненіяхъ, о характерахъ, о критеріяхъ нравственной жизни и дѣятельности, объ утилитаризмѣ, о теоріяхъ прогресса и т. п.—вотъ приблизительный и очень неполный перечень вопросовъ, обсуждавшихся за годы моего студенчества на семинаріяхъ Николая Яковлевича. Иногда мы занимались психологическимъ разборомъ какого-нибудь литературнаго произведенія.

Практическія занятія у Николая Яковлевича имѣли важное воспитательное значеніе для насъ. Онъ требовалъ отъ насъ прежде всего критическаго чутья и старался развивать самостоятельность мысли. Самъ онъ былъ болѣе чѣмъ чуждъ какой-либо пиѳагорейской авторитарности. „Самъ сказалъ“— для насъ не существовало. Не существовали для насъ также и нѣкоторые пріемы доказательства. Ссылки на авторитеты, напримѣръ, если и допускались, то не производили никакого впечатлѣнія. Молодые слушатели приходили обыкновенно къ нему съ готовымъ кодексомъ философскихъ истинъ и рѣшеній. Особенно много было среди нихъ поклонниковъ англійскаго эмпиризма; въ ихъ глазахъ ссылка на Милля и Бэна была высшей инстанціей, не допускавшей никакой дальнѣйшей аппелляціи. Всякое безотчетное и слѣпое преклоненіе передъ кумирами быстро исчезало при занятіяхъ у Николая Яковлевича. Онъ былъ положительно противъ подобнаго догматизма; такихъ доказательствъ онъ не хотѣлъ признавать. У самого Николая Яковлевича не было замѣтно, въ описываемое время, никакихъ односторонніхъ симпатій. Изъ фи-

лософовъ онъ любилъ, повидимому, болѣе другихъ Платона, Лейбница и Шопенгауэра. Съ Лейбницемъ онъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, много сходнаго по общему складу своего ума. Это былъ такой же блестящій эссеистъ, занятый главнымъ образомъ проложеніемъ новыхъ дорогъ, не успѣвшій и не желавшій доходить по нимъ до конца, вносившій въ свои изысканія столь же много гипотетическаго элемента, столь же склонный къ примирительному синтезу самыхъ разнородныхъ направленій. Его любовь къ Шопенгауэру не имѣла никакой связи съ пессимизмомъ. Какъ руководитель молодежи, онъ былъ, наоборотъ, будителемъ жизнерадостнаго, добраго и дѣятельнаго настроенія. Онъ цѣнилъ въ немъ частію мастера слова, частію представителя волюнтаристической философіи, выдвигавшаго на первый планъ національныя и волевыя стороны душевной жизни. Изъ русскихъ писателей онъ отдавалъ преимущественно предпочтеніе Достоевскому, какъ романисту-психологу, и Толстому, какъ художнику и моралисту. Онъ начиналъ съ того, что расширялъ философскій кругозоръ у слушателей; онъ старался убѣдить насъ, что въ каждомъ мнѣніи есть доля истины и что, съ другой стороны, во всякомъ мнѣніи есть доля временнаго, того, что онъ называлъ „временной передышкой“, „станціей“. Поэтому, на-ряду съ критическимъ отношеніемъ къ чужимъ мнѣніямъ, онъ требовалъ уваженія къ нимъ. Его семинаріи служили для насъ лучшей школой терпимости. Онъ ни самъ не позволялъ себѣ иронизировать надъ студентомъ, высмѣивая его,—что нерѣдко случается на другихъ семинаріяхъ, какъ намъ знакомо по собственному опыту,—и останавливалъ слишкомъ горячихъ и рѣзкихъ критиковъ. Онъ постоянно возмущался пріемами нашей журнальной полемики; онъ, помнится, неоднократно говорилъ, что ученаго спора у насъ почти не можетъ быть. Своимъ совершенно товарищескимъ обращеніемъ со студентами Николай Яковлевичъ служилъ для насъ образцомъ снисходительности. Онъ какъ бы совершенно стиралъ границы, раздѣляющія профессора и ученика. Послѣ тридцатилѣтняго изученія психологіи онъ писалъ, напримѣръ, студенту, только-что перешедшему на третій курсъ, посылая ему свою статью: „Посылаю Вамъ корректурный экземпляръ моей статьи, которую я завтра подпишу къ печати. Если успѣете, прочтите. *Не церемоньтесь отмѣтить все, что признаете неяснымъ или несправедливымъ.* Я буду Вамъ за это благодаренъ, такъ какъ цѣню всякую критику, а Вашему здравому смыслу и

логикѣ довѣряю". Въ своей снисходительности Николай Яковлевичъ не всегда даже умѣлъ сохранить мѣру. Онъ иногда терпѣливо выслушивалъ и серьёзно обсуждалъ взгляды очевидно вздорные. Особенно наглядно это сказывалось на экзаменахъ. Бывали случаи, что Николай Яковлевичъ пропускалъ студента исключительно только потому, что проваливать по психологіи считалъ совѣстнымъ—слишкомъ-де неустановившаяся и несовершенная наука.

Семинаріи Николая Яковлевича служили для насъ школой еще въ другомъ, не менѣе важномъ отношеніи. Мы пріучились здѣсь владѣть словомъ, говорить публично, спорить методично; здѣсь представлялся намъ единственный случай поговорить въ университетѣ свободно при сравнительно большой аудиторіи, и Николай Яковлевичъ, нужно сознаться, предпочиталъ терпѣливо сносить злоупотребленія этимъ правомъ, чѣмъ ограничивать его. Далѣе, въ своихъ семинаріяхъ Николай Яковлевичъ далъ образецъ того, какъ нужно вести практическія занятія со студентами безъ всякой тѣни ученаго педантизма. Онъ былъ антиподомъ его. Онъ съ большимъ юморомъ трунилъ надъ однимъ спеціалистомъ по древней исторіи, написавшимъ будто бы изслѣдованіе о Сициліи. Изслѣдованіе это начиналось фразой: „Сицилія есть островъ", а къ этой фразѣ была длинная сноска съ цитатами изъ древнихъ и новыхъ писателей въ подтвержденіе этого неоспоримаго географическаго факта.

Сознавая важность практическихъ занятій, Николай Яковлевичъ хотѣлъ дать имъ болѣе устойчивую организацію. Одно время онъ лелѣялъ мысль образовать студенческій кружокъ съ цѣлью совмѣстныхъ занятій психологіей и философіей, который долженъ былъ служить какъ бы продолженіемъ семинарій. Предполагалось устроить его при Психологическомъ Обществѣ. Совмѣстно съ Николаемъ Яковлевичемъ слушатели выработали уставъ такого кружка. Доклады могли дѣлать только студенты, но присутствовать имѣлъ право всякій членъ Психологическаго Общества. Постояннаго предсѣдателя не было, обязанности его долженъ былъ исполнять тотъ или другой членъ Психологическаго Общества, смотря по характеру реферата, такъ какъ предполагалось допускать обсужденіе самыхъ разнообразныхъ темъ. Значеніе подобнаго кружка Николай Яковлевичъ хорошо понималъ, и если этой мысли не суждено было осуществиться, то, конечно, не по недостатку энергіи у Николая Яковлевича.

У себя на дому Николай Яковлевичъ оставался такимъ же, какимъ бывалъ въ аудиторіи. Хотя онъ имѣлъ опредѣленные пріемные дни и часы, однако доступъ къ нему былъ въ сущности почти всегда открытъ. Молодежь обращалась къ нему часто и охотно, чувствуя, что онъ близокъ къ ней, понимаетъ ее, стоитъ на ея сторонѣ. Николай Яковлевичъ рѣдко въ чемъ отказывалъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, исполняя самыя разнообразныя просьбы. Онъ снабжалъ книгами, иногда послѣдними литературными новинками; онъ подыскивалъ переводную, редакціонную, корректурную, литературную работу, давалъ всякія рекомендаціи, иногда даже изобрѣталъ какой-нибудь заработокъ. Съ какими только нуждами ни обращались къ нему! Обремененный хлопотами о собственной семьѣ, онъ подыскивалъ, напримѣръ, комнату для студента. И нужно видѣть его письмо, написанное по этому поводу, чтобы понять ту чисто материнскую заботливость, съ которой относился Николай Яковлевичъ къ своимъ ученикамъ. Мысль о нихъ не покидала его буквально вплоть до могилы. За три дня до смерти, больной и вновь простуженный, мучимый ревматическими болями во всѣхъ суставахъ, полулежа на кушеткѣ, онъ писалъ своему ученику длинную инструкцію для занятій, не попадая уже на строчки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ всякое содѣйствіе, приглашалъ съ собой за границу, рисовалъ перспективу совмѣстныхъ занятій, звалъ къ себѣ на дачу...

Лѣтомъ Николай Яковлевичъ бывалъ особенно обаятеленъ. Болѣе свободный, чѣмъ зимой, онъ—можно сказать—заботился о томъ, чтобы сдѣлать лѣтнія каникулы болѣе веселыми для своихъ учениковъ, которымъ случалось жить съ нимъ въ одной мѣстности. „Душевно радъ, писалъ онъ мнѣ, тогда студенту второкурснику, что вы довольны этимъ лѣтомъ. Вслѣдствіе всякихъ бѣдъ и болѣзней я, къ сожалѣнію, не могъ сдѣлать его Вамъ такимъ пріятнымъ и интереснымъ, какъ мечталъ. Но для меня Ваше товарищеское общество и совмѣстныя занятія были большимъ рессурсомъ“. Онъ свободно вводилъ насъ въ свою семью; охотно дѣлился съ нами неистощимымъ запасомъ заразительной веселости. Николай Яковлевичъ былъ мастеръ устраивать разнаго рода пикники, поѣздки верхомъ, катанья на лодкѣ, уженье рыбы, охоту. Всегда будутъ памятны мнѣ прогулки съ нимъ. Гулялъ Николай Яковлевичъ обыкновенно около полудня, въ самый припекъ, и ходилъ при этомъ очень быстро. Вообще, его по-

ходка была характерна. Онъ объяснялъ ее какой-то психофизической теоріей, особымъ свойствомъ мышцъ-антагонистовъ. но, по моему мнѣнію, въ ней просто отражалась его дѣятельная, энергичная натура. Бывало, мы почти бѣжимъ въ оживленной бесѣдѣ и, незамѣтно для себя, зайдемъ такъ далеко, что для возвращенія домой приходилось нанимать лошадь...

Какъ же опредѣлить, въ немногихъ словахъ, значеніе Николая Яковлевича, какъ профессора? Своимъ жизненнымъ пониманіемъ и живымъ толкованіемъ философіи онъ увлекалъ насъ въ кругъ современныхъ философскихъ вопросовъ: онъ будилъ самостоятельность мысли, изощрялъ критическую остроту. училъ терпимости; онъ былъ всегда скоръ на всякую помощь, оказалъ немало непосредственной поддержки, не разъ выступалъ самоотверженнымъ ходатаемъ и горячимъ защитникомъ студентовъ. Онъ былъ близокъ къ осуществленію идеала всесторонняго, искренняго, тѣснаго общенія и взаимодѣйствія профессоровъ и студентовъ. Онъ былъ профессоръ-товарищъ.

Лейпцигъ, 13 ноября 1899.

Памяти проф. Н. Я. Грота[1]

Г. И. Челпанова.

I [1]).

Я зналъ близко покойнаго съ 1883 г., когда онъ былъ приглашенъ въ Одесскій университетъ изъ Нѣжинскаго института. Объ этомъ времени у меня и у моихъ товарищей сохранились самыя лучшія воспоминанія. Молодой, горячо увлекающійся своей наукой преподаватель, представлявшій рѣзкій контрастъ съ большинствомъ своихъ академическихъ товарищей, онъ сразу привлекъ къ себѣ симпатіи не только учащейся молодежи, но и всего интеллигентнаго общества, которое съ непрекращающимся интересомъ посѣщало его публичныя чтенія по философіи.

Его популяризаторскій талантъ, его чуткость въ пониманіи вопросовъ жизни, его умѣніе затронуть животрепещущіе во-

[1]) „Кіевлянинъ“ 1899 г. № 145 и „Русскій Трудъ“, № 25.

просы сразу создали ему большое число учениковъ, готовыхъ серьёзно у него учиться. Онъ умѣлъ не только заинтересовать, но умѣлъ и заставить серьёзно трудиться. Его громадная заслуга, какъ учителя, заключалась въ томъ, что онъ былъ учителемъ, близко стоявшимъ къ своимъ ученикамъ. Онъ не только училъ, но и работалъ вмѣстѣ со своими учениками. Онъ не только старался заинтересовать, но и принималъ участіе въ работѣ своихъ учениковъ, и значеніе этого участія никто изъ его учениковъ не забудетъ.

Онъ былъ дорогъ своимъ ученикамъ не только этимъ, не только это влекло къ нему сердца молодежи. Студенты любили въ немъ не только профессора, съ увлеченіемъ преподававшаго философію,—его любили за его необыкновенную гуманность и отзывчивость. Я живо помню, какъ не одинъ студентъ въ трудную минуту жизни обращался къ Н. Я., въ полной увѣренности, что въ его лицѣ онъ найдетъ и сочувствіе и помощь. Это знали всѣ, и многіе даже злоупотребляли этимъ. Онъ любилъ молодежь искренней любовью. Молодежь это знала и платила ему взаимностью.

Въ тѣ времена нужна была „проповѣдь“ философіи. Задача его, какъ преподавателя, состояла не въ томъ, чтобы преподавать науку всѣми признанную,—нѣтъ, нужно было еще заставить признать эту науку. Это была тяжелая задача, выпавшая на долю покойнаго.

Скромная дѣятельность провинціальнаго преподавателя философіи его не удовлетворяла. Онъ чувствовалъ себя призваннымъ для болѣе широкой дѣятельности. Его манила столица.

Въ 1886 году онъ переходитъ въ Московскій университетъ, и переходъ его туда былъ очень чувствительной утратой для Одессы.

Въ Москвѣ онъ дѣйствительно нашелъ то, чего искалъ. Здѣсь ему пришлось быть не только преподавателемъ университета, но пришлось взять на себя руководительство надъ дѣятельностью новаго, только что возникшаго общества. Дѣло это было очень трудное. Психологическое общество ставило себѣ широкія философскія задачи. Для выполненія ихъ, казалось, было слишкомъ мало работниковъ. Нужно было найти работниковъ, и они были найдены; это было дѣломъ неустанной энергіи Н. Я. Никто не умѣлъ объединять, подобно ему, людей различной спеціальности. Это можно было сдѣлать при широкой терпимости ко взглядамъ другихъ. Терпимость была одной изъ основныхъ чертъ его характера.

Въ Психологическомъ обществѣ принимали участіе лица различныхъ спеціальностей, различныхъ направленій, діаметрально противоположныхъ взглядовъ. Все это, казалось—элементы, не соединимые для общей философской работы. Нужна была энергія Н. Я., чтобы соединить несоединимое; и это ему удалось. Полезная дѣятельность процвѣтающаго нынѣ Психологическаго общества въ значительной мѣрѣ обязана энергіи покойнаго.

При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Н. Я. Гротъ задается цѣлью объединить всѣхъ философски мыслящихъ людей Россіи для одной общей работы; онъ задумываетъ издавать философскій журналъ въ Россіи. Я помню, какъ всѣ близкіе предсказывали ему неуспѣхъ, указывали на отсутствіе читателей, а главное, отсутствіе сотрудниковъ. Но ничто не могло остановить покойнаго передъ начинаніемъ, которое, по его мнѣнію, должно было быть весьма важнымъ для развитія философіи въ Россіи. Я хорошо зналъ Н. Я. въ этотъ періодъ его дѣятельности и могу сказать, что онъ не щадилъ своихъ силъ для этого дѣла и здѣсь-то онъ разстроилъ свое здоровье. Слишкомъ тяжелый трудъ, который выпалъ на его долю, погубилъ его. Но Н. Я. утѣшалъ себя той мыслью, что, жертвуя собою, онъ создаетъ дѣло огромной важности для отечественнаго просвѣщенія. Если мы посмотримъ, каково было отношеніе къ философіи 10 — 15 лѣтъ тому назадъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ теперь, то мы замѣтимъ огромное различіе. Совершенное отсутствіе интереса тогда, и серьёзный интересъ теперь. Такому повороту въ общественномъ мнѣніи не мало способствовалъ журналъ, дѣтище покойнаго Н. Я.

Дѣятельность его началась при очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ обществѣ господствовало полное недовѣріе къ наукѣ, которую онъ ставилъ цѣлью своей жизни. Но это не заставило его сложить оружіе. Неутомимая энергія, готовность бороться за любимое дѣло, свойства, которыя нужны были для служителя такой непризнанной науки, какъ философія, были ему присущи вполнѣ. Въ послѣдніе годы жизни онъ самъ могъ видѣть благопріятный поворотъ въ общественномъ мнѣніи.

Идеалистъ по натурѣ, онъ пережилъ одинъ разъ въ жизни очень серьёзный переломъ. Въ зрѣлые годы его наступилъ моментъ, когда онъ уже не могъ довольствоваться тѣмъ позитивизмомъ, который онъ усвоилъ въ юности; умъ

его искалъ болѣе широкихъ горизонтовъ, и онъ нашелъ для себя выходъ въ идеалистическихъ системахъ. Платонъ сдѣлался его излюбленнымъ философомъ. Онъ, со свойственной ему искренностью, сознался въ совершившихся въ его взглядахъ измѣненіяхъ и съ тѣхъ поръ неуклонно шелъ по этому пути и очень много сдѣлалъ для философскаго идеализма. Его преемники это знаютъ и достойнымъ образомъ оцѣнятъ его заслуги въ этомъ отношеніи. Историкъ нашего просвѣщенія за послѣднюю четверть XIX вѣка, навѣрное, отведетъ ему весьма почетное мѣсто.

Любитель изящнаго слова, покойный самъ обладалъ имъ, и это не мало способствовало его дару популяризаціи, который привлекалъ въ его аудиторіи огромныя толпы слушателей.

Русская наука обязана ему не только какъ ученому, но и какъ популяризатору.

Многочисленные ученики и почитатели его во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества съ глубокою скорбью узнаютъ о преждевременно угасшей жизни любимаго наставника.

Миръ праху твоему, дорогой учитель!

II [1]).

Весной 1883 года я кончалъ гимназію и мнѣ нужно было рѣшить, въ какой университетъ я поступлю. Мои вкусы уже опредѣлились: я остановился на томъ, что посвящу себя спеціальному изученію психологіи. Но въ какой Университетъ поступить и кого избрать своимъ руководителемъ? Съ наличными русскими научными силами того времени я былъ хорошо знакомъ. Самъ очень расположенный только къ эмпирическое психологіи, я и руководителя искалъ себѣ такого. Вниманіемое могло остановиться на М. М. Троицкомъ и Н. Я. Гротѣ. Изъ нихъ всѣ мои симпатіи были на сторонѣ Н. Я. Грота. Молодой ученый, авторъ „Психологіи чувствованій“, въ которой проявилъ такую обширную эрудицію, въ которой пользуется новѣйшими методами изслѣдованія, въ основу психологіи кладетъ физіологію,—это было для меня такъ привлека-

[1]) Эти воспоминанія Г. И. Челпанова о своемъ учителѣ написаны спеціально для настоящаго Сборника. *Ред.*

тельно. Но избраніе Н. Я. Грота руководителемъ представляло непреодолимыя трудности, потому что онъ былъ тогда профессоромъ Нѣжинскаго Института. Поступать въ Нѣжинскій Институтъ мнѣ не хотѣлось. Я хотѣлъ поступить въ Университетъ, чтобы изучать естественныя науки. Желаніе ѣхать въ Москву къ М. М. Троицкому было очень невелико. Такимъ образомъ, мои мечты учиться психологіи, какъ слѣдуетъ, наталкивались на сильное препятствіе. Но вотъ неожиданно я получилъ утѣшительныя извѣстія. Одинъ изъ преподавателей той гимназіи, въ которой я учился, именно С. Г. Квитницкій, ученикъ Н. Я. по Нѣжинскому Институту, находился въ перепискѣ съ Н. Я., и Н. Я. ему сообщилъ, что его приглашаютъ въ Новороссійскій университетъ. Отъ него же я узналъ, что Н. Я. въ своихъ личныхъ отношеніяхъ въ Нѣжинскомъ Институтѣ производилъ на студентовъ обаятельное впечатлѣніе.

Вопросъ съ университетомъ, такимъ образомъ, былъ покончепъ. Я рѣшилъ поступить въ одесскій университетъ. Въ концѣ августа 1883 года я уже былъ въ Одессѣ, записался въ студенты и находился въ нерѣшительности относительно того, на какой факультетъ мнѣ цѣлесообразнѣе будетъ поступить: на естественный или историко-филологическій. Окончательный отвѣтъ на это я думалъ получить отъ Н. Я. Но меня ждали большія огорченія. Когда я уже совершенно свыкся съ мыслью относительно того, что я буду въ Одессѣ, что я буду заниматься у Н. Я., проносится слухъ о томъ, что въ силу какихъ то причинъ переходъ Н. Я. въ одесскій университетъ не состоится. Взволнованный этимъ слухомъ я отправился къ декану, чтобы изъ оффиціальнаго источника узнать о справедливости его. Деканомъ историко-филологическаго факультета въ то время былъ И. С. Некрасовъ. Онъ подтвердилъ основательность этихъ слуховъ, но, видя мое огорченіе, посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Кіевъ, къ профессору Козлову, по его словамъ, молодому и энергичному преподавателю. Козлова я зналъ по его трудамъ, я зналъ, что у него психологіи научиться нельзя, а отъ такого типа философіи, которую преподавалъ „кіевскій метафизикъ“, какъ его называли въ общей прессѣ, я тогда былъ слишкомъ далекъ. Скрѣпя сердце, рѣшилъ подождать, въ надеждѣ, что все же слухи могутъ не оправдаться. И въ самомъ дѣлѣ, скоро выяснилось, что затрудненія, которыя мѣшали переходу Н. Я. изъ Нѣжинскаго Института, устранены, и что онъ еще въ текущемъ полугодіи

пріѣдетъ въ Одессу. Наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что Н. Я. уже пріѣхалъ, и что въ самомъ скоромъ времени имъ будетъ прочтена лекція.

Узнавъ о его пріѣздѣ, я не имѣлъ терпѣнія дожидаться того времени, когда онъ начнетъ чтенія въ университетѣ, чтобы тамъ съ нимъ познакомиться; мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть того, съ кѣмъ я такъ давно мечталъ стать въ близкія отношенія. Хотя я чувствовалъ неловкость такого шага, однако, преодолѣть своего желанія поскорѣе познакомиться съ Н. Я. я не могъ. Рѣшиться на это мнѣ помогло еще и то обстоятельство, что у меня было письмо къ Н. Я. отъ С. Г Квитницкаго. Съ большимъ волненіемъ я переступилъ порогъ его квартиры — и хотя С. Г. и предупредилъ меня, что Н. Я. вообще всегда очень любезенъ, тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что неловкость моего поступка какъ-нибудь будетъ отмѣчена Н. Я. Но первыя слова его обращенія ко мнѣ тотчасъ мнѣ показали, что я напрасно волновался. Та пропасть, которая отдѣляла провинціальнаго гимназиста отъ профессора съ уже громкимъ именемъ, тотчасъ же исчезла. Сразу началась бесѣда на тему о психологіи, о современномъ ея положеніи, о томъ, какъ ее слѣдуетъ изучать и т. п. На мой вопросъ относительно выбора факультета, Н. Я. совѣтовалъ поступить на историко-филологическій факультетъ, а не на естественный, и его доводы показались мнѣ убѣдительными. Онъ далъ мнѣ нѣсколько указаній относительно того, чѣмъ мнѣ сейчасъ слѣдовало бы заняться. Къ концу вечера наша бесѣда, которая очень затянулась, приняла настолько интимный характеръ, что мнѣ перестало казаться, что это наша первая бесѣда. Я ушелъ съ сознаніемъ, что Н. Я. обнаружилъ по отношенію ко мнѣ не просто любезность, но что онъ отнесся ко мнѣ съ участіемъ. Съ своими товарищами я могъ подѣлиться впечатлѣніемъ, которое на меня произвелъ новый преподаватель, имъ я могъ также сообщить, что лекція вступительная будетъ на тему „О классификаціи наукъ“. Сообщая имъ о своей бесѣдѣ съ Н. Я., я говорилъ, что на меня произвело такое впечатлѣніе, что на почвѣ философскихъ разсужденій Н. Я. всегда готовъ подѣлиться со всѣми тѣмъ, что у него есть. Это первое мое впечатлѣніе меня не обмануло. Такимъ я его зналъ до конца его жизни.

Студенты ждали вступительную лекцію Н. Я. Въ общей прессѣ такъ много говорилось о его трудахъ, о его направленіи и о его дарованіи, какъ преподавателя. Въ Одессѣ

уже нѣсколько лѣтъ кафедра философіи никѣмъ не была занята, и потому интересъ, съ которымъ студенчество ждало новаго преподавателя, былъ удвоенный. Студенты всѣхъ факультетовъ интересовались личностью новаго философа. Всѣмъ хотѣлось его услышать и увидѣть. Всѣмъ хотѣлось провѣрить, насколько дѣйствительность отвѣчаетъ слухамъ.

На 1 декабря назначена была вступительная лекція—на тему „О понятіи прогресса“ (очевидно, Н. Я. раздумалъ читать „о классификаціи наукъ“). Вступительная лекція была настоящимъ тріумфомъ для Н. Я. Слушать его собрался весь университетъ. Весь залъ, хоры актоваго зала и проходы были заняты студентами. Профессора всѣхъ факультетовъ, въ томъ числѣ и естественники, были на этой лекціи (помню, что на этой лекціи были между прочимъ А. О. Ковалевскій, И. И. Мечниковъ и Шведовъ). Не буду говорить о томъ, въ какой мѣрѣ успѣшно прошла эта лекція, и по содержанію и внѣшности всѣхъ заинтересовавшая. По силѣ вліянія она была прямо удивительна. Рѣчь эта подъ заглавіемъ: „Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса“ была напечатана въ одной изъ мѣстныхъ газетъ. Въ интеллигентныхъ кругахъ Одессы долгое время только и разговора было, что о понятіи прогресса. Появилось нѣсколько статей, имѣвшихъ цѣлью возразить на эту рѣчь Н. Я. Николай Яковлевичъ имъ возражалъ. Помню, многіе студенты подавали ему сочиненія на тему о прогрессѣ: они или возражали или дополняли и т. п. Словомъ, въ продолженіи довольно долгаго времени въ умственныхъ интересахъ Одессы тѣ мысли, которыя были высказаны въ рѣчи Н. Я., занимали выдающееся мѣсто. Насколько сильно было впечатлѣніе, показываетъ то, что за этотъ учебный годъ онъ еще нѣсколько разъ возвращается къ этой темѣ. Еще разъ пишетъ „Прогрессъ и наука“, „О субъективизмѣ въ соціологіи“ и т. п.

Чтобы оцѣнить въ должной мѣрѣ значеніе этого вліянія надо замѣтить, что то время, о которомъ я говорю, было особенно неблагопріятно для философіи. Уровень философскаго развитія студенчества былъ крайне не высокъ, философіей еще очень мало интересовались. Главный философскій интересъ сосредоточивался на позитивизмѣ Огюста Конта, да и этотъ интересъ былъ крайне поверхностный. Насколько поверхностнымъ былъ интересъ къ Огюсту Конту, показываетъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующій случай. Въ курильной комнатѣ было вывѣшено однимъ студентомъ объявленіе о томъ, что

имъ продается полное собраніе сочиненій Огюста Конта на французскомъ языкѣ; была проставлена и цѣна. Спустя нѣкоторое время вновь появляется объявленіе уже другого студента о томъ же, причемъ цѣна была понижена. По истеченіи нѣкотораго времени о продажѣ Огюста Конта возвѣщалъ уже третій студентъ. Какъ оказалось, дѣло шло о продажѣ одного и того же экземпляра. Изучать полное собраніе сочиненій Огюста Конта были охотники. Они его покупали, но не будучи въ состояніи овладѣть имъ, спѣшили поскорѣе его сбыть. Можно было бы еще многое разсказать о томъ, какъ студенты того времени мало понимали философію, и какъ они мало были съ нею знакомы. О большой публикѣ, разумѣется, и говорить нечего. Такъ вотъ въ такое-то время пришлось Н. Я. дѣйствовать въ Одессѣ.

Послѣ вступительной рѣчи началась обыденная преподавательская дѣятельность Н. Я. Интересъ къ лекціямъ его, въ особенности въ первое время, былъ необычайно великъ, потомъ этотъ интересъ нѣсколько уменьшился или, можетъ быть, правильнѣе было бы сказать, онъ вошелъ въ нормальные размѣры, соотвѣтствующіе уровню философскаго развитія тогдашняго одесскаго студенчества.

Новостью для одесскаго университета было то, что около Н. Я. организовался небольшой кружокъ студентовъ, интересующихся философіей. Занятія сначала шли у него на дому. Писались рефераты на всевозможныя философскія темы; по нихъ поводу шли оживленные дебаты. Впослѣдствіе дѣятельность этого кружка была перенесена въ Университетъ.

Живой, увлекающійся Н. Я. не могъ замкнуться въ узкія сферы академической дѣятельности. Его манила широкая популяризація науки, и вотъ онъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ публичныхъ лекцій, избирая темой ихъ основные вопросы философіи. Эти лекціи въ буквальномъ смыслѣ слова привлекали всѣ слои населенія. На его лекціяхъ бывала и молодежь, и представители стараго поколѣнія, мѣстная аристократія, военные, дамы и пр. На его лекціяхъ я часто видѣлъ архіепископа Никанора. Въ такое неблагопріятное для философіи время посѣщеніе массами публики лекцій Н. Я. весьма знаменательно. Лекціи его дѣйствовали, какъ ферментъ. Всегда за той или другой лекціей слѣдомъ шли въ печати обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые онъ затрогивалъ на своихъ лекціяхъ. Онъ читалъ то о цѣнности жизни, то о душѣ, то о свободѣ воли и т. д. За три года онъ прочелъ слѣдующія лекціи:

„О свободѣ воли“—1884 г.

„О значеніи пессимизма и оптимизма“—1884 г.

„Джордано Бруно и пантеизмъ“—1885 г.

„Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джордано Бруно“—1885 г.

„О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“—12 января 1886 г.

„О предѣлахъ знанія“—6 марта.

„Возможно ли достовѣрное знаніе нравственныхъ законовъ и прочное обоснованіе абсолютныхъ идей добра и зла“—3 апрѣля 1886 г.

Въ лекціи о душѣ имъ уже намѣчается его теорія „психической энергіи“, которая впослѣдствіи обратила вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ (Busse. Eisler'a и др.).

Конечно публика, не все усваивала въ его лекціяхъ, но, безспорно, уваженіе къ философіи возрастало. Всякій что-нибудь да уносилъ изъ его лекцій. Читалъ эти лекціи онъ всегда съ особеннымъ энтузіазмомъ и готовился къ нимъ съ такимъ же энтузіазмомъ. За много времени до публичной лекціи онъ обыкновенно отрѣшался отъ всякихъ дѣлъ и напряженно готовился къ этой лекціи. Нѣкоторое время онъ жилъ только ею. Въ кругу близкихъ знакомыхъ онъ предварительно прочитывалъ лекцію. Мнѣ часто приходилось присутствовать на этихъ „генеральныхъ репетиціяхъ“, и я помню, онъ всегда читалъ ихъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ если бы читалъ передъ настоящей публикой, такъ же волновался, какъ на настоящей лекціи. Въ кругу этихъ знакомыхъ можно было часто встрѣтить проф. Ф. И. Успенскаго и его супругу Надежду Эрастовну,—оцѣнкѣ ихъ Н. Я. придавалъ особенное значеніе.

Во всей его дѣятельности замѣчалась какая-то лихорадочность, волненіе. Все, за что онъ ни брался, онъ дѣлалъ съ какимъ-то особеннымъ увлеченіемъ. Вся его личность являлась какъ бы воплощеніемъ той „психической энергіи“, которую онъ положилъ въ основу своего ученія о душѣ.

Въ 1885 году произошло событіе, которое имѣло значеніе для его міросозерцанія. По чисто внѣшнимъ причинамъ онъ начинаетъ заниматься изученіемъ сочиненій Д. Бруно. Изученіе системы Бруно имѣло то значеніе, что отнынѣ интересы его направились на вопросы чисто метафизическіе. „Вопросы о душѣ“ и т. п., по преимуществу, привлекаютъ его вниманіе. Въ слѣдующемъ году онъ вмѣстѣ съ нами читаетъ сочиненія

Платона: Федонъ и Симпозіонъ и Аристотеля De interpretatione. Съ большимъ увлеченіемъ, какъ обыкновенно, онъ проводитъ эти занятія. Но видно было, что его больше всего интересовалъ Платонъ. Платонъ начинаетъ его интересовать до такой степени, что онъ все бросаетъ и занимается только имъ однимъ. Съ этого момента коренной переворотъ его въ міровоззрѣніи намѣчается. Онъ рѣшительно покидаетъ свою точку зрѣнія, еще очень близкую къ позитивизму, и переходитъ на сторону метафизики, за которую онъ теперь начинаетъ усиленно ратовать. Онъ весьма часто въ этотъ періодъ времени всякую философію, которая держится дѣйствительности, отождествляетъ съ Аристотелевскою философіей, а всякую философію идеала считаетъ тождественной съ философіей Платона, которую отнынѣ считаетъ своей.

За это же время Н. Я. переноситъ въ университетъ тѣ занятія, которыя велись у него на дому. Эти занятія, сопровождавшіяся дебатами, представляли, какъ я сказалъ, нѣкоторую новость для одесскихъ студентовъ; они ихъ интересовали, будили интересъ, поощряли къ занятіямъ философіей. О себѣ скажу, что интересъ къ вопросу о пространствѣ, которымъ я впослѣдствіи такъ долго занимался, родился здѣсь среди споровъ, которые велись въ аудиторіяхъ Н. Я. И эти занятія онъ велъ съ такимъ энтуазіазмомъ, какъ и все другое. Занятія Платономъ и Аристотелемъ подъ его руководствомъ были очень плодотворны, но велись они въ очень маломъ кругу студентовъ-спеціалистовъ. Въ нихъ принимали участіе главнымъ образомъ я, мой покойный товарищъ О. Л. Гади и еще два, три студента. Бесѣды его всегда имѣли такой непринужденный характеръ, потому что у него самого его міровоззрѣніе находилось въ періодѣ развитія и онъ самъ этого отнюдь не скрывалъ. Независимо отъ университетскихъ занятій я и О. Л. Гади весьма часто бывали у него на дому и намъ такъ уютно бывало въ гостепріимномъ домѣ Н. Я., гдѣ любезности Н. Я. такъ соотвѣтствовало радушіе хозяйки дома Наталіи Николаевны Гротъ. Весьма часто Н. Я. за чайнымъ столомъ развивалъ тѣ взгляды, къ которымъ онъ пришелъ въ самое послѣднее время.

Живое участіе онъ принималъ и въ дѣятельности ученыхъ обществъ. Въ Юридическомъ Обществѣ онъ выступаетъ въ защиту свободы воли. Въ кружкѣ студентовъ-естественниковъ излагаетъ свои взгляды на природу пространства. Въ тѣ времена у студентовъ физико-математиковъ организовался кружокъ

подъ руководствомъ проф. Умова и Шведова. Студенты читали доклады, которые здѣсь же и обсуждались. На одномъ изъ такихъ засѣданій студентъ Г. Г. Деметцъ, нынѣ профессоръ Кіевскаго Университета, прочелъ докладъ на тему: „Ученіе о пространствѣ Лобачевскаго". Въ это засѣданіе былъ приглашенъ и Н. Я. Онъ съ такимъ увлеченіемъ спорилъ, что завелъ своихъ оппонентовъ далеко за предѣлы чисто математическаго трактованія вопроса и весь вечеръ всѣ присутствующіе занимались обсужденіемъ его философской стороны.

Но три года дѣятельности въ Одесскомъ Университетѣ окончились для Н. Я. полнымъ разочарованіемъ Одессой, одесскимъ студенчествомъ, вообще провинціальной научной жизнью. Замѣтно было, что Н. Я. не удовлетворялся своей дѣятельностью. Этой неудовлетворенности подбавилъ и уставъ 1884 г. Этотъ уставъ, который почти совершенно изгонялъ философію изъ университета, сводя изученіе этой послѣдней исключительно къ изученію философіи Платона и Аристотеля, вызвалъ въ немъ безпокойство за судьбу философіи. Онъ не могъ помириться съ такимъ положеніемъ и, очевидно, думая, что можетъ способствовать измѣненію вводимаго порядка, написалъ очень обоснованное возраженіе противъ предполагаемой постановки преподаванія философіи. Эту свою записку онъ намъ читалъ, и намъ она очень понравилась. Ее онъ посылалъ какому-то заинтересованному этимъ вопросомъ высокопоставленному лицу, по кому именно, я не знаю. Порядокъ преподаванія остался тотъ, который былъ предначертанъ новымъ уставомъ. Значеніе философіи въ кругу факультетскихъ предметовъ свелось прямо къ нулю. Кругъ слушателей по философскимъ предметамъ сдѣлался крайне незначительнымъ. Приходилось работать въ очень маленькомъ кругу спеціалистовъ. Насъ, занимающихся настоящимъ образомъ философіей, осталось два человѣка. Для него, привыкшаго къ кипучей дѣятельности, этого было слишкомъ мало. Онъ часто жаловался на то, что для него въ Одессѣ становится тоскливо, что Одесса его не удовлетворяетъ, что онъ хотѣлъ бы въ столицу...

Приблизительно въ апрѣлѣ 1886 года состоялся его переходъ въ Московскій Университетъ. Мы, его ученики, съ грустью узнали объ этомъ. Что насъ касается, то мы его понимали. Въ Одессѣ было трудно работать. Трудно представить себѣ условія, менѣе благопріятныя для занятій философіей, чѣмъ Одесса того времени.

Въ послѣднихъ числахъ мая мы, его ученики, провели съ

нимъ послѣдній вечеръ въ Одессѣ за прощальнымъ ужиномъ въ Европейской гостиницѣ. Н. Я. съ большимъ увлеченіемъ говорилъ о своихъ новыхъ планахъ преподаванія въ Московскомъ Университетѣ, дѣлился съ нами многими проектами, которые онъ надѣялся осуществить. Мы простились съ нимъ съ большимъ огорченіемъ.

„Н. Я. уѣхалъ, но духъ его остался въ Одессѣ", справедливо замѣтилъ о немъ проф. Воеводскій, когда у него на практическихъ занятіяхъ были прочитаны два реферата, на философскія темы уже послѣ отъѣзда Николая Яковлевича.

Весь слѣдующій годъ я былъ занятъ писаніемъ сочиненія на тему, заданную Н. Я. („Ученіе Платона и Аристотеля объ отношеніи опыта къ мышленію"). Въ концѣ мая 1887 г., какъ только окончились мои официальныя связи съ Одесскимъ Университетомъ, я тотчасъ же покинулъ Одессу, потому что не представлялъ себѣ болѣе неблагопріятныхъ условій для занятій философіей, чѣмъ этотъ городъ, и вскорѣ затѣмъ поселился въ Москвѣ, чтобы продолжать свои занятія подъ руководствомъ Николая Яковлевича.

Изъ воспоминаній слушателя.

(Изъ статьи А. Ф.) [1]).

...„Правда, и при теперешнихъ условіяхъ бываютъ единичные случаи удивительной энергіи и вѣры въ возможность большей одухотворенности въ научной работѣ, но какой страшной траты нравственныхъ силъ стоитъ эта вѣра, къ какому печальному концу нерѣдко приводитъ она.

Передъ моими глазами яркій примѣръ: умершій два года тому назадъ талантливый и энергичный философъ-психологъ проф. Н. Я. Гротъ,—онъ не жилъ, а горѣлъ лучшими завѣтами университета. Всѣ его слушатели хорошо помнятъ, какъ

---

[1]) Въ газетѣ „Россія" (ред.-изд. Г. П. Сазонова) 10 августа 1901 г. (№ 822) была напечатана статья „Сближеніе", за подписью А. Ф. (по поводу статьи проф. Романовича-Славатинскаго по вопросу о сближеніи профессоровъ со студентами). Заимствуемъ изъ нея слѣдующее воспоминаніе о Н. Я. Гротѣ.

Ред.

рвался навстрѣчу молодымъ запросамъ въ области мысли этотъ прекрасный человѣкъ, помнятъ его лекціи, такъ непохожія на обычныя чтенія по довольно знакомой тетрадкѣ,—лекціи, которыя онъ импровизировалъ иногда переутомленный постоянной работой, почти больной, но *всегда* воодушевленный вѣрой въ свою аудиторію, которая петерпѣливо ждала этихъ лекцій, потому что онъ умѣлъ такъ искренно и просто увлечь ее и ввести въ кругъ своихъ задушевныхъ философскихъ интересовъ.

Но особенно памятны „бесѣды", которыя завелъ Николай Яковлевичъ подъ официальнымъ ярлыкомъ „практическихъ занятій",—бесѣды, на которыя незабвенный профессоръ выносилъ открыто свои собственныя работы, искалъ на нихъ возраженій со стороны студентовъ и тѣмъ вводилъ слушателей въ самый процессъ научно-философскаго творчества. Въ эти „бесѣды" съ необязательными рефератами, но всегда заваленныя ими (что такъ рѣдко бываетъ на официальныхъ „практическихъ занятіяхъ"), въ бесѣды, ограниченныя „правилами" (такъ, напр., „этика", насколько намъ извѣстно, находилась подъ опалой), Николаю Яковлевичу удавалось внести такъ много искренняго интереса къ знанію, струю „исканія", чуждаго всякому „искательству", что мы, студенты, воспитанники толстовской школы, сразу выросли и нравственно, и научно: у насъ явилась „святая святыхъ" нашей студенческой жизни, которую мы горячо любили, берегли, для которой съ наслажденіемъ работали. Если къ этому еще добавить, что Н. Я. былъ для многихъ слушателей „старшимъ братомъ", къ которому шли—и съ факультетскимъ и со своимъ личнымъ горемъ, то вотъ передъ нами образецъ отношенія къ аудиторіи,—и все это было такъ недавно!

И со своей стороны аудиторія, потомъ распавшаяся и ушпло дотянувшая (или отчасти еще дотягивающая) „курсъ ученія" послѣ смерти Н. Я., горячо цѣнила такое сближеніе; мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что нѣкоторые изъ студентовъ, серьёзно работавшихъ при условіяхъ, созданныхъ Николаемъ Яковлевичемъ, впослѣдствіи бросили факультетъ, не будучи въ состояніи продолжать занятія въ новыхъ, болѣе официальныхъ рамкахъ.

Мнѣ скажутъ: значитъ, желанное сближеніе возможно и при уставѣ 84-го года. На это я отвѣчу: нѣтъ, по случай, избранный мною, доказываетъ, что даже уставъ этотъ не въ силахъ совершенно убить того идеализма, которымъ пропик-

нуты многіе современные преподаватели и студенты: но этотъ же уставъ дѣлаетъ случаи, подобные указанному, *исключеніемъ*, возможнымъ только тогда, когда профессоръ надѣленъ такой рѣдкой энергіей, какъ Н. Я. Гротъ, а *главное*, когда онъ поставленъ въ сравнительно болѣе независимое положеніе, которое при современномъ уставѣ дается изрѣдка, по отнюдь не университетомъ, а исключительными *внѣшними* условіями. Къ счастью Н. Я. и насъ, его недавнихъ слушателей, въ данномъ случаѣ было это „исключительное“ условіе,—но и при немъ — сколько силъ, сколько огорченій стоило для дорогого учителя считаться съ массой мелочей, мѣшающихъ дѣлу, но неизбѣжныхъ при уставѣ 84 г. И если бы это только были мелочи!.....

....Вотъ цѣлый рядъ подобныхъ мелочей и „оглядокъ“ (современная университетская жизнь полна ими) давали себя чувствовать и Николаю Яковлевичу даже при его, повторяю, сравнительно исключительномъ положеніи, и едва-ли я ошибусь, если скажу, что въ неудовлетворенности его своею, искаженной и урѣзанной уставомъ, дѣятельностью—лежитъ одна изъ причинъ преждевременной смерти Н. Я. Грота. Я отлично помню, что творилось съ нимъ, когда въ печальную весну 1899 г. онъ не имѣлъ легальной возможности ближе стать къ горю молодежи и помочь ей такъ необходимымъ тогда совѣтомъ“...

Изъ моихъ воспоминаній о Н. Я. Гротѣ.

Л. Е. Оболенскаго [1]).

Почему именно съ одесситами я хочу поговорить о безвременно умершемъ, высоко-талантливомъ русскомъ философѣ и превосходномъ человѣкѣ?

Прежде всего потому, что онъ жилъ въ Одессѣ, работалъ здѣсь, возбуждая мысль студенческой молодежи своими прекрасными лекціями и бесѣдами въ домашнемъ кругу, живыми членами котораго были и его ученики. Здѣсь онъ будилъ и

[1]) Напеч. подъ заглавіемъ „Высокій нравственный образецъ“ въ „Одесскомъ Листкѣ“ 1899, № 212.

мысль публики своими общедоступными, талантливыми публичными лекціями...

Впослѣдствіи онъ сталъ достояніемъ всей Россіи, а, быть можетъ, и Европы, создавъ первый въ Россіи философскій журналъ и первое дѣйствительно работавшее философское общество. Я тутъ не дѣлаю ошибки: „Психологическое общество" при Московскомъ университетѣ было основано проф. Троицкимъ, но *создано* позднѣе Н. Я. Гротомъ. Такимъ образомъ, Одесса можетъ считать его отчасти своимъ и гордиться тѣмъ, что такой человѣкъ жилъ и работалъ въ ея средѣ, встрѣчая живой откликъ своимъ стремленіямъ.

Да, это было лучшее время въ духовной жизни Одессы!

I.

Я зналъ лично Грота съ 1879 г. по 1899 г., т. е. двадцать лѣтъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1897 г., проѣзжая лѣтомъ черезъ Москву и заѣхавъ къ нему. А послѣднее письмо получилъ отъ него недѣли за двѣ до его смерти. Письмо это поразило меня своимъ измученнымъ, утомленнымъ топомъ и необычнымъ для Николая Яковлевича перечисленіемъ его значенія и заслугъ для русской философіи. Я тогда же написалъ объ этомъ нѣкоторымъ общимъ московскимъ друзьямъ и отъ одного изъ нихъ, студента А. Л. Ф—ва, получилъ тревожный отвѣтъ: онъ писалъ, что нашъ общій любимецъ, Николай Яковлевичъ, неузнаваемъ послѣдніе дни: когда приходишь къ нему на квартиру, онъ говоритъ почти исключительно о себѣ, о своей усталости, о массѣ писемъ, получаемыхъ имъ изъ-за границы и изъ Россіи; онъ даже показывалъ конверты и даты этихъ писемъ и т. д.

Мои московскіе знакомые выражали серьезныя опасенія, что ихъ любимый профессоръ переутомился до послѣдней степени, что его силы надломились и что это состояніе угрожаетъ ему неминуемой бѣдой, если обстоятельства его жизни не измѣнятся радикально къ лучшему.

Изъ нашего послѣдняго свиданія въ Москвѣ, о которомъ я упомянулъ выше, мною было вынесено, наоборотъ, довольно хорошее впечатлѣніе относительно состоянія здоровья Николая Яковлевича. Я провелъ у него тогда нѣсколько часовъ, завтракалъ съ его семьей, оставившей во мнѣ самое симпа-

тичное воспоминаніе тѣсно сплоченнаго кружка взаимно любящихъ другъ друга людей. При мнѣ къ Гроту пришелъ извѣстный московскій философъ и талантливый молодой профессоръ, князь Трубецкой; отношенія между нимъ и Гротомъ были почти братскія, дружескія, и эти отношенія дополнили для меня впечатлѣніе теплоты, вынесенное изъ пребыванія у Грота.

Я замѣтилъ, впрочемъ, и тогда одну черту, которая, однако, не заставила меня задумываться о его душевномъ состояніи: нѣсколько разъ въ теченіе нашей бесѣды его покойное, радостное настроеніе смѣнялось выраженіемъ крайней задумчивости, какъ будто бы онъ на мгновеніе уходилъ мыслью далеко отъ насъ и нашей бесѣды и былъ тяжко озабоченъ чѣмъ-то.

Когда послѣ завтрака мы ушли въ его кабинетъ, и онъ съ волненіемъ началъ разсказывать мнѣ о крупной кражѣ, сдѣланной артельщикомъ журнала „Вопросы философіи и психологіи“ изъ книжнаго склада этого журнала, я приписалъ вышеупомянутыя минуты его задумчивости этому обстоятельству: въ складѣ были книги, отданныя на комиссію; за растрату приходилось нести нравственную и отчасти матеріальную отвѣтственность Н. Я. Гроту и, хотя товарищи, конечно, сдѣлали все, чтобы облегчить этотъ неожиданный ударъ, онъ былъ, тѣмъ не менѣе, очень тяжелъ для Николая Яковлевича.

Вотъ все, что я знаю о послѣднихъ годахъ личной жизни глубокоуважаемаго ученаго.

Къ этому могу прибавить развѣ только то, что около времени моего послѣдняго свиданія съ нимъ редактированіе журнала отошло отъ него въ своихъ деталяхъ. „Психологическое общество“ избрало, по предложенію самого Грота, нѣсколькихъ редакторовъ журнала, оставивъ за нимъ, какъ за своимъ представителемъ, только общее наблюденіе.

Николая Яковлевича, повидимому, огорчала недостаточная распространенность журнала среди русской публики, хотя тутъ же онъ доказывалъ, что его журналъ имѣетъ больше подписчиковъ, чѣмъ французскій „Revue Philosophique“. Въ этихъ заботахъ о большемъ распространеніи, онъ много говорилъ со мною о необходимости ввести въ журналъ статьи по вопросамъ соціологическимъ на философской почвѣ. И мы тогда же уговорились съ нимъ о рядѣ статей, которыя я долженъ буду дать по этимъ вопросамъ. Впослѣдствіи я могъ

выполнить это предположеніе наше лишь отчасти по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ Грота.

Мои воспоминанія я началъ съ конца по весьма понятной причинѣ: конецъ больше всего меня поразилъ, и я не могу до сей поры оправиться отъ тягостнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня извѣстіемъ о неожиданной смерти этого выдающагося человѣка. Передъ моими глазами до сихъ поръ встаетъ худощавая фигура и глубоко-симпатичное, живое, нервное лицо его, какъ я видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ. Старости не было ни тѣни, ни малѣйшихъ признаковъ въ этомъ лицѣ, въ этой живой, подвижной фигурѣ, въ этихъ милыхъ, юношескихъ, глубокихъ глазахъ! И какъ могла смерть такъ быстро скосить эту выдающуюся, рѣдкую натуру!?

II.

А натура у Николая Яковлевича была, дѣйствительно, рѣдкая. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, въ своей замѣткѣ о немъ, въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“, замѣчаетъ справедливо, что рѣдко можно встрѣтить человѣка, который такъ благожелательно, съ такимъ полнымъ отсутствіемъ личнаго самолюбія, относился бы къ своимъ собратьямъ по философіи. Обыкновенно бываетъ, что различія въ философскихъ мнѣніяхъ порождаютъ ярую полемику и даже личную вражду между философами. Извѣстный французскій психологъ Рибо высказалъ даже однажды мысль, что философія изъ всѣхъ другихъ областей знанія и мысли наиболѣе способна раздѣлять людей и поселять вражду между ними. Онъ указывалъ, что всѣ спеціальности имѣютъ свои сплоченныя „общества“ и только философовъ нельзя себѣ представить въ подобномъ объединеніи, — до такой степени они враждебно настроены другъ противъ друга.

Нельзя сказать, чтобы въ этихъ словахъ Рибо не было доли правды. Чѣмъ убѣжденнѣе философъ и чѣмъ больше онъ имѣетъ основаній думать, что создалъ новую систему, новое міросозерцаніе, тѣмъ больше онъ способенъ враждовать съ другими міровоззрѣніями, которыя, какъ ему кажется, стоятъ камнями на пути распространенія того, что онъ самъ считаетъ единственной истиной. И это враждебное отношеніе къ другимъ бываетъ не только у оригинальныхъ

философовъ-изобрѣтателей, но и у горячихъ послѣдователей какой-нибудь чужой философіи.

Этимъ послѣднимъ фактомъ доказывается, что философская вражда не есть дѣло честолюбія, или, по меньшей мѣрѣ, что честолюбіе здѣсь далеко не главный и не единственный факторъ.

Относительно Грота можно сказать, что онъ въ этомъ отношеніи представлялъ рѣдкое исключеніе. Онъ справедливо могъ считать себя, — особенно въ началѣ своей философской карьеры, — болѣе или менѣе оригинальнымъ изобрѣтателемъ, если не философской, то психологической системы на почвѣ біологіи.

Тѣмъ больше, значитъ, причинъ было у него для вражды съ другими философами. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, не было человѣка, который съ большимъ вниманіемъ, терпимостью, даже любовью, относился къ трудамъ другихъ, хотя бы они расходились съ нимъ въ своихъ основаніяхъ и выводахъ, даже полемизировали противъ его взглядовъ.

Это — явленіе до такой степени рѣдкое, до такой степени высоко-цѣнное, что, говоря о Н. Я. Гротѣ, его нужно поставить на первое мѣсто.

Только этой чертой характера нашего симпатичнаго мыслителя можно объяснить себѣ то огромное вліяніе, какое онъ сумѣлъ оказать на развитіе русской философіи, на объединеніе ея дѣятелей въ „Психологическомъ обществѣ“ и въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“.

И не думайте, чтобы такая терпимость къ чужимъ мнѣніямъ и такое уваженіе къ чужому труду обходились Гроту безнаказанно. О, далеко нѣтъ! Когда основался журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, многіе были возмущены — особенно въ Петербургѣ, встрѣтивъ въ числѣ именъ опубликованныхъ сотрудниковъ его два-три имени несимпатичныхъ по своей тогдашней общественной дѣятельности.

Это обстоятельство лишило журналъ сочувствія нѣкоторыхъ интеллигентныхъ кружковъ, что ограничило значительно и кругъ его сотрудниковъ, и кругъ его подписчиковъ.

Помню, что я, подъ впечатлѣніемъ раздражающихъ толковъ, слышавшихся объ этомъ въ Петербургѣ, написалъ тогда Гроту, что онъ сдѣлалъ, по моему, крупную ошибку, допустивъ въ списокъ сотрудниковъ эти несимпатичныя имена. На это письмо я получилъ пространный отвѣтъ Грота. Онъ глубоко возмущался этой нетерпимостью нѣкоторой части пу-

блики (къ сожалѣнію, наиболѣе прогрессивной); говорилъ о необходимости уважать каждый серьезный трудъ, хотя бы онъ исходилъ отъ противника нашихъ общественныхъ убѣжденій. Съ противными мнѣніями слѣдуетъ бороться доводами и доказательствами, а не остракизмомъ и т. д.

Въ письмѣ не было даже намека на то, что иногда такая терпимость важна и ради „политики", если желаешь провести и сохранить новое дѣло, которое легко можетъ быть опорочено въ извѣстномъ смыслѣ. Быть можетъ, безсознательно для самого себя, Гротъ находился и подъ давленіемъ необходимости держаться извѣстной политики относительно лицъ другихъ направленій, но сознательно, даже въ интимномъ письмѣ, этого нельзя было замѣтить: онъ стоялъ исключительно на чистомъ этическомъ принципѣ извѣстнаго уваженія къ чужимъ взглядамъ, которыхъ нельзя стѣснять внѣшнимъ образомъ. Можно соглашаться или не соглашаться съ такой широкой терпимостью Н. Я. Грота, но нельзя отказать ей въ глубокой симпатичности. Кромѣ того, она была логически-послѣдовательно связана съ его общими философскими и психологическими воззрѣніями, развитыми особенно ярко и талантливо въ двухъ капитальныхъ трудахъ: „Психологіи чувствованій" и „Реформѣ логики", а затѣмъ въ его лекціяхъ, читанныхъ студентамъ Новороссійскаго университета. Съ ними я имѣлъ удовольствіе подробно ознакомиться, такъ какъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ лекцій получилъ тогда отъ Грота для напечатанія въ бывшемъ моемъ журналѣ „Русское Богатство", въ которомъ Н. Я. Гротъ былъ самымъ усердпымъ (и всегда безплатнымъ) сотрудникомъ до основанія имъ своего собственнаго журнала (объ идеяхъ этихъ сочиненій и лекцій скажу ниже).

III.

Кромѣ поддержки моего журнала безвозмездпымъ сотрудничествомъ, Николай Яковлевичъ помогъ ему и другимъ способомъ. Въ началѣ 80 годовъ, я написалъ ему, что мнѣ нуженъ компаніонъ для улучшенія журнала, и не прошло мѣсяца, какъ онъ отыскалъ его мнѣ среди своихъ молодыхъ почитателей.

Насколько симпатично и благожелательно относился онъ къ трудамъ другихъ и особенно начинающихъ мыслителей,

видно изъ слѣдующаго. Первая психологическая работа, съ которой я выступилъ въ печати, была небольшая книжка, изданная мною въ 1878 году, подъ заглавіемъ „Физіологическія объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“ (ранѣе она была помѣщена въ одномъ научномъ журналѣ). И вотъ выходитъ въ свѣтъ обширная диссертація Н. Я. Грота „Психологія чувствованій“, и въ ней я нашелъ въ исторической части подробное изложеніе своей работы и самое доброжелательное указаніе на то новое, что она вносила въ психологію эстетическаго чувства, на-ряду съ другими подобными же работами иностранныхъ и русскихъ психологовъ.

Надо замѣтить, что въ то время я еще не былъ знакомъ съ Гротомъ лично и, кромѣ этого моего труда (правда, встрѣтившаго довольно добрые отзывы въ тогдашнихъ „толстыхъ“ журналахъ), ничѣмъ еще не завоевалъ себѣ права на такое вниманіе. Но для Грота было достаточно, что въ моей книжечкѣ онъ нашелъ нѣчто цѣнное и новое, и онъ не поколебался указать въ своемъ историческомъ очеркѣ даже на то, что я являлся предшественникомъ одного извѣстнаго французскаго психолога, высказавшаго годъ спустя подобные же взгляды.

Съ такимъ же вниманіемъ онъ относился и къ другимъ русскимъ работамъ и, конечно, не къ однимъ моимъ. Каждая его лекція по какому-нибудь философскому или психологическому вопросу начиналась перечисленіемъ, изложеніемъ и разборомъ мнѣній его предшественниковъ въ данномъ вопросѣ и особенно русскихъ предшественниковъ, хотя бы они были еще мало извѣстны нашей публикѣ.

Этимъ онъ достигалъ важныхъ результатовъ для роста и развитія русской философіи: начинающіе работать въ этой области и успѣвшіе сказать что-либо заслуживающее вниманія могли быть увѣрены, что ихъ трудъ не будетъ „замолчанъ“.—что Н. Я. Гротъ непремѣнно выдвинетъ его передъ публикой. А, вѣдь, такая надежда является уже огромнымъ стимуломъ, побуждающимъ къ работѣ. И это было особенно важно у насъ, гдѣ публика еще недавно смотрѣла на философію, какъ на какую-то пустую забаву, и любой кропатель плохихъ романовъ, повѣстей и разсказовъ могъ надѣяться на большую извѣстность, чѣмъ философъ или психологъ...

Съ другой стороны, Гротъ возбуждалъ и въ обществѣ интересъ къ философіи, читая свои публичныя лекціи,—какъ

было въ Одессѣ,—на которыхъ онъ популяризировалъ философскія и психологическія задачи, сближалъ ихъ съ жизнью и проводилъ въ толпу, не умѣвшую еще мыслить ни о чемъ, кромѣ своихъ житейскихъ дѣлъ и свѣтскихъ отношеній.

IV.

Не мѣшаетъ здѣсь сказать вкратцѣ о тѣхъ идеяхъ, которыя развивалъ Н. Я. Гротъ въ теченіе своей философской карьеры. Наиболѣе выдающимся трудомъ его я считаю вышеупомянутую диссертацію „Психологія чувствованій“. Въ ней онъ дѣлаетъ попытку, имѣвшую, впрочемъ, предшественниковъ, поставить наши чувствованія въ связь съ біологическими процессами въ организмѣ. Основная мысль этого труда взята у Герберта Спенсера, хотя развита и обработана Гротомъ оригинально и самостоятельно. Спенсеръ замѣтилъ, что работа, для которой запасено въ организмѣ или органѣ достаточное количество энергіи, доставляетъ удовольствіе. И, наоборотъ, недостатокъ энергіи вызываетъ страданіе при работѣ.

Гротъ расширяетъ, обобщаетъ и, такъ сказать, округляетъ эту мысль. Онъ доказываетъ, что удовольствіе можетъ получаться и положительно, и отрицательно, а именно, во-первыхъ, отъ израсходованія накопленной энергіи и, во-вторыхъ, отъ возстановленія истраченной энергіи. Въ свою очередь, и страданіе можетъ получаться путемъ положительнымъ и путемъ отрицательнымъ: во 1-хъ, отъ недостатка работы при избыткѣ энергіи и, во 2-хъ, при излишкѣ работы, превышающей затрачиваемую на нее энергію.

Теорія эта была изящна, закончена и объясняла, дѣйствительно, значительное большинство нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій, хотя въ одной изъ моихъ работъ мнѣ пришлось сдѣлать противъ нея возраженія, которыя мнѣ кажутся существенными; впрочемъ, говоря точнѣе, я сдѣлалъ не возраженія, а дополненія. Дѣло въ томъ, что теорія Грота не объясняла вредныхъ или анормальныхъ удовольствій, напр., отъ куренія, опьяненія —алкоголемъ, морфіемъ и т. д. Не объясняетъ она и страданій, испытываемыхъ людьми, пріобрѣтшими вредныя привычки, когда имъ приходится воздерживаться отъ тѣхъ же привычекъ, напр, когда алкоголикъ или курильщикъ не могутъ удовлетворить своей привычки къ водкѣ

или никотину. Поэтому, я дополнялъ теорію Грота теоріей равновѣсія и гармоніи въ цѣломъ организмѣ и отдѣльныхъ его органахъ, причемъ удовольствіе зависитъ отъ возстановленія равновѣсія хотя бы и вреднаго, но привычнаго, а страданіе— отъ его нарушенія. Такимъ образомъ, теорія Грота входила въ мою какъ одна часть, или частный случай нарушенія или возстановленія равновѣсія (энергіи).

Въ своей „Реформѣ логики“ Гротъ сдѣлалъ попытку поставить и процессы нашего мышленія въ связь съ біологическими процессами. Такъ какъ здѣсь его идея болѣе сложна и едва ли интересна газетнымъ читателямъ, то я не буду излагать ее.

Болѣе общеинтересной является его попытка, сдѣланная въ вышеупомянутыхъ его лекціяхъ студентамъ Новороссійскаго университета,—привести въ связь съ біологіей смѣну различныхъ философскихъ направленій, при чемъ въ метафизическомъ мистицизмѣ онъ видѣлъ ослабленіе энергіи, старчество организма, а, слѣдовательно, мозга и его мышленія.

Впослѣдствіи, Гротъ значительно измѣнилъ этотъ взглядъ и сдѣлался самъ защитникомъ метафизики, а отчасти, даже, и мистицизма. Онъ искалъ особой психической энергіи для объясненія душевныхъ явленій и т. п. Этотъ переворотъ, который, однако, самъ онъ считалъ не переворотомъ въ своихъ идеяхъ, а лишь кругообразнымъ (циклическимъ) развитіемъ своихъ взглядовъ, совершился въ немъ въ московскій періодъ его дѣятельности. Быть можетъ, нѣкоторое вліяніе на этотъ переворотъ имѣло и ученіе Л. Н. Толстого, возбуждавшаго этическое чувство на мистической подкладкѣ.

Измѣненіе взглядовъ не помѣшало Гроту оставаться такимъ же терпимымъ и благожелательнымъ къ воззрѣніямъ совершенно несогласнымъ съ его взглядами, и, даже, противнымъ этимъ взглядамъ. Его журналъ (т. е. „журналъ Психологическаго общества“, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ), продолжалъ давать мѣсто статьямъ мыслителей всѣхъ философскихъ направленій. Въ то же время, Гротъ, если когда-нибудь и полемизировалъ съ противниками, то эта полемика была образцомъ уваженія къ чужимъ идеямъ и мнѣніямъ. Я увѣренъ, что во всѣхъ его работахъ невозможно отыскать даже одного слова или выраженія, которое было бы оскорбительно для его противниковъ. Это — поистинѣ неоцѣнимое качество. И, быть можетъ, оно доказываетъ

лучше всего, что Гротъ былъ не только философъ, но и мудрецъ, глубоко понимавшій необходимость и плодотворность разномыслія для достиженія истины. Конечно, можно многое сознавать и, тѣмъ не менѣе, поступать вопреки своимъ убѣжденіямъ. Гротъ же, наоборотъ, поступалъ такъ, какъ онъ думалъ. Для этого мало даже быть мудрецомъ, а необходимо быть и превосходнымъ человѣкомъ въ этическомъ смыслѣ необходимо любить людей, даже враговъ своихъ, т. е. уважать ихъ мысли, а слѣдовательно, ихъ духовную свободу, выше любви и уваженія къ своимъ собственнымъ идеямъ и произведеніямъ. Такихъ людей мы найдемъ не много во всей исторіи человѣческой мысли. И, мнѣ кажется, что еще придетъ время, когда эта сторона духовной натуры Николая Яковлевича будетъ оцѣнена и поставлена высоко, создавъ ему неувядаемую славу дѣятельнаго борца за духовную и философскую свободу. В. С. Соловьевъ указываетъ на эту сторону его натуры лишь въ рамкахъ благожелательности къ своимъ товарищамъ и отсутствія зависти относительно ихъ. Но эта мѣрка черезъчуръ узка. Правда, это—фактъ, но фактъ, составляющій, такъ сказать, частный случай, частное проявленіе высокой, рѣдкой, образцовой этической личности и этическихъ убѣжденій Грота.

Благословимъ же память этого рѣдкаго человѣка и возьмемъ его себѣ образцомъ терпимости и духовной свободы.

Воспоминанія гр. Л. Н. Толстого [1]).

25 сентября 1910 года. Ясная Поляна.

Посылаю вамъ, уважаемый Константинъ Яковлевичъ, въ формѣ довольно длиннаго письма мои воспоминанія о вашемъ миломъ братѣ.

Естественно въ этихъ воспоминаніяхъ выступило, болѣе чѣмъ нужно было ярко, различіе нашихъ, моихъ съ Николаемъ Яковлевичемъ, взглядовъ на основные вопросы. Вспоминая свои отношенія съ Николаемъ Яковлевичемъ, я не могъ удержаться отъ того, чтобы не высказать то, что считалъ самымъ главнымъ въ нашемъ общеніи.

Съ совершеннымъ уваженіемъ ***Левъ Толстой.***

---

[1]) Присланы Львомъ Николаевичемъ при нижеслѣдующей запискѣ уже послѣ отпечатанія этой части сборника. *К. Г.*

Константинъ Яковлевичъ,

Получилъ ваше письмо и часть сборника, посвященнаго памяти вашего брата. Вы совершенно вѣрно предположили, что то, что вы мнѣ посылаете, вызоветъ во мнѣ воспоминаніе о миломъ Николаѣ Яковлевичѣ. Это самое случилось. Я прочелъ присланное и нынче утромъ, дѣлая свою обычную утреннюю прогулку, не переставая думалъ о Николаѣ Яковлевичѣ. Постараюсь написать то, что думалъ.

Не помню какъ, черезъ кого и при какихъ условіяхъ я познакомился съ Н. Я., но помню очень хорошо то, что съ первой же встрѣчи мы полюбили другъ друга. Для меня, кромѣ его учености, и, прямо скажу, несмотря на его ученость, Николай Яковлевичъ былъ дорогъ тѣмъ, что тѣ же вопросы, которые занимали меня, занимали и его, и что занимался онъ этими вопросами не какъ большинство ученыхъ, только для своей кафедры, а занимался ими и для себя, для своей души.

Трудно ему было освобождаться отъ того суевѣрія науки, въ которомъ онъ выросъ и возмужалъ и въ служеніи которому пріобрѣлъ выдающійся мірской успѣхъ; но я видѣлъ, что его живая, искренняя и нравственная натура невольно, не переставая, дѣлала усилія для этого освобожденія. Внутреннимъ опытомъ извѣдавъ всю узость и, по-просту, глупость матеріалистическаго жизнепониманія, несовмѣстимаго ни съ какимъ нравственнымъ ученіемъ,—Николай Яковлевичъ былъ неизбѣжно приведенъ къ признанію основой всего—духовнаго начала, и—къ вопросамъ объ отношеніи человѣка къ этому духовному началу, т. е. былъ приведенъ къ вопросамъ этики, которыми онъ и занимался послѣднее время все больше и больше.

Въ сущности вышло то, что Н. Я. сложнымъ и длиннымъ путемъ философской, научной мысли былъ приведенъ къ тому простому положенію, признаваемому каждымъ, хотя бы и безграмотнымъ русскимъ крестьяниномъ, что *жить надо для души*, а что для того, чтобы жить для души, надо знать, что для этого нужно и чего не нужно дѣлать.

Отношеніе Н. Я. къ дѣлу, по моему, было совершенно правильное, но, къ сожалѣнію, онъ никакъ не могъ освободиться отъ того, усвоеннаго имъ, какъ нѣчто нужное и цѣнное, научнаго балласта, который требовалъ своего исполь-

зованія и, загромождая мысль, мѣшалъ ея свободному проявленію. Раздѣляя со всѣми „учеными“ суевѣріе о томъ, что философія есть наука, устанавливающая основы *всѣхъ*, *всѣхъ* другихъ истинъ, Н. Я., не переставая устанавливать эти истины, строилъ одну теорію за другой, не приходя ни къ какому опредѣленному результату. Большая эрудиція и еще большая гибкость и изобрѣтательность его ума поощряли его къ этому. Главной же причиной безрезультатности этой работы было ложное, по моему мнѣнію, установившееся среди научныхъ философовъ, раздѣлявшееся и Н. Я., убѣжденіе, что религія есть не что иное, какъ вѣра, въ смыслѣ довѣрія тому, что утверждается тѣми или иными людьми, и что поэтому вѣра или религія не можетъ имѣть никакого значенія для философіи. Такъ что философія должна быть, если не враждебною, то совершенно независимою отъ религіи. Н. Я. вмѣстѣ со всѣми научными философами не видѣлъ того, что религія-вѣра, кромѣ того значенія догматовъ,—установленія слѣпого довѣрія къ какому-либо писанію,—въ которомъ она понимается теперь, имѣетъ еще другое, свое главное значеніе признанія и яснаго выраженія неопредѣлимыхъ, но всѣми сознаваемыхъ началъ (души и Бога), и что поэтому всѣ тѣ вопросы, которые такъ страстно занимаютъ научныхъ философовъ, и для разрѣшенія которыхъ строилось и строится безконечное количество теорій, взаимно противорѣчивыхъ и часто очень глупыхъ,—что всѣ эти вопросы уже многіе вѣка тому назадъ разрѣшены религіей и разрѣшены такъ, что перерѣшать ихъ нѣтъ и не можетъ быть никакой надобности, ни возможности.

Н. Я., какъ и всѣ его сотоварищи философы, не видѣлъ этого, не видѣлъ того, что религія, не въ смыслѣ тѣхъ извращеній, которымъ она вездѣ подвергалась и подвергается, а въ смыслѣ признанія и выраженія неопредѣлимыхъ, но всѣми сознаваемыхъ началъ (души и Бога),—есть непзбѣжное условіе какого бы то ни было разумнаго, яснаго и плодотворнаго ученія о жизни (такого ученія, изъ котораго только и могутъ быть выведены твердыя начала нравственности), и что поэтому религія, въ ея истинномъ смыслѣ, не только не можетъ быть враждебна философіи, но что философія не можетъ быть наукой, если она не беретъ въ основу данныя, установленныя религіей.

Какъ ни странно это можетъ показаться для людей, привыкшихъ считать религію чѣмъ-то неточнымъ, „ненаучнымъ“,

фантастическимъ, нетвердымъ, науку же чѣмъ-то твердымъ, точнымъ неоспоримымъ, въ дѣлѣ философіи выходитъ какъ разъ наоборотъ.

Религіозное пониманіе говоритъ: есть прежде всего и несомнѣннѣе всего извѣстное намъ неопредѣлимое нѣчто; нѣчто это есть наша душа и Богъ. Но именно потому, что мы знаемъ это прежде всего и несомнѣннѣе всего, мы уже никакъ не можемъ ничѣмъ опредѣлить этого, а вѣримъ тому, что это есть и что это—основа всего: и на этой-то вѣрѣ мы и строимъ уже все наше дальнѣйшее ученіе. Религіозное пониманіе изъ всего того, что познаваемо человѣкомъ, выдѣляетъ то, что не подлежитъ опредѣленію, и говоритъ объ этомъ: „*я не знаю*“. И такой пріемъ по отношенію къ тому, что не дано знать человѣку, составляетъ первое и необходимѣйшее условіе истиннаго знанія. Таковы ученія Зороастра, браминовъ, Будды, Лао-Тзе, Конфуція. Христа. Философское же пониманіе жизни, не видя различія или закрывая глаза на различія между познаніемъ внѣшнихъ явленій и познаніемъ души и Бога, считаетъ одинаково подлежащими разсудочнымъ и словеснымъ опредѣленіямъ химическія соединенія и сознаніе человѣкомъ своего „я“. астрономическія наблюденія и вычисленія и—признаніе начала жизни всего, смѣшивая опредѣляемое съ неопредѣляемымъ, познаваемое съ сознаваемымъ, не переставая строить фантастическія, отрицаемыя одна другою, теоріи за теоріями, стараясь опредѣлить неопредѣлимое. Таковы ученія о жизни Аристотелей, Платоновъ, Лейбницевъ, Локковъ, Гегелей, Спенсеровъ и многихъ и многихъ другихъ, имя же имъ легіонъ. Въ сущности же, всѣ эти ученія представляютъ изъ себя или пустыя разсужденія о томъ, что не подлежитъ разсужденію,—разсужденія, которыя могутъ называться философистикой, но не философіей, не любомудріемъ, а любомудрствованіемъ, или плохія повторенія того, что по отношенію нравственныхъ законовъ выражено гораздо лучше въ религіозныхъ ученіяхъ.

Да, какъ ни странно это можетъ показаться людямъ, никогда не думавшимъ объ этомъ, пониманіе жизни какого бы то ни было *язычника*, признающаго необъяснимое начало всего, олицетворяемое имъ въ какомъ бы то ни было идолѣ,—какъ бы неразумны ни были его понятія объ этомъ необъяснимомъ началѣ,—такое пониманіе жизни все-таки несравненно выше жизнепониманія философа, не признающаго неопредѣлимыхъ основъ познанія. Религіозный язычникъ при-

знаетъ нѣчто неопредѣлимое, вѣритъ, что оно есть и есть основа всего, и на этомъ неопредѣлимомъ, хорошо или дурно, строитъ свое пониманіе жизни, подчиняется этому неопредѣлимому и руководится имъ въ своихъ поступкахъ. Философъ же, пытаясь опредѣлить то, что опредѣляетъ все остальное и потому не можетъ быть опредѣлено, не имѣетъ никакого твердаго основанія ни для построенія своего пониманія жизни, ни для руководства въ своихъ поступкахъ.

Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ всякое знаніе есть установленіе отношеній между причинами и слѣдствіями, цѣпь же причинъ безконечна, и потому явно, что изслѣдованіе извѣстнаго ряда причинъ въ безконечной цѣпи не можетъ быть основой міросозерцанія.

Какъ же быть? Гдѣ же взять ее? Разсужденіе, т. е. дѣятельность ума не даетъ такой основы. Нѣтъ ли у человѣка еще другого, кромѣ разсудочнаго, познанія? И отвѣтъ очевиденъ: такое, совсѣмъ особенное отъ разсудочнаго, независимое отъ безконечной цѣпи причинъ и послѣдствій, познаніе каждый знаетъ въ себѣ. Познаніе это есть сознаніе своего духовнаго „я“.

Когда человѣкъ непосредственно, самъ находитъ это независимое отъ цѣпи причинъ и слѣдствій познаніе, онъ называетъ это сознаніемъ; когда же онъ находитъ это общее всѣмъ людямъ сознаніе въ религіозныхъ ученіяхъ, онъ называетъ это познаніе, въ отличіе отъ познанія разсудочнаго, вѣрою. Таковы всѣ вѣры, отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ. Сущность всѣхъ ихъ въ томъ, что, несмотря на тѣ, часто нелѣпыя, формы, которыя онѣ приняли въ своемъ извращеніи, онѣ все-таки даютъ воспринимающему ихъ такія независимыя отъ цѣпи причинъ и послѣдствій основы познанія, которыя однѣ только и даютъ возможность разумнаго міросозерцанія. Такъ что научный философъ, не признающій религіозныхъ основъ, неизбѣжно поставленъ въ необходимость, вращаясь въ безконечной цѣпи причинъ, отыскивать воображаемую и невозможную причину всѣхъ причинъ. Религіозный же человѣкъ сознаетъ эту причину всѣхъ причинъ, *открытъ* въ нее, и, вслѣдствіе этого, имѣетъ твердое пониманіе жизни и такое же твердое руководство для своихъ поступковъ. Научный же философъ не имѣетъ и не можетъ имѣть ни того, ни другого.

На дняхъ ученый профессоръ объяснялъ мнѣ, какъ теперь уже всѣ душевныя свойства сведены къ механическимъ

причинамъ,—„еще только сознаніе не совсѣмъ объяснено“, говорилъ съ поразительной наивностью ученый профессоръ. „Мы знаемъ ужъ всю машину, только еще не совсѣмъ знаемъ, чѣмъ и какъ она приводится въ движеніе“. Удивительно! Не сведено еще къ механическимъ процессамъ только (очень хорошо это „только“) сознаніе. Не сведено еще, но профессоръ, очевидно, увѣренъ, что вотъ-вотъ на-дняхъ получится свѣдѣніе о томъ, что какой-нибудь профессоръ Шмитъ изъ Берлина или Оксенбергъ изъ Франкфурта открылъ механическую причину сознанія, т. е. Бога въ душѣ человѣка. Развѣ не очевидно, что старушка, вѣрующая въ матушку казанскую Царицу небесную, не только нравственно, но умственно несравненно выше этого ученаго профессора?

Извините меня, Константинъ Яковлевичъ, что я такъ по-старчески разболтался. Въ оправданіе могу сказать только то, что предметъ этотъ, а именно ложное понятіе о значеніи религіи, столь распространенное среди нашего такъ называемаго образованнаго общества, всегда занималъ меня, занимаетъ и теперь, занималъ и тогда, когда мы дружили съ Николаемъ Яковлевичемъ. Помню, что я указалъ ему на это его, по моему мнѣнію, раздѣляемое и всѣми людьми науки, ложное пониманіе значенія религіи. Не помню, въ какой именно формѣ я высказывалъ ему эти мысли,—вѣроятно, не въ той, въ которой я высказываю ихъ теперь, но помню, что высказывалъ ему ихъ, и что онъ болѣе или менѣе соглашался со мной.

Думаю, что мы съ Николаемъ Яковлевичемъ, хотя и по разнымъ радіусамъ, но оба шли къ тому одному центру, который соединяетъ всѣхъ и, что мы оба сознавали это, и потому наши дружескія отношенія никогда не прерывались. И я радъ случаю съ искренней любовью вспомнить объ этомъ не только умственно даровитомъ, но что дороже всего, сердечно добромъ и искреннемъ человѣкѣ.

18 сентября 1910 г.
Кочеты.

Левъ Толстой.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Н. Я. ГРОТА.

ПИСЬМА

Гр. Л. Н. Толстого, А. Ѳ. Кони, Н. Н. Страхова, В. С. Соловьева, кн. С. Н. Трубецкого и архіепископа Никанора.

Письма гр. Л. Н. Толстого.

I [1]).

1887 г.

Письмо ваше очень радостно для меня; благодарю васъ за него. Я сейчасъ ѣду. Адресъ Страхова: Публ. библіотека. Съ нимъ человѣку серьезному нельзя расходиться.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

II.

1888 г. (іюль).

Простите, пожалуйста, дорогой Николай Яковлевичъ, что долго не отвѣчалъ вамъ. На словахъ, глядя вамъ въ глаза, отвѣтилъ бы и зналъ бы что про что сказать; но въ письмѣ трудно. Мнѣ трудно особенно теперь, особенно потому, что я каждый день и цѣлые дни на работѣ въ полѣ и не беру пера въ руки и не скажу, что мало думаю, но совсѣмъ иначе думаю. Попробую, однако, нынче въ выдуманный и обязательный праздникъ 900-лѣтія Крещенія отвѣтить по пунктамъ.

Первый и второй пунктъ сходятся къ одному: вы считаете, что нехорошо жениться на женщинѣ, имѣя въ виду ея состояніе, или избрать друга, имѣя въ виду выгоды, могущія быть отъ этой дружбы. Отчего? Отъ того, что вы считаете бракъ и дружбу такими важными и драгоцѣнными отношеніями, что вы боитесь нарушить чистоту ихъ соображеніями о выгодѣ. Но не въ тысячу ли разъ важнѣе духовная дѣятельность, ученье и учительство, и въ этихъ дѣлахъ мы ставимъ на первый планъ не только выгоды, но хуже этого. Мы прежде всего рѣшаемъ, что вся наша жизнь съ семьей будетъ держаться на матеріальныхъ условіяхъ извѣстнаго мѣста, а потомъ уже, сообразно съ условіями этого мѣста, устанавли-

[1]) Внизу письма надпись Н. Я. Грота: „Получилъ отъ Л. Н. 31 марта 1887 года въ отвѣтъ на письмо, гдѣ я благодарилъ его за все доброе, свѣтлое, высокое, что пережилъ въ общеніи съ нимъ зимою нынѣшняго года".

васъ нашу духовную дѣятельность. Что же можетъ быть ужаснѣе этого. Помоги вамъ Богъ утвердиться въ вашемъ сознаніи. А выйти матерьяльно изъ ложнаго положенія всегда легко. Въ 3-хъ Ваше желаніе писать соціальный романъ очень вѣроятно есть ложныя потуги. Если бы онѣ были настоящія, ничто бы не помѣшало вамъ. Въ концѣ этихъ пунктовъ вы дѣлаете вопросъ: неужели измѣнить жизнь? Семья, лишенія? Какъ можетъ человѣкъ, спасающійся отъ бѣды, заглядывать впередъ, что онъ запачкаетъ или разорветъ платье или даже свое или даже чужое тѣло. Вѣдь дѣло все въ томъ, чтобы ясно сознать бѣду и дѣятельность, нужную для избавленія отъ нея. А тамъ все пойдетъ точно такъ же, какъ идетъ теперь, какъ идетъ у всѣхъ, т. е. въ перемежку дурное и хорошее...

. . . . . .

Наши всѣ живы, здоровы и довольны и вамъ кланяются.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

III.

1889 г. (августъ)

Дорогой Николай Яковлевичъ! И получилъ я ваше письмо поздно въ концѣ іюля и отвѣтъ промедлилъ, такъ что пишу въ Кочетокъ, въ который вы вѣроятно вернулись полны парижскими впечатлѣніями. На выраженныя вами положенія о волѣ и ея свободѣ не стану дѣлать замѣчаній. Это невозможно въ письмѣ. Я понялъ васъ и многое мнѣ понравилось; но все разсужденіе слишкомъ обще и требуетъ постановки точекъ на і, что мы и сдѣлаемъ при личномъ свиданіи, если Богъ велитъ. Мы, говорятъ, пробудемъ зиму въ деревнѣ. Это не помѣшаетъ намъ видѣться, потому что вы кажется мимо ѣдете и вѣрно заѣдете. Мы всѣ живы и здоровы; я и въ полѣ работаю и на письменномъ столѣ; но ничего еще не кончилъ; надѣюсь сдѣлать это осенью. Наши вамъ кланяются. Передайте мой привѣтъ вашей женѣ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

IV.

(1890 или 91).

Je vous prends au mot, дорогой Николай Яковлевичъ, и прошу васъ держать мои корректуры. Воздержусь отъ выраженій моей благодарности и пишу прямо о дѣлѣ.

1) Корректуры подписывайте къ печати, если не найдете

ничего такого неладнаго, о которомъ бы надо списаться со мной. О цензурности совсѣмъ не думайте и не принимайте въ соображеніе.

2) Если милость ваша будетъ дѣлать синтаксическія измѣненія и исключенія (поправки), дѣлайте,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

3) По существу не дѣлайте мнѣ возраженій. Я уже слишкомъ много переработалъ эту работу и всякія замѣчанія, особенно одобрительныя, очень путаютъ меня.

Остальное и подробности передастъ П. И. [1]).

У насъ Фетъ и я заработался, и потому съ трудомъ собираю мысли и больше не пишу.

Л. Толстой.

V.

22 сентября 1891 г.

Отвѣчаю со станціи. Хотя и согласенъ, что сравненіе оставляетъ желать лучшаго, но я думаю, что (? будетъ хорошо), если выпустить слово: „неизвѣстное“ передъ словомъ *направленіе* и слово „найти“ замѣнить словомъ „узнать“. Очень, очень вамъ благодаренъ. Надѣюсь на той недѣлѣ съ вами увидѣться.

Вашъ *Л. Толстой.*

VI.

27 октября 1891 г.

Благодарю за увѣдомленіе. Очень жаль, что такъ вышло. Задержка непріятна. Но все къ лучшему. Мы сейчасъ ѣдемъ въ Данк. уѣздъ. Пишу со станціи. Пришлите, пожалуйста, и поскорѣе корректуры. Адресъ: Рязанской губ., Данк. уѣздъ. Почтовая станц. Чернава. Бѣгичевка и т. д.

Вашъ *Л. Толстой.*

VII.

6 ноября 1891 г.

Посылаю заказной бандеролью поправленныя корректуры. Очень бы просилъ внести поправки. Я думаю, что успѣете, если только будетъ печататься. Мы живемъ *очень* хорошо. Утѣшаемся мыслью, что нужны. Ждемъ васъ. Дружески жму вашу руку.

Л. Толстой.

[1]) Бирюковъ.

VIII.

1891.

Если можно, то вставьте это, дорогой Николай Яковлевичъ.

На 3-й гранѣ *„цѣна колотыхъ дровъ шкалика, т.-е. $^1/_{16}$ кубической сажени, 90 коп.“*. Слѣдующія за этимъ слова: *„шкаликъ хватаетъ на крестьянскій дворъ на недѣлю“* — вычеркнуть.

На 4-ой гранѣ послѣ словъ *„замѣнитъ отчасти посыпку мукой скотинѣ“* — прибавить: *„такъ это тамъ, гдѣ была хоть солома. Во многихъ же уѣздахъ соломы совсѣмъ не было“*.

Не помню, на какой гранѣ 4-ой гл. почти по серединѣ гр., тамъ, гдѣ говорится о совѣтахъ. учрежденныхъ при попечительствахъ, послѣ словъ: „но даже и эти совѣты“ слова: *„какъ они не похожи на министерства“* — выкинуть.

Передъ концомъ, гдѣ разсказъ о маломъ, привезенномъ съ поля, послѣ словъ: „одна баба принесла“ поставить такъ:— *„картошекъ, другая пирожка, третья молока“*. Тутъ же, послѣ словъ: „всѣмъ дорогъ, п. ч. одинъ пожалѣлъ его“ [1]): *Тѣмъ то и важна любовная дѣятельность, что она заразительна. Дѣятельность общая, правительственная, выражающаяся въ теперешнихъ обстоятельствахъ даровой раздачей по росписаніямъ и спискамъ хлѣба и денегъ, вызываетъ самыя дурныя чувства: жадность, зависть, притворство, осужденіе; дѣятельность личная вызываетъ напротивъ лучшее чувство—любовь и желаніе жертвы.—„Я работалъ, трудился, мнѣ—ничего, а лѣнтяя, пьяницу—награждать. Кто-жъ ему велѣлъ пропивать. По дѣламъ вора и мука“ говорятъ богатый и средній мужикъ, которымъ не даютъ пособій. Съ неменьшей злобой говоритъ бѣднякъ про богача, требующаго равную долю: „Мы и бѣдны-то отъ нихъ—отъ богачей. Они насъ сосутъ, а имъ еще давай нашу долю. Онъ и такъ гладокъ“ и т. п. Такія чувства вызываетъ раздача дароваго пособія. Но напротивъ—увидитъ одинъ, какъ другой подѣлился послѣднимъ, потрудился для несчастнаго, и ему хочется сдѣлать то же. Въ этомъ сила любовной дѣятельности. Сила въ томъ, что она заразительна, а какъ скоро она заразительна, то распространенію ея нѣтъ предѣловъ“.*

---

[1]) Пропустивъ слова: „спасаетъ людей дѣятельная любовь, п. ч. дѣятельность эта заразительна“. На мѣсто ихъ вставить это. *Л. Т.*

За этими словами слѣдуютъ слова: „какъ одна свѣча зажигаетъ другую“ и т. д.

Не сердитесь, что утруждаю васъ. Надѣюсь, что вы хорошо доѣхали и нашли вашихъ здоровыми.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

IX.

1891.

Дорогой Николай Яковлевичъ, если можно успѣть, то будьте добры выключить, при описаніи первой деревни Епифанскаго уѣзда, описаніе двухъ-лѣтняго мальчика на порогѣ. А еще что́ бы мнѣ очень хотѣлось, это—послѣ словъ „онъ голоденъ, потому что мы слишкомъ сыты“—включить слѣдующее: „*Намъ, русскимъ, это должно быть особенно понятно. Могутъ не видѣть этого промышленные, торговые народы, кормящіеся колоніями, какъ англичане. Благосостояніе богатыхъ классовъ такихъ народовъ не находится въ прямой зависимости отъ положенія ихъ рабочихъ. Но наша связь съ народомъ такъ непосредственна, такъ очевидна, что наше богатство обусловливается его бѣдностью или его бѣдность нашимъ богатствомъ, что намъ нельзя не видѣть, отчего онъ бѣденъ и голоденъ*“—и за этимъ уже слова: „если мы искренно хотимъ помочь народу, то перестанемъ объѣдать его“ или что-то въ этомъ родѣ.

Простите, что утруждаю. Дружески жму руку

Л. Толстой.

X.

1891.

Дорогой Николай Яковлевичъ.

Письмо это передастъ вамъ Нилъ Тимофеевичъ Владиміровъ, очень горячій земскій дѣятель Калужской губ. и человѣкъ, очень много и разумно думавшій о продовольственномъ вопросѣ и о теперешнемъ голодѣ. Очень бы желательно популяризировать его мысли. Онъ крестьянинъ-автодидактъ и очень своеобразно и дѣльно судитъ. Если Соловьевъ въ Москвѣ, познакомьте его съ нимъ и отъ меня рекомендуйте его редактору Русск. Вѣд. Что ваша книга и наши статьи? Какъ вы живете? Боюсь, что измучились и раздражились съ хлопотами въ цензурѣ. У насъ дѣло идетъ необычайно хорошо.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

XI.

1891.

Простите, пожалуйста, дорогой Николай Яковлевичъ, за то, что на черновой первой гранкѣ сдѣлалъ отмѣтки. Остальныя я старался написать такъ, чтобы не затруднить васъ. Я во всякомъ случаѣ зайду къ вамъ и, если вы найдете болѣе удобнымъ читать правленныя, то сессу въ типографію.

Л. Толстой.

XII.

22 мая 1892.

Дорогой Николай Яковлевичъ, съ какой бы радостью разсказалъ вамъ свои впечатлѣнія за это время: много новаго отложилось въ душѣ, но въ письмѣ не съумѣю, да и нескогда. Ужасно мнѣ грустно за васъ, за вашу жену. Надо надѣяться, что это только испытаніе легкое [1]) по силамъ вамъ обоимъ и что вы хорошо перенесете его, и выйдете изъ него съ увеличенными духовными силами.

За напечатанное и хлопоты по моей статьѣ очень благодаренъ. Выпуски всѣ очень умѣренные.—До сихъ поръ письмо это было написано уже недѣлю тому назадъ. Хотѣлъ что-то много сказать. Теперь же накапунѣ отъѣзда спѣшу и заканчиваю безсовѣстной эгоистической просьбой. Я передалъ въ Русск. Вѣд. давно уже разсказъ Семенова. Напечатаютъ ли его и если напечатаютъ, то не пошлютъ ли ему гонораръ: Московск. губ., Волокол. уѣзда, деревня Андреевское.

Завтра ѣду въ Ясную, но не надолго; нашъ главный помощникъ Чистяковъ долженъ уѣхать и оставить дѣло не на кого. А дѣло все растетъ. И на будущій годъ будетъ то же бѣдствіе. Какъ мы выйдемъ изъ этого, не могу представить.

Дай вамъ Богъ здоровья, женѣ, и главное—душевнаго спокойствія и вслѣдствіе этого работы, которой бы вы были довольны.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

XIII.

1892.

Очень вамъ благодаренъ, дорогой Николай Яковлевичъ, за ваше письмо и опредѣленье науки. Это то самое, что мнѣ

[1]) Болѣзнь дѣтей Н. Я.

нужно было. Слышалъ съ большимъ сожалѣніемъ о томъ, что вы заработались и слабѣете здоровьемъ. Это нехорошо, и я бы очень совѣтовалъ вамъ бросить все лишнее, все, къ чему не влечетъ непреодолимо сердце, и не заботиться. Я вѣрю, что „ищите Царствія Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ“—не пустыя слова, а практическое правило. Журналъ вашъ читаю съ интересомъ и о каждой изъ статей поговорилъ бы устно; въ письмѣ же всего не выскажешь и не такъ, какъ хотѣлъ бы. Въ послѣднемъ выпускѣ мнѣ очень не понравилась статья о Вундтѣ [1]). Тогда, тотчасъ по прочтеніи я что-то много ядовитаго хотѣлъ сказать о ней, теперь же, къ счастью, все забылъ, кромѣ того, что статья роняетъ журналъ и по содержанію и по тону.

Я было принялся писать опять объ искусствѣ, да не объ одномъ искусствѣ, а о наукѣ и искусствѣ (я не могу раздѣлить ихъ) и очень многое хочется сказать, но опять отложилъ и продолжаю другую прежде начатую работу.

Вашимъ предложеньемъ, переданнымъ мнѣ черезъ сына, я съ радостью и благодарностью воспользовался бы, но вся статья въ такомъ еще хаосѣ, что трудно въ ней разобраться, а матерьялъ мнѣ дорогъ и хотѣлось бы товаръ. хоть не лицомъ показать, а въ такомъ видѣ, который заставилъ бы обратить на себя вниманіе и потому принесъ бы ту пользу, какую можетъ.

Передайте мой поклонъ вашей женѣ. Лева (сынъ) съ восхищеньемъ говоритъ о вашемъ мальчикѣ Алѣ.

Желаю Вамъ поскорѣе освободиться отъ излишней и нелюбимой работы и отдаться любимой.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

14.

9 августа 1893 г.

Очень благодаренъ вамъ, дорогой Николай Яковлевичъ, за опредѣленіе науки. Пожалуйста, простите меня за то, что я не прямо написалъ вамъ. Покаюсь вамъ, что не написалъ отъ того, что передъ тѣмъ только-что скончался вашъ отецъ и, пиша къ вамъ, надо было упомянуть объ этомъ, сказать нѣсколько словъ de condoléance, а я этого, дожившъ до старости, не умѣю, а ничего не сказать нельзя. Вотъ я теперь послѣ нѣкотораго времени пишу это и то неловко; но за то

[1]) Вѣроятно. К. Венцель. Система философіи Вундта. „Вопр. Филос.“, кн. II, № 1892.

правда я ничего не могу писать вамъ объ этой смерти, потому что не знаю вашего отношенія къ этому; а вы напишите. Я думаю вашей матушкѣ эта потеря преимущественно тяжела.

Кромѣ того, я не писалъ вамъ еще и потому, что былъ вполнѣ увѣренъ, что вы заѣдете къ намъ и ждалъ этого съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ; обо многомъ желаю поговорить съ вами.

У меня напписалась статья, которую я обѣщалъ въ „Сѣверный Вѣстникъ“, но Чертковъ совѣтуетъ отдать ее вамъ, предполагая, что въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ не пропустятъ, а вы проведете; я бы радъ это сдѣлать, но уже обѣщалъ и нынче отсылаю статью въ „Сѣв. Вѣстн.“. Если тамъ усумнятся, то позвольте обратиться къ вамъ. Что вы теперь пишете? Если у васъ есть опредѣленіе искусства такое, которое опредѣляло бы его какъ по отношенію къ производящему его, такъ и къ воспринимающему его, то не сообщите ли мнѣ?

Очень бы обязали.

Пока прощайте, дружески жму вамъ руку; привѣтъ Наталіи Николаевнѣ отъ меня и всѣхъ нашихъ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

XV.

1893 г. (ноябрь).

Очень радъ былъ получить ваше письмо, дорогой Николай Яковлевичъ. Я очень желалъ бы, чтобы вы прочли то, что я пишу о религіи, а еще лучше то, что я пишу въ книгѣ „Царство Божіе“. Тамъ я стараюсь показать, что, кромѣ точки зрѣнія, при которой всякій человѣкъ любитъ прежде себя, свое животное, потомъ свою семью животныхъ, потомъ свое отечество и человѣчество, существуетъ еще другая точка зрѣнія, совсѣмъ другая, при которой эта градація совсѣмъ измѣняется. При свиданіи поговоримъ о многомъ, а пока спѣшу на почту. Дружески жму вамъ руку.

Вашъ *Л. Толстой.*

XVI.

1894 г.

Спасибо за ваше письмо и замѣчанія, дорогой Николай Яковлевичъ. Первую фразу объ Аристотелѣ я хотѣлъ измѣнить по вашимъ указаніямъ, но прилаживался, прилаживался,

и не могъ. Оставьте ее, какъ есть. Вѣдь я это самое думаю. Вы скажете: я не знаю Аристотеля. Да не знаю-то я его, потому, что тамъ нѣтъ того, что мнѣ нужно знать. А знаю болѣе недалекаго отъ него — Лао-дзы и Конфуція, и не могъ ихъ не узнать.

Надо бы сказать „по ложной постановкѣ вопроса", но вѣдь тутъ слишкомъ много бы пришлось разъяснять. Во всякомъ же случаѣ, каждый не можетъ не видѣть просто съ исторической точки зрѣнія, что между Аристотелемъ и Буддой, Христомъ — бездна. И не оттого, что этихъ обоготворили, а тѣхъ нѣтъ; а ихъ обоготворили, а Аристотеля не обоготворили потому, что между ними бездна въ постановкѣ вопроса и въ содержательности ученія.—Остальныя поправки ваши превосходны и не могу васъ достаточно благодарить за нихъ, особенно имѣю въ виду ваше занятое время и продолжительность предстоящей работы.

Примѣчаніе, о которомъ вы говорите, что оно неясно, я не помню (я отвѣчаю вамъ со станціи, куда я пришелъ за письмами, чтобъ не задержать), но если милость ваша будетъ, выкиньте его, если оно не ясно.

Если я, придя домой, прочтя это примѣчаніе, пожалѣю его, то напишу вамъ. Передайте поклонъ мой вашей женѣ. Надѣюсь всѣ ваши здоровы.

Вашъ *Л. Толстой.*

XVII.

1894 г.

Сейчасъ только получилъ ваше заказное письмо изъ Тулы, дорогой Николай Яковлевичъ. Очень вамъ благодаренъ за поправку, какъ вы сдѣлали: мысль остается та же, но выражена умѣреннѣе, что всегда лучше.

Вы меня ловите на словѣ: я не знаю Аристотеля, въ томъ смыслѣ, что не читалъ его сочиненій въ подлинникѣ, но изложеніе его взглядовъ читалъ много и много разъ и никогда не былъ привлеченъ къ тому, чтобы прочесть его. Мало того, прочтя и вникнувъ самымъ тщательнымъ образомъ въ смыслъ и связь ученія его (тоже съ большинствомъ философскихъ, книжническихъ ученій), я въ состояніи выдержать изъ нихъ экзаменъ въ продолженіе не болѣе недѣли послѣ прочтенія — и потомъ совершенно забываю ихъ (за что, признаюсь, и благодарю Бога). Но не то бываетъ со мною по отношенію къ тѣмъ, которые мнѣ представляются не книжниками, а мудре-

цами: я не могу ихъ забыть, за что еще больше благодарю Бога. Очень можетъ быть, что это мое личное свойство, связанное съ неправильностью моихъ мыслей; но таково свойство всѣхъ насъ, не имѣющихъ профессіональнаго отношенія къ философіи. Мнѣ кажется, что въ этой разницѣ — мы и вы имѣемъ свои выгоды и невыгоды. Мы теряемъ изъ вида ту общую связь мысли человѣческой, которая всегда ясна вамъ, много знающимъ, но вы зато склонны смѣшивать боковыя, случайныя теченія мысли съ коренным, основнымъ потокомъ. Поэтому общеніе такихъ людей, какъ вы и мы, которое вы такъ охотно вызываете, очень полезно для обѣихъ сторонъ. И я очень, очень благодарю васъ за вашъ трудъ и за ваши совершенно вѣрныя замѣчанія.

Я нездоровъ эти дни, и поэтому читалъ и прочелъ въ 1-й разъ „Критику практическаго разума“ Канта — и пришелъ въ радостное восхищеніе. Мнѣ кажется, что вы въ своей работѣ о свободѣ воли, указавши на нелѣпыя опредѣленія свободы новѣйшихъ, напрасно оставили опредѣленіе Канта, которое нельзя обойти. Выдѣленіе свободы воли, какъ единственной постигаемой нами вещи въ самой себѣ, изъ критики всего остальнаго познанія, есть вѣнецъ всей его философской дѣятельности, какъ онъ и самъ говоритъ это. Если несправедливо его опредѣленіе свободы, то несправедлива и вся его работа критики познанія, на которой зиждется вся новая философія. Нельзя вѣдь сказать: nous avons changé tout ça. И потому мнѣ кажется, что для изложенія новаго опредѣленія свободы воли необходимо показать: или что Кантовское — неудовлетворительно, или что вы признаете его.

По послѣднему же письму, которое вы мнѣ писали изъ деревни, о томъ, что доказательство свободы воли должно быть построено на доказательствахъ неправильности всѣхъ отрицаній ея, я заключаю, что вы признаете въ сущности опредѣленіе Канта, хотя и чувствуете необходимость изложить его вновь соотвѣтственно тѣмъ возраженіямъ и недоумѣніямъ, которыя возникли послѣ Канта. Читали ли вы и давно ли читали „Критику практическаго разума“?

Я писалъ П. И. Бирюкову, прося его передать вамъ мои нѣкоторыя просьбы о печатаніи, но такъ какъ онъ можетъ не скоро быть въ Москвѣ, то повторю ихъ. Есть „вступленіе“, напечатанное мелкимъ шрифтомъ: я надписалъ на немъ, чтобы его печатать, какъ прибавленіе въ концѣ книги, но потомъ усомнился, не лучше ли оставить его вступленіемъ.

Будьте добры, прочтите это вступленіе и рѣшите — оставить ли его вступленіемъ или отнести къ прибавленіямъ. Въ пользу его говоритъ то, что оно наводитъ читателя на главный смыслъ книги; противъ него говоритъ дурной топъ его. У меня вѣсы стоятъ совсѣмъ ровно, такъ что ваше мнѣніе пускай перевѣситъ въ ту или другую, — т. е. рѣшите вы. Еще я просилъ о томъ, чтобы слѣдующія послѣ 20-й главы или около того (послѣ тѣхъ корректуръ, которыя я послѣднія вернулъ), мнѣ бы присылали корректуры сюда. Это послѣднее, вѣроятно, сдѣлаетъ П. И. Бирюковъ, когда пріѣдетъ, а до его пріѣзда до этой главы не дойдетъ дѣло, и вамъ не надо будетъ безпокоиться. Очень, очень благодарю. Наши всѣ вамъ посылаютъ привѣты.

Вашъ *Л. Толстой.*

Пишите мнѣ на Козловку. Изъ Тулы, особенно заказныя, долго не доходятъ.

XVIII.

1894 г.

Не зашелъ къ вамъ потому, что получилъ вашу записку послѣ прогулки.

Я напечатаю замѣтки въ „Русскомъ Богатствѣ“. Буду живъ, завтра зайду къ вамъ.

Л. Толстой.

XIX.

1894 г. (въ концѣ).

Очень радъ былъ получить отъ васъ письмо, дорогой Николай Яковлевичъ; всегда съ удовольствіемъ вспоминаю наши бесѣды въ Москвѣ. Затѣмъ вы пишете, что вы разошлись со мною. Этого не можетъ быть. Я—напротивъ, чѣмъ дальше живу, тѣмъ больше сближаюсь со всѣми и увѣренъ, что въ томъ, что намъ обоимъ важно, мы опять будемъ вполнѣ согласны, а въ томъ, что не важно, предоставимъ каждому думать по своему. Вотъ сейчасъ примѣръ несогласія въ томъ что не важно: насчетъ мнѣнія о значеніи царствованія Александра III... Но наши мнѣнія объ этомъ — мое навѣрное—нисколько не важны и потому мы и не будемъ спорить. Очень интересуюсь вашимъ разсужденіемъ о времени. Должно прочту его въ Москвѣ и тамъ поговоримъ о немъ.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, и потому желаю, чтобы вы какъ можно лучше выразили свою мысль и надѣюсь, что вы сдѣлаете это, судя по той напряженности, съ которой вы работаете надъ этимъ. Мой привѣтъ вашей женѣ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

XX.

1894 г.

Очень радъ былъ получить отъ васъ вѣсточку, Николай Яковлевичъ и главное тому, что вы продолжаете такъ же энергично работать все въ томъ же направленіи.

Я не могу ни одобрять, ни не одобрять тотъ методъ, который вы намѣрены употребить для доказательства вашего тэзиса, потому что я невольно самъ былъ приведенъ къ этому самому пріему противъ извращенія понятія жизни; да это и всегда былъ одинъ и тотъ же пріемъ всѣхъ людей, серьезно мыслящихъ.

Истина съ самыхъ древнихъ временъ очищается кирпичемъ, какъ самовары. Она свѣтла, но чтобы быть еще свѣтлѣе, ее, должно быть, надо сначала запачкать кирпичемъ и послѣ этой операціи она дѣлается свѣтлѣе. Истина доступна дѣтямъ и скрыта отъ мудрствующихъ, т. е. сами мудрствующіе замазываютъ ее. Но мудрствующіе наносятъ на нее кирпичъ и имъ надо потереть ее. Теперь же наши матерьялисты наносили такого чудеснаго кирпича съ грязью, что изъ-подъ него она должна выйти особенно ясна. Желаю вамъ какъ можно успѣшнѣе сдѣлать эту операцію, и вы можете ее дѣлать, потому что знаете, какимъ долженъ быть самоваръ. Одно только—не жалѣйте кирпича и счищайте весь до тла.

Я съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ вами, не переставалъ работать надъ своимъ писаньемъ и не могу оторваться. Очень, очень буду радъ васъ видѣть. Мои кланяются вамъ и я вашей женѣ.

Л. Толстой.

XXI.

1895 г.

Очень радъ былъ получить ваше доброе письмо, дорогой Николай Яковлевичъ; я радъ былъ почувствовать, что vous me manquez въ Москвѣ и дѣйствительно съ самыми хорошими чувствами вспоминалъ о васъ. Какъ интересно и справедливо все, что вы пишете объ отношеніи народностей въ томъ краю,

гдѣ вы живете [1]). Какъ вы знаете, этотъ вопросъ патріотизма много занималъ меня въ послѣднее время. Онъ, какъ и всѣ вопросы, самые важные, которые неизбѣжно требуютъ отъ людей извѣстнаго отношенія къ нимъ, предоставляется какъ будто старымъ и давно рѣшеннымъ, а между тѣмъ—есть вопросъ самый новый и допускающій самыя неожиданныя соображенія. Такъ напримѣръ, одни люди считаютъ несомнѣннымъ необходимость признанія патріотизма и съ презрѣніемъ относятся ко всѣмъ, не признающимъ этого, а между тѣмъ доводы противъ патріотизма до такой степени ясны и очевидны, что ихъ невозможно опровергнуть и можно только обойти умалчиваньемъ и показаніемъ вида, что въ пользу патріотизма существуютъ всѣми признанные, неопровержимые аргументы, а ихъ то и нѣтъ.

Прочелъ я внимательно ваши лекціи о Платонѣ; на мой взглядъ онѣ очень интересны, прямо поучительны для того круга людей, для которыхъ назначаются наши изданія. Я на себѣ провѣрилъ это, узнавъ изъ нихъ многое, чего не зналъ, и изложеніе, какъ и всегда у васъ, очень хорошо. Но есть кое что, по моему, для нашей цѣли излишнее: вступленіе, общій взглядъ на задачи философіи вообще и Платона въ особенности. Излишни тоже подробности объ источникахъ и критика ихъ и, само собой, нѣкоторыя формы обращенія къ аудиторіи. Если бы оставить біографію и изложеніе сущности философіи Платона, какъ она у васъ есть, то это вышла бы превосходная книга, за которую не только издатели Посредника, но и всѣ ея будущіе читатели будутъ вамъ очень благодарны.

Если бы вы сдѣлали это приспособленіе для изданія сами, это было бы лучше всего. Если же нѣтъ, то сдѣлаютъ это, разумѣется, хуже, чѣмъ вы, издатели.

Очень радуюсь тѣмъ нормальнымъ дружескимъ отношеніямъ, которыя возстановились между нами.

Дружескій привѣтъ Наталіи Николаевнѣ. Нынче иду въ деревню.

Любящій васъ *Л. Толстой*.

При этомъ письмѣ есть приписка П. Бирюкова:

[1]) Въ это время П. Я. Гротъ—черезъ Варшаву проѣхалъ на югъ, въ Ниццу, гдѣ провелъ нѣкоторое время съ своимъ дядей К. К. Гротомъ. Мы не знаемъ, откуда именно онъ писалъ Л. Н. Толстому. *К. Г.*

„Дорогой Николай Яковлевичъ, это письмо я писалъ подъ диктовку Льва Николаевича, съ котораго писалъ въ это время портретъ Ярошенко. Объясняю вамъ это, чтобы вы не подумали, что Левъ Николаевичъ боленъ или что-либо другое помѣшало ему писать самому.

Любящій васъ *П. Бирюковъ.*

Изъ переписки съ А. Ѳ. Кони.

Переписка Н. Я. Грота съ А. Ѳ. Кони состоитъ всего изъ небольшого числа писемъ и имѣла совершенно случайный характеръ. А. Ѳ. Кони доставилъ намъ письма Н. Я. при нижеслѣдующемъ письмѣ, которое, рядомъ съ печатаемыми письмами, какъ нельзя болѣе живо рисуетъ его образъ. Приносимъ глубокочтимому Анатолію Ѳедоровичу нашу душевную признательность за доставленіе этой цѣнной замѣтки и писемъ.

К. Г.

Глубокоуважаемый
Константинъ Яковлевичъ!

Я нашелъ у себя только пять писемъ Вашего брата, которыя и спѣшу препроводить, прося возвратить ихъ мнѣ по минованіи надобности, такъ какъ я ими очень дорожу, какъ и всѣмъ, что относится къ памяти Николая Яковлевича.

Воспоминанія мои о немъ сводятся, главнымъ образомъ, къ общему впечатлѣнію, которое производила его энергическая, полная жизни, знанія и отзывчивости, личность. Наши встрѣчи были рѣдки, но каждый разъ онъ оставлялъ во мнѣ бодрящее впечатлѣніе. Будучи глубокимъ поклонникомъ его замѣчательныхъ трудовъ по психологіи, я не могъ не цѣнить въ немъ умѣнія соединять отвлеченное мышленіе со стремленіемъ удовлетворить практическимъ запросамъ жизни. Письма его относятся, главнымъ образомъ, къ читанной мною лекціи въ Москвѣ на усленіе средствъ для изданія журнала „Психологіи и философіи“, когда я читалъ о князѣ Одоевскомъ. Николай Яковлевичъ принималъ живѣйшее участіе въ организаціи этой лекціи. Я живо помню, какъ онъ заѣхалъ передъ нею ко мнѣ въ Лоскутную гостиницу и провелъ меня боковымъ ходомъ въ пустынную залу Историческаго музея, гдѣ стоялъ стулъ и столикъ, на которомъ горѣла одинокая свѣчка и лежалъ апельсинъ, а изъ скопившейся въ глубинѣ полутьмы выдѣлялась огромная модель памятника Александру III, не уступающая по своему безо-

бразію бронзовой карикатурѣ на Знаменской площади въ Петербургѣ. Здѣсь долженъ былъ я ждать условленнаго звонка, чтобы, выйдя въ маленькую дверь, очутиться въ чрезвычайно переполненной, устроенной амфитеатромъ аудиторіи. Въ перерывъ моего чтенія Николай Яковлевичъ пришелъ ко мнѣ съ нѣжными словами привѣта и сочувствія. А на другой день онъ прислалъ мнѣ приглашеніе на устроенный въ мою честь завтракъ въ одномъ изъ московскихъ ресторановъ, куда собрались Лопатинъ, С. Н. Трубецкой, Муромцевъ, Герье, Гольцевъ, Иваповскій. Давыдовъ и еще нѣсколько лицъ, причастныхъ къ Московскому Психологическому обществу, и гдѣ онъ привѣтствовалъ меня горячимъ словомъ. Я былъ очень растроганъ этимъ, а, также, прекрасною рѣчью Трубецкого... и вотъ уже нѣтъ ни Вашего брата, ни Трубецкого, ни Гольцева, и сколько пережили за эти послѣдніе годы всѣ остальные!.. Послѣ этого, раза два, Николай Яковлевичъ заѣзжалъ ко мнѣ въ Петербургѣ и на время заражалъ меня въ болотно-сѣрой обстановкѣ нашей скептической столицы своей горячей вѣрой въ великое будущее Россіи. Когда я узналъ о его смерти, не хотѣлось вѣрить, что этого жизнерадостнаго и жизнеспособнаго человѣка не стало.

Преданный Вамъ
А. Кони.

Спб. 15 февраля 1910.

I.

Гротъ—Кони. ***28 января 1897.***

Глубокоуважаемый
Анатолій Ѳедоровичъ,

Вчера вечеромъ получилъ Вашу телеграмму. Я чрезвычайно счастливъ, что Васъ единодушно выбрали въ почетные члены общества. Изъ 26 шаровъ (при закрытой баллотировкѣ) Вы получили 25 бѣлыхъ. Только Куно Фишеръ и я получили всѣ бѣлые, а Спенсеръ и проч. по нѣсколько черняковъ. Для Васъ почетное членство въ Психологическомъ Обществѣ послѣ выбора въ Академію Наукъ—не великая честь, но для насъ, конечно, большая честь считать Васъ почетнымъ членомъ своимъ.

Вся Россія Васъ уважаетъ и цѣнитъ. Вы съ Толстымъ единственные наши члены не изъ спеціалистовъ ученыхъ. Усердно прошу Васъ оказать намъ и другую честь — принять участіе въ журналѣ и прислать намъ, какъ Вы обѣщали, статью. Откровенно сознаюсь, что тутъ есть и расчетъ: Ваша статья дастъ намъ человѣкъ 300 лишнихъ подписчиковъ, а для нашего бѣднаго журнала это важно.

Жму Вашу руку и желаю Вамъ всего лучшаго.

Искренно Вамъ преданный

Николай Гротъ.

II.

Кони—Гроту. ***97—X. 24, Невскій 100.***

Многоуважаемый

Николай Яковлевичъ,

Засѣданія судебной комиссіи складываются такъ, что я едва-ли могу читать въ пользу Психол. Общества—въ Москвѣ ранѣе 16-го декабря. Будетъ ли это удобно? Или отложить до января? Не будемъ, во всякомъ случаѣ, окончательно рѣшать этотъ вопросъ. но сообщите мнѣ, удобенъ ли этотъ день для чтенія? Позвольте Васъ также заранѣе просить въ заявленіяхъ и публикаціяхъ о чтеніи, когда таковыя будутъ сдѣланы.—не называть меня „Сенаторомъ". а членомъ Общества (здѣсь я читалъ въ Соляномъ городкѣ въ качествѣ „члена Педагогическаго Собранія при Соляномъ городкѣ"), ибо наименованіе меня Сенаторомъ можетъ вызвать вопросъ о необходимости сдѣлать нѣкоторые офиціальные визиты, что для меня нежелательно уже по недостатку времени.

А можетъ быть Вы признаете возможнымъ дать мнѣ время на Рождествѣ? Вѣдь не вся же молодежь уѣзжаетъ изъ Москвы на праздники? а между тѣмъ мнѣ это было бы гораздо удобнѣе;—но, конечно. настаивать на этомъ я не стану.

Прошу Васъ кланяться Вашей супругѣ.

Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

А. Кони.

Интересно бы знать порядокъ лекцій, т. е. какъ онѣ пойдутъ одна за другой.

III.

Кони—Гроту. *27 декабря 1897.*

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Мнѣ сказали, что Васъ ждутъ въ Петербургѣ 27-го, и потому я не написалъ Вамъ тотчасъ же о постигшей меня болѣзни, а телеграфировалъ Ю. И. Айхенвальду о невозможности прибыть въ Москву. У меня сдѣлалась сильнѣйшая инфлюэнца, сопровождаемая такимъ упадкомъ силъ, что мнѣ не только воспрещено кого-либо видѣть (*я* сдѣлалъ бы исключеніе для Васъ) и съ кѣмъ-либо разговаривать, но даже и письмо приходится диктовать. Мнѣ чрезвычайно прискорбно все это, и меня тревожитъ мысль о томъ, не причиняю ли Вамъ невольно какихъ-либо безпокойствъ, а въ Вашемъ лицѣ и всему Психологическому Обществу.

Отсрочка моего чтенія, хотѣлось бы думать, не причинитъ какихъ-либо убытковъ, тѣмъ болѣе, что я надѣюсь осуществить его или на послѣдней недѣлѣ поста (т. е. на Вербной) или на Пасхѣ и въ началѣ Фоминой или же, наконецъ, въ октябрѣ, предоставляя Вамъ выборъ времени.

Для меня наиболѣе удобенъ былъ бы конецъ Пасхи или начало Фоминой, какъ свободное отъ засѣданій судебной комиссіи время. Будьте добры, дорогой Николай Яковлевичъ, увѣдомить меня о томъ, что́ Вы свершите вслѣдствіе моего пепріѣзда. Извините безсвязность моего письма: у меня жаръ и все немного путается, хотя докторъ и даже два (инфлюэнца сопровождается явленіями со стороны почекъ) обѣщаютъ дозволить встать съ постели въ первыхъ числахъ января.

Дружески жму Вашу руку и желаю Вамъ счастливаго Новаго Года.

А. Кони.

IV.

Гротъ—Кони. *28 дек. 1897.*

Глубокоуважаемый
Анатолій Ѳедоровичъ,

Пораженъ и глубоко опечаленъ извѣстіемъ о Вашей болѣзни—и за Васъ и за насъ.

Еще вчера послалъ Вамъ письмо въ „Континенталь", съ сообщеніемъ, что ужинъ я отмѣнилъ еще до Вашего письма, когда узналъ объ этой нелѣпой затѣѣ. Билеты на лекцію Вашу всѣ уже были взяты, и мы ждали Васъ съ нетерпѣніемъ. Сегодня въ 7 час. вечера получилъ извѣстіе о Вашей телеграммѣ. Дѣлать нечего.

Проболѣвъ такъ долго самъ, глубоко сочувствую всѣмъ болящимъ. Дай Вамъ Богъ поскорѣе поправиться. О томъ, что Ваша лекція отложена, будетъ сообщено въ газетахъ. По срока мы не сообщаемъ. Я надѣюсь, что Вы скоро оправитесь и хоть на масляницѣ, если не ранѣе, прочтете лекцію. А мы терпѣливо подождемъ. Я поправился и началъ выѣзжать, но Толстой тоже заболѣлъ инфлуэнцой: 24-го было 40°. Теперь лучше. Искренно Вамъ сочувствую и желаю поскорѣе поправиться вполнѣ.

Глубоко преданный и уважающій
Николай Гротъ.

Вы конечно знаете, что съ болѣзнями нужно прежде всего бороться волею, не поддаваться. Только тогда лекарства помогаютъ. Въ этомъ году всѣ больны отъ ужаснаго сухого лѣта и безснѣжной, перемѣнчивой осени и зимы. У меня въ домѣ всѣ перехворали — я, жена, дѣти и прислуга. Завтра хочу навѣстить Льва Николаевича.

V.

Гротъ—Кони. *29 янв. 1898.*

Глубокоуважаемый
Анатолій Ѳедоровичъ,

Искренно радуюсь Вашимъ славнымъ литературнымъ подвигамъ въ Петербургѣ и еще болѣе тому, что Вы —значитъ— здоровы, бодры и сильны, какъ юноша. За Москву завидую

Петербургу, что онъ только слышитъ Ваше талантливое слово, а Москва пока лишена этого наслажденія. Надѣюсь всетаки, что Вы о старушкѣ Москвѣ не забыли и что не передумали прочесть у насъ лекцію.

Отчего бы Вамъ не пріѣхать прочесть лекцію на 1-ой недѣлѣ поста, когда вездѣ застой въ казенныхъ дѣлахъ? Дѣло въ томъ, что лекцію желательно прочесть въ посту во 1) потому, что всѣ наши лекціи разрѣшены на зимній сезонъ до Пасхи, а во 2) потому, что на Святой и Оминой публики бываетъ мало, а въ этомъ году это будетъ особенно, такъ какъ, говорятъ, по случаю открытія памятника Александру II-му, экзамены вездѣ закончатся къ 10 мая и молодежъ будетъ въ апрѣлѣ погружена въ зубрежку. [1]) Пріѣзжайте пораньше! Вѣдь дѣло идетъ о 3 дняхъ. Извѣстите поскорѣе о Вашемъ рѣшеніи, ради билетовъ и объявленій. Рѣчь Ваша о дядѣ К. К., изложенная въ № 7873 Новаго Времени, очень меня тронула. Какъ Вы вѣрно понимаете и талантливо-мѣтко характеризуете людей! Милый обликъ дяди возсталъ, какъ живой.

Я занятъ очень статьей Толстого „Объ искусствѣ“, такъ какъ по непремѣнному его желанію держу корректуру самъ, хотя я и не редакторъ. Статья во многомъ парадоксальна, но всетаки геніальна, въ отдѣльныхъ тонкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ.

Москва занята министерскимъ вопросомъ. Говорятъ, назначенъ Боголѣповъ. Жаль что не Вы. Б. — честнѣйшій и достойнѣйшій человѣкъ, твердый характеръ, непреклонная воля, самостоятельная личность, не карьеристъ, очень образованъ и умепъ. Но у него есть и недостатки. Онъ—формалистъ, человѣкъ довольно педантичный, и м. б. слишкомъ осторожный и медлительный. Едва-ли мы увидимъ скоро всѣ необходимыя въ нашемъ вѣдомствѣ перемѣны. Онъ можетъ очистить персоналъ и уничтожить взяточничество, но и то понемногу, очень не скоро.

Боюсь, что и реформы пойдутъ черепашьимъ шагомъ, а сколько ихъ нужно! Нѣтъ спору, что въ ломкѣ надо быть осторожнымъ, но если стоитъ домъ, стѣны котораго дали трещины, а крыша грозитъ обрушиться вслѣдствіе гнилости стропилъ, то лучше ломать скорѣе или хоть строить скорѣе

[1]) Аудиторія у Васъ будетъ полная, но не такая хорошая, какъ въ посту.

новый домъ и выселить туда жильцовъ, чтобы никого не задавило. А вѣдь такова именно наша система образованія и просвѣщенія: она грозитъ задавить весь русскій народъ, подрывая въ корнѣ его благосостояніе—и матеріальное и нравственное.

Я такъ много странствовалъ по Русскимъ умственнымъ центрамъ по службѣ, воспитанію и проч. (Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Варшава, Рига), что знаю жажду обновленія, испытываемую всѣми. Только человѣкъ, полный огня и жизни, широкихъ взглядовъ и смѣлости—какъ Вы — могъ бы поправить наши дѣла быстро, лѣтъ въ 10, а Б. — между нами — немножко мямля. У насъ въ шутку называютъ его „исправленной редакціей“ Делянова и это отчасти вѣрно. У него задерживательные центры тоже сильнѣе движущихъ. Но все-таки онъ симпатичный и милый человѣкъ.

И то хорошо, что будетъ честный министръ и вѣроятно будутъ честные попечители вездѣ—и честныя канцеляріи.

Это уже выигрышъ.

Дружески жму Вашу руку

Искренно преданный и уважающій Васъ

Николай Гротъ.

VI.

Гротъ—Кони. *28 февр. 1898.*

Глубокоуважаемый

Анатолій Ѳедоровичъ,

Ѣду—не дождусь отъ Васъ извѣстій о лекціи. Публика осаждаетъ. Записавшихся вдвое больше, чѣмъ нужно, такъ что Вы могли бы лекцію повторить при полномъ сборѣ. Но главное надо заказать залъ Историческаго музея, такъ какъ въ посту онъ ужасно разбирается по случаю множества лекцій. Это надо сдѣлать заранѣе. Не можете ли Вы читать лекцію въ Благовѣщенье?

Вообще назначьте день на 6-й недѣлѣ, чтобы намъ взять залъ и распорядиться съ билетами. Объ этомъ просимъ Васъ всѣ. Вчера я сдалъ книгу журнала съ 2-й частью статьи Толстого „Объ искусствѣ“ въ цензуру. Безпокоюсь, такъ какъ, не смотря на мою чистку, остались сомнительныя

мѣста. Пожалуй нѣсколько страницъ придется перепечатать. Эти дни очень занятъ. Участвую въ качествѣ эксперта въ комиссіи Московскаго дворянства по вопросамъ образованія (работа для комиссіи Дурново). Дѣло интересное и важное, тѣмъ болѣе, что оно поставлено не на сословную, а на общегосударственную и національную почву. Крѣпко жму Вашу руку и жду отвѣта

Искренно Вамъ преданный

Николай Гротъ.

VII.

Кони—Гроту. *98. III. 3.*

Душевно уважаемый
Николай Яковлевичъ,

Извините, что я не тотчасъ отвѣчалъ на Ваше послѣднее письмо и вообще давно не писалъ Вамъ. Причина тому лежитъ въ невозможности опредѣлить съ точностью время моего пріѣзда въ Москву и въ моемъ почти постоянномъ нездоровіи. Ни одна зима еще не была для меня такъ тяжела по состоянію моего здоровья и по работѣ, какъ эта. Въ послѣднее время усиленно идутъ у насъ засѣданія Комиссіи по пересмотру Судебныхъ уставовъ, отнимающія все мое время, ибо кромѣ присутствія въ нихъ раза по четыре въ недѣлю (не считая сенатскихъ засѣданій) приходится къ нимъ готовиться по разнообразнымъ матеріаламъ и писать затѣмъ обширныя особыя мнѣнія. Я не могу отсутствовать ни въ одномъ засѣданіи, такъ какъ вопросы касаются самаго дорогого для меня дѣла — Судебныхъ уставовъ. Наши засѣданія происходятъ неизмѣнно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ (въ этотъ день утромъ) и субботамъ — и будутъ продолжаться до вторника на страстной. Вотъ почему мнѣ до крайности трудно и даже нравственно почти невозможно пріѣхать въ Москву ранѣе Пасхальной недѣли. Можно ли назначить чтеніе на Пасхѣ, напр. въ четвергъ или въ субботу? Такъ какъ Вы пишете, что публики хватило бы на двѣ лекціи, то на одну то навѣрное найдется.

Если это не представляетъ особыхъ неудобствъ, то назначьте чтеніе на Пасхѣ — или отложимъ его на конецъ сен-

тября или декабря. Буду ждать Вашихъ указаній, чтобы сообразовать съ этимъ мой пріѣздъ въ Москву.

Благодарю Васъ очень за указаніе статьи Моск. Вѣд.— „Старый другъ К. К. Грота", опытный и беззастѣнчивый лжецъ! На его утвержденія, что Гротъ ничего не сдѣлалъ для освобожденія крестьянъ и что вся работа по откупу произведена не имъ, да и самый откупъ уланженъ не Вронченкою, я могъ бы отвѣтить кратко: а) въ формулярѣ К. К. значится Высочайшая благодарность за ревностное и полезное участіе въ трудахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и въ особенности за составленіе положеній о Мировыхъ Посредникахъ; б) внесенное въ 1859 г. въ Госуд. Совѣтъ представленіе Министра Финансовъ Княжевича объ отмѣнѣ акцизно-откупного коммиссіонерства, учрежденнаго въ 1846 г. (т. е. при Вронченкѣ), подписано Директоромъ Департамента Гротомъ, которому объявлено Высочайшая благодарность за труды по составленію предположеній о введеніи акцизной системы и объ акцизномъ надзорѣ.

Я отвѣчу на эту инсинуаціонную замѣтку при изложеніи моей рѣчи въ „Вѣст. Европы", на что, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣлъ времени. Очень бы интересно знать, кто почтенный авторъ этой замѣтки. Не хотѣлось бы, чтобы мои предположенія подтвердились... Я обѣдалъ на дняхъ съ Боголѣповымъ. Онъ производитъ впечатлѣніе честнаго и порядочнаго человѣка,—но отъ многаго, что я отъ него услышалъ—вѣетъ педантизмомъ. Здѣсь упорно стоитъ слухъ, что онъ избираетъ въ товарищи—М. Н. Капустина, а на мѣсто послѣдняго—Харьковскаго Алексѣенко.

Будьте здоровы! Кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вашу руку

Искренно Вамъ преданный

А. Кони.

Я до того занятъ и такъ дурно себя все время чувствую, что долженъ былъ отказаться отъ чтеній въ университетѣ на неопредѣленное время.

VIII.

Кони—Гроту. *98. III. 28.*

Глубокоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Благодарю Васъ за письмо и спѣшу отвѣчать вкратцѣ: а) я думаю пріѣхать въ Москву въ среду на Пасхѣ и остановиться, по обыкновенію, въ Континенталѣ; б) въ этотъ день (а во всякомъ случаѣ въ день пріѣзда)—приду къ Вамъ послѣ обѣда или въ тѣ часы, которые Вы назначите, написавъ мнѣ до востребованія, въ Континенталь, в) читать еще разъ также рѣшительно не могу, ибо чувствую себя совсѣмъ больнымъ. Въ эту зиму здоровье мое чрезвычайно пошатнулось и лекціи достаются мнѣ съ чрезвычайнымъ трудомъ, ибо сердце работаетъ слабо, а напряженіе голоса вызываетъ горловыя кровотеченія. Поэтому я долженъ дѣлать большіе періоды между отдѣльными чтеніями и читать на разстояніи двухъ-трехъ дней совсѣмъ не въ силахъ. Притомъ же мнѣ нужно быть назадъ въ Петербургѣ къ засѣданіямъ Комиссіи не позже среды на Ѳоминой, а слѣдовательно уѣхать черезъ два дня послѣ лекціи. Вы бы меня очень обязали, отклонивъ отъ меня просьбы о повтореніи чтенія и освободивъ меня тѣмъ отъ непріятности отказа.

Статью Л. Н. читалъ съ живѣйшимъ интересомъ, почувствовалъ, что она подверглась кастраціи.

Дружески жму Вашу руку и кланяюсь Вашей супругѣ.

Душевно Вамъ преданный
А. Кони.

IX.

Гротъ—Кони. *(въ Москвѣ) февр. 1898.*

Глубокоуважаемый
Анатолій Ѳедоровичъ,

Завтракъ (очень скромный) уже заказанъ (на 9 персонъ) въ Эрмитажѣ, въ отдѣльной компатѣ. Намъ хочется еще разъ видѣть Васъ и поболтать съ Вами. Если пріемъ Васъ задержитъ, то мы будемъ ждать до 2 час., хотя заказанъ на

1 часъ. Но у Великаго Князя пріемъ начинается въ 11 часовъ и Васъ навѣрное тотчасъ примутъ. Я буду работать въ Дворянскомъ архивѣ около Васъ въ Депутатскомъ Собраніи (2-й подъѣздъ съ большой Дмитровки). Не зайдете ли за мной? Я буду Васъ ждать до 12 час. 40 мин. Показалъ бы Вамъ кстати приведенный мною въ порядокъ дворянскій архивъ (1785—1895).

Искренно Вашъ

Николай Гротъ.

X.

Кони—Гроту. ***99. II. 6.***

Сердечно благодарю Васъ, многоуважаемый Николай Яковлевичъ, за Вашъ милый привѣтъ. Я очень радъ, что могъ высказаться—и неоднократно—о значеніи 60-хъ годовъ и о незабвенномъ Царѣ, котораго любилъ и оплакивалъ всею душою. Но только—увы! я не раздѣляю Вашихъ иллюзій о возвращеніи 60-хъ годовъ! Признаковъ этому я нигдѣ не вижу, а увлеченіе марксизмомъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ тогдашнимъ настроеніемъ.

Вашъ преданный

А. Кони.

Письма Н. Н. Страхова.

I.

Спб. 4 апр. 1887.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Покорно Васъ благодарю за Ваше письмо, и за то, что хвалите мою книгу и за то, что просите совѣта. Очень мнѣ пріятно Ваше вниманіе, и признаюсь, не разъ я Васъ корилъ за то, что до сихъ поръ Вы меня не читали. Желалъ бы съ своей стороны сдѣлать все Вамъ пріятное; но есть вещи, которыя выше моихъ силъ. Насколько Вы быстры въ чтеніи и въ писаніи, настолько я тяжелъ на подъемъ и медлителенъ. А Вы хотите сейчасъ же! Вашу книгу о душѣ я отчасти читалъ, но не могу Вамъ отплатить похвалой за похвалу. Скажу пока объ одномъ пунктѣ: ученія о веществѣ, силѣ, энергіи и т. п. имѣютъ въ физикѣ и химіи совершенно опредѣленный, математически-строгій видъ. Этотъ видъ Вамъ нужно отчетливо знать, и, когда употребляете эти понятія, то давать имъ или то самое значеніе, которое они имѣютъ въ этихъ наукахъ, или, если угодно, новое, но точно опредѣленное, находящееся въ точно опредѣленномъ отношеніи къ тому значенію.

Вотъ я и чувствую, что повторяю Вамъ то, что уже напечатано въ Вѣчныхъ Истинахъ. Лучше—перестанемъ. Такъ какъ я очень много занимался этимъ вопросомъ, то рѣшаюсь прямо отослать Васъ къ моимъ книгамъ. У меня есть Міръ какъ цѣлое, а недавно вышли Основныя понятія психологіи и физіологіи; тамъ по этому вопросу много сказано, все давно обдуманное, и лучше я не скажу теперь.

Очень желаю и жду случая, когда можно будетъ поговорить съ Вами лично; переписка никогда вполнѣ не доводитъ до цѣли, да и очень ужъ мнѣ она трудна. Прошу Васъ не сѣтовать на старика.

Отъ души желаю Вамъ всякихъ успѣховъ и Вы доставите

мнѣ великое удовольствіе, если вздумаете сообщить московскія вѣсти, или Ваши замѣчанія и возраженія. Вы очень счастливы, что видаетесь съ Л. Н. Толстымъ и Вл. С. Соловьевымъ. Соловьевъ, можетъ быть, передастъ Вамъ о своемъ разногласіи со мною, и я буду ждать, что и Вы примете участіе въ этомъ спорѣ.

Если Вы любите истину, какъ Вы пишете, то мы съ Вами должны сойтись непремѣнно, если не въ мнѣніяхъ, то во взаимномъ уваженіи и пріязни.

Поэтому твердо надѣюсь на Ваше доброе расположеніе и остаюсь

Вашъ душевно преданный
Н. Страховъ.

II.

Спб. 5 мая 1887.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за Ваше письмо, не только за интересныя и важныя для меня свѣдѣнія о лекціи Тимирязева, но главное, за выраженіе Вашего чистаго и благороднаго душевнаго настроенія, искренняго желанія истины и служенія дѣлу. Благодарю Васъ за истинно-отрадное впечатлѣніе.

Охотно готовъ служить Вамъ, но думаю, что это возможно только при личномъ свиданіи. Я послалъ Вамъ свой Міръ, и Вы тамъ найдете много объясненій ученія физики, какъ я полагаю, въ его истинномъ и не подлежащемъ отнынѣ (сомнѣнію) смыслѣ. Книгу о душѣ примусь читать, когда будетъ возможно, и, можетъ быть, лѣтомъ напишу Вамъ что-нибудь о ней.

Гдѣ будетъ Ваша лекція о духѣ и матеріи?

Николай Петровичъ [1]) разскажетъ Вамъ о моихъ трудахъ и и намѣреніяхъ относительно Дарвинизма, и о своихъ хлопотахъ и трудахъ по этому дѣлу.

Отъ души желаю Вамъ всего хорошаго и прошу не поминать лихомъ и не забывать

Вашего искренно преданнаго
Н. Страхова.

[1]) Н. П. Семеновъ, сенаторъ, дядя Н. Я. Грота.

III.

Спб. 18 дек. 1889.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Послана мною къ Вамъ статья Розанова: „Замѣтки о русской и пр. Прошу усердно Вашего вниманія. Статья какъ Вы увидите, прекрасно написана, съ горячею любовью къ философіи и съ очень порядочнымъ ея пониманіемъ. Для Вашихъ Вопросовъ она, я думаю, очень годится. Я всю ее прошелъ и сдѣлалъ кое-гдѣ добавленія и поправки. Очень трудный пунктъ—страница о Троицкомъ; если не довольно тѣхъ смягченій, которыя я сдѣлалъ, то распорядитесь по благоусмотрѣнію; сократите и измѣните, не отступая только отъ мысли автора. Тутъ высказаны взгляды на наше философское движеніе—иногда очень вѣрные и тонкіе.

И такъ, прошу Васъ положить рѣшеніе объ этой статьѣ; возьмете или нѣтъ, а если возьмете, то въ какую книжку.

Въ Вашъ журналъ я вполнѣ вѣрю, то есть думаю, что онъ будетъ имѣть успѣхъ. Уже первая книжка показываетъ, какъ хорошо Вы его ведете; при данныхъ силахъ и обстоятельствахъ Вы сдѣлали все возможное. Не думаю, чтобы Вл. Соловьевъ и кн. Трубецкой успѣли доказать свои темы; но спросъ не бѣда, попытка не шутка.

Во всякомъ случаѣ, какъ писатель, мой Розановъ дѣйствуетъ лучше Вашихъ сотрудниковъ. Въ январѣ Русскаго Вѣстника появится его статья Мѣсто христіанства въ исторіи—посмотрите какъ это хорошо!

Душевно благодарю Васъ за то, что упомянули обо мнѣ и съ такимъ почетомъ въ Вашемъ вступленіи; эта честь мнѣ еще вновѣ.

Конечно, я былъ бы очень радъ, если бы могъ прислать на Ваше усмотрѣніе собственную статью. Одна у меня затѣвается—по поводу рѣчей Менделѣева, но когда будетъ и будетъ ли, не могу ничего сказать.

Не увидимся ли мы съ Вами на праздникахъ? Было бы очень благополучно.

Во всякомъ случаѣ, прошу прощенія и остаюсь

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

IV.

Спб. 20 сент. 1890.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Покорно благодарю Васъ за то, что помѣстили статью Розанова обо мнѣ; она наполнена большими похвалами и я нимало не удивляюсь, что Вы сдѣлали маленькую оговорку въ началѣ статьи. Но все мое удовольствіе было отравлено чтеніемъ статьи г. Астафьева объ Л. Н. Толстомъ. Она дышитъ такою яростью, она обращается съ писаніями самаго знаменитаго въ мірѣ писателя съ такимъ неуваженіемъ и произволомъ, она наводитъ на него такія нелѣпицы, что я не могу понять, какимъ образомъ подобная дикая статья попала въ Вопросы философіи. Не хочу думать, что она проходила черезъ Ваши руки; сколько я Васъ понимаю, она должна была показаться Вамъ очень противною. О, избавь Господь православіе отъ такихъ защитниковъ! Они стоятъ за вѣру, а потому разрѣшаютъ себѣ всякое извращеніе и неуваженіе чужихъ мнѣній; они стоятъ за нравственность, а потому считаютъ долгомъ быть дерзкими и грубыми. И въ отношеніи къ кому же? Къ Л. Н. Толстому!

Не могу не жалѣть и не сердиться, что такая бѣда случилась съ Вашимъ журналомъ.

Прошу Васъ извинить меня, но я не могъ удержаться, чтобы не высказать Вамъ своего чувства и мнѣнія.

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

V.

Спб. 29 сент. 1890.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Прошу Васъ извинить мнѣ рѣзкости прошлаго моего письма насчетъ статьи г. Астафьева. Я перечиталъ ее и увидѣлъ въ ней систематичность, нѣкоторую связующую мысль, которая могла увлечь автора. Но неужели этого нельзя было изложить иначе? У Васъ въ Москвѣ завелся какой-то очень ярый фанатизмъ, такой горячій, что и я вотъ вспыхнулъ.

Ну какъ дойти до мысли, что любовь къ людямъ, проповѣдуемая Толстымъ, ни съ какою нравственностью ничего общаго не имѣетъ (69)? Что его критика всего нашего бытія (быта что ли?) представляетъ совершенное отсутствіе основаній (стр. 93)?—Слова зло, дикость, негодованіе и т. п., прилагаемыя къ ученію Толстого, меня возмутили, особенно когда тутъ же упоминается о множествѣ превосходныхъ статей, остроумныхъ мыслей, глубокихъ мыслителей, идущихъ противъ Толстого. Даже на похабнаго болтуна Монтегаццу ссылаются съ почетомъ...

О томъ, что проповѣдь Толстого имѣетъ христіанскій характеръ, ни слова не сказано. А вѣдь выходитъ, что статья г. Астафьева написана прямо противъ христіанства, представляющаго именно самоотверженіе, подавленіе эгоизма? Г. Астафьевъ впрочемъ довольно ясно насмѣхается надъ святыми (стр. 76) въ повѣсти Три старца (онъ называетъ три старика, да и вообще ничуть не церемонится, излагаетъ своими словами мысли Толстого).

Вы знаете, гдѣ сказано: кто погубитъ свою душу, тотъ спасетъ ее. Неужели этого не знаетъ г. Астафьевъ, питающій такое почтеніе къ Высокопреосвященнѣйшему? Онъ приводитъ это, какъ мысль Толстого—см. стр. 80, и замѣчаетъ, что тутъ недостаетъ логики, какой-то кругъ. Неужели онъ въ первый разъ объ этомъ думалъ? Какое глубокое невѣжество! Нѣтъ, правъ Толстой, когда онъ почти готовъ сказать, что онъ вновь открылъ ученіе Христа.

Въ коротенькомъ письмѣ трудно высказать свою мысль вполнѣ. У Толстого такое страшное обиліе содержанія, если не рѣшеній, то вопросовъ, что сводить его ученіе на безсмыслицу—ничего нѣтъ похвальнаго.

И такъ, прошу Васъ извинить меня. Статью для Вашей январской книги я непремѣнно напишу—О законѣ сохраненія энергіи—небольшую, листъ—полтора.

Ужасно хочется увидѣть свои слова напечатанными на такой превосходной бумагѣ. А Вы сумѣли отлично повести журналъ и мнѣ часто приходится хвалить Васъ, какъ образцоваго редактора.

Съ душевнымъ уваженіемъ остаюсь

Вашъ преданный

Н. Страховъ.

VI.

Спб. 20 окт. 1890.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ,

Принявшись со всѣмъ усердіемъ за свою статью, я вижу пока, что ее очень трудно написать. Однако же я сдержу свое слово, но прошу Васъ дать мнѣ самый длинный срокъ. Къ началу декабря Вы ее непремѣнно получите. Буду надѣяться на Ваше доброе расположеніе,—простите, что никакъ не могу исполнить Вашего желанія имѣть статью въ рукахъ раньше. Она должна заключать не больше $1^1/_2$ или двухъ печатныхъ листовъ.

Своею полемикою съ Соловьевымъ я начинаю быть недовольнымъ,—можетъ быть Вы прочли мои статьи? Къ чему этотъ рѣзкій тонъ, когда все можно было сказать просто? Меня одно утѣшаетъ въ этихъ случаяхъ: по моему сердитый тонъ не такъ обиденъ, какъ хладнокровное осужденіе.

Въ сущности онъ долженъ быть доволенъ—противъ него пишутъ безъ конца.

Съ нетерпѣньемъ жду первой книжки Вашихъ Вопросовъ; такъ или иначе, но ждетъ ее, конечно, всякій, кто у насъ занимается философіей.

И такъ еще разъ прошу извинить меня и не сѣтовать на

Вашего искренно преданнаго
Н. Страхова.

VII.

Спб. 27 ноября 1890.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ,

Сегодня я отправилъ къ Вамъ свою статью О законѣ сохраненія энергіи. Вы видите, что я не только аккуратенъ, но даже предупредителенъ. Л. Н. Толстой однажды написалъ мнѣ о какой то моей статьѣ: „Ваша статья интересна, нова и мала“. Надѣюсь заслужить подобную похвалу и за теперешнюю свою статью, и отъ него и отъ Васъ.

Теперь у меня великая къ Вамъ просьба: не пришлете ли мнѣ корректуры? Мнѣ очень хочется, чтобы все было напечатано исправно. Кромѣ того, въ какихъ-нибудь мѣстахъ можетъ быть я исправлю два, три слова, можетъ быть гдѣ-

нибудь прибавлю крошечное примѣчаніе, и т. д. Словомъ я ничуть не затруднію печатаніе, а между тѣмъ еще разъ посмотрю, нѣтъ ли какихъ недосмотровъ.

При этомъ я очень просилъ бы соблюдать мои знаки: запятыя, скобки, боковыя ковычки и т. п. По моему ничѣмъ не нужно пренебрегать для ясности. А если будете посылать корректуру, то приложите и рукопись: я самъ могу забыть свои выраженія.

И такъ, надѣюсь, что Вы мнѣ сдѣлаете это одолженіе; я не задержу, такъ что вся процедура займетъ дня три-четыре.

Покорно благодарю за журналъ и за Лейбница. Много прочитать мнѣ еще не удалось. Когда я заглянулъ въ статью Волынскаго, то пришелъ въ большое восхищеніе: да, такимъ тономъ слѣдуетъ писать объ Л. Н., и Волынскій многое сказалъ съ настоящимъ горячимъ чувствомъ. Но когда прочелъ всю статью, я увидѣлъ, что онъ слишкомъ мало говоритъ о Толстомъ, а больше излагаетъ свои собственныя мысли; положимъ, мысли хорошія, но трудно видѣть, какъ онѣ относятся къ Толстому, а нѣкоторыя, безъ сомнѣнія, къ нему вовсе не относятся.

Очень меня радуетъ книга Трубецкого Метафизика въ древней Греціи. Если Вамъ случится его увидѣть, передайте мою душевную благодарность. Нѣкоторыя замѣчанія, напримѣръ, о Катковѣ, о классицизмѣ мнѣ пришлись удивительно по сердцу, хотя я и долженъ былъ скрыть подобныя вольнодумства отъ Ученаго Комитета. Не говорю о существенномъ содержаніи книги: пониманіе греческой религіи, отношеніе между религіею и философіею, характеристика древнихъ философовъ, — все превосходно, все проникнуто мыслью и сдѣлано по самымъ глубокимъ историческимъ пріемамъ.

Почти самое важное я оставилъ на конецъ—говорю о Вашихъ огорченіяхъ по поводу цензуры. Ваша мысль о прекращеніи журнала просто испугала меня. Прошу Васъ никогда не думайте объ этомъ. Бросить дѣло, которое идетъ такъ успѣшно и приноситъ такую пользу! Вѣдь это будетъ японское самоубійство! Съ цензурой нужно бороться, но переносить ее необходимо. Всѣ мы ее терпимъ и заранѣе должны сказать себѣ, что будемъ работать, что бы она съ нами ни дѣлала. Тридцать пять лѣтъ я пишу подъ цензурой и, можно сказать, ежеминутно чувствую отъ нея стѣсненіе. Но еще хуже будетъ, если перестанемъ писать.

И такъ не падайте духомъ и не лишайте всѣхъ вашего прекраснаго журнала!

Дай Богъ Вамъ силъ и здоровья!

Вашъ искренно преданный

Н. Страховъ.

VIII.

Спб. 30 ноября 1890.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ,

Все забываю написать Вамъ свой адресъ, уже съ конца 1885 г. я не служу въ Публичной Библіотекѣ, куда мнѣ адресуютъ Вашъ журналъ. А живу я все тамъ же: у Торговаго моста, д. 7, кв. 19 (д. Стерлигова, или Опошкевича-Яцыны (нов. хозяинъ) —да это лишнее).

Прошу извинить

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

IX.

Спб. 3 дек. 1890.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Не уступили Вы моей просьбѣ, выкинули мои любезныя ковычки и измѣнили кое въ чемъ пунктуацію. Чтобы не дѣлать никакихъ затрудненій, я теперь уже не прошу возстановленія ковычекъ (а онѣ очень помогаютъ яспости!), но прошу только тщательнаго исправленія по той корректурѣ, которую посылаю Вамъ сегодня. Я такъ усердно надъ ней потрудился, что обидно будетъ найти отступленія и неисправности.

Видите, какой я привязчивый! Извините меня, сдѣлайте милость. Соловьевъ написалъ въ послѣдней статьѣ, что я пишу шарлатански; пожалуйста, не вѣрьте! Я пишу, взвѣшивая каждое слово и каждую запятую, какъ можно короче и какъ можно яснѣе.

Но до чего же мы дошли! Какъ-то Вы мнѣ написали: „у Васъ много враговъ“. Это меня очень огорчило и заставило задуматься. За что же? Они зачинщики, они осыпаютъ меня бранью, а потомъ я же выхожу и злымъ, и браничивымъ.

Буду надѣяться, что Вы не измѣните Вашего добраго расположенія ко мнѣ, и, во-первыхъ, прикажете хорошенько выправить мою корректуру. До свиданія!

Вы вѣдь хотѣли пріѣхать — жду этого съ великимъ удовольствіемъ.

Вашъ искренно преданный и уважающій
Н. Страховъ.

X.

Спб. 30 мая 1891.

Многоуважаемый Николай Яковлевичъ!

У меня есть статья Толки объ Л. Н. Толстомъ, которую я напрасно пытался напечатать въ разныхъ журналахъ. Хотя она написана вполнѣ цензурно, редакторы боялись привязки цензуры; между прочимъ, это удивило Якова Карловича [1]), который читалъ статью и не нашелъ въ ней ничего противуцензурнаго. Не возможно ли будетъ напечатать ее въ Вопросахъ?

Собственно, Вопросы обязаны употребить всѣ усилія для напечатанія моей статьи; они такъ много наговорили объ Л. Н. Толстомъ, взвели на него столько обвиненій и такъ рѣшительно приписали ему разныя мнѣнія, ничуть имъ не раздѣляемыя, что точный взглядъ на нашего великаго писателя, изложенный у меня, долженъ быть принятъ въ журналъ, какъ искупленіе многихъ грѣховъ, какъ исполненіе неотложной обязанности.

Что Вы скажете на это? Статью Вы можете получить отъ Цертелева, или я вамъ пришлю. Мнѣ въ сущности было бы очень пріятно помѣщеніе ея въ Вопросахъ, у которыхъ есть публика довольно хорошая. Обращаясь къ другимъ журналамъ, я только жадничалъ, искалъ побольше читателей и побольше денегъ. Но самое почтенное мѣсто, конечно, Вашъ журналъ.

Сдѣлайте милость, многоуважаемый Николай Яковлевичъ, сообщите мнѣ Ваши мысли объ этомъ дѣлѣ. Заглавіе статьи можно перемѣнить, напримѣръ, поставить: Споры объ Л. Н. Толстомъ.

---

[1]) Грота, отца Н. Я.

Имѣю писать Вамъ еще о многомъ, но теперь обращаюсь къ Вашему доброму расположенію лишь по этому дѣлу, которое лучше не откладывать.

Прошу Васъ вѣрить искреннему уваженію

Вашего преданнаго

Н. Страхова.

P. S. До августа я не двигаюсь изъ Петербурга.

XI.

Спб. 5 іюля, 1891.

Многоуважаемый

Николай Яковлевичъ!

Покорно Васъ благодарю за любезный пріемъ моего предложенія. Статью свою я послалъ къ первому іюля по адресу Вашей конторы подъ заказною бандеролью. Но кто же тамъ приметъ и кто ей дастъ ходъ и мѣсто?

Вполнѣ надѣюсь, что Вы отстоите мою статью, ибо она вполнѣ цензурная, и я очень удивляюсь Цертелеву, не сдѣлавшему для этого ни единаго шага. Яковъ Карловичъ и Майковъ Аполлонъ Николаевичъ читали ее и съ удивленіемъ спросили: что же помѣшало ее напечатать.

Очень желалъ бы имѣть удовольствіе побесѣдовать съ Вами. Въ настоящую минуту я ношусь съ планами, какъ бы проѣхать въ Урусово, хотя бы на недѣльку, и, вѣроятно, сдѣлаю это въ августѣ, значитъ и Васъ увижу. У меня есть жалобы на Вопросы Философіи, которыя всего лучше изложить Вамъ лично. Надѣюсь, что въ деревнѣ Вашъ журналъ тоже есть и можно намъ будетъ прибѣгнуть къ его книгамъ.

О Маргаритѣ [1]) я безпрестанно вспоминаю и не могу помириться съ такою жестокою потерею.

Дай Богъ, чтобъ отецъ и мать не падали до конца духомъ и чтобы печаль ихъ потеряла свою первую горечь. Непремѣнно поѣду навѣстить ихъ.

Простите меня. Мое усердное почтеніе Якову Карловичу и Натальѣ Петровнѣ.

---

[1]) Дочь Н. П. Семенова, скончавшаяся 14-ти лѣтъ.

До августа я во всякомъ случаѣ не тронусь съ мѣста, и если найдется у Васъ свободная минутка, дайте мнѣ вѣсточку и о себѣ, и объ обитателяхъ Урусова.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XII.

Спб. 16 іюля, 1891.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ!

Очень радъ, что Вы оставляете старое названіе статьи; но на жаль я никакъ не могу согласиться; это совершенно не въ тонѣ статьи и измѣнятъ мысль. Смягчите какъ-нибудь иначе, напр.:

„Если онъ впадаетъ въ ересь, то однако же, во-первыхъ, онъ все-таки“ или:

„Осуждая его за то, что онъ впадаетъ въ ересь, нужно же помнить, что, во-первыхъ, онъ все-таки...“ и пр.

Предлагаю Вамъ еще одно смягченіе совершенно невинной фразы въ началѣ V. Вмѣсто.

„Главное дѣло не въ догматахъ“ поставьте:

„Главное дѣло, относительно Толстого, однако же, не въ догматахъ“.

Покорно Васъ благодарю за все, за вниманіе, за быстроту, за сочувствіе моей статьѣ, за то, что постоите за нее передъ цензурой и, безъ сомнѣнія, постоите успѣшно, потому что знаете, за что будете стоять.

А что до моихъ упрековъ, то отложу ихъ до личнаго свиданія. Будетъ и живѣе и полнѣе. Я сталъ уже собираться въ Ваши страны, и черезъ недѣлю думаю выѣхать, но дня на три остановлюсь въ Ясной Полянѣ.

Простите меня. Дай Вамъ Богъ здоровья и всего добраго. Очень радуюсь, что скоро увижу Васъ.

Вашъ искренно преданный и уважающій
Н. Страховъ.

P. S. Мое усердное почтеніе Якову Карловичу и Натальѣ Петровнѣ.

XIII.

Спб. 15 сент. 1891.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Вижу, что Вы меня считаете очень сварливымъ и злопамятнымъ. Но, хотя Тимирязевъ напечаталъ большой трактатъ о моей „злобѣ", Вы ему, пожалуйста, не вѣрьте. Мнѣ очень понятно, что Вы увлеклись общею редакторской слабостью дѣлать кой-какія перемѣны въ статьяхъ; Вы къ этому привыкли, потому что ужъ таково свойство этихъ статей, что за ними нужно присмотрѣть и ихъ нужно прибрать, какъ прибираютъ дѣтей, когда ихъ нужно вывести въ гостиную. Всю жизнь мнѣ приходилось съ этимъ бороться и еще недавно пострадали моя статейка объ Ап. Григорьевѣ и мои Воспоминанія объ Аѳонѣ. Всегда я съ этимъ боролся и всегда немножко обижался, потому что считаю себя умнымъ мальчикомъ, который самъ какъ слѣдуетъ приберется, когда нужно выйти къ гостямъ.

Мнѣ такъ извѣстна Ваша доброта и Вы такъ любезны ко мнѣ, что я питаю къ Вамъ чувство благодарности и ни минуты не приписывалъ Вамъ какого-нибудь невниманія или нерасположенія, а потому только подосадовалъ, а никакъ не сердился.

Самъ я отчасти виноватъ, что не присмотрѣлъ за дѣломъ, тогда какъ это было возможно.

Съ этою же почтою пишу къ Л. Н. Толстому и повторю ему Вашу и мою просьбу.

Получилъ повѣстку на высланныя отъ Васъ деньги, и покорно благодарю.

Отъ души желаю Вамъ здоровья и всего добраго.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XIV.

Спб. 24 сент. 1891.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Только что Вы напечатали мою статью и не успѣли еще собрать всѣхъ похвалъ, которыя она вызываетъ и вызоветъ впередъ, какъ вы уже желаете отъ меня новой статьи. А я теперь при каждой своей статьѣ думаю: ну, это лебединая пѣсня,—почему и стараюсь написать хорошенько.

Однако, кромѣ всякихъ шутокъ, покорно Васъ благодарю за письмо. Вмѣстѣ съ нимъ получилъ я и длинное письмо отъ Розанова, въ которомъ онъ разбираетъ мою статью со своей удивительной проницательностью.

Нужно непремѣнно, чтобы онъ писалъ, хотя и немного. Адресъ его: гор. Бѣлый. Смоленской губ., прогимназія. Вы его справедливо цѣните; что же касается до гонорара, то я всегда стоялъ за то, чтобы пишущіе получали какъ можно больше, особенно тѣ, у кого за душою ничего нѣтъ. Но Розановъ человѣкъ идеалистичнѣйшій и, вѣроятно, не чувствуетъ и сотой доли той жадности, которую чувствую я.

Простите меня! Дай Вамъ Богъ здоровья!

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XV.

Спб. 14 ноября 1891.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Мною сдѣлано все, что можно: Вышнеградскій обратилъ на мое письмо такое вниманіе, какого я желалъ. Но онъ извиняется, что до того заваленъ дѣлами и всякими предложеніями, что не имѣетъ времени для долгой бесѣды. При томъ, всякія возможности имъ передуманы и образъ дѣйствій его твердо опредѣленъ.

Я истинно порадовался его спокойному тону въ этомъ отношеніи, хотя мнѣ извѣстно, что онъ питаетъ глубокое сострадание къ бѣдствующимъ.

Однако, дѣло только пріостановилось (т. е. Ваше желаніе войти въ сношенія съ В.). Я буду его продолжать при слѣдующихъ свиданіяхъ, ибо крѣпко вѣрю въ Вашу доброжелательность и Вашу энергію.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XVI.

Спб. 6 мая 1892.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Простите, что такъ поздно отвѣчаю Вамъ. Получивши Ваше письмо, сталъ я раздумывать, чѣмъ я могъ бы Вамъ содѣйствовать; охотнѣе я отправился бы къ Побѣдоносцеву, чѣмъ къ Осоктистову, хотя знаю, что и то и другое было бы равно безплодно — никакого значенія я для нихъ не представляю. Пока я раздумывалъ, появилось объявленіе о выходѣ Вашей книжки, и я радостно вздохнулъ.

Итакъ, простите — съ моей стороны все дѣло ограничилось только искреннимъ Вамъ сочувствіемъ.

Статья Л. Н. Толстого удивительна. Несмотря на разныя крайности и парадоксальности, вы чувствуете такое живое нравственное стремленіе, что оно заражаетъ васъ. Серіозность и чистота мысли — великое, незамѣнимое дѣло.

Не могу того же сказать о статьѣ Вл. Соловьева противъ меня въ Русск. Обозр. Повидимому, его занимаетъ важный предметъ — святость. А на дѣлѣ онъ о святости ничего не сказалъ, а все говоритъ обо мнѣ. Мысли о смерти я будто-бы заимствовалъ отъ Шопенгауэра, а потому фальшиво называю себя христіаниномъ и т. д. Лукаво, путано и нахально-велерѣчиво.

Впрочемъ, я забываю, что у Васъ къ нему большая слабость. Лучше перейду къ Иванцову; его особое мнѣніе о книгѣ Чичерина очень слабо. Эту книгу онъ считаетъ запоздалымъ плодомъ отжившаго обскурайтизма, а самъ пишетъ о Дарвинѣ, о классификаціи и т. п. совершенно незрѣлыя, школьническія соображенія. Относительно философіи онъ, безъ сомнѣнія, совершенно безталанный человѣкъ. Книга же Чичерина показываетъ истинно философскую голову; жаль только, что онъ допустилъ много

небрежностей и черезчуръ большихъ смѣлостей, въ которыхъ вовсе и не было надобности. Меня очень интересуетъ эта книга, и Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, если бы добыли ее для меня. Нельзя ли помѣняться на какія-нибудь изъ моихъ книгъ?

Ольга Александровна [1]) Вамъ кланяется и проситъ сказать, что все готово для Васъ въ Мшаткѣ и въ Севастополѣ. Она пробудетъ здѣсь до первыхъ чиселъ іюня.

Отъ души желаю Натальѣ Николаевнѣ скорѣе поправиться, а Вамъ и всѣмъ Вашимъ здоровья и всякаго благополучія.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XVII.

Спб. 30 декабря 1892.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Вы имѣете право считать меня невѣжею за то, что до сихъ поръ не отозвался я на Ваше одушевленное письмо. Но повѣрьте, что я все время собирался къ Вамъ писать и помнилъ, и думалъ объ этомъ. Вашу статью прочелъ я съ удовольствіемъ и не нашелъ въ ней какого-нибудь рѣшительнаго недостатка. Напротивъ, статья объ Ницше меня удивила тѣмъ, что въ ней нѣтъ никакого опредѣленнаго взгляда и порядка. Это наборъ ничего не выясняющихъ разсужденій; вопросы берутся съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, безъ всякаго толка.

Ницше я давно знаю, съ перваго его сочиненія, и, кажется, я его понимаю. Сперва я его читалъ съ большимъ вниманіемъ; но потомъ, когда я увидѣлъ, что онъ какъ-то сбился, что напримѣръ, онъ уже не понимаетъ Шопенгауэра, обо всемъ толкуетъ вкривь и вкось, я его совсѣмъ бросилъ. Написать объ немъ не дурно, и я, вѣроятно, это сдѣлаю, но когда — рѣшительно не могу сказать. Онъ - эстетикъ, беретъ все со стороны красоты; но разсуждаетъ онъ плохо, и пришлось бы за него разсуждать, чтобы объяснять его мнѣнія и сужденія.

---

[1]) Даниlевская, вдова Н. Я. Даниlевскаго.

Вотъ вторую недѣлю, какъ сижу дома и выжидаю, не пройдетъ ли какая-то простуда, которую схватилъ на нынѣшнихъ жестокихъ морозахъ. Не осудите меня за мое молчаніе и вѣрьте истинному уваженію

Вашего преданнаго
П. Страхова.

XVIII.

Спб. 25 марта 1893.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Петръ Евгеньевичъ Астафьевъ, бывши въ Петербургѣ, сдѣлалъ мнѣ честь побывать у меня. Къ сожалѣнію, нашъ разговоръ, хотя очень интересный съ его стороны, оставилъ во мнѣ недовольство самимъ собою. Нѣтъ уже у меня бывалой живости, и я, хоть и пытался, не успѣлъ ни на чемъ хорошенько остановиться.

Но еще я не доволенъ собою,—я не предложилъ ему въ подарокъ своихъ книгъ. Обращаюсь къ Вашей любезности и снисходительности: при случаѣ, спросите его, не желаетъ ли онъ имѣть какія-нибудь мои книги, и отпустите ему изъ Вашего склада.

Онъ былъ такъ добръ, что давно присылаетъ мнѣ все, что выпуститъ въ свѣтъ. Да и за то, что онъ дѣлаетъ мнѣ возраженія, я уже благодаренъ. Какъ бы то ни было, а онъ первый, послѣ пятнадцати лѣтъ, заговорилъ объ „Основныхъ понятіяхъ психологіи“! Худо ли, хорошо ли, онъ сталъ ихъ обсуждать.

Вотъ и теперь, я жду и, вѣроятно, не дождусь, чтобы Вашъ журналъ что-нибудь сказалъ о моемъ Мірѣ какъ цѣломъ. Хоть бы побранили! Введенскому счастье—и пишутъ объ немъ и конференціи держатъ.

Въ 17-й книгѣ прочелъ Вашу рѣчь и порадовался, что у Васъ такъ хорошо идетъ дѣло. Остальнаго не удалось много прочесть; однако, замѣтно, что статьи этого нумера жидки въ разсужденіи философіи. Понравился мнѣ Кулябка — кто это такой? Вы коснулись очень глубокаго и труднѣйшаго вопроса. Очень забавно, когда другіе на Васъ сердятся потому, что вовсе не видятъ здѣсь вопроса. Кулябка, по крайней

мѣрѣ, понимаетъ, что это вопросъ, хотя отвѣчаетъ съ большою наивностью.

Мнѣ все время нездоровится; черезъ силу написалъ объ Тэнѣ; но вообще, чувствую себя очень негоднымъ.

Кстати: не скопилось ли сколько-нибудь мнѣ денегъ за книги въ складѣ? Простите, что безпокою Васъ, но мнѣ и любопытно, и деньги были бы кстати.

Дай Богъ Вамъ здоровья! Заранѣе благодарю Васъ за все, что сдѣлаете по моимъ маленькимъ просьбамъ.

Простите

Вашего искренно преданнаго

Н. Страхова.

XIX.

Спб. 11 апр. 1893.

Многоуважаемый

Николай Яковлевичъ,

Все мнѣ нездоровится, все сижу дома, и потому, можетъ быть, нахожусь въ самомъ строгомъ своемъ настроеніи. Статью г. Аврелина я нахожу совершенно дѣтскою, совершенно неумѣлою и по ходу мысли, и по выраженію. По моему, совѣстно видѣть такія статьи въ печати. Видно добрый человѣкъ, съ хорошими порывами, но вовсе не знаетъ, что такое думать и писать. Какой-то молодой кутила не можетъ ничего сочинить, если сперва не протрезвится. Очень интересно. Чтобы творить нужно вообще обладать своими силами и притомъ доводить ихъ до большого напряженія. Ну что жъ изъ этого?

Разбирать плохія статьи для меня ужасно трудно. Я не знаю, какъ къ нимъ подступиться. Это вѣдь не мысли и не писанія, а только подобія мыслей и писанія; нужно собственно смѣяться и анализировать психологическій процессъ, которымъ возникаютъ эти путаницы словъ и понятій.

Огорчаетъ меня то, что Вы пишете объ моемъ Мірѣ; мнѣ казалось, что онъ очень интересенъ именно для философовъ, которые нынче такъ преклоняются передъ естественными науками; если бы Сергѣй Трубецкой почиталъ мою книгу, то не писалъ бы онъ, что энергія тратится на мысль, или на желаніе. Это такое грубое и элементар-

ное невѣжество, что ему нѣтъ извиненія. Вы, Николай Яковлевичъ, всегда любезны, но къ Александру Нв. Введенскому, мнѣ кажется, слѣдуетъ быть особенно любезнымъ.

То, что Вы пишете объ Астафьевѣ, очень меня удивило и заняло. По секрету скажу Вамъ, что философскаго въ его статьяхъ я почти ничего не нахожу. Это какое-то изверженіе словъ, которыхъ у него всегда полонъ ротъ; все имѣетъ видъ и полетъ философскаго разсужденія, но нѣтъ ни единаго строго поставленнаго понятія, никакого опредѣленнаго метода. Боже мой! Мы такъ привыкли къ болтовнѣ зря, безъ обдумыванія и съ желаніемъ наговорить какъ можно больше! Онъ это недурно выдумалъ, что хочетъ быть спиритуалистомъ; тутъ можно разыгрывать варіаціи на самыя благонамѣренныя темы—что вѣдь теперь и требуется. Но гдѣ же у него настоящая работа, то-есть установленіе точнаго понятія о спиритуализмѣ? Такъ писать, какъ онъ пишетъ, можно безъ конца, и все-таки ничего не сказать. Какая безконечная разница съ Введенскимъ! Тотъ сказалъ нѣчто опредѣленное. Изъ Вашихъ сотрудниковъ я думаю этого никто не сумѣетъ сдѣлать, меньше всѣхъ мой пріятель Вл. Соловьевъ.

Почему вы подумали, что я соглашаюсь съ Кулябкой? Какъ можно такъ думать!

Предыдущія строки были написаны мною съ недѣлю тому назадъ. Бѣдный Астафьевъ! Только что мы съ Вами, Николай Яковлевичъ, успѣли его побранить, какъ онъ и умеръ! А онъ, судя по послѣднему разговору, поспился съ большими планами, хотѣлъ развернуться широко. И я ему былъ благодаренъ за то, что онъ обратилъ вниманіе на мою психологію. Я надѣялся, что потомъ онъ еще больше поговоритъ объ ней и дастъ тѣмъ поводъ и мнѣ высказаться.

Но все на землѣ ненадежно. Меня искренно трогаетъ то, что Вы пишете о себѣ съ такою скромностью, какая рѣдко встрѣчается. Такъ какъ Вы обращаетесь и ко мнѣ, то позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Ужасно трудно сговориться на письмахъ. Я не могу и въ разговорахъ пуститься въ объясненія, потому что не нахожу общей почвы. Я гегельянецъ и, чѣмъ дольше живу, тѣмъ тверже держусь діалектическаго метода; между тѣмъ никто его себѣ не усвоилъ, и потому не понимаетъ, чего я хочу и на чемъ стою.

Всѣ становятся куда попало, на точки очень частныя и очень низменныя — мнѣ это и скучно и трудно, когда приходится мѣняться мыслями. Вы, напримѣръ, объявили меня картезіанцемъ. Почему же? Вѣдь я исповѣдую, что всякая философія есть степень или моментъ въ той, которой я держусь. Декартъ больше кого бы то ни было подходитъ подъ это понятіе; только для того и стоитъ его изучать. Если бы Вы взглянули въ Куно-Фишера Logik und Metaphisik и въ Chalybaeus — Entwickelung der neuen Philosophie, то нашли бы тамъ элементы моего философствованія. Истину нашелъ уже Платонъ; она состоитъ въ томъ, что есть Богъ и что высшее дѣйствіе нашей мысли — подниматься къ Богу.

Простите меня, Христа ради. Писать мнѣ всегда трудно, а подъ старость становится еще труднѣе. Потому не будьте взыскательны и вѣрьте

искренней преданности Вашего

Н. Страхова.

XX.

Спб. 23 янв. 1894.

Многоуважаемый

Николай Яковлевичъ!

Откуда-то дошли до меня слухи, что Вамъ опять поздоровится. Ну времячко! Самъ я сижу дома уже третью недѣлю; за трахептомъ пришла инфлуэнца и теперь только-только отпустила. Въ Петербургѣ столько больныхъ, какъ не запомнятъ доктора, и все время стоитъ 2^0 тепла. Это въ январѣ-то!

Получилъ я книжку Вопросовъ и многое прочелъ въ ней. Хотѣлось бы написать Вамъ объ Вашей статьѣ, но отложилъ до ея окончанія: я еще не совсѣмъ понимаю Вашу точку зрѣнія. Матерія, по моему, есть только поприще духовныхъ явленій, ихъ поле, тѣ лѣса и лѣствицы, по которымъ духъ движется. Параллельность выходитъ также, какъ ступени лѣстницы параллельны шагамъ поднимающагося или спускающагося человѣка. Ступени не только не производятъ этого движенія, но даже должны быть совершенно неподвижны.

Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Очень отрывочна, но очень интересна и глубоко затрогиваетъ вопросъ статья Л. Н. Толстого.

Статья о Чичеринѣ черезчуръ благосклонна.

Имѣю къ Вамъ просьбу. Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Я забылъ взять у Васъ изъ склада Россію и Европу и Объ основныхъ понятіяхъ. Сдѣлайте милость, прикажите всѣ экземпляры этихъ двухъ книгъ переслать въ Петербургскій магазинъ Новаго Времени. Что будетъ стоить, я уплачу. Они тутъ спрашиваются, а въ Москвѣ останутся лежать попапрасну. Эти книги разошлись до послѣдняго экземпляра. Я уже началъ печатаніе второго изданія Объ основныхъ понятіяхъ. Какая жалость, что не могу ничего прибавить къ этому изданію. Все собирался, да такъ и пособирался развить нѣкоторыя изъ тѣмъ, которыя тамъ указаны.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго! Простите
Вашего искренно преданнаго
Н. Страхова.

P. S. Въ предисловіи къ новому изданію непремѣнно объяснюсь насчетъ моего картезіанства.

XXI.

Спб. 31 янв. 1894.

Дорогой и многоуважаемый
Николай Яковлевичъ!

Не знаю, какъ Васъ и благодарить за честь, которую Вы мнѣ оказали и устроили. Я очень хорошо понимаю, что это гораздо выше, чѣмъ, напримѣръ, степень доктора философіи. И компанія, въ которую я зачисляюсь, и товарищи по зачисленію—все мнѣ очень по сердцу; тѣшитъ меня и то, что, наконецъ, я поравнялся у Васъ въ почетѣ съ моимъ пріятелемъ Вл. Соловьевымъ, который съ такою легкостью забралъ себѣ всякіе вѣнки на ученомъ и на литературномъ поприщѣ. Безъ всякихъ шутокъ, меня глубоко тронула честь, оказанная Обществомъ, потому что самъ я отдаю Обществу большую честь. Пусть дѣло иногда идетъ вяло, но оно идетъ, оно имѣетъ прекрасное направленіе, совершенно серіозное и сознательное. И въ этомъ большая, большая доля принадлежитъ Вамъ, Николай Яковлевичъ! Искренно готовъ признать себя не вполнѣ достойнымъ Вашего почетнаго членства, особенно потому, что такъ лѣниво трудился для Вашего общества и Вашего журнала.

Прошу Васъ передайте мою глубочайшую благодарность всѣмъ членамъ, принимавшимъ участіе въ моемъ избраніи. Не нужно ли мнѣ обратиться къ Вамъ съ официальнымъ письмомъ?

Отъ души желаю Вамъ здоровья и всякаго блага. Натальѣ Николаевнѣ мое усердное почтеніе.

Вамъ искренно преданный
Н. Страховъ.

P.S. Я все время по возвращеніи въ Петербургъ боленъ, и только сегодня сталъ позабывать объ этомъ.

XXII.

Спб. 5 февр. 1894.

Душевно уважаемый
Николай Яковлевичъ!

Сейчасъ же я написалъ Ольгѣ Александровнѣ Дашиловской и надѣюсь, что она сама Вамъ отвѣтитъ. Все очень удобно. Она съ дочерью теперь одна въ Мшаткѣ и, вѣроятно, рада будетъ такимъ отличнымъ квартирантамъ. Какая жалость, что Вы болѣете! Но истинно можно позавидовать всякому, кто теперь направится въ Крымъ. Подъ новый годъ тамъ пили чай на открытомъ воздухѣ. О лихорадкахъ въ Мшаткѣ я не слыхалъ. Тамъ было прежде повѣтріе кроваваго поноса, занесеннаго войсками; но эту болѣзнь Ольга Александровна умѣла снимать, какъ рукой, а въ послѣдніе свои пріѣзды я и объ ней не слыхалъ.

Еще разъ благодарю Васъ за Вашу доброту и за лестную оцѣнку, которую я, однако, принимаю не безъ критики. На моей могилѣ можно будетъ, конечно, написать: одинъ изъ трезвыхъ между угорѣлыми, но дальнѣйшія похвалы подлежатъ еще большому вопросу. Статья объ Исторіи философіи имѣетъ здѣсь нѣкоторый успѣхъ, особенно у людей ученыхъ. Печатаю теперь свой сборникъ: Философскіе очерки. Слава Богу, что есть еще силы.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго!

Натальѣ Николаевнѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XXIII.

Спб. 13 марта 1894.

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за присылку „представленія“ и за самое „представленіе“. Во всемъ я вижу Вашу доброту и не могу не считать лестнымъ того, что Вы обо мнѣ написали. Нѣкоторыя черты для меня были новы и любопытны. Но разбирать и совѣстно, и некогда; во всякомъ случаѣ я не вижу повода спорить. Одной только черты, къ сожалѣнію, Вы не помянули въ мою защиту, и я рѣшаюсь самъ ее заявить—на всякій случай. Всякаго славянофила подозрѣваютъ въ томъ, что онъ сочувствуетъ деспотизму и питаетъ ненависть къ инозе́мцамъ. И вотъ я хочу сказать, что я, какъ бы ни былъ грѣшенъ въ другихъ отношеніяхъ, отъ этихъ грѣховъ свободенъ. У меня нѣтъ ни одной страницы антилиберальной, ни одного слова ненависти къ евреямъ, католикамъ и т. п. Не отличился я горячею проповѣдью любви и терпимости, но самъ уберегся отъ всякаго ихъ нарушенія.

Простите меня за это самохвальство; Вы меня душевно обрадовали, указывая на мою самостоятельность и безбоязненность, и мнѣ захотѣлось сказать, что я стою нѣкоторыхъ похвалъ.

Искренно сожалѣю, что Вы все похварываете, и могу посовѣтовать одно,—покой, какъ можно больше бездѣйствія.

Огорчаетъ меня и болѣзнь Маріи Петровны; теперь я понимаю, почему она молчитъ на мое письмо. Между тѣмъ мнѣ очень важно было бы узнать, готовы ли портреты Фета и когда будутъ высланы. Печатаніе стиховъ уже пришло къ самому концу. Если Вамъ случится навѣстить больную, прошу Васъ попросить Катерину Владиміровну написать мнѣ объ этомъ — она все знаетъ. А я не знаю очень важнаго — с л ф а м и л і и, такъ что и не могу написать ей. Простите, что безпокою Васъ маленькой просьбой.

Дай Богъ Вамъ здоровья!

Натальѣ Николаевнѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XXIV.

Спб. 15 февр. 1895.

Душевноуважаемый
Николай Яковлевичъ!

Простите, что запоздалъ отвѣтомъ: нѣсколько недѣль страдаю болѣзнью, хоть и не тяжкою, но безпокойною, и только теперь сталъ оправляться. Съ большою грустью читалъ я Ваши письма: такой дѣятельный, неутомимо-полезный человѣкъ не можетъ на профессорскомъ пути найти достаточныхъ средствъ для себя и семьи! Удивительно и досадно! Впрочемъ, я всегда считалъ этотъ путь у насъ очень дурно обставленнымъ. Ученая карьера въ Россіи—жалкая карьера! Чиновники петербургскихъ департаментовъ куда лучше поставлены, куда больше имѣютъ впереди видовъ и выходовъ. Понятно, что иные изъ нихъ и смотрятъ на профессоровъ съ презрѣніемъ. Можетъ быть и Вамъ, какъ Бунге, Вышнеградскому и другимъ, со временемъ найдется хорошее мѣсто въ администраціи.

Но я не раздѣляю вполнѣ Вашихъ опасеній касательно студентовъ. Не такое время—кажется, консерватизмъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Судя по всему, кучка смутьяновъ остается все та же и въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ; но сочувствіе ей пропало или пропадаетъ все больше и больше, и главная масса не дастъ себя взволновать и твердо держится одного—надо добывать себѣ званіе и мѣсто.

Очень жаль, что нашъ журналъ хиреетъ, какъ Вы пишете. А я было собрался на покоѣ приняться за философскія статьи и даже могу теперь удовольствоваться небольшою платою—о чемъ хотѣлъ и писать Вамъ. Конечно, это сдѣлается не вдругъ. Къ осени, можетъ быть, что-нибудь поспѣетъ, коли дастъ Богъ дожить. Каюсь, я мало читалъ Вашъ журналъ; полемика нашего Введенскаго и Каринскаго идетъ, пока, очень неумѣло—авось поправится. Статья Чичерина, по моему, очень неудовлетворительна. Хочется мнѣ прибавить: я лучше напишу. Но вѣдь это будетъ зависть, гордость и самохвальство? Лучше помолчу.

Простите, дорогой Николай Яковлевичъ. Отъ души желаю Вамъ здоровья, лучшаго духа и лучшихъ обстоятельствъ.

Натальѣ Николаевнѣ усердное почтеніе.

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ.

XXV.

Спб. 8 декабря, 1895.

Душевноуважаемый
Николай Яковлевичъ.

Прежде всего долженъ просить у Васъ прощенія: я не могу приготовить своей статьи къ слѣдующей книжкѣ журнала. Статья начата и я пишу ее съ большимъ старапіемъ, но не могу преодолѣть какой-то тяжести головы и пера—ну, однимъ словомъ, статья не будетъ къ Вамъ послана къ 15-му декабря. Однако я ее допишу и твердо обѣщаю прислать ее къ мартовской книжкѣ, то-есть въ концѣ января. Она будетъ меньше двухъ листовъ (и это твердо).

Сейчасъ же, получивши книжку, сталъ я читать Ваши статьи и прочелъ ихъ легко и съ удовольствіемъ. Изъ нихъ выводъ одинъ очень ясный: то, что въ психологіи дѣло обстоитъ по прежнему, несмотря на кабинеты, психофизику и психофизіологію. Въ этомъ отношеніи Ваши разсужденія правильны. Но гдѣ же новая эпоха?

Вы такъ быстро и неосторожно провозгласили о переворотѣ въ психологіи, такъ мало остановились на существующихъ попыткахъ спеціализировать нѣкоторыя области психологическихъ изслѣдованій (такія попытки всегда имѣютъ за собою нѣкоторое право), такъ неудачно приняли для новой (будто-бы) психологіи названіе экспериментальной, что всѣмъ этимъ погубили правильныя и интересныя соображенія, которыя высказываете.

Далѣе очень преувеличены Вами нѣкоторыя мысли, напр. о томъ, что кабинеты удобны для всякихъ занятій психологіею, и что всѣ учителя, судьи и т. д. будутъ заниматься психологическими экспериментами. Съ какой стати будетъ имп заниматься математикъ? Да онъ никогда не думаетъ ни о психологіи, ни о силлогизмахъ, ни о своихъ ученикахъ (ихъ особенностяхъ), а думаетъ только о своей математикѣ. Вообще, нужно умѣть становиться на точку зрѣнія психологіи, и на эту точку обыкновенно не любятъ и не умѣютъ становиться.

Такъ и вышло, что мысль Ваша въ статьѣ расплылась, потеряла опредѣленность и точность. Вы слишкомъ подвижны и не замѣчаете, что въ этой подвижности переходите черезъ край и теряете подъ собой твердую почву.

Вотъ, какъ я Васъ раскритиковалъ; но Вы сами о томъ просили. А мнѣ тяжело писать такъ голословно, не приводя ни одной фразы изъ Вашихъ статей. Извините, если въ моихъ общихъ отзывахъ я гдѣ-нибудь окажусь не точнымъ.

Теперь еще одно дѣло. Приходилъ ко мнѣ Ѳ. Шперкъ и разсказывалъ, что послалъ Вамъ рецензію моихъ Очерковъ. Вы ее забраковали? Какая жалость! Рецензіи моихъ книгъ составляютъ величайшую рѣдкость въ русской литературѣ. Никто не пишетъ! То, что мнѣ передавалъ Шперкъ, очень меня заинтересовало и было для меня новостью — вѣдь никто не видитъ себя со стороны. Не отыщется ли эта рецензія?

Вчера вышла моя новая книга: „Борьба съ Западомъ“ книжка третья. Разумѣется, пришлю къ Вамъ безъ замедленія. Кто-то меня читаетъ, только не журналисты, такъ что обо мнѣ никто не пишетъ.

Простите, душевноуважаемый Николай Яковлевичъ. Дай Вамъ Богъ здоровья и благополучія. А какъ состоялась подписка?

Вашъ искренно преданный
Н. Страховъ [1]).

[1]) Н. Н. Страховъ скончался менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ этого письма, 26 янв. 1896 г. О немъ Н. Я. Гротъ помѣстилъ статью „Памяти Страхова“ въ „Вопр. Философ. и Псих.“ кн. 32, (1896 г.).

Письма В. С. Соловьева [1]).

I [2]).

(*1889*).

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

По неожиданнымъ и совершенно неотвратимымъ обстоятельствамъ не могу къ Вамъ пріѣхать, о чемъ искренно сожалѣю. Завтра или послѣзавтра заѣду и (буде потребуется) дамъ объясненіе.

До свиданія. Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

II.

Вторникъ, с. Выныркн. (*1889*).

Дорогой Николай Яковлевичъ,

Все готово. Завтра утромъ (среду) буду у Васъ. Въ происшедшей маленькой задержкѣ не виповать: корректуру, отправленную въ пятницу, получилъ только въ воскресенье вечеромъ, вернувшись къ Трубецкому изъ Москвы, гдѣ три раза былъ у Васъ, но не заставалъ дома.

Итакъ, до завтра.

Будьте здоровы. Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Почти всѣ эти письма были напечатаны въ 1908 году въ изд. „Письма В. С. Соловьева“, т. I, подъ ред. Э. Л. Радлова. Выпустить ихъ изъ нашего собранія было бы жаль, и мы ихъ перепечатываемъ, прибавляя 4 письма еще не напечатанные (1, 2, 25 и 38) и дѣлая маленькія исправленія въ порядкѣ писемъ. *Ред.*

[2]) Опредѣлить точно даты первыхъ 2-хъ писемъ, какъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ, не удалось. *Ред.*

III.

(1893).

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Вотъ 8 страницъ (монхъ), въ Москвѣ мнѣ рѣшительно заниматься, даже переводомъ, невозможно. Вчера весь день отняли неожиданные визиты. Сегодня ѣду въ Тамбовскую деревню и тамъ въ одинъ день навѣрное окончу Anhang и пришлю Вамъ немедленно.

Очень жалѣю, что не могу проститься съ Вами. Впрочемъ, можетъ быть, еще застану Васъ въ Москвѣ по возвращеніи.

Мое почтеніе Наталіи Николаевнѣ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

IV.

28 апр. 89. Спасскъ, Тамбовской губ., у кн. Д. И. Цертелева, с. Липяги.

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Вотъ Вамъ Anhang, можете не сличать,—пропусковъ нѣтъ. Что касается до привѣтствія итальянскому комитету [1]), то Ваше молчаніе на счетъ этого въ послѣдней запискѣ я истолковалъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ, т. е., что Вы снимаете съ меня сіе порученіе. Если же я сверхъ ожиданія въ этомъ ошибся, то вотъ Вамъ мой мотивированный отказъ: то условное сочувствіе, какое я могу имѣть къ этому дѣлу, принадлежитъ мнѣ одному (между членами Психологическаго Общ.), ибо нѣкоторые вовсе не сочувствуютъ (напр., Цертелевъ), и другіе (большинство) сочувствуютъ безусловно и моихъ оговорокъ относительно антиватиканскаго направленія бруновской агитаціи нисколько не раздѣляютъ. Въ виду этого мнѣ было бы очень странно являться представителемъ Общества въ этомъ дѣлѣ.

Я весьма доволенъ, что укрылся подъ сѣнь струй; здѣсь можно въ двѣ недѣли сдѣлать больше, чѣмъ въ Москвѣ въ два мѣсяца, не говоря уже о Петербургѣ.

---

[1]) По случаю постановки памятника Джордано Бруно на Campo dei fiori въ Римѣ. *Ред.*

Мой хозяинъ поручаетъ Вамъ кланяться. Онъ хотѣлъ заѣхать къ Вамъ тогда въ послѣдній день, но я, на основаніи Вашей записки, сказалъ ему, что Васъ не будетъ дома.

До свиданія—вѣроятно, еще въ Москвѣ.

Мое почтеніе Наталіи Николаевнѣ.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

V.

15 мая 89. Спасскъ, Тамбовской губ., с. Липяги.

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Выѣзжаю отсюда только 24-го, и притомъ не въ Москву, а спачала въ Сызрань; поэтому не имѣю никакой надежды видѣться съ Вами до августа.

Получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что духовная цензура вторично и окончательно осудила мою Теократію. Такимъ образомъ мнѣ не приходится раскаиваться въ тѣхъ непріятностяхъ для духовнаго начальства, которыя содержатся въ новой французской книгѣ.

Видѣли ли Вы апооеозъ Никанора въ „Вѣстникѣ Европы?“ Если бы это было въ другомъ мѣстѣ, то многіе читатели приняли бы за чистую монету, да и теперь, пожалуй, не всѣ догадаются, въ чемъ тутъ настоящая соль.

Для Васъ статья будетъ готова къ 15-му августа. Такъ какъ въ одну всего вмѣстить нельзя, а тянуть въ нѣсколькихъ №№ подъ однимъ заглавіемъ для Васъ неудобно, то я считаю за лучшее разбить свое писаніе на нѣсколько отдѣльныхъ статей, съ особымъ заглавіемъ для каждой.

Первая будетъ о красотѣ—тема, кажется, безобидная. Конечно, при нѣкоторой доброй волѣ можно было бы для уясненія отъ противнаго идеи красоты распространиться о безобразіяхъ духовнаго вѣдомства, но изъ дружбы къ Вамъ я готовъ отъ этого совершенно воздержаться.

На вопросъ Вашъ объ оттискахъ, не знаю, что отвѣчать. Поступите такъ, какъ Вамъ удобнѣе, а если Вамъ все равно, то я ни противъ Куно-Фишера, ни противъ Иванцова ничего не имѣю.

Чертелевъ Вамъ кланяется и охотно обѣщаетъ свое сотрудничество.

Отъ души желаю Вамъ добраго здоровья и успѣха въ дѣлахъ.

Сердечно кланяюсь Натальѣ Николаевнѣ.

Искренно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

VI.

3 окт. 89. Петербургъ, Европ. Гост. (Михайл. ул.).

Дорогой Николай Яковлевичъ,

Вотъ Вамъ, согласно обѣщанію, безъ всякаго замедленія. Прибавилъ на свободномъ мѣстѣ новое нѣсколько менѣе односложное заключеніе. А на стр. 24 внизу—очевидно, въ наборѣ—выпалъ конецъ фразы, который я (не имѣя рукописи) и приписалъ по памяти и по смыслу. Надѣюсь, что отъ этой вставки не выйдетъ никакого типографскаго затрудненія, но во всякомъ случаѣ необходимо было снабдить предложеніе сказуемымъ.

Засимъ—All right. Вторая статья образуется.—Вашихъ павѣщу непремѣнно какъ только освобожусь отъ публицистики для „Вѣстника Европы".

Будьте здоровы.

Весь Вашъ *Влад. Соловьевъ.*

NB. И въ первой половинѣ статьи я сдѣлалъ кой-какія корректурныя поправки.

VII.

12 окт. 89. Петербургъ, Европ. Гост. (Михайл. ул.).

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Не будете ли столь добры прислать мнѣ, не дожидаясь выхода книжки, остальной гонораръ, т. е., если не ошибаюсь, 70 руб. ([3×40] 120—50=70).

Предпочитаю обратиться къ Вамъ, а не къ N., который слишкомъ уже аккуратенъ.

Если пошлете кредитными билетами (а переводъ на банкъ дѣлать для маленькой суммы, я думаю, не стоитъ), то адре-

суйте ихъ на имя Радлова, такъ какъ онъ служащій, и ему проще получить денежное письмо [Эрнесту Львовичу Радлову, Эртелевъ переулокъ, домъ 9, Петербургъ].

Для очищенія собственной совѣсти обращаю еще разъ Ваше вниманіе на нецѣлесообразность большихъ объявленій на заднихъ страницахъ газеты, вмѣсто маленькихъ на первой.

Въ воскресенье кончаю статью для „Вѣстника Европы" и затѣмъ начну дѣлать визиты.—Непремѣнно побываю у Вашихъ.

Въ началѣ ноября, вѣроятно, пріѣду въ Москву, по надолго ли—не знаю. Нужно было бы съѣздить въ Парижъ: все напечатанное количество экземпляровъ моей книги разошлось, и при новомъ наборѣ я желалъ бы самъ держать корректуру.

Но на всякое хотѣнье есть терпѣнье, и врядъ ли я дальше Москвы уѣду. Будьте здоровы, любезный другъ.

Мой сердечный поклонъ Натальѣ Николаевнѣ и общимъ пріятелямъ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

VIII.

21 дек. 89. Европ. Гост., Петербургъ.

Дорогой Николай Яковлевичъ,

„Какой съ Божьей помощью неожиданный оборотъ!"

Если бы двукратная инфлуэнца и не помѣшала мнѣ начать, то извѣстный фальшивый документъ помѣшалъ бы все равно закончить статью для второй книги философскаго журнала. Теперь всѣ мои мысли обращены въ другую сторону, и если бы даже было время, все-таки ничего путнаго для Васъ бы не написалъ.

Итакъ, до третьей книги, если не произойдетъ новыхъ неожиданностей. Впрочемъ, жаловаться на меня Вамъ не приходится, ибо: 1) замѣткою въ „Новомъ Времени" я, заступившись за пріятеля, сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ маленькую рекламу Вашему журналу и притомъ единственнымъ возможнымъ въ данномъ случаѣ способомъ. 2) То же самое сдѣлалъ я и въ „Вѣстникѣ Европы", цитируя Трубецкого въ своей послѣдней, отнынѣ исторической (по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ Гоголевскаго Поздрева) статьѣ.

Теперь маленькое порученіе къ Вамъ. Одинъ мой знакомый, г. Умапецъ, кандидатъ восточныхъ языковъ, печатаетъ довольно обширное сочиненіе о мусульманской философіи и желалъ бы извлечь изъ него небольшую статью для философскаго журнала. Согласны ли бы Вы были въ принципѣ принять такую статью? Онъ ждетъ отвѣта, и Вы мнѣ еще успѣете написать до моего отъѣзда (врядъ ли раньше вторника соберусь).

Былъ на-дняхъ у Вашихъ и нашелъ ихъ въ добромъ здоровьѣ.

До свиданія. Мое почтеніе Наталіи Николаевнѣ и сердечный поклонъ общимъ друзьямъ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

IX.

29 окт. 90. Петербургъ.

Дорогой Николай Яковлевичъ!

На Вашу телеграмму отвѣчаю письмомъ не изъ экономіи, а потому, что не могу дать краткаго и категорическаго отвѣта на Вашъ вопросъ. Конечно, я Вамъ вполнѣ довѣряю во всѣхъ отношеніяхъ, но вопросъ въ томъ, стоитъ ли печатать замѣтку въ оскопленномъ видѣ. Другое дѣло, если бы это была большая и содержательная статья; а у такой маленькой выходки нарушеніе тона и стиля, исключеніе двухъ-трехъ яркихъ фразъ, можетъ отнять всякій смыслъ.

Итакъ: 1) если Вы можете ручаться, что компромиссъ съ цензурой не компрометтируетъ характера и смысла замѣтки, то поступайте по усмотрѣнію; 2) если Вы имѣете насчетъ этого сомнѣнія, то сообщите мнѣ предполагаемыя измѣненія; въ такомъ случаѣ, и если у Васъ есть причины торопиться выходомъ книжки, придется отложить замѣтку до будущей. Наконецъ, 3) если Вы сами находите, что для возможности напечатанія замѣтки, необходимо ее обезцвѣтить, то рѣшимте не печатать вовсе.—А писать объ этомъ предметѣ въ другомъ топѣ и стилѣ я не умѣю.

NB. Если Вы находите нѣкоторыя фразы слишкомъ явно ироническими собственно по отношенію къ лицу Лесевича, то таковыя можете свободно измѣнить въ благопріятномъ смыслѣ; но упрекъ о дурномъ отношеніи къ единомышлен-

никамъ оставьте во всей силѣ. За что же и тѣхъ обижать безоговореннымъ восхваленьемъ одного Лесевича?

А что же сверстанное „Искусство?“ Жду его непремѣнно. Извѣстное Вамъ заявленіе мною передѣлано со стороны стиля, который былъ въ прежней редакціи слишкомъ казеннымъ. Теперь вышло несравненно лучше. Такъ какъ эти перемѣны касаются исключительно только формы, то я не считаю нужнымъ безпокоить еще разъ всѣхъ подписавшихся. Но если хотите, могу прислать Вамъ новую редакцію, которую въ такомъ случаѣ просилъ бы показать и другимъ. Короленко прислалъ свою подпись съ самымъ сочувственнымъ письмомъ. Кажется, за двумя-тремя исключеніями всѣ выдающіяся литературныя имена будутъ въ сборѣ съ мэгалэопомъ во главѣ. Кто-то болталъ о контрпротестѣ; но вѣдь для этого нужно прежде всего создать контръ-Толстого. А я думаю, что и контръ-Гроты и контръ-Соловьевы предпочтутъ безмолвіе.

Искренно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

P. S. Отвѣтъ Страхову напечатанъ въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“.

P. S. Признаюсь, что я не успѣлъ перечесть замѣтку, написанную прямо набѣло; съ этой стороны я даже прошу Васъ ее пригладить.

X.

23 апр. 91. Петербургъ.

Христосъ воскресе, дорогой Николай Яковлевичъ!

Спасибо за книжку. Ничего не имѣю противъ возстановленія прежняго конца въ моей статьѣ. Но есть одна опечатка, измѣняющая смыслъ; она была мною исправлена, но вашъ корректоръ заупрямился. Нельзя ли исправить ее на особой ленточкѣ, которую вклеить въ книжку? Тогда уже кстати и другія менѣе важныя. Прилагаю на листкѣ.

NB. А вотъ просьба болѣе настоятельная. Хотя статья о поддѣлкахъ и не совсѣмъ покрываетъ мой ноябрьскій авансъ, но по причинѣ праздниковъ очень прошу прислать мнѣ 100 р., а въ сентябрѣ навѣрное совсѣмъ расквитаюсь. Эти три дня одними начаями и извозчиками стоили мнѣ уже 70 р. Пришлось впасть въ разные мелкіе долги (о крупныхъ не говорю), которые

необходимо заплатить. Итакъ, пожалуйста, какъ можно скорѣе, вышли мнѣ сто рублей на мое имя (Петербургъ, Европейская Гостиница).

Когда можно будетъ пріѣхать въ Москву—не знаю.

Есть очень важное дѣло, о которомъ кратко писать неудобно, а пространно еще рано. Всетаки надѣюсь увидѣться до вашего отъѣзда изъ Москвы.

Усердно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и общимъ друзьямъ. Твоихъ здѣсь видалъ двукратно. Будь здоровъ.

Искренно твой
Владиміръ Соловьевъ.

Въ страстную пятницу нанесъ мнѣ визитъ Оссоктистовъ. C'est du nouveau.

PS. Теперь пишу статью о 6-ой и 7-ой книжкахъ для „Новостей“ [1]).

XI.

(*1891*).

Любезный другъ Николай Яковлевичъ!

Какъ видишь, я опоздалъ выѣздомъ, но все таки пріѣду во время и некрологъ будетъ готовъ (а также и рецензіи на „Историческое Обозрѣніе“, о чемъ меня просилъ Карѣевъ). Въ крайнемъ случаѣ, если и будетъ задержка дня на два, то право, для двухмѣсячника это не важно.

Имѣю къ тебѣ предложеніе: если возможно, въ послѣднихъ числахъ февраля прочесть въ Обществѣ мною непапечатанную еще статью объ идолахъ и идеалахъ. Она въ окончательной редакціи кажется мнѣ и удачной, и цензурной, а главное—благовременной. Предупреждаю объ этомъ на всякій случай, а затѣмъ поговоримъ при свиданіи.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

[1]) Т. е. о 6-ой и 7-ой книжкахъ „Вопросовъ философіи и психологіи“. *Ред.*

XII.

9 авг. 91. Петербургъ, Вознесенскій просп., д. 16, кв. 3.

Очень радъ былъ твоему письму, милый другъ Николай Яковлевичъ. Въ Москвѣ лѣтомъ не былъ и іюньскаго письма твоего не видалъ. Весьма одобряю съ эгоистической точки зрѣнія перемѣну твоихъ плановъ, да думаю, что и для тебя въ сущности лучше оставаться въ Москвѣ. Въ концѣ августа буду въ Москвѣ непремѣнно. Но къ Толстому не поѣду: наши отношенія заочно обострились вслѣдствіе моихъ „Идоловъ", а я особенно теперь недоволенъ безсмысленною проповѣдью опрощенія, когда отъ этой простоты сами мужики съ голоду мрутъ.

Дошли ли до тебя мои статьи въ „Новостяхъ" о философскомъ журналѣ? Вторую Нотовичъ сократилъ въ концѣ, вслѣдствіе чего моя похвала твоему „Введенію" вышла загадочной. А послѣ того онъ сыгралъ со мною еще такую штуку, вслѣдствіе которой я рѣшилъ съ нимъ совсѣмъ покончить: выдалъ за мою статью—статью одного моего однофамильца, гдѣ тотъ меня дважды расхвалилъ. Скучно писать подробности: разскажу при свиданіи.

Я радъ, что съ этимъ развязался, тѣмъ болѣе, что всякаго дѣла и безъ того у меня пропасть.—А цензура укротилась: второй выпускъ „Національнаго вопроса" съ разными колючими статьями, между прочимъ, съ тѣми, за которыя „Вѣстникъ Европы" получилъ предостереженіе, вышелъ безпрепятственно. Все-таки не безполезно было извѣстное тебѣ письмо.

Для философскаго журнала имѣю „нѣсколько главъ изъ философіи исторіи".

Пришли непремѣнно 15-й.

Третій часъ почи, а потому кончаю.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XIII.

Пятница. (1893).

Милый другъ!

Вотъ начало статьи—конецъ завтра отправляю—все равно въ субботу и воскресенье типографія не работаетъ—значитъ, это не составитъ задержки.

Я все боленъ, и раньше прислать было невозможно.

Начало статьи—плохо. Дальше, надѣюсь,—лучше. Но во всякомъ случаѣ прошу очень о внимательной корректурѣ.

О себѣ напишу потомъ, на досугѣ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XIV.

(1893).

Милый другъ, я употребилъ сегодняшнюю ночь и продолжаю употреблять день на исправленіе своего Канта, котораго и вручу тебѣ druckfertig часовъ въ $6^1/_2$, заѣхавши къ тебѣ по дорогѣ на вокзалъ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XV.

(*1893*).

Спасибо за Декарта, любезный другъ Николай Яковлевичъ! Разумѣется, я не буду дѣлать никакихъ измѣненій, кромѣ того, что безусловно необходимо съ точки зрѣнія словарной. Корректуры иногородныхъ авторамъ не посылаются.

Листы Милюкова и брата послалъ тебѣ вчера заказною бандеролью. Замѣчанія свои на М. пошлю въ эту среду или четвергъ. Я думаю, что дѣлить статью М. (а слѣдовательно, и относить на сентябрь мои замѣчанія) неудобно. Въ цѣломъ своемъ видѣ статья обратитъ на себя вниманіе, тогда какъ первая половина, при нѣсколькихъ остроумныхъ замѣчаніяхъ, представляетъ по существу мало новаго послѣ моихъ статей о Данилевскомъ и статьи Трубецкого о Леонтьевѣ. Впрочемъ, „поступайте по обычаямъ вашей страны“. О „Смыслѣ любви“ дамъ окончательный отвѣтъ къ 1-му мая. Вѣроятно, напишется около листа.

Я начинаю чувствовать себя лучше и думаю, что первно преувеличилъ свою невропатію.

Вслѣдствіе цензурныхъ препятствій для дешеваго изданія, я отдалъ своего „Магомета“ Стасюлевичу, а Павленкова намѣренъ вознаградить Жанною д'Аркъ или Петромъ Великимъ.

Видаюсь я здѣсь больше съ иностранцами, а также съ моимъ министромъ финансовъ Саломономъ, который тебѣ кланяется.

До свиданія въ маѣ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ.

XVI.

(1893).

Присланная тобой и при семъ возвращаемая грапка уже была у меня, дорогой Николай Яковлевичъ. Зачѣмъ ты прислалъ мнѣ ее вторично,—не понимаю. На письмо твое я отвѣчалъ вслѣдъ за отправленіемъ корректуръ и просилъ между прочимъ не разсѣкать Милюкова. Свои замѣчанія посылаю тебѣ завтра или послѣ завтра.

Будь здоровъ и присылай мнѣ Канта.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XVII.

(1893).

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Что же Кантъ?

Напиши о немъ, о себѣ, а также о Милюковѣ.

Миръ праху Астафьева!

Теперь философія этого рода имѣетъ только двухъ представителей: Страхова и Розанова—миръ и ихъ праху!

Возвращаясь къ живому Канту,—отчего замедлились корректуры? Неужели ни одного листа не готово? Пиши и присылай по слѣдующему адресу: Петербургъ, у Синяго моста, Вознесенскій проспектъ, д. 16, кв. 3, полковнику Кузьмину-Караваеву.

Къ невропатологу еще не обращался, но, вѣроятно, обращусь. А можетъ быть, я просто начинаю переходить изъ твердаго состоянія въ жидкое, чтобы потомъ перейти въ газообразное.

Кстати—видѣлъ уже два напечатанныхъ листа „Философіи мистики“ Дю-Преля. Моя „Телепатія“ въ концѣ недѣли поступитъ въ цензуру.

Предлагаю Психологическому Обществу поручить мнѣ переводъ кантовскаго „Träume eines Geisterselhers“, съ присовокупленіемъ шопенгауэровскаго трактата изъ „Парергъ“ по тому же предмету. Могла бы выйти порядочная книжка, подъ заглавіемъ! „Кантъ и Шопенгауэръ о психургическихъ явленіяхъ“.

Голуби стучатъ въ окно.

Будь здоровъ.

Сердечно кланяюсь твоему дому и общимъ друзьямъ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XVIII.

(1893).

Любезный другъ.

Развѣ Алекс. Григ. не сказалъ тебѣ, что я былъ боленъ? отчего ты не загляпулъ ко мнѣ? Прошу тебя, привезп завтра съ собою „письмо“ Милюкова и передай Иваповскому [1]). Пожалуйста, не забудь.

Относительно 2-го изданія Канта я безусловно несогласенъ присоединить „Критику практическаго разума“—вотъ почему: 1) переводъ въ настоящемъ видѣ крайне плохъ, по словамъ Василія Петровича [2]), и чтобы сдѣлать его возможнымъ, потребуется около полугода. 2) Размѣры его—около 18 листовъ. 3) Я, конечно, желаю наибольшаго распространепія своего перевода и былъ бы доволенъ, если бы пріобрѣтающій „Критику практическаго разума“ eo ipso пріобрѣталъ бы и „Пролегомены“; по какъ быть, если опъ ихъ уже пріобрѣлъ въ 1-омъ изданіи? Очевидно, онъ будетъ ругать издателей и не безъ основапія.—Итакъ, я считаю необходимымъ, чтобы 2-е изданіе было, дѣйствительно, таковымъ по содержанію и чтобы опо вышло въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Поручаю это Василію Петровичу, какъ редактору трудовъ Психологическаго Общества. Затрудпеніе же съ Иванцовымъ по этому предмету мы беремъ на себя.

Я еще не совсѣмъ здоровъ, но сталъ выѣзжать и сегодня ѣду къ брату Мишѣ въ деревню. Вернусь завтра, въ попедѣльникъ, вечеромъ. Если ты останешься ночевать въ Москвѣ, то увидимся. Очепь бы этого желалъ. А въ Царицыно еще разъ пріѣхать никакъ не успѣю, да и опасаюсь немного климата, который имѣетъ на меня специфически-вредное дѣйствіе, испытанное мною еще 23 года тому назадъ.

Будь здоровъ, милый другъ. Если не увидимся во вторникъ, то—до ноября. Сердечно клапяюсь Наталіи Николаевнѣ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

---

[1]) Владиміръ Николаевичъ Иваповскій былъ секретаремъ редакціи „Вопросовъ философіи и психологіи“. *Ред.*

[2]) Т. е. Василія Петровича Преображенскаго. *Ред.*

XIX.

(1893).

Милый другъ, я сегодня обѣдаю у Солдатенкова, откуда собрался ѣхать къ Янжулу, отправляющемуся въ Чикаго. Но ради тебя сіе послѣднее (т. е. не Чикаго, а Янжула) отложу. Тѣмъ не менѣе Кузьма Медичисъ раньше десяти не выпуститъ.

До свиданія.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XX.

$^{16}/_{28}$ *окт. 93, Динаръ.*

Здравствуй, другъ любезный Николай Яковлевичъ! Непремѣнно, непремѣнно жди окончанія моей „Любви“ для ноябрьской книжки; не годится, не годится откладывать на будущій годъ, хотя нравственной обязанности передъ читателями я тутъ не усматриваю; болѣе чувствую матеріальную обязанность передъ редакціей за авансъ, но это скоро, скоро покроется и еще попросится. Такъ какъ сентябрьская книжка вышла 15-го, то и ноябрьская можетъ также выйти 15-го, а новые сроки ужъ съ новаго года. Мою статью получишь ultimo 5-го ноября, а вѣрнѣй, что раньше. Непремѣнно, непремѣнно подожди ее.

Съ чего ты взялъ, что мы съ Трубецкимъ жируемъ. Мы даже осатанѣли надъ книгами, а пить—пьемъ только яблочный квасъ, а онъ такъ даже и молоко. Печалитъ меня твое нездоровье. Одно могу посовѣтовать: волнуйся поспокойнѣе! Моя физика тоже подъ гору пошла.

Въ Петербургъ возвращаюсь въ декабрѣ, а когда въ Москву—еще не знаю. Будь все таки здоровъ, любезный другъ. Усердно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ твоимъ. Цѣлую Левона, Петровскаго, Преображенскаго и всѣхъ общихъ друзей. До 1-го ноября—Hôtel des Bains (Ille-et-Vilaine), а потомъ—Hôtel Vouillemont, 15, rue Boissy d'Anglas, Paris.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

Статью Левопа прочелъ съ удовольствіемъ.

XXI.

(1893).

Не секретное.

Милый и ругающій меня другъ Николай Яковлевичъ,

По отъѣздѣ Трубецкихъ, 17-го октября, я немедленно и добросовѣстно сѣлъ за конецъ „Любви“ и къ воскресенью 31-го октября написалъ около 40 страницъ, но когда я ихъ перечелъ—о, боги!—какъ сказалъ бы покойный Аѳанасій Аѳанасьевичъ—какая это вышла размазня, какая каша погапая, какая мерзостыня! А вѣдь я хотѣлъ написать какъ можно лучше. За что же меня ругать? Жалѣть меня надо, вотъ что! А затѣмъ, неужели все: и моя честь, и репутація твоего журнала, и честь мистической философіи въ Россіи, и, наконецъ, доброе имя половой любви—все это должно быть принесено въ жертву одной только аккуратности?—Нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ!—сказалъ я себѣ и, посвятивъ понедѣльникъ меланхоліи, во вторникъ телеграфировалъ тебѣ. Теперь о будущемъ. Полтора мѣсяца для построенія новой статьи на развалинахъ старой вполнѣ достаточно для меня. Итакъ, совѣтую тебѣ къ ноябрьской книжкѣ приклеить цвѣтную ленточку такого содержанія: „Запоздавшая вслѣдствіе нездоровья В. С. Соловьева пятая и послѣдняя статья „Смыслъ любви“ будетъ помѣщена въ слѣдующемъ, январскомъ № журнала“, что и будетъ непремѣнно исполнено, если только я тѣмъ временемъ не умру отъ размягченія мозга. Въ такомъ случаѣ вмѣсто статьи и въ видѣ оправдательнаго документа ты можешь напечатать слѣдующее предсмертное изліяніе:

Скоро, скоро, другъ мой милый,
Буду выпущенъ въ тиражъ
И возьму съ собой въ могилу
Не блистательный багажъ.
Много дряни за душою
Я имѣлъ на сей землѣ
И съ безпечностью большою
Былъ не твердъ въ добрѣ и злѣ.
Я въ себѣ подобье Божье
Непрерывно оскорблялъ,—
Лишь съ общественною ложью
Въ блудъ корыстный не впадалъ.

А затѣмъ, хотя премного
И безпутно я любилъ,
Никого зато, ей-Богу,
Не родилъ и не убилъ.
Вотъ и всѣ мои заслуги,
Всѣ заслуги до одной.
А теперь прощайте, други!
Со святыми упокой!

На-дняхъ ѣду въ Парижъ. Я послалъ на прошлой недѣлѣ Трубецкому большое письмо, но, кажется, забылъ написать въ немъ свой точный парижскій адресъ. Вотъ этотъ адресъ для тебя и для него: Hôtel Vouillemont, 15, rue Boissy d'Anglas, Paris.

Будь здоровъ, милый другъ; сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ друзьямъ.

Навѣсти Марію Петровну Шепшину; скажи ей, что я и тебя обманываю, но что я по ней скучаю.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXII.

Петербургъ, гост. Англія, 3/15 янв. 94.

Милый другъ Николай Яковлевичъ, вчера съ курьерскимъ поѣздомъ отправилъ тебѣ послѣдніе 6 листовъ статьи. По мѣрѣ облегченія моей инфлуэнцы я начиналъ себя чувствовать въ писательскомъ настроеніи, но, увы! не могъ имъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, чтобы не опоздать. Долженъ былъ сокращать изо всѣхъ силъ и даже не успѣлъ перечесть.

Если вышла какая-нибудь безлѣпица, то ты, купно съ Левопомъ и Трубецкимъ, исправьте; при томъ знайте,—„яко ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сицево, что дерзнуто бысть мною, но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію, или по скорби, или нѣчто излишнему винопитію погрузившу мя, написашася тако“.

Во всякомъ случаѣ взываю о тщательной корректурѣ, а одинъ экземпляръ (не для возвращенія, ибо это задержитъ) пришли мнѣ, пожалуйста, сюда (гостиница Англія) и извѣсти о своемъ здоровьѣ, а также о здравіи и житіи двухъ вышеозначенныхъ лицъ съ семействами, равно какъ и прочихъ друзей.

О себѣ сообщу кратко, что остался, въ общемъ, весьма доволенъ своимъ заграничнымъ путешествіемъ.

Въ Парижѣ имѣлъ случай возвѣстить французамъ нѣсколько важныхъ, но горькихъ истинъ, за которыя они сначала не только не побили меня каменьями, но даже весьма привѣтствовали, но потомъ, сообразивши опыя, отмстили особеннымъ образомъ: частію замолчали, а частію—еще хуже—подмѣнили въ газетныхъ отчетахъ мою рѣчь какимъ-то безцвѣтнымъ вздоромъ, со всякими комплиментами мнѣ; но это не бѣда, ибо рѣчь, всетаки, будетъ напечатана въ подлинномъ видѣ. Здѣсь я ее совершенно буквально повторилъ въ одномъ свѣтскомъ кружкѣ въ присутствіи 2 министровъ. Пріятною неожиданностью было для меня получить чистую прибыль со своей прежней французской брошюры („l'Idée russe"), а книгу (l'Eglise universelle"), кажется, можно будетъ издать новымъ переработаннымъ изданіемъ. Сдѣлалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ.

Жалѣю только, что эти парижскія задержки помѣшали мнѣ остановиться въ Берлинѣ. Впрочемъ, надѣюсь весной еще поѣхать въ Швецію и Германію. Въ Москву собираюсь въ февралѣ. Будь здоровъ. Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ друзьямъ. Трубецкому хочу писать особо, но еще когда соберусь, а потому сообщи это письмо ему, Левону и кому знаешь изъ прочихъ пріятелей [1]).

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXIII.

1—4 октября 1894.

Редакторы и друзья!
Васъ ругать намѣренъ я.

Сказалъ мнѣ Радловъ, вамъ знакомый,
Что духомъ новшества влекомый,
Ты, Гротъ, рѣшилъ Сатурна бѣгъ
Ускорить,—дерзкій человѣкъ!
Но не удастся и вдвоемъ
Ноябрь вамъ сдѣлать октябремъ.

---

[1]) Къ письму приложено маленькое стихотвореніе „Въ окрестностяхъ Або". См. письма В. С. Соловьева, I, стр. 83. *К. Г.*

Я клянуся сей бумагой
И чернильницею сей:
Вамъ редакторской отвагой
Не смутить души моей.
Вдохновляемый Минервой,
Отошлю статью вамъ я
Лишь тогда, какъ ляжетъ первый
Снѣгъ на финскія поля.
Съѣзжу санною дорогой
По озёрамъ, по рѣкамъ,
И тогда на судъ вашъ строгій,
Лишь тогда статью отдамъ.

„На берегу пустынныхъ“ водъ
Мнѣ муза финская явилась:
Я только вѣжливъ былъ—и вотъ—
Злодѣйка тройней разродилась [1]).

Иныхъ покуда нѣтъ грѣховъ,
Ничто страстей не возбуждаетъ,
И тихій рой невинныхъ сновъ
Прозрачный сумракъ навѣваетъ.

Живу, съ заботой незнакомъ,
Безъ утомленья и усилья,
Питаюсь только молокомъ,
Какъ Педро Гомецъ, „Левъ Кастильи“ [2]).

Годится ли, или негодно—
Кто для меня теперь рѣшитъ?
Хоть Саймо очень многоводна,
Но про свое лишь говоритъ.

Кругомъ собаки, овцы, крысы—
Не вижу судей никакихъ.
Чухонцы, правда, бѣлобрысы,
Но имъ не внятенъ русскій стихъ.

---

[1]) См. ниже.

[2]) Слѣдуютъ стих. „Монрепо“, помѣч. 26 сент. Выборгъ, и „Колдунъ-Камень“, помѣч. 27 сент. Выборгъ, „Саймо“, помѣч. 3 окт. Саймо. См. „Стихотворенія“ Соловьева. *Ред.*

Пишу. Глядятъ въ окошки ели,
Морозецъ серебритъ пути...
Стихи, однако, надоѣли,
Пора и къ прозѣ перейти.

Что у Васъ дѣлается? Какъ твои дѣла, Левушки? Что Коля? Я на дняхъ видѣлъ во снѣ и Михаила Николаевича— очень грустно. Пишите, пожалуйста; я совершенно отдѣленъ отъ міра и даже не читаю газетъ.

Живу я на озерѣ Саймѣ, около деревни (хутора) Тіурупньеми, въ мѣстности, называемой Кайсараранта, т. е. Царскій берегъ. А писать и телеграфировать нужно такъ: Иматра, Рауха, пансіонъ Альма, В. С. С.

До свиданья, милые друзья,—до января, вѣроятно. Люблю Васъ и на разстояніи. Кланяйтесь отъ меня своимъ домашнимъ, также Трубецкому и всѣмъ общимъ друзьямъ, которымъ можете показать сіе посланіе.

Влад. Соловьевъ.

XXIV.

Суббота, 12 н. 94.

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Вчера, въ пятницу, я отправилъ въ типографію рукопись посредствомъ кондуктора Залѣсскаго, которому далъ изрядно и посулилъ еще по возвращеніи, а онъ мнѣ обѣщалъ доставить въ типографію прямо съ поѣзда—слѣдовательно, въ субботу утромъ до 12 ч. (раньше разноса почты). Послѣдніе листы дописываю теперь и пошлю сегодня на твое имя, такъ какъ завтра и въ понедѣльникъ типографія, вѣроятно, будетъ заперта. Но—*NB. NB.* въ посланныхъ листахъ я не успѣлъ произвести основательную чистку въ концѣ, гдѣ говорится объ аскетической практикѣ насчетъ дыханія, о постѣ и т. д. Будь добръ, если найдешь какія-нибудь неладныя фразы, что-нибудь слишкомъ сырое и неожиданное, измѣни это искусною рукою, не упраздняя мысли; Левонъ въ этомъ отношеніи слишкомъ строгъ, поэтому предоставляю это тебѣ. Въ послѣднихъ листахъ все будетъ исправно и четко написано, чтобы можно было прямо верстать. Такимъ образомъ, если дѣло только за моей статьей, то 15-го, во вторникъ все можетъ быть готово, а раньше, вслѣдствіе праздниковъ,

все равно едва ли бы поспѣли. Но второе *NB*. По полученіи завтра послѣднихъ листовъ, если вся статья покажется тебѣ недостаточно обработанною и въ общемъ производящею неблагопріятное впечатлѣніе, то въ интересахъ журнала и моихъ отложи печатаніе до января, и не пеняй на меня, такъ какъ стеченіе обстоятельствъ вышло дѣйствительно чрезвычайное и неустранимое, ибо не могъ же я отложить Канта, когда пришли его буквы въ словарѣ.

Будь здоровъ, усердно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и общимъ друзьямъ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXV.

(Финляндія), 22 ноября 1894 г.

Любезные друзья

Николай Яковлевичъ,

Драконъ Михайловичъ,

Сергѣй Николаевичъ

(NB сему пишу на дняхъ отдѣльно),

Благодарю Васъ за внимательное отношеніе къ моей статьѣ. Безусловно согласенъ съ вашимъ заключеніемъ, что безъ передѣлокъ ее печатать не годилось. Также безусловно согласенъ, что въ частности пунктъ о дыханіи обоснованъ крайне слабо. Согласенъ juxta modum съ тѣмъ, что ты, Гротъ, возражаешь на счетъ размноженія. Дѣло въ томъ, что я употребилъ это слово, чтобы избѣжать термина (coitus), принятаго въ медицинской и зоологической, но не философской литературѣ. Размноженіе же въ точномъ смыслѣ, т. е. дѣторожденіе, по справедливому твоему замѣчанію, не есть грѣхъ, а по моему справедливому дополненію есть даже искупленіе грѣха—для матери прямо и принудительно, для отца косвенно и факультативно. Имѣю, однако два возраженія:

1) Conceptum generationemque futuram in actu coitus praescire non est mortalibus datum.

2) Любовь безплодная сама по себѣ не можетъ быть грѣхомъ, грѣховность же мѣръ предупрежденія concedo въ принципѣ.

Безусловно несогласенъ съ возраженіемъ относительно неполнаго исчисленія физіологическихъ функцій. Это возраже-

піе происходитъ единственно отъ вашей разсѣянности, ибо я начинаю съ заявленія, что имѣю въ виду главныя физіологическія функціи, а вы мнѣ указываете или на такія, которыя не суть главныя, или на такія, которыя относятся вовсе не къ физіологіи, а къ психологіи.

О столпничествѣ и бичеваніи у меня будетъ рѣчь въ главѣ о ложномъ аскетизмѣ. Бичеваніе всегда было нѣкоторымъ способомъ мастурбаціи и суррогатомъ coitus'a. Борьба съ болтливостью и помыслами никакого физіологическаго значенія не имѣетъ. Вѣдь предметомъ обузданія здѣсь были не механическія движенія языка и мозговыхъ молекулъ, о которыхъ аскеты ничего не знали, а самое психическое содержаніе словъ и мыслей.

Согласенъ я съ замѣчаніемъ Трубецкого, что подходъ къ аскетизму имѣетъ у меня метафизическую видимость, которую легко устранить.

Чтобы не утруждать васъ чрезмѣрно сими грустными матеріями, перехожу къ баснѣ давно мною написанной, и непмѣющей никакого отношенія ни къ аскетизму, ни къ политикѣ. Honni soit qui mal y pense.

Бревно и эѳіопы.

1.

Въ странѣ, гдѣ близъ воротъ потеряннаго рая
Лѣсъ дѣвственный растетъ,
Гдѣ пестрый леопардъ, зрачками глазъ сверкая,
Своей добычи ждетъ,

2.

Гдѣ водится боа, гдѣ крокодилъ опасенъ
Среди широкихъ рѣкъ,
Гдѣ дерево и звѣрь и всякій гадъ прекрасенъ,
Но гадокъ человѣкъ,—

3.

Ну словомъ гдѣ-то тамъ, межъ юга и востока,
Теперь или давно
На улицу села съ небесъ, по волѣ рока,
Упало вдругъ бревно,—

4.

Бревно то самое, что возлѣ Мамадыша
Крестьянинъ Еремѣй
Въ пути отъ кабака, не видя и не слыша,
Съ телѣги стрясъ своей.

5.

Свалилось и лежитъ. Народъ собрáлся кучей.
Дивится эѳіопъ,
И въ страхѣ отъ бѣды грозящей, неминучей,
Трясетъ ужъ ихъ ознобъ.

6.

Бревно межъ тѣмъ лежитъ. Вотъ въ трепетѣ великомъ,
Ползкомъ къ нему ползутъ.
Бревно лежитъ бревномъ. И вотъ въ восторгѣ дикомъ
Ужъ гимнъ ему поютъ.

7.

„Великій, кроткій богъ! Возлюбленный, желанный!"
Жрецы ужъ тутъ какъ тутъ;
Ужъ льютъ на край бревна елей благоуханный,
Коровьимъ каломъ (масломъ) трутъ.

8.

И скоро вѣсть прошла объ этомъ чудномъ богѣ
Окрестъ по всѣмъ странамъ.
Богослуженья чинъ установился строгій,
Воздвигнутъ пышный храмъ.

9.

Изъ Явы, изъ Бурмы, Гоа, Джеллалабада
Несутъ къ нему дары.
Бревну такая жизнь, что помирать не надо.
Живетъ до сей поры.

10.

Урокъ изъ басни сей для всѣхъ народовъ ровный:
Глупъ не одинъ дикарь.
Въ большой чести у насъ у всѣхъ бываютъ брёвна
Сегодня, какъ и встарь.

Valete amici, nec me malo mementote (не поминайте лихомъ). Сообщи, о, милый Гротъ, это стихотвореніе Льву Николаевичу и скажи ему, что буду писать ему на-дняхъ.

XXVI.

Сайма. 26 дек. 94.

О Гротъ сверхвременный, пещера созерцаній!
Увы! Не упраздилъ ты времени полетъ [1]).
Какъ встарь, оно—предметъ скорбей и ожиданій,
Безъ устали бѣжитъ и насъ съ собой влечетъ.

Меня, впрочемъ, кромѣ времени, влечетъ еще любовь къ тебѣ, каковою ты обусловилъ посылку моей статьи.

Любя тебя весьма,
Статью я посылаю,
Но нѣтъ ли въ ней .....,—
Ей-Богу, я не знаю.
Исправилъ все, что могъ,
Прибавилъ абзацъ новый.
Печатай! Съ нами Богъ!
И шли мнѣ листъ готовый.
Подъ сѣнью струй опять
Одинъ я поселился,
Опять.....
Я въ озеро влюбился,

о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее стихотвореніе:

Вся ты закуталась шубой пушистой,
Въ снѣ безмятежномъ, затихнувъ, лежишь.
Вѣетъ не смертью здѣсь воздухъ лучистый,
Эта прозрачная бѣлая тишь.

Въ невозмутимомъ покоѣ глубокомъ,
Нѣтъ, не напрасно тебя я искалъ.
Образъ твой тотъ же предъ внутреннимъ окомъ,
Фел-владычица сосенъ и скалъ *(Эка рифма!)*.

---

[1]) Это не означаетъ порицанія. Статью твою о времени и третью, какъ вторую, въ общемъ одобряю. Частныя возраженія сообщу при свиданіи. *В. С.*

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
Ты многодумна, какъ зимняя ночь,
Вся ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
Темнаго хаоса свѣтлая дочь! [1])

Переходя къ прозѣ — я думаю, милый другъ, что я успѣю продержать корректуру исправленной статьи. Присылай ее скорѣе сюда (NB. заказнымъ): Финляндія, Иматра — Рауха, пансіонъ Альма, В. С. С. — въ двухъ экземплярахъ — одинъ для возвращенія, а другой для оставленія. Если же ты очень торопишься, то смотри въ оба за корректурой, особенно за новыми вставками, и во всякомъ случаѣ скорѣе присылай мнѣ исправленный экземпляръ для собственнаго моего употребленія.

Твоихъ домашнихъ, Левона и всѣхъ друзей сердечно привѣтствую. Трубецкому, одновременно съ симъ, посылаю длиннѣйшее письмо — запоздалый отвѣтъ на его четыре. Надѣюсь, онъ не сердится на меня ни за это молчаніе, ни за мое крайнее неодобреніе его сатирическаго опыта.

Кантъ мой благополучно окончен. Въ литературѣ я упоминаю о Левонѣ и о твоемъ „Времени“. Будь здоровъ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXVII.

(1895).

Милый другъ Николай Яковлевичъ, получивъ корректуру сегодня (пятница) въ 7 ч. вечера и немедленно исправивъ, отправляю ее тебѣ завтра (въ субботу) утромъ, какъ только встану.

Если хочешь, вторую половину статьи (для январской книги) можно озаглавить особо, напр., „Историческое воплощеніе безусловнаго идеала“, или что-нибудь въ этомъ родѣ,— какъ ты догадываешься, дѣло будетъ итти о Христѣ (противъ Канта). Это, можетъ быть, многимъ не понравится, но что дѣлать! Я не желаю, чтобы Христосъ отрекся отъ меня на страшномъ судѣ, который притомъ не за горами.

Пожалуйста, пришли сверстанную корректуру, если не для возвращенія, то хоть для успокоенія насчетъ нѣкоторыхъ

---

[1]) См. „Стихотворенія“ В. Соловьева, 5 изд., стр. 113. *Ред.*

опечатокъ. Вездѣ, гдѣ у меня слово „того“, наборщикъ набиралъ „Бога“, вслѣдствіе чего вышли не только нелѣпости, но и богохульства.

Въ Москву я непремѣнно хочу пріѣхать въ декабрѣ, а пока всѣхъ сердечно привѣтствую.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

Неподвижна въ инеѣ
Бѣлая поляна,
Захлебнулись липіи
Молокомъ тумана.

Выростаетъ лилія
Въ сердцѣ одинокомъ,
И плоды усплія
Борются съ порокомъ.

Не зайти-ль средь сумерекъ
Къ блѣдной Валентинѣ?
Но который нумеръ?.. Экъ!
Безголовъ я нынѣ!

Все это неправда. Никакой Валентины нѣтъ, а есть только индійская нимфа „Пора—спати“, ибо уже скоро утро.

XXVIII.

(1895).

Милый другъ Николай Яковлевичъ, одновременно съ симъ отвѣтомъ на твое добрѣйшее письмо возвращаю исправленную корректуру прямо въ типографію Кушперева (заказною бандеролью), ибо не помню точнаго адреса Ивановскаго; но ты сего послѣдняго извѣсти. Я вставилъ полстраницы въ мѣсто о спѣ въ смыслѣ твоего замѣчанія, съ которымъ совершенно согласенъ. И относительно вина сдѣлалъ маленькую поправку. Ко мнѣ пріѣзжай непременно, всего лучше 12-го. Поѣздъ съ финляндской желѣзной дороги отходитъ въ 9 ч. утра (другого удобнаго нѣтъ), и послѣ краткой остановки съ пересадкой въ Выборгѣ, ты продолжаешь путь по другой желѣзной дорогѣ до станціи Иматра, гдѣ, если ты извѣстишь заблаговременно, я тебя встрѣчу, а во всякомъ случаѣ ты найдешь лошадей къ *Альму*, въ *Рауху*.

Въ 5-мъ часу дня ты будешь на мѣстѣ и проведя со мною вечеръ, ночь и половину слѣдующаго дня, будешь къ $3^{1}/_{2}$ ч. доставленъ мною обратно на Иматру и раньше полуночи прибудешь въ Петербургъ. Если возвращаться въ Москву 15-го для тебя слишкомъ поздно, то пріѣзжай ко мнѣ, вмѣсто 12-го,—10-го или 11-го. Вся поѣздка туда и обратно въ III классѣ стоитъ не болѣе 6 рублей (нужно брать съ обратнымъ билетомъ—это дешевле), а въ Раухѣ ты будешь моимъ гостемъ.

Въ увѣренности скораго свиданія не пишу ничего болѣе. Передай, пожалуйста, мой усердный поклонъ Наталіи Петровнѣ и Наталіи Яковлевнѣ. Жду тебя непременно.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXIX.

(1895).

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Пожалуйста, пріѣзжай, если имѣешь какую-либо возможность. Я рѣшительно не знаю, когда еще соберусь въ Москву, а очень хотѣлось бы съ тобой повидаться и побесѣдовать. Сейчасъ только-что подписалъ февральскую статью для „Вѣстника Европы“ и дня 3—4 буду свободенъ отъ срочной работы. Пріѣзжай, голубчикъ. Если же никакъ не можешь, то распорядись, пожалуйста, отсюда или изъ Москвы, чтобы мнѣ выслали поскорѣе сюда: Иматра, Рауха, Альма, готовый листъ моей статьи, а также и всю книжку январскую. Ничего не пишу болѣе, сохраняя еще надежду на твой пріѣздъ. Будь здоровъ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

Я на-дняхъ видѣлъ во снѣ Левопа въ дурномъ видѣ. Что́ съ нимъ? А Трубецкой на меня сердится. Опъ это написалъ оперу Мелузину?

XXX.

Рауха на Саймѣ. 24 янв. 95.

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Очень жалѣю, что ты не могъ пріѣхать ко мнѣ, а также немножко досадую на тебя, что ты забылъ исполнить мою просьбу (которою не утруждалъ бы тебя, если бы зналъ точно

адресъ Ивановскаго) о скорѣйшей присылкѣ мнѣ моей статьи въ окончательномъ видѣ (отдѣльнымъ листомъ или въ книжкѣ журнала—это все равно). Мнѣ это очень нужно для печатанія своей книги. Завтра я ѣду на 10 или 12 дней въ Петербургъ, а потому, если статья или книжка „Вопросовъ“ еще не высланы мнѣ сюда, то, пожалуйста, распорядись скорѣе, чтобы ихъ или ее отправили мнѣ въ Петербургъ, гостиница Англія. А еще вотъ что: если Ваши финансы еще не совсѣмъ погибли отъ несвоевременнаго выхода и разсылки книжекъ (не въ бровь, а прямо въ глазъ!), то прошу распорядиться объ отсылкѣ мнѣ гонорара за послѣднюю статью съ надлежащими вычетами (въ сентябрѣ, помнится, мнѣ для круглаго счета дали 20 р. лишнихъ; съ вычетомъ ихъ, да за „Сковороду“, останется, я думаю, рублей 50 или 55) въ Петербургъ, только не на мое имя, а на имя полковника Кузьмина-Караваева (адресъ см. ниже).

Я здѣсь пока благоденствовалъ, и морозы безъ вѣтра мнѣ нисколько не вредили, но прошлою ночью, когда было 30° при такомъ сильномъ вѣтрѣ, что стекла въ окнахъ гудѣли, я, кажется, основательно застудилъ свой геморрой въ первобытномъ здѣшнемъ заведеніи. Надѣюсь излечиться горячею ванной.

Что у Васъ въ Москвѣ? Я еще разъ видѣлъ во снѣ Левопа. Цѣлуй его и всѣхъ друзей. Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ. Такъ какъ ты одобряешь мои „сурьезные“ стихи, то вотъ тебѣ послѣднее изъ здѣшнихъ.

Въ Москву собираюсь въ мартѣ.

Твой *Влад. Соловьевъ*.

Мигъ.

Опять онѣ, опять томительныя тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ...
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному текутъ потоки слезъ.

Тѣ слезы не о нихъ, о нѣтъ, они вернутся,—
Мгновенья горько жаль, что сгибло навсегда.
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигомъ Вѣчности тяжелые года.

Иль эта мысль обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грёзъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному текутъ потоки слезъ [1]).

Влад. Соловьевъ.

XXXI.

(1895).

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Только сейчасъ доставлено мнѣ твое письмо отъ 8-го сентября. Статья моя послана заказнымъ письмомъ 3-го сентября—ровно 10 дней тому назадъ, въ типографію Кушнерева. Неужели пропала? Въ такомъ случаѣ телеграфируй. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что тебѣ некогда было справиться. Если она получена своевременно, то распорядись, пожалуйста, чтобы мнѣ поскорѣе прислали корректуру въ гостиницу Англію, Петербургъ. Считая твое прежнее рѣшеніе окончательнымъ, я (пассивно) одобрялъ переходъ журнала въ Петербургъ, но, разумѣется, самое лучшее, чтобы ты остался. Истинно буду радъ, если уладится, какъ пишешь. Статьи на 1896 г. рѣшительно обѣщаю.

Для увесселенія твоего грустнаго сердца вотъ два моихъ парочито декадентскихъ стихотворенія:

I.

Горизонты вертикальные и т. д.

II.

На небесахъ горятъ паникадила и т. д. [2]).

До свиданья въ октябрѣ или ноябрѣ. Очень кланяюсь Наталіи Николаевнѣ и всѣмъ твоимъ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

[1]) Это стихотвореніе приводится цѣликомъ, въ виду того, что въ немъ встрѣчаются нѣкоторые, хотя и незначительные, варіанты, по сравненію съ текстомъ, напечатаннымъ въ „Стихотвореніяхъ“ В. Соловьева. *Ред.*

[2]) См. „Стихотворенія“ Соловьева, 3-ье изд., стр. 211 и 213. *Ред.*

XXXII.

(1895).

Милый другъ Николай Яковлевичъ, что же сей сонъ значитъ? Изъ письма твоего, а равно и изъ телеграммы явствуетъ, что ты послалъ мнѣ корректуру въ среду 16-го, а вотъ суббота 19-го, а я ничего не получилъ. А если бы получилъ, то, конечно, могъ бы исправить къ понедѣльнику, а теперь на чемъ же я буду исправлять? никакихъ черновыхъ у меня не бываетъ. А печатать безъ моего исправленія *решительно не дозволяю.*

Кому, куда и какъ ты послалъ корректуру? Если все сдѣлано, какъ слѣдуетъ, то въ таинственномъ исчезновеніи сей бумаги придется видѣть пророческое указаніе судьбы, что статья не должна появиться въ ноябрьской книгѣ. Согласись, что на сей разъ я ни въ чемъ не виноватъ.

Съ замѣчаніями, сообщенными въ твоемъ письмѣ, я отчасти согласенъ безусловно, отчасти juxta modum, а отчасти вовсе не согласенъ. Писать объ этомъ подробно некогда—еще Кантъ не конченъ, а нужно еще писать некрологъ А. М. Иванцова.

Рукопись К. Струбина получилъ, напишу автору на-дняхъ.

Цѣлую, кланяюсь.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXXIII.

(1896).

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Посылаю тебѣ очень содержательную и ученую статью о каббалистической философіи. Авторъ ея баронъ Давидъ Гинцбургъ (сынъ извѣстнаго банкира)—одинъ изъ любимыхъ учениковъ академика барона Розена, который ручается за него, какъ за солиднаго оріенталиста и знатока этихъ вещей. Я думаю, для спеціальнаго отдѣла „Вопросовъ“ эта статья очень желательна,—насколько помню, у васъ до сихъ поръ ничего не было по еврейской философіи.

Пожалуйста, извѣсти меня скорѣй о вашемъ рѣшеніи на сей счетъ. Относительно русскаго языка статьи—если вамъ некогда—я берусь его погладить въ корректурѣ. Очень меня обяжете скорѣйшимъ напечатаніемъ этой статьи, а къ началу марта я пришлю свою собственную.

Дѣла всякаго по горло. Если увидишь Трубецкого, поблагодари его отъ меня за греческое письмо и скажи, что отвѣчу при первомъ досугѣ.

Сердечно кланяюсь твоимъ, Левона и всѣхъ цѣлую.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXXIV.

(1896)

Прошу, милый другъ Николай Яковлевичъ, сейчасъ же отдать это въ наборъ и прислать мнѣ, какъ можно скорѣе, первую корректуру (гранки) въ 2-хъ экземплярахъ. Мнѣ это необходимо, чтобы не задержать печатаніе книги.

До скораго свиданія.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

NB. Непремѣнно помѣстите въ майской книгѣ Каббалу, иначе не расчитывайте на мое сотрудничество. Ultimatum.

XXXV.

(1896)

Милый другъ!

Эту записку тебѣ передастъ мой добрый знакомый Петръ Трофимовичъ Дехтеревъ (изъ старообрядцевъ). Онъ интересуется очень философскими вопросами и хотѣлъ бы съ тобой посовѣтоваться.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXXVI.

(1896)

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Присланная тобой рукопись есть переводъ одного изъ сочиненій Эммануила Сведенборга, именно „О любви и мудрости“. Для читателей, незнакомыхъ съ основными воззрѣніями и терминологіей Сведенборга, это произведеніе темно и неинтересно.

Возвращу рукопись при свиданіи, равно какъ и свой долгъ.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

XXXVII.

16 окт. 96. Петерб., гост. Англія

Милый другъ Николай Яковлевичъ!

Я писалъ Айхенвальду, какъ автору рецензіи, и Трубецкому, какъ „очередному“ редактору, а отвѣчаютъ мнѣ Гротъ и Лопатинъ, не читавшіе моихъ писемъ. Неудивительно поэтому, что объясненія этихъ двухъ любезныхъ, но опрометчивыхъ лицъ имѣютъ во всякомъ случаѣ тотъ недостатотъ, что вовсе не относятся къ дѣлу. А дѣло заключается единственно въ томъ, что на книжкѣ „Афоризмы“ и проч. стоитъ мое имя, какъ редактора, несущаго литературную отвѣтственность, такъ что всѣ отзывы объ изданіи относятся именно ко мнѣ, а потому появленіе насмѣшливаго отзыва въ философскомъ журналѣ (при томъ отзыва, написаннаго секретаремъ редакціи), оскорбительное для меня, несовмѣстимо съ моимъ сотрудничествомъ въ этомъ журналѣ. Самая элементарная учтивость требовала освѣдомиться заранѣе о моемъ отношеніи къ дѣлу, а мое пребываніе въ Москвѣ и почти ежедневныя посѣщенія редакціи представляли для этого особенныя удобства. О чувствахъ и намѣреніяхъ я ничего не говорилъ и не говорю. дѣло идетъ о фактѣ, несовмѣстимомъ съ моимъ участіемъ въ журналѣ. Какъ я уже писалъ Трубецкому, еслибы вы мнѣ совершенно нечаянно подбили глазъ, то самая безспорная ваша невинность не отнимала бы у меня права и обязанности позаботиться о своемъ глазѣ и ради этого удалиться изъ района вашихъ тѣлодвиженій.

Теперь уже рѣшайте сами, что̀ для васъ желательнѣе: сохраненіе рецензіи, или сохраненіе моего сотрудничества, я на этотъ счетъ не могу имѣть никакого мнѣнія. Я вовсе не хотѣлъ бы подвергать васъ серьезнымъ матеріальнымъ затрудненіямъ. но, какъ я знаю по недавнимъ аналогичнымъ случаямъ, вырѣзать 4 страницы есть дѣло гораздо менѣе сложное и продолжительное для типографіи, чѣмъ могло бы показаться. При вашей методѣ выпуска книжекъ одинъ лишній день не составитъ замѣтной разницы. Если же вы несогласны со мной по существу, то у васъ есть легкій способъ доказать мою неправоту и заставить меня взять назадъ мое требованіе: укажите мнѣ (за исключеніемъ „Сѣвернаго Вѣстника“, извѣстнаго своими аномаліями) другой какой-нибудь журналъ — русскій или европейскій, — который бы печаталъ на своихъ

страницахъ пасмѣшливые редакціонные отзывы объ изданіяхъ своихъ собственныхъ постоянныхъ сотрудниковъ. А пока я остаюсь при своемъ рѣшеніи и принялъ мѣры, обусловливающія правильное его исполненіе — возвращеніемъ взятаго мною аванса.

Затѣмъ, независимо отъ сего, пребываю искренно тебя любящій

Влад. Соловьевъ.

XXXVIII.

Выборгъ, 12 ноября 1896 г.

Невронъ [1]) финляндскій, страждущій невритомъ,
Привѣтъ свой шлетъ московскому неврону!
Все бытіе земное,—что ни ври тамъ,
Все въ рѣку брошено (въ рѣку) временъ—не въ Рону!

Πάντα ῥεῖ.

. . . . . .

И съ каждымъ годомъ подбавляя ходу,
Рѣка временъ несется все быстрѣй,
И, чуя издали и море и свободу,
Я говорю спокойно: панта рэй!

Но мнѣ грозитъ Левонъ неустрашимый,—
Субстанцій динамическихъ мѣшокъ;
Свезти къ рѣкѣ и массою незримой
Вдругъ запрудить весь Гераклитовъ токъ.

Левонъ, Левонъ! Оставь свою затѣю,
И не шути съ водою и огнемъ.
Субстанцій нѣтъ! Прогналъ ихъ Гегель въ шею,
Но и безъ нихъ мы славно заживемъ!

[1]) Какъ этотъ терминъ, такъ и нижеслѣдующее стихотворное обращеніе къ Л. М. Лопатину, находятъ себѣ объясненіе въ вышедшей тогда же книжкѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ (кн. 34, сент.—окт., 1896), гдѣ помѣщены, между прочимъ, статья С. Суханова „Ученіе о нейронахъ (neuron) въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ псих. явленій“, и изложеніе преній по рефер. Лопатина „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“—о субстанціяхъ (въ „В. Ф. и П.“1896, кн. 2).

А что касается до статьи, то значительный кусокъ ея уже готовъ и будетъ на-дняхъ отправленъ въ Москву, а затѣмъ и остальное, и что принадлежитъ до меня, книжка можетъ безпрепятственно выйти, если не 1-го, то въ первыхъ числахъ декабря. Думаю, и не безъ основанія, что по части запаздыванія на меня только слава, а настоящіе куктаторы сидятъ въ Москвѣ. Это, впрочемъ, не упрекъ: знаю по собственному опыту, что въ этихъ—прости Господи!—столицахъ не только писать... за суетою не успѣваешь. Порядочные люди, особливо ежели они придворные или же дамскіе ферлакуры, прямо наживаютъ не*фр*иты, и кому, какъ мнѣ, доктора говорятъ только о не*вр*итѣ (о, не врите!), тотъ долженъ благодарить Бога и больше ничего.

Относительно лекціи въ мартѣ что́ скажу? Развѣ то, что вмѣсто лекціи въ мартѣ могу самъ оказаться Мартой, которой будутъ пѣть: Марта! Марта! Куда ты скрылась? Ибо въ животѣ, равно какъ и въ смерти, одинъ Богъ воленъ.— Послѣ завтра я буду въ Петербургѣ и оттуда пришлю рукопись.

Будь здоровъ. Обнимаю тебя и всѣхъ друзей. Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ.

Прилагаю сегодняшнее произведеніе музы, посѣтившей меня во время утренняго шатанія по выборгскимъ улицамъ и бульварамъ:

Эти финскія малютки
Безкопечно бѣлокуры!
Хоть попробовать для шутки
Имъ въ серьёзъ устроить куры?

Отъ меня сѣдыхъ бы зайцевъ
Родили они навѣрно
Мяса я не ѣмъ и былъ бы
Имъ папаша я примѣрный.

Пустяки! На бѣломъ свѣтѣ
Проживу безъ бѣлыхъ финнокъ,
А кому угодно зайцевъ,—
Ихъ зимою полонъ рынокъ!

Влад. Соловьевъ

XXXIX.

11 мая 97.

Милый другъ Николай Яковлевичъ,

Вотъ тебѣ отчасти касающееся психической энергіи „воскресное письмо“.—Стасюлевичъ сразу согласился на твою статью, говоря: „лишь бы было понятно“, въ чемъ я его успокоилъ.

Пожалуйста, поторопись корректурой моей полемической замѣтки: мнѣ нужно ее нѣсколько дополнить. Кланяюсь и цѣлую.

Твой *Влад. Соловьевъ.*

Письма кн. С. Н. Трубецкого.

I.

(*1888 г.*)

Многоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Извѣстите меня пожалуйста, въ Москвѣ ли Вы. Мнѣ очень нужно съ Вами повидаться по поводу моей диссертаціи и моей статьи. Какъ Вамъ извѣстно, Лопатинъ не былъ у меня передъ отъѣздомъ за границу, и потому я не могъ переслать Вамъ листовъ моей диссертаціи, какъ я это хотѣлъ сдѣлать, а лѣтній адресъ Вашъ я гдѣ-то затерялъ.

Я желалъ бы напечатать въ Вашемъ журналѣ не этюдъ по греческой метафизикѣ, а другую статью философскаго содержанія о природѣ сознанія и его логическихъ функцій.

Но такъ какъ я обѣщалъ приготовить введеніе къ Аристотелевой метафизикѣ, которое у меня готово частью вполнѣ, частью въ брульонѣ (переписка котораго займетъ 3—4 дня), то я предоставляю Вамъ рѣшить, что болѣе подойдетъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы показать Вамъ мои работы. Живу я въ 10 верстахъ отъ Пушкина—всего въ 2-хъ часахъ отъ Москвы, и разсчитываю пробыть здѣсь до ноября, наѣзжая въ Москву читать лекціи (курсъ не успѣю открыть до половины сентября).

Поэтому я очень просилъ бы Васъ назначить мнѣ свиданіе на слѣдующей недѣлѣ — только не раньше 10 или 11 ч. утра и не позже 2-хъ, чтобы я могъ выѣхать обратно съ четырехъ-часовымъ поѣздомъ.

Жду я къ себѣ гостей на этихъ дняхъ и потому не могу уѣзжать на долго. Было бы еще лучше, еслибы Вы назначили мнѣ пріѣхать въ пятницу, указавъ, гдѣ я могу Васъ застать. Я могу быть въ Москвѣ въ понедѣльникъ, въ пятницу и субботу, но пятница была бы для меня всего удобнѣе.

Если Вы въ Москвѣ, то очень прошу Васъ дать мнѣ отвѣтъ черезъ посланнаго. А если нѣтъ, то черкните мнѣ словечко въ Пушкино, Выпырки. Готовый къ услугамъ Вашимъ уважающій Васъ

С. Трубецкой.

PS. Кто у насъ теперь деканъ?

II.

(Берлинъ), 15 ноября 1890 г.

Любезный другъ,
Николай Яковлевичъ!

Посылаю тебѣ мою статью, которую я изъ мнительности не рѣшался печатать. Я чувствую, что къ ней остылъ, такъ какъ въ настоящую минуту весьма интересуюсь другими вопросами. А по сему, ввиду неспособности моей отдаться ей всецѣло и передѣлать ее существенно, посылаю ее въ первоначальномъ видѣ почти безъ измѣненія. Это первая посылка, вторая придетъ черезъ недѣлю.

По напечатаніи прошу тебя прочесть и дать Соловьеву; за симъ поскорѣе прислать мнѣ первую корректуру съ вашими замѣчаніями. *Сію корректуру торжественно обѣщаю больше двухъ дней не держать.*

Эта статья испортила мнѣ много крови. Если я не писалъ вамъ до сихъ поръ, такъ это потому, что все откладывалъ присылку. Устроились мы въ Берлинѣ ничего, и я кое-какъ бесѣдую на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ съ здѣшними мудрецами. Познакомился съ Дильсомъ, у коего слушаю поучительную для себя греческую миѳологію, и съ Гарнакомъ, которымъ я въ высшей степени доволенъ; сіи мужи приносятъ мнѣ особенную пользу и удовольствіе. Такъ какъ Гарнакъ понимаетъ по-русски (будучи изъ Дерпта), то я ему подпесъ свою книгу. Кромѣ того я познакомился съ нѣсколькими другими профессорами (Паульсенъ между прочимъ)—все чрезвычайно милый и гостепріимный народъ. Посѣщаю, или лучше сказать—имѣю посѣщать многія ученыя общества, куда меня ввели (археологическое Дильса, географическое,—это ужъ по знакомству съ его предсѣдателемъ Рихтхофеномъ, который мой сосѣдъ, и философское общество Лассопа). Въ Университетѣ имѣю права вольнаго слушателя. Живу я—

Kurfürstenstrasse, 16 — самая профессорская улица: въ двухъ шагахъ отъ меня Дильсъ, Целлеръ, Гарнакъ, Ленцъ и другія мои здѣшнія знакомства.

Изъ русскихъ видаю здѣсь Куманина, который былъ чрезвычайно милъ со мною, доставилъ мнѣ множество и удовольствія, а также нѣкоторыхъ другихъ знакомыхъ. Куманинъ тебѣ очень кланяется.

Пожалуйста давай мнѣ извѣстія о себѣ, Соловьевѣ, Лопатинѣ, объ умственной жизни Москвы. Что диссертація Лопатина? Каково число подписчиковъ журнала и на какой точкѣ издательскій вопросъ? Пришли мнѣ книжку журнала и скажи Соловьеву, что я до сихъ поръ его рецензіи еще не видалъ. Что ты объ этой рецензіи скажешь? Онъ мнѣ читалъ ее вчернѣ и я даже не знаю, передѣлалъ ли онъ ее или нѣтъ. Передъ отъѣздомъ онъ говорилъ, что что-то тамъ передѣлываетъ и поэтому мнѣ было бы очень любопытно ее имѣть. Впрочемъ Соловьеву я самъ напишу на дняхъ, хотя не знаю, въ Москвѣ ли онъ. Писалъ брату, но отъ него отвѣта нѣтъ.

Засимъ до свиданія, дружески жму тебѣ руку и желаю всяческаго процвѣтанія тебѣ и твоимъ начинаніямъ. Мой сердечный поклонъ твоей супругѣ.

Твой *С. Трубецкой.*

Статью (около 3-хъ листовъ) желательно было бы помѣстить цѣликомъ въ настоящей книжкѣ. Послѣднюю, крайне длинную часть сократилъ до послѣдней возможности, но безъ нея не хотѣлъ бы помѣщать присылаемаго, которое имѣетъ смыслъ лишь въ цѣломъ.

Рукопись мою пожалуйста сбереги.

III.

(Берлинъ) 5 янв. 1891 г.

Милый другъ!

Послѣ твоихъ депешъ я былъ убѣжденъ, что статья моя будетъ четвертована и не особенно торопился съ корректурой, какъ вдругъ пришла твоя сверстанная корректура и я въ ту же минуту отослалъ все, что у меня было вмѣстѣ съ корректурой послѣдняго §. На всякій случай, если почему-либо корректура эта замѣшкается на пути, отсылаю тебѣ сегодня и второй экземпляръ съ спискомъ замѣченныхъ мною опечатокъ.

Поздравляю тебя и твою супругу съ праздникомъ. Мы ведемъ здѣсь тихую семейную жизнь, которая была нарушена лишь болѣзнью моей дочки—дифтеритомъ, отъ котораго ее вылѣчилъ Господь Богъ чрезъ посредство нѣкоего гомеопата. По этому случаю мы перемѣнили квартиру, т. е. собственно переѣхали черезъ улицу (новый адресъ: Landgrafenstr. 10). У Целлера я не былъ, такъ какъ онъ вообще меня мало интересуетъ, какъ и прочіе здѣшніе философы, за исключеніемъ Гартмана.

Впрочемъ съ Паульсеномъ и Лассономъ я знакомъ. Всего чаще видаюсь съ Дильсомъ и особенно съ Гарнакомъ, и началъ заниматься реформаціей.

Видаюсь также съ нѣкоторыми другими профессорами—все очень милый, любезный и гостепріимный народъ.

Что сталось съ моимъ письмомъ къ Соловьеву, которое я тебѣ прислалъ? Было бы *крайне* непріятно, если бы оно къ нему не дошло. Я не имѣю отъ него извѣстій и изъ твоей депеши я не могъ понять, кто selbst krank, — онъ или ты? Пожалуйста отвѣтъ мнѣ.

Мой нижайшій поклонъ твоей женѣ.

Дружески жму тебѣ руку.

Твой *С. Трубецкой.*

PS. Благодарю за поповскую дрянь, которую ты мнѣ прислалъ. Пришли продолженіе. Охъ, эти попы!

Я оказываюсь послѣдователемъ Гегеля, Фейербаха и богоотступника Юліана!

IV.

(*Берлинъ*) *15 янв. 1891 г.*

Любезный другъ

Николай Яковлевичъ!

Обращаюсь къ тебѣ съ большой просьбой: пошли Лапгу прилагаемую карточку и припиши отъ себя имена тѣхъ лицъ, кому еще нужно послать мою диссертацію, о которой до сихъ поръ во многихъ журналахъ нѣтъ еще рецензіи. Я бы очень желалъ, чтобы была какая-нибудь рецензія въ Православномъ Обозрѣніи и Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ, хотя кажется книги туда не посылалъ. Въ Петербургскую Академію послалъ только Антонію и Карпинскому, въ Московскую—никому, что, повидимому, было ошибкой. Я очень желалъ бы, чтобы моя

книга распространялась именно въ средѣ духовныхъ академій; теперь пожалуй глупая рецензія Буткевича въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ этому помѣшаетъ. Онъ утверждаетъ, что я слѣпой Гегельянецъ, послѣдователь Фейербаха, причемъ опровергаетъ Гегеля моими же аргументами. Затѣмъ онъ говоритъ, что въ религіи я вижу *только* доисторическую метафизику, что я отвергаю откровеніе, враждую съ христіанствомъ подобно богоотступнику Юліану и тому подобный вздоръ, который я могъ бы опровергнуть, приводя параллельныя мѣста изъ моей книги,— не говоря уже о моихъ статьяхъ. Но самому вдаваться въ полемику мнѣ не хочется по многимъ причинамъ. И я думаю, что для читателей духовныхъ журналовъ было бы убѣдительнѣе, если бы кто-либо изъ ихнихъ публицистовъ сказалъ бы что-нибудь въ защиту меня отъ столь нелѣпыхъ и удивительныхъ обвиненій. Я никого не знаю изъ духовенства или академиковъ, кромѣ Введенскаго изъ духовной академіи, который познакомился со мною на моемъ диспутѣ и выражалъ мнѣ свое сочувствіе. Его спеціальность философія или исторія религій. Если ты знаешь его и можешь устроить, чтобы онъ или кто другой изъ духовныхъ писателей написалъ возможно скорѣе обо мнѣ рецензію — я былъ бы тебѣ очень благодаренъ. Моя книга была послана Лангомъ въ сунодъ для духовныхъ академій и семинарій въ сентябрѣ. Поэтому мнѣ было бы желательнѣе, чтобы рецензія появилась возможно скорѣе. Дружески жму тебѣ руку и съ нетерпѣніемъ жду твоего отвѣта на послѣднее мое письмо.

Твой *С. Трубецкой.*

PS. Получилъ ли ты мое письмо черезъ Петербургъ? Что Лопатинъ и его диссертація? Правда ли, что Коршъ уходитъ въ Одессу и почему? Съ Введенскимъ очень хорошо знакомъ Ѳ. Д. Самаринъ, но можетъ быть ты найдешь кого-нибудь болѣе подходящаго. Мы переѣхали въ Landgrafenstrasse, 10.

V.

(Берлинъ) 15 янв. 1891 г.

Любезный другъ
Николай Яковлевичъ!

Прости, что надоѣдаю тебѣ своими просьбами. Напиши пожалуйста Гондатти (членъ вашего общества, пріятель Лопатина) записку *отъ себя* (я съ нимъ не знакомъ), чтобы онъ

выслалъ мнѣ сюда свою брошюрку о культѣ медвѣдя у маньзовъ. Дильсъ меня просилъ въ возможно скоромъ времени доставить ему эту книжку, которая ему нужна для сравненія съ культомъ медвѣдя у древнихъ грековъ (тамъ были также драматическія представленія). А я не знаю, есть ли эта книжка въ продажѣ.

.... Въ послѣднее время я сдѣлалъ еще много новыхъ знакомствъ съ различными Берлинскими знаменитостями и много дѣлаю выѣздовъ. Но корректуры навѣрное не задержу. Пришли пожалуйста два экземпляра на всякій случай. Я оба исправлю и оба пошлю—въ разныхъ пакетахъ. Сдѣлалъ ли ты 50 оттисковъ моей статьи подобно предыдущимъ? Если да, то сбереги ихъ пока у себя, мнѣ же пришли одинъ оттискъ. Я ужаснулся, прочтя твое описаніе о твоемъ ужасномъ состояніи. Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Неужели у тебя все еще нѣтъ секретаря и ты самъ дѣлаешь черную работу журнала? Сегодня пріѣхалъ сюда П. Г. Виноградовъ, который сообщилъ мнѣ, что ты желаешь, чтобы я передѣлалъ вторую часть. Сообщи мнѣ свои соображенія. Если В. С. въ Москвѣ, то попроси его отвѣтить мнѣ и написать о себѣ словечко.

Крѣпко жму тебѣ руку.

Твой *С. Трубецкой*.

VI.

(*Берлинъ*) *4 февр. 1891 г.*

Любезный другъ Николай Яковлевичъ, хотѣлъ въ первый разъ въ жизни быть аккуратнымъ и прислать корректуру къ 1-му съ моей тетушкой.

Но такъ какъ она отложила свой отъѣздъ, то я послалъ свою корректуру съ нею лишь вчера. Она будетъ въ Москвѣ въ четвергъ или пятницу и обѣщала немедленно доставить тебѣ пакетъ. Она твоя сосѣдка (Дурновскій пер., д. Лапского). Очень жалѣю, что ты не прислалъ мнѣ новый, чистый экземпляръ послѣднихъ страницъ. Боюсь, что мои поправки выйдутъ непонятны; *если можно*, пришли мнѣ по исправленіи корректуру двухъ послѣднихъ сверстанныхъ страницъ. Обѣщаю тамъ ничего не мѣнять и отослать въ тотъ же день. Распорядись пожалуйста вообще, чтобы тщательно отнеслись къ моимъ поправкамъ, а то въ послѣдней статьѣ много опечатокъ.

Не слишкомъ ли теологиченъ конецъ моей статьи? Ясны ли поправки? Зачеркни въ предпослѣднемъ § (конецъ предпосл.

стр.) слѣдующую фразу: „Вѣра есть не легкое... и т. д. до Absatz'a на послѣдней стр. (т. е. до словъ „противъ любви" включительно?) Пожалуй такъ будетъ менѣе елейно? Кромѣ этого ничего не могу и не хочу измѣнить. Послѣдней статьей — Жизнь и сознаніе — очень недоволенъ. Пиши мнѣ пожалуйста. Жму тебѣ руку.

Трубецкой.

VII.

(*Берлинъ*) *9 февр. 1891 г.*

Любезный другъ!

Къ 1-му марту обыкновенно требуютъ отъ доцентовъ заявленіе лекцій на слѣдующій годъ. Я *напишу* Троицкому, что заявляю курсъ древней философіи,—требуемаго числа часовъ я не знаю, и потому прошу тебя сообщить мнѣ его поскорѣе. Рѣшенъ ли впрочемъ твой отъѣздъ на слѣдующій сезонъ? Что-то не думается. Получилъ ли ты мою корректуру и мое письмо? Что подѣлываешь хорошенькаго? Гдѣ Соловьевъ? Я такъ и не знаю, получилъ ли онъ мое письмо и куда и какъ ему писать? Жму тебѣ руку.

Твой *С. Трубецкой.*

Думаю остаться здѣсь до первыхъ чиселъ марта стараго стиля. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я просилъ, если возможно, прислать мнѣ корректуру 2-хъ послѣднихъ стр. *сверстанныхъ.*

Въ прошлой статьѣ ужъ очень много опечатокъ. Если бы ты послалъ остальныя страницы на корректуру моей матери, я увѣренъ, она не пропустила бы ни одной опечатки, а были серьезныя.

VIII.

(*Берлинъ*) *11 февр. 1891 г.*

Любезный другъ
Николай Яковлевичъ!

Получилъ вчера отъ брата корректуру моей статьи съ его замѣчаніями. Пользуюсь этимъ, чтобы поскорѣе переслать тебѣ послѣднія двѣ стр. въ томъ видѣ, какъ я желаю, чтобы онѣ были напечатаны. Братъ сообщилъ мнѣ свои за-

мѣчанія, но къ сожалѣнію теперь ничего измѣнить не могу. Развѣ только въ подстрочномъ примѣчаніи (непосредственно предшествующемъ § 6-му: „Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ праздныя умозрѣнія о безсмертіи") слово „праздныя"— замѣните словомъ платоническія. Это я прошу тебя сдѣлать въ уваженіе брату и Л. М.; братъ просилъ сдѣлать это изъ уваженія къ Сократу, по сей послѣдній именно и смотрѣлъ на мета-психологію, какъ на праздное занятіе. Очень благодарю тебя за вырѣзку изъ „Новаго Времени".

Пожалуйста, не забудь прислать мнѣ продолженіе статьи Буткевича (ты прислалъ мнѣ № 1). Сдѣлай одолженіе, сообщи адресъ Соловьева.

Братъ замѣтилъ много опечатокъ, пропущенныхъ мною (вездѣ антимоніи вмѣсто антиномій и пр.). Дружески жму тебѣ руку.

Твой *С. Трубецкой.*

IX.

(*Берлинъ*). *17 февр. / 1 марта.* *1891 г.*

Любезный другъ!

До сихъ поръ не знаю, получилъ ли ты мою статью и доволенъ ли ты передѣлками? Также до сихъ поръ не знаю, получилъ ли В. С. мое письмо.

Въ виду присланной тобою вырѣзки „Н. Вр.," думаю, что придется отвѣчать на клевету Буткевича въ какомъ-либо духовномъ журналѣ. Пожалуйста, поскорѣе дай знать, гдѣ бы это лучше сдѣлать? Въ Москвѣ или Петербургѣ? Спроси В. С., который опытенъ въ сихъ дѣлахъ. Если тебѣ не передали моей статьи, это—Богъ знаетъ что, дай скорѣе знать. Жму тебѣ руку.

Твой *С. Трубецкой.*

X.

(*Крейцнахъ, сент.*) *1891 г.*

Любезный другъ
Николай Яковлевичъ!

Пожалуйста, не оставь сей писюльки безъ отвѣта, который очень прошу адресовать на мою квартиру (Арбатъ, д. общ. русск. врачей). Я самъ буду въ Москвѣ, Богъ дастъ, 11—

13 сентября. Надѣюсь, что съ диспутомъ не будете слишкомъ торопиться, т. е., что раньше самаго конца сентября или начала октября—его не будетъ. Иначе право неблаговидно будетъ для Лопатина и для насъ.

Что ты скажешь о диссертаціи Лопатина? Когда будешь въ Москвѣ? Намъ необходимо свидѣться, чтобы переговорить о многомъ. Для диспута за мной задержки не будетъ, но я прошу по крайней мѣрѣ 2 недѣли на передышку съ дороги, свиданье съ родными, семейныя хлопоты и наконецъ—приготовленье къ диспуту. До скораго свиданья.

Твой *С. Трубецкой.*

XI.

(Beaulieu) мартъ 1893 г.

Любезный другъ

Николай Яковлевичъ!

Пожалуйста пришли мнѣ мартовскую книжку въ *Beaulieu s. mer Alpes maritimes, villa des Bambous.*

Я устроился здѣсь прекрасно и началъ заниматься. Какъ твое здоровье? Черкни о себѣ словечко. Продолжаешь ли свой режимъ, обливанья и воздерживаешься ли отъ излишняго переутомленія? Если утомленъ—пріѣзжай сюда подышать моремъ и фіалками. Жизнь ведемъ мы здѣсь самую правильную: встаемъ въ 6, ложимся въ 10, гуляемъ попемножку, дѣти весь день на воздухѣ Если такъ долго будетъ продолжаться, моя наука не пострадаетъ. Обнимаю тебя.

Твой *С. Трубецкой.*

XII.

(Москва, іюль) 1894 г.

Любезный другъ!

Сейчасъ были съ Лопатинымъ въ цензурномъ комитетѣ. Оказывается—не только не получено никакой бумаги изъ Главнаго управленія, но на дняхъ еще потребовали 30 экземпляровъ въ Петербургъ. Главнымъ мотивомъ къ остановкѣ Паульсена послужило то, что запрещенъ былъ самый нѣмецкій оригиналъ.

Ѳедоровъ обѣщалъ дать намъ знать о судьбѣ книги, когда изъ Петербурга придетъ бумага, но предупреждалъ, что въ Петербургѣ могутъ долго протянуть. Досадно, если это затянется.

Напиши Ѳеоктистову, только въ спокойномъ настроеніи и безъ дерзостей, а то дѣло не выгоритъ—и попроси его по возможности ускорить дѣло согласно его обѣщанію.

Московскіе цензора говорятъ, что сами по себѣ они ничего особеннаго въ Паульсенѣ не находятъ.

А твоего пріятеля Антонія упекли въ Іерусалимъ! Помоги ему Богъ!

Мы всѣ благополучны и въ добромъ здравіи. Надѣюсь и ты въ Ригѣ отдѣлаешься отъ твоихъ хворостей и наберешься бодрости и силъ.

Крѣпко тебя цѣлую, передай мой глубокій поклонъ Натальѣ Николаевнѣ. Спасибо за письмо.

Твой *С. Трубецкой.*

P. S. Сегодня засѣданіе совѣта и редакціоннаго комитета назначено у *Тютова* въ $9^1/_2$ ч. Каковъ Левонъ?

XIII.

(Laurvik, Lovisenlund. Норвегія) 13 авг. 1894 г.

Любезный другъ
Николай Яковлевичъ!

Какъ ты поживаешь и какъ провелъ ты свое лѣто? Я живу потихоньку въ Норвегіи: дѣти и жена мои здоровы, я занимаюсь этикой и публицистикой. Посылаю тебѣ часть второй (т. е. публицистики) для сентябрьской книжки,—а начало первой (т. е. этики) прибудетъ, какъ я надѣюсь, со мной вмѣстѣ въ первой половинѣ сентября—для книжки ноябрьской.

Насчетъ публицистической статьи моей будь мнѣ *другомъ*, прошу тебя, прежде чѣмъ быть редакторомъ. Читалъ ли ты мою статью въ „В. Евр.“ (августъ)? Я еще, конечно, не видѣлъ ни одного печатнаго отзыва: знаю заранѣе, что меня будутъ ругать. Но мнѣ хотѣлось бы высказать у насъ въ журналѣ въ самыхъ общихъ чертахъ мое положительное отношеніе къ славянофильству и съ этой цѣлью я и настрочилъ посылаемую тебѣ статью.

Здѣсь-то и является затрудненіе: дѣло въ томъ, что у меня подъ руками нѣтъ ни одного славянофильскаго произведенія, а потому я боюсь, точенъ ли я въ своемъ очеркѣ „идеаловъ“ славянофильства и хорошо ли я формулирую упрекъ Хомякову?

Велѣвъ набрать мою статью, пошли оттиски опой Левону, или еще лучше прочти ее ему — онъ вѣдь спеціалистъ по этой части, и затѣмъ напиши мнѣ свои замѣчанія, попудивъ къ тому же и Левона (лучше, если ты сообщишь мнѣ и его замѣчанья вмѣстѣ съ своими, а то онъ никогда не напишетъ).

Заснмъ пошли одинъ оттискъ Соловьеву (адресъ „В. Европы“ Галерная, 20, если другой адресъ неизвѣстенъ)—и, наконецъ, одинъ оттискъ мнѣ. По моему расчету я могу получить отъ тебя отвѣтъ и корректуру уже къ 1-му сентября,—посылаю мою рукопись прямо въ контору. Въ первыхъ числахъ я самъ выѣду въ Россію, а если нѣтъ, то вышлю корректуру немедленно назадъ, такъ что къ 7 или 8 сентября она будетъ получена тобою обратно и поспѣетъ въ срокъ (если будетъ послѣднею въ 1-мъ отдѣлѣ). Только, ради Бога, будь болѣе другомъ, чѣмъ редакторомъ, и въ случаѣ какого-нибудь сомнѣнія, отложи печатанье (напр., если появятся какія-либо возраженія на мою августовскую статью, которыя потребуютъ серьёзнаго отвѣта). Получивъ отъ тебя корректуру, я могъ бы дать тебѣ въ крайнемъ случаѣ отвѣтъ даже по телеграфу. Во всякомъ случаѣ, будь увѣренъ, задерживать не буду. Когда должна выйти книжка?

Ну вотъ! Пожалуйста дай вѣсточку о своемъ здоровьи и планахъ. Крѣпко тебя цѣлую. Кланяюсь твоей женѣ.

Твой *С. Трубецкой.*

XIV.

Laurvik, Lovisenlund (августъ) 1894 г.

Любезный другъ
Николай Яковлевичъ!

Отправивъ тебѣ мою статью, я пришелъ въ нѣкоторое сомнѣніе, вызванное двумя обстоятельствами: 1) имѣлъ въ виду цензурныя соображенія, мнѣ пришлось называть вещи не

своими именами и болѣе обыкновеннаго злоупотреблять терминомъ византизмъ, что̀ придаетъ характеръ неясности всѣмъ моимъ заключеніямъ; 2) я боюсь, что былъ неточенъ, какъ въ формулированьи славянофильскихъ идеаловъ, такъ и въ соотвѣтственныхъ критическихъ замѣчаніяхъ.

Первый недостатокъ еще можно поправить при корректурѣ. Посмотрю, что можно сдѣлать со вторымъ. Очень боюсь, что въ Норвегіи, не имѣя источниковъ подъ руками, я не буду въ состояніи ничего сдѣлать, а въ Москвѣ я думаю быть только 14-го. Поэтому будь другомъ, не расчитывай на мою статью къ сентябрьской книжкѣ (которая вѣдь должна выйти 15-го?).

Статья очень отвѣтственная и ее я не хотѣлъ бы выпускать, не будучи въ ней увѣренъ. Во всякомъ случаѣ, получивъ отъ тебя корректуру и просмотрѣвъ ее, пошлю тебѣ телеграмму съ извѣщеніемъ, могу ли исправить или прошу отложить. Надѣюсь, что ты войдешь въ мое положеніе и что Лопатинъ меня поддержитъ.

И этимъ лѣтомъ написалъ довольно много — матеріала для журнала хватитъ на всякую книжку. Дай о себѣ вѣсточку. Обнимаю тебя.

Твой *С. Трубецкой.*

XV.

(*Норвегія*) *2 сент. 1894 г.*

Любезный другъ
Николай Яковлевичъ!

Къ сожалѣнію, я *задержанъ* въ Норвегіи здоровьемъ дѣтей и надѣюсь быть въ Москвѣ только къ 15-му. Пожалуйста, извѣсти кого слѣдуетъ въ университетѣ.

Сегодня 2 сентября, и до сихъ поръ я не получилъ ни корректуры, ни письма отъ одного изъ васъ! Очевидно статья въ сентябрьскую книжку не поспѣетъ, такъ какъ, повторяю, я ставлю непремѣннымъ условіемъ помѣщенія — мою *личную* корректуру, и имѣю въ виду значительныя поправки.

Имѣлъ бы многое тебѣ написать, но отлагаю до свиданія.

Обнимаю тебя.

Твой *С. Трубецкой.*

XVI.

(Москва, мартъ) 1895 г.

Милый другъ!

Поздравляю тебя отъ души! [1]).

Я слишкомъ хорошо знаю, черезъ что ты проходилъ эти сутки, чтобы не сочувствовать всѣмъ сердцемъ. Былъ бы счастливъ крестить у тебя, но боюсь, что у моей дѣвочки скарлатина. Сегодня ждемъ Филатова и о его приговорѣ дамъ тебѣ знать черезъ контору, чтобы не заносить писемъ, или зайду къ тебѣ и вызову тебя на улицу.

Скарлатина—если и есть, то кажется очень легкая,—но во всякомъ случаѣ сожги это письмо.

Поздравляю Наталью Николаевну и обнимаю тебя.

Твой *С. Трубецкой.*

XVII.

(Москва, тогда же).

Любезный другъ!

Все исполню, второй корректуры еще не получилъ. Не задержу. Леопа извѣщу. Спасибо за замѣчанія. Дай Богъ тебѣ всего лучшаго, нынче вечеромъ пришлю узнать о здоровьѣ.

Твой *С. Трубецкой.*

XVIII.

(Финляндія) 26 августа 1895 г.

Милый другъ!

Прости, что не отвѣчалъ такъ долго. Твое письмо насъ не застало, мы ѣздили на экскурсію въ Куопіо. Теперь Лопатинъ вѣроятно уже въ Москвѣ, а В. С. въ Петербургѣ. На дняхъ жду его сюда обратно. Мы, слава Богу, поживаемъ ничего себѣ и за лѣто я успѣлъ-таки заняться.

Вижу съ грустью, что ты опять предаешься редакторскому иессимизму—будемъ опять въ Москвѣ спорить. Могу сказать сейчасъ только одно—если буду живъ, то обѣщаю торжественно печатать большія статьи въ пяти книжкахъ подрядъ. Одна уже послана, а три слѣдующія готовы вчернѣ. Вторую надѣюсь обработать здѣсь и привезти въ Москву. Это про себя; что касается до В. С., то онъ печа-

[1]) У И. Я. родился сынъ 15 марта.

таетъ въ ноябрьской книжкѣ длинѣющую статью, въ коей обѣщается всю свою этику показать какъ есть наружу (о безусловномъ принципѣ нравственности). Далѣе, съ января, онъ начнетъ строчить свою „Метафизику“, которую опять-таки, кромѣ какъ у насъ, ему печатать негдѣ.

Видишь, что на годъ по крайней мѣрѣ по двѣ статьи обезпечены въ каждой книжкѣ. Въ 3-хъ, В. С. обѣщается попудить Карѣева прислать нѣчто въ журналъ. Въ 4-хъ, Леонъ сочинилъ здѣсь новую статью о душѣ. Въ 5-хъ, я увѣренъ, что если бы ты былъ у насъ этимъ лѣтомъ и дышалъ бы здѣшнимъ свѣжимъ бодрящимъ воздухомъ, ты написалъ бы больше и лучше насъ всѣхъ трехъ. Читалъ ли ты въ „Нивѣ“ статью В. С. о войнѣ? По моему это одна изъ самыхъ блестящихъ его вещей. Думаю, что и слѣдующая статья его у насъ будетъ, какъ говоритъ К. Прутковъ „выходящею изъ рядовыхъ“. Сочинили мы здѣсь также комедію на Леона въ стихахъ—прочтемъ при свиданіи—о томъ, какъ отъ него собственная душа сбѣжала, и какъ онъ ее ищетъ. Вообще много мы здѣсь благодушествовали, пили твой кровный шведскій пуншъ [1]) и тебя поминали.

Крѣпко тебя обнимаю, будь ты наконецъ философомъ, держи себя въ струнѣ и не поддавайся минутнымъ настроеніямъ. Ты скажешь, легко ли? Если бы было легко, такъ всѣ были бы философами. А потомъ, стоитъ только попробовать, потому что все трудное только въ началѣ кажется труднымъ и дѣлается легкимъ, какъ только себя переможешь. Во всякомъ случаѣ легче это, чѣмъ испытывать періодически тѣ состоянія, черезъ которыя ты ежегодно къ веснѣ проходишь. Теперь еще осень, а ты ужъ насъ повѣсилъ.

Ты все воображаешь, что это зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ семейныхъ затрудненій, отъ журнала, каѳедры, общества—и собираешься ежегодно журналъ, каѳедру и общество бросить.

Но вѣдь пойми ты, что отъ внѣшнихъ обстоятельствъ не уйдешь ничѣмъ, какъ только дѣломъ. Они всегда будутъ—одинъ дрязги вмѣсто другихъ—такъ жизнь устроена для всѣхъ вообще и для семьянина въ особенности. Такъ лучше ужъ, чтобы дрязги-то были сопряжены съ хорошимъ и благороднымъ дѣломъ. Ты все думаешь, что издавать полное собраніе своихъ сочиненій полезнѣе, чѣмъ продолжать твою теперешнюю

[1]) Н. Я. родился въ Финляндіи (Гельсингфорсѣ).

дѣятельность. При всемъ уваженіи къ твоимъ сочиненіямъ, позволю себѣ съ тобой не согласиться. Сочиненія свои издать успѣешь, а не успѣешь, такъ послѣ тебя издадутъ твои дѣти, твои ученики. Ты пока единственный дѣятель и организаторъ у насъ въ сферѣ философіи, и для развитія философіи въ Россіи, распространенія интереса къ ней живого, искренняго, сознательнаго нуженъ именно такой „сѣятель", какъ ты. И спасибо тебѣ за это скажутъ большое. Если сотня-другая подписчиковъ убавилась—журналъ внутренне не падаетъ, а на каждаго подписчика клади ты десятки и десятки читателей, да и притомъ читателей все-таки лучшаго сорта.

Вотъ все, что пока могу сказать тебѣ въ утѣшеніе. Цѣлую ручку Наталіи Николаевнѣ и моего крестника и обнимаю тебя.

Твой *С. Трубецкой.*

Поздравляю Наталію Николаевну съ именинами.

XIX.

(*Осень 1895*).

Милый другъ!

Получилъ твое письмо, которое глубоко меня огорчило. Не стану спорить съ тобой письменно—всего не напишешь, отлагаю до свиданья. Умоляю тебя и, если даже можно,—въ качествѣ члена общества и твоего друга — *требую*, чтобы ты не дѣлалъ никакого рѣшительнаго шага для закрытія журнала до тѣхъ поръ, пока общество не обсудитъ дѣла. А это обсужденье надо сдѣлать не сейчасъ, а когда всѣ съѣдутся. *И не труби пока* о своемъ намѣреньи. Если даже ты и откажешся отъ редакторства, я сомнѣваюсь, чтобы общество отказалось отъ своего органа и подарило его..... въ Петербургъ. Издательскіе капиталы найдутся и въ Москвѣ—это разъ; а во-вторыхъ—въ особенности послѣ покражи необходимо будетъ исполнить твой весенній планъ, т. е. передать контору и складъ какому-нибудь книгопродавцу. На одномъ этомъ, на бумагѣ, да еще на сокращеніи расходовъ по пересылкѣ покроется весь дефицитъ.

Въ первые года при Абрикосовѣ у насъ было меньше подписчиковъ и мы считали, что дѣло идетъ блестящимъ образомъ. Ты пишешь, что вести дѣло съ дефицитомъ есть

скоморошество: назови мнѣ хоть одинъ нѣмецкій или французскій журналъ который бы окупался и былъ бы коммерческимъ дѣломъ.

Если ты усталъ, разстроенъ—я понимаю: есть отъ чего. Но знаешь — семь разъ примѣрь, одинъ отрѣжь — вотъ тебѣ мой сказъ,—главное, не губи дѣла. Можетъ еще субсидію журналу выхлопочемъ!

Ну, до свиданья, дорогой мой,—ужасъ до чего мнѣ тебя жалко съ этими дрязгами. Подозрѣнія твои несомнѣнно справедливы: выкрасть 3.000 книгъ безъ пособія конторы немыслимо; но, очевидно, было тутъ еще какое-нибудь лицо постороннее, такъ или иначе прикосновенное къ книжной торговлѣ. Мнѣ кажется, такая масса книгъ не можетъ не найтись;—заинтересуй изъ судейскихъ кого-нибудь, да сыщикамъ посули академическіе пальмы.

Цѣлую тебя, думаю въ Москвѣ быть никакъ не позже 15-го, а можетъ быть и раньше.

Твой *С. Трубецкой.*

P. S. По моему въ конторѣ давно крали. Помнишь, при ревизіи мы просчитали нѣсколько изданій и въ каждомъ оказалась крупная недостача, по 10 и болѣе экземпляровъ.

XX.

(Лѣто 1906 г.).

Любезный другъ
Николай Яковлевичъ!

Видѣлъ Левона передъ его отъѣздомъ за границу. Онъ сообщилъ мнѣ, что ты мнѣ писалъ и спрашивалъ его, куда я пропалъ. Я живу у моего отца (ст. Климовка, Меньшово) но отъ тебя никакого письма не получалъ.

Что подѣлываешь хорошенькаго? Мои планы на зиму еще совершенно неопредѣленны. Хочу приниматься за статью, до сихъ поръ все сидѣлъ надъ Оригеномъ да надъ греческими богами. Очень сожалѣю, что не засталъ тебя въ Москвѣ. Мы живемъ здѣсь очень тихо, въ началѣ іюня я былъ двѣ недѣли на Кавказѣ, а теперь безвыѣздно сижу здѣсь и думаю пробыть до осени. Обнимаю тебя, передай мой поклонъ Натальѣ Николаевнѣ.

Твой *С. Трубецкой.*

XXI.

(*Осень 1906 г.*).

Милый другъ!

Спѣшу тебѣ отвѣтить. У насъ все, слава Богу, благополучно. На Кавказѣ былъ я всего одну недѣлю и все лѣто былъ подъ Москвой. Сейчасъ я въ Узкомъ у брата, но адресъ мой все-таки въ Москвѣ.

Преображенскій, какъ мнѣ кажется, въ виду того, что не попалъ въ секретари Думы, остается редакторомъ, что я заключилъ изъ разговора съ нимъ. Ты только объ этомъ ему не пиши. Повидимому его отказъ вытекалъ изъ временнаго раздраженія по поводу исторіи съ Чичеринымъ и изъ того, что въ то время онъ дѣйствительно былъ занятъ до невозможности удѣлять намъ время.

Теперь, какъ онъ говоритъ, времени у него хватитъ. Левопа, послѣ смерти его брата, не видалъ; собираюсь къ нему завтра въ Царицыно. Онъ все это время былъ безотлучно на съѣздѣ, какъ ты можешь себѣ представить—и слушалъ и кушалъ, на осень собирался въ Крымъ съ Корсаковыми. О Соловьевѣ извѣстій не имѣлъ никакихъ. Гегеля напечаталъ и переводъ и статью Соловьева. Жду маленькую замѣтку Рачинскаго. Айхенвальдъ еще не вернулся; Русская Мысль переѣхала па новую квартиру, гдѣ намъ хотѣли было отвести совершенно невозможную конуру, но по счастью конура оказалась столь невозможной, что пришлось дать совсѣмъ хорошую, отдѣльную комнату.

Очень радъ, что ты хорошо провелъ лѣто. Надѣюсь, спокойствіе и хорошій режимъ возстановятъ твои силы. Обнимаю тебя, передай мой глубокій поклонъ твоей женѣ.

Твой *С. Трубецкой*.

PS. Очень любопытна будетъ полемика Чичерина съ Соловьевымъ. Б. Н. переслалъ мнѣ твои письма, послѣ которыхъ мнѣ остается просить у тебя прощенія—ты знаешь, что меня *ввели* въ заблужденіе.

Б. Н. пишетъ, что не сердится ни на кого, но что онъ только находилъ очень дикимъ, что у насъ не позволяютъ полемизировать до безкопечности. Если онъ хочетъ еще мнѣ возражать, то, понятно, я противъ этого ничего не имѣю, но только отвѣчать не буду. Работаю надъ диссертаціей.

Еще разъ жму тебѣ руку. До скораго свиданія!

XXII.

(Москва, ок. 15 авг. 1896).

Милый другъ!

Получилъ твое письмо и отъ всей души желаю тебѣ устроиться въ Москвѣ. Неужели при твоихъ связяхъ тебѣ нельзя будетъ найти что-нибудь?

Набирайся силъ и возвращайся изъ деревни возможно позже. Въ Университетѣ уволенъ Эрисманъ, исключено нѣсколько десятковъ студентовъ, Павлиновъ переведенъ изъ факультетской клиники въ госпитальную, такъ что „Захарьинская“ исторія вспыхнетъ съ осени, и я боюсь, что на этотъ разъ студенческіе безпорядки будутъ грандіозными. А при настроеніи министерства можно ожидать самыхъ суровыхъ мѣръ противъ университета—противъ профессоровъ въ особенности. Милый мой попечитель харьковскій! [1]) Боюсь, что ты совсѣмъ завертишься при семъ случаѣ и опять съ ногъ свалишься. А такъ какъ ты дорогъ мнѣ и Москвѣ и Университету, то послушайся ты меня хоть разъ: возьми отпускъ хоть на шесть мѣсяцевъ чтобы отдохнуть хорошенько, оправиться и поработать. Это будетъ тебѣ и сбереженье силъ и сбереженье денегъ. Поѣзжай хоть въ Ригу къ тестю и исподволь ищи себѣ *непремѣнно* въ Москвѣ же дополнительное мѣсто.

Если бы я думалъ, что можно сдѣлать что-нибудь, я бы самъ совѣтовалъ тебѣ спѣшить въ Москву. Но самъ посуди: что тутъ подѣлаешь? Я бы бросилъ университетъ совсѣмъ—такъ скверно положеніе.

Но вѣдь если такъ разсуждать всѣ порядочные люди станутъ—это положеніе только ухудшится. Я еще прошлой весной подалъ прошеніе въ годичный отпускъ, чтобы заняться исключительно диссертаціей. Вышло для меня какъ нельзя болѣе кстати. Наша обязанность—служить Университету и не оставлять этой службы, пока мы можемъ. А въ нынѣшнемъ году ты, съ твоимъ не философскимъ темпераментомъ и нервами, если не уйдешь въ отставку, то наскандалишь сугубо—помни мое слово.

Тебѣ вакантъ былъ не въ отдыхъ, а ты болѣе, чѣмъ кто-либо, имѣешь право отдохнуть. Ужъ послушайся ты друга и съэкономь ты свои силы, деньги и кости—возьми отпускъ.

Говорю это также для журнала. Число подписчиковъ приблизительно то же, что въ прошломъ году, а расходовъ

[1]) Н. Л. тогда думалъ выставить свою кандидатуру на этотъ постъ.

вдвое меньше. Айхенвальдъ — цѣнное пріобрѣтеніе и дѣло идетъ. У Преображенскаго времени будетъ не меньше, чѣмъ прежде, и труды его раздѣляю я—еще нынче двѣ рукописи прочелъ. А ты и здѣсь пессимизму поддаешся!

Сентябрская книжка составляется и выйдетъ въ срокъ, если только картезіанецъ Левонъ не задержитъ. А если и задержитъ—безъ него выпустимъ. Смотри, ты скорѣй своего Декарта присылай, и не смущай Юлія Исаевича іереміадами о концѣ вѣка и журнала, а то онъ ждетъ плѣненія Вавилонскаго. Картезіанцы Умовъ и Цертелевъ уже готовы со своими статьями; моя статья будетъ готова къ концу августа, и Соловьевъ обѣщается къ концу августа быть здѣсь со статьею. Мнѣ обѣщались также Звѣревъ [1]) и Корелинъ—за обоихъ я отвѣчаю. Вотъ тебѣ и журналъ! Чѣмъ не журналъ? Одно вотъ—Ланге не присылаетъ статьи о Троицкомъ.

Крѣпко тебя обнимаю

Твой *С. Трубецкой.*

Набраны Иванцовъ, Сухановъ, набирается очень недурная статья Джевалегова о Вико и Вальденберга о Макіавели.

XXIII.

(*1896 г.*).

Милый другъ!

Вижу, что ты дѣйствительно страждешь, если такіе пустяки тебя волнуютъ. Сегодня утромъ тебя „убила“ опечатка въ твоей рецензіи—опечатка совершенно незамѣтная къ тому же, изъ-за которой ты самъ чуть не убилъ Ю. И. Теперь вечеромъ ты опять убитъ письмомъ Б—ва. По долгу дружбы хотѣлъ бы къ тебѣ сейчасъ же пріѣхать еслибы у меня самого *не разболѣлось горло... Обнимаю тебя. Если завтра горло пройдетъ, буду у тебя непремѣнно. Я всегда боюсь нарыва.*

Твой *С. Трубецкой.*

Утѣшайся вотъ чѣмъ: Русская Мысль пророчитъ, что мы подпиской превзойдемъ прошлый годъ на много. Если бы только К—скаго за намп закрѣпить. Не поскупись ему на гонораръ!

---

[1]) И. А. Звѣревъ, профессоръ М. У., нынѣ сенаторъ и членъ Гос. Совѣта.

XXIV.

(1897 г.).

Любезный другъ!

Братъ возвращается въ 20-хъ числахъ, тогда я тебя съ нимъ сведу. Весь вопросъ не въ немъ, а въ тебѣ. Братъ мой будетъ очень радъ, но я все-таки не знаю, насколько тебѣ лично подойдетъ работа[1]), хоть она и потребуетъ часа четыре въ день (въ общемъ). Секретарь дворянства сказалъ мнѣ, что собственно механическую часть разбора архива возьметъ на себя канцелярія, хотя конечно хозяиномъ въ этомъ дѣлѣ будетъ тотъ, кому поручено будетъ разобраніе (разборъ) архива. Привести въ порядокъ дѣла по годамъ—берется канцелярія; твоя часть будетъ скорѣе систематическая каталогизація и описаніе, то есть, отчасти прямо историческое ознакомленіе съ матеріаломъ архива. Впрочемъ увидишь самъ, только на меня не пеняй. Еще вотъ къ тебѣ просьба: дай хоть краткую рецензію извѣстной тебѣ психологіи Джемса въ русскомъ переводѣ. Право неприлично было бы пройти эту книгу молчаніемъ въ нашемъ журналѣ, и къ тому же тебѣ. Это для тебя буквально полчаса работы, а намъ это необходимо.

Твой *С. Трубецкой.*

Сейчасъ говорилъ по телефону съ Ю. И. Айхенвальдомъ, и обращаюсь къ тебѣ съ самой рѣшительной просьбой побудить Токарскаго исполнить постановленія редакціоннаго комитета, къ сожалѣнію, состоявшіяся въ мое отсутствіе прошлой весною.

Записки его лабораторіи представляютъ собою, по моему мнѣнію, и безъ того крайне обременительный балластъ нашего журнала, отъ котораго я бы охотно отказался вовсе. Но разъ состоялось постановленіе редакціоннаго комитета, то нужно его соблюдать. А именно:

1) Токарскій не долженъ превышать указанной нормы, а онъ скоро займетъ весь журналъ (въ прошлой книжкѣ онъ хотѣлъ помѣстить 7 листовъ, а въ настоящей 5, на что я *рѣшительно не согласенъ*. Это совершенно мѣняетъ весь ха-

[1]) Дѣло шло о разборѣ, приведеніи въ порядокъ и описаніи архива Московскаго Дворянства,—работѣ, которую П. Я. Г. дѣйствительно и взялъ на себя.

рактеръ журнала, замѣняя его приложеніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ философіей и даже психологіей.

2) Токарскій долженъ сноситься съ типографіей черезъ редакцію.

3) Токарскій долженъ платить деньги за печатанье его записокъ. . . . . .

Я знаю, что онъ очень милый человѣкъ, но положительно не вижу возможности вести дѣло, если отдѣльные сотрудники безъ нашего вѣдома и противъ постановленія редакціоннаго комитета будутъ печатать у насъ что имъ вздумается. Пусть Т. ограничится своими тремя листами и выкинетъ все ненужное. Если ему положенъ максимумъ въ 4 листа, то я не могу допустить ни одной строчки лишней и такъ какъ этотъ максимумъ былъ превышенъ въ маѣ, то теперь должно быть напечатано меньше. Обижаться за его студентовъ ему нечего. Пишу это тебѣ, а не Леону, такъ какъ ты будешь энергичнѣе. Но скажи и Леону, что это мое непремѣнное и вполнѣ законное требованіе.

XXV.

(1898 г.).

Милый другъ!

Вполнѣ понимаю, что ты тропутъ рѣчью Кони и ничего въ этомъ смѣшного не нахожу, ибо хотя самой рѣчи не читалъ, но знаю, что Кони пошлостей не скажетъ и если говорилъ съ любовью и уваженіемъ о твоихъ, такъ потому, что чувствовалъ.

Въ Архивѣ нынѣ быть не могъ, такъ какъ въ это самое время у меня былъ рандеву съ П. Г. Виноградовымъ, у коего я заполучилъ для журнала его лекціи о прогрессѣ. Завтра буду у Ключевскаго. Ближе ѣхать отъ меня, только я не знаю, въ которомъ часу опъ тебя звалъ? Въ 5 часовъ у меня долженъ быть мой массажистъ.

Твой *С. Трубецкой.*

XXVI.

(1898 г.).

Любезный другъ!

Послѣ тебя братъ заѣхалъ въ депутатское собраніе. Тамъ В. Голицынъ высказалъ ему рядъ возраженій противъ пре-

дисловія, который братъ нашелъ совершенно *несущественными*. Тѣмъ не менѣе, Голицынъ и еще кто-то (не знаю, кто могъ быть еще въ депутатскомъ собраніи) просилъ его созвать архивную комиссію, причемъ братъ хотѣлъ сдѣлать это нынче или завтра, утверждая, что желалъ бы во всякомъ случаѣ выпустить каталогъ *во время* съѣзда. Единственная задержка—твое нездоровье, но если бы ты ничего не имѣлъ противъ этого, можно было бы назначить теперь же засѣданіе, въ которомъ и я и братъ будемъ, разумѣется, стоять за неприкосновенность твоего предисловія. Пойми, что разъ депутатское собраніе назначило комиссію и нѣкоторые члены просятъ ее созвать, брату неудобно итти противъ нихъ. Братъ пріѣхалъ немедленно ко мнѣ, получивъ мое письмо, и хотѣлъ сейчасъ же летѣть къ тебѣ, но я его удержалъ, сказавъ, что ты легъ спать. По всей вѣроятности, каталогъ все-таки отпечатанъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, такъ какъ братъ до 11 часовъ не предпринималъ никакихъ мѣръ, чтобы остановить машины. Во всякомъ случаѣ я сказалъ ему, чтобы онъ велѣлъ не разбирать шрифта предисловія.

Итакъ, будешь ли здоровъ къ завтрашнему дню? Какъ только выздоровѣешь, комиссію соберемъ. Ее все равно надо собрать по твоему же требованію для второго выпуска.

Повторяю, все это дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, а ты кипятишься. Если какой-нибудь изъ членовъ просилъ о какомъ-либо несущественномъ измѣненіи или дополненіи, то, поповѣрь, онъ не могъ и подозрѣвать, что ты такъ горячо принимаешь это къ сердцу. Братъ пробралъ С—скаго за утайку журналовъ.

Твой *С. Трубецкой.*

XXVII.

(*1898*).

Любезный другъ!

Сейчасъ изъ комиссіи. Кромѣ большихъ комплиментовъ по твоему адресу я ничего не слыхалъ.

Голицынъ сообщилъ свои корректурныя замѣтки, совершенно безобидныя—на первой и послѣдней страницахъ, а Веневитиновъ и Серебрянскій сказали, что уже раньше передали тебѣ свои замѣчанія, которыя и были приняты тобою во вниманіе. Самый главный вопросъ былъ о томъ, кто *издаетъ*

каталогъ, депутатское собраніе, дворянство или еще кто. то-есть споръ объ обложкѣ, въ виду чего рѣшили исключить слова: „изданіе депутатскаго собранія“. Завтра типографія обѣщала выпустить 50 экземпляровъ и я зайду въ $10^1/_2$ ч. въ типографію посмотрѣть корректуру и пробу.

Поправки Голицына—„нынѣ“ вмѣсто „нами“, „стараго времени“ вмѣсто „дореформенные“; затѣмъ онъ просилъ измѣнить фразу, гдѣ говорится о „первенствующемъ“ значеніи Московскаго дворянства—дабы не возбудить упрека со стороны прочихъ дворянствъ. На послѣдней страницѣ онъ просилъ вставить одну небольшую фразу, усиливающую значеніе сказаннаго тобой, а именно, что настоящій каталогъ является результатомъ подготовительной разборки архива, а не окончательнаго и систематическаго его описанія, которое должно послѣдовать на основаніи настоящихъ работъ..., что-то въ этомъ родѣ, въ точности не припомню, хотя самъ редактировалъ эту фразу. Голицынъ настаивалъ на ней, говоря, что мысль твою необходимо подчеркнуть во избѣжаніе недоразумѣній. Обложку при семъ прилагаю. Если ты на указанныя измѣненія согласенъ, то отвѣть, хоть на словахъ. Если нѣтъ, дай мнѣ знать с ь посланнымъ. Та ли бумага и хороша ли обложка?

Твой *С. Трубецкой.*

Письма Архіепископа Херсонскаго Никанора.

I.

13 янв. 1886 г.

Любезный и сердечно уважаемый
Николай Яковлевичъ!

Къ совершенно заслуженнымъ общимъ и шумнымъ рукоплесканіямъ отборнѣйшей интеллигенціи я присоединяю свой голосъ, что мы вчера выслушали отъ Васъ эссенцію самоновѣйшей философіи, съ которою я уже незнакомъ.

Ваше направленіе вполнѣ мнѣ сочувственно. Развитіе и сжатое, и строго научное, и мастерское.

Я несогласенъ съ Вами, лучше сказать, съ господиномъ Лянге, въ одномъ, что, когда мы разлагаемъ атомъ на дальнѣйшія дроби безъ конца, то всегда нѣчто остающееся при этомъ и есть матерія. Нѣтъ. Атомъ весь въ совокупности, или точнѣе, молекула вся въ совокупности есть явленіе, проявленіе силъ. Ея дроби—атомы—также явленіе и каждый атомъ есть проявленіе совокупности силъ. Дробь атома, мельчающая безъ конца, есть также явленіе, проявленіе совокупности силъ, явленіе не только мысленно отвлеченное, но и духовное, нѣчто осуществленное, осуществленіе творческой идеи изъ ничего...

„Жаль, что ты незнакомъ
Съ нашимъ пѣтухомъ“...

Подъ пѣтухомъ я разумѣю свою собственную философію, въ которой я проводилъ, на чисто естественно-научныхъ основаніяхъ, Вашу же теорію. Мнѣ пріятно было слушать Васъ. Разница между нами: моя теорія почти монистическая, вращающаяся между двумя полюсами, абсолютнымъ положительнымъ и абсолютнымъ же отрицательнымъ.

Вы повторяете философію Платона и Аристотеля. И я также. Но у нихъ матерія, борющаяся съ εἶδος'омъ есть отри-

цаніе бытія, только. Ваша же матерія—положительно данное бытіе, основанное на голословномъ утвержденіи Herr'a Лянге.

И не могу теперь пока постигнуть, что еще можно вывести изъ Вашего дуализма. Вообразимъ, борьба между духомъ и матеріею, между фактическими данными бытіями, въ туманѣ звѣздныхъ пятенъ,—замѣтимъ, борьба намѣченная... Чего-нибудь тамъ не доищемся, или матеріи или духа... Иначе придется солнечный лучъ, не состоящій изъ атомовъ, признать духомъ... По моему, лучъ не духъ, но проявленіе творческой идеи, осуществляющей нѣчто чувственное изъ ничего, но не настолько сконцентрированное, чтобы быть духомъ,—не духъ. Такова и всякая матерія, какъ продуктъ силы всецѣло, а не того матеріальнаго остатка, который Вы допускаете вмѣстѣ съ Лянге и матеріалистами.

Примите выраженіе моего глубокаго уваженія.

Да... а борьба единаго начала съ самимъ собою? Да, борьба, предуставленная Творцомъ, зиждительной жизненной силы съ отрицаніемъ бытія. Море, волнуясь, не борется съ самимъ собою. Море борется съ вѣтромъ?... Но возьмемъ волнующійся океанъ жизненной силы,—онъ движется, коли хотите, волнуется, но не борется: ему не съ кѣмъ бороться. 1) Абсолютное само въ себѣ не движется, а только движетъ. 2) Для абсолютнаго, при абсолютномъ, въ абсолютно-безконечномъ пространствѣ нѣтъ движенія. 3) Движеніе только конечное относительно конечнаго, но не безконечнаго. 4) А движеніе конечнаго въ абсолютномъ и развиваетъ борьбу конечнаго съ конечнымъ, т. е. конечное движеніе относительно конечнаго же... Отсюда борьба. Ваша же идея—повтореніе неоплатонизма и гностицизма.

Вашъ усердный слуга и слушатель и ученикъ

Никаноръ Епископъ Херсонскій.

II.

20 марта 1886 г.

Любезный и сердечно чтимый

Николай Яковлевичъ!

Теперь я рѣшительно приступаю къ изученію Вашей философіи, къ чтенію, къ извлеченіямъ, къ общему обзору.

Быть можетъ, составлю даже статью.

Прошу Васъ изобразить мнѣ хронологическій порядокъ выхода всѣхъ Вашихъ произведеній.

Прошу Васъ, нѣтъ ли у Васъ подъ руками готовыхъ критикъ или рефератовъ на Ваши произведенія?

Всего больше прошу Васъ прислать мнѣ оттискъ Вашей предпослѣдней лекціи о духѣ, душѣ и силѣ.

Прошу Васъ завернуть какъ-либо ко мнѣ потолковать.

Сердечно уважающій Васъ

Никаноръ Епископъ Херсонскій.

PS. Сегодня въ 12 часовъ выѣду на часъ съ визитомъ.

III.

1886 г. Апрѣля 13. Одесса.

Любезный и сердечно уважаемый

Николай Яковлевичъ,

Есть чудеса на свѣтѣ. Сегодня именно я подъ этимъ впечатлѣніемъ.

Спаситель Христосъ говорилъ на Тайной Вечерѣ первоверховному Апостолу Петру: Симоне, Симоне! Се, сатана просить васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу. Азъ молился о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя. И ты нѣкогда обращся утверди братію твою. И Симонъ Петръ отрекся отъ Христа, а потомъ, по Его молитвѣ, обратившись сталъ камнемъ церкви, утвержденіемъ братіи. . . . . .

Вы не подозрѣваете, что философія Ваша потрясла меня. Я со всѣми этими ученіями давно знакомъ, и моя душа нѣкогда очень глубоко болѣла. Но возобновленіе этихъ впечатлѣній въ глуби душевной снова возобновило во мнѣ Weltschmerz. Именно въ пятницу на пасхальную субботу, за всенощной, я плакалъ и молился: „Господи! Увы! Для моей вѣры нужно знаменіе. Этотъ потокъ новѣйшихъ ученій топитъ все. Пресвятая Владычица! Ты слышишь же меня конечно. Для моей вѣры нужно знаменіе“.

Именно сегодня, между велико-субботнею утренею и обѣднею читаю Ваше послѣднее: О Душѣ. Это истинное чудо! Это Симонъ Петръ, обращающійся. Помолимся, быть можетъ, Вы станете и утвержденіемъ пошатнувшихся умовъ,

утвержденіемъ братіи, заблуждающейся и не заблуждающейся.

Иду ночью на Дѣянія. Говорятъ: Профессоръ Гротъ присылалъ—освятить Пасхи. Съ Богомъ!

И Христосъ Воскресе! Пасхальная ночь. Буду сію минуту въ церковь на пасхальную утреню.

Душевно преданный и уважающій

Никаноръ Епископъ Херсонскій и Одесскій,
камарадъ по мысли.

IV.

1886 г. Октября 23. Одесса.

Сердечно уважаемый и любезный
Николай Яковлевичъ,

Благодарю Васъ за память. Доброжелательно кланяюсь Вашей супругѣ и дѣтямъ.

Сильно пошатнулось мое здоровье,—теперь зрѣніе, которое до сихъ поръ служило мнѣ вѣрно и нелицемѣрно. А теперь упорствуетъ.

Едва ли я буду работать для философіи. Обременяютъ и недуги; завалепъ дѣлами. Никакъ не справлюсь.

Я совѣтовалъ Вамъ познакомиться съ издателемъ-редакторомъ Православнаго Обозрѣнія, Петромъ А. Преображенскимъ. В. С. Соловьевъ его знаетъ. Если увидитесь, если пожелаете, спросите у него мою статью о Вашей философіи. Вы увидите, что съ извѣстной, нашей точки зрѣнія она очень серьезна. Если захочете ее пріостановить, дамъ согласіе. Передѣлывать несогласенъ.

Скажите О. Редактору, что если онъ не хочетъ печатать ее,—пусть вышлетъ назадъ. Издержки я уплачу.

Я видѣлъ портретъ В. С. Соловьева у насъ на выставкѣ. У всякаго павлина есть свои ноги. Я слышалъ, что его слушательницы высшихъ курсовъ влюблялись въ его волосы,—да, хорошіе волосы. Но ужели онѣ обожали и его бороду,—смѣшную, косую бороду? Идолы бывали, большею частью, и некрасивы, а все-таки идолы. Онъ—да—даже красивъ, лицо умное, волоса великолѣпные, только рука уже слишкомъ тщательно отдѣлана, замѣтны жилы.

Его идеямъ, особенно по части вѣры и откровенія я не особенно сочувствую. Это какая-то мистическая символика.

Такъ мыслили и писали о предметахъ откровенія во времена Филона Александрійскаго. Однако же, еслибъ онъ чуточку подѣлился съ Вами избыткомъ своего духа, ударяющагося въ крайность, то для Васъ это было бы, пожалуй, и полезно.

Съ Иваномъ Степановичемъ [1]) дружественныя отношенія мы поддерживаемъ.

Работайте. Успѣвайте. Вы молоды и начали блистательно. Журналъ Вашъ, если оснуете, выпишемъ. Свою критику критики Канта я выслалъ бы охотно. Переписана отлично.

Богъ съ Вами, любезный мой другъ. Съ уваженіемъ и сочувствіемъ,—

Вашъ покорнѣйшій слуга

Никаноръ Архіепископъ

Херсонскій и Одесскій.

Ваша философія обнимаетъ всѣ отрасли философіи. Но направленіе мнѣ несочувственно. Оснуйте, даже по Вашей теоріи, философскую школу русскаго творчества.

V.

16 ноября 1886 г.

Любезный и сердечно уважаемый

Николай Яковлевичъ,

По послѣднему письму отъ 10 ноября:

Душевно радъ, что моя статья о Вашей философіи не огорчила Васъ.

Я польщенъ тѣмъ, что Вы мое изложеніе Вашей философіи признаете даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благотворнымъ.

Слова въ скобкахъ нерѣдко оканчиваются знаками вопроса?? Такъ ли?! Писалъ я спѣшно, по особымъ обстоятельствамъ.

„Дополненіе къ моему разбору“ написать и напечатать благославляю Васъ. Съ своей стороны полемизировать съ Вами не стану, какъ не полемизирую и съ Моск. Вѣдомостями по поводу классицизма. Dixi, что сказано.

Догадался ли редакторъ Петръ Алексѣевичъ сдѣлать оттиски съ моей статьи? Если догадался, попросите прислать.

---

[1]) Некрасовъ, профессоръ.

Съ Вашей будущей статьи благоволите сдѣлать свои оттиски и мнѣ прислать.

Кстати. Меня занимаетъ забавная мысль: нельзя ли мнѣ получить отъ Университета дипломъ Доктора философіи? Но, конечно, безъ предварительнаго диспута.

По письму отъ 9-го ноября.

Думаю, что Министерство не испугается моей критики. Имѣю основаніе такъ думать.

Моя вѣра въ Васъ и въ Ваше будущее мною выражена въ моей статьѣ.

У Васъ былъ М. Н. Катковъ. Это я знаю отъ Ивана Степановича Некрасова, съ которымъ мы стоимъ на дружеской ногѣ. Вѣроятно, онъ судитъ обо мнѣ „по статьямъ"... Онъ отнесся ко мнѣ безъ деликатности, должной сану. Допустилъ въ своей газетѣ передержку, навязывая мнѣ свою мысль: я не утверждалъ, что классицизмъ не нуженъ для теологіи. Онъ нуженъ для всѣхъ, не такой односторонній, какой введенъ новой школой, да и въ практикѣ онъ падетъ. Быть можетъ, еще при нашей жизни мы увидимъ его склоненіе къ упадку. По поводу моего классицизма я получилъ много заявленій. Въ печати ихъ остановилъ тотъ же Михаилъ Никифоровичъ чрезъ графа Дмитрія Андреевича. А умри сей послѣдній,—впрочемъ да здравствуетъ онъ для Россіи на многая лѣта!—и Михаилу Никифоровичу одному классицизма не поддержать. Это мнѣ вѣрно извѣстно. Теперь пока не хотятъ трогать этотъ слишкомъ наболѣвшій вопросъ. А тронутъ его,—вся Россія закричитъ, застонетъ... Вы вотъ увидите, хотя, быть можетъ, мы тогда будемъ уже и въ могилѣ.

Своего Антикапта, отлично переписаннаго, я вышлю Вамъ на-дняхъ.

Поздравляю Васъ со всѣмъ хорошимъ. Кланяюсь Вашей супругѣ. Цѣлую Вашихъ дѣтей. Этакая Вы—одаренная натура!

Извѣстно, что усиленная мозговая дѣятельность ослабляетъ успѣшность работы противоположнаго полюса. И та и другая потребляетъ много первной матеріи. У Васъ же оба полюса замѣчательно плодотворны. Значитъ, Вы не изъ рода Октавія Августа, отъ котораго родились только безплодные кретины..., вродѣ Кая Калигулы и другихъ.

Кланяюсь Вл. С. Соловьеву. Онъ, должно быть, работаетъ только головою, не какъ сподвижники Катилины, по подлиннымъ выраженіямъ исторіи Саллюстія, которую мнѣ удалось проглядѣть когда-то именно въ подлинникѣ, гдѣ поразило меня одно слишкомъ рѣдко встрѣчающееся въ печати выраженіе...

Кланяюсь Вамъ. Съ сердечною любовію и глубокимъ доброжелательствомъ вспоминающій Васъ

Никаноръ Архіепископъ Херсонскій.

VI.

1886 г. декабря 1, Одесса.

Любезный и высокоуважаемый
Николай Яковлевичъ,

Письмо это пишу единственно только, чтобы обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбою—оставить всякую мысль о докторствѣ безъ малѣйшей тѣни приложенія ея къ дѣлу. Судите, что̀ опое докторство могло бы прибавить къ другому докторству и къ прочимъ внѣшнимъ достоинствамъ, украшающимъ уже 7-ой десятокъ лѣтъ.

Моя статья зла Вамъ не сдѣлала, сдѣлала добро. Тѣмъ не менѣе я не скажу, чтобы очень уже опасался причинить Вамъ большее или меньшее огорченіе. Тамъ написано, что полезно было бы преподать Вамъ настоятельные совѣты. Что написано, то и теперь повторяю. Полезно...

Философію Вашу я признаю болѣе всякой другой радикальною. Развѣ вотъ теперь оказывается еще радикальнѣе философія графа Льва Толстого, если только послѣднюю можно назвать сколько-либо философіею. Въ то же время Вы вольною волею и вольнымъ разумомъ лишаете Вашу философію всякой основательности, признавая ее свободнымъ творчествомъ, по настроенію духа времени и духа самого творца, подобно картинѣ, роману, поэмѣ, сказкѣ вродѣ: „не любо не слушай, а “..... и проч., а не изслѣдованіемъ обязательной для общаго смысла истины.

Ваше ученіе о свободѣ и вмѣняемости я лично назвалъ Вамъ антигосударственнымъ. Къ этому прибавляю, что оно основано на qui pro quo: несвободная свобода свободна, и потому за убійство казнить нужно не убійцу, а воспитавшее

его общество... Вамъ это ученіе кажется натуральнымъ, мнѣ ужаснымъ...

Вы пишете апологію религіи Христіанской вообще и Вашей религіозности въ частности, въ какомъ-то странномъ самообольщеніи, какъ бы не подозрѣвая, что каждая изъ Вашихъ статей и книгъ, за исключеніемъ, и то только отчасти, Джордано Бруно и О душѣ, подрываетъ Христіанство въ самомъ его корнѣ; напр. Ваше ученіе о свободѣ воли. Если христіанство—не истина, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ догматахъ и въ своей исторіи,—то прости прощай религія и Ваша религіозность. Въ такомъ случаѣ, оно не болѣе, какъ Ваше личное творчество по настроенію минуты. Вотъ Вамъ захотѣлось попѣть на клиросѣ, и Вы попѣли; а затѣмъ пошли на каѳедру учить, что души нѣтъ, что о Богѣ ничего мы знать не можемъ—метафизика, будущая жизнь—свободный плодъ фантазіи, свобода—безусловная, даже смѣшная выдумка, всѣ догматы—credo quia absurdum.

Вотъ по моей архіерейской совѣсти, это—названіе вещей по ихъ имени. А я давно уже пережилъ тотъ періодъ, когда убѣжденія мѣняются.

Это мой Вамъ и отвѣтъ и совѣтъ. Допустимъ, что философовъ Богъ судить не будетъ. Но подумайте. Всѣ Вамъ подобные, съ графомъ Львомъ Толстымъ во главѣ, росте яму солидарными усиліями, въ которую скоро низвергнется все..., по меньшей мѣрѣ, какъ во Франціи. Но и тамъ еще Ваша наука не сказала своего послѣдняго слова. Его сказали пока только русскіе мыслители-бары: Герценъ, князь Крапоткинъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой. А паденіе можетъ быть великое. Дай Богъ не въ наше поколѣніе.

Простите, любезный по воспоминаніямъ, Николай Яковлевичъ. Прошу Васъ впередъ не касаться этого предмета. Конечно, Вы теперь въ круговоротѣ сильныхъ противоположныхъ теченій. Покажите, что Вы и пловецъ сколько сильный, столько же и искусный. Кстати Каптъ, умъ славный, правда, хотя и не столько—сколько думаютъ, разрушалъ, чтобы создать. Разрушилъ... и только. Его Критика Практическаго разума—шутка, написанная въ утѣху богобоязненнаго камердинера.

Никаноръ Архіепископъ Херсонскій.

VII.

1887 г., января 8. Одесса.

Любезный и сердечно уважаемый

Николай Яковлевичъ,

Съ Новымъ годомъ, новою дѣятельностью. Желаю новыхъ успѣховъ.

Прочиталъ, наконецъ, и Ваше возраженіе на мою статью и Вашу вступительную лекцію. Нашелъ, что самоапологія ведена Вами ловко, для несвѣдущаго. Но этимъ методомъ самъ Эдуардъ Гартманъ могъ бы доказать, что его система не далеко ушла отъ теистическаго созерцанія. Безконечная, слѣдовательно, всемогущая воля отъ вѣчности соединилась съ безконечнымъ сознаніемъ, которое, какъ безконечное, слѣдовательно неопредѣлимое, необъятное для сознанія ограниченнаго, не было для послѣдняго и сознаніемъ (темное, непостижимое, безсознательное, коли хотите—глупое, нѣмецкое dumm); соединилась для того, чтобы въ созданіяхъ воли отражалось безпредѣльное сознаніе, какъ въ своемъ предѣлѣ и ограниченіи, и тѣмъ становилась, больше и больше до безконечности, самосознательнымъ въ самосознательныхъ ограниченныхъ бытіяхъ, порожденіяхъ глупой воли..... Чего Вы хотите? Такое міросозерцаніе не лишено было бы и величія, въ смыслѣ Фихте старшаго, и недалеко было бы отъ теизма, даже отъ Христіанства. Стоило бы только Эдуарду Гартману стать своимъ собственнымъ антиподомъ.

Я думаю, что подъ старость онъ этимъ и кончитъ, обращеніемъ къ Христіанству и всенародною исповѣдью, что онъ сталъ своимъ собственнымъ антиподомъ, совершивъ философскую циркуляцію вокругъ всей сферы высшаго человѣческаго міросозерцанія.

Что жъ? Относительно Васъ душевно радъ. Грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ,—сказалъ самъ Господь.

Относительно вступительной лекціи скажу только, что мнѣ думать не хочется; я боленъ нервами и глазами; много думалъ и мозги устали; въ началѣ лекціи меня коробило, не по мнѣ, а въ концѣ ничего себѣ, сталъ нѣсколько сближаться съ Вашими воззрѣніями.

Вы корнемъ философіи ставите чувство, и чувствуется мнѣ, что ставите не философски. Такъ Вамъ угодно. Вы

смотрите на него по Канту. Увы! Я вдумывался въ Канта и чувствую, что онъ ставитъ дѣло, не скажу фальшиво, да, и фальшиво, но ставитъ крайне невыгодно для выводовъ о бытіи Бога, духа, вѣчности и т. д. Его чувство ничего не доказываетъ, все разрушая. Я не Кантъ, и Вы отнеслись ко мнѣ пренебрежительно.

А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ,
Еслибъ у него ты поучился,
То еще бы больше навострился.

Жаль, что Вы, быть можетъ, пробѣжали, но не прочитали моей философіи, Томъ I, стр. 60—69, 221—252. Тамъ я напрягаю мозги, чтобы выяснить значеніе основного чувства въ дѣлѣ сознанія и знанія. Если у Васъ нѣтъ моей философіи, то теперь я имѣю возможность презентовать Вамъ экземпляръ.

Затѣмъ, отъ всего сердца благословляю Васъ на новые труды, на новые успѣхи, на новую славу, которой и „мы пахали“—мы положили одинъ изъ первыхъ камешковъ. Молю Бога, да направитъ Васъ на путь правый!

Ту же самую тему я подстроиваю и въ III томѣ.

Душевно уважающій Васъ и глубоко доброжелательный
Никаноръ Архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

VIII.

Одесса, 19 февраля 1887 г.

Высокоуважаемый и любезнѣйшій
Николай Яковлевичъ,

Когда вотъ теперь я удосужился взяться за перо, написать неотложныя письма,—то оказалось, что книга моя, моя философія, Вамъ уже послана. Извините, что поэтому безъ надписи. Но я въ своей статьѣ о Вашей философіи сдѣлалъ Вамъ мою надпись одинъ разъ навсегда вслухъ всей Россіи.

Не стану касаться многаго. Относительно Толстого—слово. По Вашимъ словамъ, „мой символъ—не Вашъ символъ“. Скажу и обратно: Вашъ символъ—не мой символъ.

Вонмемъ! Ректоръ Саратовской Римско-Католической

Семинаріи Каноникъ Жельвовичъ, очень умный и ученый человѣкъ, лично мнѣ сказывалъ, что профессоръ римско-католическаго богословія въ Кіевскомъ Университетѣ, Головинскій, впослѣдствіи Митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Петербургѣ, высоко-даровитый, очень твердо и очень искусно доказывалъ благотворность инквизиціи для своего времени. Какъ онъ доказывалъ, этого я не помню. Но вотъ, какъ можно доказывать, - цифрами. Какъ Вы думаете, погубила ли инквизиція 100.000 человѣкъ?! Допустимъ, что погубила. Но столько не погубила. Но возьмите, что она въ продолженіе 500 лѣтъ ограждала духовный міръ юныхъ, чуть не дикихъ народовъ. Повѣрьте, я еще чуточку вспоминаю по своимъ дѣтскимъ впечатлѣніямъ, что церковь и наша и католическая, къ которой я соприкасался, могла и можетъ доставлять, думаю, наиглубочайшую отраду по временамъ, а постоянно—тихо отрадное настроеніе духа, чего теперь не доставляетъ Ваша философія, Ваша наука, Ваша разлагающая интеллигенція. Хорошо. Сколько же понадобилось жизней, чтобы разрушить прочность церкви и отстоять реформацію! Тридцатилѣтняя война унесла 20.000.000 жизней! Сколько понадобилось жизней, чтобы воцарить господство разума надъ ортодоксіею Христіанства въ революціи? Тѣ же 20.000.000 жизней! А сколько еще понадобится?! Подумайте о свалкѣ, которая произойдетъ въ Россіи! Устоитъ ли самый народъ? А подумайте, много ль счастья принесла человѣчеству нынѣшняя разпущанность умовъ? Вездѣ пессимистическія жалобы!

Зачѣмъ не клапяться „геніальному“ графу? А вотъ зачѣмъ. Герценъ сводилъ съ ума всю Россію. И вѣдь онъ весьма даровитъ. А свѣдѣній у него было побольше, чѣмъ у графа Толстого, хотя Герцена никто не называлъ геніемъ, даже поклонники его, которыми была также вся интеллигентная Россія. Что и продолжалось, пока Аскоченскій не обругалъ его „псомъ, лающимъ изъ-за подворотни“, а Катковъ не обругалъ „папою, который самъ обезопасивъ себя правомъ Англійскаго убѣжища и выработаннымъ русскими мужиками милліономъ, благословляетъ изъ своего благонадежнаго убѣжища итти Русскую молодежь въ Сибирь“.—Я первый обругалъ Льва Толстого, при всеобщемъ поклоненіи. Хорошо, если-бъ Правительство вылило ему добрый душъ воды на разгоряченную голову...

Чего Вы хотите? Теперь, достовѣрно извѣстно.—Религію толстовскую читаютъ кухарки г. Одессы и мѣщанки г. Ни-

коласва. Слышу, будто сія религія распространена по Россіи милліонами гектографированныхъ экземпляровъ. Появились уже и печатные, и у меня лежитъ экземпляръ. Порадуетесь ли этому даже Вы? Я говорилъ Вамъ, что Толстой отрицаетъ Бога и безсмертіе. Вы мнѣ не вѣрили тогда и защищаете Толстого теперь. Чернышевскій и Писаревъ были честнѣе,—тѣ проповѣдывали голое отрицаніе, не имѣя наглости низвесть глаголемаго „Іисуса“ до себя, до отрицанія Бога и безсмертія.

Доброжелательный

Никаноръ Архіепископъ Херсонскій.

IX.

(С.-Петербургъ), 13 мая 1888 г.

Любезный и сердечно уважаемый

Николай Яковлевичъ,

Добраго Вамъ здоровья и душевнаго мира. Свѣтлый праздникъ я встрѣтилъ здѣсь по обычаю въ трудахъ до изнеможенія, но эти праздничные труды и утомленіе Бога ради составляютъ, въ нашемъ монашескомъ быту, лучшую отраду жизни. Всегда бываетъ жаль праздника, когда онъ уходитъ; всегда думаешь съ грустью, а доживемъ ли до слѣдующаго въ слѣдующемъ году.

III томъ моей философіи я издалъ только потому, что онъ былъ написанъ, сколько написанъ. Продолженія мой трудъ не увидитъ потому, что силы оскудѣваютъ, а главное, времени нѣтъ, другихъ занятій слишкомъ много. Мои мысли устремлены теперь въ иную, совсѣмъ не философскую, совсѣмъ не теоретическую сторону, къ отъѣзду въ Одессу на лѣтніе мѣсяцы, почему мнѣ и думать о моей философіи лѣнь. Но думаю, что именно въ III томѣ я представилъ цѣлую систему моей самодѣльной философіи, систему философскихъ принциповъ. Дальше остается только приложить эти принципы къ частнымъ вопросамъ о бытіи духа. Но я уже не думаю продолжать. Много, что проштудирую Данилевскаго о Дарвинизмѣ, быть можетъ, и Пирогова о цѣлесообразности, о разумѣ природы.... Вѣрнѣе, что и того не сдѣлаю.

Да, о Толстомъ въ предпослѣднемъ Вашемъ письмѣ прозвучала какая-то рѣзкая нота. Я не разсердился. И не по

этому прекратилъ переписку; а потому, что на большихъ разстояніяхъ времени и пространства разрываются всякія, даже ближайшія связи. Это я, какъ уже старый человѣкъ, знаю отлично по опыту. Всегда такъ. Сперва съ близкимъ человѣкомъ перекипишься двумя-тремя письмами, а потомъ переписка обыкновенно прекращается. Общіе интересы изсякаютъ.

Слышу, что Вы у Графа Толстого persona grata. Слышу (знаю), что его творенія лежатъ на столахъ самыхъ Высшихъ въ Россіи особъ. Слышу (знаю), что самыя высокія дамы (за исключеніемъ Высочайшей) лѣзутъ изъ кожи изъ-за Толстого.

Слышу и удивляюсь. Удивляюсь непостижимому недомыслію однихъ. Удивляюсь .... отвагѣ Вашего друга и кумира. Вѣдь это увеличенное въ квадратъ и кубъ: Радуйся, Царю Іудейскій... Радуйся Царю Всероссійскій! и облобыза его... Нѣтъ, нашъ вѣкъ поразительно безнравственъ. Нѣтъ, мы катимся въ какую-то бездну катаклизма... Съ одной стороны великій, пусть — величайшій умъ учиняетъ столь великій грѣхъ.... Съ другой стороны, самый простой умъ Русскаго мужика, умъ, руководившійся до сихъ поръ однимъ страхомъ Божіимъ, напимается за грошъ учинить убійство...

„NN, можешь спустить такого-то кабатчика на тотъ свѣтъ"? — Отчего же, можемъ. Что дашь? — Столько-то. — Ладно. Задатокъ. — Вотъ тебѣ краспенькая. — Ладно, за остальными послѣ приду. — Вѣдь убилъ и за остальными деньгами послѣ пришелъ! Вотъ что ужасно и неслыханно на Руси. Радуйся, графъ Левъ Николаевичъ,—хоть тому, что послѣднюю узду религіи съ народной совѣсти снимаешь, паучая всѣхъ весьма коварно, что все это сказки.

„Юпитеръ, ты сердишься, ты неправъ". Вапальная фраза — Толстовское: не противься злому. Кто-нибудь далъ бы на Вашихъ глазахъ пощечину Вашей матери, изнасиловалъ Вашу жену, хватилъ бы Вашего сынишку за ноги и расквасилъ бы ему голову ударомъ объ уголъ... И Вы были бы въ глазахъ Толстого неправы, если бъ разсердились? Нѣтъ, Вы должны были бы еще посодѣйствовать Вашему обидчику.—Полноте: это противоестественно. Да я и не сержусь на Толстого. Укусить его я не могу. Я только называю вещи по имени. Толстовскую Каренину я не имѣлъ терпѣнія дочитать, тогда какъ отъ романовъ Достоевскаго не могъ отрываться. За что-

же предъ человѣкомъ такое низкопоклонство? Геній, великій учитель. Вѣдь я не видалъ, чтобы Гоголя, чтобы Лермонтова кто назвалъ геніемъ. Вѣдь Гончаровъ, вѣдь Тургеневъ производили переворотъ мыслей. Писаревъ, Добролюбовъ, Чернышевскій проводили свою разрушительную тенденцію честно, открыто подставляя свои лбы, и когда увидѣли, что заврались, одинъ утопился въ морѣ, другой сгорѣлъ отъ быстротечной чахотки, третій пошелъ въ каторгу...

Отчего же Герцена, отчего Достоевскаго не зовутъ геніями? А Вашъ кумиръ, Вашъ Графъ принимаетъ обожаніе... и отъ Васъ... въ Московскихъ своихъ палатахъ, извиняя себя тѣмъ, что это не онъ держитъ свой Московскій домъ...

...Куда итти дальше? ужели можно думать, что такое великое море, и грозное море, какъ великая Русь, всколыхнувшись, не разрушитъ многое... А Вы его колышете до основанія... И первымъ дѣломъ—будетъ только мокро тамъ, гдѣ нынѣ пышные центры интеллигенціи, воздвигаемые на кроваво-потѣлую денежку мужика.

Кстати. Я читалъ Толстовскую Жизнь— въ Свят. Синодѣ; не дочиталъ. Онъ—умъ, правда, тонкій, изворотливый, даже—скажемъ—нидѣ глубокій. Но все это сцѣпленіе самыхъ... шитыхъ нитками софизмовъ. Замѣчательно, что въ Одессѣ чуть ли не съ пѣною у рта бранилъ Толстого самъ великій Мечниковъ, какъ.... вреднѣйшаго противонаучника-мечтателя. Я въ Свят. Синодѣ писалъ критику на Прошедшее философіи Де-Роберти. Жизнь осуждена Московскимъ Духовно-Цензурнымъ комитетомъ; Свят. Синоду оставалось только утвердить. Кстати. Де-Роберти, это—только развитіе и завершеніе Вашей (прежней) философской системы,—анафематствуетъ всякую метафизику, даже позитивистовъ, даже, кажется, Васъ,—пантеизмъ Джордано Бруно, конечно.

Съ глубокимъ доброжелательствомъ кланяюсь Вамъ и супругѣ Вашей, цѣлую Вашихъ дѣтей

Никаноръ Архіепископъ Херсонскій.

А вотъ что Вы тутъ жили-были, да ко мнѣ не зашли, это худо. Тутъ поболтали бы, подѣлились бы мыслями.

PS. Кстати. Мы безъ шутокъ собираемся провозгласить торжественную анаѳему Фофанову, его учителю Толстому, быть можетъ, и Пашкову, да и другимъ кстати.

X.

1889 г. Мая 31, СПБ. напослѣдяхъ.

Любезный и сердечно уважаемый
Николай Яковлевичъ,

Уѣзжаю въ Одессу совсѣмъ, на Вильну, а не на Москву. Журналъ Вашъ я выпишу.

Но какъ человѣкъ дѣла, а не обѣщаній, записываться на страничкахъ будущаго журнала въ качествѣ будущаго сотрудника не желаю. А вотъ если что по части философіи напишу, и Вы напечатаете, то тогда мое имя и появится у Васъ, какъ имя дѣйствительнаго сотрудника.

Благословеніе Господне да будетъ на Вашемъ трудѣ, на Васъ и домѣ Вашемъ.

Всегда глубоко доброжелательный Вамъ и чающій отъ Васъ блага для Россіи, по молитвамъ благочестивой, богобоязненной Вашей матери, которая боится Бога личнаго, а не безличнаго Толстовско-Случевскаго Синтеза жизни,—

Никаноръ Архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

Четыре письма Н. Я. Грота къ отцу [1]).

I.

7 апр., 1889.

Дорогой папа,

Не слышалъ ли ты чего-нибудь новенькаго о журналѣ нашемъ злосчастномъ [2]). Мнѣ говорили люди близкіе къ генералъ-губернатору, что уже рѣшено допустить его только „съ предварительной цензурой“. Если это такъ, то нельзя не пожалѣть о недовѣріи. Вотъ ужъ грубая ошибка будетъ со стороны правительства—враговъ распускаютъ, а друзей прижимаютъ. Я задумалъ журналъ, чтобы отрезвить общество, направить его къ высшимъ духовнымъ идеаламъ, отвлечь его отъ пустой политической борьбы и повседневныхъ дрязгъ, помочь примиренію интеллигенціи съ національными началами жизни, возвратить его къ родной религіи и здравымъ государственнымъ идеаламъ, насколько такое примиреніе и возвращеніе неизбѣжно вытекаютъ изъ утвержденія философской вѣры въ личнаго Бога, безсмертіе души, свободу воли, въ абсолютную красоту, добро и истину.

А они что-то подозрѣваютъ, чего-то боятся, въ чемъ-то не довѣряютъ. Я не хотѣлъ всего изложеннаго выше ставить въ программу, ибо во-1), хотѣлъ все это проповѣдывать *свободно*, а не изъ корысти или по принужденію, а во-2), не хотѣлъ публику огорошивать готовой программой, не сдѣлавъ сначала ничего для возбужденія ея довѣрія въ наши силы и искренность. И вотъ награда! Я зналъ, что у насъ легко получить великія льготы, провозгласивъ громко, что хочешь вести борьбу съ крамолой. Но не правъ ли я былъ, что не хотѣлъ прибѣгать къ этому пошлому средству captationis benevolentiae и хотѣлъ сначала безъ его помощи заручиться довѣріемъ? Вѣдь теперь они меня опять поставятъ въ скверное

---

[1]) Въ настоящій сборникъ мы не включили писемъ Н. Я., главнымъ образомъ, въ виду высказаннаго имъ самимъ (въ маленькой инструкціи по поводу будущаго изданія его трудовъ) желанія, чтобы писемъ его не печатать (см. ниже о его рукописяхъ). Однакожъ письма его, даже къ членамъ семьи, представляютъ чрезвычайно обильный и богатый автобіографическій матеріалъ, которымъ будущій біографъ его не можетъ не воспользоваться. Печатаемъ здѣсь для примѣра 4 письма его къ отцу, относящіяся къ самому разгару его кипучей московской дѣятельности и ярко иллюстрирующія ту характеристику, которая ему дана авторами статей настоящаго сборника. *Ред.*

[2]) Рѣчь идетъ о возникавшемъ тогда журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“.

положеніе. Всего вышеуказаннаго я уже не могу проповѣдывать, не возбуждая кое-въ комъ подозрѣнія, что я хочу получить поскорѣе разрѣшеніе на безцензурное изданіе. Вѣдь они меня свяжутъ именно въ нежелательную для нихъ сторону. Глупо, глупо и глупо! Все у насъ къ сожалѣнію дѣлается глупо. Поэтому и торжествуютъ пахалы, лжецы, обманщики и шуты... Заболтался, прости.

Искренно тебя почитающій сынъ *Николай*.

II.

Москва, 14 дек. 90.

Дорогой и милый папа,

Мы до того за это время замотались всѣ, что я совершенно не успѣлъ своевременно написать тебѣ письмо съ поздравленіемъ [1]). Еще вчера читалъ двѣ лекціи, въ среду двѣ, во вторникъ 4-ую—публичную и такъ какъ все это были послѣднія лекціи предъ Рождествомъ, въ которыхъ я кончалъ свои курсы, то и работы съ ними была масса. Вчера послѣ 2-й и послѣдней лекціи у меня даже закружилась голова, и я чуть не упалъ, а весь вечеръ всетаки пришлось просидѣть за корректурами журнала, которыя я это время запустилъ. Но я надѣюсь, что это письмо всетаки дойдетъ во время, а вмѣстѣ съ тѣмъ пошлю завтра на всякій случай телеграмму.

Отъ души поздравляю тебя отъ всей семьи—съ днемъ 78-л. рожденія и желаемъ тебѣ всѣ еще много лѣтъ также бодро и плодотворно потрудиться на томъ поприщѣ, куда теперь направила тебя судьба [2]) и сдѣлать много, много полезнаго для русской науки. Если бы я могъ со временемъ сдѣлать для русской философіи то, что ты сдѣлалъ и дѣлаешь для спеціальной науки въ Россіи, то почелъ бы себя счастливымъ. Но мой трудъ въ томъ отношеніи представляетъ больше опасностей и затрудненій, что я нашелъ почву еще совсѣмъ неразчищенной и неустановленной,—дѣйствую надъ организаціей силъ совсѣмъ еще хаотическихъ и себя самихъ не понимающихъ и не признающихъ. Онѣ еще сами въ себя не вѣрятъ и часто даже себя отрицаютъ—*мнѣ* приходится одному во всѣхъ и въ себя вѣрить, во всѣхъ вселять убѣ-

---

[1]) 15-го декабря—день рожденія Я. К. Грота.

[2]) Я. К. былъ передъ этимъ назначенъ вице-президентомъ Академіи Наукъ.

жденіе, что мы можемъ быть „силою“ и можемъ двигать массы, вести общество впередъ, его вдохновлять. Можешь себѣ вообразить, сколько мнѣ это стоитъ борьбы, затраты нравственной энергіи, какъ часто я прихожу въ унынie, чтобы потомъ снова ожить и быть въ состоянiи въ другихъ вселить жизнь и вѣру. Если бы дѣло шло только объ исправленiи корректуръ и группировкѣ готоваго матеріала,—по я его долженъ создавать, уговаривать писать, излагать мысли печатно, подгонять лѣнивыхъ, исправлять небрежныхъ, читать мораль начинающимъ, учить иныхъ употреблять правильно русскія слова. А тутъ еще Москва со своими особенными нравами, въ силу которыхъ всякое дѣло зарождается и развивается лишь на почвѣ личной дружбы, въ обстановкѣ салона или трактира. Бѣда, да и только! Сократилъ теперь до минимума свои знакомства и вечерніе выходы, но послѣ каждаго психологическаго засѣданія неизбѣжно участіе въ дружескомъ ужинѣ у Патрикѣева, гдѣ и рождаются идеи новыхъ рефератовъ въ Обществѣ, статей въ журналѣ, гдѣ пьешь брудершафты и создаешь себѣ сотрудниковъ. Такова Московская жизнь въ самомъ корнѣ ея. Купеческій обычай вспрыскиванья всякаго добраго дѣла господствуетъ и въ сферахъ литературныхъ, и если Петербургъ грѣшитъ официальною подтянутостью и педантическою прямолинейностью, то Москва—наоборотъ—грѣшитъ безшабашностью и распущенностью: душа на распашку—вотъ ея девизъ. Ты поймешь, какъ усложняется при такихъ условіяхъ задача философа и общественнаго дѣятеля...

Любящій тебя сынъ *Николай*.

III.

Москва, 26 окт. 91.

Милый папа!

Тотчасъ послѣ диспута Лопатина, который назначенъ на 29 окт., я ѣду въ Петербургъ для объясненій по поводу засѣданія Психологическаго Общества 19 октября и по поводу ноябрьской книги журнала, которая вслѣдствіе доноса „Московскихъ Вѣдомостей“, арестована *до представленія въ Цензуру* (противъ всѣхъ законовъ о печати). Поѣду 30-го, а если не удастся,—31-го. По этому поводу у меня къ тебѣ слѣдующая просьба. Повидай Бычкова и Побѣдоносцева и скажи имъ обоимъ, чтобы подождали принимать какія-либо

поспѣшныя мѣры противъ Психологическаго Общества до моего пріѣзда въ Петербургъ и личнаго объясненія съ ними, ибо едва-ли правильно на доносѣ и клеветѣ основывать правительственныя мѣропріятія. Сегодня я послалъ графу Каннисту, который, слава Богу, принялъ нашу сторону, отвѣтъ Совѣта Психологическаго Общества на его запросъ по поводу засѣданія 19 октября. Самъ Каннистъ былъ на засѣданіи и во время чтенія и во время преній и офиціально подтвердитъ правильность нашего отвѣта. Пусть же и Петербургская администрація немного подождетъ разъясненія истиннаго положенія дѣла.

Не дурно также указать ей, что я и лично сдѣлаю, что въ гораздо большій соблазнъ вводятъ общество своими лживыми доносами „Московскія Вѣдомости“, чѣмъ Психологическое Общество съ его рефератами въ полузакрытыхъ засѣданіяхъ.

„Московскія Вѣдомости“ задались очевидно совершенно революціонною задачею—мутить общество и въ мутной водѣ рыбу ловить. Весьма желательно, чтобы люди честные, какъ ты, помогли разъясненію правды и отклоненію доносовъ. Я тебя прошу переговорить съ Побѣдоносцевымъ потому, что имѣю частное свѣдѣніе, что 21 октября во время его пребыванія въ Москвѣ, разные господа являлись къ нему лично съ доносами на Общество. Твое энергичное слово могло бы ослабить впечатлѣніе клеветы, если ты, конечно, вѣришь мнѣ, что „Московскія Вѣдомости“ извратили всѣ мысли Соловьева и въ рефератѣ и во время преній, а также и мои дѣйствія во время засѣданія.

Я послалъ письма въ редакцію и въ „Московскія Вѣдомости, и въ „Новое Время“. „Московскія Вѣдомости“ пока не напечатали моего фактическаго опроверженія, а напечатали Соловьевское съ новыми клеветами и доносами, чего и слѣдовало ожидать.

Твой *Николай Гротъ*.

IV.

19 ноября, 1892 г.

Милый папа,

Я рѣшилъ отказаться отъ библіотекарства въ Румянцовскомъ Музеѣ. Совѣсть — главное дѣло въ жизни, а я по

совѣсти не могу бросить ни журнала своего, ни Общества (Психологическаго) и вообще своей философской пропаганды и общественной дѣятельности.

Я сознаю и самъ, что служба въ Музеѣ не совмѣстима съ моими теперешними занятіями, такъ какъ я и теперь *слишкомъ много* работаю и часто дохожу до состоянія, въ которомъ чувствую возможность катастрофы. Сегодня, напримѣръ, у меня такое холодѣніе ногъ, отъ чрезмѣрнаго прилива крови къ мозгу (я читалъ 2 лекціи очень трудныя предъ аудиторіей въ 250—300 чел.), что я прямо чувствую, что надо осторожнѣе быть въ работѣ, и завтра не пойду въ университетъ. Если я возьму на себя еще и Музей, то врядъ ли выдержу (т. е. проживу) долѣе года. Но что же можетъ меня заставить промѣнять журналъ на музей? Жалованье въ музеѣ 2.000 р. (1.900 съ чѣмъ-то), а журналъ мнѣ даетъ до 1.000 р.. не считая заработка въ другихъ повременныхъ изданіяхъ (музей и это отниметъ):

Работы въ музеѣ вдвое больше, чѣмъ при журналѣ. Затѣмъ библіотечная работа мало соотвѣтствуетъ моимъ вкусамъ, а журналъ и общество—мое любимое дѣло.

Очевидно, промѣнъ былъ бы нелѣпый и неосторожный. Поэтому, какъ ни важны были бы лишніе 1.500—2.000 р. въ годъ (въ этомъ все дѣло), щадя свою жизнь, нужную для дѣтей, я рѣшилъ (послѣ всѣхъ колебаній) отказаться отъ библіотекарства и завтра напишу объ этомъ Дашкову.

Цѣлую Васъ крѣпко.

Вашъ *Ник. Гротъ.*

МАТЕРІАЛЫ КЪ БІОГРАФІИ Н. Я. ГРОТА.

I.

Автобіографическій очеркъ [1]).

1894 г.

Гротъ, Николай Яковлевичъ, старшій сынъ извѣстнаго академика, филолога и историка Я. К. Грота. Род. 18 апрѣля 1852 г. въ Гельсингфорсѣ, съ 1862 по 1868 годъ учился въ частной гимназіи Видемана, въ С.-Петербургѣ, кончилъ курсъ съ золотой медалью въ Ларинской Петербургской гимназіи въ 1871 г., а въ Петербургскомъ университетѣ, по отдѣленію философіи и психологіи, кандидатомъ въ 1875 г., получивъ золотую медаль за сочиненіе „Опроверженіе Пиѳагорейцевъ и Платона Аристотелемъ въ его метафизикѣ". По окончаніи курса, оставленный при университетѣ, былъ тотчасъ приглашенъ экстраордин. профессоромъ философіи въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ князя Безбородка, но вступилъ въ должность только въ 1876 г., пробывъ годъ за границей, гдѣ изучалъ въ Берлинѣ исторію философіи у Целлера и психологію у Лацаруса, анатомію нервной системы у Рейхерта, а лѣтомъ того же года въ Страсбургѣ логику у Лааса, психологію у Либмана, физіологію у Гольца и гистологію мозга у Вальдейера, въ кабинетѣ котораго работалъ вмѣстѣ съ русскимъ докторомъ Денисенкомъ (къ его статьѣ о строеніи коркового вещества малаго мозга и вещества ретины глаза приложены рисунки

[1]) Эта статья была редактирована или даже составлена самимъ Н. Я. въ 1894 году, по вызову, исходившему, черезъ посредство чешскаго писателя П. О. Папачка и наше, отъ редакціи большого чешскаго энциклопед. словаря Отта. Н. Я., въ виду переутомленія и разстройства здоровья, отдыхалъ въ то время у своего тестя Н. А. Лавровскаго въ Ригѣ, и этому обстоятельству очеркъ обязанъ своею обстоятельностью и точностью. Философская самохарактеристика Н. Я., какъ написанная всего за 5 лѣтъ до кончины, въ важную эпоху новой эволюціи его философскихъ идей, не можетъ не имѣть цѣны для его философской біографіи.

Ред.

работы Н. Я. Грота). Съ осени 1876 г. Н. Я. читалъ психологію, логику и исторію философіи въ Нѣжинскомъ И.-Ф. Институтѣ. Въ 1877 г. напечаталъ первую свою статью „О философскихъ этюдахъ проф. Кіевскаго университета А. А. Козлова“, въ 1878 г. статью „Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа“ и „Essai sur les principes d'une nouvelle classification des sentiments“ въ Парижской, „Revue philosophique“. Въ 1880 г. Н. Я. Гротъ выдержалъ въ Кіевскомъ университетѣ экзаменъ на магистра философіи, и защитилъ диссертацію на степень магистра „Психологію чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ“ (569 стр.) Во всѣхъ этихъ первыхъ работахъ Н. Я. находился подъ сильнымъ вліяніемъ позитивной философіи Ог. Конта и эволюціонизма Спенсера. Въ 1880 и 1881 гг. онъ напечаталъ еще двѣ статьи „По поводу вопроса о психологіи чувствованій“, а также статью „Философія, какъ вѣтвь искусства“. Начиная съ этой послѣдней статьи, Гротъ разрабатываетъ все точнѣе и точнѣе свои взгляды на значеніе философіи, какъ области *систематическаго* знанія, и постепенно переходитъ отъ полнаго отрицанія метафизики, какъ науки, къ признанію сначала субъективнаго, а затѣмъ и объективнаго, научнаго значенія за построительною работою человѣческаго ума въ области выработки общаго міросозерцанія. Въ 1882 г. Гротъ напечаталъ, послѣ года работы въ Тюбингенѣ, свою докторскую диссертацію „Къ вопросу о реформѣ логики“, которую защитилъ съ большимъ успѣхомъ въ Кіевскомъ университетѣ. Въ 1883 г. Н. Я. былъ единогласно избранъ ординарнымъ профессоромъ философіи факультетомъ и совѣтомъ Новороссійскаго университета въ Одессѣ, а въ 1886 г. былъ назначенъ ордин. профессоромъ на ту же каѳедру въ Московскій университетъ. Здѣсь Н. Я. Гротъ сталъ руководителемъ Московскаго Психологическаго Общества, сначала въ качествѣ вице-предсѣдателя, а съ 1888 г. въ качествѣ предсѣдателя его. Въ 1889 г. Гротъ основалъ журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, редакторомъ котораго съ тѣхъ поръ и состоитъ. Продолжая разработку вопросовъ философіи („Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству“, „Къ вопросу о критеріяхъ истины“, 1883 г.), Н. Я. въ Одессѣ переходитъ къ анализу нѣкоторыхъ соціальныхъ и этическихъ проблемъ (двѣ статьи „О прогрессѣ“, 1883 г., двѣ статьи „О свободѣ воли“, 1883—84 гг., „О субъективизмѣ въ соціологіи“, „О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма“, 1884 г., „Эгоизмъ и альтруизмъ“, 1884 г., „О нравственной отвѣтственности“, 1885 г. и проч.), а также разрабатываетъ вопросы „О классификаціи наукъ“ (1884) и „О классификаціи философскихъ системъ“ (1884), литографируя для студен-

товъ въ то же время свои курсы по „психологіи“ и „исторіи философіи“.

Изученіе философіи Джордано Бруно (2 статьи въ 1884—85 гг.) приводитъ его къ увлеченію метафизическими вопросами и вызываетъ его одесскую работу „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“ и продолжительныя занятія Платономъ, Шопенгауеромъ и Кантомъ. Въ Москвѣ онъ дважды издаетъ курсы философіи Платона для студентовъ и (1888) статью „О значеніи философіи Шопенгауера“, а также, въ связи съ прежними работами, „О значеніи чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“ (1889) и „Къ вопросу о задачахъ искусства“ (1888 г.). „Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности“ (1889)— рефератъ, вызвавшій въ 1887 году въ Психологическомъ Обществѣ рядъ сообщеній по тому же вопросу и между прочимъ сообщеніе графа Л. Н. Толстого „О жизни“, обработанное имъ впослѣдствіи въ цѣлую книгу, которую Н. Я. Гротъ редактировалъ, но которая не была пропущена русской цензурой. Въ 1889 г. Гротъ принимаетъ участіе въ психологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ и печатаетъ въ трудахъ съѣзда прочитанный имъ рефератъ „La causalité et la conservation de l'énergie en psychologie“ (1890 г.), а также отчетъ объ этомъ съѣздѣ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“. Занятый редактированіемъ журнала, вокругъ котораго сгруппировались всѣ молодыя силы, работающія въ Россіи по философіи и психологіи и въ которомъ принимаютъ постоянное участіе извѣстнѣйшіе мыслители болѣе старыхъ поколѣній: гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, А. А. Козловъ, Б. Н. Чичеринъ, а также извѣстный родоначальникъ метафизической философіи въ Россіи Владиміръ Соловьевъ и др., Н. Я. Гротъ въ послѣдніе годы печаталъ сравнительно мало. Статьи „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“ (1886 г., вступит. лекція, читанная въ Моск. универс.) и „О направленіи и задачахъ моей философіи—отвѣтъ Архіеп. Никанору“ (1886 г.) послужили какъ-бы введеніемъ къ статьямъ „Что такое метафизика?“ и „Жизненныя задачи психологіи“ (1890 г.), которыя были напечатаны въ „Вопросахъ философіи“ и представляютъ собою, вмѣстѣ съ упомянутою уже статьею „Критика понятія свободы воли“, напечатанной въ трудахъ Психологическаго Общества, попытку изложенія основаній метафизическаго міросозерцанія автора. Въ цѣлой серіи популярныхъ лекцій по исторіи новой философіи до Канта включительно, напечатанныхъ въ журналѣ (1891—93 гг.), Н. Я. Гротъ пытается освѣтить съ точки зрѣнія своихъ метафизическихъ взглядовъ послѣдовательное развитіе философскихъ идей, начиная съ XVII ст.

Статьи „Основаніе нравственнаго долга“ (1892 г.) и „Нравственные идеалы нашего времени“ (1893 г.) представляютъ собою попытку критики принциповъ современной морали.

Въ развитіи философскихъ взглядовъ Н. Я. Грота, еще далеко не законченномъ, необходимо отмѣтить постепенный переходъ отъ реализма къ идеализму, отъ эмпиризма къ метафизической точкѣ зрѣнія. Метафизическая и идеалистическая система Грота основана, однако, на самостоятельной теоріи познанія и приводитъ къ своеобразной метафизикѣ. Это „метафизика внутренняго опыта, самосознанія“, какъ единственнаго непосредственнаго источника нашихъ идей. Весь внѣшній опытъ—только форма и частная область внутренняго. Всѣ состоянія сознанія—идеи, чувства, стремленія—потенціально заключены въ нашемъ духовномъ *я*. Міръ только даетъ поводъ своими возбужденіями къ разряженію и освобожденію, въ формѣ ощущеній, чувствованій, стремленій и движеній, связанной душевной энергіи—энергіи, которая одною своею стороною *является* въ самосознаніи, какъ воля,—другою, какъ воспріятіе, ибо мысль и чувство—только разныя формы воспріятія самого душевнаго содержанія,—объективная и субъективная. Духъ есть непосредственно и объектъ и субъектъ познанія и дѣятельности. Кромѣ своего духа мы ничего не знаемъ. Но въ духѣ своемъ мы находимъ: 1) общее, неизмѣнное, пребывающее—объективное - законы и нормы бытія и, рядомъ съ этимъ, во 2) индивидуальное, измѣняющееся, преходящее—субъективное—эмпирическія явленія. Другими словами, мы находимъ въ своей *личности* соединеніе двоякаго начала: 1) вѣчнаго субстанціальнаго бытія (разума—воли), открывающагося намъ непосредственно въ законахъ психологическихъ, логическихъ, эстетическихъ, этическихъ и, посредственно - въ созидаемыхъ разумомъ же законахъ физическихъ, математическихъ, біологическихъ, соціальныхъ, 2) пространственно-временнаго „бываніе“ или движенія, для объясненія котораго необходимо постулировать чуждое и враждебное духу начало всѣхъ измѣненій—матерію. Матерія есть необходимый *постулатъ* единственно извѣстнаго намъ и непосредственно достовѣрнаго въ его субстанціальномъ бытіи и явленіяхъ духовнаго начала—„разума воли“. Въ сверхъ-индивидуальныхъ и всетаки эмпирически-познаваемыхъ законахъ духовнаго бытія мы находимъ основанія не только для признанія бытія своей души, какъ неизмѣнной и вѣчной субстанціи, но и бытія Бога, или сверхъ-индивидуальной духовной основы *всего*, что̀ въ насъ и внѣ насъ (какъ постулатъ нашего *я*). Всѣ наши *идеалы* (правды, красоты, добра) вытекаютъ изъ познанія въ себѣ самихъ всеобщихъ законовъ верховнаго ра-

зума, творческой свободы, нравственнаго долга. Какъ имманентные намъ, они вполнѣ доступны нашему познанію и выраженію. Самопознаніе есть познаніе *въ себѣ*, чрезъ призму опыта, всеобщей субстанціи міра и законовъ его бытія. Трансцендентное намъ имманентно и открывается намъ въ непосредственномъ нашемъ же психическомъ опытѣ, въ самосознаніи, въ откровеніи чрезъ посредство чувства и мысли того, что истинно и неизмѣнно существуетъ, что возможно и измѣнчиво, и что необходимо или должно быть. Въ мірѣ мы познаемъ чрезъ состоянія своего же сознанія только явленія, но изъ явленій выводимъ ихъ законы, законы механизма смѣны явленій,—въ себѣ мы открываемъ не только явленія, но и бытіе ихъ созидающее, ихъ изъ себя вѣчно изливающее и творящее. Это разумъ—воля, которая въ нашей личности ограничена постулируемой нами же вещественной организаціей, но, за вычетомъ всего индивидуальнаго и субъективнаго, раскрывается намъ въ своемъ абсолютномъ, вѣчномъ и неизмѣнномъ содержаніи, въ своихъ абсолютныхъ законахъ, какъ субстанція сверхъиндивидуальная и сверхъ-временная, но *не сверхъ-личная*, ибо „разумная и свободная духовная личность“ и есть понятіе, выражающее внутреннюю природу этой абсолютной субстанціи.

Таковы основныя философскія мысли Н. Я. Грота, разбросанныя въ разныхъ работахъ его, начиная съ 1886 года. Разборъ развитія и значенія философскихъ взглядовъ Грота въ первый періодъ его литературной дѣятельности далъ Архіеп. Никаноръ въ статьѣ „Значеніе и направленіе философіи Н. Я. Грота“, (Москва, Православ. Обозр. 1886 г.). Очерки дѣятельности писателя до 1890 г., составленные Л. Н. Колубовскимъ, помѣщены въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Эфрона (Т. 19, Спб. 1893 г.) и въ русскомъ переводѣ „Исторіи новой философіи“ Ибервега-Гейнце (Спб. 1890). Н. Я. Гротъ состоитъ почетнымъ членомъ Спб. Общества Экспериментальной психологіи, членомъ-корреспондентомъ Парижскаго Общества физіологической психологіи, Берлинскаго и Мюнхенскаго психологическихъ обществъ, а также дѣйствительнымъ членомъ обществъ московскихъ: Любителей естествознанія, Любителей словесности, Юридическаго, Историческаго, Гигіеническаго и др., и одесскихъ: Общества Естествознанія и Юридическаго.

Подпись: *Вѣрно.*

Николай Гротъ.

Рига, 24 апрѣля 1894 г.

II.

Обращеніе Московскаго Психологическаго Общества къ Н. Я. Гроту, по поводу его отказа отъ званія Предсѣдателя (въ 1892 г.).

Глубокоуважаемый

Николай Яковлевичъ!

Московское Психологическое Общество, въ засѣданіи своемъ 16 января 1892 года, выслушало письмо Ваше, содержащее въ себѣ отказъ отъ званія Предсѣдателя Общества. Не усматривая въ Вашей дѣятельности за послѣднее время ничего, что могло бы поколебать довѣріе къ Вамъ Общества и Вашъ авторитетъ, какъ Предсѣдателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко цѣня труды Ваши, благодаря которымъ занятія Общества приняли плодотворный научный характеръ,—Психологическое Общество, твердо убѣжденное въ томъ, что Ваша энергическая дѣятельность и въ будущемъ принесетъ ему не меньшую пользу, единогласно *постановило*: просить Васъ взять назадъ свой отказъ и не слагать съ себя трудныхъ обязанностей, къ исполненію которыхъ Вы призваны довѣріемъ Общества.

Товарищъ Предсѣдателя *Н. Звѣревъ.*
Л. Лопатинъ.
Библіотекарь *В. Преображенскій.*
Секретарь *Ник. Иванцовъ.*

Члены: *Я. Колубовскій.* *Н. Горбовъ.*
С. Корсаковъ. *И. Огневъ.*
С. Муромцевъ. *В. Гольцевъ.*
Н. Шишкинъ. *А. Корниловъ.*
П. Е. Астафьевъ. *Вл. Дерюжинскій.*
Н. Быковскій. *Кон. Вентцель.*
М. Корелинъ. *Гр. Мамуна.*
Ал. Филипповъ. *Д. Дриллъ.*
А. Абрикосовъ. *Р. Минцловъ.*
Кн. Д. Цертелевъ. *Н. Абрикосовъ.*
А. Петровскій. *В. Михайловскій.*

В. Гіацинтовъ.
А. Токарскій.
О. Леоновъ.
Л. Маклаковъ.
Ѳ. Смирновъ.
В. Шервинскій.
Н Тимковскій.
В. Сербскій.
Н. Баженовъ.
П. Каленовъ.
А. Адольфъ.
П. Ржандковскій.
Н. Брунъ.
Е. Шмитъ.
П. Безобразовъ.
О. Герасимовъ.
Г. Челпановъ.
П. Виноградовъ.
Кн. С. Трубецкой.

III.

Предложеніе объ избраніи Н. Я. Грота въ почетные члены Московскаго Психологическаго Общества

(написанное кн. С. Н. Трубецкимъ).

Въ текущемъ году исполнилось десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Н. Я. Гротъ принялъ на себя обязанности Предсѣдателя Психологическаго Общества. Его трудамъ, его замѣчательной организаторской энергіи оно главнымъ образомъ обязано своимъ процвѣтаніемъ, своей широкой и оживленной дѣятельностью—ученой, издательской и литературной. Его талантъ, его живой умъ, отзывчивый ко всѣмъ нравственнымъ и философскимъ вопросамъ, волнующимъ общество, доставили ему общую и почетную извѣстность. Всѣмъ намъ знакомы заслуги Н. Я. на поприщѣ философской литературы. Но этимъ энергичнымъ литературнымъ трудомъ Николай Яковлевичъ не могъ ограничиться. Какъ философскій писатель, онъ занимаетъ почетное мѣсто въ нашей литературѣ и пользуется извѣстностью не только у насъ, но и заграницей. Какъ дѣятель, посвятившій свою жизнь распространенію философіи въ Россіи и возбужденію интереса къ ней въ самыхъ широкихъ кругахъ, онъ не знаетъ соперниковъ. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ смѣло сказать, что его кипучей, неутомимой дѣятельности, одушевленной одной любовью къ дѣлу, стоявшей выше всякаго тщеславія и мелкихъ личныхъ интересовъ,—дѣятельности, которая поглощала всѣ его силы,—обязано не только Психологическое Общество, но и все просвѣщенное мыслящее русское общество, въ которомъ онъ будилъ интересы къ философіи и распространялъ философскія знанія. Какъ профессоръ, редакторъ, изда-

тель, писатель, онъ преслѣдовалъ неизмѣнно одну и ту-же цѣль— развитія, пробужденія русской философской мысли. Болѣе, чѣмъ свою собственную философію и свое собственное міросозерцаніе— онъ проповѣдывалъ и распространялъ философію вообще въ ея различныхъ формахъ, ученіяхъ и системахъ. Онъ создалъ литературный органъ для русской философской мысли, онъ знакомилъ нашу читающую публику съ классиками древней и новой философской литературы. Въ обществѣ и въ журналѣ онъ умѣлъ сплотить людей самыхъ различныхъ партій и направленій, являясь связующимъ звеномъ между ними.

Поэтому намъ думается, что всѣ мы, безъ различія нашихъ симпатій и тенденцій въ области философіи, можемъ сойтись въ признаніи крупныхъ заслугъ Н. Я., заслугъ передъ литературой, наукой и обществомъ. Поэтому, выражая искреннее пожеланіе, чтобы плодотворная дѣятельность Н. Я. продолжалась много и много лѣтъ, мы предлагаемъ нашему Обществу почтить его избраніемъ въ свои почетные члены.

Подписались: *С. Трубецкой.*
В. Гольцевъ.
В. Ивановскій.
Бернштейнъ.
Н. Ивиновъ.
Ю. Айхенвальдъ.
П. Каленовъ.
Н. Абрикосовъ.
В. Преображенскій.
Н. Шишкинъ.
А. Басистовъ.
Вл. Сербскій.
Ю. Бартеневъ.
А. Бѣлкинъ.
С. Сухановъ.
П. Виноградовъ.
А. Лопатинъ.
Балталонъ.
С. Корсаковъ.
Н. Корелинъ.
А. Токарскій.
Гр. Мамуна.
А. Абрикосовъ.

25 января 1897 г.

IV.

Рѣчь, произнесенная М. Аксеновымъ надъ гробомъ Н. Я. Грота [1]).

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Какъ громомъ поразило меня извѣстіе о твоей смерти. Въ цвѣтѣ силъ, въ разгарѣ кипучей дѣятельности, посвященной непреходящему, истлѣнному благу людей, духовному ихъ благу, безжалостная судьба свела тебя безвременно въ могилу. Вся мыслящая Россія сольется въ одну скорбь объ утратѣ такого, какъ ты, общественнаго дѣятеля. Ударъ, нанесенный твоею смертью сердцу Россіи, колыбели ея просвѣщенія, Москвѣ, болѣзненно отзовется въ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества.

Потрясенный, взволнованный до глубины души, я не могу въ этой рѣчи къ тебѣ вдаться въ подробное изложеніе твоихъ заслугъ, не могу дрожащею рукою вплести въ этотъ возлагаемый мною на твой гробъ вѣнокъ подобающихъ тебѣ пышныхъ цвѣтовъ. Оцѣнка твоей дѣятельности будетъ сдѣлана въ свое время вполнѣ компетентными въ этомъ дѣлѣ людьми; я же ограничусь въ изложеніи твоихъ заслугъ нѣсколькими словами.

Безстрашно выступилъ ты на арену служенія чистой мысли въ то время, когда у насъ было воздвигнуто на нее гоненіе, когда сознаніе нашего общества было окутано черною, какъ ночь, мглою матеріализма, когда духовный горизонтъ его не озарялся идеалами, когда философія была въ полной опалѣ, когда слово *философъ* было бранпымъ словомъ. Двадцать слишкомъ лѣтъ затѣмъ ты держалъ въ неослабѣвавшей ни на одинъ мигъ рукѣ свѣточъ служенія чистой истинѣ; ты служилъ ей словомъ не только съ высоты кафедръ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, но неоднократно и въ западноевропейскихъ центрахъ просвѣщенія; словомъ же ты служилъ ей въ образовавшемся по твоей инпціативѣ Психологическомъ Обществѣ, наконецъ,—перомъ—въ основанномъ по твоей же инпціативѣ единственномъ у насъ органѣ философской мысли, журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“.

[1]) М. С. Аксеновъ—преподаватель, потомъ судья, философъ-любитель, бывшій горячимъ почитателемъ Н. Я. Для послѣдняго какъ нельзя болѣе характерны отношенія его къ г. А., трогательно здѣсь отмѣченныя.
Ред.

И вотъ, благодаря, главнымъ образомъ, тебѣ, стала мало-по-малу разсѣеваться окутывавшая духовное око нашего общества мгла; оно перестало видѣть въ матеріи всесильное божество, стало интересоваться извѣчными *вопросами* человѣческаго духа, и горизонтъ его духовной жизни озарился зарею идеаловъ. Честь, слава, хвала тебѣ за все это! Память о тебѣ будетъ вѣчно жить въ сердцахъ признательныхъ твоихъ соотечественниковъ, имя твое не изгладится никогда со страницъ исторіи русскаго просвѣщенія.

Не могу сойти съ могильной насыпи твоей, не упомянувъ о личныхъ твоихъ ко мнѣ отношеніяхъ. Я не былъ связанъ съ тобою узами плотскаго родства, жилъ вдали отъ тебя и только ежегодно проводилъ лѣто здѣсь, въ Кочеткѣ, съ тобою. Ты служилъ философіи по влеченію и по обязанности; я служилъ и служу ей по влеченію. Ты былъ въ ней спеціалистомъ, я въ ней самоучка. Но ты увидѣлъ во мнѣ родственнаго тебѣ по духу человѣка, товарища по работѣ на одной и той же нивѣ, искренно протянулъ мнѣ около двадцати лѣтъ тому назадъ руку свою и съ тѣхъ поръ ни на одинъ мигъ не вынималъ ея изъ моей руки, поддерживая, ободряя меня, помогая мнѣ своими просвѣщенными совѣтами. Прошлое лѣто я былъ лишенъ удовольствія видѣть тебя здѣсь, въ Кочеткѣ, и бесѣдовать здѣсь съ тобою, но мнилъ съ лихвой вознаградить себя теперь за потерянное. Судьбѣ угодно было, чтобы я увидѣлъ тебя здѣсь, но увидѣлъ хладнымъ, недвижимымъ, бездыханнымъ, чтобы вмѣсто бесѣды съ тобою, живымъ, полнымъ огня, я держалъ къ тебѣ рѣчь, не получая отъ тебя въ отвѣтъ ни одного слова... Но ты слышишь меня, ты видишь, въ какую скорбь повергла твоя смерть меня, близкихъ тебѣ людей, Москву, Петербургъ, всю мыслящую Россію. Покойся же, дорогой, незабвенный Николай Яковлевичъ, въ непарушаемомъ шумомъ столичной жизни безмолвіи этого уголка, въ которомъ ты, какъ истинный философъ, пожелалъ быть погребеннымъ, и радуйся, духовно созерцая плоды твоей на землѣ дѣятельности! Миръ праху твоему! Sit tibi terra levis!

М. Аксеновъ.

Село Кочетокъ.
1899 г., 26 мая.

V.

Библіографическій перечень трудовъ Н. Я. Грота [1]).

1.

Ученые труды, этюды и статьи.

1) Опроверженіе Платона и пиоагорейцевъ по метафизикѣ Аристотеля, 1874/5.

(Медальное сочиненіе, непапечатанное, вносится въ этотъ перечень, какъ 1-й философскій трудъ автора).

2) Козловъ. „Философскіе этюды". Критическій очеркъ,

въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института" 1877 г. и отдѣльно: Кіевъ, 1877 г., стр. 28 (Изложеніе возраженій, сдѣланныхъ Н. Я. на диспутѣ А. А. Козлова).

3) Анатомическіе рисунки строенія малаго мозжечка (къ работѣ д-ра Денисенка),

въ Archiv für microskopische Anatomie, 1877 г., XIV Band, 2 Heft. подъ №№ 6, 7, 8, на таблицахъ VIII и XIV.

4) Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа.

Кіевъ 1878, стр. 68.
(Актовая рѣчь въ Нѣжинскомъ Институтѣ).

Рец.: Л. К. П—въ. „Слово" 1878, 8, 209—210.
„Русск. Рѣчь", 1881, янв.

5) Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments,

въ Revue Philosophique 1878, № 9 и отдѣльно: Paris 1878, стр. 38.

6) Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ.

Спб. 1879 — 1880 г. XIV стр.+569. (Магистерская диссертація).

Рец.: 1) К. К., „Вѣстн. Европы", 1880, 9, 358—369.
2) N.N. „Мысль" 1880, 6, 171—176.
3) Л. К. П. „Русск. Рѣчь" 1880, 9, 379—393.
4) А. А. Козловъ. „Унив. (Кіев.) Изв." 1880, 8, 282—301; 9, 341—355; 10, 389—403; 11, 447—554 (Отд.: Кіевъ 1881, 58 стр.,
5) „Недѣля" 1880, 19.
6) Vierteljahrsschr. f. wiss. Philos. 1881, 2 Heft.
7) „Родимый Листокъ", № 7, 10 стр. 1881 (въ Черновцахъ).

[1]) Въ основаніе этого библіографическаго перечня трудовъ и статей Н. Я. Грота легли перечни, приложенные къ статьямъ гг. Иваповскаго и Лопатина, но онъ значительно пополненъ нами изъ разныхъ источниковъ (между прочимъ и отзывами о работахъ Н. Я.), какъ матеріалами изъ бумагъ самого Н. Я., такъ и сообщенными намъ Я. Н. Колубовскимъ (получившимъ ихъ также отъ автора), которому считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю за то признательность. На сколько-нибудь исчерпывающую полноту эти перечни (какъ и послѣдующіе, заключающіе въ себѣ литературу о Н. Я.) однако отнюдь не претендуютъ, въ виду, такъ сказать, территоріальной разбросанности ученой дѣятельности Н. Я. и многочисленности період. изданій (особ. провинціальныхъ), гдѣ онъ печаталъ и гдѣ о немъ писалось. Мы пользовались также II-мъ том. изд. Венгерова „Источники словаря русскихъ писателей" (Спб. 1910). *Ред.*

7) Философія, какъ вѣтвь искусства,
въ журналѣ „Мысль“ 1880 г., № 8, 4 стр.

8) По поводу вопроса о психологіи чувствованій,
въ „Вѣстникѣ Европы“ 1880 г. № 12, стр. 29.

9) Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій (отвѣтъ А. Козлову),
въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института“. 1881 г., т. III и отдѣльно: Кіевъ, 1881 г., стр. 38.

10) Къ вопросу о реформѣ логики (докторская диссертація).
Лейпцигъ, 1882. XXVI+349 стр.

Рец.: 1) „Вѣстн. Европы“ 1882, 10.
2) „Мысль“ 1882, 10—11, 208—209.
3) Д. „Заграничн. Вѣстн.“ 1882, 10, 22—23.
4) „Недѣля 1882, 52—Отвѣтъ Н. Я. Г-та: „О причинахъ заблужденій ума“ 1883, № 2.
5) П. Роковъ. Новое слово науки. Книга Н. Я. Грота „О реформѣ логики“, Кіевъ, 1883, 28 стр.
6) А. А. Козловъ. Крит. этюдъ о книгѣ г. Грота „Къ вопросу реф. логики“ (Лейпцигъ, 1882). С.-Петерб. 1885, 48 стр.
7) Его же „Русское Богатство“, 1885, 3, 4.
8) Лесевичъ „Русск. Мысль“, 1888, 11, 4.

11) Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству.
Рѣчь, произнесенная на докторскомъ диспутѣ въ Кіевскомъ университетѣ 2 февраля 1883 г., въ газетѣ „Заря“ 1883 г. №№ 27 и 28, и отдѣльно: Кіевъ, 1883 г., 27 стр.

12) Отвѣтъ А. А. Козлову
на его „Замѣчанія“ („Заря“ 1883, №№ 52 и 53) на рѣчь Н. Я. Грота на докторскомъ диспутѣ въ газ. „Заря“, Кіевъ, 1883, № 60, 17 марта. См. А. Козловъ. Замѣтка на „отвѣтъ“ Н. Я. Грота. „Заря, 1883, 20 марта, № 65 и
отвѣтъ Н. Я. Грота: „Письмо въ редакцію“ „Заря“ 1883, 29 марта № 69.

13) Философія и искусство (письмо въ редакцію).
„Заря“, 1883, 19 марта № 62.

14) Къ вопросу о критеріяхъ истины. Возможность научнаго оправданія наивнаго реализма. (Этюдъ изъ области науки о познаніи)
въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1883 г. №№ 4 и 5, 26 стр.

15) Изъ міра науки: загадки знанія,
въ газетѣ „Заря“ 1883 г. Кіевъ, № 108, 20 мая.

16) Опытъ новаго опредѣленія понятія: прогрессъ,
(вступительная лекція въ Новороссійскомъ Унив.).
въ „Одесскомъ Листкѣ“, 1883 г., №№ 266—268 дек. 3—6.
„Заря“ №№ 260, 61, 62, 65, 66, отдѣльно: Одесса, 1883, 21 стр.

Отз.: „Наблюдатель“, 1884, 2, 66—71.
„Открытое письмо проф. Гроту“ С. Р. „Новоросс. Телеграфъ“ 4 янв. 1884 г.
Л. Зейлигеръ. „По поводу теоріи прогресса проф. Грота“, „Одесск. Листокъ“ 20 янв. 1884.

17) Прогрессъ и наука.
„Одесскій Листокъ“, 1883 г., 16 стр.

18) Значеніе науки, какъ фактора прогресса и прогрессъ въ развитіи самой науки.
(Лекція Н. Я. Грота) 1883 Одесск. Лист., дек. 15—16.

19) Отвѣтъ Обыкновенному читателю,
въ „Дѣлѣ“ 1884 г. 11 стр.

20) Къ вопросу о свободѣ воли,
(Публичная лекція) въ „Одесскомъ Листкѣ“ 1884, янв. 11 и 12 и отдѣльно: Одесса 1884 г., 21 стр.

Отз.: „Одесск. Вѣстн.“ 1884, 11 янв.
„Недѣля“ 1884, 32.

21) Еще къ вопросу о свободѣ воли,
въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1884 г., № 3, 23 стр.

22) О субъективизмѣ въ соціологіи (Возраженіе проф. Карѣеву)
въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, 21 февр. и 6 марта 1884 г., и оттискъ 6 стр.

23) Еще нѣсколько соображеній о задачахъ соціологіи и о научномъ анализѣ понятія прогресса,
въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1884.

24) О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній,
(Публичная лекція) въ „Запискахъ Новороссійскаго Университета“ т. XL, 1884 г. 26 стр.
Тоже: „Одесскій Вѣстникъ“, 1883, №№ 62 и 63.

Рец.: 1) „Вѣстникъ Европы“, 1884, 6, 845—848.
2) „Наблюдатель“, 1884, 6, 62—65.
3) „Недѣля“ 1884, 22.
4) „Новое время“ (Эльпе) 1884, 25 октября, № 3111.

25) Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи.
„Русское Богатство“, 1884, №№ 8 и 9; отт.: 40 стр.

26) Къ вопросу о классификаціи наукъ.
„Русское Богатство“, №№ 11 и 12 и отдѣльно: Спб., 1884 г., 70 стр.

27) Эгоизмъ и альтруизмъ передъ судомъ здраваго смысла и науки.
въ „Новп“, 1884 г., № 4, отт.: 25 стр.

Рец.: „Новь“ 1884, 1, 3, 422—447.
„Новости“ 1844, № 344, 13 декабря (А. Скабичевскаго).

28) Джордано Бруно.
(Публичная лекція, 1885. 10 февраля въ Одессѣ); см. слѣд. №

Отз.: „Новороссійскій телеграфъ“ (ст. И. Ж.) 12 февраля.
„Одесскій Вѣстникъ“, 12 февраля.
„Одесскій Листокъ“, 12 февраля.
„Одесскія Новости“, 12 февраля.
(срв. Одесскій Вѣстникъ, Одесскій Листокъ и Новор. Телеграфъ, 1885, 3 января).

29) Джордано Бруно и пантеизмъ.
Въ „Запискахъ Новороссійскаго Университета“, 1884 г. и отдѣльно: Одесса, 1884 г., 86 стр.

Рец.: I. Ю. „Русское Богатство“ 1885, 10, 219—221.

30) Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Джордано Бруно
(Публичная лекція, чит. въ Бирж. залѣ 28 апр. 1885 г.), въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, 1885 г., №№ 98, 99 и 105 и отдѣльно: Одесса, 1885 г., 18 стр.

Отз.: „Новоросс. Телеграфъ“, 1885, 30 апр.
„Одесскій Листокъ“, 1885, 30 апр.
„Одесскій Вѣстникъ“, 1885, 30 апр.
„Заря“, 1885, № 97.

31) О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости, въ „Запискахъ Одесскаго Юридическаго О-ва“, 1885 г., отт.: 47 стр.

Отз.: „Новь“, 1886, VIII, 430.
„Одесскій Листокъ“, 7 мая, 1885.
„Новоросс. Телеграфъ“, 7 мая.
„Одесскій Вѣстникъ“, 8 мая.

32) Русскій Философскій журналъ (А. А. Козлова).
„Одесскій Вѣстникъ“ 1886, 4 янв.

33) Замѣчательный примѣръ множественности состояній сознанія у одного и того же субъекта.
„Одесскій Вѣстникъ“, 1886, 24 января (фельетонъ).

34) Еще объ измѣненіяхъ въ сознаніи личности.
„Одесскій Вѣстникъ“, 29 янв.

35) Предѣлы знанія и антропоморфизмъ.
(Публ. лекція). „Новороссійск. Телеграфъ“, 1886, 10 марта.

Отз.: „Одесскія Новости“, 11 марта.
„Одесскій Листокъ“, 11 марта.
„Одесскій Вѣстникъ“ 11 марта.

36) О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ.
Въ „Запискахъ Новороссійскаго Университета“, т. XLIV, 1886 г., 92 стр.

Рец.: 1) „Сѣв. Вѣстн.“ 1886, 9, 119—123.
2) „Русская мысль“, 1885, 6, 388.
3) „Вѣстн. Европы“, 1886, 7, 418—424.
4) „Наблюдатель“ 1886, 9, 45—47.
5) „Одесскій Вѣстн.“ 1886, 14 января.
6) „Одесскій Листокъ“, 1886, 13 января.

37) Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи
(Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ Университетѣ), въ „Русской Мысли“ 1886 г., № 11; отт.: 41 стр.

О ней Д.: „Вступит. лекція въ Имп. Моск. Унив.“ „Московскія Вѣдомости“, 1886, 14 октября.

38) Къ вопросу о философскомъ журналѣ.
„Русскія Вѣдомости“ 1886, 16 ноября № 315.

39) О направленіи и задачахъ моей философіи.
(По поводу статьи Архіепископа Никанора въ „Православномъ Обозрѣніи").
„Православное Обозрѣніе" 1886 г., № 11, отт.: 18 стр.

Отз. В. В. Лесевичъ, „Русская Мысль" 1888, 1, 9.

40) Извлеченіе изъ сообщенія о свободѣ воли. Общія положенія.
(отд. оттискъ). Москва, 1887 г., 4 стр.

Отз.: „Новости", 1887. № 121, 5 мая
(В. Модестовъ: Въ области философіи).

41) О свободѣ воли.
„Русскія Вѣдомости" 1887, 18 марта, № 75 (фельетонъ), см. „Русскія Вѣдомости", 1887, 16 марта.

42) По поводу одной диссертаціи, подп.: Ф. (Н. Я. Гротъ).
(О кн. А. И. Гилярова, „Греческіе софисты" и пр., Москва, 1888 г.)
„Московскія Вѣдомости", 1889, № 13, 13 января.

43) О значеніи философіи Шопенгауэра.
„Русскія Вѣдомости", 1888 г., №№ 46 и 47.

44) О значеніи философіи Шопенгауэра.
„Труды Московскаго Психологическаго Общества", вып. I, Москва, 1888 г., 39 стр. Это—рѣчь въ юбилейномъ засѣданіи Психологическаго Общества.

45) По поводу вопроса о задачахъ искусства
(Тезисы), Москва, 1888 г., 8 стр.

46) Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка.
(Рѣчь въ год. Собраніи Психологическаго О-ва). Москва, 1889 г., 42 стр.
(см. „Московскія Вѣдомости" 1889, №№ 25, 27 и 29, янв. 25, 27 и 29).

Отз.: „Сѣв. Вѣсти.", 1889, 7, 79—83.

47) Дополненіе къ реферату: значеніе чувства и проч.
Москва, 1889 г. 12 стр.

48) Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности,
въ III выпускѣ „Трудовъ Московскаго Психологическаго Общества" Москва, 1889 г., 106 стр.

Рец.: 1) „Русское Богатство" 1889, 12, 219—220.
2) Р.: статья въ „Московск. Вѣдомост." 1889 ноября, 25 и 26.

49) La causalité et la conversation de l'énergie dans le domaine de l'activité psychique,
въ „Compte rendue du Congrès international de psychologie physiologique", 1 session, Paris, 1890, 17 стр.

50) О новомъ журналѣ.
„Русскія Вѣдомости", 1889 г. № 9.

51) О задачахъ журнала.
„Вопросы Философіи и Психологіи" (1889 г.) № 1, 16 стр.

52) Психологическій съѣздъ въ Парижѣ.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1889 г.) № 1, 22 стр.

53) Что такое метафизика?
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 2.

54) Рецензія ж. „Revue Philosophique“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 2, 9 стр.

55) Отъ редакціи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 3, 3 стр.

56) Отъ редакціи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 4, 4 стр.

57) Жизненныя задачи психологіи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 4, 52 стр.
Отз.: „Русская мысль“ 1890, 10, 462.

58) Введеніе въ исторію новой философіи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1891 г.) № 7, 25 стр.

59) Еще о задачахъ журнала.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1891 г.) № 6, 6 стр.
Отз.: О вступительной статьѣ П. Я. Грота („Вопр. Фил. и Псих.“). „Русское Богатство“ 1891, 2, 159.

60) Основные моменты въ развитіи новой философіи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ №№ 8, 9, 10, 13, 17 и 20; (1891—1893 г.), всего 147 стр.
Рец.: 1) „Русск. Мысль“ 1891, 12, 564; 1893, 4, 169; 12, 579, 1894, 10, 499.
2) Як. Н. Колубовскій „Философск. Ежегодн.“ 1893, 205; 1894, 242, 648.
3) „Литерат. прил. къ Нивѣ“ 1894; 11, 556—557.
4) А. Н. „Образованіе“. 1894, 11, 447—450.
5) Л. Е. Оболенскій „Одесск. Листокъ“ 1894, 291.
6) „Вѣстн. Европы“ 1895, I, 2.

61) Рецензія ж. „Annales des sciences psychiques“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1891 г.) № 8, 3 стр.

62) Рецензія на сочиненіе князя Трубецкого „Метафизика въ древней Греціи“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 2, 3 стр.

63) Рецензія на сочиненіе г. Струве „Введеніе въ Философію“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 4, 3 стр.

64) Рецензія на сочиненіе W. James'a „The Principles of Psychology“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 5, 2 стр.

65) Рецензія на переводъ избранныхъ сочиненій Лейбница, изданіе Московскаго Психологическаго Общества.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 5, 1 стр.

66) Рецензія (подпис.: Б.) на переводъ Ибервега-Гейнце—Исторіи новой философіи, съ „Очеркомъ философіи у Славянъ“ Я. Колубовскаго.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1890 г.) № 5, стр. 97.

67) Рецензія на сочиненіе Paul Carus'a „The soul of man“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1891 г.) № 8, 2 стр.

68) Рецензія на сочиненіе Л. М. Лопатина „Положительныя задачи философіи“, ч. II.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1891 г.) № 10, 10 стр.

69) Основаніе нравственнаго долга.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1892 г.) №№ 12 и 15, 61 стр.

Рец.: „Русск. Мысль“ 1892, 11, 522.

70) Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1893 г.) № 16, 25 стр. и брошюра. 3-е изданіе, 1894 г.

Чешск. переводъ: Nietzsche a Tolstoj od. prof. N. Grota v Moskvě въ ж. „Rozhledy“, seš. 18, г. 1898 и отд. оттиски.

71) Некрологъ П. Е. Астафьева.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1893 г.) № 18, 6 стр.

72) Рецензія на сочиненіе Виндельбанда „Исторія древней философіи“, пер. подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1893 г.) № 20, 2 стр.

73) Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1894 г.) № 21, 19 стр.

Рец.: 1) Л. П. Колубовскій. „Философск. Ежегодн.“. 1894, 239.
2) Русск. Мысль“. 1894, 8, 388.

74) О времени.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1894 г.) №№ 23, 24 и 25, 117 стр.

Рец.: 1) „Русск. Мысль“. 1894, 8, 388.
2) Л. П. Колубовскій. „Философск. Ежегодн.“. 1894, 241.
3) Ю. А. Метафизика и логика. По поводу ст. проф. Грота „О времени“ (съ 9 рис.), Херсонъ. 1896, 72 стр.

75) Замѣтка редактора (по поводу письма д-ра Н. Пясковскаго).
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1894 г.) № 22, 2 стр.
Еще редакціонная замѣтка (по поводу письма проф. Чижа), тамъ же, № 25, стр. 728.

76) Устои нравственной жизни и дѣятельности.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1895 г.) № 27, 24 стр.
„Тезисы“ къ этому реферату, особ. оттискъ.

Рец.: „Русская Мысль“. 1895, 4, 157.

77) Къ читателямъ.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1895 г.) № 30, 4 стр.

78) Основанія Экспериментальной Психологіи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1895 г.) № 30, 52 стр.
Рец.: „Русская Мысль“. 1895, 12, 610—612.
Гольцевъ, „Нѣсколько словъ въ возраженіе Н. Я. Гроту“.
„Вопр. Ф. и Пс. № 31, стр. 65—7.

79) Рецензія на сочиненіе Ladd'a: „An Essay of Metaphisics of Psychology“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1895 г.) № 30, 5 стр.

80) Рецензія на сочиненіе Wundt'a: „Logik. Methodenlehre“, 2 Abteil. 2 Aufl.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1895 г.) № 30, 2 стр.

81) Рецензія на сочиненіе Г. И. Челпанова: „Проблема воспріятія пространства“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1896 г.) № 35, 5 стр.

82) Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія.
Рѣчь въ Психолог. Обществѣ, „Вопросы Философіи и Психологіи“ (1896 г.) № 32, 38 стр.

83) Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1896 г.) № 32, 4 стр.

84) О жизни и личности Декарта.
(Рѣчь въ торж. засѣданіи Психологич. Общ. въ память 300 л. рожденія Декарта, 12 и 19 окт. 1896 г.).
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1896 г.) № 35, 15 стр.
Объ этомъ юбилеѣ и рѣчи: „Историческій Вѣстн.“. 1896, LXVI, 1102.

85) Понятія души и психической энергіи въ психологіи.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1897 г.) №№ 37 и 39, 73 стр.
„Тезисы“ къ сообщенію Н. Я. Грота „О значеніи понятія психической энергіи“, особ. оттискъ.

86) Рецензія на сочиненіе Вл. Соловьева: „Оправданіе добра“.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ (1897 г.) № 36, 5 стр.

87) Критика понатія прогресса.
Рефератъ въ Психолог. Обществѣ. „Вопросы Философіи и Психологіи“ (1898 г.) № 45, 24 стр.
Рец.: „Русская Мысль“. 1899, 1, 6.

88) Основные моменты въ развитіи новой философіи.
Москва, 1894 г., 256 стр. (Изданіе „Посредника“).

89) А. Фулье. „Декартъ. Его жизнь и сочиненія“.
Съ приложеніемъ статьи Виндельбанда о Спинозѣ. — Перев. подъ редакціей проф. Н. Я. Грота. Москва. 1896. (Изданіе „Посредника“).

90) Очеркъ философіи Платона.

Москва, 1897 г., 189 стр. (сокращенное изданіе курса, читаннаго въ Московск. Унив. 1891 г.) Изданіе „Посредника".

Рец.: 1) „Недѣля", 1897, 11.
2) Литерат. прил. къ „Нивѣ", 1897, 6, 433.

91) Вильгельмъ Вундтъ. Очеркъ психологіи.

Перевелъ съ разрѣшенія автора Д. В. Викторовъ, подъ редакціей, съ предисловіемъ, примѣчаніями и статьей П. Я. Грота „Основанія экспериментальной психологіи". Москва, 1897 г. (выпускъ V изданія Трудовъ Московскаго Психологическаго Общества).

Рец.: 1) „Новое Время". 1897, 7502.
2) „Сарат. Лист." 1897, 10.
3) „Журн. Мин. Нар. Просв." 1897, 6.
4) „Русск. Вѣдомости". 1897, 6.

92) Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie

von Nicolaus von Grot in Moscau въ „Archiv für systematische Philosophie" IV Bd., 1898, III Heft, S. 257—335 (это переводъ русской статьи соотвѣтствующаго названія, съ предисловіемъ и дополненіями) и отд. оттиски.

93) Статьи въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона („Декартъ", 19 полутомъ, стр. 303—307, „Психологія", 50 полутомъ, стр. 677—683 и другія, меньшія).

94) Предисловіе къ переводу Старынкевича—книги Г. А. Гирна „Анализъ вселенной въ ея элементахъ", съ франц., М. 1898 (Труды М. Псих. Общ., вып. VI).

95) Систематическій каталогъ Архива Московскаго дворянства съ предисловіемъ къ нему П. Я. Грота. Москва, 1898 г. XLIX+532 стр. (послѣдніе листы (ок. 7 л.) каталога, до стр. 646, уже набранные, заключавшіе въ себѣ: „Частныя дѣла дворянъ и крестьянскія дѣла", были исключены изъ изданія Моск. дворянствомъ).

96) Тезисы къ рефератамъ Н. Я. Грота въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ:

а) къ реферату „Самонаблюденіе—единственный источникъ познанія душевной жизни" (съ возраженіями С. Корсакова и В. Гольцева).

„Вопросы Фил. и Псих.", № 6, стр. 89—9.

б) положенія Н. Я. Грота—противъ положеній А. И. Введенскаго къ его сочиненію „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія".

„Вопросы Фил. и Псих.", № 16, стр. 117—118.

в) тезисы по вопросу о „Значеніи идеи параллелизма въ психологіи.

„Вопросы Фил. и Псих.", № 21, стр. 166—168.

г) Тезисы и пренія по рефератамъ „О времени".
„Вопросы Фил. и Псих.", № 26, стр. 93—109.

д) Тезисы къ реферату (рѣчи) „Устои нравственной жизни и дѣятельности".
„Вопросы Фил. и Псих.", № 30, стр. 633.

е) Тезисы къ реферату „О значеніи понятія психической энергіи":
„Вопросы Фил. и Псих.", № 37, стр. 374—377 [1]).

2.

Мелкія статьи по общественнымъ вопросамъ.

97) Корреспонденція изъ Берлина.
„Новое Время", 16 января 1876.

98) Объ умственномъ пролетаріатѣ
(Письмо въ редакцію). „Новое Время", 1881, № 1864.

99) Еще о кровныхъ бракахъ.
„Новое Время" 1882, № 2356.

100) Отчетъ Комитета по сооруженію бюста Н. В. Гоголю въ Нѣжинѣ (составл. членомъ Комитета Н. Я. Гротомъ). „Кіевлянинъ", 1881, 6 сент.

101) Мнѣніе профессора объ университетскомъ вопросѣ
(Письмо въ редакцію). „Недѣля", 1881, 25 янв. № 4 и № 5.

102) Еще объ университетскомъ вопросѣ.
„Недѣля", 1881, 22 марта, № 12.

103) По университетскому вопросу.
Газ. „Заря", 1882, № 285.

104) Что нужно нашимъ университетамъ?
Газ. „Заря", 1883, 27 янв.

105) Голосъ присяжнаго.
„Недѣля" 1883, № 15 (10 апр., подп.: Г.).

---

[1]) Кромѣ того Н. Я. Гротомъ въ Психологическомъ Обществѣ были прочитаны рефераты:
въ 1888 г. (17 марта) „Объ отношеніи методовъ и задачъ психологіи и философіи".
„ 1888 г. (5 ноября) „По поводу Этики Гефдинга",
„ 1889 г. (2 декабря) „О задачахъ Метафизики".
„ 1892 г. (10 октября) „Типическія формы Эвдемонизма".
„ 1893 г. (21 февраля) Рѣчь: „Психологическое Общество и его значеніе для развитія философской мысли въ Россіи",
„ 1894 г. (18 ноября) „Основанія экспериментальной психологіи".

106) Корреспонденція изъ Нѣжина. 1883.
„Новое Время“, 1883, 23 сент.

107) О диссертаціяхъ на публичныхъ диспутахъ. Письмо въ редакцію. Н. (Н. Я. Гротъ).
„Московск. Вѣдомости“, 1889, № 14, 14 янв.

108) Рядъ статей по университетскому вопросу и о техническомъ образованіи въ газетѣ „Новое Время“ за 1896 и слѣд. годы.
Между прочимъ:
„Наши ученыя степени“, янв. 18, 1897, № 7505.
„Университетскій вопросъ“, янв. 19, № 7506.
„Еще объ университетскомъ вопросѣ“, 25 янв.
„Университетскій бытъ и выборное начало“, 1 февр.
„Къ вопросу о техническихъ факультетахъ“, 19 окт. 1897.

109) Этика и Голодъ, помѣч. 15 сент. 1891 г.
(Въ корректурныхъ гранкахъ). Статья была написана для „Вопросовъ филос. и психологіи“, была уже отпечатана въ № 10 „Вопросовъ“, но затѣмъ, по требованію цензуры, была вырѣзана вмѣстѣ со статьями Л. Н. Толстого „О голодѣ“ и Вл. С. Соловьева „О причинахъ упадка средневѣковаго міросозерцанія“.
О голодѣ.
(То-же въ друг. ред.) 1891 г. съ отмѣткой: для 10 кн. „Вопросовъ ф. и пс.“.

110) Изъ поѣздки по неурожайнымъ уѣздамъ.
Въ „Одесскомъ сборникѣ“ 1892 г.

111) Юбилей А. А. Фета, съ адресомъ Психологич. Общества А. А. Фету.
„Московск. Вѣдом.“ 1889. №№ 29 и 30, янв. 29 и 30.

112) „Письмо къ издателю по поводу фельетона Ю. Николаева въ „Моск. Вѣд.“: „Ученое простодушіе и уличное лукавство“.
„Москов. Вѣдом.“ 1890, 18 дек., № 349. (Отвѣтъ Ю. Николаева, тамъ же).

3.

Литографированныя изданія.

Карты: 1) древней Италіи и 2) древней Греціи (для студентовъ) Спб., 1874 г., сост. Н. Я. Гротъ, изд. А. И. Плетневъ.

Лекціи по психологіи.
Одесса, 1884 г., 248 стр.

Введеніе въ курсъ исторіи философіи.
Одесса, 1884 г., 199 стр.

Лекціи о философіи Платона.
Москва, 1888 г. 260 стр. Тоже, 2-е изданіе. Москва, 1889 г.

Общія основанія Психологіи.
Москва, 1890—91 гг., 122 стр.

Основные вопросы философіи XVII и XVIII вв. Десять публичныхъ лекцій.
Москва, 1891 г., 165 стр.

4.

Статьи не напечатанныя.

А. Статьи оконченныя.

Біографія Демосѳена оратора (рукопись), *первая студенч. работа*, составилъ студ. I курса Николай Гротъ. Янв. 1872 г., 46 стр.

Дневникъ Н. Я. Грота во время путешествія по Волгѣ (въ студенческіе годы) лѣтомъ 1874 г. (рукопись)

Ю. Ѳ. Самаринъ (Воспоминанія, рукопись), помѣч. 3 апр. 1876 г.

По университетскому вопросу (рукопись). Статья вчернѣ, помѣч. 10 февр. 1876 г.

О рефератѣ профессора Беца (объ особенностяхъ мозга женщинъ, напеч. въ г. „Зарѣ“) (рукопись), начала 1880-хъ гг.

Вѣра въ прогрессъ (рукопись).
(Отвѣтъ г-ну Эльпе на его статью въ „Нов. Время“ 1884 г., 25 окт. № 3111), ненапечат. („Пов. Время“ отказалось напечатать).

Этика и Голодъ, и О голодѣ (въ корректурахъ и въ книжкѣ „Вопросовъ“, не пропущенной цензурой), см. выше, отд. 2-ой.

Статья „Отъ Редакціи“ въ корректурѣ, была предназначена для 15-й книги. „Вопросовъ Фил. и Пс.“ 1892.

Психологическія соображенія о школьномъ дѣлѣ.
Рукопись (вѣроятно, послѣднихъ лѣтъ).

Къ вопросу о новомъ міросозерцаніи (рукопись).
Публичная лекція въ Московск. Историч. Музеѣ 19 апр. 1897 г.

Б. Статьи не оконченныя и наброски.

О Философіи.
(По вопросу о ней, какъ наукѣ или вѣтви искусства). Рукоп., статья не окончена, 1882 г.

Статья-письмо: Къ естествоиспытателямъ и медикамъ—съ вопросами психолога.
(3 наброска рукописныхъ, помѣч. окт. 1883 г.).

Задачи Философіи.
Набросокъ (начало), рукоп. 1886 г.

Что мнѣ дѣлать? Дневникъ умнаго человѣка. Сочиненіе Митюхи Валдайскаго [1]).
(Некопченная рукопись, помѣч. 5 іюля 1887 г.).

Размышленія о настоящемъ и будущемъ.
Начало наброска статьи, рукопись, вѣроятно, 1880-хъ гг.

Въ поискахъ за новымъ міровоззрѣніемъ. I. Задачи Философіи
(Начало статьи; рукопись неизвѣстнаго года).

О Философіи.
Начало наброска (рукопись); нач.: „Философія прежде всего должна быть связана съ жизнью“ (неизвѣстн. года).

Размышленія провинціальнаго любомудра.
(Воображаемый фельетонъ философа, подпись: „Каменщикъ“ неизвѣстнаго года).

О положеніи Россіи въ 1892 году (рукопись).
Начало наброска для задуманной брошюры (которую авторъ думалъ издать за границей) 1892 г.

Франц. статья о журналѣ „Вопросы Фил. и Психол.“
Problèmes de philosophie et de Psychologie. M. 1889—1892 гг., рукопись 1892 г. (неоконч.).

О направленіяхъ Психологіи, какъ науки.
Рукопись (неоконч., вѣроятно послѣдн. лѣтъ).

VI.

Библіографическій перечень статей, очерковъ, отзывовъ и извѣстій о Н. Я. Гротѣ и его дѣятельности.

1.

Статьи и отзывы при жизни Н. Я. Грота.

А. Къ Біографіи Н. Я. Грота.

О Н. Я. Гротѣ:
См. „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“ (1852—3 гг. т. III Спб. 1896, стр. 582—3, 595).

[1]) Имя заимствовано изъ названія пьесы дѣда П. Я. по матери, автора-драматурга П. Н. Семенова.

А. А. Кочубинскій. Очеркъ учено-литературной дѣятельности профессора Н. Я. Грота. Одесса 1883 г. (изъ университетскихъ Записокъ).

„Н. Я. Гротъ“ (по поводу его назначенія профессоромъ въ Новороссійск. университетъ и его вступительной лекціи).
„Одесскій Листокъ“, 1883 г., 1 дек.

Труды профессора Грота (Письмо въ редакцію Студента (Гутора).
„Одесскій Листокъ“, 21 сент., 1883 г.

О докторскомъ диспутѣ Н. Я. Грота въ Кіевѣ 1883 г.
„Заря“ 4—7 февр. 1883 г.
„Одесскій Вѣстникъ“, 8 февр. 1883 г., № 30 (письмо изъ Кіева).
„Недѣля“ (С. Н. Кулябка) 1883 г. № 14, 3 апр.

А. И. Марковичъ о Н. Я. Гротѣ
въ изд. „25-ти-лѣтіе Импер. Новороссійскаго Университета“.
Одесса, 1890 г., стр. 312—15.

Я. Н. Колубовскій о Н. Я. Гротѣ:
Брокгаузъ-Эфронъ. Энцикл. Словарь, т. IX-А 1893 г., стр. 775—777.

Я. Н. Колубовскій о Н. Я. Гротѣ:
Приложеніе къ перев. Ибервега-Гейпце—Исторіи Новой Философіи, 1890 г. „Очерки Философіи у Славянъ“, стр. 565—68. Также и въ нѣмецкихъ изданіяхъ этой книги.

Я. Н. Колубовскій о Н. Я. Гротѣ:
Philosophie in Russland. „Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik“ Bd. 106.

О Н. Я. Гротѣ (о приведеніи имъ въ порядокъ архива Московск. дворянства).
„Историч. Вѣстн.“ 1898 г., LXXIV, 399.

Б. Философская дѣятельность Н. Я. Грота.

Статья Обыкновеннаго читателя.
„Дѣло“. 1883 г., VIII, IX, XI.

О публичн. лекціяхъ Н. Я. Грота въ Одессѣ:
(О предѣлахъ знанія; Возможно ли достовѣрное знаніе нравственныхъ законовъ?): И. Ж. „Новороссійск. Телеграфъ“ 1886 г., 5 апр.; „Одесск. Листокъ“, 1886 г., 4 апр.; „Одесск. Вѣстникъ“, 1886 г., 15 апр. „Одесск. Листокъ“, 1886 г., 21 марта.

Никаноръ, архіепископъ Херсонскій. „Направленіе и значеніе философіи Николая Грота“.
„Православн. Обозрѣніе“. Октябрь, 1886 г., 270—320 стр.

І. Юзовъ.
„Русское Богатство“, 1887 г., 12, 118.

О Н. Я. Гротѣ:

„Новь", 1888, XXIV, 24.
Моз., 286 (Портр. Галлерея совр. русск. ученыхъ).
„Русская Мысль" (ст. Т.) 1888 г., 3, 157—167.
„Русская Мысль", 1890, 2, 97.
„Русская Мысль", 1891, 5, 218; 1892 г., 12, 186.

Еще о немъ; А. Волынскій.

„Сѣверный Вѣстникъ", 1891 г., 2, 162—164.

М. А. Протопоповъ.

„Русская Мысль", 1893 г., 2, 127—134.

О. Т. В.

„Русская Мысль", 1893 г., 6, 72—73.

Я. Н. Колубовскій.

„Философ. Ежегодникъ", 1893 и 1894 гг.

Н. К. Михайловскій.

„Русское Богатство", 1894 г., № 12.

П. В. Мокіевскій. О „Программѣ по философіи", Н. Я. Грота.

„Русская Мысль", 1895 г., 3, 34—40.

Эльпе.

„Новое Время", 1897 г., 7736 и 7744.

В. Редакторская дѣятельность Н. Я. Грота.

Редактированіе „Извѣстій Ист.-Филолог. Института кн. Безбородко, въ Нѣжинѣ", 1877—1882 гг.

Отз. объ „Извѣстіяхъ Ист.-Филолог. Инст. кн. Безбородко:
1) „Указат. по дѣламъ печати", 1877, 14—15.
2) „Русская Старина", 1879 г., 11.
3) „Др. и Нов. Россія", 1879 г., 10 и 11; 159—180 и 377—388.

О Трудахъ Московскаго Психологическаго Общества (II-й выпускъ) (о Н. Я. Гротѣ):

„Южный Край", 1889 г., 11 авг.

О. Гади. Первый Русскій Философскій журналъ „Вопросы Философіи и Психологіи" подъ ред. Н. Я. Грота.

„Русск. Филолог. Вѣстникъ", 1889 г., Варшава, № 4, 79—87 стр.

Редактированіе журн. „Вопросы Философіи и Психологіи". М. 1889—1896 гг.

Нѣкоторые отзывы о журналѣ:
1) „Сѣв. Вѣстникъ", 1889 г., 12, отд. II, 124—128; 1890 г., 4, отд. II, 78—81.
2) „Ист. Вѣстн.", 1889 г., XXXIX, 1, 192; 1890 г., XL, 4, 224 (Ст. С.).
3) Г. „Южный Край", 1889 г., 3002—3004.
4) „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ.", 1889 г., ч. CCLXVI, дек., отд. II, 567.

5) „Русск. Богатство“, 1889 г., 11, 201 -204; 1890 г., 11, 236—241; 1891 г. 2, 159
6) „Русск. Мысль“, 1890 г., 4; 1892 г., 10, 461—463; 1891 г., 1, 9, 1893 г., 2, 63—65.
Тамъ же, 1889 г., 10, 441.
7) „Востокъ“, 1890 г., 11 ноября № 314 (передов. статья).

Еще о журналѣ:

О. Гади. „Варшавскій Дневникъ“, 1889 г., декабря 12 и 16.

Ю. Николаевъ. Новый Философскій журналъ „Московск. Вѣдом.“, 1889 г., ноября 22 и 23.

Ю. Николаевъ. Въ чемъ же дѣло? По поводу статьи Н. Я. Грота „Еще о задачахъ журнала“ (въ „Вопр. Филос. и Псих.“ кн. 6) „Моск. Вѣд.“, 1891 г.

В. С. Соловьевъ. „Письмо къ редактору (О заслугѣ В. В. Лесевича).
„Вопросы Философіи и Психологіи“. 1890, кн. 5, стр. 317.

Алексѣй Веригинъ. „Отклики“. „Нов. Время“, 1892 г., 23 ноября № 6013.

Ю. Николаевъ „Сила вещей“. По поводу журн. „Вопросы Философіи и Психологіи“ „Моск. Вѣдом.“, 1892 г.

Портретъ Н. Я. Грота.
(Къ десятилѣтію редактируемаго имъ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“).
„Нов. Время“. Приложеніе, 1899 г., 20 января, № 8225.

О Психологич. Обществѣ, журналѣ его, о русскихъ философахъ:
Note sur la litterature russe. E. Halpérine-Kaminskij, см. Cosmopolis, Juillet, 1897 г., (стр. 17 etc.).

Письмо Н. Я. Грота къ Издателю (по поводу нападокъ на Общество за рефератъ В. С. Соловьева).
„Моск. Вѣд.“. 1891 г., 27 окт., № 297 и полемика по этому поводу: „Москов. Вѣд.“ 1891 г., 29 и 30 октября; 1892 г., 11 янв.

2.

Некрологи, статьи, воспоминанія и проч., послѣ кончины Н. Я. Грота.

Похороны Н. Я. Грота (корреспонденція).
„Русскія Вѣдомости“ 1899, № 146.

Панихида по Н. Я. Гротѣ—въ церкви Московск. Университета—на заупокойномъ богослуженіи по А. С. Пушкинѣ 24 мая 1899 г.
„Московск. Вѣдомости“ 1899, 25 мая.

Памяти Н. Я. Грота. (О засѣданіи Психолог. Общ.).
„Московск. Вѣдомости“ 1899 г., 27 мая.

Проф. Л. М. Лопатинъ. „Н. Я. Гротъ“, „Вопросы Философіи и Психологіи“. 1899, III, кн. 48.
Еще его статья полнѣе въ изд. «Рѣчь и отчетъ Императорскаго Московскаго Университета—за 1899 г.», см. въ настоящ. сборникѣ.

В. П. Иваповскій. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота.
„Вопр. Фил. и Псих.“ кн. 51. М. 1900 г. и въ наст. сборн.

В. И. Шенрокъ. Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ.
„Историческ. Вѣстникъ“ 1899, сентябрь, т. LXXVII.

В. И. Шенрокъ. Н. Я. Гротъ. Біографическій очеркъ.
Въ изд. „Н. Я. Гротъ, Философія и ея Общія Задачи“, Спб. 1904 г. и въ настоящ. сборникѣ.

Вл. С. Соловьевъ.
„Вѣстникъ Европы“ 1899, (іюль) 7, 456 (и въ настоящ. сборникѣ).

Вл. С. Соловьевъ. „Три Характеристики“.
„Вѣстникъ Европы“ 1900, янв. (и въ настоящ. сборникѣ).

Э. Л. Радловъ. Н. Я. Гротъ.
„Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1899, № 11, и въ настоящ. сборн.

Ю. Айхенвальдъ. Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота.
„Вопр. Филос. и Психол.“, кн. 51, 1900 г. и въ настоящ. сборн.

П. П. Соколовъ. Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель.
„Вопр. Филос. и Психол.“ кн. 51, 1900 г.

П. П. Соколовъ. Философскій Скиталецъ. Памяти Н. Я. Грота.
„Богословскій Вѣстникъ“, 1899 г., іюнь—іюль, ноябрь—декабрь.

П. П. Соколовъ. Философскіе взгляды и научная дѣятельность Н. Я. Грота.
Въ сборн.: „Н. Я. Гротъ“. Философія и ея общія задачи 1904 г. и въ настоящ. сборникѣ.

Алексѣй И. Введенскій.
„Моск. Вѣдомости“ 1899, 141 и 162 (и въ наст. сборникѣ).

Г. И. Челпановъ. Памяти проф. Н. Я. Грота.
„Кіевлянинъ“ 1899 г. № 145. (тоже „Русскій Трудъ“, 1899, № 25, съ портретомъ) и въ настоящ. сборникѣ.

Г. И. Челпановъ. Воспоминанія о Н. Я. Гротѣ.
Въ настоящ. сборникѣ, стр. 188—196.

Д. В. Викторовъ. Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора.
„Вопр. Фил. и Психол.“ кн. 51, 1900 г. и въ настоящ. сборникѣ.

Александръ Никольскій. Н. Я. Гротъ (1852—1899) и его философскіе труды.
„Вѣра и Разумъ". 1903 г., №№ 13 (стр. 23—58), 14 (78—108), 15 (145—172), 16 (211—228), 17 254—284), 21 (409—432), 22 (433—449), 23 (471—485), 24 (513—534).

В. Гольцевъ. Н. Я. Гротъ, некрологъ.
„Русск. Вѣдомости" 1899 г. № 142.

Л. Е. Оболенскій. Изъ моихъ воспоминаній о Н. Я. Гротѣ.
„Высокій нравственный образецъ". „Одесскій Листокъ" 1899 г. № 212 (и въ настоящ. сборникѣ).

С. Кулябка. Памяти Н. Я. Грота.
„Научн. Обозрѣніе" 1899 г., № 9 (сент.), стр. 1746—50.

С. Прядкинъ. Некрологъ Н. Я. Грота, въ статьѣ «Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти».
„Филологич. Записки" Ворон., 1899 г. вып. III—IV.

Н. Тамаринъ. Памяти мыслителя.
„Южный Край". 1904 г. 24 янв. № 7985.

Некрологъ Н. Я. Грота.
„Историч. Вѣстн." 1899 г., LXXVII, 377—381.

В. Шепрокъ. Памяти Н. Я. Грота.
„Русскія Вѣдомости" 1899 г. № 144, 27 мая.

Б. В. Н.: Н. Я. Гротъ (некрологъ).
„Новое Время" 1899 г. 24 мая № 8348.

Портретъ Н. Я. Г.
„Новое Время" 1899, № 8351.

Б. (о Н. Я. Гротѣ).
„Новое Время", 1899 г., 8539.

Еще о немъ:

„С.-Петербургскія Вѣдомости" 1899 г., 141.
„Московскія Вѣдомости", 1899 г., 144.

Z. Памяти Н. Я. Грота.
„Русскія Вѣдомости" 1899 г., 24 мая., № 141 (замѣтка).

Еще о немъ:

„Русскія Вѣдомости" 1899 г., 141.
„Русскія Вѣдомости" (ст. А.) 1899 г., 146.
„Русскія Вѣдомости" 1899 г., 293 и 308.

Н. Я. Гротъ, Некрологъ его.
Газ. „Россія" 1899 г., 25 мая (№№ 28 и 220).

А. Ф., Сближеніе.
„Россія" 1601 г., 10 авг. № 822. (отрыв. въ настоящ. сборн.).

Еще о Н. Я. Гротѣ:

„Новости“ 1899 г., 141, 149 и 293.
„Сынъ Отечества“ 1899 г., 139.
„Народъ“ 1899 г., 863.
„Одесскія Новости“ 1899 г., 4634 и 4638.
„Одесскія Новости“ 1899 г., 4528 (портретъ).
„Волжскій Вѣстникъ“ 1899 г., 132.

В. В. Розановъ: о Н. Я. Гротѣ и его дѣятельности въ статьѣ „Московскіе Идеалисты“. (По поводу Сборн. „Проблемы идеализма“).

„Новое Время“ 11 дек. 1903, № 9976.

В. В. Розановъ. Письмо въ Редакцію.

По поводу разсказа о Н. Я. Гротѣ въ ст. „Новые вкусы въ Философіи“. („Новое Время“ 17 сент. 1905 г.).
„Новое Время„ 1906 г. 26 января.

О Н. Я. Гротѣ, какъ предсѣдателѣ Психологическаго Общества и редакторѣ журнала.

„Краткій историческій очеркъ дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества“. П. Виноградова.
„Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 103 (1910) стр. 251—253, 259—260.

Портретъ Н. Я. Грота.

Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, 82 полутома, 1904 г., Портретная галерея, стр. 28.

Біографическій очеркъ.

„Большая Энциклопедія“, подъ ред. С. Н. Южакова, Спб., 1902, т. VII, стр. 635—637.

Библіографическая статья.

„Источники словаря русскихъ писателей“ С. А. Венгерова, т. II, Спб. 1910, стр. 140—141.

Портретъ Н. Я. Грота.

Юбилейное приложеніе къ газетѣ „Одесскія Новости“, 25 дек. 1909 г.

P. Pč̀k (Papáček). Nikolaj Jakovlèvič Grot (Nekrolog).

„Nàrodní Listy“ 1899. 10 іюня № 159.

Некрологъ Н. Я. Грота: N. J. Grot. (съ портретомъ)

„Slovanský Přehled“ v Praze, 1899, Rijen, str. 52—53.

Некрологъ Н. Я. Грота: Nikolaj Jakovlevič Grot (1852—1899), Č. Česká Mysl, časopis filosoficky. 1900, seš. 1, 73—4.

О немъ же: Mš (Mikš), тамъ же, II 1910, str. 462.

О Н. Я. Гротѣ (въ хорват. журн.): N. J. Grot i M. M. Troickij.

Napisao dr. Tugomir Alaupovič. Sarajevo. Školski vjesnik, 1900 (januar, febr. i mart), 1—8.

3.

Статьи по поводу выхода въ свѣтъ I-го выпуска статей Н. Я. Грота.

Е. Спекторскій. О книгѣ „Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи. Сборн. статей, подъ ред. Москов. Психол. Общ.“ Спб. 1904.
„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1904, іюль, и въ наст. сборн.

Рецензія (безъ подписи).
„Вѣстникъ Европы“, 1904, марта, стр. 366.

В. В. Розановъ. Судьба русскаго ученаго. (По поводу изд. I вып. статей Н. Я. Грота).
„Новое Время“ 1904, 14 апр., № 10098 (и въ настоящ. сборн.).

Библіограф. замѣтка.
„С.-Петербург. Вѣдомости“ 1904, 13 янв. № 12.

Библіогр. замѣтка.
„Русск. Вѣдом.“ 1904.

Библіогр. замѣтка.
„Правительств. Вѣстн.“ 1903, 27 полбря.

А. Плетневъ „Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи“.
„Всемірный Вѣстникъ“ 1904. Мартъ № 3.

MŠ (Mikš), рец. въ „Česká Mysl“, № 1, 1905, str. 63.

4.

Участіе Н. Я. Грота въ преніяхъ по рефератамъ въ Москов. Психологич. Обществѣ [1]).

Пренія по реферату Н. А. Иващова: „Объ отнош. между философіей и наукой“. Засѣданіе 13 ноября 1889 г. . .	„Вопросы Фил. и Псих.“ 1890 г., № 3, стр. 139.
Пренія по реферату В. Р. Буцке: „Физіологическая теорія памяти“. Засѣданіе 3 февраля 1890 г.	1890 г., № 3, стр. 140.
Пренія по реферату Н. И. Карѣева: „О свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“. Засѣданіе 10 апрѣля 1890 г.	1890 г., № 3, стр. 140.

[1]) Здѣсь перечислены всѣ пренія, въ которыхъ онъ участвовалъ (согласно протоколамъ). Всѣ ссылки — на журналъ „Вопр. Фил. и Психол.“.

Пренія по реферату Л. М. Лопатина: „По поводу современнаго философскаго міросозерцанія". Засѣданіе 17 апрѣля 1890 г. . . . . 1890 г., № 3, стр. 140.

Пренія по реферату А. А. Токарскаго: „О меряченьи (форма душевн. болѣзни)". Засѣданіе 26 апрѣля 1890 г. . . . . 1890 г., № 3, стр. 140.

Пренія по сообщенію Н. И. Шишкина: „О математической психологіи". Засѣданіе 23 февраля 1891 г. . . . . 1891 г., № 8, стр. 163.

Пренія по реферату Вл. С. Соловьева: „Объ идеалахъ". Засѣданіе 28 февраля 1891 г. . . . . 1891 г., № 8, стр. 167.

Пренія по реферату П. Е. Астафьева: „О цѣнности жизни". Засѣданіе 16 марта 1891 г. . . . . 1891 г., № 8, стр. 170.

Пренія по докладу Н. А. Иванцова: „Т. Г. Гексли, какъ представитель современнаго научнаго міровоззрѣнія". Засѣданіе 21 сентября 1891 г. . . . . 1891 г., № 10, стр. 88.

Пренія по реферату Г. И. Челпанова: „О воспріятіи пространства". Засѣданіе 5 октября 1891 г. . . . . 1891 г., № 90, стр. 91.

Пренія по реферату В. Ѳ. Долгинцева: „Моисей Маймонидъ, какъ психологъ и философъ". Засѣданіе 31 октября 1892 г. 1892 г., № 16, стр. 112.

Пренія по реферату Н. В. Бугаева: „Основныя начала эволюціонной монадологіи". Засѣданіе 7 ноября 1892 г. . . 1892 г., № 16 стр. 113.

Пренія по поводу реферата П. Д. Боборыкина: „Красота, жизнь и творчество". Засѣданіе 28 ноября 1892 г. . . . . 1892 г., № 16, стр. 114.

Пренія по докладу П. Е. Астафьева: „Разборъ положеній А. И. Введенскаго

въ связи съ его книгой „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Спб. 1892". Засѣданіе 12 декабря 1892 г.	1892 г., № 16, стр. 117.
Пренія по реферату В. И. Сербскаго: „О психологическихъ воззрѣніяхъ Мейнерта". Засѣданіе 6 марта 1893 г. . .	1893 г., № 18, стр. 157.
Пренія по реферату Н. А. Иванцова: „Четыре метода экспериментальнаго изслѣдованія". Засѣданіе 13 марта 1893 г.	1893 г., № 18, стр. 159.
Пренія по замѣткамъ В. А. Гольцева: „О снѣ и творчествѣ". Засѣданіе 13 марта 1893 г.	1893 г., № 18, стр. 160.
Пренія по реферату П. А. Каленова: „О вѣрѣ и знаніи". Засѣданіе 9 апрѣля 1893 г.	1893 г., № 18, стр. 165.
Пренія по реферату В. Р. Буцке: „Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціи идей". Засѣданіе 13 ноября 1893 г.	1894 г., № 21, стр. 165.
Пренія по реферату кн. Д. Н. Цертелева: „Пространство и время, какъ формы явленій". Засѣданіе 19 марта 1894 г. .	1894 г., № 23, стр. 466.
Пренія по реферату М. Г. Буцке: „Анализъ условій числа при ассоціаціяхъ идей". Засѣданіе 24 сентября 1894 г. .	1894 г., № 25, стр. 760.
Пренія по реферату Б. Н. Чичерина: „Пространство и время". Засѣданіе 3 декабря 1894 г.	1895 г., № 26, стр. 92.
Пренія по реферату А. Ѳ. Гартвига: „О необходимости созданія новаго типа науки". Засѣданіе 11 марта 1895 г. . . .	1895 г., № 28, стр. 382.
Пренія по реферату Л. М. Лопатина: „Явленіе и сущность въ жизни сознанія". Засѣданіе 4 ноября 1895 г.	1896 г., № 31, стр. 68.

Пренія по реферату В. Н. Ивановскаго: „Къ вопросу о цвѣтномъ слухѣ". Засѣданіе 2 декабря 1895 г. . . . . 1896 г., № 31, стр. 70.

Пренія по реферату С. Г. Шахъ-Назарова: „Объ основаніяхъ физіологической психологіи по Вундту, Цигену и Мейнерту". Засѣданіе 2 декабря 1895 г. 1896 г., № 31, стр. 70.

Пренія по реферату А. Н. Бернштейна: „Міръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли". Засѣданіе 10 февраля 1896 г. . . . . 1896 г., № 32, стр. 176.

Пренія по реферату Ц. Н. Балталона: „Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты". Засѣданіе 17 февраля 1896 г. . . . . 1896 г., № 32, стр. 177.

Пренія по реферату С. А. Суханова: „Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій". Засѣданіе 24 февраля 1896 г. 1896 г., № 32, стр. 177.

Пренія по реферату Л. М. Лопатина: „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта". Засѣданіе 16 марта 1896 г. 1896 г., № 33, стр. 358.

Пренія по реферату В. Н. Ивановскаго: „Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи". Засѣданіе 7 декабря 1896 г. . . . . 1897 г., № 36, стр. 206.

Пренія по реферату А. Н. Бернштейна: „О воспріятіи постоянныхъ и перемѣнныхъ раздраженій". Засѣданіе 8 февраля 1897 г. . . . . 1897 г., № 37, стр. 370.

Пренія по реферату П. Д. Боборыкина: „Попытка соціологической системы (по поводу книги Jean Izoule „La cité moderne)". Засѣданіе 15 марта 1897 г. . . 1897 г., № 38, стр. 566.

Пренія по реферату Н. А. Каленова: „О красотѣ и искусствѣ". Засѣданіе 3 октября 1898 г. . . . . 1898 г., № 45, стр. 450.

Пренія по реферату Н. В. Бугаева: „Математика и научно-философское міросозерцаніе". Засѣданіе 17 октября 1898 г. — 1898 г., № 45, стр. 451.

Пренія по реферату Н. А. Иванцова: „Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ". Засѣданіе 6 февраля 1899 г. — 1899 г., № 48, стр. 355.

5.

Дѣятельность Н. Я. Грота, какъ Предсѣдателя Психологич. Общества и редактора журнала „Вопросы Философіи и Психологіи" [1].

Условія для соисканія преміи за сочиненіе на тему по философіи наукъ. Замѣтка Н. Я. Грота . . . . . — 1890 г., № 3, стр. 145.

Условія для соисканія второй преміи за сочиненіе на тему по философіи наукъ. Замѣтка Н. Я. Грота. . . . . — 1892 г., № 12, стр. 75.

Рѣчь, произнесенная Н. Я. Гротомъ въ публичномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общ. 24 января 1891 г. . — 1891 г., № 7, стр. 144 — 148.

Рѣчь, произнесенная Н. Я. Гротомъ въ Торжественномъ (сотомъ) засѣданіи Общества. 21 февраля 1893 г. . . . . — 1893 г., № 17, стр. 117 — 123.

Сообщеніе Н. Я. Грота о смерти П. Е. Астафьева и характеристика значенія утраты этой для Псих. Общ. Въ засѣданіи Общ. 9 апрѣля 1891 г. . . . . — 1893 г., № 18, стр. 162.

Н. Я. Гротомъ прочтенъ „Докладъ" Комиссіи по передачѣ съ 1 ноября 1893 г. журнала „Вопросы Философіи и Психологіи" въ собственность Общества и даны объясненія по поводу отдѣльныхъ пунктовъ. Въ засѣданіи 30 октября 1893 г. — 1894 г., № 21, стр. 160.

[1]) Здѣсь приводится по протоколамъ Психологич. Общества въ „Вопр Фил. и Психол." только наиболѣе важное, въ чемъ Н. Я. выступалъ, какъ иниціаторъ, авторъ или дѣйствующее лицо. О выступленіяхъ его съ философскими рефератами срв. Списокъ засѣданій Московскаго Психологическаго Общества за 25 лѣтъ, въ кн. 103 (юбилейной) „Вопросовъ Философіи и Психологіи" (М. 1910) и выше, стр. 357—8.

Замѣтка Н. Я. Грота по поводу писемъ профессора Остроумова и д-ра Пясковскаго въ № 22-мъ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи". 1894 г. . . . — 1894 г., № 22, стр. 325.

Участіе Н. Я. Грота въ депутаціи Моск. Обществъ, ѣздившей въ Петербургъ для возложенія вѣнка на могилу въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. . . . . — 1895 г., № 26, стр. 89.

Обзоръ издательской дѣятельности Психол. Общества за истекшіе 7 лѣтъ, составл. Н. Я. Гротомъ . . . . . — 1895 г., № 30.

Н. Я. Гротъ предложилъ Обществу учредить студенческое отдѣленіе Психологическаго Общества и вошелъ въ Комиссію для руководства ихъ занятіями. Засѣданіе 3 декабря 1895 г. . . . . — 1896 г., № 32, стр 174.

Н. Я. Гротъ отказался отъ редактированія журнала въ его цѣломъ, вслѣдствіе переутомленія, согласившись остаться членомъ редакціоннаго Комитета. Отчетъ о дѣятельн. Моск. Псих. Общ. за 1895 г. — 1896 г., № 32, стр. 179.

Н. Я. Гротъ избранъ въ почетные члены комитета по празднованію 300-лѣтія дня рожденія Декарта въ Туренѣ, во Франціи . . . . . — 1897 г., № 37, стр. 361.

Избраніе Н. Я. Грота въ почетные члены Психологическаго Общества въ засѣданіи 25 января 1897 г. . . . . — 1897 г., № 37, стр. 362.

Н. Я. Гротъ предложилъ возбудить передъ Министерствомъ Нар. Просв. ходатайство о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ Психолог. Общ. и назначить комиссію для редактированія измѣненій. Засѣданіе 23 января 1899 г. — 1899 г., № 46, стр. 69.

VII.

Къ изданію трудовъ Н. Я. Грота.

1.

Статья проф. Е. В. Спекторскаго [1]).

Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи. Сборникъ статей, подъ редакціей Московскаго Психологическаго Общества. С.-Петербургъ. 1901.

Послѣ полнаго собранія сочиненій В. С. Соловьева начинаютъ теперь выходить отдѣльнымъ изданіемъ труды его соратника на философскомъ полѣ и сотрудника по насажденію философскаго образованія въ Россіи, Н. Я. Грота. Появился пока первый томъ, содержащій статьи по общимъ вопросамъ философіи. По плану, составленному при жизни самимъ авторомъ, предполагаются еще четыре тома: одинъ будетъ посвященъ исторіи философіи, другой—психологіи, третій—этикѣ и соціологіи, четвертый—статьямъ на разныя темы.

Изданіе это появляется какъ нельзя болѣе кстати. Представители господствующаго въ нынѣшнихъ философскихъ кружкахъ направленія, именно метафизическаго „идеализма", начинаютъ уже подводить итоги своимъ искапіямъ [2]). Тѣмъ необходимѣе подвести итоги философствованію того, кто былъ однимъ изъ главныхъ инпціаторовъ современнаго интереса къ философіи, интереса, столь наглядно проявляющагося въ философскихъ дебютахъ вчерашнихъ марксистовъ и нынѣшнихъ младоидеалистовъ. Конечно, съ точки зрѣнія критическаго идеализма можно привести немало возраженій противъ того, что эти дебютанты понимаютъ подъ „идеализмомъ. Но нельзя не привѣтствовать, какъ симпатичное начало истинной философіи, ихъ искреннюю метафизику, хотя пока въ ней больше древнеэллинскаго „удивленія", чѣмъ плодотворнаго Декартова „сомнѣнія", больше вѣры, чѣмъ критики. Сѣмена, брошенныя на каменистую, какъ могло бы казаться, почву, пускаютъ молодые ростки. Честь и хвала за это сѣятелямъ. А однимъ изъ главныхъ сѣятелей былъ Н. Я. Гротъ.

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1904.

[2]) „Проблемы идеализма" и сборникъ статей С. Булгакова „Отъ матеріализма къ идеализму".

„Въ исторіи философіи личность, въ ея цѣломъ, опредѣляетъ не только теоретическое содержаніе міровоззрѣнія, но и его жизненную силу, степень вліянія и распространенія, его роль въ послѣдующей исторіи мысли“ [1]). Эти слова Н. Я. Грота относятся столько же къ его любимому мыслителю Джордано Бруно, сколько и къ нему самому. Исторія философіи Грота—это исторія его личности. Объединяется эта исторія не столько тѣми, исключающими иногда другъ друга, системами и направленіями, которыми онъ увлекался въ разное время—а чѣмъ только не увлекался онъ, кромѣ скептицизма?—сколько тѣмъ своеобразнымъ отпечаткомъ, который налагала на всѣ эти увлеченія его личность. „Духъ нашъ есть солнце, непрерывно освѣщающее для насъ міръ, какъ свое же созданіе. Этотъ міръ движется, но солнце стоитъ—субъектъ остается неизмѣннымъ, единымъ, цѣльнымъ, и это единое цѣлое называется личностью. Всѣ превращенія эмпирической животной индивидуальности неспособны измѣнить эту единую личность. И даже патологическія измѣненія нашего *я* въ психическихъ болѣзняхъ неспособны устранить того факта, что они совершаются на почвѣ и въ нѣдрахъ единой личности, часто возвращающейся и всегда теоретически могущей вернуться въ прежнія состоянія, къ прежнимъ потенціально не исчезнувшимъ формамъ самочувствія и самосознанія“. Такъ писалъ Гротъ въ той статьѣ „О времени“, гдѣ онъ изъемлетъ внутреннюю душевную жизнь человѣка изъ пространственныхъ и временныхъ опредѣленій. Время для души есть „псевдовремя“, и кажущіяся ея измѣненія во времени суть также псевдоизмѣненія того трудно опредѣлимаго, но вполнѣ устойчиваго начала, которое образуетъ личность каждаго человѣка.

Если мы постараемся стать на эту точку зрѣнія, то сами собой упадутъ упреки въ философскомъ непостоянствѣ, которымъ часто подвергался Гротъ и которымъ онъ не одинъ разъ давалъ поводъ своими собственными заявленіями. Онъ слишкомъ часто, особенно въ молодости, увѣрялъ, что никогда не измѣнитъ своихъ взглядовъ, клеймилъ самыми рѣшительными эпитетами отрицательнаго свойства такія теоріи, которыя незадолго передъ тѣмъ имъ же самимъ пропагандировались [2]). А въ полемикѣ съ архіепископомъ Никаноромъ онъ неудачно сравнивалъ свое философское развитіе

[1]) „Основные моменты въ развитіи новой философіи“ 1894, стр. 19.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ рѣчи „О значеніи чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“ онъ объявилъ „печальнымъ предразсудкомъ, страннымъ недоразумѣніемъ“ то, что незадолго передъ тѣмъ признавалъ несомнѣнной истиной, именно ученіе о полной субъективности чувства.

съ круговымъ движеніемъ, благодаря чему ему пришлось признаться въ томъ, что онъ невольно оказывался своимъ собственнымъ антиподомъ. Между тѣмъ, въ развитіи всякой личности, также какъ и въ развитіи природы, non datur hiatus, non datur saltus. Нѣтъ неожиданныхъ скачковъ, нѣтъ ничѣмъ не заполненныхъ пропастей и въ эволюціи философской личности Грота. Развитіе ея было не столько круговращеніемъ, сколько именно развитіемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотя бы Лейбницъ понималъ развитіе всякою монадою ея собственнаго содержанія. Можно, пожалуй, согласиться, что развитіе Грота шло скорѣе діалектически, чѣмъ органически. Но вѣдь и въ діалектическомъ развитіи, при кажущейся его прерывности, нѣтъ скачковъ, и частныя противорѣчія всегда „снимаются“ въ общемъ и высшемъ единствѣ, какъ его предварительныя ступени. Утвержденіе Грота, что „философія есть прежде всего внутренній процессъ субъективнаго роста человѣка“ [1]), основывалось на глубокомъ внутреннемъ опытѣ. Быть можетъ, философскимъ трудамъ Грота не хватаетъ общей планомѣрности. Но недаромъ давно уже оставлено утвержденіе Шлейермахера, что Платонъ въ теченіе всей своей долговѣчной жизни тѣмъ только будто бы и занимался, что исправно выполнялъ составленный имъ въ юности планъ занятій. Философъ—живой человѣкъ. И нельзя требовать отъ него, чтобы онъ мыслилъ какъ разъ навсегда заведенный автоматъ.

Авторъ наиболѣе полнаго до сихъ поръ очерка философіи Н. Я. Грота П. П. Соколовъ схематизируетъ блужданія этого философскаго скитальца по тремъ этапамъ: позитивизма, метафизическаго идеализма и примиренія позитивизма и идеализма въ духѣ современной научной философіи [2]). А. В. С. Соловьевъ увѣрялъ, что философское развитіе Грота, этого, какъ онъ его назвалъ, „многодума“, шло отъ Герберта Спенсера къ Джордано Бруно и отъ Бруно къ Платону и Аристотелю [3]). Едва-ли такія внѣшнія обозначенія философскихъ направленій или именъ, которыми увлекался Гротъ, даютъ ключъ къ разумѣнію его собственной философіи, неразрывно связанной съ его собственной натурой. Въ основѣ этой натуры лежала неисчерпаемая (пользуемся его же терминомъ) психическая энергія. И если всякая философія представляетъ въ большей или меньшей степени самопознаніе философствующаго субъекта, то Гротъ достигъ высшей степени

[1]) Ср. 177 разбираемаго тома.
[2]) Тамъ же, LXVIII.
[3]) Собраніе сочиненій В. С. Соловьева, томъ, VIII, стр. 422.

самопознанія, когда въ концѣ жизни сталъ строить систему психической и космической энергіи. Къ этой системѣ онъ шелъ всю жизнь, шелъ не всегда прямолинейно—но, если вѣрить Лессингу, прямая линія не всегда бываетъ кратчайшимъ путемъ. И если Гротъ въ концѣ жизни особенно интересовался Платономъ и Аристотелемъ, то не потому, что видѣлъ окончательную истину во всемъ томъ, что думали за двѣ тысячи лѣтъ до него эти греки, а потому, что находилъ у нихъ—даже у Платона [1])—зародыши и подтвержденіе того, что онъ признавалъ вѣчною истиною, именно энергетизма. Съ ученіемъ этимъ наша читающая публика знакомится теперь, повидимому, не безъ увлеченія, главнымъ образомъ по „Натурфилософіи“ Оствальда. Нельзя не пожалѣть поэтому, что преждевременно пресѣклась жизнь русскаго философа, шедшаго своимъ путемъ къ тѣмъ идеямъ, которымъ мы нынѣ учимся у нѣмецкаго химика. Быть можетъ Гротъ пошелъ бы и дальше, чѣмъ Оствальдъ, которому философы прощаютъ много погрѣшностей, потому что онъ естествоиспытатель, а естествоиспытатели—потому что онъ философъ. Но, какъ и большинство талантливыхъ русскихъ людей, Гротъ скончался, далеко не сказавъ своего послѣдняго слова, въ томъ возрастѣ, въ которомъ Кантъ еще не додумался до „Критики чистаго разума“. Пользуясь его же терминомъ, В. С. Соловьевъ удивлялся чрезвычайной быстротѣ и полнотѣ его „психическаго оборота“. Можно прибавить къ этому, что, вопреки своей же собственной теоріи, онъ скорѣе расточалъ, чѣмъ сохранялъ свою „психическую энергію“.

Центральною осью, кругомъ которой вращалось все философствованіе Грота, несомнѣнно было чувство. И онъ былъ всего болѣе самимъ собою, когда предлагалъ философствовать по „методу чувства“ и утверждалъ, что послѣдніе критеріи истины и лжи лежатъ въ чувствахъ истины и лжи.

Нельзя, конечно, отрицать, что изъ тѣхъ, вообще неопредѣленныхъ и растяжимыхъ категорій, которыми оперируетъ нынѣшняя психологія, чувство несравненно менѣе, чѣмъ умъ, гарантируетъ объективность философскаго построенія. Но философія всегда остается не столько мудростью, сколько любовью къ мудрости. И это обыкновенно вноситъ въ нее больше эмоцій, чѣмъ допустимо съ точки зрѣнія строго критической разумности. Извѣстныя эмоціи, именно то, что Платонъ называлъ философскимъ эросомъ, большого вреда тутъ не приносятъ, поскольку

[1]) Очеркъ философіи Платона, 1896, стр. 183 и слѣд.

являются не цѣлью философскаго исканія истины, а сопутствующимъ ему настроеніемъ. Но нерѣдко настроеніе это подчиняетъ себѣ и цѣли философіи. Чувство увлекаетъ мысль за предѣлы возможнаго познанія и прельщаетъ ее призрачными перспективами трансцендентной метафизики, сулящей больше тепла, чѣмъ свѣта.

Какъ и большинство русскихъ философовъ, Гротъ не устоялъ передъ этими перспективами. Правда, въ началѣ онъ не хотѣлъ итти далѣе позитивной доктрины, не замѣчая при этомъ, сколько скрытой метафизики таится въ ней. Но и тогда онъ отдался ей болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ. Послѣдствія этого не замедлили сказаться. Позитивизмъ не выдержалъ слишкомъ пламеннаго энтузіазма и какъ-бы растаялъ отъ того жара, который вносился въ него Гротомъ. И философскій эросъ все болѣе и болѣе увлекалъ Грота отъ позитивнаго міра въ міръ сверхчувственный.

Вслѣдствіе этого нельзя, быть можетъ, назвать его философію научною въ строгомъ и критическомъ смыслѣ слова. Но во всякомъ случаѣ никто не рѣшится назвать ее антинаучной. Она сплетаетъ въ причудливый узоръ вполнѣ научныя (психологическія по преимуществу) данныя съ болѣе или менѣе фантастическими построеніями. Недаромъ Гротъ долго признавалъ философію вѣтвью искусства. Тѣ двѣ идеи, къ которымъ онъ болѣе всего тяготѣлъ, именно эволюція и энергія, съ одной стороны опираются на данныя науки и проливаютъ на нихъ свой свѣтъ, съ другой же проникаютъ также и въ область метафизики, въ туманѣ которой ихъ лучи преломляются и создаютъ радужные переливы, тѣшащіе сердце и воображеніе. Если же принять въ соображеніе условія философскаго дѣла въ Россіи, то нельзя не признать значительную метафизичность Грота не только вполнѣ естественной, вполнѣ объяснимой, но также до извѣстной степени и желательной.

Въ нашей философіи, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ ни критическихъ традицій, ни даже критической терминологіи. До недавняго еще времени философія культивировалась чуть-ли не исключительно въ нашихъ среднихъ и высшихъ богословскихъ школахъ. Тамъ же вырабатывался и нашъ философскій языкъ. И этотъ языкъ богатъ неистощимыми рессурсами. Это какъ нельзя лучше доказалъ своими произведеніями такой блестящій художникъ мысли, какъ В. С. Соловьевъ. Но онъ же доказалъ и то, что этихъ рессурсовъ хватаетъ только для метафизики, скорѣе даже для теософіи. Критическій языкъ, какъ въ этомъ могъ убѣдиться М. И. Владиславлевъ вмѣстѣ съ читателями его перевода Канта, нами почти совсѣмъ еще не разработанъ. Есть у насъ

довольно обширная литература отрицательнаго направленія. Но отрицаніе не есть критика. Да и производилось оно по большей части во имя извѣстныхъ догматовъ, главнымъ образомъ матеріалистическихъ.

Далѣе, въ порядкѣ университетскаго распредѣленія философія связана у насъ съ филологіей, между тѣмъ какъ на родинѣ критицизма, въ Германіи, философскимъ называется факультетъ естественныхъ наукъ. Это полезно какъ для нихъ, такъ и для философіи. Благодаря сосѣдству съ нею, естественныя науки излѣчиваются отъ наивнаго догматизма и получаютъ ясное сознаніе своихъ цѣлей и средствъ. Философія же пріобрѣтаетъ твердую почву подъ ногами и теоретическую сферу примѣненія. Вся трансцендентальная эстетика и аналитика Канта, т.-е. его ученіе о пространствѣ, времени и категоріяхъ, представляетъ не болѣе, какъ строго критическое обоснованіе современной механики, физики и вообще математическаго естествознанія. У насъ же, благодаря недостаточному сознанію связи съ естествознаніемъ, то же ученіе истолковывается по большой части въ смыслѣ какого-то абсолютнаго иллюзіонизма во вкусѣ ученія индійскихъ отшельниковъ о призрачности міра. И вмѣсто того, чтобы связывать Канта съ Гельмгольцемъ, Альбертомъ Ланге, Робертомъ Майеромъ, даже Фарадеемъ и Максуэлемъ, въ немъ видятъ только родоначальника Фихте, Шеллинга и туманныхъ натурфилософовъ нѣмецкаго романтизма.

Русская философская мысль донынѣ вращается по преимуществу, если не въ богословскихъ, то въ метафизическихъ предѣлахъ. И это вполнѣ естественно. Мысль начинается не съ критики: прежде чѣмъ критиковать, необходимо пріобрѣсти матеріалъ для критики. Мысль начинается съ догматизма и вѣры, и только впослѣдствіи переходитъ къ самокритикѣ. Предметы вѣры могутъ мѣняться и даже исключать другъ друга задолго еще до критики самой вѣры. И этимъ объясняется столь частый и интенсивный, но не дающій критическихъ результатовъ антагонизмъ между вѣрой религіозной и метафизической. Но обѣ онѣ все-же объединяются психологическимъ моментомъ вѣры, какъ некритическаго состоянія ума.

Какъ много еще непосредственной, иногда дѣтски-чистой вѣры во всемъ томъ, что творилось и до сихъ поръ творится въ русской философіи! Пора критики еще для насъ, повидимому, не наступила, быть можетъ, потому, что мы еще не вступили на естественно предшествующій ей путь сомнѣнія, путь скептицизма, рѣшительно чуждый и тому „новому пути“, который вотъ уже второй годъ объединяетъ нашихъ теософовъ.

Русская философія все еще находится въ періодѣ юности— этого лучшаго времени всякой жизни. Она всѣмъ увлекается, сегодня однимъ, завтра другимъ. Съ энтузіазмомъ познаетъ и преклоняется передъ познаннымъ. Съ энтузіазмомъ же отвергаетъ познанное и даже вообще познаваемое и перепрыгиваетъ въ область трансцендентнаго. Все она воспринимаетъ и на все реагируетъ чувствомъ. Она болѣе любитъ или ненавидитъ, чѣмъ знаетъ. Многаго не хочетъ понимать и потому многаго не можетъ прощать. Чаще всего она переживаетъ

„Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug".

При такомъ настроеніи молодой русской философіи положеніе въ ней и вліяніе на нее Н. Я. Грота представляется не только вполнѣ естественнымъ, но и чрезвычайно желательнымъ. Близкій по свойствамъ своей увлекающейся и впечатлительной натуры всѣмъ ея особенностямъ, онъ въ то же время посилъ въ себѣ, отчасти въ крови, по наслѣдству отъ отца, знаменитаго академика Я. К. Грота, отчасти же путемъ, такъ сказать, благопріобрѣтеннымъ, начала старой и серьёзной умственной культуры запада, которыя онъ и прививалъ юнымъ дичкамъ отечественнаго любомудрія. Онъ мечталъ о національной русской философіи. Если, быть можетъ, и до сихъ поръ его мечты еще не осуществились, то все-же никто болѣе, чѣмъ онъ (и еще В. С. Соловьевъ), не сдѣлалъ подготовительныхъ къ тому работъ. Одного превращенія съ 1888 года скучнаго дотолѣ и безжизненнаго (подъ предсѣдательствомъ „однодума" англійской психологіи М. М. Троицкаго) Психологическаго общества въ одно изъ главныхъ средоточій московской интеллигенціи и основанія въ слѣдующемъ году журнала „Вопросы философіи и психологіи" достаточно, чтобы обезсмертить имя Н. Я. Грота въ лѣтописяхъ русской философіи. Кромѣ этихъ практическихъ плодовъ, дѣятельность его проявилась и въ большомъ количествѣ теоретическихъ произведеній.

Они издаются теперь подъ редакціей Московскаго психологическаго общества. Въ вышедшій пока первый томъ вошли статьи, рисующія главнымъ образомъ умственную эволюцію Грота. Полезнымъ и интереснымъ къ нимъ введеніемъ служатъ двѣ обширныя статьи В. И. Шенрока и П. П. Соколова о его жизни и философскихъ воззрѣніяхъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ Грота: на лицѣ его выраженіе того святого безпокойства, которое свойственно всѣмъ тѣмъ, кто чаще и глубже, чѣмъ вообще принято, задумывается надъ вѣчными загадками бытія.

Первая статья сборника „Философскіе этюды" относится къ философіи отрицательно. Возражая А. А. Козлову—будущему

„Сократу съ Пескова“ и проповѣднику „панпсихизма“, съ которымъ впослѣдствіи и у Грота было нѣкоторое сродство,—нашъ авторъ утверждалъ, что философія—не болѣе какъ flatus vocis или conceptus mentis безъ всякаго самостоятельнаго теоретическаго или же практическаго значенія. Ему казалось, что онъ присутствуетъ при „послѣднихъ вздохахъ умирающей, но еще не испустившей духъ метафизики“ (стр. 23). И не слѣдуетъ ни оживлять ее, ни оплакивать. „Философія какъ особая наука о мірѣ въ его цѣломъ, выходящая изъ общихъ положеній другихъ наукъ, не только не нужна, но и не возможна“ (стр. 10). И „человѣчество можетъ совершенно обойтись безъ философскихъ системъ при устройствѣ разумнаго соціальнаго быта“ (стр. 15). Такъ въ 1877 году отрицалъ философію молодой нѣжинскій профессоръ философіи.

Спрашивается, въ чемъ же тогда онъ видѣлъ свое призваніе? Въ психологіи. „Мы устремимся прямо на вопросы дня, а вопросы дня въ философіи суть спеціальные психологическіе вопросы“ (стр. 27). Вопросы дня вытѣсняютъ вопросы вѣчности. И молодой Гротъ не хочетъ знать никакой метафизики, отказывается отъ нея и отказывается—онъ имѣлъ неосторожность объявить объ этотъ слишкомъ рѣшительно и торжественно — навсегда. Однако, въ то же время онъ недостаточно закалилъ себя противъ метафизики. Спасенія отъ нея онъ искалъ не въ критическомъ идеализмѣ—Кантъ никогда не привлекалъ къ себѣ его симпатій, а къ неокантіанству онъ питалъ даже отвращеніе [1]),—а въ психологіи. Но она оказалась очень ненадежнымъ убѣжищемъ.

Слѣдующая статья—„Философія какъ вѣтвь искусства“. Философъ и поэтъ---родные братья. Оба отдаются субъективному настроенію чувства. Монадологія Лейбница и даже сухой и прозаическій трансцендентальный идеализмъ Канта представляются автору созданіями того же порядка, что и Фаустъ Гете, Гамлетъ Шекспира, Реквіемъ Моцарта, Лоэнгринъ Вагнера, Мадонна Рафаэля (стр 30). Безъ чувства жить нельзя, и поэтому—преклонимся передъ философіей, хотя она и не наука. Таковъ выводъ, сдѣланный Гротомъ черезъ три года послѣ возраженій Козлову.

Въ рѣчи передъ докторскимъ диспутомъ, посвященной вопросу

---

[1]) Впослѣдствіи, въ статьѣ „О времени“, онъ писалъ: „Въ послѣднія десятилѣтія французскій позитивизмъ и англійскій эмпиризмъ проникли и въ Германію и создали ту странную смѣсь понятій позитивно-физико математическихъ, эмпирико-химико-біологическихъ и трансцендентально-теоретико-познавательныхъ, которая подъ именами новокантіанства, научной философіи и т. п. выдаетъ себя въ Германіи за послѣднее слово философіи и своимъ мнимымъ отвлеченно-раціоналистическимъ глубокомысліемъ отталкиваетъ отъ философіи и метафизики всякую живую душу“ (стр. 222).

объ „Отношеніи философіи къ наукѣ и искусству“, Гротъ по прежнему не признаетъ никакой научной философіи и основываетъ всякую философію на чувствѣ. Но именно поэтому онъ находитъ уже у нея одно преимущество передъ наукой: она болѣе, чѣмъ наука, даетъ удовлетвореніе мыслящему субъекту. „Философія выше науки въ смыслѣ субъективномъ, наука выше философіи въ смыслѣ объективномъ, то-есть внѣ нашего субъекта. Одно другого стоитъ!“ (стр. 40).

Итакъ философія (т. е. метафизика, которую Гротъ всегда, то сознательно, то безсознательно отожествлялъ съ философіей) уже равноправна съ наукой. Скоро она окажется и выше ея. Прежде всего слѣдуетъ пересмотрѣть вопросъ о ея субективности. Неужели объективность ей безусловно чужда и недоступна? Благопріятный для нея отвѣтъ на этотъ вопросъ Гротъ далъ во вступительной лекціи, читанной въ 1886 году въ Московскомъ университетѣ на тему „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“. Философія вызывается потребностями чувства. Но субъективная работа чувства вполнѣ можетъ быть провѣрена объективной работой мысли (стр. 138). Да и что такое объективность? Вѣдь она достигается не только внѣшнею индукціею, но и внутреннею (стр. 141), иначе говоря, при значительномъ содѣйствіи чувства. Безъ философіи нѣтъ науки, но и безъ науки нѣтъ философіи. „Влага, дѣлающая плодопосною мысль философа, это научныя истины, точныя знанія; лучи солнца, согрѣвающіе эту работу,—это нравственные идеалы, высшіе идеалы субъективнаго чувства“(стр. 145). „Философія не есть ни наука, ни искусство, ни религія, а нѣчто особое, такъ сказать только философія. Родственныя отношенія философіи къ этимъ другимъ сферамъ сознанія человѣка можно выразить такъ: изъ науки философія черпаетъ матеріалъ, у искусства беретъ методъ его обработки (творческій синтезъ); съ религіею сходится въ конечныхъ цѣляхъ— дать человѣку нравственныя начала жизни. Наука есть организованная умственная дѣятельность, стремящаяся къ идеалу истины; искусство есть организованное удовлетвореніе чувства, независимаго отъ воли, стремящееся къ воплощенію идеала красоты; религія есть организація воли, стремящаяся къ осуществленію идеала добра. Но всѣ эти идеалы надо примирить, — надо согласить другъ съ другомъ запросы ума, чувства и воли, а къ этому и стремится философія, слагающая въ одно эстетическо-законченное цѣлое расчлененные наукою элементы дѣйствительности ради нравственныхъ цѣлей. Она не можетъ замѣнить ни науку, ни искусство, ни религію, а можетъ лишь дополнить ихъ, такъ какъ

первыя удовлетворяютъ спеціальнымъ потребностямъ сознанія, рядомъ съ которыми существуетъ въ насъ общее стремленіе къ единству личной жизни и гармоніи ея враждующихъ потребностей" (стр. 145). Это воззрѣніе, сближающее Грота съ В. С. Соловьевымъ, какъ видно изъ заключительныхъ словъ, опиралось на личныя потребности человѣка. Можно было бы возразить, что оставляя въ сторонѣ другія сферы, ни наука, ни философія, поскольку онѣ стремятся къ объективности, то-есть полной доказательности, не могутъ и не должны видѣть свое призваніе въ удовлетвореніи личныхъ потребностей субъекта. Но если вспомнить, что средоточіемъ философствованія Грота было чувство, то станетъ яснымъ, что онъ не могъ мыслить иначе.

И онъ всегда въ большей или меньшей степени такъ мыслилъ. Въ отвѣтѣ архіепископу Никанору (озаглавленномъ „О направленіяхъ и задачахъ моей философіи") онъ оправдывался отъ упрековъ въ непослѣдовательности и скачкахъ и очень удачно показалъ, какъ съ первыхъ же шаговъ своей литературной жизни онъ „подъ воздѣйствіемъ философскаго инстинкта" (стр. 150) пришелъ къ „методу чувства". Методъ этотъ уже утрачиваетъ для него значеніе субъективнаго метода. Воспринятое вмѣстѣ съ позитивизмомъ ученіе о единообразіи и солидарности всего въ природѣ, оживленное увлеченіемъ пантеистической поэзіей Джордано Бруно, который далъ Гроту идею „сознанія вселенной", привело его къ убѣжденію, что въ чувствѣ не все субъективно, не все лично. „Одно изъ двухъ: или мы со всѣми своими выводами изъ внѣшняго и внутренняго опыта—воплощенная насмѣшка иронизирующей надъ нами и обманывающей насъ природы, или мы во всѣхъ своихъ орудіяхъ познанія находимъ правильный критерій для опредѣленія самой природы познаваемаго" (стр. 156). Значитъ, и показаніямъ субъективнаго чувства человѣка соотвѣтствуютъ объективныя реальности, значитъ, и у чувства есть своя онтологія.

Еще дальше, но все въ томъ же направленіи, идетъ Гротъ въ слѣдующей статьѣ „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка". Онъ утверждаетъ уже, что не только въ философіи, но даже и въ наукѣ „объективная достовѣрность основана отчасти на чувствахъ истины и лжи" (стр. 172). Въ концѣ концовъ „послѣдніе критеріи истины и лжи лежатъ въ чувствахъ истины и лжи" (стр. 164). И чувства эти, увѣряетъ Гротъ, никогда не обманываютъ насъ. Нашъ субъектъ вовсе не такъ относителенъ и индивидуаленъ, какъ это обыкновенно думаютъ. Сознаніе, и вся вообще душевная жизнь, есть какъ бы воплощеніе въ индивидуальной оболочкѣ универсальной психической энергіи. Всѣ субъекты

соучаствуютъ въ жизни общаго мірового субъекта. „Въ насъ пульсируетъ одинъ и тотъ же міровой субъектъ, стремящійся слиться воедино—тотъ самый, который нашелъ себѣ воплощеніе и въ природѣ и въ насъ, и который, познавая міръ, узнаетъ себя въ немъ“ (стр. 185). Сообразно съ этимъ Гротъ безконечно расширяетъ возможный въ человѣческой жизни „психическій оборотъ“: кромѣ переработки ощущеній въ понятія, иначе науки, онъ признаетъ „еще троякое достовѣрное познаніе—путемъ переработки чувствованій въ чувства (художественное постиженіе дѣйствительности),—путемъ переработки матеріала чувствъ въ понятія (познаваніе цѣлей и должнаго въ философіи),—путемъ переработки матеріала идей въ чувства: высшее мистическое постиженіе міровыхъ началъ и смысла мірового процесса“ (стр. 178).

Тутъ, очевидно, мы уже попали въ полную матафизику. Но словомъ этимъ Гротъ уже не смущается. Въ слѣдующей статьѣ „Что такое метафизика?“ онъ предпринимаетъ „задачу защиты угнетенной, оклеветанной и поруганной области знанія“ (стр. 211). Эта область—метафизика.

Итакъ, сущность человѣка — это специфическая психическая энергія, проявляющаяся съ наибольшею интенсивностью въ сферѣ чувства. Неужели эта энергія можетъ быть исчерпана? Иначе, неужели духъ человѣка не безсмертенъ? Отвѣтъ даетъ слѣдующая статья „О времени“—по мнѣнію В. С. Соловьева, самое глубокое изъ произведеній Грота. Можетъ возникнуть вопросъ: при чемъ тутъ время? Объясняется это психологизмомъ Грота. Душа, этотъ атманъ индійскихъ философовъ, эта субстанція европейскихъ метафизиковъ, для психолога Грота — а психологическая закваска всегда у него сказывалась—сводилась къ ряду внутреннихъ психическихъ состояній или актовъ человѣка. Что они не протекаютъ въ пространствѣ, это еще ясно. Но какъ же быть съ временемъ? Если они протекаютъ во времени, то они конечны. А тогда конецъ также и всякимъ толкамъ о безсмертіи. Вотъ Гротъ и объявилъ, что время не есть законъ духовнаго бытія, „не есть форма внутренняго, психическаго, сверхчувственнаго опыта“ (стр. 282). Этимъ онъ хотѣлъ отстоять неуничтожаемость того, что въ Шопенгауэровомъ истолкованіи Канта называется „умопостигаемымъ характеромъ“ человѣка.

Статьею о времени кончается первый томъ сочиненій Грота. Имѣя въ виду его общее заглавіе („Философія и ея общія задачи“), можно упрекнуть издателей съ одной стороны въ его недостаточной полнотѣ—нѣтъ статей объ энергетизмѣ, въ которомъ въ концѣ концовъ Гротъ видѣлъ наиболѣе общую задачу филосо-

фіи,—съ другой же въ излишнемъ обремененіи матеріаломъ болѣе подходящимъ для послѣдняго тома. Мы имѣемъ въ виду двѣ статьи: „Къ вопросу о критеріяхъ истины“ и „Къ вопросу о классификаціи наукъ“. Обѣ относятся къ одному изъ промежуточныхъ и наименѣе характерныхъ моментовъ философствованія Грота. Въ первой изъ нихъ онъ старался оправдать, такъ называемый, наивный реализмъ. Поскольку при этомъ онъ опровергалъ допынѣ распространенный въ философіи предразсудокъ, что каждый изъ насъ окруженъ какими-то призраками, а не конкретной дѣйствительностью и живыми существами, постольку его аргументація была достаточно убѣдительна съ философской точки зрѣнія. Но поскольку онъ брался доказать, что ощущенія содержатъ сами по себѣ истину, постольку онъ брался за безнадежное и недостойное его философскаго развитія предпріятіе. Истину, то-есть, то что должно быть результатомъ науки, онъ усмотрѣлъ въ ея хаотическомъ, сыромъ матеріалѣ, именно въ чувственныхъ воспріятіяхъ. Впрочемъ, ему пришлось признать, что послѣднія истинны только тогда, когда „правильно организованы“ (стр. 64). Но каковы должны быть критеріи этой правильности — этого Гротъ не указывалъ и не могъ указать, потому что мыслилъ въ порядкѣ психологическомъ, отъ воспріятій къ сознанію, а не въ логическомъ порядкѣ, отъ сознанія къ воспріятіямъ. На томъ же основаніи онъ впалъ въ ту же ошибку, что и Милль: видѣлъ въ единообразіи законовъ природы нѣчто данное намъ въ отдѣльныхъ чувственныхъ воспріятіяхъ вмѣсто того, чтобы признать его не болѣе какъ методологическимъ регулятивомъ, логическимъ prius всякаго естественнонаучнаго изслѣдованія. Столь же шаткою съ общефилософской точки зрѣнія представляется и статья о классификаціи наукъ. Комбинируя Конта и Спенсера, Гротъ размѣщалъ отдѣльныя науки не столько по ихъ логическимъ задачамъ, сколько отчасти по внѣшнимъ различіямъ изучаемаго матеріала, отчасти же и, главнымъ образомъ, по терминологическимъ между ними комбинаціямъ. Въ результатѣ получились всякія „фитографіи“ и „пойематологіи“ и окончательное фразеологическое объединеніе—„моподуализмъ“, столь же мало говорящій уму, что и предложенный недавно на страницахъ „Міра Божія“ Н. А. Бердяевымъ „моноплюрализмъ“. Тутъ, очевидно, выражаясь словами Лейбница, солома терминовъ принималась за зерно вещей. Что дѣйствительно оригинально въ статьѣ Грота, такъ это то, что, по общему свойству большинства русскихъ умовъ брать съ общественной стороны самые, казалось бы, отвлеченные сюжеты, онъ и въ классификаціи наукъ нашелъ соціальный моментъ (стр. 110

и слѣд.). Но все-таки, повторяемъ, обѣ статьи мало характерны для эволюціи взглядовъ Грота (онъ къ нимъ впослѣдствіи и не возвращался никогда). А объ отношеніи его къ „философіи и ея общимъ задачамъ“ онѣ могутъ внушить читателю скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное представленіе.

2.

Статья В. В. Розанова [1]).

Изданъ первый томъ задуманнаго Московскимъ Психологическимъ обществомъ изданія избранныхъ сочиненій покойнаго своего предсѣдателя Н. Я. Грота. Превосходно выполненный портретъ живо передаетъ черты вѣчно юнаго и вѣчно подвижного этого ученаго; а обширная (60 страницъ) біографія его, написанная В. И. Шенрокомъ, даетъ яркую картину дѣтства, юности, ученія и плодотворной общественной дѣятельности этого любимца общества, друга ученыхъ и писателей. Ниже я займусь исключительно этою біографіею, а пока скажу о самомъ изданіи. Сердце бьется при взглядѣ на первый томъ. Во всякомъ случаѣ, это хорошее чтеніе; а для многихъ, даже чрезвычайно многихъ русскихъ, это будетъ и избранное чтеніе. Я не хочу кривить мыслью даже и надъ гробомъ человѣка и скажу прямо, что лично не имѣю соучастія съ его философіею. Но, оговоривъ и отстранивъ личное свое мнѣніе, я могу тѣмъ свободнѣе сойти въ кругъ мыслей, какія приблизительно существуютъ или возможны у читающаго русскаго общества относительно трудовъ покойнаго. Онъ принадлежитъ къ интереснѣйшей эпохѣ русскаго философскаго движенія, именно: моменту перелома отъ позитивизма къ идеализму. Если, можетъ быть, онъ и мало помогъ внутренно совершиться этому перелому, то зато внѣшнимъ образомъ онъ, такъ сказать, устлалъ розами путь этого перелома, когда онъ могъ быть посыпанъ терніями. Почти вся печать наша (періодическая) въ 70-ые, 80-ые, 90-ые годы, да въ значительной степени еще и сейчасъ, захвачена была позитивнымъ направленіемъ; философіею безъ философіи и даже съ ненавистью къ философіи. И не создай Н. Я. Гротъ „Вопросовъ философіи и психологіи“, то даже Вл. Соловьеву не всегда можно было бы найти мѣсто для помѣщенія какой угодно блестящей своей статьи. Идеализмъ былъ у насъ безпріютенъ въ томъ простомъ и самомъ тѣсномъ (и вмѣстѣ ужасномъ) смыслѣ, что онъ

[1]) Эта статья подъ заглавіемъ „Судьба русскаго ученаго“ была напечатана въ газетѣ „Новое Время“, 14 апрѣля 1904 г., № 10098.

не имѣлъ ни дома, ни квартиры, ни даже хоть кой-какихъ меблированныхъ комнатишекъ себѣ, обитая буквально на улицѣ, подъ небомъ, дождемъ и снѣгомъ и безсильно обивая пороги тѣхъ аппартаментовъ, гдѣ засѣдали, реферировали и просвѣщали общество мудрецы „позитивнаго“ закала ума. По указанію смѣлаго парижскаго инженера, трудъ философскій, задача философствованія почти свелась къ труду переплетному: переплести „въ одинъ корешокъ“ всѣ ранѣе отдѣльно переплетавшіяся и порознь стоявшія въ шкафахъ книжки, начиная съ „ариѳметики“ и кончая „подготовительными матеріалами для соціологіи“. Такъ какъ такое „переплетаніе“ было по плечу всякому, то сразу явились у насъ десятки, сотни, а считая съ окончательно неудачными — даже тысячи философовъ; ибо всѣ Молчалины, 80 лѣтъ назадъ пѣвшіе своимъ Софьямъ: „Стоитъ сизый голубочекъ“, — преобразились теперь въ „позитивистовъ“, приносившихъ въ одинъ изъ нашихъ ежемѣсячниковъ свои первыя разсужденія: „Еще о классификаціи наукъ по Огюсту Конту“ или „Опять о теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ періодахъ умственнаго состоянія человѣчества“. Впрочемъ, я впадаю въ сатиру, отъ которой давно далъ себѣ зарокъ. Теперь времена уже измѣнились. И, можетъ быть, сатира моя чрезвычайно несвоевременна. Но я помню же періодъ начала 80-хъ годовъ, и до какой степени душно, скучно, уничижительно было въ то время положеніе каждаго, кто не хотѣлъ войти въ общій „позитивный“ табунъ. Тутъ-то Гротъ, эклектическій, мягкій, съ врожденною и неустранимою вѣжливостью въ душѣ, и оказалъ несравненныя свои услуги. Но перейду къ „Сборнику“, первый томъ котораго передъ нами.

Изъ философскихъ статей покойнаго для перваго тома предположеннаго изданія выбраны наиболѣе интересныя статьи, составляющія, такъ сказать, „введеніе“ къ мышленію покойнаго Н. Я. Грота и даже, пожалуй, „введеніе“ къ его личности. Ибо въ философіи именно, и только въ ней одной, личность мыслителя играетъ первенствующую роль. Вотъ эти статьи: „Философія какъ вѣтвь искусства“, „Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству“, „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“, „О направленіяхъ и задачахъ моей (Н. Я. Грота) философіи, по поводу статьи архіеп. Никанора“, „Значеніе чувства въ познаніяхъ и дѣятельности человѣка“ (двѣ статьи на одну тему). Это — статьи „вводныя“. Затѣмъ идутъ чисто философскія, такъ сказать догматическія: „Къ вопросу о критеріяхъ истины“, „Къ вопросу о классификаціи наукъ“, „Что такое метафизика“, „О времени; критическое изслѣдованіе“. И двѣ очень важныя статьи полемическаго и

критическаго содержанія: „О философскихъ этюдахъ А. А. Козлова“ и „О второй части книги Л. М. Лопатина: Положительныя задачи философіи“. Какъ можетъ видѣть читатель, и какъ объясняетъ самъ Гротъ въ статьяхъ перваго порядка, покойнаго уже чрезвычайно рано занялъ вопросъ: неужели чувства человѣка, занимающія такую обширную часть его душевной жизни, не входятъ вовсе зиждущимъ началомъ въ построеніе философіи? Пожалуй, это тотъ же вопросъ, какой задалъ себѣ Кантъ о предопытныхъ категоріяхъ разума, но приложенный къ другой части нашего существа; тотъ же, пожалуй, это вопросъ, какой понудилъ Н. Михайловскаго дать мѣсто и соучастіе „субъективному моменту“ въ соціологіи. Здѣсь скрытъ вѣчный ростокъ (или вѣчное поползновеніе?) къ идеализму: наше „я“ — не умирающій ангелъ, который никакъ не можетъ допустить ни бездушности, ни загрубѣнія, ни безчеловѣчія (въ соціологіи) въ лучшую изъ дѣятельностей человѣческихъ (умственную). Конечно, допустивъ въ философію такой „субъективный“ элементъ, какъ чувство, сердце, — мы допускаемъ возможность чрезвычайныхъ ошибокъ; таковы были философскія иллюзіи Фихте и Шеллинга, соціальный иллюзіонизмъ Фурье и пр. Но онъ всегда поправимъ, завтра же поправимъ пріятелемъ философа. Онъ зато придаетъ такую живость и философіи, и соціологіи, а вмѣстѣ и такой сообщаетъ имъ практицизмъ, какого никогда безъ „субъективнаго элемента“ они не получили бы. Говорятъ, все субъективное не вѣковѣчно, а истина и, слѣдовательно, задача науки и философіи—въ вѣчномъ. Такъ. Но что вѣчнѣе, камень или растеніе? Растеніе завтра умираетъ, но растительность (какъ родъ) гораздо устойчивѣе кампей. Зеленый лугъ, цвѣтущій, напр., около Пестума сейчасъ, какъ и до Р. Х., гораздо вѣковѣчнѣе давно разрушенныхъ, вовсе разрушенныхъ до песка, до пыли, до невидимости прибрежныхъ скалъ Тирренскаго моря. Цвѣтокъ переживаетъ скалу, какъ, можетъ быть (мы надѣемся), и жизнь переживетъ нашу планету.

Во всякомъ случаѣ многочисленные любители философіи въ нашемъ отечествѣ найдутъ въ изящно изданномъ томѣ трудовъ покойнаго обильную пищу для размышленія, спора, согласія. Для оцѣнки философской личности покойнаго чрезвычайно цѣнна статья, написанная въ отвѣтъ на нѣкоторые упреки архіеп. Никанора, автора замѣчательной, въ своемъ родѣ единственной у насъ книги: „Позитивная философія и сверхъ-чувственное бытіе“. Это, можно сказать, философская біографія Н. Я. Грота, написанная имъ самимъ. Она любопытна, жива, поучительна, и чтеніе тома можно бы начинать съ нея. Мы здѣсь позволимъ себѣ однако остано-

виться на болѣе для насъ привлекательной житейской біографіи покойнаго; ибо, думаемъ, именно біографія эта и была „субъективнымъ добрымъ ангеломъ“ около міровоззрѣнія покойнаго, которое ломалось, какъ тонкій осенній или весенній ледъ всякій разъ, какъ на него ступала чья-нибудь нога. Исторію этихъ „ломаній“ своей мысли онъ самъ разсказываетъ такъ трогательно и чистосердечно, что къ краткому резюме: „она — вся сломалась“ намъ нечего прибавить.

Гротъ кончилъ свою жизнь необыкновенно грустно. Года за три до смерти, помню, я его видѣлъ въ Петербургѣ. Это былъ совершенно цвѣтущій молодой человѣкъ (на видъ), и никакого подозрѣнія о близкой смерти у говорившаго съ нимъ не могло быть. Онъ былъ въ возрастѣ полныхъ силъ, среднихъ лѣтъ, но необыкновенная свѣжесть организма, при замѣчательной красотѣ лица, давала впечатлѣніе не средняго возраста, а именно—молодости. Однако молодость эта была скорѣе въ вѣчно молодыхъ его надеждахъ. Онъ не скрывалъ страшнаго переутомленія, которое стояло позади, и очевидно оно-то преждевременно и свело его въ могилу. Упомянувъ, что съ каждымъ годомъ семья его возрастаетъ на одного человѣка, онъ сѣтовалъ на чрезмѣрную тѣсноту средствъ, почти нужду. Онъ не жаловался, а разсказывалъ — и впечатлѣніе получалось тягостнѣе, чѣмъ если бы у него были жалобы. Все сложилось само собою. Профессорскаго жалованья не увеличишь: это — положенный „штатъ“, на которомъ служа одинаково получатъ Поприщинъ и Ньютонъ; за редакторство („Вопросовъ философіи“) онъ или ничего не получалъ или очень мало: это было — любительство, поэзія, слава его, но безхлѣбная слава. Къ истинному мученію слушателя, онъ разсказывалъ, что было бы совсѣмъ плохо, не приди на помощь приватныя занятія по разбору архива какихъ-то сословно-семейныхъ документовъ [1]): занятіе, не имѣвшее ничего общаго ни съ философіею, ни съ психологіею, ни съ журналомъ, ни съ каѳедрою. Это занятіе было все равно (для спеціалиста), какъ если бы въ добавленіе къ профессурѣ онъ открылъ въ домѣ у себя прачечное заведеніе. „Злая татарщина!“ мелькало у меня. Онъ однако надѣялся на нѣкоторую перемѣну матеріальныхъ обстоятельствъ, можетъ быть такъ и не наступившую; отсюда проистекало его оживленіе, можетъ быть на часъ, можетъ быть на дни, можетъ быть и даже навѣрное (судя по сообщеніямъ въ біографіи г. Шенрока) — обманувшее его.

„Онъ таялъ, какъ свѣча, пишетъ его біографъ,—постоянный

[1]) Архива Московскаго дворянства.

искусственный подъемъ энергіи совершался уже на счетъ основныхъ, а не запасныхъ силъ организма". Почти каждую зиму, начиная съ 91-го года, онъ подвергался нервнымъ припадкамъ удушья, сопровождавшимся упадкомъ силъ. Въ послѣднія двѣ зимы приступы лихорадки, ревматизма и ларингита заставляли его нерѣдко пропускать лекціи. „Но усиленная переписка съ заграничными учеными и необходимость работать, кромѣ исполненія профессорскихъ обязанностей, въ архивѣ московскаго дворянства для нуждъ своей большой семьи неумолимо подтачивали его силы". На 1900 годъ ему обѣщана была годичная заграничная командировка. Это подняло необычайно его энергію, готовую всегда вспыхнуть при первой надеждѣ. У него загорѣлось множество новыхъ плановъ; однако лѣто онъ рѣшилъ посвятить безусловному отдыху, частью по требованію докторовъ, частью подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ трагическаго конца его товарища, професора Корелина, сдѣлавшагося жертвой переутомленія. „Вы не смотрите,—говорилъ близкимъ людямъ Гротъ, — что я бодръ и веселъ; у меня всѣ органы поражены, и я нуждаюсь въ основательномъ отдыхѣ, чтобы меня не постигла участь Корелина. Все лѣто буду лежать на травѣ, подъ деревомъ, и только отдыхать, отдыхать"... „Видно было,—говоритъ біографъ,—что онъ считалъ близкую опасность благополучно миновавшей". Но это оказалось не такъ. Предстояло принять мѣры противъ опасности, медленнѣе наступавшей и болѣе неотвратимой. Онъ рѣшился покинуть вовсе Москву. „Это была тяжкая уступка его переутомленію. Онъ хотѣлъ устроиться въ Харьковѣ, гдѣ онъ лучше могъ сберечь свои силы, которымъ въ Москвѣ, вслѣдствіе условій жизни, хлопотъ по журналу и Психол. Обществу, многое угрожало. Къ этому присоединялись и практическія соображенія: близость Харькова къ его лѣтнему убѣжищу, возможность болѣе дешеваго устройства и проч. Носились слухи, что къ пріѣзду Грота осенью въ Москву рѣшено было почтить его прощальнымъ обѣдомъ... Многіе были поражены необычайной новостью: „Гротъ оставляетъ Москву!"— „Какъ же это, — спрашивали многіе, — создалъ Психологическое Общество, создалъ журналъ, заслужилъ огромную популярность и уваженіе, — и все бросаетъ!" Когда эти слова были переданы Гроту, онъ, уже чувствуя себя серьёзно больнымъ, нетерпѣливо возразилъ: „Ну, да! Ну, да! создалъ и Общество, и журналъ, а теперь усталъ; что же тутъ непонятнаго?"

Онъ торопился выѣхать изъ Москвы и все дѣлалъ самъ, приготовляясь къ отъѣзду. Но это, уже ничтожное для здороваго организма, переутомленіе съ хлопотами выѣзда — оказалось для

надорванныхъ его силъ роковымъ. Едва пріѣхавъ въ деревню, онъ почувствовалъ себя худо и черезъ десять дней (23 мая 1899 г.) его не стало. Въ сущности онъ былъ похожъ на чрезвычайно зарумяненное яблоко, все съѣденное внутри червемъ, т.-е. онъ былъ совершенно боленъ, почти умиралъ, и только (для собесѣдника) кожа его блестѣла молодостью, а глаза—живостью и предпріимчивостью. Можетъ быть и физическихъ-то силъ ему было отпущено въ мѣру: и онъ только ярко горѣлъ, и быстро сгорѣлъ весь. И трудъ его, и всѣ біографическія перипетіи вынесъ бы человѣкъ „пожиловатѣе“. Но этой „жиловатости“ вовсе въ немъ не было. Скорѣе его организмъ былъ похожъ на красивую фарфоровую куклу, быстро обтрепавшуюся и, наконецъ, разбившуюся въ рукахъ ребенка-баловня, какимъ была его біографія.

Объ отъѣздѣ его изъ Москвы, просто по бѣдности и усталости, мы впервые узнаемъ изъ этого теперь вышедшаго перваго тома его сочиненій. „Злая татарщина“—какъ не сказать этого! Невозможно представить себѣ человѣка болѣе на мѣстѣ, чѣмъ какъ былъ онъ при Обществѣ и журналѣ, единственныхъ точкахъ философскаго идеализма у насъ за промежутокъ болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ. Если вообще умственная жизнь Россіи чего-нибудь стоитъ, то безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Гротъ былъ въ этой жизни однимъ изъ важныхъ, необходимыхъ колесъ. Необходимое колесо въ умственномъ движеніи страны, обнимающей шестую часть земной суши и имѣющей 130—140 милліоновъ населенія! И какова его судьба? Онъ, видите ли, не держался ни „zweikinder-system“, ни „keinkinder-system“; этотъ рабочій, ломовикъ, не придерживался предостереженія Мальтуса и Д. С. Милля, что „средства пропитанія увеличиваются только въ ариѳметической прогрессіи, тогда какъ населеніе имѣетъ несчастную тенденцію возрастать въ прогрессіи геометрической“. И умеръ заработавшись, свалясь отъ усталости, какъ лошадь подъ непосильнымъ возомъ. А какъ было свѣтло начало его поприща:

„Съ какимъ удовольствіемъ я иногда проѣзжаю черезъ Кремль и размышляю, что нахожусь въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, составляя одинъ изъ кусочковъ ткани этого сердца. Но я еще не наслаждаюсь Москвою вполнѣ. Сначала надо потрудиться хорошенько, чтобы пріобрѣсти досугъ и возможность жить посвободнѣе. Я еще ни разу не имѣлъ времени пойти погулять безъ цѣли въ Кремль и насладиться спокойно видомъ Москвы: ни разу еще мы не были ни въ музеяхъ, ни на выставкахъ, ни въ галлереяхъ“.

Такъ писалъ онъ переѣхавъ на профессуру въ Москву. Это были дни кануна подъема всѣхъ его силъ, какъ общественнаго дѣятеля и журналиста, въ Первопрестольной. Вотъ строки его изъ Нѣжина, болѣе раннія, когда онъ впервые окружилъ себя семейнымъ кругомъ:

„Прошла пора, когда я смотрѣлъ на жизнь, какъ на чашу славы и богатства. Самая лучшая цѣль жизни — уравновѣсить умственныя, теоретическіе моменты съ моментами спокойнаго семейнаго счастья. Нѣмцы давно это поняли, и они на женитьбу смотрятъ, какъ на долгъ, въ тотъ моментъ, когда они пріобрѣтутъ первую трудовую копейку. Это стимулъ къ новой работѣ. Вотъ и теперь у меня серьезная цѣль въ жизни -сдѣлаться достойнымъ милой, идеальной дѣвушки. Я знаю, что меня ждетъ награда въ будущемъ и это удесятеряетъ энергію моихъ добрыхъ намѣреній".

Любовь, по словамъ его, отразилась на его дарѣ рѣчи: „Сегодня читалъ лекціи съ особеннымъ одушевленіемъ. Законы Вебера, Фехнера, Вундта излагались мною самымъ краснорѣчивымъ образомъ" (XLII стр.). И вездѣ этотъ ясный, немного наивный, безкорыстный и довѣрчивый духъ чувствуется въ немъ. Вотъ онъ за границей, въ Берлинѣ, и біографъ, пользовавшійся письмами его къ брату, Конст. Як. Гроту, такъ передаетъ первые шаги еще набирающагося учености молодого человѣка:

„Съ своими новыми друзьми Гротъ прошелъ формальности матрикуляцій и вступилъ въ трудовую университетскую жизнь. Вначалѣ восторженное благоговѣнье передъ свѣтилами германской науки внушило новичку студенту нѣкоторый страхъ. Но это неизбѣжное смущенье скоро уступило мѣсто сознанію собственныхъ силъ, и не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, мы видимъ Грота центромъ общаго вниманія на разныхъ философскихъ собраніяхъ, гдѣ его уже успѣли замѣтить и оцѣнить, какъ молодую, много обѣщающую силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему уже начинаютъ относиться съ симпатіей, какъ къ человѣку. Его разспрашиваютъ о состояніи философской науки въ Россіи, произносятъ въ честь его привѣтственные тосты въ застольныхъ бесѣдахъ и вообще относятся къ нему сердечно и дружески; нѣкоторые берлинскіе ученые приглашаютъ его къ себѣ и завязываютъ съ нимъ частное знакомство. Въ одномъ письмѣ къ брату онъ очень интересно описываетъ вступленіе свое какъ гостя — въ Берлинское Философское Общество, на засѣданіе котораго, соединенное съ обѣдомъ, онъ введенъ однимъ своимъ знакомымъ. Здѣсь, въ числѣ 15 человѣкъ, присутствовали выдающіеся философы, напр.

Мишле, Меркеръ, Кирхманъ, Шасслеръ, Фредериксъ и др., отнесшіеся къ молодому русскому ученому съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Предсѣдательствующій, профессоръ Меркеръ, представилъ Обществу Николая Яковлевича, предложилъ за него, единственный въ этотъ разъ, тостъ, какъ за представителя русской философской науки въ Берлинскомъ Философскомъ Обществѣ. „Чокнувшись со всѣми“,—разсказываетъ Н. Я.,—„я обратился къ собранію съ выраженіемъ благодарности, и сказалъ небольшую рѣчь о состояніи философской науки въ Россіи,—рѣчь, которая имъ очень понравилась, такъ что они выразили надежду, что я когда-нибудь буду держать болѣе подробный Vortrag по этому предмету“... Вскорѣ Гротъ завоевалъ въ философскомъ кругу Берлина такое сочувствіе и возбудилъ такія надежды, которыя обязывали оправдать составившееся о немъ лестное мнѣніе и заставляли его усиленно работать. Особенно тепло отнесся къ нему извѣстный Лацарусъ, выразившій желаніе, чтобы Гротъ сдѣлался сотрудникомъ по русскому отдѣлу издаваемаго имъ „Zeitschrift für Völkerpsychologie“.

Въ этихъ отрывкахъ, какъ живой, рисуется Н. Я. Гротъ. Гротъ и дремливость были несовмѣстимы. Гдѣ бы онъ ни появлялся, начиналось движеніе. Не очень сильное, не упорное, не къ которой-нибудь вдругъ выявившейся и ставшей насущною цѣли. Этой черты дѣятельности фанатиковъ въ немъ не было. Начиналось легкое броженіе веселящаго шампанскаго. Скептицизмъ разсѣевался около столь увѣреннаго человѣка, лѣнь спадала около человѣка, вѣчно подвижного. Гулять ли, пѣть ли (въ ученическіе годы) предстояло,—учиться ли, писать ли диссертацію или образовывать общество, журналъ: для всего былъ хорошъ этотъ человѣкъ, къ которому такъ шелъ бы стихъ старика Богдановича о Психеѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька (=Психея), нарядахъ хороша!

И вотъ такой чистый и умный „Ребенокъ“, если это нарицательное имя позволено, олицетворивъ его, передѣлать въ собственное, какъ древніе сдѣлали это съ названіемъ „души-Психеи“,—этотъ всѣхъ освѣжавшій „Ребенокъ“ упалъ, когда на возъ ему москвичи наложили тяжелыхъ московскихъ булыжниковъ.

И пусть читатели всей Россіи исправятъ ошибку или грѣхъ Москвы, ошибку или грѣхъ нашего учебнаго вѣдомства. Какъ мы слышали, самый выходъ послѣдующихъ томовъ сочиненій Н. Я. Грота поставленъ въ зависимость отъ того, разойдется ли и окупитъ издержки изданія 1-й томъ.

3.

Рукописи Н. Я. Грота.

Покойный Н. Я. оставилъ свои бумаги въ большомъ порядкѣ: и непапечатанныя по разнымъ причинамъ его статьи (въ рукописи или въ корректурѣ), и разные наброски и замѣтки—философскаго и иного (публицистическаго) содержанія, и черновыя его трудовъ, и университетскія лекціи со всѣмъ, что къ нимъ относилось (программы, темы), и бумаги по предсѣдательству въ Моск. Психологич. Обществѣ и по редактированію „Вопросовъ Фил. и Псих.“, наконецъ, огромная его переписка,—все это было приведено имъ въ систематическій порядокъ и хранится въ особыхъ пакетахъ и папкахъ (б. ч. въ Харьковѣ, у вдовы покойнаго, отчасти у меня). Видимо, Н. Я. предчувствовалъ, что ему не суждено долго жить (о чемъ онъ даже не разъ заговаривалъ съ близкими), и своевременно позаботился о передачѣ потомству въ возможномъ порядкѣ своего умственнаго наслѣдія.

Читателямъ 1-го изданнаго выпуска его статей („Философія и ея общія задачи“, Спб., 1904 г.) извѣстно, что покойный, имѣя въ виду посмертное изданіе трудовъ своихъ, распредѣлилъ ихъ (въ особомъ перечнѣ) на нѣсколько отдѣловъ [1]), изъ которыхъ, къ сожалѣнію, могъ быть изданъ пока лишь одинъ. Сохранился и писанный за годъ до кончины маленькій набросокъ инструкціи на этотъ предметъ, гдѣ онъ ученую редакцію поручаетъ своимъ друзьямъ, покойному кн. С. Н. Трубецкому и проф. Л. М. Лопатину (которые дѣйствительно и редактировали вышедшій томъ), прося вмѣстѣ съ тѣмъ *не печатать* его писемъ [2]).

Рядомъ съ отчасти упомянутыми выше разрядами бумагъ (1. Лекціи, отчасти литографированныя. 2. Редакціонныя бумаги. 3. Письма дѣловыя, научныя и частныя. 4. Газетныя статьи и вырѣзки), есть немаловажные для изданія его сочиненій отдѣлы (въ особыхъ папкахъ), напр. 1) программы, тезисы, разныя черновыя статьи, 2) Вступительныя лекціи и 3) кипа рукописныхъ статей и замѣтокъ подъ общимъ заглавіемъ „Pensées“.

Наконецъ, самый обширный и, думается, самый важный отдѣлъ бумагъ (статей, лекцій, набросковъ, замѣтокъ) заключенъ и распредѣленъ въ 14-ти папкахъ подъ общимъ заглавіемъ „*Психологія*“.

[1]) 1. Философія. 2. Исторія Философіи. 3. Психологія. 4. Этика и соціологія 5. Статьи на разныя темы.

[2]) Онъ сознавалъ, что въ нихъ онъ, по своей впечатлительности и экспансивности, былъ нерѣдко слишкомъ рѣзокъ и недостаточно сдержанъ въ сужденіяхъ.

Позволяемъ себѣ дать здѣсь для интересующихся болѣе подробное ихъ описаніе согласно распредѣленію (особые пакеты съ надписями) самого автора [1]).

1. а. Предметъ, задачи, направленіе психологіи и ея отдѣлы.

1. Черновыя двухъ лекцій 1898 г. „Задачи современ. психологіи“ и „Психологія“.
2. Отрывочныя замѣтки.
3. 1891—2. Лекціи въ Политехнич. Музеѣ.
4. 1897. О задачахъ и направленіи психологіи. Лекція.
5. 1892. Предметъ и задачи психологіи.
6. 1893. Тоже.
7. 1894. Предметъ психологіи.
8. — Основные вопросы Психологіи.
9. 1895. Предметъ и задачи психологіи.
10. — Тоже.
11. 1896. Тоже.
12. 1876—80. Вступительныя лекціи въ Нѣжинѣ.

1. б. Исторія психологіи и ея современная литература.

1. 1898. Исторія психологіи.
2. 1893. Исторія психологіи и литература.
3. 1894. Очеркъ исторіи психологіи и ея литература.
4. 1895. Тоже.
5. 1896—7. Направленіе психологіи и ея область.
6. 1876. Истор. очеркъ психологіи и литература, лекціи въ Нѣжинѣ.

2. Источники психологическаго знанія, методы психологическихъ изслѣдованій.

1. 1898. Психологическіе методы.
2. 1895. Источники и методы.
3. 1892. Методы.
4. 1894. Источники и методы.
5. 1891—2. Источники и пути психолог. познанія (публичн. лекція въ Политехн. Музеѣ).
6. 1893. Методы.
7. 1896—7. Источники психологическаго знанія.
8. 1897. Источники и методы психологическаго знанія.
9. — О методахъ психологіи (рефератъ).
10. 1876. Методы науки психологіи (въ Нѣжинѣ).

3. Положеніе и значеніе вопроса о душѣ.

1. 1897. О душѣ (на колл. урокахъ).
2. 1891—2. О душѣ (изъ публичн. лекцій).
3. 1893.
4. 1895.
5. 1896.
6. 1896—7.
7. 1897.

} О душѣ.

[1]) Порядокъ въ нумераціи пакетовъ, не всегда соотвѣтствующій хронологіи, быть можетъ, не случайный. Весьма возможно, что мы имѣемъ здѣсь матеріалы и набросокъ плана для задуманнаго П. Я. большого труда по психологіи. *К. Г.*

4. О сознательной и безсознательной душевной дѣятельности.

1. 1897. Сознательная и безсознательная душевн. дѣятельность (изъ лекціи на колл. урок.).
2. Лекція о томъ же 1895 г. (11 апр.).
3. 1895.
4. 1892—3.
5. 1892.
6. 1895.

} О сознаніи.

5. Анатомо-физіологическая и психическая организація. Наслѣдственность и развитіе.

1. 1897. Организація (лекція).
2. 1897. Наслѣдственность (изъ лекцій на колл. урок.).
3. 1876. Наслѣдственность и личное развитіе (Нѣжинъ).
4. 1891—2. Наслѣдственность (лекція въ Политехнич. Музеѣ.
5. 1891—2. Органическія основы душевн. жизни и наслѣдственность (лекція въ Политехнич. Музеѣ).
6. Двѣ лекціи (5 и 6) (списан. друг. рукой).

6. Душевныя явленія и процессы. Элементы и моменты психической дѣятельности. Классификація душевныхъ состояній.

1. 1895. Классификація.
2. 1876—7. Изъ лекцій 1-го года въ Нѣжинѣ.
3. 1890—1. Психическая жизнь и идеи пространства, времени и причинности.
4. 1891. Классификація душевн. явленій (публ. лекц. въ Политехн Музеѣ).
5. 1892. Душевн. явленія, процессы, состоянія.
6. 1893. Психическія явленія.
7. 1895. Фазисы душевныхъ явленій.
8. 1896. Психическія явленія и ихъ классификація.
9. Два листка черновыхъ набросковъ.

7. Ощущенія: Анализъ и классификація. Иллюзіи и галлюцинаціи.

1. Набросокъ плана изложенія предмета.
2. 1897. Ощущенія. Конспектъ лекцій на колл. урок.
3. 1896. Ощущенія; Иллюзіи; Галлюцинаціи.
4. 1897. Ощущенія.
5. 1876—80. Ощущенія, иллюзіи, галлюцинаціи (Нѣжинъ).
6. 1891—2. Ощущенія (лекціи въ Политехн. Музеѣ).
7. 1895. Тезисы о природѣ ощущеній.

8. Память, ассоціаціи, умственные процессы, сновидѣнія.

1. 1891—2. Память (лекціи въ Политехн. Музеѣ).
2. О памяти (выписки).
3. 1894—5. Умственная дѣятельность.
4. 1896. Память, ассоціація, апперцепція, умственная дѣятельность, сознаніе и воля.
5. 1897. Умственные процессы (на колл. урокахъ).
6. 1876. Память и забвеніе; ассоціація идей (въ Нѣжинѣ).
7. 1878—9. Основы умственной дѣятельности.

9. Чувствованія и чувства. Эмоціи и аффекты: Анализъ и классификація.

1. Программы (перепис. дочерью Н. Я.).
2. „ литографированныя.
3. Чувствованія. Конспекты 1899, 1897 и б. ранніе.
4. 1876—7. Чувствованія (Нѣжинъ).
5. 1891—2. Чувствованія и чувства (лекціи въ Политехн. Музеѣ).

10. Влеченія, инстинкты, желанія, хотѣнія. Воля и ея свобода.

1. 1891—2. О волѣ (л. въ Политехн. Музеѣ).
2. 1897. Воля и свобода воли (л. на колл. ур.).
3. 1876—7. Стремленія. Эмоц. дѣятельность (Нѣжинъ).

11. Движенія и дѣйствія. Выраженія и поступки. Понятіе психической дѣятельности.

1. 1891—2. Движенія и выраженія.
2. 1876. Движенія и выраженія (Нѣжинъ).

12. а. Психическіе типы. Способности, талантъ и геній. Темпераментъ, характеръ.

1. 1891—2. Талантъ и геній (лекціи въ Политехн. Музеѣ).

12. б. Психологія личности въ ея цѣломъ; психологія дѣтей, половъ. Народная психологія.

1. Я и личность (отрывокъ).
2. 1897. О психическомъ развитіи личности и проч. (л. на колл. урокахъ).

Кромѣ всѣхъ этихъ ученыхъ матеріаловъ и работъ Н. Я., сохранились еще многіе его юношескія опыты, статейки, наблюденія, отрывки путевого дневника (на Волгѣ), выписки и проч.

Будемъ надѣяться, что кто-нибудь изъ спеціалистовъ-философовъ, напр. изъ числа учениковъ Н. Я., еще заглянетъ въ бумаги покойнаго, подробнѣе разсмотритъ ихъ и, быть можетъ, извлечетъ изъ нихъ то, что еще подлежитъ научной оцѣнкѣ и опубликованію, а начатое, благодаря сочувствію покойному философу А. С. Суворина, изданіе его трудовъ (исключая диссертацій) не остановится на 1-мъ выпускѣ и будетъ довершено при просвѣщенной поддержкѣ Московскаго Психологическаго Общества, для котораго Н. Я. такъ много и плодотворно поработалъ.

К. Гротъ.

I.

Указатель личныхъ именъ.

Абрикосовъ, А. А. 85, 86, 91, 308, 344, 346.
Абрикосовъ, Н. 345, 346.
Адамовъ, А. А. 12.
Адольфъ, А. 345.
Айхенвальдъ, Ю. И. 1, 49, 52, 55, 156, 228, 290, 310, 312, 313, 346, 365.
Аксеновъ, М. С. 347, 348.
Alaupović 367.
Александръ Николаевичъ, В. К., (имп. Александръ II) 4, 59, 230, 235.
Александръ III, императоръ 3, 59, 221, 225, 373.
Алексѣенко, М. М. проф. и попеч. 233.
Антоній, ректъ. Моск. Дух. Акад. (буд. архіеп.) (Храповицкій) 303.
Антоній, ректъ. С.-Петерб. Дух. Акад. 297.
Антоновичъ, В. Б. проф. 37.
Аристотель 67, 71, 83, 84, 91, 117, 118, 141, 143, 152, 167, 170, 194, 195, 196, 209а, 218, 219, 317, 339, 349, 376, 377.
Аскоченскій 327.
Астафьевъ, П. Е. 51, 239, 240, 251, 253, 271, 344, 355, 369, 372.

Б. 366.
Б. В. Н. (Никольскій) 366.
Баженовъ, Н. 345.
Бакмейстеръ, библіогр. 3.
Балакиревъ, М. А. X—XV.
Балталонъ, Ц. П. 346, 371.
Бартеневъ, П. И. XVIII, 24.
Бартеневъ, Ю. П. 346.
Басистовъ, А. 346.
Бауеръ, В. В. проф. 167.
Безобразовъ, П. В. 345.
Бенардаки X.
Бенеке, психологъ 64.
Бердяевъ, Н. А. 385.
Бернштейнъ, А. Н. 346, 371.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. XV, 167.
Бецъ, проф. 360.
Бирюковъ, П. И. 213, 220—224.
Благовѣщенскій, проф. XXIII.
Боборыкинъ, П. Д. 369, 371.
Богдановичъ, поэтъ 393.
Боголѣповъ, Н. П. 230, 231, 233.
Брандтъ, Р. О., проф. 14.
Бруно Джордано 36, 41, 82, 95, 109, 110, 116, 152, 170, 193, 262, 324, 330, 351, 352, 375, 376, 383.
Брунъ, Н. 345.
Бугаевъ, Н. В. 369, 372.
Будда 209, 219.
Булгаковъ, С. 374.
Бунге, Н. Х. 258.
Буссе, филос. 193.
Буткевичъ, протоіерей 298, 301.
Буцке, В. Р. 368—370.
Быковскій, Н. 344.
Бычковъ, А. Ѳ. XV, 334.
Бэнъ, филос. 181.
Бѣлкинъ, А. 346.

Вагнеръ, композ. 381.
Вальденбергъ 312.
Вальдэйеръ, проф. 27, 339.
Васильевскій, В. Г. 167.
Введенскій, А. И., проф. 251, 253, 258, 355, 357, 369.
Введенскій, Алексѣй И., проф. 135, 298, 365.
Веберъ, проф. 26, 33, 392.
Вейкманъ, муз. XIV.
Вельяминовъ-Зерновъ XV.
Венгеровъ, С. П. 349, 367.
Веневитиновъ 315.
Венцель, К. 217, 345.
Веригинъ, Алексѣй 364.
Веселовскій, А-ръ Н., проф. и акад. 15.
Видеманъ, д-ръ, педагогъ. 9, 11, 12, 59.
Вико, филос. 312.
Викторовъ, А. Е. 36.
Викторовъ, Д. В. 1, 48, 49, 175, 357, 365.
Виндельбандъ 355.
Виноградовъ, Н. 367.
Виноградовъ, П. Г. 299, 314, 345, 346.
Владиміровъ, Ник. Тим. 215.
Владиміръ Александровичъ, Вел. Кн. 59.

Владиславлевъ, М. П. 18, 22, 40, 63, 167, 378.
Воеводскій, проф. 196.
Волынскій, А., пис. 242, 363.
Вундтъ, псих. 33, 34, 73, 74, 122, 217, 356, 357, 370, 392.
Вышнеградскій, мин. 248, 249, 258.
Вяземскій, кн. П. А. XII.

Г. 363.
Гади, О. Л. 194, 364.
Гальперинъ-Каминскій, Е. 364.
Гарнакъ, проф. 245, 296, 297.
Гартвигъ, А. Ѳ. 370.
Гартманъ, проф. 297, 325.
Гегель 64, 209а, 291, 297, 298, 310.
Гексли, Т. Г. 369.
Гераклитъ 291.
Герасимовъ, О. 345.
Герценъ 324, 327, 330.
Герье, В. И. проф., 226.
Гёте 381.
Гефдингъ 358.
Гиляровъ, А. Н. 136, 353.
Гинцбургъ, Давыдъ, писат. 288.
Гинцбургъ, банкиръ 288.
Гирнъ, Г. А. 357.
Гіацинтовъ, В. 344.
Глинка, комп. X.
Гоголь 329, 358.
Гончаровъ 329.
Гогоцкій, проф. 32, 75.
Голицынъ, кн., В. 314, 315, 316.
Головинскій, проф. 327.
Головинъ, Х. С., проф. 24.
Гольцевъ, В. А. 44, 226, 314, 346, 355, 356, 357, 366, 370.
Гольцъ, проф. 332.
Гондатти 298.
Горацій XXIII.
Горбовъ, Н. 344.
Горвичъ, филос. 102.
Григорьевъ, Аполонъ 247.
Григорьевъ, В. В. XV.
Гротъ, Аля (Алексѣй Ник.) 217.
Гротъ, Ел. Яковл. XVI.
Гротъ, Іоакимъ Христіанъ (дѣдъ акад. Я. К.) 2, 58.
Гротъ, Карлъ Ефимовичъ (отецъ акад. Я. К.) 3, 54.
Гротъ, К. К., членъ Госуд. Совѣта XV, 3, 17, 18, 58, 66, 223, 230, 233.
Гротъ, К. Я., проф. IV, VII—XXV, 1, 5, 23, 207, 208, 210а, 397.
Гротъ, Л. Н. (сынъ Н. Я.) 306.
Гротъ, Марья Як. XVI.
Гротъ, Нат. Ник. (рожд. Лавровская) 33, 70, 78, 194, 216—219, 222, 223, 227, 229, 233, 234, 250, 256, 257, 258, 262—279, 286, 287, 292, 303, 307, 322.
Гротъ, Нат. Петр. VII — XXV, 3, 6, 7, 10, 11, 14, 29, 59, 245, 246, 285.
Гротъ, Нат. Яковл. XIV, XVI 285.
Гротъ, Роза Карл. 7.
Гротъ, Як. Карл. VII — XXII, 3, 4, 6 — 11, 13, 22, 29, 30, 58 — 62, 68, 167, 244, 245, 246, 332—336, 339, 380.
Гроты (ихъ родъ) 58.
Гуторъ (студентъ) 362.

Д. 350.
Давыдовъ, проф. 226.
Даль, В. И. XVIII.
Данилевская, О. А. 250, 256.
Данилевскій, Н. Я. XV, 250, 270, 328.
Дарвинъ (и дарвинизмъ) 237, 249, 328.
Дашковъ 336.
Декартъ 254, 270, 312, 356, 357, 373, 374.
Деляновъ, гр. И. Д. 231.
Деметцъ, Г. Г. 195.
Демосоенъ 360.
Денисенко, д-ръ 27, 339, 349.
Державинъ, Г. Р. XII, 8, 10, 60.
Де-Роберти, филос. 330.
Дерюжинскій, Вл. Ѳ. 345.
Дестунисъ Г. С. XXIII.
Дехтеревъ, П. Т. 289.
Джевалеговъ 312.
Джемсъ, В. 81, 103, 313.
Джордано Бруно, см. Бруно.
Диккенсъ 22.
Дильсъ, проф. 295, 296, 297, 299.
Добролюбовъ, крит. 329.
Долгинцевъ, В. Ѳ. 369.
Достоевскій, Ѳ. М. 21, 118, 182, 329, 330.
Дриль, Д. 344.
Дурново (комиссія Д.) 232.
Дю-Прель, филос. 271.

Евреинова, ред. „Сѣв. Вѣст.“ 46.
Екатерина II, императрица 3, 58.
Ерштедтъ, В. К. 10.

Жанна д'Аркъ 270.
Жельвовичъ, каноникъ 326.
Жуковскій, В. А. XII.

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. XV.
Залѣсскій 278.
Заратустра (Зороастръ) 164 209а.
Звѣревъ, Н. А., проф., нынѣ сенат. и членъ Госуд. Сов. 51, 312, 344.
Зейлигеръ, Л. 350.
Зенгеръ, Г. Э., проф. 25.
Зигвартъ, проф. 35, 36, 73.
Зиловъ, П. А., проф., нынѣ попечитель Кіев. уч. окр. 24.
Златоустъ, Іоаннъ 147.

Ибервегъ (и Гейнце), (ихъ „Ист. Нов. Фил.“) 343, 355, 362.
Ивановичъ, Р. Хр. XXIV.
Ивановскій, Вл. Ник. 1, 51, 57, 226, 272, 284, 286, 346, 349, 365, 370

Ивановъ, Н. 346.
Иванцовъ, А. М. 288, 312.
Иванцовъ. Н. А. 249, 263, 272, 344, 368, 369, 370 372.
И. Ж. 351, 362.
Jzoule Jean 371.
Кавелина, С. К. (Брюллова) XXII.
Кавелинъ, К. Д. XV, XXII, 18, 63—67.
Каленовъ, П. А. 344, 346, 370, 371.
Каллигула, Кай 322.
Кантъ 42, 71, 109, 113, 158, 167, 170, 220, 270, 271, 272, 279, 283, 288, 324, 325, 326, 341, 378, 379, 381, 388.
Капнистъ, гр. 335.
Капустинъ, М. Н. 233.
Каринскій, проф. 258, 297.
Карусъ—Paul Carus 355.
Карѣевъ, Н. И., проф. 40, 268, 307, 351, 368.
Катилина 323.
Катковъ, М. Н. XVIII, 242, 322.
Квитницкій, С. Г., преподав. 189, 190.
Кеневичъ, XV.
Кирхманъ, проф. 25, 393.
К. К. 349.
Ключевскій, В. О., проф. 312, 314.
Кнорингъ, И. Ѳ., директ. Лар. гимн. XVII, 12.
Княжевичъ, Мин. Фин. 233.
Ковалевскій, А. О., проф. 191.
Козловскій 75.
Козловъ, А. А., проф. 31, 32, 33, 40, 45, 71, 72, 75, 83, 101, 134, 169, 340, 341, 349, 350, 352, 380, 381, 388.
Коларжъ, О. И. VII.
Колубовскій, Я. П. 343, 344, 349, 354, 355, 362, 363.
Кони, А. Ѳ. 225—235, 314.
Контъ, Огюстъ 85, 100, 191, 192, 340, 385, 387.
Конфуцій 209а, 219.
Коперникъ 172.
Корелинъ, М. С., проф. 55, 89, 312, 344, 346, 390.
Кориловъ, А. 345.
Короленко, писат. 267.
Корсаковы 310.
Корсаковъ, С. 344, 346, 357.
Коршъ, Ф. Е., проф. 298.
Коссовичъ, К. А. XV, XVI, XVII, XXIII.
Коссовичъ, И. А. XVII, XVIII, 12.
Кочубинскій, А. А., проф. 43, 72, 73, 74, 79, 362.
Кропоткинъ, кн. (эмигрантъ) 324.
Крыловъ, баснопис. XII.
Кузьминъ-Караваевъ 271, 286.
Кулябка, Г. С. 74, 251, 253, 362, 366.
Куно-Фишеръ, См. Фишеръ К.
Куманинъ, А. А. 296.
Курціусъ XVII, XVIII.
Кушнеревъ (его типографія) 284, 287.
Лаасъ, проф. 26, 339.
Лавровская, Н. Н., см. Гротъ, Н. П.
Лавровскій, П. А. 22, 24, 28, 33, 37, 38, 70, 76, 339.
Ladd, 356.
Ламанскій, В. И. XV, XXIII. 16.
Ланге, Альбертъ, проф. 100, 103, 317, 318, 379.
Ланге 297, 298, 312.
Лао-Цзы 155, 209а, 219.
Ласвицъ, филос. 123.
Лассонъ, проф. 259, 297.
Лацарусъ, проф. 26, 339, 393.
Лейбницъ 119, 143, 144, 182, 209а, 242, 376, 381, 385.
Ленцъ, проф. 296.
Леоновъ, О. 344.
Леонтьевъ 270.
Леонъ (Левонъ) см. Лопатинъ, Л. М.
Лермонтовъ, М. Ю. XII, 329.
Лесевичъ, В. В. 40, 266, 267, 353.
Лессингъ 142, 377.
Либманъ, проф. 26, 27, 69, 339.
Лобачевскій, матем. 195.
Локкъ 71, 209а.
Ломоносовъ 21.
Лонгиновъ, М. Н. XV.
Лопатинъ, Л. М. 51, 88, 226, 273, 275, 276, 278, 279, 283, 285, 286, 289, 290, 291, 298, 301—308, 310, 312, 314, 334, 344, 346, 349, 355, 365, 369, 370, 371, 388, 394.
Лопатинъ, М. Н. 278.
Лопатинъ, Н. М. 278.
Лотце, филос. 167.
Лыткинъ, Г. С. 12.
Люгебиль, К. Я., проф. 23, 167.
Люперсольскій, П. И., проф. 24, 33.
Майеръ, Робертъ 379.
Майковъ, А. Н. XV, 245.
Маймонидъ, Моисей 369.
Макіавели 312.
Маклаковъ А. 344.
Максуэль 379.
Мальтусъ 391.
Мамуна, гр. 345, 346.
Маркевичъ, А. И., проф. 82, 83, 362.
Мейнертъ 370, 371.
Менделѣевъ, проф. 19, 63, 238.
Меркеръ, проф. 25, 387.
Мечниковъ, И. И. 191, 330.
Микшъ (Mikš) 367, 368.
Миллеръ, О. Ѳ., проф. 15, 167.
Милль, Д. С. 181, 385, 391.
Милюковъ, П. П., проф. 270, 271, 272.
Минаевъ, П. И., проф. 167.
Минцловъ, Р. 344.
Митюха Валдайскій (псевдонимъ) 361.
Михайловскій, В. 345.
Михайловскій, Н. К. 363, 388.
Мишле, проф. 25, 393.
Модестовъ, В. 353.

Мокіевскій, П. В. 363.
Монтегацца 240.
Морозовъ, П. О. 15.
Моцартъ 381.
Муромцевъ, С. А., проф. 226, 344.
Муръ Томасъ 150.

Некрасовъ, Н. С., проф. 189, 321, 322.
Несторъ, лѣтопис. 9.
Никаноръ, архіеп. Херсонскій 42, 47, 83, 108, 141, 142, 147, 170, 192, 263, 317—331, 341, 343, 353, 362, 375, 383, 387, 388.
Николаевъ, Ю. 359, 364.
Николай Александровичъ, вел. кн. Цесаревичъ (братъ Александра III) 59, 60, 61, 62.
Николай I Павловичъ, Императоръ 3,
Никольскій, Ал., III 366.
Ницше, Фридр., филос. 52, 164, 165, 250, 355.
Норовъ, А. С. 36.
Нотовичъ, ред. 269.
Ньютонъ 389.

Оболенскій, Л. Е., пис.-филос. 40, 198, 354, 366.
Огневъ, И., проф. 345.
Одоевскій, кн. 225.
Октавій Августъ 322.
Оношкевичъ-Яцына, домовлад. 243.
Орбинскій, Р. В., проф. 79.
Оригенъ 309.
Оствальдъ, филос. 123, 128, 377.
Остроумовъ, проф. 373.
О. Т. В. 363.
Оттъ (его чешскэнци кл. словарь) 339.

Павелъ I Петровичъ, Императоръ 3.
Павленковъ, изд. 270.
Павлиновъ, проф. 311.
Папачекъ, П. О. 339, 367.
Парамоновъ, В. С. 12.
Патера, А. О. XII.
Паульсенъ, проф. 295, 297, 302, 303.
Пашковъ, сект. 330.
П—въ, Л. К. (Эльпе) 349, 351, 360, 363.
Пекарскій, ак. XV.
Петръ III, Императоръ 58.
Петровскій, Алекс. Григ. 272, 273, 344.
Петръ Великій 270.
Петръ Симонъ, апостолъ 319.
Пироговъ, проф. 328.
Писаревъ, писат. 328, 329.
Писемскій 21.
Пиѳагорейцы 339, 349.
Платонъ 41, 42, 67, 83, 84, 91, 109, 117, 141, 143, 152, 160, 170, 182, 188, 194, 195, 196, 209а, 223, 254, 317, 339, 341, 349, 357, 359, 376, 377.
Плетневъ, А. Н. 359.
Плетневъ, Ал-ѣй Н. 368.
Плетневъ, Н. А. 3, 4, 361.
Плетневы XXV.
Побѣдоносцевъ К. П. 249, 334.
Погодинъ М. П. XVIII, 22.
Поливановъ, Л. И., педагогъ 89.
Полонскій, Я. П. XV.
Пономаревъ, С. И., библіографъ 24.
Преображенскій, Вас. Петр. 51, 271, 273, 312, 344, 346.
Преображенскій, П. А. 320, 321.
Протопоповъ, Д. С. XXV.
Протопоповъ, М. А. 363.
Прядкинъ, С. 366.
Пушкинъ, А. С. XII, 60, 88, 91, 150, 364.
Пясковскій, д-ръ 355, 373.

Радловъ, Э. Л. 167, 261, 265, 276, 365.
Рафаэль 381.
Рашевскій, И. Ѳ., педагогъ 12.
Рачинскій 310.
Ренанъ 105.
Ренхертъ, проф. 339.
Ржандковскій, И. 345.
Рибо, франц. уч. 201.
Рихтгофенъ, проф. 295.
Розановъ, В. В. 238, 239, 248, 271, 367, 368, 386—393.
Розенъ, бар., В. Р., проф. 288.
Роковъ, П. 350.
Романовичъ-Словатинскій, проф. 196.
Рудаковъ, А. П. 12.
Савичъ, ак. XV.

Сазоновъ, домовлад., XIII, 4.
Сазоновъ, Г. П., ред.-изд. 196.
Саллюстій 323.
Саломонъ, А. П. 270.
Самаринъ, Ю. Ѳ. 26, 360.
Самаринъ, Ѳ. Д. 298.
Самсонъ 164.
Сведенборгъ, Эмм. 289.
Семенова, Маргарита (Николаевна) 245.
Семенова, Над. Павл. IX.
Семеновъ (Тянъ-Шанскій), Д. П. XXIV.
Семеновъ, Н. П., сенат. IX—X, XV, 7, 8, 10, 59, 237, 245.
Семеновъ, П. Н., капитанъ Изм. п. 3, 361.
Семеновъ (Тянъ-Шанскій), П. П., сенат., чл. госуд. сов. XV, XXIV, 7, 59.
Семеновъ, С. Т., нар. пис. 216.
Сербскій, В. П. 344, 346, 370.
Сергѣй Александровичъ, Вел. Кн. 235.
Серебрянскій 315.
Сидонскій, проф. 40.
Сиповскій, В. Д. 12.
Скабичевскій, А. М. 351.

Скворцовъ, Н. Е., проф. 38, 75.
Сковорода, филос. 286.
Смирновъ, проф. филос. 43.
Смирновъ, Ѳ. 345.
Соколовъ, П. П., проф. 1, 96, 99—135, 365, 376, 380.
Соколовъ, Ѳ. Ѳ., проф. 167.
Сократъ 301, 374.
Солдатенковъ 273.
Соловьевъ, Вл. С. 2, 20, 44, 51, 53, 68, 99, 148, 172, 201, 207, 215, 237, 241, 243, 249, 253, 255, 261—293, 295—301, 304, 306, 307, 310, 320, 322, 335, 341, 356, 364, 365, 369, 374, 376, 377, 378, 380, 383, 384, 386.
Соловьевъ, Вс. С. 270.
Соловьевъ, Мих. С. 272.
Спекторскій Е. В., проф. 360, 368—380.
Спенсеръ, Гербертъ 67, 94, 100, 102, 103, 104, 118, 126, 152, 153, 169, 180, 205, 209а, 226, 340, 376, 385.
Спиноза 165, 356.
Срезневскій, И. И. XV, 16, 167.
Старынкевичъ, С., ген. 357.
Стасюлевичъ, М. М. 264, 270, 293.
Стерлиговъ, домовл. 243.
Столыпинъ, Д. А. 85.
Страховъ, Н. Н. 211, 236 — 260, 267, 271, 341, 356.
Струбинъ К. 288.
Струве, проф. 354.
Суворинъ, А. С. 397.
Сухановъ, С. А. 291, 312, 344, 371.
Сухомлиновъ, М. И., XV, 15.
Сѣченовъ 18, 19, 63, 67.

Тамаринъ, Н. 366.
Тимирязевъ, проф. 237, 247.
Тимковскій, Н. 344.
Титъ Ливій 15.
Тихонравовъ, Н. С. 43, 44.
Токарскій, А. А., проф. 313, 314, 344, 346, 369.
Толстой, гр., Д. А. 322.
Толстой, Лёва (Л. Л., сынъ Л. Н.) 217.
Толстой, гр., Л. Н., III, 2, 42, 43, 44, 52, 53, 80, 81, 96, 164, 165, 166, 172, 182, 206, 207 — 210, 211 — 224, 227, 229, 230, 231, 234, 237, 239 — 242, 244, 246, 247, 249, 254, 267, 269, 282, 323 — 330, 341, 355, 359.
Троицкая, С. М. 78.
Троицкій, М. М. 1, 20, 33, 34, 64, 65, 66, 68, 72, 77, 78, 83, 84, 89, 99, 133, 149, 151, 153, 155, 156, 172, 188, 189, 199, 238, 300, 312, 367, 380.
Трубецкіе, кн. (семья) 274.
Трубецкой, кн. Е. Н., проф. 51, 296, 300, 301.
Трубецкой, кн. П. Н. 313, 314, 315,
Трубецкой, кн. С. Н. 51, 200, 226, 242, 252, 261, 265, 270, 273, 275—280, 283, 285, 289, 290, 294 — 316, 345, 346, 394.
Тургеневъ, И. С. 329.
Тютчевъ, поэтъ XII.
Тѣстовъ, 303.
Тэнъ 252.

Уильки Коллинзъ 22.
Уманецъ 266.
Умовъ, проф. 195, 312,
Успенская, Н. Э. 193.
Успенскій, Ѳ. И., проф. 193.
Устряловъ, ак. XV.

Фарадей 379.
Ф—въ, А. Л. 196, 199, 366.
Фейербахъ 64, 297, 298.
Фетъ (Шеншинъ), А. А. 44, 52, 213, 257, 274, 359.
Фехнеръ 33, 386.
Филатовъ, докт. 306.
Филишовъ, А. Н. 344.
Филипповъ, Т. И. XV.
Филонъ Александрійскій 321.
Фихте 131, 325, 379, 388.
Фишеръ Куно 26, 226, 254, 263.
Фламмаріонъ, Камиллъ 125.
Фофановъ, пис. 330.
Фохтъ, филос. 157.
Фредериксъ, проф. 25, 393.
Фулье, А. 356.
Фурье 388.

Холмскій, студ. 83.
Хомяковъ, А. С. 304.
Христосъ 209а, 219, 240, 283, 319, 320.

Целлеръ, проф. 296, 297, 339.
Цертелевъ, Д. Н. 244, 262, 312, 344, 370.
Цигенъ, 370.

Чебышевъ, ак. XV.
Челпановъ, Г. И. 185, 188, 345, 356, 365, 369.
Чернышевскій, Н. Г. 328, 329.
Чертковъ 218.
Чистовичъ, проф. 22.
Чистяковъ 216.
Чичеринъ, Б. Н. 85, 249, 254, 258, 310, 341, 370.

Шасслеръ, проф. 25, 393.
Шахъ-Назаровъ, С. Г. 370.
Шведовъ, проф. 191.
Шеборъ, О. А., VII—XXV, 12.
Шейнъ, П. В. XV.
Шекспиръ 381.
Шеллингъ 379, 388.
Шенрокъ, В. И. 1, 22, 57, 59, 60, 62, 63, 67 — 72, 74, 78, 79, 80, 87, 91, 365, 366, 380.
Шеншина, М. П. 257, 275.
Шеншинъ, см. Фетъ.
Шервинскій, В. 344.

Шиллеръ XXI.
Шипкинъ, Н. И. 344, 346, 369.
Шлейермахеръ 376.
Шлецеръ 3.
Шмитъ, Е. 345.
Шопенгауеръ 44, 46, 52, 83, 85, 109, 112, 116, 160, 182, 249, 250, 271, 341, 353, 384.

Щперкъ, Ѳ. 260.
Шпильгагенъ 62.
Щедринъ (Салтыковъ) 21.

Эйслеръ, филос. 193.
Эльпе, см. П—въ Л. К.
Эрисманъ, проф. 311.

Ю. А. 355.
Южаковъ, С. Н. 367.
Юзовъ 362.
Юліанъ Богоотступникъ 297, 298.
Юркевичъ, П. Д. 149, 154, 155, 156.

Янжулъ, проф. 273.
Ярошенко, художн. 224.
Ястребовъ, И. В. 21.

Ѳедоровъ, цензоръ 303.
Ѳеоктистовъ, Е. М. 249, 268, 303.
Ѳукидидъ XXIII.

Z. 366.

II.

Указатель названій мѣстностей, учрежденій и періодическихъ изданій.

Академія Духовная, см. Духовная Академія.
Академія Наукъ 226, 333.
Александровскій Императорскій лицей 4.
Альма, пансіонъ (Рауха) 278, 283, 284, 285.
Америка 1, 19, 123.
Андреевское дер. 216.
Архивъ Московскаго Дворянства 313—316.
„Archiv für Systematische Philosophie“ 357.
Астрахань 17.
Аѳонъ 247.

Баденъ-Баденъ 37.
Берлинъ VIII, 23, 24, 26, 27, 69, 168, 210a, 276, 295—301, 339, 358, 392, 393.
„Богословскій Вѣстникъ“ 365.
Больё (Beaulieu sur m.) 302.
Бреславль 24, 69.
Бѣгичевка, дер. 213.
Бѣлый, г. (Смол. губ.) 248.

Варшава 11, 223, 231.
„Варшавскій Дневникъ“ 364.
Васильевскій островъ VIII, XI, 4, 15.
Величка, г. 69.
Венеція 34.
Видемана училище (гимназія) VII, 9, 59, 167, 339.
Вильна 331.
Волга, р. 17, 360, 397.
„Волжскій Вѣстникъ“ 367.
Волоколамскій уѣздъ 216.
Волховъ, р. 10.
„Вопросы Философіи и Психологіи“ 1, 46, 57, 84—88, 134, 137, 139, 142, 148, 172, 173, 200, 202, 206, 217, 238, 239, 241, 244, 245, 251, 254, 255, 265, 266, 268, 272, 290, 291, 303, 311, 320, 331, 340, 341, 353—361, 263—273, 389, 394.
„Востокъ“ 364.
„Всемірный Вѣстникъ“ 368.
Выборгъ 277, 284, 291.
Выкырки, с. 261, 295.
Вѣна VIII, 11, 34.
„Вѣра и Разумъ“ 366.
„Вѣстникъ Европы“ 2, 18, 53, 65, 201, 233, 263, 264, 265, 267, 269, 285, 303, 304, 349—354, 365.

Гейдельбергъ 26.
Гельсингфорсскій (Александровскій), университетъ 59.
Гельсингфорсъ 4, 307, 339.
Генуя 34.
Германія 2, 22, 68, 73, 276, 379, 381.
Гётеборгъ 17.
Греція 15, 354, 359.

Далмація XXIV.
Данковскій уѣздъ 213.
Дерптъ (Юрьевъ) 295.
Динаръ (въ Бретани) 273.
Донъ XXV.
Донецъ, р. 56.
„Древняя и Новая Россія“ 363.
Духовная Академія Московская 297, 298.
Духовная Академія Петербургская 297.
„Дѣло“ 351, 362.

Европа 1, 35, 123, 199.
Епифановскій уѣздъ 215.

„Журналъ Министерства Нар. Просв.“ 357, 363, 365, 368, 374.

„Заграничный Вѣстникъ“ 350.
Зальцбургъ 11.
„Записки Новороссійскаго Университета“ 79, 351, 352.
„Заря“ 350, 352, 358, 360, 362.
Званка, им. 10.

Иваново, им. XXII, XXIV.
„Извѣстія Нѣжинскаго Ист.-филологическаго института“ 29, 70, 349, 350, 363.
Иматра 278, 283, 284, 285.

Институтъ (историко-филологическій) кн. Безбородка въ Нѣжинѣ 22, 28, 63, 69, 74—77, 168, 185, 189, 339, 340.
„Историческій Вѣстникъ“ 57, 59, 356—366.
Историческій музей (Московскій) 331, 360.
„Историческое Обозрѣніе“ ж. 268.
Италія 15, 359.
Ишль 11.

Іерусалимъ 303.

„Каббала“ 289.
Кавказъ 309, 310.
Кадетская линія 15.
Казань 43.
Кайсараранта 278.
Калужская губ. 215.
Кивачъ, водоп. 8, 10.
„Кіевлянинъ“ 358, 365.
Кіевскій университетъ (св. Владиміра) 31, 83, 195, 327, 340, 350.
„Кіевскія Университ. Извѣстія“ 349.
Кіевъ 24, 31, 33, 34, 37, 38, 39, 44, 69, 72, 73, 74, 78, 231.
Климовка, ст. 309.
Козловка, ст. 221.
Конотопъ, г. 24.
„Космополисъ (Cosmopolis)“ 364.
Кочетокъ, с. (Харьковск. губ.) 49, 56, 88, 135, 167, 212, 348.
Кочеты с. 210а.
Краковъ 24, 69.
Красная Слободка, дер. (имѣнье Гротовъ) XVIII, XXV, 10.
Крейцнахъ 301.
Кремль 48, 391.
Крымъ 256, 310.
Куопіо, г. 306.

Ларинская (IV) гимназія XIII, XVII, XX, 11, 12, 15, 59, 167, 339.
Лаурвикъ 303, 304.
Лейпцигскій университетъ 73.
Лейпцигъ 22, 23, 26, 34, 37, 68, 74, 185.
Лигницъ 24, 69.
Липяги, с. 262 263.
Ловизенлундъ 303, 304.
Львовъ, г. 24, 69.

Малиновая Роща XIX.
Маріенбадъ VII, IX, 11.
Марстрандъ 17.
Меньшово, им. 309.
Миланъ 34.
„Міръ Божій“ 385.
Москва XVIII, XIX, 12, 24, 32, 33, 34, 39—49, 52, 56, 72, 73, 78, 79, 88, 89, 90, 133, 148, 168, 172, 173, 186, 189, 196, 215, 220, 221, 222, 225, 227—234, 239, 260, 262, 263, 265, 268, 269, 272, 273, 276, 284, 285, 286, 292, 294, 296, 299, 301, 302, 305—311, 331, 334, 335, 341, 347, 348, 390—393.
Московскій Историческій Музей 360.
Московскій Университетъ 14, 84, 88, 90, 136, 186, 192, 195, 196, 199, 311, 322, 340, 352, 357, 364, 382.
„Московскія Вѣдомости“ 53, 139, 233, 321, 334, 345, 352, 353, 358, 359, 364—366.
Московское Психологическое Общество, см. Психолог. Общество.
Мшатка, им. 250, 256.
„Мысль“ 349, 350.
Мюнхенъ 34.

„Наблюдатель“ 350—352.
„Národní Listy“ 367.
„Народъ“, газ. 367.
„Научное Обозрѣніе“ 74, 366.
„Недѣля“ 349, 350, 351, 357, 358, 362.
Неккаръ, р. 35.
„Нива“ 354, 357.
Николаевъ, г. 327.
Ницца 223.
Новгородъ 8, 10.
„Новое Время“ 335, 351, 353, 354, 355, 357, 358—368, 386.
„Новороссійскій Телеграфъ“ 350, 351, 352, 362.
Новороссійскій (Одесск.) университетъ 37, 38, 43, 50, 79, 82, 83, 185, 189, 195, 340, 362.
„Новости“, газ. 268, 269, 351, 353, 367.
„Новь“, 351, 352, 363.
Норвегія XIV, 17, 303—305.
Нордерней, остр. 8.
Нѣжинъ 22—25, 28, 29, 35, 37, 38, 40, 69, 71, 77, 88, 91, 92, 148, 168, 172, 358, 363, 392, 395—397.

„Образованіе“ 354.
„Общество любителей россійской словесности“ 44, 343.
Общества Московскія (Юридическое, Историческое, Гигіеническое) 343.
Общества Одесскія (Естествознанія, Юридическое) 343.
Общества Психологическія (Берлинское и Мюнхенское) 343, 393.
Общество Психологическое Московское, см. Психологич. Общество.
Общество Физіологич. Психологіи. (Парижское) 343.
Общество Эксперимент. Психологіи (С.-Петербургское) 343.
Одесса 38, 39, 41, 43, 44, 50, 79, 82, 83, 92, 148, 172, 186, 190—192, 195, 198, 205, 231, 298, 317—331, 340.
„Одесскій Вѣстникъ“ 351, 352, 362.
„Одесскій Листокъ“ 350, 351, 352, 354, 362, 366.

„Одесскія Новости“ 351, 352, 367.
„Одесскій Сборникъ“ (1892) 359.
Олонецкая губернія 8.

Павловскъ XVIII.
Парижъ 265, 273, 275, 276, 341.
Патрикѣева трактиръ 334.
Петербургскій университетъ VII, XX, 10, 59, 167, 339.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 366, 368.
С.-Петербургъ, XIII, XI, XVIII, XXI, XXIV, 3, 4, 17, 23, 26, 58, 226, 228—231, 234, 251, 254, 256, 262—269, 271, 285, 286, 287, 292, 298, 301, 303, 306, 327, 334, 339, 348, 373, 389.
Петергофъ XVIII.
Петрозаводскъ 8, 10.
Петропавловское училище 3.
Пльзно (Пильзенъ) 11.
Политехническій музей (въ Москвѣ) 395—397.
„Посредникъ“, фирма 356, 357.
„Правительственный Вѣстникъ“ 368.
„Православное Обозрѣніе“ 47, 83, 297, 320, 321, 353, 362.
Прага VII, VIII, 11, 12.
Психологическое общество (Московское) 1, 44, 45, 47, 50, 53, 56, 57, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 93, 133, 135, 136, 137, 148, 150, 156, 183, 186, 187, 200, 202, 226, 227, 228, 255, 262, 270, 272, 334 — 336, 340, 341, 344, 345, 353, 354, 356, 357, 364, 268, 372, 373, 386, 390, 394, 397.
Публичная библіотека Императорская 243, 330.
Пушкино 294, 295.

Ранова, р. XIX.
Раненбургъ, г. XXIV.
Рауха, м. 278, 283, 284, 285.
„Revue Philosophique“ 349.
Рейнъ, р. 35.
Рига 231, 303, 311, 339.
Римъ 92, 262.
„Родимый Листокъ“ 349.
„Rozhledy“, чеш. журн. 355.
Рона, р. 291.
Россія VII, 2, 3, 8, 20, 48, 53, 61, 63, 78, 90, 91, 93, 94, 134, 148, 156, 187, 227, 258, 274, 308, 322, 327, 329, 331, 333, 345—348, 378, 391, 392, 393.
„Россія“, газ. 366.
Румянцовскій музей 36, 335, 336.
Румянцовскій скверъ 18, 67.
„Русская Мысль“ 310, 312, 350, 352, 353—356, 363, 364.
„Русская Рѣчь“ 349.
„Русская Старина“ 363.
„Русскій Вѣстникъ“ 242.
„Русскія Вѣдомости“ 352, 353, 357, 364—368.
„Русскій Трудъ“ 365.
„Русскій Филологическій Вѣстникъ“ 363.
„Русское Богатство“ 83, 221, 350—354, 362, — 364.
Рыбинскъ, г. 17.
Ряжскъ, г. XVIII, XIX, XXIV.
Рязанская губернія XVIII, 8, 10, 17, 41, 213.

Сайма (Саймо), оз. 277, 278, 282, 285.
Саратовская римско-католич. семинарія 326.
„Саратовскій Листокъ“ 357.
Севастополь 254.
Сицилія 183.
„Slovanský Přehled“ 367.
Смоленская губ., 248.
Спасскъ, г. 262, 263.
Стокгольмъ 17.
Страсбургъ 24, 26, 27, 34, 69, 168, 339.
Стрѣльна XVIII.
Сызрань, г. 263.
„Сынъ Отечества“ 367.
Сѣверное Нѣмецкое море 8.
„Сѣверный Вѣстникъ“ 46, 218, 290, 353, 363.
Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 19.

Тамбовская губ. 262, 263.
Теплицы, г. (въ Чехіи) 8, 37.
Тіурунньеми, д. 278.
Траунское озеро 11.
Трієстъ 34.
Троице-Сергіевская лавра XVIII.
„Труды Московскаго Психологическаго Общества“ 46, 272, 353, 363.
Тула, г. 219, 221.
Тульская г. XXII.
Турень, г. 373.
Тюбингенскій университетъ 73.
Тюбингенъ 34—37, 74, 340.

Упсала 17.
Урусово, с. XXV.
Училище д-ра Видемана, см. Видемана училище.

„Филологическія Записки“ 366.
„Философскій Ежегодникъ“ 354, 355, 363.
„Философскій трехмѣсячникъ“, ж., (А. А. Козлова) 134.
Финляндія 4, 276—286, 306, 307.
Флоренція 34.
Франкфуртъ 210а.
Франценсбадъ 11.
Франція 324, 373.

Харьковская 2-ая гимназія 75.
Харьковская губернія 41, 91, 135, 137.
Харьковъ 56, 88, 168, 231, 390, 392.
Христіанія 17.

Царицыно, ст. 272, 310.
Царское село XVIII.
Царскосельскій лицей 59.
„Церковно - Общественный Вѣстникъ“ 297.
Церковь св. Екатерины Великомуч. VIII, XI.
Чернава, поч. ст. 213.
Черновцы 349.
„Česká Myšl“ 367, 368.
Чехія VII, 8, 12, 37.
Чикаго 273.
Чугуевъ, г. 135.

Шварцвальдъ 35.
Швеція XIV, 16, 276.
„Školski Vjestnik“ 367.
Штутгардтская королевская библіотека 36.
Штутгардтъ 34.

„Энциклоп. слов. Брокгауза и Эфрона“ 343, 362.

„Южный Край“ 363, 366.
Юридическое общество 194.

Ясная Поляна, им. 207, 216, 246.

ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
8	16 снизу	оставитъ	оставить
„	3 „	радостныхъ	радостнымъ
25	10 „	Мишеле	Мишле
48	13 сверху	и	, ни
58	10 снизу	при Петрѣ III	при Елизаветѣ Петровнѣ
63	13 сверху	Шернока	Шенрока
153	13 снизу	γιγνόμενον	γιγνόμενόν
169	15 „	въ	къ
188	10 снизу	эмпирическое	эмпирической

СОДЕРЖАНІЕ.

стран.

Отъ Издателя . . . . . III—IV

Біографія; характеристика; ученая оцѣнка; воспоминанія.

Изъ юношескихъ лѣтъ Н. Я. Грота. Воспоминанія *О. А. Шебора* . . . . . VII—XXV

I.

Къ біографіи Н. Я. Грота. Оч. *В. И. Шенрока* . . 1— 56

Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. *В. Н. Ивановскаго* . . . . . 57— 88

Н. Я. Гротъ. Статья *Л. М. Лопатина* . . . . . 88— 98

II.

Философскіе взгляды и научная дѣятельность Н. Я. Грота. Очеркъ проф. *П. П. Соколова* . . . . 99—135

Памяти Николая Яковлевича Грота. Проф. *Алексѣя Введенскаго* . . . . . 135—147

Статьи *В. С. Соловьева* (Поминка.—Изъ ст. „Три характеристики“) . . . . . 148—156

Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота. *Ю. Айхенвальда* . . . . . 156—166

Н. Я. Гротъ. Статья *Э. Л. Радлова* . . . . . 167—173

III.

Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора. *Д. В. Викторова* . . . . . 175—185

стран.

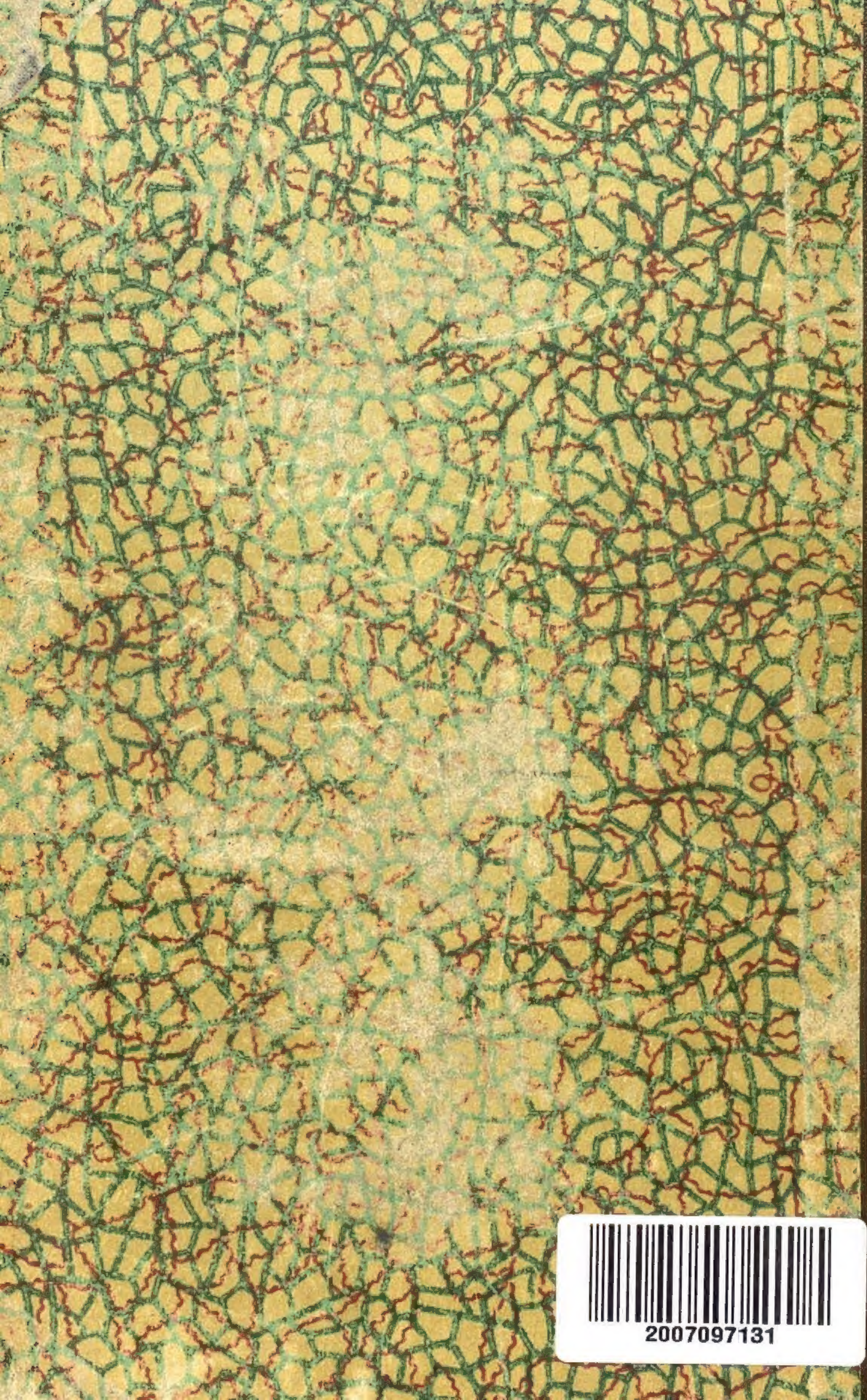
Памяти пр. Н. Я. Грота (некрологъ и воспоминанія) *Г. И. Челпанова* . . . . . 185—196
Изъ воспоминаній слушателя *(А. Ф—ва)* . . . . 196—198
Изъ воспоминаній о Н. Я. Гротѣ. *Л. Е. Оболенскаго* . . . . . 198—207
Воспоминанія *гр. Л. Н. Толстого* . . . . . 207—210а

Изъ переписки Н. Я. Грота.

Письма къ нему гр. *Л. Н. Толстого* . . . . 211—224
Изъ переписки съ *А. Ѳ. Кони* . . . . . 225—235
Письма *Н. Н. Страхова* . . . . . 236—260
„ *Вл. С. Соловьева* . . . . . 261—293
„ *кн. С. Н. Трубецкого* . . . . . 294—316
„ *архіеп. Херсонскаго Никанора* . . . 317—331
Четыре письма Н. Я. Грота къ отцу . . . . 331—336

Матеріалы къ біографіи Н. Я. Грота.

I. Автобіографическій очеркъ . . . . . 339—343
II. Обращеніе Моск. Психол. Общества къ Н. Я. Гроту по поводу его отказа отъ званія предсѣдателя . 344—345
III. Предложеніе объ избраніи Н. Я. Грота въ почетные члены Моск. Психол. Общества . . . . . 345—346
IV. Рѣчь М. Аксенова надъ гробомъ Н. Я. Грота . . 347—348
V. Библіографическій перечень трудовъ Н. Я. Грота. 349—361
VI. Библіографическій перечень статей, очерковъ, отзывовъ и извѣстій о Н. Я. Гротѣ и его дѣятельности . . . . . 361—373
VII. Къ изданію трудовъ Н. Я. Грота:
1. Статья проф. *Е. В. Спекторскаго* . . . . 374—386
2. Статья *В. В. Розанова* . . . . . 386—393
3. Рукописи Н. Я. Грота . . . . . 394—397
Указатели . . . . . 398—407
Поправки 408



2007097131